В.Н.ЧЕРЕПИЦА

ГОРОД-КРЕПОСТЬ ГРОДНО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОРОД-КРЕПОСТЬ ГРОДНО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МЕРОПРИЯТИЯ ГРАЖДАНСКИХ И ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гродно 2005

УДК 940.3 (476)
ББК 63.3 (2) 535-68
Ч 46

Рецензенты: кандидат исторических наук, профессор И.И.Ковкель;
кандидат исторических наук, доцент В.А.Хилюта;
декан военного факультета, полковник А.Н.Родионов.

Рекомендовано советами исторического и военного факультетов ГрГУ им. Я. Купалы

Черепица В.Н.

Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности: монография / В.Н.Черепица – Гродно: ГрГУ, 2006.

ISBN----------

В монографии, написанной в жанре истории повседневности, повествуется о самых разнообразных мероприятиях гражданских и военных властей города-крепости Гродно в годы первой мировой войны, делаются попытки осмысления связи между историческим процессом и повседневным бытом. Книга адресуется историкам и широкому кругу читателей.

УДК 940.3 (476)
ББК 63.3 (2) 535-68
Ч 46

ISBN----------

Черепица В.Н., 2006

ГОРОД – КРЕПОСТЬ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

В богатой истории Гродно есть немало военных страниц. И к какой бы эпохе не относились запечатленные на них сражения и походы наших предков, от этих пожелтевших от времени страниц всегда исходит щемящая сердце горечь утрат и бодрящие телесные силы торжества человеческого духа. Когда смотришь на крутые обрывистые склоны Замковой горы, на остатки мощных крепостных стен, яснее понимаешь, почему наш древний город носит название Гродно. В древних летописях его именовали Гродно или Городень, а в документах губернского периода – Гродна. Огороженная со всех сторон княжеская крепость на высокой горе, омываемая с двух сторон Неманом и Городничанкой, была мощным форпостом Киевской Руси на Западе. Со временем Гродно вышел за пределы Замковой горы, стал городом ремесленников и торговцев, но его важное стратегическое значение неизменно подчеркивалось тем, что он оставался городом-крепостью. И это при том, что в начале XX века его мощные фортификационные укрепления находились уже на далеких подступах к самому населенному пункту.

Число вражеских набегов на гродненскую землю вряд ли можно упомнить. Город горел от огненных монголо-татарских стрел, рушился от набегов немецких рыцарей, был объектом болезненных междукняжеских усобиц, участвовал в разрешении затяжных русско-польских противоречий. Стены города помнят события Северной войны и Отечественной войны 1812 года. Отсюда начинали свой кровавый разбег Первая и Вторая мировая войны. Здесь же в годы Великой Отечественной войны начинали зарождаться и действовать первые антифашистские комитеты и партизанские группы. С древних времен и до последних залпов ушедшей войны город-крепость Гродно многократно являл миру не только подвиги своих героических защитников и освободителей, но и их блестящие полководческие дарования: князь Давыд Городенский, генералы и адмиралы – С.Н. Ланской, В.А. Гейман, А.И. Антонов, С.С. Варков… Их славные имена заслуженно занесены на скрижали нашей ратной истории. В последнее время много делается и для увековечения имен рядовых защитников Отечества. Целая серия книг «Память» укрепляет память сердец благодарных потомков.

Отдавая должное этим благородным устремлениям наших современников, справедливости ради все-таки следует сказать об определенной избирательности при подходе к решению некогда поставленной обществом задачи: «Никто не забыт, ничто не забыто». Чего греха таить, чаще всего смысл вышесказанного распространяется лишь на участников Великой Отечественной войны, а частично, и на тружеников тыла. А разве мы освобождены от такого же гражданского долга по отношению к именам героев более ранних баталий? Ведь в их рядах были такие же наши, к

сожалению, незаслуженно преданные забвению предки. Они кровные, именно наши, не глядя ни на какую смену идеологических ширм. Впрочем, суть дела не только в баталиях, ибо чаще всего их исход решался не только на фронте, но и в тылу. Спрашивается, а за что лишены столь естественной человеческой, пускай даже не поименной, памяти те гродненцы, кому выпала судьба встретить в городе-крепости над Неманом Первую мировую войну, пережить здесь все выпавшие на их долю испытания и лишения? Или же все выстраданное ими в ту пору совершенно не повлияло на жизнь города, страны, и не донеслось глубокой болью до нас, потомков? Конечно же – да, и повлияло, и донеслось, но насколько мало мы знаем о том времени.

Былые политики и историки немало потрудились над тем, чтобы навсегда похоронить подлинную правду о Первой мировой войне. В советское время она неизменно носила на себе клеймо «империалистической», «антинародной», не заслуживающей людской памяти. И лишь только два аспекта этой забытой войны были в ходу у армии тогдашних историков и идеологов: 1) война – как показатель краха самодержавной внутренней и внешней политики России и бездарности ее военачальников; 2) как ускоритель революционизации народных масс и предтеча Великого Октября. Такое одностороннее рассмотрение истории Первой мировой войны, естественно, не позволяло советской историографии увидеть в полном объеме тот «груз», который держал на своих плечах в годы этой величайшей трагедии века народ России – главный субъект исторического процесса. Между тем, в ходе этой вселенской катастрофы мир познал, что такое война народов в буквальном смысле этого слова, что не могло сильнейшим образом не повлиять на все стороны послевоенного развития человечества.

Губернский город-крепость Гродно как составная часть Российской империи встретил войну с полным осознанием своей исторической и военной миссии. Вместе с тем нельзя не заметить и того, что в понимании свершившегося у его многонационального и разноконфессионального населения сложнейшим образом переплелись самые замысловатые варианты развития индивидуальной и коллективной судьбы. Неясные контуры этого столь зыбкого, но почему-то манящего будущего, несомненно, угадывались как в лихорадочной деятельности гражданской и военной администрации города, пытавшейся удержать под контролем все усложнявшуюся ситуацию в быстро ставшем прифронтовом городе, так и в повседневных буднях и заботах о хлебе насущном его жителей. В этих перепадах жизни Гродно находили свое отражение многие магистральные исторические процессы. Феномен влияния мировой войны на судьбы людей, с одной стороны, и воздействия их повседневной жизни (как в данном частном случае, так и в более крупных масштабах) на ход истории, с другой, несомненно, заслуживают своего скрупулезного изучения. Немаловажное значение при этом играет, разумеется, и стремление спасти от забвения годы этой нелегкой для гродненцев жизни, образно говоря, вернуть людям их историческую память.

Для целостного изложения темы за его территориальную основу взят город-крепость Гродно и его окрестности за период с объявления всеобщей мобилизации и начала войны до полной эвакуации его жителей вглубь России, т.е. с лета 1914 года до осени 1915-го. В отдельных случаях для более детального показа того или иного исследуемого явления военной поры (в плане его зарождения и развития) хронологические рамки исследования расширялись в пределах 1913-1917 годов. Автор руководствовался проблемно-хронологическим принципом изложения, однако в полной степени хронологический «разброс» исключить не удалось. Необходимо предварительно отметить, что в настоящей работе не ставилась задача освещения истории Гродненской крепости и хода военных действий как на подступах к городу, так и непосредственно в его границах. То же можно сказать и в отношении эвакуации вооружений и военного имущества из города-крепости и выяснения причин оставления его русскими войсками. Делается это не только по причине наличия работ, посвященных этим вопросам, но и из-за нежелания уходить в сторону от основных целей и задач исследования. Между тем, упомянутые военные действия присутствуют в данной работе и, прежде всего, через установление причинно-следственных связей между деятельностью гражданских и военных властей в городе и событиями, которые происходили на фронте. За основу установления этой взаимозависимости взяты следующие периоды боевых действий российских и германских войск на гродненском направлении: 1) «сентябрьская тревога» 1914 года; 2) участие крепостного гарнизона в боях по оказанию помощи 20-му армейскому корпусу (январь-апрель 1915 года); и 3) сражение у стен Гродно и оставление его частями русской армии (июль-сентябрь 1915 года).

Исходя из того, что в нынешней формулировке данная проблема не была до сих пор предметом специального исследования, автор ее был не слишком обременен в поисках опубликованных источников, обратив основное свое внимание лишь на анализ наиболее крупных трудов последних десятилетий, посвященных Первой мировой войне. Как уже отмечалось выше, все они к избранной нами теме имеют лишь самое общее отношение, а сама крепость Гродно в них в лучшем случае лишь иногда упоминается.[1] В этой связи автору казалось более перспективным обратиться к свежим обобщающего плана изданиям по истории Беларуси. Однако и в них обнаружились изъяны советской поры, надуманные моменты постсоветских лет при освещении причин, характера и хода мировой войны, и все это при полном равнодушии к той многосторонней деятельности, которая проводилась городскими властями прифронтовых городов по оказанию помощи армии и своему населению. Весьма характерно, что еще значительная часть авторов полностью основывает свои суждения на традиционных подходах: «война возникла в результате обострения противоречий между двумя блоками капиталистических государств, ведущих борьбу за передел мира и сфер влияния». Ими совершенно не берутся в расчет такие исследовательские новации последних лет, как указания на то, что «эти противоречия и враждебность между двумя консервативными монархиями зачастую

нагнетались на Западе и в России искусственно (особенно в прессе), причем в силу двойного предательства: внутреннего (со стороны русской интеллигенции – предшественницы нынешних «демократов») и внешнего (со стороны «союзников» по Антанте). Существенную роль в этом сыграло и международное еврейство».

Углубляя данный тезис, известный исследователь О.А. Платонов подчеркивал, что «происхождение Первой мировой войны скрывается в коренных особенностях западной цивилизации, ее стремлении повелевать всем миром. России в этой войне была уготована роль жертвы и пушечного мяса. Англо-германский и франко-германский конфликт, переросший в Первую мировую войну, был противоборством двух хищников за право эксплуатировать ресурсы других стран. В этом конфликте Россия не имела своих национальных интересов. Вовлечение ее в войну произошло под влиянием двух антирусских сил – мирового масонства и агрессивных кругов Австрии и Германии, планировавших захват малороссийских, белорусских, польских и прибалтийских земель». Масонов Франции и Англии волновала не только проблема «отмщения Германии», мировую закулису беспокоило усиление России в начале XX века, возрастание ее роли в славянском мире. В вопросе славянского единства весь западный мир занимал резко отрицательную позицию. Чтобы отвлечь внимание от подлинных виновников поражения русской армии уже в начальный период войны, «пятая колонна» антирусских сил внутри страны использовала свой испытанный прием – клеветническую кампанию против правительства, пытаясь полностью переложить вину на него. Но «вины правительства в поражении не было, ибо в предвоенные годы оно сделало все возможное для строительства государственной обороны. Другое дело, что слишком мало прошло времени с японской войны и первой антирусской революции, оставивших кровавые следы на теле Отечества… Снарядный, патронный голод в русской армии, о котором так много писала либерально-масонская и левая пресса, возник не сразу, а в результате жестоких и многомесячных боев, когда русская армия воевала и за себя, и за союзников, ухитрившихся избегать активных боевых действий в течение полутора лет, с конца 1914 по февраль 1916 года. Если бы союзники сами попали в аналогичную ситуацию, результат был такой же». Оправдывая усилия правительства, О.А. Платонов положительно оценивал на первых порах и роль государственной администрации на местах.[2]

При освещении начального периода войны на Беларуси в большинстве обобщающих работ делается упор на то, что «введение военного положения в белорусских губерниях больно ударило по революционной активности масс». В отдельных случаях такого рода стенания по поводу того, что «большая часть населения на наших землях с введением военного положения лишилась всякой возможности бороться за свои политические взгляды без риска быть наказанными»,[3] выглядят просто абсурдными. Как будто бы войны только для того и затеваются, чтобы активизировать общественно-политическую жизнь, а не наоборот. В «Новейшей истории Беларуси», изданной недавно в Белостоке, сделана попытка провести некую разделительную линию между местным

белорусским населением и как будто бы оккупационной русской армией: «Отступающие на восток русские распространяли необоснованные слухи об издевательствах немецких солдат над православным мирным населением. Под влиянием пропаганды, распространяемой также и в церквах, огромная лавина людей двинулась на восток… В соответствии с принятой тактикой выжженной земли, русские солдаты поджигали опустевшие здания».[4] Разумеется, что упомянутое в той или иной степени имело место (война есть война), но подтекст-то какой нехороший, изначально настраивающий читателя на этноконфессиональный антагонизм.

На страницах большинства работ по истории Беларуси, затрагивающих тему Первой мировой войны, как и прежде, широко используется утверждение об «отсталой экономике страны», «неспособности царского правительства успешно вести войну, мобилизовывать имеющиеся материальные ресурсы, наладить эвакуацию людей и имущества, оказать помощь беженцам». К настоящему времени в Беларуси имеется лишь одна работа, в которой ставится под сомнение такого рода система доказательств «революционного характера войны, ставшей предтечей всемирно исторических свершений». Ее автор Я.Н. Трещенок, в частности, отмечает: «В традиционной историографии преобладает тезис о слабой подготовке России к Первой мировой войне, о «нежелании широких народных масс воевать за российское государство помещиков и капиталистов. Этим объясняется постигшая страну катастрофа. Однако такой подход безмерно упрощает сложнейшую проблему».[5] С последним нельзя не согласиться.

Вышеупомянутая «традиционная историография» – это или совокупность тех самых общих положений, или набор конкретных сведений, с помощью которых подкрепляют (либо даже просто «иллюстрируют») общие положения. В противовес такого рода порочной «методологии» наш современник В.В. Кожинов одним из первых выдвинул свою методологию исторического исследования, которую он назвал «мышлением в фактах». В основу ее ученый положил не только свою уверенность в «неисчерпаемости» конкретного факта, но и искреннее стремление к тому, чтобы факт в «идеале» был представлен таким образом, дабы он мог, как бы сам, «высказать» воплощенный в нем исторический смысл.[6] Этот метод признан достаточно плодотворным и для изучения гродненского аспекта Первой мировой войны.

В плане конкретно-историческом весьма ценным для понимания позиции еврейского населения Гродно в годы войны явилось капитальное исследование А.И. Солженицына «Двести лет вместе (1795-1995)», в особенности его первая часть, увидевшая свет в 2001 году.[7] Вполне естественно, что особое внимание было уделено работам гродненских историков и краеведов – Д.И. Гаврилина, А.Н. Плешевени, И.И. Ковкеля, С.А. Пивоварчика, В.В. Шведа, В.Г. Корнелюка и др.[8] В каждой из них несмотря на разную степень причастности к исследуемой теме было найдено то, что способствовало ее наиболее адекватному освещению. Ближе всех к подымаемым в данной работе вопросам подошел В.Г. Корнелюк, уделивший серьезное внимание количественному анализу нижних чинов, призванных в

действующую армию на территории Беларуси, в том числе и из Гродненской губернии. Им же определен удельный вес гродненцев в числе беженцев и эвакуированных вглубь страны уроженцев западных губерний. Об эвакуации церковного имущества из Гродненской епархии в 1915 году писал исследователь из Польши Д. Фионик.[9] Отдельные факты и сюжеты, имеющие отношение к исследуемой теме, получили свое освещение в статьях С.Н. Базанова, А.С. Сенина, А.Н. Курцева, С.Г. Нелиповича, В. Никитина, Никольского, С. Рыбаса, Е.П.Терешиной и др.[10] Жизнь и деятельность известных гродненских деятелей (Н.Д. Беклемишева, Ю. Иодковского и др.) в годы войны получила свое освещение в работах Мойсеенка А.Г., Игнатовича Ф.И., Тищенко Е.М.[11] Собственно упомянутыми работами и ограничивается круг опубликованных исследований по избранной тематике.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что основным источником для раскрытия мероприятий гражданских и военных властей города-крепости Гродно по обеспечению его обороноспособности и жизнедеятельности в годы Первой мировой войны стали документальные материалы, хранящиеся в фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. Здесь в ходе разработки темы были подвергнуты необходимому анализу практически все архивные источники (более тридцати фондов), имеющие отношение к всеобщей мобилизации, военному строительству, политическому сыску, продовольственному и топливному обеспечению населения и воинского контингента, таксированию цен на продукты и товары первой необходимости, реквизициям на нужды армии, благотворительной деятельности, содействию беженцам, организации эвакуации государственных учреждений и т.д. Преобладающими среди данного вида источников явились документы текущего делопроизводства всех правительственных и общественных учреждений города, а также переписка их с центральными и местными властями. Много важного и ценного для понимания быта прифронтового Гродно дала обширная переписка с представителями самых различных инстанций гродненского губернатора В.Н. Шебеко, коменданта крепости М.Н. Кайгородова, начальника губернского жандармского управления Н.Н. Шамшева, губернского и уездного предводителей дворянства Г.Н. Неверовича и А.И. Ушакова, архиепископа Михаила (Ермакова), городского головы Э.Э. Листовского и др. Большую роль в освещении темы сыграли протоколы заседаний Гродненской городской думы, ряда общественных и благотворительных организаций, а также многочисленные приказы, распоряжения, указы и объявления и др., исходящие из самых различных гражданских и военных ведомств регламентации всех сторон жизни города – крепости Гродно. Отдельные документы по теме получены по запросам автора из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в Москве.

Ценным источником для изучения повседневного бытия прифронтового города следует признать местную периодическую печать, представленную такими изданиями, как «Гродненские губернские ведомости», Гродненские епархиальные ведомости», «Гродненское эхо», «Ziemia Crodzienska»

(«Гродненская земля») и др. В работе нашли свое отражение гродненские фрагменты воспоминаний участников военных событий тех лет: протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского, великого князя Андрея Владимировича Романова, генерала М.Д. Бонч-Бруевича и маршала Р.Я. Малиновского и др.[12]

К этому же виду источников следует отнести «Летопись Гродненского Софийского собора», которую скрупулезно вел в годы первой мировой войны настоятель его, известный в ту пору гродненский историк и краевед, протоиерей Иоанн Корчинский.[13] Народным взглядом на войну и беженство проникнуто все содержание сборника воспоминаний «Бежанства ў 1915 годзе», изданного в Белостоке в 2000 году.[14] Тепло вспоминают беженцев-гродненцев, работавших на ремонте железной дороги супруги Боукал.[15] Несколько страниц интересных воспоминаний о своем участии в строительстве фортов Гродненской крепости оставил потомкам Э. Зденницкий.[16] О состоянии боеготовности русских войск, защищавших Гродно в начальный период войны, писал в своих очерках и репортажах издатель журнала «Летопись войны 1914 года» Д.И. Дубенский.[17] Несомненно, стимулировали и обогащали работу над темой экспонаты и фондовые материалы гродненских музеев: историко-археологического и истории религии.

В целом вся совокупность источников позволила достаточно полно представить внутреннюю жизнь города-крепости Гродно в 1914 – 1915 годах. Более того, в процессе ее изучения автор еще раз убедился в том, что в основе значительных исторических явлений, будь то война, революция и т.д. – все они лишь итог, конечный результат изменений, происходящих в глубинах повседневности, а именно ею и были заполнены действия гродненских властей в годы войны. Разумеется, город-крепость Гродно был не самой крупной точкой на карте Первой мировой войны, дабы претендовать на какие-либо глобальные обобщения, касающиеся послевоенного устройства мира, но разве состоящая из суммы зачастую незначительных фактов реальная человеческая жизнь не дает нам множество примеров того, как можно многое понять в ней, лишь «посмотрев себе под ноги»?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Город-крепость Гродно в канун Первой мирово войны. – Штрихи к портрету гродненского губернатора В.Н.Шебеко. – Секретная телеграмма № 337 из Петербурга. – Приказ № 5 коменданта Гродненской крепости М.Н.Кайгородова. – Что делать с «неблагонадежными?»

Новый 1914-й год для гродненского губернатора генерал-майора Вадима Николаевича Шебеко начинался вполне благополучно. Он не только успешно преодолел полуторамесячный испытательный срок на должность начальника губернии, на которую был назначен по высочайшему повелению 18 октября 1913 года, но и в полной мере вошел в курс местных гражданских и военных дел, обзавелся грамотными, надежными сотрудниками.

Недавно покинувший пост гродненского губернатора П.М. Боярский, желая быть полезным вступающему в должность В.Н. Шебеко, отправил ему 18 октября 1913 года письмо, в котором попытался дать своему преемнику некоторые деловые советы: «Глубокоуважаемый Вадим Николаевич! Сердечно поздравляю Вас с новым назначением и вместе с саратовцами, которые больше моего знают Вас, искренне радуюсь, что Вы снова будете моим заместителем.

15 октября я уезжаю с семьей на юг Франции, так как у меня острое малокровие, и больше в Гродну мы не возвратимся. С грустью покидаю очень интересную и сложную по управлению губернию и всех тех, очень милых и хороших людей, с которыми мы за эти полгода сошлись. Считаю долгом заверить Вас, что в лице вице-губернатора В.В. Столярова, управляющего канцелярией Семена Евфимовича Линника и полицмейстера Александра Федоровича Шкенева Вы найдете отличных работников и людей, которым можете вполне довериться. С остальными, мой Вам дружеский совет, быть осторожными, а особенно с Яблоковым и Ивашинцевым, которые сладко поют, но которым, мое мнение, верить нельзя.

Посылаю Вам план дома и справочную книжку. Мне пришлось много сделать, чтобы привести дом в порядок. Теперь Вам необходима мебель только для частного кабинета (служебный на втором этаже), одной гостиной (серебряная комната), столовой и спальни. В остальных комнатах полно казенной мебели.

Если Вы хотите купить пару резвых серых жеребцов, готов продать за 1500 рублей. Я держал автомобиль и лошадей. Прошу разрешить в одном из погребов оставить до весны упакованное в ящики вино.

Крепко жму Вашу руку. Елизавета Николаевна шлет Вам привет. Искренне Ваш П.М. Боярский.

P.S. Имеется вакансия младшего чиновника особых поручений. Советую привезти кого-нибудь из СПб-га, т.к.здесь отыскать нельзя».

На благодарственное письмо В.Н. Шебеко ответил, судя по всему, помощник Боярского (подпись неразборчива – В.Ч.): «Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Вадим Николаевич! В ответ на Ваше письмо имею честь уведомить, что еще ранее получения его, П.М.Боярский распорядился выслать Вашему Превосходительству карту Гродненской губернии, план г.Гродны и план губернского дома. Приложена также справочная книга Гродненской губернии, проверив которую я сделал необходимым поправки. Вчера получив Ваше письмо, я просил правителя канцелярии немедленно отправить этот материал. Сегодня, в разговоре, Петр Михайлович высказался о следующих особенностях Гродненской губернии. Полонизация, деятельность ксендзов, с которой П.М. пришлось усиленно бороться, еврейское засилье, стремление евреев к нелегальному арендованию земель, к поселению в сельских местностях с целью эксплуатации населения. Эмиграция, в особенности в Америку, тайная, по подложным паспортам.

Очень озабочивала П.М.Боярского местная печать. В Гродне издается маленькая еврейская газетка «Наше утро», для упорядочения которой предложено слить ее с «Виленским вестником», о чем уже сделаны сношения главного управления по делам печати.

Говоря о служащих в Гродне, П.М.Боярский отметил как лиц заслуживающих особого доверия непременного члена губернского присутствия Ромейкова, правителя канцелярии Линника и полицмейстера Шкенева. Полагая, что Вашему Превосходительству при вступлении в губернию, небезинтересно знать мнение Петра Михайловича о ближайших подчиненных, я, конечно, с его разрешения и даже по его желанию, позволяю себе писать это. Великодушно простите, если я написал лишнее.

Город Гродно очень невелик, старая часть города с узкими улицами, грубо мощеными, обрамленными сточными канавами (местная канализация). Освещение электрическое, но весьма слабое. Зелени много.

Губернский дом очень обширен, при нем порядочный сад, великолепная зала. Здание ветхое и были частичные разрушения. При доме – канцелярия, губернское правление, воинское присутствие, типография; здесь же квартира правителя канцелярии. Рядом губернское присутствие.

Как мне известно, П.М.Боярскому приходилось очень много работать, да и по губернскому правлению дел не менее, чем в Саратове. По вопросам эмиграции, полонизации и др. правителем канцелярии уже заготовлены записки, которые, если угодно Вашему Превосходительству, будут немедленно высланы. С искренним уважением и глубокой преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга. 11 октября 1915 г. P.S. По желанию П.М.Боярского прилагаю проект приемов губернатора».[18]

Данная переписка свидетельствует о том, что новый губернатор еще до прибытия в Гродно, благодаря П.М.Боярскому и его помощникам, уже многое знал о ситуации в городе и губернии. Эти знания в последующем пришлись ему весьма кстати

Уже в Гродно, оглядываясь на прожитые десятилетия, Шебеко как потомственный дворянин Могилевской губернии и генеральский сын не мог с удовлетворением не отметить, что все в его жизни пока протекало так, как надо. Позади – Пажеский корпус и Академия Генштаба, успешное продвижение по службе в войсках Киевского и Петербургского военных округов, работа в качестве агента (атташе) в российских военных представительствах в Вашингтоне и Берлине, вице-губернаторство в Саратове, да и сейчас, слава Богу, вниманием Петербурга он не обойден.[19] Предупредительность Боярского, его желание быть полезным Вадима Николаевича умиляли. Впереди виделись еще более заманчивые перспективы. Надежными были у него и «тылы». Его брак с баронессой Маргаритой Шиллинг, можно считать, был вполне состоявшимся: радовали родителей сыновья – 18-летний Федор и 16-летний Владимир. Оба учились: старший в Петербурге – традиционно по военной линии, младший завершал обучение в Гродненской мужской гимназии.

Год еще только начался, а новоиспеченный губернатор уже всерьез подумывал о предстоящем юбилее: 11 июля ему «стукнет» пятьдесят. Хочешь – не хочешь, а это – серьезный возраст, да и положение обязывает встретить его во всеоружии. Разумеется, будут чествования, поздравления, награды… И ко всему этому следует, хотя бы между основными губернскими делами, также готовиться.

И эта большая подготовительная работа протекала естественно и ровно. Однако незадолго до запланированного торжества, 15 июня, в Сараево, на территории Боснии, входившей в состав Австро-Венгрии, сербский патриот Гаврило Принцип несколькими выстрелами убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену, и эти «сараевские выстрелы», прогремевшие вроде бы так далеко от Гродно, не только смазали все-таки состоявшийся юбилей, но и значительно поколебали надежды опытного политика Шебеко на то, что и на этот раз все обойдется. Генерал чувствовал, знал и был уверен, что надвигается до сей поры неведомая миру война, война большая и кровопролитная.

Самые скверные ожидания не замедлили заявить о себе уже в первые дни после шумно прошедшего юбилея. Перед обедом 14 июля 1914 года в кабинет губернатора была принесена «совершенно секретная, спешная» телеграмма из Петербурга № 337 за подписью министра внутренних дел Н.А.Маклакова. В телеграмме говорилось: «Высочайше утвержденным в 13 день сего июня постановлении Совета Министров введено в действие положение о подготовительном к войне периоде, поэтому прошу Вас принять следующие меры: 1) распорядиться, чтобы все причастные к мобилизации гражданские учреждения и должностные лица были вполне готовы на случай объявления мобилизации; 2) озаботиться оборудованием сборных пунктов при управлениях воинских начальников; 3) предоставить военным властям по соглашению с Вами право проверки паспортов; 4) воспретить выдачу военнообязанным паспортов и свидетельств на право перехода границы; 5) обязать всех чинов полиции и жандармских управлений принимать к

немедленному выполнению все требования командующими войсками в округах по охране и обороне подчиненных им районов; 6) возложить всецело на чинов полиции окарауливание и обслуживание всех казенных учреждений гражданского ведомства; 7) принять меры к исправлению в указанном законами порядке дорог, мостов и переправ по указаниям штаба округа; 8) особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок и покушений на ценность заводов, производящих предметы военного снаряжения; 9) сделать распоряжения о подготовке к передаче в распоряжение штаба пограничного округа аэропланов и дирижаблей, принадлежащих к частным воздухоплавательным организациям; 10) возложить на начальников уездных, губернских жандармских управлений, а также на начальников жандармских и полицейских управлений железных дорог, на исправников и начальников уездов обязанность с соблюдением правил «Положения об охране» задерживать лиц, подозреваемых в шпионстве и доносить о сем своему непосредственному начальству, по требованию которых Вам надлежит возбуждать перед МВД ходатайство о высылке означенных лиц из пределов подчиненных Вам районов».[20]

Названная телеграмма, вполне конкретно означавшая о переходе губернии на качественно новое, готовящее ее к войне положение, тем не менее, мало удивила или обеспокоила губернатора, ибо вводимыми в жизнь перечисленными в телеграмме мероприятиями, она как бы расширяла диапазон проводимых в регионе работ. Дело в том, что за день до этого начальник Гродненского губернского жандармского управления (ГЖУ) полковник Шамшев с ведома Шебеко дал соответствующие указания своим подчиненным в связи с планируемой поездкой царя в действующую армию. В жандармском документе об этом говорилось следующее: «Ввиду предполагаемого посещения города Гродны Государем Императором, предписываю в самое непродолжительное время представить мне список лиц с указанием меры, какую, по Вашему мнению, необходимо признать против каждого из них в случае появления в Гродне в дни Высочайшего в нем пребывания. В список должны войти все анархисты, социал-революционеры, наиболее выдающиеся в своей деятельности члены других партий, а также лица, привлеченные к формальным дознаниям. О выезде в г.Гродну лиц, поименованных в списке, мне доносить почтой, а в важнейших случаях телеграфировать».[21]

Проводились предупредительные мероприятия и по линии армейского начальства. 13 июля комендант Гродненской крепости генерал от инфантерии М.Н.Кайгородов подписал приказ № 45, параграф 1-ый которого гласил: «По высочайшему повелению объявляю крепость Гродну на военном положении».[22] В тот же день комендантом было приведено в исполнение «Оповещение о введении военного положения в крепости Гродна и Гродненском общем крепостном районе», на основании которого объявлялись на военном положении следующие волости и гмины: Сувалковской губернии Сейненского уезда гмины – Коптевская и Покровская; Августовского уезда гмины – Щебро-Ольшанская, г.Августов с его землями и гмины – Гольницкая,

Штабинская, Воловичевская, Курьянская, Петропавловская, Балля-Велькская, Голынская, Лабненская. То же распространялось и на Гродненскую губернию: Сокольский уезд, волости – Багновскую, Трофимовскую, Ново-Вольскую, Каменковскую, Зубрицкую, Красностокскую, Романовскую, Маковлянскую, Круглянскую и Гребеневскую, а также на Гродненский уезд, волости – Индурскую, Лашанскую, Лунненскую, Скидельскую, Озерскую, Соболянскую (с посадом Друскеники и его землями), Горницкую, Жидомлянскую, Вертелишскую и Гожскую.

В соответствии с этим документом всем жителям Гродненского общего крепостного района не только объявлялось о введении военного положения, но разъяснялось значение этой предупредительной меры. Контролирующие функции по исполнению вводной меры возлагались на местные административные власти.

В связи с введением в г. Гродно подготовительного к войне периода, «имеющее целью осуществление мероприятий, долженствующих обеспечить успех мобилизации армии и крепости», ее комендант Кайгородов отдал приказ о немедленном осмотре всех помещений хлебопекарен и сборных пунктов и незамедлительном устранении выявленных там недостатков». Тогда же комендантом крепости была утверждена «Инструкция для предупреждения перелетов над крепостью Гродно и ея районом иностранных воздухоплавателей», параграф первый которой гласил о «безусловном запрещении» такого рода попыток. Границами запретной зоны служили: г. Августов, шлюз Сосново, м. Корицин, ст. Черная Весь, м. Крынки, Великая Берестовица, Рось, Пески, Мосты, Щучин, Новый Двор, Марцинканцы, Друскеники, Лейпуны, д. Глембоки Брод, г. Августов. В пределах этого района иностранный летчик, перелетевший случайно границу последнего, обязан был немедленно прекратить дальнейший полет и спуститься на землю. При этом посадка летательных аппаратов не должна была производиться ближе 5-ти верст от передовых укреплений и фортов. С целью облегчения распознания своих аппаратов от иностранных к названной инструкции прилагались таблицы с силуэтами как отечественных, так и иностранных летательных средств.[23]

Вследствие телеграммы начальника Виленского военного округа от 13 июля все полицмейстеры и уездные исправники Гродненской губернии с этого же дня немедленно занялись установкой охраны железнодорожных сооружений «согласно имеющемуся у них списку». Что же касается подозрительных лиц, то уже 14 июля жандармский полковник Шамшев потребовал от своих подчиненных – «проверить негласным путем, проживают ли в настоящее время в городе поименованные в сем списке из 12-ти лиц: Матловский Давид, Трилинг Михель, Бурде Ицке, Гельборт Тауба, Кайгородов Никифор Иванович (сын некоего отставного генерала и значит не имеющего напрямую отношения к своему однофамильцу – коменданту крепости – В.Ч.), Аппельбаум Янкель, Айзенберг Беньямин, Станецкий Израиль, Беренсон Израиль, Глазман Файшил, Голубь Израиль». По оперативным ответам подчиненных полковника в отношении этих

«политически неблагонадежных лиц» следовало, что все они, кроме Матловского, «выехавшего недавно в Америку», Айзенберга, «переехавшего в Каменецк-Подольск», и Голуба, «находившегося в тюрьме», спокойно проживали в г.Гродно по указанным в списке адресам.[24]

Через день список «неблагонадежных» с учетом введенного в крепости Гродно военного положения вырос до 30-ти человек. В него, кроме упомянутых в первом списке, вошли: Вовчек Абрам, Гольдрей Хая, Непрахский Нахман, Коган Абрам, Гурвич Хана-Эстер, Кейдан Фрейда, Ковальчик Франц, Клюк Исаак, Робейков Абрам, Бурминг Арон, Вильнер Исидор, Деречинский Шепшель, Капульский Лейба, Каплан-Паевский Мейра, Кадышес Шмуель, Лагидус Мордухай, Лившиц Груня, Мараш Лейба, Гуркович Абрам, Роутенштейн Моисей, Соболь Давид, Тарловский Вольф, Хвилевицкий Михель, Турцевич Владимир (учитель), Архангельский Николай (мещанин г. Казани), Леген Эраст-Кочан (крестьянин Лифляндской губернии).

Все вышеупомянутые лица брались под негласное наблюдение полиции. Однако 16 июля в ГЖУ был уже составлен и новый список на лиц, «пребывание которых в гор.Гродне (во время Высочайшего проезда) нежелательно. В этот список входило 48 человек. Все они накануне прибытия в город императора должны были быть «временно задержанными». Их имена: Шевахович Лейзер, Пасс Роза-Бера, Космодель Мовша, Шерешевская Роза, Стриев Гелда, Яновицкий Самуил, Крупеня Лея, Вертелишский Эфроим, Зондович Боля, Пасс Лев, Орман Гирш, Веребейчик Монай, Гожанский Давид, Марголис Юдель, Остремский Юдель, Федер Шевель, Клюк Лев, Белох Самуил, Шульковский Яков, Эпштейн Натан, Геллер Гирш, Скидельская Фомча, Ракнер Рива-Двайра, Дворецкий Меер, Иофман Абрам, Блят Шмуэль, Дворецкая Эстер, Вайнштейн Соломон, Высокер Яков, Лейферт Цалько, Станецкий Израиль, Нейман Эфроим, Харлап Абрам, Гордон Ицко, Гутковский Янкель, Куявинский Вацлав, Щупак Мордхель, Левин Хая, Александрович Даниель, Бушейкина Лея, Дымент Нисель, Яновский Лейзер, Иоффе Хая, Яновский Гирш, Резникович Лейба, Хирург-Клячко Моисей, Туровский Янкель.[25] Несмотря на то, что визит императора в Гродно по причине международных отношений так и не состоялся, меры предосторожности против возможных инцидентов были приняты гродненскими стражами безопасности довольно серьезные. Ввиду преобладания в городе количественно евреев, а также их традиционной общественной активности, внимание к ним считалось вполне естественным.

В это же время другая часть гродненцев принимала активное участие в организации денежных сборов на нужды военно-воздушного флота России. По данным журнала «Военно-Воздушный Флот» (приложение к № 3 за 1914 год) особенно отличились в сборе средств, следующие местные комитеты «Особого комитета по усилению военного флота» (председатель – великий князь Александр Михайлович): Волковысский уездный комитет собрал 1.128 руб. 41 коп.; Гродненский городской – 1.238 руб. 45 коп., а Гродненский уездный – 851 руб. 38 коп. Свыше 500 руб. в помощь русской авиации прислали и остальные местные комитеты, председателями которых, как

правило, были уездные предводители дворянства. Всю работу в этом направлении направлял губернский глава дворянства Н.Г. Неверович. За пожертвования на нужды авиации к этому времени были награждены: штабс-капитан 5-й воздухоплавательной роты Гродненской крепости Ф.Ф. Андреев, новогрудский предводитель дворянства М.А. Барсуков, гродненский чиновник С.В. Волоскович, ошмянский волостной старшина И.Ф. Шважас, почетный гражданин г.Слонима В.А.Чичкан и др.[26]

Между тем, подстрекаемое из Берлина австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум с заведомо неприемлемыми условиями. 15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 16 июля император Николай II утвердил указ о всеобщей мобилизации, но к вечеру того же дня отправка этой телеграммы была задержана распоряжением царя начать лишь частичную мобилизацию в четырех военных округах (Киевском, Одесском, Московском и Казанском). Изменение решения Николая было вызвано получением телеграммы от германского императора (кайзера) Вильгельма II. Подталкивая Австро-Венгрию на войну с Сербией, кайзер лицемерно разыгрывал в глазах царя роль «посредника», желавшего якобы только мирного разрешения конфликта. В телеграмме своему кузену (двоюродному брату) Ники Вилли грозно предупреждал, что «военные приготовления со стороны России» ускорят катастрофу и повредят его позиции «посредника». На самом же деле Вильгельм II добивался оттяжки всеобщей мобилизации в России, рассчитывая тем самым на ослабление страны к началу мировой войны в результате незащищенности ее границ. Столкнувшись с этими угрозами, император заколебался. И только на следующий день после долгих уговоров Николай II, наконец, сдался.

В 6 часов вечера 17 июля в обширном зале Центрального телеграфа одновременно застучали все аппараты, оповещая военные и гражданские власти России о всеобщей мобилизации, а утром 18 июля на улицах российских городов, включая и Гродно, уже висели афиши о всеобщей мобилизации. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, через день она вступила в войну с Францией, на следующий день Англия объявила войну Германии. 24 июля войну России объявила Австро-Венгрия. Война приобрела общеевропейский характер, а вскоре превратилась в мировую войну, втянувшую 33 государства с населением 1,5 млрд. человек.[27]

Как же встретила весть о начале войны Россия? Как свидетельствуют почти все письменные источники, -- достаточно спокойно и уверенно. Вот что, к примеру, засвидетельствовал на сей счет в своем дневнике великий князь Андрей Владимирович Романов (двоюродный брат Николая II): «… в России война была встречена с большим подъемом, но без лишнего хвастовства. Все трезво смотрели на грядущие события и ясно осознавали, что война будет тяжелой и упорной. Торжественный молебен и чтение манифеста в Николаевском зале Зимнего дворца произвели на всех глубокое впечатление. Посреди залы наши святыни: образ Спасителя из домика Петра Великого и Казанская Божья Матерь. Когда певчие запели «Спаси Господи», все запели хором и почти у всех на глазах заблестели слезы. Речь Государя еще больше

подняла настроение. В его простых словах звучали силы с неба; казалось, что Господь Всемогущий через него говорил с нами и, когда он сказал: «Благословляю вас на ратный бой», все встали на колени. Особенно сильно было сказано: «Я здесь перед вами торжественно заявляю: доколе хоть один неприятель останется на земле русской, я не заключу мира». Эти слова были покрыты таким «ура», которого никто никогда не слышал. В этом несмолкаемом звуке как бы звучал ответ Создателю на Его призыв стать всем на защиту Родины, Царя и попранных прав нашей великой России. Из Николаевского зала Государь прошел на балкон, выходящий на Александровскую площадь. Вся она была заполнена сплошь народом – от дворца вплоть до зданий штабов. При появлении Государя все встали на колени. В эти короткие минуты Россия переродилась. Самосознание воскресло у всех, чувство долга стало на первое место и вся мобилизация прошла при таком блестящем порядке, которого никто не ожидал. Все шло с такой аккуратностью. Ни одной задержки. Наплыв запасных (резервистов – В.Ч.) у воинских начальников превышал предполагаемую норму. Число охотников (добровольцев – В.Ч.) росло с каждым днем. Железные дороги работали выше всякой похвалы. Ни одного пьяного. Все трезвые…».[28]

Итак, ведущие европейские страны из-за своих внешних и внутренних противоречий столкнули народы в кровавую бездну. Главным инициатором этого рокового события стала кайзеровская Германия, объявив войну России и Франции. Выступая в союзе с Германией, также объявила войну России и Австро-Венгрия. Над Россией, снова как в 1812 году, нависла угроза вражеского нашествия. Равнодушных к судьбе Родины в трудный час для нее не оказалось, ибо в тот момент в русском обществе все политические передряги были отброшены на задний план. И лишь большевики, рассчитывавшие на превращение мировой войны в гражданскую, держались особняком. Однако их удельный вес в составе населения был столь ничтожен, что это дает основание для утверждения, что на борьбу с Германией и Австро-Венгрией, помимо армии и флота, поднялась вся Россия, и начавшаяся война была естественным образом воспринята ею не иначе, как Вторая Отечественная.

Одновременно Россия вступала в эту войну еще и как защитница южного славянства от захватнических посягательств центральных держав, ну и заодно со своими далеко идущими планами – планами присоединения к отечественным территориям долгожданных Черноморских проливов, Восточной Галиции (исконной русской земли), западной Армении и Нижнего Немана. Все это являлось необходимостью для благополучия великой державы и ее народа. Кстати, жители Восточной Галиции и Западной Армении искренне ждали русскую армию именно как освободительницу от ненавистного чужеземного гнета.[29] Подобного рода настроения в стране были преобладающими. В полной мере они подтверждаются и материалами, запечатлившими течение первых дней войны на территории губернии и г.Гродно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Начало войны. – Оглашение Высочайших манифестов и торжественных молебнов в Гродненском Софийском соборе. – Мобилизация. – Формирование Гродненского ополчения. – Активизация строительных работ на объектах Гродненской крепости. – Выражение верноподданических чувств со стороны польского и еврейского населения губернии. – Издержки мобилизации и эвакуации в Слоним.

В двадцатых числах июля 1914 года Высочайший манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией читали по всей империи, служились молебны. Попутно зачитывалось и обязательное постановление от 20 июля об объявлении Гродненской губернии на военном положении.

Введение военного положения на территории Гродно и губернии означало, что с этого времени в этих местностях все гражданские лица подлежат военному суду и наказанию по законам военного времени (до смертной казни включительно) за бунт против Верховной власти и государственную измену; за умышленный поджог или истребление (приведение в негодность) предметов, представляющих ценность для армии; за умышленное повреждение водопроводов, мостов, плотин, дорог, колодцев; за умышленное повреждение телефонной и телеграфной связи, железнодорожного пути, подвижного состава и знаков для безопасности движения и судоходства; за нападение на часового или военного караула.

На основании правил о местностях, объявленных на военном положении, в ведение военного суда передавались все дела о вооруженном сопротивлении властям, о разбое, о грабежах, поджогах. Широко практиковались административные наказания за разные проступки «против порядка и спокойствия» в виде заключения в тюрьме или крепости на три месяца или в виде денежного штрафа до 3000 рублей. Строгие обязательства возлагались на домовладельцев и квартирохозяев в отношении поселившихся у них лиц на срок более 12 часов. Воспрещалась продажа, хранение и ношение огнестрельного и холодного оружия без надлежащего разрешения, включая кастеты, кистени, палки со скрытым в них оружием и т.д.

Воспрещались всякого рода собрания, шествия, уличные и иные манифестации; продажа без разрешения властей газет и журналов, брошюр и книг; запрещалось срывать и повреждать объявления военных и гражданских властей, пользоваться даже в праздничные дни петардами, хлопушками, шумихами и т.д.

По первому требованию полиции должны закрываться окна, балконы, ворота и калитки домов, а также торговые и промышленные заведения. Воспрещалось рабочим и служащим прекращать по предварительному соглашению работы и занятия с целью выразить этим коллективный протест против действий и распоряжений правительства, а также предъявить

требования к закрытию торгово-промышленных заведений путем угроз и насилий над личностью, повреждения этих помещений.

Воспрещалось пребывание на фабрично-заводских и ремесленных предприятиях посторонних лиц, не исключая и депутатов. О возникновении митингов, забастовок и стачек владельцы предприятий должны были незамедлительно сообщать об этом в полицию. Запрещалось оглашение и распространение печатным способом любой информации, побуждающей к нарушению общественного спокойствия и государственного порядка.

Воспрещалось приглашение к сбору пожертвований без соответствующего разрешения властей, разведения и содержания голубей почтовой породы, охота, даже на частновладельческих землях без письменного на то разрешения коменданта крепости.

Категорически воспрещались: бесчинства и озорство, вызывающие недовольство окружающих; появление в публичных местах в нетрезвом виде; вторжение против воли хозяев в их помещение, владение, территорию и т.п.; устройство недозволенного обучения детей или взрослых без соответствующих свидетельств.

Воспрещалось непомерное повышение цен на предметы первой необходимости и продажа их по ценам, превышающим таксы, определяемые местными властями и утвержденные губернатором; тайная продажа спиртных напитков; распространять ложные слухи и т.д.[30]

Вот как описывала события, связанные с началом войны, газета «Гродненские Епархиальные Ведомости» от 24 июля 1914 года. На первой странице ее был опубликован «Высочайший Манифест», текст которого, в частности, гласил: «…Объявляется всем нашим подданным, что следуя своим историческим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и с особой силою проявились братские чувства русского народа к славянам в последние дни… Ныне предстоит уже не заступаться за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство и целость России… В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага. С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие Благословение».

Несколько ниже были помещены слова императора Николая II, сказанные им в Зимнем дворце после молебствия: «Со спокойствием и достоинством встретила Наша великая Матушка Русь известие об объявлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она не была, до конца…».

Другая страница газеты начиналась с «Обращения Святейшего Синода к чадам Российской Православной Церкви»: «Всемогущему Богу в неисповедимых судьбах Его угодно было ниспослать Отечеству нашему новую годину тяжкого испытания… Народ русский в течение своей

многовековой истории неизменно стремился к мирному прохождению своего жизненного пути. Но вместе с тем, народ российский всегда считал своею священной обязанностью защищать слабых и угнетенных меньших братий, родных по вере и по племени, памятуя слова Божии: «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя». Ныне Россия нежданно вовлечена в брань с врагами. Предстоит защищать не только братьев наших по вере, но и постоять за славу нашего Царя, за честь величия Родины.

Воины русские, грядите с Богом на поля брани. Да увенчает Господь оружие ваше победою… Грядите с глубокою верою в то светлое дело, которому служите. Вера – оружие непобедимое. Бодро идите в бой: знайте, что Святая Церковь Христова непрестанно будет молиться ко Господу, да сохранит Он вас невредимыми и под кровом Своим и да дарует венец вечного царствия тем, коим суждено будет пасть в славном бою.

Братья и сестры о Христе. Мужайтесь, будьте тверды в Вере, будьте все едино. Возгрейте пламень любви, углубите источник милосердия к женам и детям братий наших на поле брани сущих.

Архипастыри и пастыри Церкви Русской. В наступившее тяжелое время испытаний одобряйте паству Вашу, укрепляйте ее в вере православной, охраняйте ее от всяких соблазнов, направляйте жизнь ея по заповедям Божиим. Поддерживайте в народе любовь к Церкви и Родине. Сугубо творите молитвы, моления, прошения за все человеки, в бедах войны сущие.

Будем молиться Богу, да дарует он нам и союзникам нашим победу над врагом… Да прекратит Господь своею всемогущею силою великую брань и распрю народов, да вразумит врагов наших, да ниспошлет земле нашей скорый мир…».

В связи с манифестом от 20 июля 1914 года Святейший Синод определил для православного духовенства проведение следующих мероприятий: 1) Высочайший манифест обнародовать прочтением после божественной литургии в городах и селах; 2) при обнародовании Манифеста совершить молебствия ко Господу Богу, вседневные молитвы о победе над врагами; 3) во всех церквах приносить молитвы Господу Богу о даровании победы христолюбивому воинству; 4) призвать монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов, на вспомошествования семействам лиц, призванных на войну; 5) во всех церквах установить особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны; 6) призвать монастыри, общины и все духовные учреждения к отводу помещений под госпитали, а также к подысканию к подготовлению способных и благонадежных лиц для ухода за ранеными и больными воинами…».

Синод определил также – «поручить епархиальным преосвященным сделать распоряжения о немедленном образовании в каждом приходе особых попечительских советов о семьях лиц, находящихся в войсках». В ответ на это последовало тотчас же обращение архиепископа Гродненского и Брестского Михаила (Ермакова), озаглавленное «Пастырям и пастве Гродненско-

Брестской благодать и мир от Бога Господа нашего Иисуса Христа: «Наступили дни тяжелых испытаний для родины нашей… Теперь не время праздности. Не должно поддаваться и малодушию; в особенности пастыри должны являть для паствы пример духовной бодрости и мужества, призывая и возбуждая пасомых к вере в промысле Божий, к твердому упованию на милость Господню и ни в коем случае не оставлять пасомых даже в самые тревожные часы и дни… Долг пастыря – увещевать пасомых, чтобы они не верили неосновательным слухам и спокойно отдавались труду и молитве в надежде на милость Божию… Долг христианина требует от пастырей и прихожан уделять доброе внимание семействам воинов и оказывать им возможную помощь… Призываю Божие благословение на пастырей и пасомых вверенной мне Богом Гродненско-Брестской епархии».

Сразу же после объявления войны России со стороны Германии и Австрии к православным христианам и духовенству города со специальным воззванием обратилось Гродненское Софийское православное братство: «В великий и грозный час испытаний, ниспосланным нам Провидением – верим для нашего очищения и возрождения – особенно благовременно братствам Гродненской епархии оправдать то доверие, которое недавно было оказано возлюбленным нашим Государем Императором, принявшим наши братства под свое высокое покровительство.

Вся земля русская посылает своих сыновей для защиты чести и достоинства русского имени и своего достояния, для отражения врагов призваны и те, которые, отбыв военную повинность, занимались мирным трудом. Ныне семейства призванных воинов остались без работников–кормильцев. Наш долг, как христиан и братчиков помочь им.

Одного только словесного сочувствия и утешения недостаточно: необходима помощь на деле. Наши защитники на поле брани оторваны от мирного труда в то время, когда не убран еще хлеб и когда не обсеменены озимые поля. Настоит крайняя и спешная необходимость помочь семьям запасных (призванных в армию из резерва – В.Ч.) в этих важных, но непосильных для них работах. Удвоим труд, напряжем все силы, -- тогда Господь поможет нам и врага одолеть, и семьи призванных на войну обеспечить пропитанием. Святая Православная Церковь, Царь, Родина и лишенные работников семьи ждут от братств и братчиков этой великой и святой жертвы. Поспешим все, кто может и как может совершить это великое дело милосердия и братолюбия.

К Вам, пастыри Св. Церкви, прежде всего обращается Софийское братство: своим теплым словом, нравственным влиянием и добрым примером воздействуйте на пасомых. Внушайте им, что в настоящую тяжелую годину наша святая обязанность – работать насколько хватит сил не только на себя, но и на пользу ближних, и что, помогая семьям воинов, мы доставим нашим защитникам душевное утешение и спокойствие за судьбу и достояние их родных.

И всех Вас, дорогие братчики, братство Софийское умоляет придти на помощь своим трудом семьям тех, которые пошли на войну за всех нас. Не

оставьте поля их несжатыми и необсемененными. Не лишайте их хлеба насущного, не допустите с тоскою смотреть на незасеянную ниву и лить неутешные слезы. Да будет всем радостно исполнить заповедь Господню о любви к ближним.

Верьте и знайте, что Господь милостиво призрит на Вашу любвеобильную помощь ближним и благословит Вас во всех делах Ваших…».[31]

Под этим обращением Софийского братства поставил свою подпись его почетный председатель архиепископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков).

Осознавая огромную значимость сохранения общественного порядка во время войны, гродненский губернатор В.Н. Шебеко 9 августа 1914 года обратился со специальным письмом к начальническому составу губерний, в котором изложил свое отношение и к возможно нежелательному в связи с войной брожению среди части населения города. «Ближайшая задача власти при настоящих условиях, – писал он, – возбудить к себе всеобщее доверие. Задача эта обязывает всех должностных лиц проявить прежде всего непрестанную и деятельную заботу о семействах чинов, призванных на действительную военную службу и, вообще, о лицах, интересы коих будут серьезно нарушены военными событиями. Проявление подобной заботы со стороны властей, несомненно, отзовется умиротворяющим образом на всех слоях населения. При настоящих условиях надлежит с особой зоркостью следить за настроением населения и за деятельностью злонамеренных лиц, сеющих в его среде ложные слухи с целью вызвать в народе недоброжелательство к правительству и склонить их к нарушению закона и порядка… Считаю своим долгом призвать представителей государственной власти на местах действовать в подобных случаях решительно и быстро… При создавшихся условиях власть должна быть настолько же благожелательной и близкой к населению, сколько грозной и жесткой для нарушителей закона и общественного спокойствия…

Я остаюсь в твердой уверенности, что дружная самоотверженная работа всех подведомственных мне чинов, вдохновляющая горячей любовью к престолу и родине, создаст на местах условия, при которых станут невозможными серьезные беспорядки и посягательства на имущества мирных обывателей».[32] Данное обращение, судя по всему, было положительно воспринято чиновниками губернии всех рангов. Однако не все в решении поставленных задач зависело от их действий. Существовали причины, зачастую сводившие их усилия к нулю, и главными среди них была не только война, вызывавшая беды и лишения народа, но также внутренние и внешние политические силы, немало спекулировавшие на этом и своей деятельностью усугублявшие существующие несчастья.

Между тем, власти в центре и на местах немало делали для разъяснения целей и задач начавшейся войны. Начиная с осени 1914 года в Гродно и уезде получили широкое распространение (бесплатно) издания для народного чтения, «в коих кратко освещались бы в доступном изложении важнейшие военные действия нашей армии и армии наших союзников, обстоятельства,

послужившие поводом к войне, условия при коих война ведется нашим врагом и т.п.». Их выпуском занимался «высочайше» утвержденный с начала войны, в столице «Комитет народных изданий». Местные власти, а также духовенство приложили немало усилий по оперативному и равномерному распределению среди населения таких брошюр, как: «Великая война» (14986 экз.), «Наша слава» (15000 экз.), «Три месяца войны» (15000 экз.), «Великая война (10000 экз.) – 1914 год; «Отторженная возвратих» (1000 экз.), «Оборона Осовца» (15000 экз.), «Как немцы обращаются с русскими пленными» (15000 экз.), «Война и Государственная Дума» (15000 экз.), «Что даст России победа» (12500 экз.), «Русский солдат» (10000 экз.), «Попечение о солдатских семьях» (16250 экз.) и др. Получаемые из «Комитета» издания, как правило, распространялись через уездных предводителей дворянства и земских участковых начальников. Понимая, какую огромную помощь в этом деле может оказать Церковь, губернатор В.Н. Шебеко обратился 30 августа 1914 года с письменной просьбой к архиепископу Гродненскому Михаилу (Ермакову) о «желательности, чтобы приходские священники взяли бы на себя труд в собеседовании с прихожанами знакомить их с содержанием распространяемых изданий. Владыка дал ответ губернатору уже на следующий день: «имею честь уведомить, что не встречая со своей стороны препятствий к осуществлению изложенного в Вашем письме предположения, мною сделано распоряжение приходским священникам о содействии к распространению среди городского и сельского населения изданий с кратким изложением в доступной форме военных действий наших армий и армий союзников».[33] Училищный совет при Святейшем Синоде выпускал в больших тиражах популярные очерки и рассказы о начавшейся войне А.Ф. Платонова «Не в силе Бог, а в правде», адресованные для школ и народа.

Широко распространялись на Гродненщине и «народные издания» Д.Г. Булгаковского против пьянства (более 30 наименований). Особой популярностью среди гродненцев пользовалась его брошюра «Во время войны что должен делать и помнить русский народ» (СПБ., 1914).

Знакомство с коллекцией этих изданий, их содержанием и иллюстрированным оформлением, свидетельствует, что это были не просто «агитки», хотя отдельных элементов, присущих этому жанру, и трудно было избежать, а чаще всего материалы, составленные со знанием дела, с широким привлечением реальных фактов, почерпнутыми авторами данных изданий из самой жизни, а также анализа событий на фронтах войны.

В военное время активизировалась деятельность самых разных библиотек. Фронтовые части обслуживались как официальными библиотеками-передвижками, армейскими библиотечками, книгоношами, так и нелегальными мобильными «летучими» библиотеками антиправительственных партий (большевики, эсеры, эсдеки и пр.).

Одни библиотекари, подчас под обстрелом врага, устраивали громкие читки книг, брошюр и газет, призывавших к борьбе до победного конца, стойкости воинского духа, крепкой военной дисциплине, верности присяге. Другие библиотекари, подвергаясь не меньше опасности, тайно проводили негромкое

чтение запрещенных листовок и прокламаций с призывами к свержению «прогнившей николаевщины», братанию с врагом – немецким и австро-венгерским пролетарием», подстрекавших солдат к непослушанию военному начальству, самовольному оставлению фронта, обосновывавших «необходимость перерастания империалистической войны в гражданскую».

Общая тональность этой продукции – предельная злобность, непримиримость. С другой стороны, надо признать, что эти «труды» были написаны доступным языком, с глубоким пониманием психологии и характерным лозунговым стилем: «Кто виноват, что ты сидишь в окопе, голодаешь и мерзнешь? Дворяне, богачи и главный богач Царь. По чьей вине каждый день гибнут твои товарищи? По вине Царя и царских генералов, которые жируют и пользуются всеми благами жизни».

Революционным библиотекам в армии противостояли государственные библиотеки. В Гродно их было несколько. Они действовали легально, под защитой закона. Фонды их состояли из достаточно сильных в художественном и идейном смысле произведений: Шишкин «В борьбе за Родину»; Разина «Бородинская битва», «Слава Севастополя»; Ефимов «Царь-освободитель Александр II»; Вас.Немирович-Данченко «Плевна и Шипка», «Вперед», «Рядовой Неручев», «За далеких братьев»; лубочных изданий «Витязь Новгородский»; «Еруслан Лазаревич» и др.; серии изданий «Союза Русского Народа», «Союза Михаила-архангела»; издания Троице-Сергиевой Лавры; журналов и газет: «Душеполезное чтение», «Кормчий», «Церковный весник», «Русский паломник», «Родина» и др.

Так почему же степень воздействия этих изданий на солдатскую массу уступала влиянию на нее революционной литературы? Ответить на этот вопрос помогает известная фраза: «Революция делается на отбросах». Если религиозно-патриотическое направление было обращено к высокой, светлой, жертвенной стороне человеческой души, то революционно-богоборческое направление апеллировало прежде всего и более всего к самым темным, корыстолюбивым, животным закоулкам человеческой психики.. Если первое призывало к терпению, великодушию, бескорыстию и самоотречению ради спасения России в смертельной битве, то последнее обещало солдатам безнаказанный уход с передовой в тыл, уверяло их в неоспоримом классовом превосходстве над «буржуем» и «их благородием», провозглашало право «грабить награбленное». Чтобы окончательно усыпить совесть, утверждалось, что именно посредством такого революционного лиходоимства на земле наступит «светлое будущее», причем через самый непродолжительный срок. Следует признать, что в подобных обстоятельствах темная, звериная область человеческих душ чаще подавляет область светлую и альтруистскую.

Имелись и объективные причины: долгая и малоудачная война, существовавшая в обществе социальная несправедливость. Как правило, первоначально недовольство солдат вызывала бытовая неустроенность: задержка замены рваных сапог новыми. Перебои в доставке хлеба и горячей пищи в окопы, обеды из селедки, удлинение сроков отправки в ближайший тыл на отдых и т.п. Это недовольство мгновенно подхватывали и разжигали

революционные агитаторы. Постоянными темами солдатских бесед становились разговоры о несправедливом положении рабочих и крестьян, эксплуатации их «барами и господами», необходимости как можно скорее, на любых условиях закончить войну. Такие настроения, естественно, поднимали спрос на нелегальную литературу. Ее распространение облегчалось благодаря боевой обстановке. Начальство умерило требования по соблюдению уставов, заметно реже проводило осмотр солдатских сундучков, вещмешков и постельных принадлежностей на предмет обнаружения недозволенной литературы. Но фронтовая обстановка одновременно и затрудняла деятельность распространителей нелегальной литературы: воинские подразделения часто перебрасывались с одного боевого участка на другой, вследствие чего на время прерывалась связь Центра с «первичками».

Важно подчеркнуть, что, несмотря на усилия революционеров, значительное большинство солдат плохо поддавались тайной агитации. Перелом в их сознании произошел после февраля 1917 года.

Разделение российского воинства на два враждующих лагеря быстро приближало военную катастрофу. По воспоминаниям ветеранов Первой мировой войны, особенно тяжко чувствовалась атмосфера междоусобия в лазаретах и госпиталях. К примеру, днем сестры милосердия, сиделки читали раненым религиозные произведения, несшие надежду, утешение и веру в скорое выздоровление и возвращение к нормальной жизни. Любили солдаты и офицеры чтение военных рассказов и повестей об истории победных сражений русских богатырей Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, Нахимова и Скобелева. Исторические примеры доблести, чести и верности воинов минувших поколений вдохновляли на подвиги новых героев, коих в Первую мировую было немало.

Но ночью в палаты подбрасывались брошюры и агитки, доходчиво объяснявшие, что виновниками их теперешних страданий являются царь и «царица-немки», что верить и ждать помощи надо не от Бога, а от сознательного авангарда рабочего класса.

Известно, какое большое влияние имеет моральное состояние раненых воинов на их чисто физическое восстановление. В армии побеждающей и идейно единой количество выздоровевших и заново вернувшихся в строй существенно больше, чем в армии отступающей или раздираемой внутренним противостоянием. Известно, что боевой дух солдат и офицеров определяется не только личной смелостью и профессионализмом, но и твердым идеологическим основанием, верой в правоту борьбы, единым стремлением к победе «одной на всех». Поэтому несомненно, что гнетущая болезненная атмосфера разделенности, общий разлад в умах стали важным стратегическим фактором неудач русской армии в 1914 – 1915 годах.

А одним из источников такого разделения и разлада объективно следует признать книги, газеты и листовки, обильно поставляемые в прифронтовые районы самыми разными библиотеками. И Гродненский крепостной район в этом отношении не был исключением.[34]

Что касается конкретного реагирования церковных гродненских властей и духовенства на царский манифест и обращение Святейшего Синода, то оно нашло отражение в разделе «Хроника» епархиальной газеты:

«В воскресение, 20-го июля, Его Высокопреосвященство Михаил, архиепископ Гродненский и Брестский с Преосвященным Владимиром, епископом Белостокским, в сослужении соборного духовенства, совершил в кафедральном Софийском соборе Божественную литургию и молебен о даровании победы русскому оружию по случаю объявления 19 июля Германией войны России. Перед молебном Его Преосвященство сказал глубоко прочувственное и назидательное слово по поводу переживаемых исторических событий».[35]

За лаконичными строками епархиальной хроники не без определенного смысла укрывались на самом деле события более драматичные. О них поведал в своих воспоминаниях протопресвитер русской армии и флота, могилевчанин (как, впрочем, гродненский губернатор и комендант таможней крепости) Георгий Шавельский: «8 сентября 1914 г. в г. Гродно я долго беседовал со своим земляком, комендантом Гродненской крепости, генералом от инфантерии М.Н. Кайгородовым.

«Ужасные минуты переживали мы после объявления войны, – рассказывал он мне, – крепость наша тогда еще не была закончена. Недостроенные форты стояли без орудий (потом орудия были привезены из крепостей Осовец и Ивангород – Г.Ш.). В момент объявления войны граница против крепости и самая крепость охранялись всего тремя полками 26-й пехотной дивизии, одним полком 43-й дивизии и 26-й артиллерийской бригадой. – Это была вся наша сила. Два полка стояли на самой границе, два позади ее. А против этой крошечной силы стояли три или четыре немецких корпуса. Что им стоило опрокинуть нас и идти триумфальным маршем на Гродно и дальше. Ужас охватил население Гродно. 20 июля, в 4 часа дня, Гродненский архиепископ Михаил с духовенством служил на площади молебен перед вынесением на площадь святыней – Коложской иконой Божьей Матери. Собрался весь город. Стон стоял от рыданий толпы… В этот вечер Вильгельм повернул свои корпуса на Францию. Гродно было спасено».[36]

Вероятно, по причине этого морально-психологического состояния части жителей церковные службы в храмах города были вновь продолжены лишь через день. Это подтверждает и газетная хроника:

«Во вторник, 22-го июля, в день тезоименитства императрицы Марии Федоровны Божественную литургию в кафедральном соборе совершил Преосвященнейший епископ Владимир (Тихоницкий – В.Ч.) в сослужении соборного духовенства. По окончании литургии отцом протодиаконом был прочтен Высочайший манифест о войне Германии с Россией. Молебен совершен архиепископом Михаилом и епископом Владимиром в сослужении духовенства г.Гродны в присутствии военных и гражданских властей во главе с комендантом крепости и начальника губернии, и значительного количества народа…».

Судя по материалам «ГЕВ», литургии и молебны осуществлялись в гродненских соборах и церквах ежедневно, а в воскресенье, 27 июля, «епископ Владимир в сослужении соборного и городского духовенства совершил в соборе Божественную литургию и после прочтения Высочайшего манифеста об объявлении Австрией войны России и воодушевленного слова архипастыря провел молебен о даровании победы русскому и союзному оружию. В соборе присутствовали представители власти и много народа.

В среду, 30 июля, в день рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича, после Божественной литургии, совершенной в кафедральном соборе в сослужении соборного духовенства Преосвященным Владимиром, был совершен архиепископом Михаилом и епископом Владимиром благодарственный молебен, а затем молебен с молитвенным призыванием благоволения Божия на отправляющихся в действующую армию врачей, братьев и сестер милосердия. Высокопреосвященный архиепископ Михаил сказал отправляющимся на поле священной брани для подвига милосердия задушевное слово назидания, окропил всех святой водой и благословил крестиками».[37]

На фоне этой демонстрации единения светских и церковных властей с царским правительством в городе проходила мобилизация, осуществлялась масса других действий, связанных с началом войны. Стали проявляться и нежелательные, но столь типичные в такое время явления, как паника. Сведения о ней зафиксированы в «Летописи Софийского собора: «18 июля 1914 года пронеслась грозная весть о мобилизации русских военных сил. 20 июля последовал Высочайший манифест по поводу объявления войны Германией России. Но уже 19 июля началось бегство ряда жителей из Гродны. На вокзале начало твориться что-то невообразимое. Уезжали семейства служащих, военных, чиновников, духовенства и частных лиц. Станция железной дороги была завалена горами багажа (ящиков, корзин, тюков и т.п.). Тысячи людей не только на перроне, но и на полотне железной дороги стояли по 12-20 и более часов, ожидая возможности войти в вагон. Начали прибывать войсковые части…».[38]

Надо полагать, что указания «Летописи» на «бегство ряда жителей из Гродны» – это лишь чувственное отражение тех реалий, которые последовали спонтанно на почве естественного беспокойства, охватившего людей. Между тем, дабы избежать этих неорганизованных действий, в губернских и городских учреждениях имелись на такого рода ситуации особые инструкции и документы, серьезнообновленные незадолго до начала войны. Известно, что в конце 1912 года штабом Виленского военного округа были разработаны и доведены до сведения гродненского губернатора «Временные правила» по эвакуации населения и имущества в случае войны. На основании этих документов гродненским губернатором был определен перечень учреждений, на которые распространялись «Временные правила». К ним относились: канцелярия губернатора, губернское правление, губернская тюремная инспекция, губернская чертежная, губернское присутствие, губернская землеустроительная комиссия, губернское по городским делам присутствие,

губернский комитет по делам мелкого кредита, дворянское депутатское собрание, приказ общественного призрения, управление почтово-телеграфного округа, казенная палата, Губернский распорядительный комитет, гродненское отделение госбанка, губернское акцизное управление, управление земледелия и госимуществ, окружной суд, контрольная палата, духовная консистория, гродненский епархиальный училищный совет, уездный предводитель дворянства, гродненская городская управа, гродненская женская гимназия, гродненская мужская гимназия, гродненское реальное училище, центральная акушерско-фельдшерская школа, гродненское городское полицейское управление, гродненское уездное полицейское управление, губернское по военным делам присутствие.

В предписании к указанным правилам все вышепоименованные учреждения должны были в срок до 5 февраля 1913 года представить губернатору в двух экземплярах сведения о казенном имуществе и имуществе семейств служащих, подлежащих вывозу из пределов округа по обстоятельствам военного времени. Срок для эвакуации имущества назначался с 4-го дня по 8-ой, а выезд семейств служащих указанных учреждений – с 3-го по 7-ой день после объявления мобилизации. Пунктами вывоза казенного имущества должны были стать «преимущественно крупные центры восточнее реки Днепра, связанные железной дорогой и по возможности прямого сообщения». Каждому учреждению надлежало озаботиться разработкой плана своих действий по обеспечению своевременного вывоза казенного имущества и семейств служащих. Распоряжения губернатора, касающиеся эксплуатации имущества и служащих правительственных учреждений, а также членов их семейств являлись обязательными для всех ведомств, кроме военного.

Во «Временных правилах», утвержденных в 1912 году временно командующим Виленским военным округом генералом Шкинским, в разделе «О вывозе казенного имущества правительственных учреждений», в частности, говорилось, что «с объявлением войны из пограничной полосы округа вывозятся внутрь страны: а) народные святыни; б) документы, имеющие государственное значение; в) излишние денежные знаки и документы». Тут же в примечании к этому разделу указывалось, что «архивы присутственных мест к вышеупомянутым категориям не относятся». К святыням же относились: государственные символы, старинные иконы, портреты государей, древние грамоты и акты, имеющие историческую художественную ценность.

С момента объявления войны все мероприятия по эвакуационным планам осуществлялись согласно существующим правилам, но уже 22 июля 1914 года гродненский губернатор на основании циркуляра МВД сообщил начальникам подчиненных ему учреждений о том, что «дальнейшая эвакуация может быть допущена не иначе как по требованию командующих округами, армиями и командующих крепостей в силу соображений военного характера». Впрочем, последнее относилось преимущественно к почтово-телеграфским чиновникам, к чинам полиции, жандармерии и «лицам, ведающим общественным спокойствием и государственной безопасностью». Все они должны были

исполнять свои обязанности до тех пор, пока на то не будут даны сверху особые указания.

В 20-х числах июля в Гродно было получено «Положение о вывозе на счет казны правительственных учреждений служащих и их семей», утвержденных 17 июля 1914 года начальником генштаба генерал-лейтенантом Янушкевичем и начальником отдела военных сообщений генерал-майором Ронжиным, которое в значительной степени упорядочивало, а где-то и отменяло порядок применения «Временных правил». В связи с этим в письме гродненского губернатора В.Н.Шебеко к начальнику Гродненского отделения ЖУ Северо-Западных железных дорог от 21 июня появилось упоминание о городах Волковыске и Слониме как о тех местах, куда могут быть временно эвакуированы губернские и городские учреждения, «в зависимости от хода военных действий и размеров угрозы г. Гродно».

31 июля 1914 года по распоряжению губернатора «для оценки имущества, оставляемого в случае выбытия из г. Гродно служащих гражданских правительственных учреждений по обстоятельствам военного времени была образована «Особая комиссия». В ее состав вошли чиновники Гродненского губернского правления. Согласно с распоряжением этой комиссии, все лица, желающие определить стоимость своего имущества перед оставлением города Гродно, могли подать не позднее 2-го августа в означенную комиссию соответствующее заявление с целью получения удостоверения об оценке своей движимости. Помимо «Положения о вывозе имущества», гродненские городские власти при организации эвакуации гражданских учреждений руководствовались «Правилами перевозки служащих и их семейств», а также «Расписанием суточных и пособий на вывоз семейств служащих», утвержденных в генштабе генералами Янушкевичем и Ронжиным 28 июля 1914 года. Реальный вывоз губернских учреждений из г. Гродно начался 29 июля того же года.

В тот же день гродненский губернатор Шебеко обратился к начальнику Двинского военного округа с ходатайством о начале вывоза из подведомственных ему учреждений г. Гродно ненужных для их текущей работы казенных грузов. Такое разрешение в тот же день по телеграфу было получено, после чего военное начальство потребовало от губернских властей представить экстренным способом (до 12 августа) сведения о количестве пудов казенного груза, без которых может идти нормальная текущая работа в каждом учреждении. Сообщалось также, что «день доставки этих грузов на станцию Гродно для последующей отправки в г.Слоним будет указан дополнительно».

Следует указать на то, что первыми начали эвакуироваться из города семьи не чиновников, а военных и жандармов. Так, еще приказом № 11 от 17 июля 1914 года по Гродненской крепости, т.е. до начала войны, были приняты все необходимые меры по выселению из крепостного района как семейств военнослужащих, так и семейств служащих в крепости по вольному найму. Ввиду объявления Гродненской губернии на военном положении и вполне вероятной возможности вторжения на ее территорию неприятеля, начальник

Гродненского ГЖУ полковник Шамшев в течение 20-21 июля 1914 года выслал в г. Полтаву на имя таможнего начальника ГЖУ по железной дороге основную часть своего казенного имущества и часть документальных материалов своего управления. Тогда же стали эвакуироваться в г.Полтаву, в г.Новгород-Северский Черниговской губернии, в Вятскую и Вологодскую губернии, а также по месту жительства родственников и близких служащих местного ЖУ, члены их семейств. В отношении же иных категорий жителей города начальник военных сообщений Виленского военного округа 22 июля телеграфировал Гродненскому губернатору о том, что «вывоз лиц и имущества гражданских учреждений и духовного ведомства будет произведен без всяких планов перевозки, а распоряжением заведующего передвижением войск Виленского района в сроки и с тех станций посадки и погрузки, которые были ранее определены».

События на передовой, приближение фронта к Гродно вынуждали губернатора вносить определенные коррективы в порядок эвакуации. Уже в конце месяца он предписывал городским властям: «В целях сохранения от могущего произойти при вторжении неприятеля в пределы Гродненской губернии истребления хранящихся в архивах Гродненских управлений дел и документов, имеющих археологическую ценность или историческое значение, подлежит обязательному вывозу, а при невозможности этого скрытию их в безопасное место. Предлагаю в трехдневный срок составить указания к делам и документам, а описи и таковые представить мне. При этом считаю необходимым указать, что о времени вывоза или скрытия дел и документов мною будет сделано особое распоряжение».[39]

К числу первых эвакуационных мероприятий городских властей следует отнести благополучный перевоз особо опасных преступников из Гродненского тюремного замка в Смоленскую уголовную тюрьму. За эту операцию, проведенную 25-29 августа 1914 года, гродненский губернатор В.Н. Шебеко объявил начальнику местной тюрьмы Л.В.Свекло благодарность.

Генеральной репетицией эвакуационной деятельности губернских и городских властей стал вынужденный переезд всех гражданских учреждений Гродно в г. Слоним. В архивных материалах часто встречается лаконичная и требовательная телеграмма губернатора от 3 сентября 1914 года начальникам всех ведомств города: «На основании распоряжения коменданта Гродненской крепости предлагаю всем безотлагательно выехать из г.Гродно в г. Слоним. Последний поезд отходит сегодня со ст. Гродно в семь часов вечера».

Пребывание в Слониме было сопряжено с массой административных и жилищно-бтовых проблем, решения которых даже для опытных администраторов было делом архисложным. По причине оставления квартир и имущества в Гродно многие служащие предпринимали всеми правдами и неправдами наведывание губернского города. Начальство с этим было вынуждено бороться. Так, 6 ноября 1914 года исполняющий дела гродненского губернатора В.В. Столяров оповещал в Слониме все эвакуированные сюда учреждения: «В виду имеющихся сведений о возвращении на жительство в г. Гродну и крепостной район без надлежащего

разрешения лиц, служащих в правительственных и общественных учреждениях, я, по распоряжению коменданта крепости, прошу вас предупредить служащих, что возвращающиеся самовольно обратно в Гродно семьи, в случае необходимости нового выезда из крепости, правом на бесплатный проезд и получение других льгот и видов пособий пользоваться не будут и обязаны будут выселены из города за свой счет». Комендант же крепости 9 ноября отдал приказ о запрете возвращения служащим и членам их семей в Гродно без соответствующего на то разрешения их начальства.

29 января 1915 года гродненский губернатор на основании распоряжения коменданта крепости предложил всем чиновникам приготовиться ко второй эвакуации из Гродно в Слоним. Отправка первого эшелона со ст. Гродно была назначена на семь часов вечера 30 января. Данная эвакуация по ряду причин затянулась до 5 февраля. На этот раз пребывание эвакуированных в Слониме затянулось лишь на месяц. Уже 5 марта 1915 года военные власти разрешили некоторым губернским учреждениям возвратиться в Гродно. Известно, что поезд с имуществом Гродненского ГЖУ прибыл сюда утром 7 марта. Во время нахождения в Слониме освобожденные в Гродно помещения отводились для постоев войск. В связи с этим начальникам учреждениям предлагалось оставляемое имущество помещать в отдельных комнатах и эти комнаты обязательно опечатывать.

Первые две эвакуации гродненских гражданских учреждений в Слоним осуществлялись вполне цивилизованно, а для начальства – даже с некоторым комфортом. Все чиновники губернских и городских учреждений имели право на получение из казны пособия и суточных денег на случай выезда из Гродно их семейств, «согласно распоряжению военных властей». И этим правом они пользовались в полном объеме. Так, 31 января 1915 года городской голова Э.Э.Листовский подал на имя губернатора прошение с ходатайством об ассигновании из казны всех служащих в Гродненском городском общественном управлении. Их список при этом прилагался Размер пособия зависел от должности чиновника, состава семьи, количества прислуги, а также местности, куда осуществлялась эвакуация. Существовала следующая градация на выдачу пособий: городской голова – 250 руб., члены управы – 150 руб., секретарь – 100 руб. В зависимости от объема работ и условий размещения учреждения эвакуация чиновников могла осуществляться не обязательно по одному адресу. К примеру, если городской голова выезжал вместе с основной массой чиновников городской управы в г. Калугу, то члены управы могли выезжать и в другие места: С.О.Цыбульский – в г. Балашов Саратовской губернии, а П.А.Довгирд – в г. Мозырь Минской губернии.

О постоянных коррективах относительно порядка вывоза имущества гражданских учреждений и его сотрудников с семьями свидетельствовала следующая телеграмма губернатора В.Н. Шебеко от 27 июля 1915 года городским общественным управлением Гродненской губернии: «Согласно распоряжению Главного начальника военных сообщений армии Северо-Западного фронта предлагаю при распоряжении об эвакуации правительственных учреждений вывести в безопасное от вторжения

неприятеля места их имущество за исключением неоконченных текущих дел, которые вместе с личным составом как распорядительных, так и исполнительных органов городских управлений должны оставаться на местах вплоть до получения особого распоряжения о выезде из города от меня или же от подлежащего военного начальства».

Переход Гродненской и соседних губерний на военное положение с подчинением всего гражданского управления главным начальникам соответствующих военных округов осуществлялся в полном соответствии с именным Высочайшим указом правительствующего Сената. Следует заметить, что в этом своем подчинении Гродненская губерния была поделена на две части: Бельский, Белостокский, Сокольский, Волковыский и Гродненский уезды были отнесены к Двинскому военному округу (ДВО), а Брестский, Пружанский, Кобринский и Слонимский уезды – к Минскому военному округу (МВО). Первоначально ДВО принадлежал Северо-Западному фронту, а МВД – Юго-Западному фронту. Согласно такому распоряжению шло и снабжение армии.

Общее тревожное состояние первых дней войны, тем не менее, не могло повлиять на решимость горожан дать отпор врагу. 21 июля начальник Гродненского ГЖУ доносил губернатору В.Н. Шебеко: «В настроении жителей города Гродно и губернии замечается подъем духа; прием запасных прошел при замечательном порядке и дружно, замечается масса желающих поступить в армию волонтерами, настроение у запасных бодрое и веселое. Пользуясь наплывом запасных, торговцы-евреи подняли цены на продукты в три раза против обыкновенных, вследствие чего запасные начали возмущаться и некоторые из них, обращаясь к жандармскому унтер-офицеру, заявляли, что если торговцы не снизят цены до прежних, то они начнут громить еврейские лавки. Об этом мною немедленно было сообщено по телефону полицмейстеру. По принятию им соответствующих мер цены опять стали нормальными».[40]

Четко и организованно проходила и мобилизация в армию мужского населения. Одной из особенностей ее было то, что, начиная с 1912 года, штаб Виленского военного округа осуществлял в пределах округа мероприятия по замене мобилизационного расписания 1910 года на новое, получившее наименование « № 20». Предполагалось, что это мобрасписание будет общим как для армии и флота, так и для ополчения, с введением его в действие к 1 марта 1914 года. В этой связи в Гродненском уездном по воинской повинности присутствии под контролем МВД, гражданских и военных властей проводилась большая работа по подготовке к призыву по мобилизации чинов по новым нормам и требованиям не только нижних чинов запаса и одновременно с ними ратников ополчения 1-го разряда (как проходивших, так и не проходивших ранее службы в армии), но и поставок лошадей и повозок с упряжью. Несмотря на жесткий контроль и огромные усилия работников уездного присутствия, запланированные ранее сроки для перехода на мобрасписание № 20 оказались не реальными, а потому «сверху» 5 июля 1914 года был спущен циркуляр, в котором говорилось, что «все

расчеты и соображения, составленные по действующему ныне расписанию 1910 года, должны остаться в силе до 1 декабря 1914 года, а по новому расписанию № 20, вступающему в действия с 1 декабря 114 года, таковые должны быть составлены вновь». Подобная трактовка двух мобрасписаний, естественно, весьма пагубно сказалась на положении дел сразу же после объявления мобилизации. Впрочем, в сложившейся ситуации при решении практических задач по мобилизации служащие Гродненского по воинской повинности присутствия оказались на высоте своего положения, что чаще всего выражалось у них в стремлении к поиску так называемой золотой середины в трактовке старых и новых подходов к мобилизации.

Положительную роль в деле проведения мобилизации сыграло то, что ряд практических дел благодаря исправному финансированию был осуществлен досрочно и в полном соответствии с инструкцией 1913 года. К числу таких дел следует отнести отвод городской управой соответствующих мест для сгонных пунктов семи городских военно-конских участков, приспособление помещений для сбора и ночлега приводимых с уезда лошадей, устройство коновязей и т.д. Немало было сделано и по оборудованию Гродненского сборного пункта в соответствии с новейшими требованиями. На 18 апреля 1914 года для этих целей было подготовлено: «помещение для приема и медосмотра запасных и ратников в здании реального училища по Якову проспекту, примыкающему к городскому саду; на Александровской слободе в специально построенном дощатом здании была устроена кухня с тремя очагами и 18 котлами емкостью в 420 ведер. Вблизи кухни устроен навес на столбах с 28 столами и 56 скамейками для единовременного довольствия 600 человек; в распоряжение присутствия имелось две хлебопекарни для выпечки 100 пудов хлеба в сутки на 1600 человек, а также частные, уже определенные для этого дела хлебопекарни; для сбора запасных и ратников отведено место в городском саду, дворе реального училища и в летних помещениях расположенного рядом помещения Благородного собрания; полностью определены и места расквартирования в случае надобности, как нижних чинов, так и квартир для прибывающих за ними офицеров из войск; продумано и пользование призываемыми водопроводной водой; отправление маршевых команд со сборного пункта не предвиделось, а потому и места для сбора подвод для них не было обозначено».[41]

Призыв на службу летом 1914 года осуществлялся Гродненским уездным по воинским делам присутствием на трех призывных участках. В состав 1-го участка входили следующие населенные пункты: губернский город Гродно городские деревни – Большая Ольшанка, Малая Ольшанка, Увакличи, Гибуличи, Малаховичи, Полоткова, Каплица, а также волости – Кринская, Мало-Берестовицкая, Индурская, Богородицкая, Лашанская, Горницкая, Вертелишковская; местечки – Крынки и Индура. Во 2-ой участок входили: волости – Каменская, Скидельская, Жидомлянская, Озерская, Берштовская, Гожская, Соболянская; местечки – Каменка, Скидель, Озеры и город Друскеники, а также городские деревни – Грандичи, Мончин и Лапеница. К 3-ему участку были отнесены: волости – Лунненская, Велико-Берестовицкая,

Голынская, Гудевичская, Дубновская, Мостовская и Волпянская, а также местечки – Лунно, Велико-Берестовица, Воля, Мосты и Волпа. В связи с огромным наплывом молодых людей, а также охотников (добровольцев. – В.Ч.) призыв был продлен сначала на октябрь, а потом и все по той же причине на декабрь 1914 года. Всего с момента объявления мобилизации и вплоть до оставления Гродно русскими войсками в городе было проведено 8 мобилизаций. По данным на 28 октября 1914 года через Гродненское уездное по военным делам присутствие было призвано в действующую армию 45 122 чел. (для сравнения укажем, что на начало 1914 года население г.Гродно составляло 43 092 чел.), из них запасных 29 219, а ратников ополчения первого разряда 15 903. По приблизительным подсчетам В.Г.Корнелюка, до октября 1915 года в армию с Гродненщины было призвано около 103 тыс.мужчин.[42] Все призывники проходили несложную медицинскую комиссию, и здесь же их формировали в маршевые роты, которые в сопровождении родственников и близких призывников направлялись к пунктам формирования воинских частей, а оттуда после ускоренной подготовки специальные эшелоны с грузовыми вагонами («40 человек, 8 лошадей») уходили на фронт, где у западных границ уже шли ожесточенные бои. Полностью русская армия была отмобилизована лишь на 41-й день, но под давлением союзников (главным образом, Франции) она была вынуждена перейти в наступление на Западном фронте уже на 15-й день.

Кроме пополнения маршевых рот, в первый же месяц после начала войны из уроженцев Гродненской губернии были сформированы три (365, 366 и 368-я) Гродненские ополченские дружины – военные формирования, в состав которых зачислялись лица, ранее не служившие на действительной военной службе, или находившиеся в запасе (в возрасте от 36 до 43 лет). Командный состав этих дружин комплектовался из офицеров запаса или отставных офицеров старших возрастов. Когда формирование дружин государственного ополчения было полностью закончено, их командование стало ходатайствовать перед губернатором В.Н. Шебеко о разрешении на передачу им старых ополченских знамен периода Крымской войны 1853-1856 годов, хранившихся уже в музеях, древнехранилищах и полковых церквах. Поскольку в Гродненской губернии таковых обнаружено не было, то губернатор – генерал Шебеко предложил внести на рассмотрение Гродненской городской думы вопрос об изготовлении боевых знамен по образцу 1855 года и для Гродненских ополченских дружин. Городская дума в свою очередь поручила городской управе «позаботиться об изготовлении таковых», выделив на это дело кредит из сметы 1915 года. Вскоре по запросу губернского правления из Петрограда было получено «Краткое описание знамени образца 1855 года для дружин Государственного ополчения». Согласно ему знамя состояло из полотнища, древка, навершия, подтока, скобы, гвоздей, винтов, чехла, обертки и темляка. Полотнище изготавливалось из ткани зеленого шелка с изображением ополченского креста, в центре которого помещался вензель императора Николая II и надпись золотом «за Веру, Царя и Отечество». После изготовления знамен по

спецзаказу в Петроградеони в торжественной обстановке были переданы в войска по назначению. К этому времени 365-я и 366-я Гродненские пешие дружины входили в состава 93-й бригады 10 армии, а 386-я дружина находилась в распоряжении коменданта Ковенской крепости.[43]

Гродненское губернское управление проводило мобилизацию, хотя и спешно, но строго придерживаясь мобилизационного расписания 1910 года. В городе не было патриотических манифестаций, подобных тому, что имели место в столице, но и упаднические настроения тоже отсутствовали. Город-крепость Гродно с полным правом можно отнести к тем населенным пунктам империи, которые находились на первом рубеже обороны: все здесь делалось спокойно, уверенно и по-деловому. Губернатор в связи с призывом по мобилизации служащих правительственных учреждений своим приказом от 1 августа даже потребовал резкого сокращения и упрощения служебной переписки, хотя реально добиваться этого ему и не удалось.

Изучение мобилизации, проводимой в Гродно, долгое время затруднялось отсутствием и слабой археографической разработкой документальных материалов, хранящихся в фондах НИАБ в г.Гродно. О сложной судьбе бумаг Гродненского уездного по воинской повинности присутствия свидетельствует архивное дело, озаглавленное «Описи делам и книгам Гродненского по воинской повинности присутствия, составленной в феврале месяце 1919 года Временным делопроизводством по Литовским делам для ликвидации учреждений, эвакуированных в Калугу и в Калужскую губернию». В этом деле имеется акт, в значительной степени проливающий свет на то, сколь много мобилизационные документы на своем веку претерпели.

Приводим содержание актового документа в полном объеме: «Акт. 1919 года, февраля 4 дня. Мы, нижеподписавшиеся, записали настоящий акт о нижеследующем. При разборе груды дел разных учреждений как Гродненской, так и Калужской губерний, сваленных в помещении Калужского губернского архива, найдены книги, дела и наряды, принадлежащие Гродненскому по воинской повинности присутствию. Доставлены они сюда, по словам служащих архива, в июне месяце 1918 года вместе с делами других учреждений бывшей Ликвидационной комиссии под председательством Мадорского. Принимались они от этой комиссии без счета и описи. За отсутствием их не представлялось возможности установить, все ли принадлежащее названному присутствию, найдено. Все подобранное занесено в прилагаемую к этому акту опись. Все дела и книги названного присутствия уложены в 16 ящиков, которые на дальнейшее хранение оставлены в помещении того же архива. Зав. Временным делопроизводством по Литовским делам для ликвидации учреждений Гродненской губернии, эвакуированных в г.Калугу и Калужскую губернию – Линник. Делопроизводитель – Полухин. Архивариус Калужского губернского архива – Виноградов. Временно исполняющий дела Эмиссара по Белорусским делам – (подпись неразборчива)».[44] После прочтения этого документа остается лишь низким поклоном почтить память вышеупомянутых людей, спасавших для нас нашу историю. О скрупулезности их работы можно судить также и по

приложенным к акту двум описям дел присутствия (с 1903 по 1917 годы) и содержимого, разложенного в 16-ти ящиках. Судя по тому, что ныне имеется в НИАБ, можно сделать вывод о том, что не у всех, в чьих руках побывали указанные ящики, оказался тот высокий уровень исторической культуры, которым обладали наши калужские предки. Но, слава Богу, и за то, что все-таки кое-что из тех дел дошло и до нашего времени.

Открываем толстое дело, на обложке которого написано «О проведении призыва нижних чинов запаса и мобилизации лошадей с инвентарем. Гродна. Начато 17 июня 1914 г. Окончено 10 января 1915 г.». Первый лист его – это объявление о мобилизации красного цвета с двуглавым державным орлом. Попытаемся прочитать его глазами и сердцем гродненцев того времени: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил привести Армию и Флот на военное положение. Днем мобилизации назначено 18 июля 1914 года. Объявление Гродненского уездного по воинской повинности присутствия о призыве нижних чинов запаса города Гродны. Во исполнение Высочайшего повеления о приведении Армии и Флота на военное положение: 1) нижним чинам запаса с увольнительными билетами, а не имеющим таковых – с видами на жительство или удостоверениями о личности, явиться на сборный пункт уездного воинского начальника в г.Гродна на 2-й день мобилизации, в субботу, 19 июля, утром; 2) все учреждения и лица, у которых запасные служат, обязаны немедленно окончить с ними расчет и выдать увольнительные билеты, если таковые находятся у нанимателей». Под текстом – печать воинского присутствия.

Второй лист – это объявление о мобилизации, но уже зеленого цвета. Вверху его – ополченский крест с надписью на нем – «За Веру, Царя и Отечество». Ниже – близкий к первому объявлению, но все же другой тест. Это и понятно, в силу разницы в категориях призывающихся. Данное объявление уже для ополченцев: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил призвать на службу ратников государственного ополчения 1-го разряда. Первым днем мобилизации назначено 18 июля 1914 года. Объявление Гродненского уездного по воинской повинности присутствия о призыве ратников города Гродны. Во исполнение Высочайшего повеления: 1. Призываются ратники: а) перечисленные из 2-го разряда запаса в ополчение, начиная с 31 декабря 1910 года; б) зачисленные в ополчение при призыве к отбыванию воинской повинности в 1913, 1912, 1911, 1910, 1909 годах и в) те свободные от призыва ратники, которые сами желают поступить на службу. 2. Призываемые ратники должны явиться на сборный пункт уездного воинского начальника в г.Гродну на второй день мобилизации, в субботу, 19 июля, утром, имея при себе ополченский билет или свидетельство об исполнении воинской повинности, а не имеющие таковых – виды на жительство и удостоверение о личности. 3. Все учреждения и лица, у которых служат призываемые ратники, обязаны немедленно окончить с ними расчет и выдать ополченские билеты (свидетельства), если таковые находятся у нанимателей». Печать воинского присутствия.

Далее в деле – бумаги с уведомлениями в адрес заведующих военно-конскими участками и председателю приемной комиссии в г.Гродно о поставке, начиная с 19 июля, на сдаточные пункты лошадей и повозок по мобилизационному предписанию 1910 года. Как следует из этих документов, площади 1 и 2-го разрядов и повозки (дышловые парные с комплектами парной дышловой упряжи) «подлежали представлению в приемную комиссию на Сенную площадь, а повозки и упряжь – в 5-ую приемную комиссию на Скидельскую площадь». Дело изобилует телеграммами с грифами «Секретно и срочно». К примеру, губернатор В.Н. Шебеко – уездному воинскому начальнику М.М. Келпшу: «Поручаю озаботиться образованием комиссии по мобилизации автомобилей от частных лиц. Все отобранные авто и другие самодвижущие экипажи должны быть доставлены к 29 июля в гБелосток на сдаточный пункт». Ответ: «26 июля, в 4 часа пополудни комиссия по приемке по мобилизации автомобилей от частных лиц начала свою работу в гор. Гродне на Дворцовой площади». Или губернатор – председателю заседания воинского присутствия уездного предводителя дворянства А.И. Ушакову: «Сделано ли распоряжение о закрытии винной торговли по всему уезду согласно телеграмме от 23 июля…».[45]

Важной частью мобилизационных мероприятий в губернии была реквизиция для военных нужд автомобилей, принадлежащих частным лицам. Еще в начале 1913 года гродненский губернатор получил соответствующие распоряжения на сей счет от начальника штаба Виленского военного округа. Тогда же в губернии были получены «Временное положение о реквизиции автомобилей» и «Обязательные постановления о воспрещении вывоза и выезда автомобилей». После этого воинскому присутствию было предложено срочно собрать все сведения об имеющихся в губернии автомобилях. К этому времени все сведения о легковых автомобилях были признаны явно устаревшими. По данным губернского правления такие автомобили имелись: 1) в городе Гродне у губернского инженера Пинаева (двухместный) фирмы «Ruppeet Saph»; там же, у доктора Тальгейма (четырехместный) фирмы «Zaveta»; 3) там же, у техника Гордеева (четырехместный) фирмы «Dappach» (в настоящее время в неисправности); 4) там же, у инженера Толминского (двухместный) фирмы «Rupp at Saph» (неисправный); 5) там же, принадлежащий 10-й шоссейной дистанции ведомства Министерства путей сообщения (пятиместный) фирмы «Бенц»; 6) в Гродненском уезде, принадлежащий правлению Друскеникских минеральных вод, служащий для перевозки пассажиров по шоссе «Друскеники-Поречье (на 16 чел.) фирмы «Арбенц»; 7) там же, владелец тот же (на 10 чел.) фирмы «Этаблисиман Которо»; 8) там же, владелец той же (на 8 чел.) фирмы «Морс»; 9) там же в Гродненском уезде в имении Кринки у помещика Дмитрия Рычардовича Корибут-Дошкевича (на 8 чел.) фирма «Ла-Буир»; 10) в имении Альбертин у помещика Владислава Францевича Пусловского (четырехместный) фирмы «Мерседес»; 11) у него же (четырехместный) фирмы «Дамлер»; 12) в г.Слониме у акцизного надзирателя Николая Николаевича Хрущова

(двухместный) типа «Юртеннд гнет». К лету 1914 года их количество значительно выросло.

В соответствии с «Временным положением о реквизиции автомобилей», утвержденным 18 июля 1914 года командующим войсками Варшавского округа генералом Жилинским, все частные автомобили (легковые и грузовые), а также мотоциклетки должны быть по приказанию военных властей доставлены на сдаточные пункты в течение суток со дня получения распоряжения о реквизиции. Уведомление об этом возлагалось на воинское присутствие и чинов полиции. Для приема техники в войска распоряжением губернатора создавалась приемная комиссия во главе с уездным воинским начальником. За принятие в казну автомобилей выдавалось вознаграждение с учетом первоначальной стоимости автомобиля и его технического состояния на момент его приемки.

Лица, состоящие на службе шоферами при этих автомобилях, если они не будутт забракованными медицинской комиссией, считаются с этого момента принятыми на военную службу («лица, принадлежащие к иудейству, не могут быть шоферами в войсках»). Владельцы, не представившие в срок автомобили без законной причины, могли быть подвергнуты заключению до 3-х месяцев в тюрьму и арестованию автомобилей как казенных, так и частных, подвергаются заключению в тюрьму на 3 месяца (затем – до 8 месяцев).

В Гродно прием автомобилей начался на третий день после объявления мобилизации. Первыми сюда были доставлены автомобили из Гродненского и Слонимского уездов. Все владельцы получили тут же вознаграждения, подтвержденные соответствующими квитанциями. Что же касается двух шестимесячных автомобилей фирмы «Бразье» и «Лазурный Климент», принадлежавшие германскому подданному Адольфу Клейну, то они были отобраны полицией принудительно и безвозмездно, после чего они были переданы в управление строительством Гродненской крепости.

Всего на сдаточном пункте в городе Гродно было принято в казну 22 автомобиля и 5 мотоциклов. Из них легковых («Форд», «Оппель», «Вандерер», «Паннан-Левасср», «Бенц», «Деложер-Клеет», «Лорен-Дитрих», «Пежо», «Арбенц») – 13№ грузовых (все «Бенц» – 4. Почти все мотоциклы, принадлежащие фирме «Вандерер» и лишь один был изготовлен фирмой «Сидлей Вольелей». Вся эта техника была передана в распоряжение коменданта Гродненской крепости, за исключением 12-местного автобуса «Бенц», переданного временно владельцу его «под подписку».

Жалоб на реквизицию не поступало, если не считать за своеобразный жест поступок помещика М.А. Блавдзевича, сдавшего автомобиль «Лорен-Дитрих», который послужил ему чуть больше года. Он посчитал, что полученная им сумма в 784 рубля, явно занижена, а посему он отказался ее взять, и тут же, написав по этому поводу прошение губернатору, пожелал, чтобы она была распределена следующим образом: «в пользу семейств призванных на войну – 253 рубля; в пользу Гродненской общины сестер милосердия – 2531 рубль и в пользу лазарета при Гродненской крепости – 252 рубля».

Как распределялись автомобили, принятые в казну из других мест губернии (кроме Гродно и уезда)? 8 легковушек, 2 грузовика и 7 мотоциклов было передано для Гродненской крепости; одна легковушка – в штаб начальника снабжений Северо-Западного фронта. Два автомобиля, принадлежавшие Фишелю Рабиновичу и Павлу Сосновскому из Белостока, и автобус местной гостиницы «Риц» военным ведомством были забракованы и не приняты в войска. Что же касается автомобилей, поставленных в войска от населения г.Гродно и Гродненского уезда, то их количество на 16 декабря 1914 года выглядело следующим образом: принято по повинности: грузовиков – 5, легковушек – 24, мотоциклов – 7; взято в войска: грузовика – 4, легковушек – 13, мотоциклов – 7; конфисковано – два легковых автомобиля.

О наличии горючего для автотранспорта на этот период в г. Гродно можно судить по рапорту полицмейстера от 7 ноября 1914 года губернатору: «Доношу Вашему Превосходительству, что на складах города Гродны бензина нет, а лишь «Товариществом братьев Нобель» совместно с интендантским управлением Гродненской крепости было выписано для ее нужд четыре вагонных цистерны, которые и находятся на станции Гродна еще не разделенными. В цистернах заключается около 200 пудов бензина, принадлежащего братьям Нобель».

С 26 июля по 20 ноября 1914 года в г. Гродно было реквизировано 12 легковых автомобилей у владельцев Блавадского, Л. Барковского, А. Лапина, И. Розенфельда, князя Сапеги Столовицкого, П. Боровского, И. Лапина, С. Крупского, Р. Рамма, Д. Стравинского, Д. Дерналовича; 2 грузовика («Арбенц» и «Бенц») у акционерного общества Друскеники, Минвод и Гродненского управления земледелия и госимуществ; 7 мотоциклов у владельцев Гониондзского, Бахмутского, Циценко, Гвоздева, Богдановича, Де-Полетт-Вольшера и Эннаровича. Вся техника была передана для нужд армии (штабы 2-го армейского корпуса, Гродненской крепости, Гродненской воздухоплавательной роты, управлению строительства крепости, крепостной телефонно-телеграфной команде), среди новых владельцев мотоциклов были штабс-капитан Бреннов и инженер-капитан Ермоленко.

Комиссию по приемке автомототехники и автомобильных шин (реквизированных у товарищества «Треугольник») в количестве 232 шт. на сумму 12763 руб. 95 коп.) возглавил военный инженер Управления Строительства Гродненской крепости капитан Преображенский.

Никаких жалоб на действия комиссии от этих лиц не поступало. Адольф Яковлевич Клейн на время подачи своего прошения (24 июля 1917 года) в Гродненский губернский комиссариат в Москве (Трубниковский пер.,19, кв.13) с некогда произошедшей потерей своей собственности не согласился. Вот что он написал: «Полицейский исправник Бюффонов 29 июля 1914 года в г.Гродно секвестровал два моих открытых автомобиля фирмы «Ляурен Клемент» 24-х сил и «Бразье» 30-ти сил, как у лица немецкого подданного, стоимостью ныне около 40 000 рублей, причем мне на руки не было выдано никакой квитанции, ни иной бумаги об этом секвестре.

Я – лицо польского происхождения и согласно последним распоряжениям Временного правительства пользуюсь охраной согласно законам России, а потому я желаю ходатайствовать перед властями о возвращении мне ныне этих автомобилей или о их реквизиции, для каковой цели я нуждаюсь в документе о секвестре и покорно прошу Комиссариат выдать мне копию акта от 29 июля 1914 год о секвестре этих двух моих автомобилей или другой документ об этом и выслать их копии мне в г. Москву».[46]

Просьба А.Я. Клейна была удовлетворена отсылкой ему 7 авгус та 1917 года документов и квитанций о реквизиции принадлежавших ему двух автомобилей.

Из других доступных по мобилизации в г. Гродно документов большой интерес представляет «Список ратников ополчения 1-го разряда, призванных 19 июля 1914 года Гродненским уездной по воинской повинности присутствием» (всего 953 чел.). Судя по нему, большинство из призванных в тот день ополченцев были из призывов 1909 – 1913 годов и все получили назначение для службы в Гродненские 365 и 386-ую пешие дружины, а также в подразделения Гродненской крепости. Из «Приемной росписи 1-го призывного участка Гродненского уезда Гродненской губернии за 3 февраля 1915 года» (всего 513 чел.) и «Приемной росписи 3-го участка (317 чел.) за этот же период, а также из «Книги журналов Гродненского уездного по воинским делам присутствия», представляющей протоколы заседания воинского присутствия от 10 января 1915 года по 12 августа 1915 года (председатель – А.И. Ушаков, члены – М.М. Кемпш, Н.А. Бюффонов, В.В. Жемчугов), следует, что «мобилизация проходила организованно и при большом патриотическом подъеме грамотной и наиболее сознательной части призываемых в армию». Подтверждением тому может служить значительное среди них число добровольцев или охотников. Не располагая сведениями об этой категории гродненцев по первому дню мобилизации, а лишь на 3 февраля (всего – 800 чел.), на их основании, тем не менее, можно сделать вывод о наличии такого рода группы людей даже в те дни, когда патриотический подъем первых дней мобилизации пошел на убыль. Вместе с тем следует учитывать, что начало февраля 1915 года – это время активного наступления германских войск на гродненском направлении. Между тем, специальных мероприятий со стороны властей с целью активизации добровольческих настроений среди мужской части населения города и губернии не проводилось. И тем не менее добровольцы были в каждом из призывов. Вот список тех из них, чьи имена нам стали известны: Лапин Николай Федорович, 1894 года рождения (далее г.р. – В.Ч.), сын титулярного советника г.Гродно, православный (далее: правосл. – В.Ч.); Кликс Губерт Северинович, 1894 г.р., г.Гродно, дворянин, римо-католик (далее: р.-к); Путиловский Григорий Филиппович, 1894 г.р., крестьянин (далее: кр.-н) Индурской волости, д.Ярмоловичи, правосл.; Савоевич Михаил Фомич, 1894 г.р., кр-н Лашанской волости, д.Лаша, правосл.; Любчинский Владислав Антонович, 1894 г.р., телеграфист, из кр-н Лашанской волости, р.-к; Борисевич Иван Николаевич, 1894 г.р., кр-н Богородицкой волости, д.Ремутевцы, правосл.; Адамин Степан

Григорьевич, 1894 г.р., кр-н Горницкой волости, д.Жиличи, р.-к.; Яколцевич Феликс Осипович, 1894 г.р., кр-н Горницкой волости, д.Погораны, р.-к; Сорока Владимир Антонович, 1894 г.р., мещанин г. Гродно, гравер, правосл.; Хазанский Давид Кагелевич, 1894 г.р., г. Гродно, портной, иудейского вероисповедания; Боцян Михаил Моисеевич, 1894 г.р., кр-н Мало-Берестовицкой волости, д. Ковали, правосл.; Тимофеев Дмитрий Николаевич, 1894 г.р., канцелярский служащий, г. Гродно, правосл.; Мухарский Давид Бекерович, 1894 г.р., из дворян, г. Гродно, магометанского вероисповедания; Афоник Осип Александрович, 1894 г.р., кр-н села Вертелишки, правосл.; Козич Филипп Семенович, 1894 г.р., кр-н Вертелишковской волости, д. Тополево; Степанов Владимир Николаевич, 1894 г.р., выпускник Гродненской мужской гимназии, студент Петербургского горного института, правосл.; Тычино Борис Григорьевич, 1894 г.р., выпускник Гродненской мужской гимназии, сын действительного статского советника, студент Петроградского университета, правосл.; Самосей (Колесинский) Георгий Казимирович, 1894 г.р., гродненский мещанин, ремесло – научные занятия, правосл.; Ахаткин Виктор Викторович, 1894 г.р., сын потомственного почетного гражданина г.Гродно, правосл.; Хвилевицкий Марк Аронович, 1894 г.р., сын купца 2-ой гильдии, г. Гродно, иудейского вероисповедания; Теодорович Алексей Александрович, 1894 г.р., сын священника, без определенных занятий, г. Гродно, правосл.; Хозе Ефим Лейзерович, 1894 года рождения, гродненский мещанин, пекарь, окончил Харьковский университет, иудейского вероисповедания; Невяровский Антон Иосифович, 1894 г.р., из дворян, окончил 6 классов Гродненской гимназии, без определенных занятий, р.-к; Теодорович Владимир Львович, 1894 г.р., сын священника, кандидат юридических наук, окончил Варшавский университет, состоял кандидатом на судебную должность при Виленском окружном суде; Кадевич Франц Иванович,1894 г.р., кр-н Лунненской волости, местечко Лунно, р-кат.; Апарицкий Иван Гаврилович, 1894 г.р., кр-н Лунненской волости, д.Залески, правосл.; Буйко Владимир Михайлович, 1894 г.р., кр-н Мостовской волости, д.Занемонье, окончил Петроградскую военно-фельдшерскую школу, правосл.; Зданович Фома Николаевич, 1894 г.р., кр-н Мостовской волости, д.Голынка, приказчик в г. Гродно, православный.[47]

Этноконфессиональный и социальный состав людей, по зову своего сердца, ставших на защиту Отечества, показывает, что среди добровольцев преобладали крестьяне-белорусы, православного вероисповедания, однако были среди них и представители дворянства, купечества, мещанства и чиновничества. Великорусы, поляки, евреи и татары – все они были готовы с честью выполнить свой гражданский долг.

В деле «О проведении призыва нижних чинов запаса и мобилизации лошадей» имеется краткая справка и о том, когда и где начался ратный путь гродненцев – защитников Отечества: « На второй день мобилизации, т.е. 19 июля в 12 часов дня, в здании Гродненского реального училища было открыто первое заседание уездного присутствия для освидетельствования призванных на службу запасных нижних чинов и ратников ополчения 1-го разряда. Во все

последующие дни заседания присутствия начинались ежедневно с 8 час.30 мин., «впредь до минования надобности». Там же имеются сведения о второй гродненской мобилизации: «20 сентября 1914 года последовало Высочайшее повеление о призыве на военную службу ратников ополчения 1-го разряда до 38-летнего возраста. Согласно ему вслед за состоявшими уже ранее призывами ратников пяти возрастов, подлежали мобилизации ратники призывов 1908, 1907, 1906, 1905, 1904, 1903, 1902, 1901, 1900, 1899, 1898, 1897 и 1896 годов. Первым днем данной мобилизации было определено 20 сентября. Всем призываемым для устройства домашних дел давалось трое суток».[48]

Эта мобилизация прошла также организованно (с большим количеством добровольцев), как и первая. Впрочем, лучше всего о ней свидетельствует донесение председателя присутствия уездного предводителя дворянства А.И.Ушакова от 29 июля 1914 года, посланное гродненскому губернатору В.Н.Шебеко: «Доношу Вашему Превосходительству, что мобилизация по Гродненскому уезду произведена весьма успешно, без всяких осложнений, при полном порядке и спокойствии. О последовавшем Высочайшем повелении о мобилизации стало известно из двух телеграмм за номерами 1945 и 1946, причем последняя о призыве ратников ополчения, оставлявшая дополнение к первой, о призыве чинов запаса и поставке лошадей, получена позднее ровно на час.

Рассылка извещений о мобилизации и оповещение таковой населения подлежащими учреждениями произведена своевременно.

Явка на сборный пункт призванных нижних чинов запаса и поставка на сборные пункты лошадей и повозок с упряжью начались с утра 2-го дня мобилизации. С того времени открыли свои действия на сдаточном пункте и приемные комиссии для приема лошадей и 1 комиссия – для приема повозок и упряжи.

Благодаря удачно выбранному и отлично приспособленному помещению для сборного пункта, деятельность последнего в течение всего времени сопровождалось образцовым порядком. Тут же на сборном пункте находилось и уездное присутствие, начавшее освидетельствование запасных и ратников на предмет способности к воинской службе. С означенной целью к настоящему времени проведено 7 заседаний присутствия, причем освидетельствовано запасных и нижних чинов 360, ратников, перечисленных из 2-го разряда запаса – 398 и ратников 1-го разряда, не служивших в войске – 115, а всего 873 человека. Из них призвано негодных к службе и подлежащих освобождению от таковой навсегда: запасных – 107, ратников 1-ой категории – 105, 2-ой категории – 20; негодными и подлежащими зачислению во второй разряд ополчения: запасных – 46, ратников 1-ой категории – 40 и 2-ой – 2; подлежащих отсрочке по болезням временного характера: запасных – 97, ратников 1-ой категории – 124 и 2-ой – 50 и годными к службе; запасных – 110, ратников 1-ой категории – 129 и 2-ой - 43.

По полученным сведениям со сборного пункта до 24 июля к нему явилось 4900 чел. Из ратников общих категорий – 2050 чел., ожидалось же к явке – 5000 и вторых – 2614. В общем результаты призыва благоприятны.

Поставка лошадей и повозок с упряжью произведена полностью и закончена таковая 27 июля, с некоторым опозданием против расчета по мобилизационному предписанию, что произошло по случаю недобора лошадей и повозок при первоначальной поставке. Означенное запоздание никаких вредных последствий на общий ход мобилизации не имело, так как добиравшиеся лошади и повозки успели поступить в надлежащие местные части войск до их выступления в поход. Лошади приняты тех сортов, которые назначены по расписанию, часть недостающих дышловых повозок заменена повозками оглобельными с дополнительной припряжкой. Все гражданские учрежденитя и должностные лица, причастные к делу мобилизации, относились к исполнению своих обязанностей с должным старанием и добросовестностью».[49]

Будучи важным звеном в оборонительной линии западного участка реки Неман, «основой которой была первоклассная крепость Ковно (Каунас)», гродненская крепость на момент начала войны еще находилась пока в стадии строительства.[50] Построенные, но не до конца, форты и укрепления крепости составляли несколько рядов обороны. Форты представляли собой сложные фортификационные сооружения, соответствовавшие последнему слову инженерной военной мысли. Основания их и стены были рассчитаны на максимальный калибр артиллерии и авиации, но эти мощные сооружения имели один существенный недостаток: свою неприступность Гродненская крепость могла проявить лишь в качестве звена в цепи крепостей Ковно, Осовец, Брест-Литовск. Автономной же боеспособностью крепость пока еще не обладала. Поэтому власти города, военная администрация крепости делали все, чтобы как можно быстрее ввести оборонительное сооружение в строй. Разумеется, это строительство требовало огромных материальных затрат и широкого использования городской рабочей силы и крестьян из крепостного района. Интенсивность привлечения местного населения к строительству фортов в разные периоды была разной. Если в конце июля – начале августа 1914 года на оборонительных объектах от Гродно и уезда работали 2746 человек и 301 подвода, то в марте 1915 года их уже было 7596 человек и 1896 подвод. А к 15 марта 1915 года на всех крепостных и позиционных работах в укрепляемом районе было занято 28515 человек и 8350 подвод.

Доказательством перегруженности населения окрестных деревень строительными работами на объектах крепости был следующий факт. В начале 1915 года главный начальник снабжения Северо-Западного фронта предложил гродненскому губернатору начать формирование т.н.вольнонаемного транспорта из мужского гражданского населения в возрасте от 18 до 55 лет. Работники этого транспорта должны были явиться на сборный пункт с парой лошадей и повозками в исправной обуви и одежде, оплата им полагалась в 90 рублей при казенном питании. Зная, что добровольцы работать на таких условиях вряд ли найдутся, военные

снабженцы были согласны на то, что «недостающее число погонщиков, лошадей и повозок может быть взято по наряду за половинную плату», но и такая мера не дала результатов из-за привлечения большей части владельцев лошадей к работам по постройке Гродненской крепости и участия их в формировании и деятельности войсковых обозов.

На 15 апреля 1915 года на разных казенных работах, вызванных обстоятельствами военного времени, ежедневно работало 7946 рабочих, в том числе – 2096 рабочих-крестьян с подводами. С учетом переписи работающих в ежедневном наряде на военных работах по Гродненскому уезду находилось двойное число рабочих, т.е. до 15000 чел. С тем, чтобы дать этим людям провести по месту жительства весенний сев, крестьяне Гродненского уезда освобождались с 15 апреля от казенных крепостных и позиционных работ, а также военных нарядов сроком на один месяц и замене этих рабочих населением смежных уездов. Такая замена имела место. Между тем, на 20 июля 1915 года в губернии имелось лишь следующее количество работоспособных людей: Гродненский уезд – работоспособных 17490, подвод – 12192; Сокольский уезд соответственно – 5889, 4109; Белостокский –6405, 33113; Бельский – 3526, 1838; Брестский – 8389, 5507, Кобринский – 14680, 9610; Пружанский –6935, 4153; Слонимский – 7700, 4750; Волковысский – 10238, 4204. Итого по Гродненской губернии – 81245 чел., 43736 подвод.[51] Вместе с тем имелись трудности как в обсеменении полей из-за недостатка семян овса, так и в ограниченности в людских ресурсах и транспортных средствах. Тем не менее, губернатор летом 1915 года ставил задачи перед подчиненными ему чинами о принятии мер для оказании помощи в полевых работах как семьям нижних военных чинов и ратников ополчения, призванных по мобилизации, так и семьям лиц крестьянского сословия, поступивших в вольнонаемные военные транспорты. В сложившихся условиях единственный выход виделся лишь в «приглашении к участию в сем деле сельскохозяйственных, кооперативных и благотворительных обществ и частных лиц». Однако, если весной 1915 года такие мероприятия хоть как-то позволили справиться с поставленными задачами, то летом-осенью невозможность справиться с уборкой урожая на таких же принципах признавалась как губернатором, так и уездным начальством, делом практически невозможным по причинам приближения фронта и прочих трудностей, вызванных войной.

Из дел о поставке конных подвод крестьянами Гродненского уезда для перевозки воинских грузов за период с ноября 1914 года по июнь 1915 года следует, что данная повинность была одной из наиболее обременительной для местного населения. Порядок и исполнение ее был следующим. Весь контроль за поставкой и отпуском подвод возлагался на уездного исправника. Именно к нему обращались с просьбой о выделении наряда того или иного количества подвод на определенное время различные воинские начальники. С учетом поданных заявок полицейские чины расписывали по волостям уезда необходимое количество требуемых подвод с возницами. Волостные старшины вместе с возницами передавали исправнику списки подвод с

проводниками (возницами), «наряженными от волости в г. Гродно на подвоз воинских тяжестей». При полицейском управлении осуществлялась проверка явившихся и не явившихся к назначенному времени, после чего составлялась соответствующая ведомость. Вот какой была она, к примеру, на 19 ноября 1914 года: «Ведомость подводам, назначенным к поставке от населения волостей Гродненского уезда на 19 ноября и отпущенным по требованию частей войск того же 19 ноября. От 18 ноября подвод не осталось. Прибыло: от Велико-Берестовицкой волости – 36; Волпенской – 18; Горницкой – 23; Индурской – 86; собрано из ближайших деревень – 186. Итого 348 подвод. Подлежит отпуску: крепостному интенданту – 150, смотрителю продовольственных магазинов крепости – 100, Гродненскому крепостному артиллерийскому складу – 200; 122-му пехотному запасному батальону – 16; хлебопекарне этого же полка – 23; 9-ой Донской казачьей особой конной сотне – 5; добровольному санитарному отряду Гродненской крепости – 1; 20-му саперному батальону – 3; 302-му Суражскому полку – 30; отделу по квартирному довольствию войск – 20. Итого 548. Отпущено соответственно: 86, 40, 127, 16, 23, 51, 3, 27, 20, т.е. 348 подвод. Разумеется, в дни обычного воинского затишья количество подвод наряжалось от 200 (не менее) до 400, но при изменении ситуации на боевых позициях (отступление или наступление войск при более интенсивном использовании артиллерии, а следовательно и увеличении потребности в снарядах) их потребность вела к увеличению наряда от 800 до 1200 подвод. Отношение к выполнению повинности со стороны крестьян было исключительно ответственным. Известно лишь несколько случаев отказа от выполнения ее. Естественно, что к лету 1915 года в связи с уменьшением поголовья коней, а также с выполнением других повинностей, собрать необходимое количество подвод часто не представлялось возможным.[52] Все работы велись по определению гродненского уездного исправника «почти беспрерывно». И хотя людям, работавшим на оборонительных сооружениях, платили деньги, обеспечить их равномерное и периодическое использование на объектах было чрезвычайно трудно. Крайнее напряжение с привлечением и использованием рабочих-крестьян происходило в разгар сельскохозяйственных работ (вспашка и осеменение земли, уборка урожая и т.д.). Если брались дворовые помещичьи усадьбы, то это вызывало недовольство со стороны помещиков. Как следствие, целый поток прошений, ходатайств, обращений к коменданту крепости, к губернатору с просьбой отпустить на полевые работы в свои деревни. И этих людей можно было понять, но и оставлять город без защиты было нельзя. Строительные службы не раз обращались к губернатору В.Н. Шебеко с просьбой привлекать беженцев из Привислянского края к крепостным работам. И такое решение было принято. Начиная с апреля 1915 года темпы строительных работ ускорились, подгоняемые событиями на фронте и распоряжениями, поступившими из Ставки.

Весьма интересные зарисовки из истории строительства Гродненской крепости весной-летом 1915 года оставил в своих воспоминаниях Эдвард Зденницкий, в ту пору 19-летний беженец из Люблинской губернии: «В

Гродно меня и других мужчин, согласившихся работать на строительстве крепости, направили в контору предприятия, которое находилось за Неманом, на форштадте. Оттуда после минутных формальностей нас повезли на повозках на фольварке (имении) Лабно, что в 11 верстах от Гродно, в направлении Сувалки и Августово… На следующий день мне дали коня, воз, лопату, топор – основные рабочие инструменты… Работа была на первом, втором и третьем фортах, т.е. со стороны Августова. Работа моя состояла в подвозке бутового камня, в заготовке в лесу деревянных колышков, в доставке к строившимся дороге и фортам цемента, гравия, песка и дерна. Работа эта была нелегкой, тем более для меня, ранее никогда не державшего лопаты в руках. На нашем участке работало 150 рабочих и 90 коней. Поняв, что возница из меня никудышний, начальство направило меня на укладку дерна на склонах фортов и закрепление его колышками. Такая работа мне пришлась по душе.

Как-то к вечеру приехали к нам, на форты, владелец предприятия, взявший нас на работу, и представитель управления по строительству фортов крепости (автор воспоминаний ошибочно называет его комендантом крепости – В.Ч.) полковник (на самом деле подполковник – В.Ч.), по фамилии, кажется, Модрах. Он был, как говорили рабочие, немцем, и он же строил для русских форты против немцев. Вот такие чудеса бывали в царской России. Полковник говорил достаточно громко владельцу предприятия о том, что работа движется слабо, а наш хозяин о том, какие у него трудности с людьми и материалами.

Как только полковник уехал, хозяин предприятия стал нервно ходить от одной группы рабочих к другой, пока я не набрался наглости и не спросил: «Могу ли я Вам показать, что нужно сделать, чтобы работы пошли быстрее». От удивления он выкатил глаза и обозвал меня дураком, но затем сказал: «Говори». Я же предложил ему перейти от подневной оплаты труда рабочих к аккордной, сославшись на то, что видел применение этого метода в имениях князя Любомирского. Это хозяину понравилось, он похлопал меня по плечам, а на завтра на моих условиях оплаты труда рабочим назначил меня управлять работой на трех фортах. Было мне тогда неполных 18 лет, и я тогда был, наверное, самым молодым управляющим в Российской империи. И работа пошла… По воскресеньям я ездил в Гродно, где с книжкой в руках любил посидеть в городском парке. Рядом был дворец, в котором находился штаб русской армии. Я часто видел как прогуливался в парке генерал, кажется, Алексеев. Однажды он остановился около меня и спросил, что я здесь делаю. Я ответил, что читаю книгу. Потом он спросил, где я работаю. И я ответил, что в Лабно, на строительстве фортов. Не найдя во мне сходства с рабочими, занятыми на строительных работах, он сказал, глядя мимо меня: «Видимо, вы непростой курочки яичко…». Я же действительно интересовался на форте всем: как они устроены, как живут в бетонных казармах солдаты и т.д.

Через несколько дней на строительство приехали двое жандармов. Один из них спросил мою фамилию, а затем сказал: «Поехали». Привезли меня к крепостным жандармам. Там меня ждал допрос, который продолжался и день,

и ночь, в ходе которого я понял, что меня действительно принимают за шпиона, и я сразу же представил, что мне в связи с этим грозит.

Утром меня отпустили. По дороге в Лабно, куда я на радостях пошел пешком, я отдал себе полный отчет в том, что только по воле случая я сорвался с виселицы, узнав от хозяйки, у которой я жил, что вчера жандармы что-то искали в моих вещах. Я опять с улыбкой подумал о российских парадоксах: полковник – немец, который все знает о русских фортах, не может быть шпионом, а я, который хочет о них знать скорее из природного любопытства, за короткое время чуть либо не превратился в грозного шпиона. (В данном месте никак нельзя не прервать цитируемые воспоминания и вольные суждения автора о военном инженере Гродненской крепости подполковнике Модрахе. Последний в ходе боев крепостного гарнизона в 1915 году показал себя с самой лучшей стороны. Защитники 3-го форта воочию убедились в его мужестве и высоком профессионализме. Его боевой рапорт лег в основу специального расследования о причинах, «при которых были оставлены Гродненские укрепления, проводившегося русским командованием в конце 1915 года – В.Ч.).

Вскоре свои работы мы были вынуждены прервать. Пушечные выстрелы становились все громче. Стали гореть Августовские леса. А через пару дней по дороге на Гродно пошли воинские обозы с ранеными. Вместе с войском уходило и гражданское население… . 20 августа (по новому стилю – В.Ч.) и нам приказали прервать работы, грузить на телеги инструменты и оборудование, и, как можно скорее, ехать в направлении Гродно. Впоследствии все развивалось молниеносно. Как только мы отъехали из Лабно, так сразу российская артиллерия с фортов открыла огонь из тяжелых орудий.

Погода была прекрасная, но только жара и пыль были такими сильными, что трудно было дышать. Ехать приходилось тихо, так как все шоссе было забито войсками, обозами, беженцами… В таком пекле мы доехали до Гродно. Когда оказались на форштадте, то офицеры кричали, чтобы возы побыстрее проезжали, так как мост ими через минуту будет взорван. Но кричать легко, а вот как ехать быстро в такой толчее. Когда вместе с другими возами, мы оказались на мосту, офицеры вновь стали кричать: «На мост никого не впускать, поступил приказ мост взорвать». Осуществить это казалось невозможно, ибо столь плотным был поток отступающих. Но когда мы были уже в центре города, раздался такой оглушительный взрыв, что во многих окнах повылетали стекла и рамы. За городом началась еще большая паника. Стали поговаривать, что форты окружены немецкими войсками, а русские войска отступали, выгнувшись дугой, в центре которой оказалось шоссе, ведущее к местечку Скидель. В таком страхе и хаосе, под раскаты артиллерийской канонады ехали мы всю ночь. Когда подъехали к Скиделю, начало светать…».[53]

В первые дни войны наиболее известные представители польского народа из числа сановников, духовенства и деятелей культуры обратились с верноподданическим обращением к верховному главнокомандующему

русской армии великому князю Николаю Николаевичу. Текст его по распоряжению коменданта Гродненской крепости генерала Кайгородова был растиражирован и вывешен для всеобщего ознакомления на всей территории укрепрайона. В обращении, в частности, говорилось: «Глубоко тронутые воззванием Вашего Императорского Высочества, оповестившим нам, что подняв оружие в защиту славян, доблестная русская армия борется за священное для нашего народа дело возрождения единой Польши, за воссоединение всех расторгнутых земель ея под скипетром Государя Императора – нижеподписавшиеся представители политических партий и общественных групп польского народа крепко веруем, что кровь Сынов Польши, пролитая вместе с кровью Сынов России в борьбе с общим врагом, станет лучшим залогом новой жизни в мире и дружбе двух славянских народов. В исторический день столь знаменательного для польского народа воззвания мы преисполнены горячим желанием победы русской армии, стоящей под Августейшей Вашего Императорского Высочества командой и ожиданием полного торжества ея на поле брани. Сии пожелания и наши верноподданнические чувства просим Ваше Императорское высочество повернуть к стопам Его Величества Государя Императора». Это обращение подписали: профессор Игнатий Барановский, граф Ксаверий Браницкий, граф Сигизмунд Вешпольский, князь Михаил Воронецкий, ксендз прелат Маркелий Годлевский, член Госдумы Роман Дмовский, граф Маврикий Замойский, граф Эдуард Красницкий, граф Станислав Лубянский, ксендз прелат Леопольд Плятер, граф Фома Потоцкий, князь Матвей Радзивилл, князь Франц Радзивилл, доктор Антон Ржонд, писатель Владислав Реймонт, ксендз Казимир Рушкевич, граф Бенедикт Тышкевич, ксендз прелат Сигизмунд Хелмицкий, Владислав Яблоновский и др. Все 70 подписей.[54]

С первых же дней войны в адрес императора Николая II и правительства буквально посыпались от населения города и губернии телеграммы и письма с выражением своих верноподданнических чувств. Первым высказались в этом направлении евреи. В сопроводительном письме к одному из них гродненский губернатор В.Н. Шебеко 28 июля 1914 года писал: «Ваше Императорское Величество. В одном переходе от неприятельской земли еврейское население крепости Гродна, собравшись в присутствии коменданта в синагоге для торжественного богослужения о здравии Наследника Цесаревича, вознеся молитву ко Всевышнему о даровании победы русскому оружию, просило меня повернуть к стопам Вашего Императорского Величества верноподданнические чувства беспредельной преданности и радостной готовности в тяжелую годину положить и жизнь, и все достояние свое на алтарь Отечества для пользы возлюбленного монарха, о чем, вместе с признанием образцового исполнения евреями губернии своего долга по призыву, имею счастие донести Вашему Императорскому Величеству». Ответ Николая II последовал незамедлительно: «Передайте еврейскому населению крепости Гродно мою искреннюю благодарность за молитвы, поздравление и готовность к службе на благо Родины. Николай».[55]

7 августа 1914 года губернатор Шебеко доносил министру внутренних дел об отношении к вспыхнувшей войне со стороны поляков Гродненской губернии: «Имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для представления Государю Императору по выборам от Гродненской губернии господ Скирмута, князя Евгения Сапеги, помещиков Корибут—Дашкевича и Незабытовского нижеследующее всеподданническое изъявление чувств преданности от имени польских землевладельцев губернии (подлинник имеется в деле – В.Ч.): «Когда вспыхнула великая война, каждый поляк-землевладелец Гродненской губернии – с первого же дня готов был до конца исполнить свой долг перед Престолом и Государством, каким бы тяжелым бременем война не легла на него. Ныне, пользуясь первой возможностью общения и усматривая в воззвании Августейшего Верховного Главнокомандующего к полякам отражение Царских помыслов, предстоящих Царских забот о благе польского народа, поляки землевладельцы Гродненской губернии чувствуют неудержимое влечение повернуть к стопам Вашего Императорского Величества выражение своей беспредельной преданности и с верой в торжество правого дела момент Всевышнего о даровании победы русским войскам над исконным врагом Славянства».

Ко всему присовокупляю, что вышеупомянутые лица, являясь наиболее влиятельными представителями польского дворянства губернии, действительно высказали здесь воодушевляющие всех гродненских поляков чувства и в искренности их верноподданнической преданности как после обнародования воззвания Верховного Главнокомандующего, так и с самого первого дня объявления войны, и в этом я не имею оснований сомневаться».

20 августа от министра внутренних дел в Гродно пришла телеграмма: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил – сердечно поблагодарить за выраженные верноподданнические чувства поляков-землевладельцев Гродненской губернии.[56]

Разумеется, что среди представителей польского населения губернии были и другие настроения, отличные от содержания верноподданнических писем и воззваний. Чем сильнее разгорались боевые действия, тем радикальнее менялся их характер. В какой-то степени о них можно судить по письму из действующей армии рядового III-й роты Казанского пехотного полка, уроженца г. Гродно А.О. Макарчука гродненскому губернатору Шебеко от 8 января 1915 года: «Честь имею Вас уведомить, что члены городской управы Вишневский, Пухальский, Годнинский и Калюхевич бунтуют народ, чтобы не воевать. Они говорят женам воинов, получающим от государства пособия, чтобы их мужья не стреляли в сторону Австрии и Германии, потому что Россия большая, а они малые. Поэтому пускай лучше стреляют в воздух, чтобы Россию ослабить, а потом поднимемся и будет наша родная Польша. Они же, названные господа, рассылают по мастерским и фабрикам своих людей, которые говорят, что уже подходит время, когда рабочие получат оружие с тем, чтобы выступить за свою родную Польшу. Довольно, мол, мы были под русским кулаком».

В ходе разбирательства по данному письму выяснилось, что означенные чиновники ни в чем предосудительном не замечены, а рядовой Макарчук в списках 14-й роты, как донес ее командир, «не значился и не значится записанным». Тем не менее, чиновникам городской головой Э.Э. Лисовским было сделано серьезное внушение, «чтобы мне не болтали».

Не подтвердились и доносы жителей города на то, «что табачная фабрика Шерешевского находится под влиянием воюющих с Россией держав». Более того, в ходе их изучения выяснилось, что «дирекция фабрики охотно шла навстречу нуждам войны и разновременно пожертвовала для воинов русской армии около 2-х млн. папирос и большое количество махорки».

Серьезную поддержку еврейскому населению города оказывало «Московское еврейское общество помощи жертвам войны» и ее уполномоченный по Гродненской губернии Н.М. Нотович. Согласно уставу общества, «деятельность его распространялась на всю Российскую Империю». Неоднократно в защиту интересов гродненского еврейства выступал член Госдумы от Гродненской губернии А.А. Ознобишин. В своем письме к губернатору от 28 апреля 1915 года он по данному делу писал следующее: «Депутация гродненских торговцев во главе с раввином Гальпериным, 27 апреля подали мне прошение, в коем ходатайствуют о моем пред Вами предстательстве к пересмотру существующей с февраля месяца в г. Гродне таксы на жизненные продукты. Ходатайство подкреплено ссылкой на разницу между действительно существующими ценами и ценами, утвержденными февральской таксой. Передавая при сем это прошение на Ваше распоряжение, со своей стороны, я поддерживаю ходатайство торговцев о пересмотре февральской таксы, т.к. полагаю, что военные обстоятельства с февраля по май не могли не отозваться на изменение цен на жизненные продукты». Губернатор не хуже «народного избранника» и «доказательств» обратившихся к нему торговцев знал о реальном состоянии цен на продовольственные товары в городе, но в его обязанности как раз и входило сдерживать их рост при помощи таксирования, однако в данном случае он вынужден был пойти на уступку просителей. Об этом свидетельствует его резолюция на письме А.А. Ознобишина: «Распоряжение о пересмотре таксы уже сделано».

Ходатайствовал о местных литовцах и «Комитет Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны» в лице его представителя по Гродненской губернии П.П. Алесюнаса. Со стороны губернских властей ему оказывалась полная поддержка по доставке литовцам пожертвований одеждой и питанием. В результате ходатайства «Польского общества помощи жертвам войны» гродненский губернатор выдал ряд удостоверений, облегчавших участь местных католиков. Вот одна из них от 19 августа 1915 года: «Удостоверение. Выдано настоящее удостоверение по Бернардинскому монастырю Гродненской губернии в том, что названный монастырь представил бесплатно в своем здании помещение для местного лазарета Красного Креста, причем хозяйственной частью его ведала настоятельница монастыря совместно со всеми сестрами и монастырской прислугой. Кроме того, монастырь приютил в своем здании Гродненскую богадельню для

беспомощных старух, здесь также нашли убежище Варшавский приют и приют Гродненского Фарного костела. Принимая во внимание ходатайства о монастыре со стороны общественности, а также пользу, оказываемую им как для чинов армии, так и вообще для пострадавших от войны, прошу войсковые и гражданские власти оказывать всяческое содействие к освобождению монастыря от постоев войск и к ограждению его и костела от притеснения и обид в вознаграждение за понесенные монастырем труды».[57]

Надо полагать, что это была своеобразная охранная грамота монастырю, однако воспользоваться ею монахини так и не смогли из-за оставления через некоторое время русскими войсками г. Гродно.

4 ноября министр внутренних дел Н.А.Маклаков сообщал Гродненскому губернатору: «На Всеподданническом докладе моем, с представлением верноподданнического адреса всего Гродненского дворянства, Государь Император Всемилостивейше начертать соизволил: «Сердечно Благодарю». Об изложенном имею честь уведомить Ваше Превосходительство для поставления в известность Гродненского губернского предводителя дворянства».

28 ноября царскую благодарность заслужило православное русское население Альбертина Слонимского уезда, учредившее Отдел Союза имени Михаила Архангела. 10 декабря ее получил Белостокский отдел Дубровинского Союза и других общественных объединений «за вознесение молитвы и выраженные ко дню тезоименинства Его Императорского Величества верноподданнические чувства». Шли благодарности от Николая II-го и в адрес отдельных граждан, в частности, к священнику – законоучителю Занкевичу.

Ответ представителей польских политических партий Верховного Главнокомандующего по указанию губернатора был опубликован уже на следующий день после его получения, т.е. 8 октября 1914 года в «Гродненских губернских новостях», в городской газете «Наше утро» и «Гродненское эхо», а также во всех губернских газетах.

В деле имеются расписки редакторов городских газет «Наше утро» Н.З. Мейлаховича и «Гродненское эхо» А. Лапина от 28 июня 1914 года, что они обязуются ежедневно доставить для дежурного в штаб крепости первую корректуру издаваемых ими газет.[58]

О том, как вели себя православные священники в годы войны, свидетельствует небольшая заметка в «Брест-Литовском курьере» от 28 марта 1915 года (редактор-издатель И.Л.Раков): «Гродненский владыка препроводил в Св.Синод донесение о занятии германцами м.Голынки, находящегося в нескольких верстах от Гродны.

О приближении врагов к Голынке стало известно в два часа ночи. Узнав об этом, местный священник отец Копанович колокольным звоном собрал свою паству и предупредил ее о приближении опасности, после чего взял из церкви антиминс, Святые дары и церковные сосуды и ушел пешком в ближайший крепостной форт. Два часа спустя местечко было занято немцами. Германский генерал со штабом занял причтовый дом, а церковь подверглась поруганию.

С престола было сорвано облачение, свечной ящик был взломан, свечи, а также все лампады были взяты немцами в окопы и т.д. В церкви содержались сначала пленные русские солдаты, а затем больные и раненые германцы.

От дальнейших поруганий спас церковь местный учитель Оржеховский, уговоривший состоявшего при германских войсках пастора заступиться за церковь. Очистив ее, пастор четыре дня совершал в ней богослужения. 21 февраля под натиском русских войск германцы оставили Голынку. Перед отступлением они разграбили и сожгли почти все селение и увели в плен половину жителей».[59]

Интересные сведения о настроениях чиновничества города содержит письмо начальника Гродненской женской Мариинской гимназии А. Сватухина от 7 августа 1915 года к губернатору В.Н. Шебеко: « Милостивый Государь Вадим Николаевич! Считаю своим долгом покорнейше просить Вас не отказать в разрешении мне задержаться на родине, во Владимирской губернии, еще на несколько дней по неотложным домашним делам. Около 20 августа я приеду, хотя издали не могу разобраться – куда ехать, а главное – что делать? Мне крайне трудно представить обстановку учебных занятий в гимназии вне Гродны. Думаю, не знает что делать и главное управление нашего ведомства, когда в огне и дыму весь наш запад. На тот случай, если мое присутствие на месте службы будет необходимо, благоволите сделать распоряжение о вызове меня телеграммой (ст. Келлерово Северной ж.д.). Текущими делами по гимназии, которые сейчас несложны, может с успехом заниматься и Колесников, получая мои суточные деньги. В случае опасности я просил Юлию Андреевну Теодорович высылкой более или менее ценного инвентаря, остающегося еще в гимназии, куда-нибудь подальше от Гродны. Ольга Николаевна Ергольская недавно писала мне, что до окончания войны она не думает заниматься педагогикой, отдав себя всецело делам милосердия. Из газет узнал, что Вы, Ваше Превосходительство, назначаетесь товарищем министра вместо генерала Джунковского. Если это правда, то позвольте поздравить Вас с новой высокой должностью и пожелать Вам от всей души полного счастья и в Вашей Семье и в Ваших служебных делах. Покорный и сердечно преданный слуга А.Святухин».[60]

Начало военных действий вызвало естественные изменения в составе частей Гродненского гарнизона. Одни направлялись в район боевого соприкосновения с противником, другие пополнялись и перевооружались, прибывали в город и новые войсковые сооружения. Такого рода движения войск частично отражает приказ № 107 по Гродненскому гарнизону от 15 сентября 1914 года: «п.1. Для окончательного выяснения и подотчета всего имущества, оставленного в складах и цейхгаузах частями бывшего Гродненского гарнизона при выступлении их в поход, назначаю комиссию из числа представителей военных и гражданских властей под председательством Гродненского уездного военного начальника. Комиссии безотлагательно приступить к работе и составить точные сведения о всех без исключения предметах вещевого довольствия, кои окажутся в цейхгаузах, с подразделением их на вещи новые и бывшие в употреблении. Сведения

представить в самое непродолжительное время; п. 2. Вышеуказанной комиссии при участии офицера от Гродненской крепостной воздухоплавательной роты (по назначению командира роты) вскрыть также все прочие помещения, в коих хранится инженерное имущество, оставленное в Гродне 4-м саперным батальоном и составить этому имуществу подробный акт (в 2-х экз.). Акт этот представить мне. Затем означенное инженерное имущество надлежит отправить в Двинский инженерный склад». Подписал приказ начальник гарнизона, генерал от инфантерии Кайгородов и комендант города Гродно, подполковник Мартынов».[61]

В июне 1915 года был осуществлен последний по г. Гродно и уезду набор новобранцев на военную службу в количестве 95 человек. Весьма характерно, что все они призывались на службу в императорскую гвардию, а следовательно прошли тщательный отбор по всем физическим кондициям (вес, рост, состояние здоровья), степени грамотности (наличие начального и среднего образования), и политической благонадежности. Большинство из новобранцев по данному требованию (за исключением двух человек, о которых «за не обнаружением места постоянного жительства сведений о нравственных качествах и политической благонадежности (полиции – В.Ч.) добыть не представлялось возможности»), дали следующую стандартную характеристику – «Постоянно проживал на родине, поведения хорошего, под судом не состоял и в политическом отношении неблагонадежности не проявлял». Несмотря на условия фактической осады города, новобранцы в гвардию были отправлены в Петербург в торжественной обстановке («с речами и оркестром военной музыки»). Каждый из новобранцев получил «продовольственный подарок и набор необходимых предметов в дорогу».[62]

Целых полгода добивался приема на военную службу отставной подпоручик А.А. Баханович. В силу своей неуемной энергии и страстности он часто попадал в истории, имевшие для него негативные последствия, но ему в конце концов удалось добиться своего. Однако ознакомимся с названным человеком на основании рапорта Озерского пристава уездному исправнику от 21 декабря 1914 года: «Председателем Озерского волостного попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов ныне состоит сын местного озерского крестьянина Антона Бахановича – Александр Баханович, который до избрания его на должность председателя данного общества, несколько лет назад служил в г. Гродно в Петрозаводском полку, но из которого из-за поведения своего по постановлению офицерского собрания присужден был выйти в запас. По выходе в запас он проживал некоторое время в Озерах при родителях. Когда вспыхнули волнения в Китае (имеется в виду восстание ихэтуаней – В.Ч.), и русские войска были посланы туда для их успокоения, Баханович в надежде поступить опять в военную службу, направился в действующую русскую армию в Китай. По дороге туда он остановился в г. Омске, где при споре из-за игры на биллиарде зарубил шашкой одного из игравших партнеров, за что был судим и присужден на поселение в Сибирь. По ходатайству его отца, по высочайшему повелению, ссылка ему в Сибирь была заменена заключением на два года в крепости,

которое он и отбывал в Двинске, что было в 1901 – 1902 годах. По отбытии наказания Александр Баханович прибыл в м. Озеры и проживал у родителей. Затем по протекции знакомого ему инженера, бывшего свидетелем омского интенданта, он получил должность чиновника на Сибирской железной дороге, на ст. Мысовая, что возле Иркутска. Когда же вспыхнула война с Японией и в Иркутской губернии была объявлена мобилизация, Баханович, пользуясь случаем, опять возжелал втереться на военную службу. Предъявив сохранившиеся у него документы поручика запаса, он был призван на действительную военную службу, но по наведенным справкам и по обнаружению его сомнительного прошлого из армии он был уволен. После чего Баханович опять поселился у родителей в м. Озеры, притворяясь раненым и отпущенным домой для поправки здоровья. Спустя какое-то время он устроился на службу в г. Москве в отделении при обществе «Свет», а в последнее время служил директором, как он сам называл, этого же общества в Петербурге. Контора общества помещалась на Невском проспекте № 156, где была и квартира именовавшего себя инженером Бахановича. Отсюда он очень часто ездил за границу – во Францию, Германию и Англию, так равно и по главнейшим городам России. В м. Озеры инженер Баханович прибыл незадолго перед началом войны с Германией и проживает по бессрочной паспортной книжке, выданной приставом 1-го участка Рождественской части г. Петрограда 29 декабря 1911 года за № 885, на имя отставного поручика Александра Антоновича Бахановича.

Докладывая об изложенном и имел в виду, что на основании Устава общества по призрению семейств нижних чинов запаса, членами названного попечительства могут быть лишь лица, не опороченные дурными поступками, прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о замене Бахановича лицом, соответствующим своему назначению. Кроме сего, сообщаю, что ныне Баханович именует себя по представляемой при сем карточке:

«Инженер Александр Антонович Баханович. Директор – распорядитель фирмы «Городское и земское благоустройство». Тел. 67-10 Петр.сторона, Большой пр., 100».

Из следующего рапорта местного пристава от 4 января 1915 года уездному исправнику стало известно, что « Александру Бахановичу 40 лет от роду, веры православной, обрядов которой никаких не соблюдает и церкви не признает, поведения, нравственных качеств и образа жизни очень плохого и вообще представляет из себя темную личность… Во время мобилизации, бывшей 19 июля 1914 года, на действительную военную службу он по своим моральным качествам не был принят. Несмотря на все свои хлопоты ему отовсюду из воинских частей было отказано. По этой причине, живя в Озерах, он стал писать жалобы на служащих воинского присутствия, а в последнее время посылать в редакцию газеты «Северо-Западная жизнь» лживые обвинения против Озерского приходского кредитного товарищества, а затем вмешиваться и вообще не в свои дела, терроризировать своим фразерством и грубостью местных обывателей. Что касается его политической благонадежности, то она весьма сомнительна. Более того, он подозревается

мною в шпионаже в пользу Германии, так как живши в Петрограде он часто посещал Германию и другие заграничные города неизвестно с какой целью…».

Судя по содержанию вышеупомянутых рапортов, у Бахановича с местным приставом отношения явно не складывались. Однако он не стал выяснять с ним отношений и обратился с прошением в министерство юстиции по вопросу «восстановления его в праве защищать свое Отечество». 29 декабря 1914 года из министерства юстиции (1-ый департамент, уголовное отделение) на имя гродненского губернатора пришло следующее уведомление: «Государь Император по всеподданнейшему докладу, в 28 день декабря 1914 года Всемилостивейше повелеть соизволил: даровать лишенному некоторых прав и преимуществ отставному подпоручику Александру Антоновичу Бахановичу помилование, представив ему ныне же право вступить в ряды действующей армии».[63] В гвардию он, разумеется, не попал, но сражаясь в пехотных частях Северо-Западного фронта, вскоре ставший поручиком Александр Баханович проявил себя как грамотный и мужественный офицер.

Если призыв запасных и ратников в целом проходил успешно, то с поставкой лошадей, повозок и упряжи имели место трудности. Причина этого более чем понятна, ибо лошадь была в ту пору главным средством существования большинства крестьянских семей. В этой связи приемным комиссиям приходилось нелегко для выполнения в полном объеме мобилизационных предписаний 1910 года. Так, председатель 5-ой приемной комиссии в своем отчете о проведенной работе (с 19 по 29 июля), в частности, отмечал: «Ко всему вышеизложенному долгом своим приемлю засвидетельствовать перед Вашим Превосходительством (губернатором – В.Ч.), что как члены подведомственной мне комиссии, так и канцелярские службы, приложат все свои старания и усилия к успешному выполнению возложенных на них порой непосильных обязанностей…».

Нередко результатом такой «исполнительности» со стороны членов комиссии – людей также подневольных – являлись многочисленные жалобы и прошения крестьян в разные инстанции относительно мобилизации лошадей. Вот, к примеру, одно из них от крестьян деревни Одлы Кринско-Михайловской волости Гродненского уезда Ивана Курстака, Карла Самкевича, Ивана Носко, Луки Носко, Михаила Сороко, Ивана Рукши, Павла Капицы, Романа Мисюкевича, Станислава Холода и Григория Бертеля: «20 сего июля месяца в г. Гродне на сборном пункте из деревни Одлы, состоящей из 24-х десятинно-надельных участков, принято в войска 18 лошадей. Почти все годные к труду лошади сборным пунктом приняты, и в настоящее время нам нечем убрать урожай и обработать землю под озимые посевы. Самыми обиженными из всех домохозяев оказались мы, просители, так как почти у всех у нас не осталось ни одного жеребеночка, забраны и последние кобылицы. Нанять же лошадей у соседей мы не имеем денег. Вследствие чего, умоляем воинское присутствие сделать свое распоряжение о скорейшей ассигновке следуемым нам денег и высылке побыстрее талонов, чтобы мы успели купить себе других лошадей, убрать урожай и обработать землю под

озимые посевы. Сердцем и душою мы готовы помогать нашей русской войне, но бедность, нищета и хозяйственные нужды заставляют нас поневоле обращаться в присутствие с такой жалобой».

В связи с явно обозначившимися трудностями в поставке лошадей выискивались самые разнообразные пути, включая и те, которые заведомо были бесперспективными на Гродненщине. Так, 23 августа 1914 года исполняющий дела губернатора (выехавшего по вызову из МВД в столицу – В.Ч.) В.В. Столяров телеграфировал председателю воинского присутствия: «Согласно Высочайшего повеления поручаю отобрать принудительным порядком всех годных и негодных лошадей, повозки и упряжь у проживающих в городе и уезде германских и австрийских подданных. Никакой уплаты денег за них не производить. Образуйте эту работу под своим председательством с участием ветврача или фельдшера и сведущих лиц. Негодное из указанных перевозочных средств продать с аукциона, а вырученные деньги внести в казначейство на нужды войны».

Во исполнение указанного распоряжения в 9 часов утра 26 августа комиссия официально приступила к своей работе на Дворцовой площади в г. Гродно. Однако, судя по донесению уездного исправника Н.А. Бюффонова («лошадей, повозок и упряжи, принадлежащих подданных в Гродненском уезде уже нет»), такого рода работы и за счет «городских немцев» у комиссии было немного. Подтверждением этому может служить и следующий документ: «Акт. 1914 года августа 26 дня. Комиссией, составленной под председательством председателя Гродненской уездной по воинскому присутствию комиссии с участием нижеподписавшихся лиц, было проведено освидетельствование отобранной принудительным порядком лошади с повозкой и упряжью у жителя г. Гродно, австрийского подданного Антона Лейнделя. Лошадь – мерин светло-гнедой масти, грива на левую сторону, на лбу белое пятно, задние ноги до половины копыт белые, двух с половиной лет. Упряжь на ней состоит из хомута, шлеи, вожжей, дуги и уздечки. Повозка – двуколка на железных осях и рессорах в виде четырехугольного ящика. Лошадь по молодости, повозка по непригодности для перевозки тяжестей и сбруя по недостаточной прочности признаны комиссией негодными к службе в войсках, а потому комиссия постановила: продать таковые с аукциона, который назначить на завтрашний день, а вырученные деньги за вычетом расходов на прокормление лошади внести в местное казначейство на нужды войны. О назначении аукциона объявить в городе через соответствующие листки и городское политическое управление». Акт подписали: А.И. Ушаков и другие члены комиссии. Подписи неразборчивы.

Между тем, планы поставок лошадей через изъятие их у населения постоянно возрастали. 4 сентября военное ведомство затребовало от присутствия «немедленной поставки для 2-го армейского Кавказского корпуса реквизиционным порядком от населения Гродненского уезда 500 лошадей, годных для запряжки орудий и зарядных ящиков». Во исполнение означенного уездное воинское присутствие постановило: «назначить к приводу в гор. Гродну на 7 сентября из волостей: Лашанской – 100, Мало-

Берестовицкой – 100 и Скидельской – 75 лошадей; на 8 сентября из волостей : Гудзевичской – 75, Богородицкой – 75, Велико-Берестовицкой – 50, Голынской – 200, Мостовской – 50, Волпенской – 50 и Кринской – 75 лошадей высшего сорта, т.е. упряжных 1-го разряда». Судя по материалам дела, с первого раза набрать нужного количества лошадей по разным причинам не удавалось, поэтому сроки их поставки на приемные пункты растягивались на несколько дней.

9 октября по приказу Верховного главнокомандующего была назначена по Гродно и уезду реквизиция всех без исключения верховых лошадей. Поскольку лошади такой породы могли быть только в имениях помещиков или их арендаторов, то для выполнения этого приказа в разные места уезда были направлены полицейские чины, волостные и сельские старосты для осмотра и отбора там годных к службе верховых лошадей, а также для последующей их доставки в Гродно (к 13 октября на Акцизную площадь, к зданию цирка) для осмотра, приема и отправки в войска. Согласно приказу требовалось, чтобы при лошадях был их владелец или доверенные от владельца лица для получения соответствующего вознаграждения. Там же указывалось, что в случае утайки или сокрытия лошади следует составить на виновных в этом надлежащие акты, которые необходимо тотчас же доставить в уездное военное присутствие. Сообщалось, кроме всего, и о том, что и крестьяне, у которых имеются подходящие для верховой езды лошади, не освобождаются для данной поставки на фронт.

На основании акта приемки верховых и артиллерийских лошадей, реквизированных уездным присутствием 19 октября 1914 года, на тот день для армии было отобрано 53 лошади верхового сорта и 297 – годных для запряжки артиллерийских орудий и зарядных ящиков. Остальные были забракованы или переданы в распоряжение крепостного гарнизона. Большинство верховых лошадей было изъято у окрестных помещиков: самое большое количество – у И.О. Биспинга (16), Л.В. Бутовт-Андржейковича (13) и А.А. Ознобишина (9); у других – от двух до пяти лошадей, семь лошадей было реквизировано у крестьян. За каждую верховую лошадь их владельцам было заплачено 275 руб., а за пригодную к использованию в артиллерии – 200 руб. Всего же за верховых лошадей было выделено 14575 руб., а за артиллерийских – 59400, а вообще – 73975 руб. Все реквизированные лошади по заклеймении их и наложении пломб с бирками были переданы в распоряжение уездного присутствия, после чего партиями отправлены в войска.

Определенные трудности имелись в вопросах поставки в войска и тыловые части перевозочных средств и упряжи. Из рапорта А.И. Ушакова губернатору об их количестве за июль 1914 года следовало, что через присутствие в различные части передано повозок парных: на железных осях – 713, на деревянных – 9; упряжи ременной : парной – 38, смешанной – 714 комплектов; упряжи оглобельной : ременной – 14 и смешанной – 95 комплектов. Делались эти поставки «с большим надрывом» и как сообщал при

этом председатель уездного присутствия – «на будущее поставки из Гродненского уезда какого-либо количества парных повозок невозможно».[64]

В этой архисложной ситуации гродненский губернатор В.Н. Шебеко оказался на высоте своего положения. Неслучайно в марте 1915 года она по Высочайшему повелению был награжден бронзовой медалью «За труды по мобилизации».

В знак внимания «к трудам, способствовавшим отличному проведению всеобщей мобилизации 1914 года» император Николай II 12 февраля 1915 года учредил светлобронзовую медаль для ношения на груди, на ленте ордена Белого Орла. Согласно положению об этой медали, ею награждались лишь те лица, «кои по своим служебным обязанностям принимали участие в работах по составлению планов мобилизации, призыву чинов запаса и ополчения на военную службу и по поставке для нужд армии перевозочных средств по военно-конской, повозочной, автомобильной и судовой повинностям, а также по перевозке войск и военных грузов. Кроме того, на такое награждение имели право и лица, непосредственно участвовавшие в исполнении этого рода работ при мобилизации 1914 года». Право ношения медали удостоверялось особым свидетельством. Все лица, награжденные этой медалью, получали ее бесплатно. Представление к награждению готовилось в МВД Гродненским уездным по воинской повинности присутствием. В марте 1915 года «Список должностных лиц Гродненского городского общественного управления, принимавших участие в отличном выполнении всеобщей мобилизации 1914 года и заслуживающих за свои труды пожалованные Высочайшим утверждением медали, вошли: городской голова Э.Э. Листовский (за общее руководство трудами по мобилизации), член управы П.А. Воевник и городской секретарь П.А. Довгирд (за составление планов по размещению войск и оборудование сборного пункта, лазаретов, хлебопекарен и прочего), делопроизводители К.А. Монкелевич, П.Ф. Скорупко и А.С. Саванчук (за ведение делопроизводства по оборудованию воинских помещений и поставке в войска лошадей и повозок), смотритель городских зданий Д.В. Хлевинский и городской техник А.П.Таланкевич (за отвод квартир для прибывающих войск и их техническое оборудование), помощники делопроизводителей В.Г. Скопец и Л.И. Квятковский (за письмоводство по приемке в войска лошадей), заведующий 1-ым военно-конским участком г. Гродно П.А. Солянко и его помощник Э.О. Рукович (за отличные воинские обязанности, касающиеся работы военно-конского участка).

Тяжелым бременем на городской власти лежало поддержание в надлежащем порядке воинских казарм. К концу 1914 года в Гродно имелось 19 казарм. Из них 4 были городскими (2 на Мостовой улице, 1 – по Каретному переулку и 1 на Мясницкой улице, что на фортштадте) и 15 частных, принадлежащих Гинзубргу, Прудовскому, Фрейдовичу, Соболю, Шерешевскому, Яффе и др. Их постоянный ремонт «влетал для города в копеечку».[65] Несмотря на эти и другие издержки, вызванные войной, все мобилизационные, эвакуационные и другие мероприятия проводились военными и гражданскими властями города на достаточно высоком уровне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перевод жизни города на военные рельсы. – Введение «сухого закона». – Выселение «неблагонадежных» и иностранцев. –Трагический инцидент при проезде царского кортежа. – Начальник ГЖУ Н.И. Шамшев

Прежде чем стать боеспособной крепостью, город Гродно должен был в первую очередь обеспечить своим гражданам возможность к выживанию в условиях военного времени. Как это достигалось? Ответ на этот вопрос следует начать с краткого ознакомления с циркулярами, затрагивающими переход жизни города на военный лад. Вот что писал на сей счет гродненскому губернатору министр внутренних дел Н. Маклаков в первую неделю войны: «Наступившие чрезвычайные обстоятельства военного времени вызывают необходимость всемерного оберегания наличных средств (как государственных и общественных) от тех расходов, которые без особого ущерба для дела могли бы быть отложены до окончания войны. Такое направление финансовой политики дает возможность все свободные средства направить на достижение единой задачи, стоящей перед Государством – победить врагов. И если государственные средства направляются ныне на развитие боевой мощи и на продовольственное поддержание семейств нижних чинов, призванных под знамена, то за счет общественных средств и частных пожертвований могли бы быть удовлетворены все остальные местные потребности военного времени, как-то: отопление и освещение жилищ участников войны, одеяние семейств их, призрение немощных членов семейств, ограждение их имущества от ущерба, уход за ранеными и оказание им медицинской помощи. Наряду с этим могла бы быть проявлена и забота о предохранении наших населенных пунктов от инфекционных заболеваний – неизбежных спутников войн, а также мер, направленных к удержанию цен на продовольствие по возможности на нормальном уровне.

Все это понуждает МВД обратить внимание городских общественных управлений на необходимость устранения из бюджетов текущего (1914) и следующего (1915) годов всех тех расходов, которые не являются особо настоятельными… Наряду с этим необходимо подвергнуть обсуждению органов городского общественного управления вопрос о подвозе на местные рынки предметов первой необходимости, а также дров, угля и керосина, и о принятии мер к ограждению населения от чрезмерного поднятия цен на эти предметы. При регулировании цен рекомендую использовать всю полноту принадлежащей вам власти для борьбы со спекуляцией, нередко развивающейся на почве общественных бедствий».[66] Названный документ позволял на первых порах для реализации упомянутых МВД установок использовать для нужд города так называемый «погорельческий капитал», т.е. те резервные средства, которые имелись в Гродно на случай пожаров и для оказания помощи погорельцам. Следует заметить, что на начало 1914 года столица губернии г. Гродно по количеству населения находилась лишь на

третьем месте (на первом Белосток – 97236, на втором Брест – 62004 чел) и составляло 43092 чел. Мужчин в городе было 21839, а женщин – немного меньше – 21253.[67] И всех их надо было поить, кормить, согревать.

С первых же дней войны перед городскими властями в обостренном виде предстала финансовая проблема. О путях ее разрешения свидетельствует постановление Гродненской городской Думы, которая проходила 20 июля 1914 года под председательством городского головы Э.Э. Листовского: «Признавая необходимость предоставления средств служащим во всех учреждениях городского общественного управления к жизни и к выезду из г. Гродно их семейств на время войны и предвидя как возможность экстраординарных расходов, так и прекращения доходов, дума постановила: 1) предоставить городской управе право выдавать по своему усмотрению жалование служащим в городском общественном управлении и его учреждениях вперед за время до трех месяцев; 2) действия городского общественного банка прекратить и ввиду предвидимого недостатка денежных средств, на удовлетворение упомянутых расходов потребовать от правления банка передачи основного капитала банка в распоряжение городской управы; 3) на чрезвычайные издержки предоставить в распоряжение управы 25 тыс.рублей и ввиду ожидаемого прекращения доходов предложить управе временно прекратить выдачу необязательных пособий всем учреждениям за исключением благотворительных».

28 июля городской голова Э.Э. Листовский сообщил губернатору В.Н.Шебеко об состоявшемся решении городской думы следующее: «Приняв к сведению предложение Вашего Превосходительства об остановке исполнения постановления чрезвычайного собрания Гродненской городской думы от 20 июля с.г., городская управа имеет честь доложить, что меры Госдумы о выдаче содержания служащим в городских общественных учреждениях впредь в размере до трех месячных окладов вызвана крайней необходимостью, но нельзя не считаться и с тем, что уже теперь в первые дни объявления войны город переживает тяжелый экономический кризис. Это не позволяет рассчитывать на нормальное поступление в городскую кассу не только всех городских сборов, но и доходов от городских предприятий. В зависимости от хода событий поступления означенных сборов и доходов может дойти до минимума и, возможно, что городская касса не будет в состоянии производить обязательные расходы. При таких чрезвычайных обстоятельствах может наступить критический момент, который вынудит городское общественное управление для покрытия обязательных издержек позаимствовать и прибегнуть к расходованию не только запасного городского капитала, но и основного капитала городского общественного банка. В связи с вышеуказанным прошу Вашего разрешения на указанную меру в случае крайней необходимости».[68]

Сложившаяся ситуация, по-видимому, и губернатору показалась настолько сложной и трудноразрешимой , что он поставил на полях напротив указанного Листовским предложения огромный вопросительный знак красным карандашом.

В связи с началом войны резко сокращались все расходы, предусмотренные бюджетом на 1914 год. Как это реализовывалось, можно проследить на примере распоряжений Гродненской губернской землеустроительной комиссии от 8 августа 1914 года. Здесь для исполнения обязанностей чинов, призванных на военную службу, не разрешалось принимать новых лиц (их обязанности распределялись между остальным составом служб); находящимся в отпусках предлагалось немедленно вернуться на службу (отпуска во время войны запрещались); не рекомендовалось, за исключением самых крайних случаев, входить с представлениями к начальству на предмет выдачи денежных наград, пособий на лечение и т.д. Категорически требовалось не начинать в 1914 году никаких новых строительных работ, за исключением тех случаев, когда отсрочка данной работы «по всесторонней оценке местных условий будет признана наносящей серьезный ущерб экономическому положению крестьянского населения; соблюдать крайнюю бережливость в расходовании денежных средств на разъезды, «отлагая все командировки, которые могут быть отсрочены без явного ущерба для дела»; это же требование распространялось и на расходование средств вообще на канцелярско-хозяйственные надобности. Большинство указанных выше мероприятий, направленных к немедленному сокращению расходов, носило срочный характер. Контроль же за их выполнением возлагался Петроградом на губернатора и местного начальника управления земледелия и государственных имуществ.

С 12 августа в губернии вступали в силу следующие «Правила по обеспечению семейств, призванных на действительную военную службу вольнонаемных служащих в центральных и местных установлениях: «Семействам призванных на действительную военную службу вольнонаемных служащих выдавалось денежное содержание на следующих основаниях: а) семейству, состоящему из жены и более пяти детей – полный оклад содержания; б) семейству, состоящему из жены и не более трех детей – 2/3 оклада содержания; г) семейству, состоящему из одной жены – ½ оклада содержания; д) семейству, состоящему из отца, матери, деда, бабки, братьев и сестер, или некоторых из поименованных членов семейства – ½ оклада содержания, но при том условии, если эти лица содержались трудом служащего. В тех случаях, когда служащий не имел семьи, то ему перед призывом на действительную военную службу выдавался единовременно двухмесячный оклад получавшегося им содержания. Если служащему была предоставлена квартира от учреждения, где он служил, то от распоряжения начальства зависело – либо сохранить за семейством пользование казенной квартирой, либо выдать ему квартирные деньги. Трудоспособные сыновья и дочери служащих, достигшие 17-летнего возраста, а равно дочери, вышедшие в замужество, утрачивали право на получение содержания служащего. Предполагалось, что выполнение этих и других правил по обеспечению семейства чиновников будут иметь силу закона вплоть до возвращения этих лиц с военной службы.

С 16 августа вступали в действие «Правила об обеспечении семейств, призванных на действительную военную службу вольнонаемных мастеровых, рабочих и низших служителей казенных заводов, фабрик, мастерских и т.п. заведений». В соответствии с ними семейство, состоящее из жены и более 3-х детей, получало ½ размера получавшегося этой категорией лиц заработка; семейству, состоящему из жены и не более 3-х детей – 1/3 заработка; семейству, состоящему из одной жены – в размере ¼ заработка. В остальном же эти «Правила» не отличались от тех, которые касались служащих, призываемых в действующую армию.

В апреле 1915 года началась по губернии выдача по новым правилам пенсий и пособий утратившим трудоспособность нижним чинам, их вдовам и круглым сиротам. Правила эти по требованию губернатора вывешивались в наиболее видных местах и публиковались в местных газетах. Годовые оклады пенсий (по пяти разрядам от 216 руб. до 30-ти) назначались, в зависимости от возможности восстановления трудоспособности) пожизненно или на определенный срок.[69]

4 апреля 1915 г. гродненский губернатор требовал от подведомственных ему земских начальников, «чтобы по примеру осени 1914 года поля ушедших на войну были обработаны и удобрены их односельчанами и чтобы последним было оказано содействие тем семьям, у которых лошади были взяты по мобилизации или при реквизиции».[70]

На начальном этапе войны, кроме объявлений губернатора, городского головы и коменданта Гродненской крепости значительную роль в регламентации жизни города и переводе ее на военный лад играли обязательные постановления главных начальников Двинского и Минского военных округов, в чье ведение во время войны также входила Гродненская губерния. Все они расклеивались в городе на видных местах, и по распоряжению губернатора являлись обязательными к исполнению. К числу первых такого рода постановлений следует отнести документ, изданный 15 августа 1914 года главным начальником Двинского военного округа генералом Гуриным, представлявший практически краткий пересказ «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении».

Следующее обязательное постановление от 7 сентября 1914 года о воспрещении населению покупать у нижних чинов обувь, белье, принадлежности обмундирования и снаряжения, подписал сменивший Гурина инженер-генерал, князь Туманов. 9 сентября он же воспрещал домовладельцам, их доверенным, а равно и дворникам принимать какие-либо меры, клонящиеся к выселению из квартиры без надлежащего судебного решения семейств как воинских чинов действительной службы, так и призванных на таковую запасных чинов и ратников ополчения. Изданное им 2 октября обязательное постановление воспрещало жителям губернии «обращаться с расспросами к военным чинам (одиночным, следующим в санитарных поездах, с эшелонами, а также находящимся в лазаретах и госпиталях): 1) относительно части, в которой они служат; 2) мест расположения этой части, времени и места участия ее в боях с неприятелем;

3) о составе и численности войск и военных учреждений; 4) о наличном и командном составе войсковых частей и старших войсковых начальниках; 5) о вооружении, снаряжении, обмундировании, довольствии и санитарном состоянии армии; 6) о местах расположения и передвижения войсковых частей, штабов и учреждений «Красного Креста»; 7) о состоянии путей сообщений по перевозке войск и войсковых грузов; 8) о всякого рода событиях и слухах, к ним относящихся; 9) о размере потерь в боях; 10) о поимке неприятельских шпионов и суде над ними».

Иногда общие для населения Двинского и Минского округов объявления издавал главный начальник снабжения армии фронта, генерал-лейтенант Н.А. Данилов. Речь идет о документе от 4 сентября 1914 года, воспрещавшем вывоз за пределы Гродненской губернии муки, зерна и скота. 13 октября князь Туманов издал обязательное постановление, обязывающее «всех и каждого, кому известно о нахождении на территории губернии недвижимых и движимых имуществ и капиталов, принадлежащих австрийским и германским подданным, а равно и возглавляемых ими компаниях и обществах, заявлять об этом в штаб Двинского военного округа или ближайшей полицейской власти». 22 октября было издано распоряжение о привлечении местных жителей к сбору винтовок на полях сражений. 2 ноября вышло постановление о воспрещении всякой продажи в пределах Двинского военного округа пива и портера. 11 и 14 декабря 1914 года временно замещавший князя Туманова генерал Флуг издал обязательное постановление, запрещающее частным лицам отправить любые материалы и корреспонденции, минуя почтовые учреждения. Кроме того, « в какой бы то ни было частной переписке воспрещалось пользоваться шифром или какими-либо условными знаками». 29 декабря за подписью князя Туманова вышло объявление, устанавливающее размеры взыскания за нарушение правил для судоплавания и сплава леса по рекам и каналам губернии.[71]

Издавал свои приказы и гродненский уездный исправник Н. Бюффонов. Так, 24 декабря 1914 года он издал объявление о «немедленном задержании всех солдат, появляющихся в сельской местности без отпускных билетов, снабженных печатью», а также о «строгом наблюдении за всеми лицами, прибывающим в уезд».[72]

С начала 1915 года в Гродно и уезде стали публиковаться обязательные постановления командующего 10-ой армией генерала Сиверса. 4 января – о воспрещении в районе расположения армии покупки и продажи скота, лошадей, « и разного рода припасов, вывозимых из местностей занятой нами Восточной Пруссии»; 15 января – о категорическом воспрещении войсковым начальством самовольно без ведома гражданских властей брать у населения подводы, или же «захватывать их на пути при возвращении домой после выполнения наряда»; 21 февраля – о конфискации имущества «в случае самовольного оставления кем-либо отечества и перехода на неприятельскую территорию». Особенно плодотворным в плане запретительной деятельности был для князя Туманова март 1915 года. 9 марта им воспрещался вывод из пределов Виленской и Гродненской губерний дров; 12 марта – запрещалась

скупка меди, 15 марта – ограничивалась продажа лака и палитры. В тот же день во изменение обязательного постановления от 9 октября 1914 года, «во всех ресторанах, собраниях и клубах воспрещалась всякая продажа шампанского, ликеров, всех водочных изделий и вин, за исключением легкого белого и красного столового виноградного вина». Что же касается складов, погребов и магазинов, то здесь, «безусловно, воспрещалась всякая продажа всех водочных изделий, шампанского, ликеров и вин». Правда, в исключительных случаях крепкие напитки могли продаваться, но для этого были необходимы или рецепт врача, или разрешение коменданта города или начальника гарнизона. Несколько особняком от вышеупомянутых обязательных постановлений находилось объявление князя Туманова от 9 марта 1915 года о воспрещении «употребления немецкого языка в разговоре в правительственных и частных учреждениях, а равно на лице, в магазинах и во всяком общественном месте; выставлении для общественного пользования вывесок и надписей на немецком языке; выдачи всякого рода квитанций, справок, объявлений, а из аптек сигнатурок на этом же языке; публичного исполнения рассказов, куплетов и песен; помещение на страницах печатных изданий объявлений, рекламы и оттисков на немецком языке».

Все указанные постановления были снабжены предупреждения о том, что в случае их невыполнения, виновные будут подвергнуты аресту в административном порядке на 3 месяца или штрафу в 63 тыс. рублей.

Весной 1915 года исполнение обязательных постановлений военных властей серьезно затруднялось реальным изменением границ районов Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. Констатируя это, гродненский губернатор Шебеко письменно запрашивал 10 марта в штабе верховного главнокомандующего: «Не будет ли признано возможным поставить меня в известность о том, какие именно уезды Гродненской губернии входят в район того или другого фронта в настоящее время». Пришедший 29 марта ответ на этот вопрос за подписью генерала Филатова был следующего содержания: «В состав Двинского военного округа, принадлежащего к Северо-Западному фронту, входят уезды Гродненской губернии: Бельский, Белостокский, Сокольский, Волковысский и Гродненский; прочие же уезды этой губернии, а именно: Брест-Литовский, Пружанский, Кобринский и Слонимский принадлежат к Минскому военному округу, т.е. входят в состав Юго-Западного фронта».

Такого рода ответ мог лишь на время удовлетворить губернатора, ибо нет ничего более непостоянно в условиях войны, как границы фронтов. Один из приказов командующего армиями Юго-Западного фронта генерала Иванова от 14 июля 1915 года не только подтверждает это, но и содержит в себе суждения о деятельности гродненского губернатора: «17 сего июня по повелению Верховного главнокомандующего, Минский военный округ и крепость Брест-Литовск перешли в состав Северо-Западного фронта. За все время, в течение которого Минский округ и крепость находились в моем подчинении, на личный состав всех управлений и учреждений их выпала громадная, напряженная и чрезвычайно ответственная работа. За самоотверженную,

полезную и плодотворную совместную работу в тяжелых условиях войны выражаю мою сердечную благодарность (среди прочих – В.Ч.) Гродненскому губернатору Свиты Его Величества генерал-майору Шебеко».

К числу последних обязательных постановлений начальника Двинско-военного округа Туманова следует отнести запрет от 28 мая 1915 года жителям города и уезда «приобретать у раненых и больных воинских чинов одежду, белье и обувь военного образца, если они ими были снабжены от казны, или общественных благотворительных учреждений». 13 июля князь Туманов издал объявление, по которому «все мужское население Двинского военного округа в возрасте от 18 до 50 лет обязано по требованию административных властей выполнять инженерную работу, вызываемую обстоятельствами военного времени в пунктах, указываемых военной властью, причем каждый привлекаемый к работе будет получать за свой труд в сутки, кроме казенного продовольствия, вознаграждение в следующем размере: простой рабочий – 1 руб. 50 коп., землекоп – 2 руб., кузнец – 2 руб. 50 коп., плотник – 3 руб. 75 коп. и за пароконную подводу с рабочими 5 руб. 50 коп. (довольствие лошадей, фуража производится попечением подводовладельца)».

В начале августа 1915 года князем Тумановым было издано два обязательных постановления, которые воспрещали владельцам торгово-промышленных предприятий отказывать покупателям в выдаче сдачи с кредитных билетов, населению же воспрещалось умышленно задерживать у себя запасы разменной серебряной и медной монеты «свыше количества, потребного для личной надобности или же для потребностей торгово-промышленного предприятия». Лица, имеющие запасы золотой монеты, обязывались в трехдневный срок (со дня опубликования постановления) обменять таковые в казначействах на государственные кредитные билеты. Воспрещалось также распространять «ложные слухи об отсутствии или недостаточности в обращении разменной серебряной и медной монеты».[73] В условиях начавшегося беженства эвакуации такого рода запреты и увещевания не приносили желаемого результата, а лишь усиливали ажиотаж и панику вокруг кредитных билетов, медной, серебряной и золотой монеты.

С началом войны значительно упала роль реки Неман как важнейшего средства пассажирского сообщения и доставки грузов. И это, разумеется, не могло не отразиться на экономике Гродно. В 1914 году навигация на Немане открылась 28 марта (по реке Щаре 11 марта), а прекратилась 8 ноября 1914 года. Загрузка и разгрузка всякого рода грузов, включая и лесоматериалов, производилась на пристанях: Друскеники, Гродно, Понемунь (выше Гродно). В навигацию 1914 года по реке Неман ходило в пределах Гродненской губернии 2 казенных (ведомство пассажирского сообщения или П.С.) и три частных парохода («Приятель», «Надежда» и «Русалка»); частные пароходы совершали товаро-пассажирские рейсы между пристанями: Друскеники-Гродно и Гродно-Мосты, а на Щаре ходил паровой катер (ведомства П.С.). На реке Неман в пределах Гродненской губернии было построено в 1914 году 9

непаровых судов, стоимостью 7 100 руб. На судах и плотах на разных работах было задействовано 5719 чел.

В целом по горизонту воды, сильно упавшему с середины мая. Навигация 1914 года относилась к разряду неблагоприятных для судоходства. Мелководие реки, доходившее в некоторых местах до 8-10 вершков и связанное с этим тихое движение реки, весьма неблагоприятно отразилось как на судоходстве, так и на сплаве леса. Пароходы сильно задерживались на мелях, а плоты вообще еле передвигались, чем удлинялся период сплава.

20 июля 1914 года все пароходы по военно-судовой повинности были приняты в казну и стали использоваться для нужд армии; сплав же плотов за границу (в Пруссию) вообще прекратился. До 8 ноября производился исключительно местный сплав, вызванный необходимостью строительства и ремонта мостов через Неман для военных надобностей. Предназначенный для транспортировки за границу лес в большом количестве был поставлен на зимовку в затоны Немана.

С объявлением мобилизации, т.е. с 18 июля 1914 года вся былая жизнь Немана была приостановлена, а если иногда здесь и имели место факты пароходного и вообще судоходного движения, то лишь как единственные случаи и только по распоряжению комендантов крепостей в Ковно и Гродно. Из отчета инспектора по судоходству Соколова гродненскому губернатору В.Н.Шебеко от 4 марта 1915 года следовало, что если в 1913 году по Неману было перевезено различных грузов на сумму 3 896 066 руб., то за 1914 год эта сумма составила лишь 1847 000 руб., а это значит, что объем перевозок уменьшился более чем в два раза.[74]

Перестройка жизни города на военный лад коснулась и такой важной для страны проблемы как винопитие. Бурное индустриальное развитие Российской империи в начале XX века, стремительное приобщение народа к ценностям европейской цивилизации повлекло за собой укоренение в национальном организме присущих многим развитым странам пороков, в том числе, разумеется, и пьянства. В 1914 году известный общественный деятель, член Госдумы профессор Челышев, говоря о том, что водка сделала с народом России, отмечал: «40 процентов новобранцев не годятся на военную службу. За что от опоя погибает свыше 200 тысяч человек. За год пропивается около 2 миллиардов, а весь урожай также приносит около 2 миллиардов… Крестьяне переходят на отруба, затем продают землю, а деньги пропивают. Немногим лучше ситуация в городах, большой процент детей школьного возраста употребляют спиртное».

В Госдуме и Госсовете неоднократно поднимался вопрос о принятии кардинальных мер против свободной торговли спиртными. Большую роль в борьбе с этим социальным злом (пьянством) сыграло выступление архиепископа Арсения Новгородского на заседании Госсовета при обсуждении законопроекта «Об изменении некоторых относящихся к продаже спиртных напитков постановлений» (1914 г.). Слова владыки о том, что «Русь Святая тонет в вине…», и что «надлежит поскорее прийти на помощь человеку и удалить его об соблазна казенных питейных лавок», а также то,

что «доход от водки вреден народу и государству…» при определенном противодействии со стороны многих сановников, тем не менее, были опубликованы в газетах и получили широкий общественный резонанс.[75] Отрадно и то, что с первых дней войны, при решении судьбоносного вопроса о народной трезвости светская власть оказалась способной прислушаться к голосу Церкви.

«Духовенство наше сомкнутыми рядами выступило на борьбу с пьянством, и в этом его великая заслуга перед Родиной, – писали в в 1914 году «Церковные ведомости». В первую неделю войны Святейший Синод предписал епархиальному начальству сделать распоряжение по подведомственному священству, чтобы оно, утверждая народ в уважении к воскресным и праздничным дням, располагало паству к прекращению виноторговли в эти дни, а также к вынесению запретительных приговоров.

Архиепископ Гродненский Михаил, выступая по этому поводу на страницах «Гродненских епархиальных ведомостей» предлагал духовенству епархии всеми силами «содействовать к этому». И результаты данного обращения не замедлили сказаться. Гродненское духовенство, врачуя не только души, но и тела людей, во многом обеспечило их трезвость, а следовательно, и способность к осмысленному сопротивлению неприятелю. Усилия духовенства были поддержаны военными властями. 8 августа 1914 года главный начальник Минского военного округа выступил по этому поводу на страницах «Гродненских губернских ведомостей»: «Уведомляю, впредь до особого распоряжения, винных лавок не открывать, продажу спиртных напитков, не исключая виноградных вин и пива как в казенных лавках, так и во всех частных заведениях, не допускать. Разрешаю только продажу пива первоклассных ресторанов». Как знать, выжили бы наши предки в невероятных испытаниях XX века, если бы не годы трезвости, отсчет которым дало лето 1914 года? В материалах гродненских архивов хранятся тысячи свидетельств о санкциях, принимаемых властями по отношению к нарушителям «сухого закона».[76]

16 июля 1914 года губернатор на основании телеграммы из МВД предписал исправникам и полицмейстерам Гродненской губернии «тотчас же сделать предварительные распоряжения к полному прекращению всякой торговли спиртными напитками во всех районах, где будет объявлена мобилизация, и на весь срок с первого момента объявления и до закрытия сборных пунктов на всех путях следования запасных в войска и частей в районы рассредоточения». Несмотря на это, отпуск вина военным чинам по требованию земских начальников имел место, что и было признано губернатором «совершенно недопустимым».

1 августа 1914 года губернатор признал возможным отпуск казенным винным лавкам очищенного 95% спирта (в самом ограниченном количестве) по письменному требованию врачей для лечебных целей. 7 августа для жителей губернии были обнародованы «Обязательные постановления о воспрещении спиртных крепких напитков.

Эти меры были поддержаны на многих волостных собраниях, где крестьяне говорили о «большой пользе их для населения, как в финансовом отношении, так равно и в отношении порядка». Они же просили не открывать питейные заведения до конца войны и брали на себя обязательства следить за тем, чтобы не развивалась в их местности тайная торговля спиртным.

23 августа 1914 года в губернии стало известно о том, что « Государь Император 22 сего августа, Высочайше повелеть соизволил: существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи продолжить вплоть до окончания военного времени.

Разумеется, на местах искались лазейки. Так, председатель правления Гродненского общества любителей драматического и музыкального искусства «Муза» А.Тальгейм ходатайствовал 1 сентября 1914 года перед губернатором о разрешении продолжить торговлю в буфете при названном обществе, на что получил категорический запрет.

На 3-е сентября существовал порядок, определенный начальником штаба Двинского военного округа о том, что разрешается отпуск спирта из казенных винных складов и лавок для лечебных целей и приготовление лекарств по требованиям врачей и ветеринаров, отпуск рейнскими погребами красного (церковного) вина для религиозных обрядов, а также продажа спиртных напитков первоклассным ресторанам для употребления на месте (предоставление на усмотрение губернатора).

Установить надлежащий контроль при всем этом не всегда удавалось. Из рапорта Гродненского полицмейстера губернатору от 10 сентября 1914 года: «С объявлением города Гродны на военном положении торговля спиртными напитками во всех заведениях трактирного промысла воспрещена, за исключением лишь содержимого гродненским купцом Войцехом Поплавским ресторана 1-го разряда, оставшимся единственным местом продажи водочных изделий, благодаря чему ресторан этот, как днем, так и ночью, посещается почти всем офицерским составом, прибывающих в Гродну войсковых частей. Зачастую офицеры, напиваясь здесь, выходят из рамок приличия, поют песни, в самом ресторане обнажают шашки и занимаются фехтованием. Не так давно был случай, когда компания офицеров, проходящих через Гродну частей Кавказских войск, напившись, пела и танцевала в ресторане лезгинку, а 8 сентября одного напившегося до невменяемости офицера служащим ресторана пришлось выносить из зала на руках. Компанию офицерам иногда составляют проститутки – одиночки, которых они приводят с собой в ресторан. Предотвратить чрезмерное употребление спиртных напитков ни чины полиции, ни ресторатор не могут, так как офицеры на их предупреждения не обращают никакого внимания, а в случае отказа им в продаже спиртных напитков, они в явно нетрезвом состоянии даже прибегают к угрозам». На этом рапорте губернатор написал резолюцию: «Полагал бы прекратить отпуск спиртных напитков во всех заведениях без исключения». Но эта резолюция выражала лишь частное мнение начальника губернии. Однако даже если бы это был приказ, выполнить бы его было крайне затруднительно.[77]

12 сентября 1914 года департамент духовных дел МВД запросил мнение гродненского губернатора В.Н. Шебеко в отношении ходатайства митрополита римо-католиков в империи Ключинского об утверждении устава римско-католического общества «Трезвость» («по образцу утвержденного в 1911 году МВД устава идентичного общества, деятельность которого распространяется на Ковенскую и смежные с ней Виленскую, Курляндскую и Сувалковскую губернии»). К запросу прилагался устав нового общества на 6-ти страницах, район действия которого планировалось распространить на всю Могилевскую архиепархию, включавшую в свой состав и Гродненскую губернию. Гродненский губернатор прежде чем дать ответ на данное ходатайство, связался с ковенским губернатором и попросил последнего дать ему краткую информацию о деятельности римско-католического общества «Трезвость» в Ковенской и соседних губерниях. В полученном письменном ответе, в частности, говорилось: Во вверенной мне губернии с 1911 года существует католическое общество «Трезвость», устав коего утвержден 12 марта того же года министром внутренних дел, статс-секретарем Столыпиным, и общество это является аналогичным с проектируемым. В течение трех лет своего существования общество это сумело быстро развиться и, пользуясь правом открытия своих отделений, основало их 129.

Главной задачей общества по уставу должно быть распространение трезвости среди католического населения, но оно круто повернуло свою деятельность в другое направление и стало проводить на религиозной почве идею объединения как польского, так и литовского населения, исповедующего римско-католическую веру, с целью создания в будущем сильной противоправительственной партии, стремясь таким образом к объединению путем усиленной агитации здесь и в других западных губерниях не только польского, литовского, но и белорусского населения.

Во главе самого общества и его отделений стоят ксендзы – закоренелые фанатики, которые, пользуясь доверием к себе населения, скрыто направляют последнее против задач, проводимых русским правительством в жизнь края. Этому еще способствует отсутствие в уставе права входить в обсуждение вопроса о нравственных качествах и политической благонадежности лиц, избираемых в члены общества, что лишает возможности устранить их участие в его деятельности.

С учреждением же общества «Трезвость» в Могилевской архиепархии, в состав которой входят все северо-западные губернии, населенные белорусами, поляками и литовцами, круг деятельности этого общества значительно расширится, что даст ему возможность объединить все эти народности, исповедующие католическую веру, в одну сильно сплоченную ячейку, способную всегда скрыто действовать против нежелательных ей распоряжений правительств.

Ввиду изложенного и принимая во внимание, что в настоящее время с закрытием всех питейных заведений, общество «Трезвость» прекратило всякую свою деятельность, а в будущем, ввиду ожидаемого значительного сокращения продажи такой, значение общества должно сильно умалиться, – я

нахожу учреждение его в Могилевской римско-католической архиепархии крайне нежелательным и опасным». Подписал Ковенский губернатор Н. Грязев.

С учетом этого мнения гродненский губернатор также сообщил в МВД 30 мая 1915 года о том, что «открытие означенного общества в пределах Гродненской губернии представляется нежелательным, так как преобладающим населением губернии являются православные белорусы, и кроме того, не исключается, что организуемое общество под видом проведения идей трезвости будет преследовать и свои полонизаторские цели». Дополнительным мотивом для отказа, губернатор посчитал необходимым отметить и то, что «ввиду прекращения в данное время продажи спиртных напитков и состояния губернии на военном положении в необходимости использования частной инициативы в этом деле потребности нет, тем более что насущные нужды населения в названном направлении обслуживаются действующими комитетами попечительства о народной трезвости».[78]

Еще по объявлении мобилизации войск было дано распоряжение о том, что в случаях чрезвычайных обстоятельств, по требованию губернатора или военного начальства, вино и спирт в казенных винных лавках и складах подвергалось уничтожению с составлением надлежащих актов. Летом же 1915 года было признано необходимым поступать так и по отношению к запасам казенного и частного спирта, хранящегося на винокуренных и спиртоочистительных заводах с составлением надлежащих актов. Один из таких актов, от 29 июня 1915 года, подписанный окружным комиссаром Антоновым, заведующим Гродненским казенным складом вина № 1 Якутовичем и машинистом Зиневичем хранится в местном архиве. То же что успевали вывезти – вывозилось.[79] Последнее подтверждает текст одной из начальственных телеграмм того времени: «Начальнику ст. Гродно. Прошу отправить на ст. Петроград Балтийской линии северо-западных железных дорог 4 (четыре) вагона-цистерны с казенным спиртом. Спирт подлежит эвакуации по военным обстоятельствам».[80]

С началом войны в Гродно были усилены меры воздействия на проживающих в городе и в районе крепости иностранцев. Главными побудительными мотивами в этих действиях была боязнь шпионажа. Еще в канун войны, 2 января 1914 года, в поле зрения Гродненского ГЖУ попали выдающие себя за студентов, совершающих кругосветное путешествие, лица, проявлявшие повышенное внимание к строящейся Гродненской крепости: австрийский подданный Иосиф Скултер и румынский подданный Фердинанд Лейбович. В ходе путешествия к последнему присоединились в Белостоке другие «путешественники» – уроженцы центральных губерний Василий Антонов и Николай Александров. 21 января 1914 года последние, попрощавшись с Лейбовичем и получив от него соответствующие указания, прибыли в Гродно. По подозрению в причастности к военному шпионажу их пребывание в районе Гродненского крепостного района было признано местными жандармами недопустимым, а потому за ними было установлено

пристальное наблюдение с целью воспрепятствовать их проживанию в Гродно.

Наблюдение гродненских филеров за подозреваемыми весьма интересно не только с их профессиональной разведывательной точки зрения, но и в плане «узнавания» нами города над Неманом тех далеких лет. Вот что зафиксировано в ходе их дежурства 21 января 1914 года (наблюдение начато в 11 часов утра и окончено в 1 час ночи): «в 12 часов 20 минут дня Антонов и Александров вышли из гостиницы «Рояль» на Городничанской улице и направились в турецкую булочную на Соборной площади, дом 14. Через 20 мин. они прошли в мужскую гимназию. Спустя 30 мин. оттуда вышли и зашли в булочную Пейсахова. Через 20 мин. по той же улице вошли в магазин оптики Майзеля. Через 10 мин. вышли и направились к гостинице «Рояль». В 17 часов вышли и направились в кинематограф «Люкс». Через 30 минут вышли оттуда и вошли в кинематограф «Сатурн». Через час вышли и направились в городской театр. Скоро вышли и прошли в гостиницу «Рояль», откуда больше не выходили. Мельников».

22 января (наблюдение начато в 4 часа ночи и окончено в 1 час ночи 23 января): «В 10 час. 30 мин. Антонов вышел из гостиницы и прошел в реальное училище, откуда вышел через 20 мин. И отправился по проспекту Якова в инженерную дистанцию (дом 8), откуда через 30 мин. прошел в Гродненское губернское правление, откуда через 15 мин. вышел и прошел в Канцелярию губернатора (40 мин.), после чего зашел в Губернское присутствие. Через 1 час 20 мин. вышел и прошел в дом № 3 по Муравьевской улице в Контрольную палату. Через 30 мин. вышел и прошел по Муравьевской улице в дом № 5, в кондитерскую (дом № 7), откуда через 10 мин. вышел и прошел в гостиницу «Рояль». Откуда затем выходов не замечено. Ломако».

23 января (наблюдение начато в 9 часов утра, окончено в 5 часов пополудни): «Болгарин» (Александров) в 10 час. 30 мин. вышел из гостиницы «Рояль» и прошел на Соборную улицу, в еврейскую кофейную Фрукта, через 30 мин. вышел и прошел на Банковую улицу, в отделение Госбанка, где пробыл 40 минут. Затем вышел и прошел в Крестьянский банк на Софийской улице, через 40 мин. вышел и прошел в гостиницу, где был передан для наблюдения варшавскому филеру и Мохначу. Сурель.

23 января (наблюдение начато в 3 часа 40 мин. ночи и окончено в 5 часов вечера): «Болгарин в 1 час. дня вышел из гостиницы и прошел на Соборную улицу в дом № 27, в магазин цветов Феронца. Через 10 мин. прошел в полицейское городское управление, через 10 мин. вышел оттуда и тут же встретил писца упомянутого учреждения Середу, у которого что-то спросил и прошел в шляпочный магазин Вольдборга (Соборная улица,7), после чего прошел по той же улице в магазин офицерских вещей Роутенштейна, через 15 мин. вышел и прошел по Соборной улице к гостинице «Россия», где встретил неизвестного, с которым проговорил 20-30 минут (встреча была, судя по выражению их лиц, вполне дружелюбной). Разошлись. «Болгарин» пошел затем под наблюдение варшавского филера Шлютикова, а неизвестный взял извозчика и проехал на улицу Поповка в дом № 23, где был оставлен без

наблюдения. А «Болгарин» прошел в дом № 17 по Соборной улице в часовой магазин Басса. Вскоре оттуда вышел и зашел в оруженный магазин Кликса. Через 10 мин. вышел и прошел в таковой же магазин Саросека, затем на пару мин. заходил в магазины Финлянда, Пинского, а потом вошел в турецкую булочную (дом № 14). Вскоре вышел и встретил «Спутника» (Антонова), с которым поговорил 3 мин. Разошлись. «Болгарин» пошел в магазин часов, затем в парикмахерскую. Через 10 мин. вышел и вместе со «Спутником» зашел в коммерческую гостиницу Федера, откуда через 30 мин. вышли и прошли домой. В 4 часа дня вышли из «Рояля», сели на извозчика и проехали на вокзал, где взяли билеты III-го класса до Вильны и уехали поездом № 4 в 5 часов 42 мин. вечера под наблюдением виленских филеров. Мельников».[81]

Были ли пойманы и уличены в шпионаже вышеупомянутые лица, нам неизвестно, но такого рода наблюдения в городе-крепости Гродно были постоянны, менялись лишь объекты внимания ГЖУ.

В конце января 1914 года был взят под подозрение в военном шпионаже варшавский купец 2-ой гильдии и немец по национальности – Альберт Найман, неоднократно посещавший в конце 1913 – начале 1914 года крепость Гродно, имея при этом сношения с неблагонадежными лицами. Найману жандармами было воспрещено посещать пределы крепости.[82]

24 февраля того же года был взят под надзор ГЖУ по подозрению в шпионаже житель г. Гродно В.Н. Крейцер (43 лет, из дворян, православный, жена – немка) – торговец электролампочками. До выхода в отставку Крейцер служил помощником пристава в г. Гродно. Уволен с этой должности был в 1896 году по прошению вследствие семейных обстоятельств. Поводом для надзора за отставным офицером полиции стало перехваченное жандармами письмо на его адрес, присланное из г. Гамберштадта (Германия), в конверте которого находились две вырезки из немецких газет. В первой из них, озаглавленной «Вооружение России (от нашего военного корреспондента-сотрудника)», речь шла о планах России по укреплению своих фортификационных укреплений в районе Варшавы, Гродно, Ковно и т.д., а также о предполагаемых возможностях русской армии по разворачивании здесь своих мобилизационных резервов. Во второй вырезке «Россия перед революцией. От нашего петербургского корреспондента» речь шла о подъеме революционного движения по всей стране, включая центральные губернии, Польшу и западные провинции.[83]

В начале марта 1914 года ГЖУ взяло под свой контроль по подозрению в военном шпионаже старшего столяра Гродненских крепостных мастерских Леопольда Вильгельмовича Вагнера, 35 лет и около 8 лет тому назад перешедшего из германского подданства в русское. В Гродно он прибыл из имения князя Сапеги, у которого служил также столяром. Основным поводом для жандармов заняться Вагнером было его немецкое происхождение, а также слухи, исходящие от соседей, что будто бы он получает письма из-за границы и что служить на строительстве крепости он начал неслучайно. По проверке было установлено, что никаких писем из Германии Вагнер не получал и не получает, живя скромно, свою работу исполняет добросовестно и аккуратно,

за рабочими как мастер следит очень строго, за что последние его недолюбливали. Тем не менее, наблюдение за ним не было снято.[84]

Тогда же обратил на себя внимание по подозрению в шпионаже житель Варшавы Яков Любельфельд. Последний, несмотря на свою профессию провизора, т.е. аптечного работника, домогался при помощи конторщика Гавриила Арцукевича, у которого снимал комнату на гродненском форштадте (в занеманской части города), поступить на строительство крепости на любую должность, вплоть до сторожа. Такой интерес к крепости и конторщику Арцукевичу со стороны Любельфельда жандармы объясняли тем, что у последнего имелись ключи от служебного помещения, где хранились секретные по крепости документы.[85]

12 марта 1914 года унтер-офицер крепостной жандармской команды Осип Дмитрук по предписанию своего начальства проводил в д. Гибуличи негласное расследование по делу «Об осмотре оборонительной линии неизвестным лицом». К делу привлекались десятник 8-го участка Гродненской крепости Афанасий Романюк и каменщик этого же участка Николай Гаврилик. Последний показал, что днем 9 февраля у цементных сараев он задержал неизвестного молодого человека, одетого в одежду чернорабочего и изучавшего оборонительную линию. Будучи задержанным Гавриликом, неизвестный показал свой паспорт и объяснил, что идет в ближайший строительный барак к своим знакомым. Гаврилик предъявляемый ему паспорт в руки не брал, а потом через пару минут отпустил задержанного. Всю эту картину видел со стороны Романюк. Опознать отпущенного среди рабочих 8-го и соседних строительных участков жандармам не удалось.[86]

В апреле 1914 года, дабы исключить возможность шпионских против России действий, было запрещено проживание в Гродно (ул. Мостовая, дом № 26) сербским подданным: Мифу Серафимовичу, Фене Серафимовичу, Серафиму Куновичу и Стояну Ристичу. Такое же решение было вынесено городскими властями, проживающим на Муравьевской и Купеческой улицах, а также на Форштадте прусским, турецким и австро-венгерским подданным: Карлу Уклюю, Ошеру Али Карако-Оглы, Рушида Исламу Сыртлы-Оглы, Иснан Джаферу Танал-Оглы, Халез Ислам Узун-Оглы, Гарун Асхер Бибер Оглы-Заде, Иосифу Катанику, Андрэ Будичу. В мае 1914 года этот список пополнили: турецкий подданный Ибрагим Идрис Хаши-Оглы; прусские подданные Казимир Шепецкий, Иосиф Войцеховский; австрийский подданный – Иоган Мареш. Тогда же в шпионских действиях были уличены сотрудники филиала австрийской фирмы в Петербурге (директор Сташкевич), занимавшиеся распространением в г. Гродно и уезде своих рекламных проспектах, в которых предлагалось «нуждающимся в отличных косах высылать в их адрес заказы с применением своего адреса и плана ближайших окрестностей».[87]

В первых числах июня 1914 года начальник Гродненского ГЖУ полковник Шамшев получил из Петербурга «Перечень сведений по разведке», требуемых иностранными государствами (Германией, Австро-Венгрией, как по общим военным вопросам, так и по крепостным сооружениям («как идет

строительство фортов и дорог в районе Гродно, кто их строит: подрядчики или военные инженеры» и т.д.). Судя по этому перечню, иностранных разведчиков интересовали также национальные и конфессиональные проблемы, а также «в целом степень преданности местных уроженцев России к престолу». Вероятно, в какой-то связи с данным перечнем находился в этом же архивном деле и «Список лиц, неблагонадежных в смысле шпионства и подлежащих высылке во внутренние губернии или заграницу в предмобилизационный период по Гродненской губернии». В этом списке значились: мещане: Лейба Директорович, Иосель Левин, Абрам Мейлахович, Исаак Рубин, Зусель Соболь, Давид Стучинский, Янкель Эбин, крестьянин Андрей Петровский, рядовой 103-го Петрозаводского полка Александр Тарков, а также два подданных Турции. К осени из Гродно были выселены в Тамбовскую губернию 130 турецких подданных, занимавшихся в городе мелочной торговлей и хлебопечением. Все они подозревались в шпионаже и в сборе средств на нужды турецкого правительства.

В начале июля 1914 года комендант Гродненской крепости воспретил навсегда проживание в границах укрепрайона австрийскому подданному Францу-Эмилию Кретшману (27 лет от роду, музыканту, проживающему в сувалковской гостинице по Александровскому проспекту) и мещанину г. Ковно, музыканту кинематографа «Сатурн» Оскару Шмидту, проживающему в Гродно по Хлебниковскому переулку, дом 4. Оба подозревались в шпионаже.

20 июля по подозрению в этом же был взят под негласный надзор, проживающий в г. Гродно в собственном доме по Грандзицкой улице (напротив еврейского кладбища), учитель Гродненского реального училища Альберт Робертович Цильке, занимавшийся дрессировкой голубей и вывешиванием на своем доме время от времени белого флага. В тот же день, в 7 часов вечера, возле шоссе Гродно-Лида был задержан неизвестный человек, назвавшийся финляндским уроженцем Карлом Квистоли. При задержании он заявил, что ищет полк, в котором можно было бы устроиться вольнонаемным музыкантом в духовой оркестр. При обыске у него были обнаружены записи, имевшие отношение к Гродненскому укрепрайону.[88]

Значительный интерес для уяснения наиболее полной картины жизни города-крепости Гродно с первых дней войны представляют агентурные сводки жандармских филеров Ковалева и Василевича. Передаем их без каких бы-то ни было купюр и в полном соответствии с оригиналом донесений.

«21 июня 1914 года. Наблюдение велось на вокзале ст. Гродно. При проходе и отправке воинских поездов, а также в движении посторонней публики, которая находилась между войсковыми частями, подозрительных лиц, которые могли бы привлечь к себе внимание своим поведением или расспросами: что, куда едут, сколько солдат, офицеров и т.д., замечено не было».

«22 июля 1914 года. Наблюдение велось на вокзале ст. Гродно. В течение дня имело место сильное скопление публики, суетящейся здесь как во время отправки пассажирских, так и воинских поездов. Многие стремятся уехать со

ст. Гродно ввиду военного положения. Покидающие свои дома в городе местные жители отправляются на вокзал преимущественно днем. Все они интересуются сражением, которое идет между нашими войсками и неприятелем около поселения Граево – на прусской границе. Из интересующихся этим лиц подозрительных, а также иностранных подданных, которые бы могли навлечь на себя подозрение как бы с целью шпионажа, замечено не было».

«23 июля 1914 года. Наблюдая на вокзале ст. Гродно за прибытием и отправлением воинских поездов, между войсками подозрительных личностей, которые могли бы обратить на себя внимание с целью распроса о передвижении войск, замечено не было».

«24 июля 1914 года. Обследовали местность за городом Гродно по Скидельскому шоссе, где шло формирование 102-го Вятского пехотного полка с полной боевой амуницией. Между упомянутыми войсками подозрительных личностей замечено не было. Обследовали и 26-ую артиллерийскую бригаду, расположенную на Скидельской улице, которая в полной боевой готовности выезжала за пределы города Гродно. Здесь тоже между войсками подозрительных личностей замечено не было. После этого наблюдение велось и на сборном пункте, где комплектуются запасные и ратники. Подозрительных, а также иностранных подданных на данном объекте замечено не было. Затем наблюдение велось на вокзале, где беспрерывно идут воинские поезда по направлению к границе. И тут подозрительных к делу шпионства лиц замечено не было».

«25 июля 1914 года. Наблюдая за поездами на ст. Гродно, а также за воинской платформой, в течение дня интересующихся лиц о направлении войск и численности их замечено не было».

«26 июля 1914 года. Наблюдение велось на ст. Гродно и на воинской платформе. Здесь между воинскими нижними чинами подозрительных лиц в штатском не было. Около же казарм было обращено внимание на одного еврея, который, видно было, кого-то разыскивал. При выяснении оказалось, что фамилия его Шапиро, и что он ищет своего брата, взятого на службу в 102-ой Вятский пехотный полк. Здесь же, вместе с жандармским унтер-офицером, мы проверили документы у одного господина, оказавшегося управляющим имением князей Друцких-Любецких. Фамилия его Жнусовко. Других более серьезных личностей, которые могли бы навлечь на себя какое-либо подозрение, замечено не было».

«27 июля 1914 года. Наблюдение велось на вокзале и на воинской платформе. Между нижними чинами подозрительных лиц с целью шпионства замечено не было. В 2 часа дня посадили в поезд 200 человек из числа неблагонадежных и замеченных в политических делах, которые и были отправлены в 11 часов 30 минут вечера со ст. Гродно в другие отдаленные города, как-то Смоленск, Саратов и в Сибирь».

«28 июля 1914 года. Ведя наблюдение по гор. Гродно, нами было обращено внимание на неизвестного штатского мужчину, который на Соборной площади разговаривал с женщиной, некоей Любичевской. После чего он, взяв

извозчика и проехав к штабу 26-ой пехотной дивизии, прошел в парадную, откуда через 10 минут вышел, сев на того же извозчика. Проехав к штабу 2-го армейского корпуса, где сойдя с извозчика, он о чем-то договорился с последним, а потом зашел во двор упомянутого штаба, откуда через 5 минут вышел. Сев на извозчика, он подъехал к аптеке на Соборной улице, где что-то купив, вышел, опять сел на извозчика и проехал к дому № 5 по Колокольному переулку, во двор. Оттуда он через 5 минут поехал к дому № 25 по Соборной улице, прошел в магазин обоев декоратора Любича, где сидел 10 мин., вышел и опять на извозчике поехал к дому № 29 по этой же улице. Зашел в галантерейный магазин Смаржаловича, где купил рубашку. Вышел, прошел в дом № 24 по Соборной улице, в Европейскую гостиницу, в кв. № 27, откуда через 10 минут вышел и сел на того же извозчика. Проехав до Петро-Николаевского моста, встал, рассчитал извозчика и зашел в пивную. Через 5 минут вышел и тут же по нашему указанию был передан городовому для выяснения его личности. Последний оказался дворянином Гродненской губернии Сокольского уезда Станиславом Казимировичем Эйнаровичем, 27 лет, католиком. Он предъявил губернаторский паспорт за № 10562. В 1913 году Эйнарович ездил в Кенигсберг, где пробыл 5 дней. Как он заявил, ездил туда он лишь за покупкой белья и других вещей. Встречался он с неким Домейко – владельцем имения Сейце в Виленской губернии. При возвращении из Кенигсберга, останавливался в Вильно и Гродно. Поскольку он повсюду разъезжает на своем автомобиле, то он часто бывает в Варшаве, Соколке, Минске, а также в имении Вистыце, что неподалеку от Брест-Литовска, у графини Тышкевич. В Гродно он прибыл 26-го июля и на время остановился в гостинице «Европейской» и того же дня ездил в Соколку, в воинское присутствие по делам службы, как заведующий 5-ым военно-конским участком Сокольского уезда. 27-го июля он опять вернулся в Гродно, где встречался с гродненским крепостным интендантом (фамилии не помнит) на предмет продажи ему около 5 тыс. пудов сена. В Гродно он также разыскивал своего знакомого офицера некоего Адама Здиславовича Быховца, недавно принятого на военную службу. Более серьезных оснований, которые бы могли навлечь на задержанного по подозрению в шпионстве, замечено не было.

Постоянно Эйнарович проживает в имении Кудрявка у своего брата Викентия Эйнаровича, а сам имеет имение Сидра в Сокольском уезде Гродненской губернии. Бывает иногда у знакомых в имении Жировичи Слонимского уезда. В 1912 году отдыхал в Монте-Карло, где им и был приобретен автомобиль. Свои разъезды по разным местам объяснил тем, что он молодой человек и имеет много знакомых, которые постоянно приглашают его погостить. После допроса во втором полицейском участке, он был освобожден как личность «полицмейстеру известная». Уплачено извозчику нами – 1 руб».

«29 июля 1914 года. Наблюдение велось на вокзале и на военной платформе. Между нижними чинами подозрительных людей замечено не было. Воинские поезда к границе и от границы идут через каждый 15 мин.».

«30 июля 1914 года. Было обращено внимание на двоих неизвестных мужчин, обращавших внимание на все воинские поезда и расспрашивавших всех – откуда идут они и какой части. После их задержания вместе с жандармским унтер-офицером Гаврилюком выяснилось, что они – мещане г.Конина Калишской губернии, братья Антон и Людвик Малиновские (оба 44 лет). Проживали они в г. Коло. 29 июля, ввиду того, что в этот город на автомобиле приехали немцы и предложили всем жителям от 16 до 45 лет собраться к 8 часам утра 30 июля на городской площади, они ночью бежали из своего города и едут в Петербург, где и будут проживать в доме № 9 по Б. – Московской улице, где они содержат булочную, временно переданную своему родственнику. Относительно же того, что они проявляли интерес к войскам, то это они объяснили тем, что не могли скрывать своего волнения и радость от того, как много идет по направлению к границе войск для выручки их друзей и близких, которые остались в Коле. После тотальной проверки оба были освобождены».[89]

В соответствии с телеграммой из МВД от 21 июля 1914 года «все иностранцы, проживающие в г. Гродно, по докладу местного полицмейстера, подлежали немедленному выселению в места, указанные в телеграмме. 29 июля 1914 года командующий армией приказал «всех лиц, замеченных в разбоях и подлежащих преданию полевому суду, отправлять этапом в Вильно, в распоряжение коменданта города с приложением дознания и всех необходимых документов».

Летом 1914 года гродненские жандармы проводили расследование по подозрению в шпионаже гродненского фотографа Берко Крейзеля, имевшего собственную фотографию по Белостокской улице, дом 57. При заведении этого дела имелось в виду и то обстоятельство, что открыв, будто бы с разрешения военного начальства, свои филиалы в лагерях 101-го Пермского и 103-го Петрозаводского пехотных полков, якобы с целью дать возможность офицерам и нижним чинам сниматься по более низким ценам, упомянутый Крейзель имел возможность чувствовать в расположении воинских частей в полной мере «своим», т.е. снимать военные занятия, вооружение, технику и сам укрепрайон. Обыск и осмотр негативов местного фотографа жандармам ничего не дали. В конце июля был задержан в районе городского железнодорожного моста австрийский подданный Владислав Бразда. По подозрению в шпионаже он был выслан в одну из заволжских губерний. В конце июля минскими жандармами была задержана немецкая шпионка Эрма Ляудер (с паспортом на имя Антонины Адамовны Кедыс). Как оказалось, эта была уроженка г.Тильзита, дочь лесоторговца, которая после окончания гимназии и школы пилотов в г. Бишлау неоднократно совершала в 1913 году разведывательные полеты над крепостями Ковно и Гродно. С началом войны она по фальшивым документам пробралась в Минск, где, занимаясь проституцией, добывала у русских офицеров сведения военного характера. В конце лета было признано нежелательным проживание в районе Гродненской крепости Арадия Абрамовича, Давида Гофмана, Ионса Хаукеля, Рафаила Розенблюма, Шлюмы Россиянского, Абрама Фридмана, Менделя

Михновского, Александра Капуцинского, Ивана Годлевского и сестер Доры и Анны Абрамских по подозрению в шпионаже. Последние являлись, по данным ГЖУ, проститутками, вращающимися среди военных.

3 октября 1914 года на станции Гродно в поезде, следовавшем в Варшаву, был задержан человек, обративший внимание полиции формой одежды: на нем была кожаная тужурка с погонами военного врача, а под ней китель с погонами офицера генштаба в чине капитана с аксельбантами, в фуражке с темносиним бархатным околышком с офицерской кокардой и офицерской шашкой с темляком. Подозрительно одетый человек представил полицейским удостоверение на имя студента медицинского факультета Казанского университета Аарона Колена, зачисленного в передовой отряд общества «Красного Креста». Из дознания по этому делу выяснилось, что под этим именем скрывается витебский мещанин Эйош Захарович Бессмертный, который вступив по подложным документам в вышеуказанный отряд, удрал из него, как только врачи его стали догадываться, что он не тот, за кого себя выдает. На протяжении августа-сентября он разъезжал в поездах, идущих в сторону фронта и обратно, вступал в разговоры с офицерами и нижними чинами с целью выяснения принадлежности их к тем или иным воинским частям и маршруте их следования. С этой целью он в зависимости от обстоятельств менял форму одежды. После ареста на ст. Гродно, Э.З. Бессмертный приговором Московского окружного суда был осужден на 1 год и 3 месяца тюремного заключения за шпионско-провокаторские действия.[90]

В ноябре 1914 года начальник Гродненского ГЖУ полковник Шамшев получил от командующего Двинского военного округа генерала Курловича «программу ведения контрразведки в рамках округа на театре военных действий». Тогда же на содержание агентуры при Гродненской губернской жандармской команде было единовременно отпущено 3000 рублей.

Под подозрение в проведении шпионской деятельности чаще всего подпадали сотрудники иностранных фирм или их филиалов в России. Так, 21 августа 1914 года начальник Одесского ГЖУ полковник Заварзин сообщал в Гродненское ГЖУ о раскрытии в Одессе следов существования «главного союза германских флотских союзов за границей», а потому просил установить наблюдение за немцами, проживающими в Гродно и Белостоке, также имевшими контакты с вышеназванным союзом. Других сведений по этому делу в архивных материалах не обнаружено.

Осенью 1914 года следствием по делу фирмы «Проводник» в Одессе была полностью выяснена причастность служащего этой фирмы Густава Эккера к военно-шпионской деятельности. Обыск и арест его обеспокоили директора Одесского отделения «Проводника» Германа Кункеля, который при получении сведений об аресте Эккерта, заперся у себя в кабинете и сжег все хранившиеся у него секретные документы. На основании данной информации начальник Гродненского ГЖУ полковник Шамшев предписал своим подчиненным срочно донести ему «имеются ли отделения фирмы «Проводник» в Гродненской губернии и кто из имеющихся в них служащих служит, или имеет связи в Гродненской крепости?». В результате

проведенной оперативной работы стало известно, что в Гродно имеется филиал названной фирмы. В числе ее работников числились: Юлий-Роберт Вебер (заведующий), Готфрид Якобсон (бухгалтер), Иона Хозе (помощник бухгалтера), Фейга Мухтенштейн (конторщица), Петр Васильев (артельщик), Семен Котляров (механик), Лея Кантор (приказчица), Стефания Франчук (приказчица), Николай Сухих и Павел Детченя (ученик механика). Оказалось, что все они по автомобильным и другим делам имели сношение со служащими гаража в крепости, однако никаких компрометирующих их сведений жандармами найдено не было. Вместе с тем доподлинно известно, что руководители всех филиалов «Проводника» были профессиональными германскими военными разведчиками. Это убедительно подтверждают результаты моего исследования о шпионско-провокаторской деятельности, в том числе и на Гродненщине, секретного агента этой фирмы Э.Э. Розенбаума.[91]

По вышеуказанным причинам в поле зрения крепостной жандармской команды попали частные посещения неким Л.Г.Обронпольским Гродненского сельскохозяйственного синдиката, разъездными агентами-контролерами которого в мирное время служили преимущественно австрийские подданные. Что касается самого Обронпольского, то выяснилось, что он будучи чиновником «Международной компании жатвенных машин в России» (контора в Риге), по делам последней разъезжал по всем городам империи и его поведение там давало повод подозревать в нем военного немецко-австрийского шпиона. Попытки гродненских жандармов задержать его в Гродно оказались безрезультатными.

К числу успешных операций по поимке иностранных шпионов можно считать событие, происшедшее 19 февраля 1915 года, около 5 часов вечера, в двух верстах от г. Соколки. Там опустился из-за возникшей в полете неисправности германский бронированный аэроплан, летавший в направлении крепости Гродно. В аппарате находились два летчика, у которых при задержании были обнаружены карты, планы и разные записи, а также памятка, касавшиеся гродненской крепости. Названные офицеры были арестованы и доставлены в Гродно, в штаб 10-й армии. Помощник начальника Гродненского ГЖУ, приславший такого рода шифровальную телеграмму своему начальнику полковнику Шамшеву неизвестно по какой причине завершил ее следующей строчкой: «Департаменту полиции об этом не доношу». Вероятнее всего, что у жандармов были основания не доверять полиции

Авиаторы Гродненской крепости, а также 320 и 22-го корпусного авиационного отряда периодически вылетали на разведку в районы расположения неприятельских войск. Нередко они при возвращении обратно из-за недостатка бензина, плохой видимости и т.д. не долетали до своего аэродрома и приземлялись где придется. В таких случаях им всегда приходили на помощь местные жители, которые затем и доставляли летчиков в Гродно вместе с самолетами. Такую заботу о себе ощутили в январе-марте

1915 года летчики: подпоручик Менченок, унтер-офицер Донат Макиёнок, Михаил Ган и др.[92]

Весьма интересные сведения о происшествии в Гродно и уезде в первой половине 1915 года, включая и факты о полетах германской авиации, содержатся в рапортах городского полицмейстера, уездного исправника гродненскому губернатору.

7 февраля 1915 г. – «Докладываю Вашему Превосходительству, что по городу Гродно происшествий не случалось. 6-го сего февраля, в 5 часов вечера прибыл из Баранович Великий князь Андрей Владимирович и остался в своем вагоне. Сегодня он выезжал на автомобиле в Красносток. Пребывание его в Гродно предполагается около пяти дней. 6-го числа была слышна орудийная стрельба. Сегодня в 12 часов дня получены сведения, что наши войска, отступая за Неман, между Друскениками и Гродной, близ деревни Гожи не успели взорвать имеющийся там через Неман мост, по которому переправилось три немецких батальона трех родов оружия. В Гродну прибыл 2-й корпус. Штаб армии часть вещей погрузил, но сам еще остается на месте и когда выедет – неизвестно. Полицмейстер».

15 февраля. – «Доложу Вашему Превосходительству, что 15 сего февраля в 5 часов утра, в машинном отделении торговой бани Самуила Шифмановича и Гирша Тарловского, помещающейся в здании Мины Фрумкиной по Виленскому переулку, от неосторожной топки печей произошел пожар, коим уничтожены все деревянные части машинного отделения, причинив убытки на 5000 рублей. Инвентарь и имущество Шифмановича и Тарловского нигде не застрахованы, здание же бани застраховано в 100 рублей в Русском Страховом Обществе.

15 февраля. – С 7 часов утра над Гродно летало два германских аэроплана. Один из них спускался довольно низко и около 12 часов дня сбросил две бомбы, из коих одна, предназначенная для добровольного госпиталя генеральши Кайгородовой, упала в 100 саженях от названного госпиталя, в сад при доме почтово-телеграфного чиновника Патрека, находящегося на Полевой улице; бомба эта разорвалась, но вреда никакого не причинила, а вторая упала на Полицейской улице, во двор дома мещанина Либы Гершуни, на крышу каменного флигеля, часть которого: сени и коридор разрушены, в жилом помещении выбиты стекла и осколком стекла легко ранен в голову сын, квартирующей в названном флигеле крестьянки Сувалковской губернии Паулины Бобковой – Александр, 2-х лет. Полицмейстер».

13 февраля. – «Докладываю Вашему Превосходительству, что происшествий общеуголовного характера по городу Гродно не случалось. По полученным сведениям, неприятеля от реки Неман отогнали, лишь два эскадрона, перешедшие реку вплавь, скрываются в лесу. Невдалеке от 13-го форта, 12 февраля, неприятель с левого берега Немана обстреливал село Гожу, повредив костел и некоторые постройки. От 3-го форта неприятеля отогнали на 6 верст за деревню Лойку; там за небольшой речкой они окопались. Сегодня, 13 февраля, орудийной стрельбы на фортах не слышно. Около 4-х часов дня над Гродно летало два немецких аэроплана, из коих с одного

сброшены две бомбы: первая попала во двор военного госпиталя, со стороны берега Немана и, видимо, предназначалась для Петровско-Николаевского моста; от взрыва бомбы во всех окнах госпиталя выбиты стекла, на одном из углов отбита штукатурка и легко ранен в щеку находившийся во дворе нижний чин – сапожник. Вторая бомба упала на Банковской улице во дворе дома Волянского, невдалеке от телеграфной станции, для которой она, видимо, и предназначалась. Этой бомбой выбиты в доме все окна и ранено две лошади, находившиеся около двух войсковых повозок. За 11-е и 12-е февраля в Гродну доставлено раненых: 68 офицеров и 5 638 нижних чинов, из коих отправлено поездами: 49 офицеров и 4 125 нижних чинов.

При сем представляю список вновь открытых военных лазаретов в городе Гродне: 1) 1-ый дивизионный лазарет 6-й пехотной дивизии (Саперная улица, здание Народного дома); 2) 2-ой дивизионный лазарет той же дивизии (Кирпичный пер., дом Раша); 3) лазарет Государственной Думы (Сенная площадь, дом Кауфмана); 4) 1-ый дивизионный лазарет 8-ой пехотной дивизии (Благородное собрание); 5) 2-ой дивизионный лазарет той же дивизии (Замковая улица, дом Софийского братства); 6) лазарет Петроградской общины Красного Креста (здание Окружного суда). Полицмейстер».

18 февраля. – «Доношу Вашему Превосходительству, что по городу Гродне происшествий не случалось. За последние дни орудийная стрельба проходила только на втором форту. По имеющимся сведениям эта стрельба велась нашей артиллерией по неприятелю, расположившемуся в посаде Сопоцкина и около него. Неприятель там продолжает держаться. По сообщениям беженцев из Сувалковской губернии, германцы от Сопоцкина до Сейн держатся в окопах. При взятии 103-й высоты – масса убитых нижних чинов наших войск. Сегодня из города выслано 90 подвод и 250 человек для уборки убитых. Полицмейстер».

21 февраля.– «Докладываю Вашему Превосходительству, что происшествий за прошедшие сутки по городу Гродне не случалось. Рабочие, высланные мною для уборки трупов 19 февраля на 2-ом форту, во время рытья могил, подверглись орудийному обстрелу неприятелем, и все бежали оттуда; поранений никто из них не получил. 19 и 20 февраля была слышна орудийная стрельба с фортов 1-го, 2-го и 13-го. Сегодня стрельбы не слышно и по полученным сведениям неприятель в ночь на 21-е сего февраля выбит из местечка Сопоцкина, Липска и других ближайших расположений. Штаб 10-го армейского корпуса завтра, 22 февраля, переезжает в местечко Сопоцкин. От Немана по направлению к Друскеникам наши войска перешли в наступление и неприятель отступает. По реке Бобр неприятель держится на противоположном берегу, делая попытки переправиться, но наши войск переправы этой не допускают. Полицмейстер».

7 марта. – «6 сего марта, около 5 часов пополудни с германского аэроплана, пролетавшего над городом Гродно, сброшено 3 бомбы: первая упала во дворе дома Александровича по Хлебному переулку и повредила угол железной крыши на каменной пристройке дома, сбила штукатурку, выбила все стекла в доме названного Александровича и по несколько стекол в соседних домах;

вторая упала в речку Городничанку на Фабричной улице, против дома Новицкого, не причинив никакого вреда, а третья – во двор городской скотобойни; последняя бомба не взорвалась и разряжена штабс-капитаном Гродненской крепостной артиллерии Гораиновым. По сведениям, поступившим ко мне, неприятель укрепляется вблизи Августова и Сейн. Полицмейстер».

24 апреля. – «В ночь на 23 сего апреля неприятельскими авиаторами с дирижабля брошены четыре бомбы в районе Гродненского уезда, а именно: 1) две из них упали на территории кирпичного завода наследников князя Друцко-Лебецкого, расположенной на землях имения Станиславово, вблизи станции Гродно; из них одна грушевидной формы с надписью «Brandgeshob», а другая – шарообразная и большого размера. Обе они не разорвались и 2) две бомбы упали на пахотной земле имения Островок, за урочищем под названием «Охотничья горка», расположенной в 70-80 саженях от полотна Озерского шоссе, вблизи гор. Гродны; одна из них не разорвалась, а другая, хотя и разорвалась, но никаких повреждений не причинила, так как упала на открытое поле; на месте взрыва ее лишь только образовалась воронка глубиной около полутора аршина и шириной около 2 сажень в диаметре. Из числа неразорвавшихся трех бомб две взорваны, а третья – зажигательная, грушевидной формы, разряжена чинами саперной подвижной команды 23 сего апреля. При взрывах и разряжении бомб несчастных случаев не произошло. Исправник Н.Бюффонов».

6 мая. – «5-го сего мая, в 3 часа дня, из неприятельского аэроплана над имением Станиславово Гродненского уезда брошены две бомбы, из коих одна упала во двор этого же имения, а другая – близ самой усадьбы. Обе бомбы разорвались, но от взрыва их никакого вреда людям и имуществу не причинено, лишь только на месте падения и взрыва их образовались в земле небольшие ритвины, судя по которым можно судить, что бомбы эти были незначительной величины. Исправник Н. Бюффонов».

8 мая. – «Вчера, в 12 часов дня, из неприятельского аэроплана в районе вверенного мне уезда было брошено три небольшой силы бомбы, сделавшие рытвины в земле глубиною не более ¾ аршина. Несчастных случаев с людьми не было. Бомбы попали на открытые площади: одна близ артиллерийских казарм; другие – тут же, в 88 шагах от Вятских казарм, и третья – почти там же, но ближе к товарной станции, в 264 шагах от железнодорожных пакгаузов (между сараями Вятских казарм и кирпичным заводом). Исправник Бюффонов».

11 июля. – «11-го сего июля, в 6 часов утра, над поселком Поречье и станцией Друскеники Северо-Западных железных дорог, в районе Соболянской волости Гродненского уезда появились три неприятельских аэроплана, из них было брошено 23 бомбы, которые упали в следующих местах: одна взорвалась у главного здания станции-вокзала; осколками ее оторван каменный карниз и выбито 58 стекол в здании вокзала и оборваны телеграфные провода; другая упала около палатки 4-ой войсковой хлебопекарни, осколками этой бомбы ранена жена нижнего чина сказанной

пекарни Пелагея Гавриловна Рыкина, 26-ти лет; третья – в нескольких шагах от здания Соболянского волостного правления в поселке Поречье; осколками ее выбито 17 стекол в окнах волостного правления и легко задет угол самого здания. Остальные бомбы упали в разных местах близ поселка Поречье, а также рядом с полотном железной дороги, но никакого вреда ей ими не сделано. Потерпевшей Рыкиной оказана медицинская помощь. И.о. исправника Авдеевич».

Полиция и жандармы постоянно доносили о сбитых летательных аппаратах и задержанных населением неприятельских авиаторов, в том числе и с разведывательных аэропланов, а также об обнаружении воздушных шаров и найденных при их падении предметов, бумаг и т.д.[93]

Более-менее успешной можно назвать работу Гродненского ГЖУ в отношении местных филиалов известной фирмы «Зингер». 30 июня 1915 года прокурор Гродненского окружного суда сообщил гродненскому губернатору о том, что «в отделе генерал-квартирмейстера генштаба сосредоточились несомненные данные, что оперирующее в России акционерное общество по распространению швейных машин «Зингер и Компания», посредством хорошо организованной агентуры, разбросанной по всему государству, занимается шпионажем в пользу Германии. В виду вышесказанного, по распоряжению начальника штаба 10-ой армии в ночь на 7 июля в г. Гродно, на Серебряной улице, в городском отделении компании «Зингер», а также на квартире его заведующего Хонона Финкеля, а также агентов кампании – Иоселя Гольдштейна, Хаима Курецкого и Шепшеля Давидова, были произведены обыски, в ходе которых, кроме карты Гродненской губернии, «Списка населенных пунктов Сувалковской губернии», «Указателя населенных мест Гродненской губернии, жандармы вниманиеособо обратили на письма Х.Финкеля в Виленское отделение фирмы. В этих письмах приводились сведения как о расположении фортов Гродненской крепости, так о ходе их строительства, упоминались имена агентов этой фирмы, имеющих контакты с управлением по строительству крепости, а именно: Шутович, Мелешко и Гордон».

На основании полученной информации было дано распоряжение об немедленном аресте Финкеля и Курецкого и закрытии Гродненского отделения фирмы. Начатое 22 июля 1915 года дознание, в сжатые сроки было передано в суд, результатом чего явилось заключение обоих в Гродненский тюремный замок, откуда в начале августа они были переведены в Могилевскую губернскую тюрьму. Раскрытие агентурной деятельности среди служащих гродненского отделения компании «Зингер» больно ударило по служебной репутации полковника Шамшева, своевременно не принявшего по отношению к ним надлежащих мер, ибо еще 20 марта 1915 года начальник Гродненской крепостной жандармской команды представил ему список агентов этой фирмы, а также свое ходатайство о выселении их, «а равно и о прекращении торговой деятельности названной фирмы в г. Гродно на время военного положения». Об этом же докладывал начальник крепостной жандармской команды и начальнику штаба крепости, что называется «с целью

предупреждения вреднего направления деятельности гродненского отделения названной компании», однако никаких мер в ту пору к ней принято не было. В представленном руководству списке агентов фирмы «Зингер», кроме упомянутых выше Финкеля, Гольдштейна, Курецкого и Давидова значились также –Шапшель Залесянский, Мойша Жалковский, Иосиф Случак, Юдель Листонин, Куко Шапиро, Нохим Ланидж, Мовша Корин, Земя Виницкий. Всего же по губернии значилось свыше 130-ти сотрудников этой фирмы, За всеми ими был установлен негласный надзор полиции.[94]

В целом по России это акционерное общество на поприще шпионажа получило громкую известность. Официально общество «Зингер» числилось американским. В Америке действительно существовало правление фирмы «Зингер», но никакого влияния на дела в России оно не имело. Все производство деятельности фирмы на территории России исходило из Берлина. Компания «Зингер» имела строго продуманную систему построения, обеспечивающую сбор шпионских сведений по всей стране. Как стало известно в ходе следствия по делу фирмы, все области России, обслуживаемые фирмой, были разбиты на 4 района, во главе которых стояли так называемые вице-директоры. Районы, в свою очередь, подразделялись на «депо», в распоряжении которых находились агенты на местах. Особенно тщательно изучали агенты частичную и всеобщую мобилизацию, выясняя общее число и годы рождения призывников, а также как проходила мобилизация и как относилось к ней население.[95] Повышенную бдительность по отношению к подозрительным лицам проявляли жители г. Гродно, а также его окрестностей.

В мае 1915 года крестьянин деревни Голики Романовской волости Сокольского уезда Юрий Каменский сообщал в своем письме коменданту Гродненской крепости о том, что местный объездчик Егоров и лесничий-немец Михельсон симпатизируют Германии и что он «видел случайно в лесу, как Егоров указывал двум незнакомым мужчинам на строящиеся русские форты. Заметивший при этом Каменского Егоров ему спустя какое-то время стал объяснять, что «разговаривавшие с ним мужчины – это французские инженеры, которые сейчас строят крепость в Гродне, и что им нужен грабовый лес». На что Каменский прямо сказал: «Это никакие не французы, а немецкие шпионы…».

16 июня 1915 года крестьянин Каменковской волости Гродненского уезда Михаил Тимкевич письменно доносил коменданту крепости М.Н. Кайгородову о том, что бывший лесник Александр Дорошкевич и объездчик 4-го участка Яков Андрианов «мают знашение с германцами», и что это видела крестьянка Софья Муляк, проживающая в деревне Страж Каменковской волости.

22 июня крестьянин д. Свислочь Лашанской волости, укрывшийся под инициалами К.С., доносил жандармам о подозрительном поведении австрийского подданного Эдуарда Вагуды, поселившегося в селе Деречинке «три года тому назад, т.е. тогда, когда начала строиться Гродненская крепость. Тогда же поселился здесь в качестве управляющего имением

Свислочь графини Красинской некий Бакер. Вагуда и Бакер дружны, и их часто можно видеть на охоте в районе строящихся фортов».

В это же время задерживался жандармами по подозрению в военном шпионаже 24-х летний сын бывшего помощника бухгалтера Гродненского отделения Крестьянского банка Л.И. Шибаев, называвший себя сотрудником городской газеты «Наше утро». Устроившись репетитором в семье коменданта крепости, он, посещая редакцию, часто приносил с собой различные документы, имевшие больше характер не газетный, а скорее разведывательный (например, план размещения крепостного авиационного отряда и т.д.). По задержании Шибаева никаких компрометирующих его материалов или улик к обвинению его в шпионаже обнаружено не было. Вместе с тем стало известно, что Шибаев – человек ненормальный, страдающий манией величия. В 1912 году он находился на излечении в Виленской психбольнице, после чего неоднократно задерживался полицией по подозрению в мошенничестве, обмане и даже «в присвоении княжеского титула». В начале 1915 года командующий 10-й армией уведомил Гродненское ГЖУ «о вредной деятельности проживающих на территории крепости Гродно мещан Юделя Клемборта и его сыновей Берка и Вольфа, которые под видом продажи галантереи и продуктов среди нижних чинов занимались сбором военных сведений. По подозрению в военном шпионаже вся семья была выслана в Томскую губернию.[96]

Одним из средств борьбы с проникновением вражеских агентов в Гродненский укрепрайон было установление специального пропускного режима. «Обязательное постановление» коменданта Гродненской крепости генерала М.Н. Кайгородова от 6 февраля 1915 года («Гродненские губернские ведомости» от 10 февраля 1915 года) по этому поводу, в частности, гласило: «На основании п.19, статьи 23, т.2 «Свода законов» объявляю жителям города Гродны: 1) что мною воспрещается выход на улицу за исключением должностных лиц, состоящих на государственной и общественной службе, после 9 часов вечера, и 2) все магазины и лавки должны закрываться в 9 часов вечера. Виновные в нарушении настоящего обязательного постановления подвергаются в административном порядке аресту, притом до 3-х месяцев или денежному взысканию в 3 000 рублей».[97]

К этому же разряду властных мер следует отнести приказания верховного главнокомандующего генерала Янушкевича о воспрещении приезда в Гродну лицам, не имеющим особых удостоверений на проезд в пределах расположения войск частным лицам на автомобилях, мотоциклах и велосипедах без особого удостоверения, выхода на улицу после сумерек и до рассвета, а также об затемнении окон горожанами при включении ночного освещения («Наше утро» (№ 140) от 22 мая 1915 года).[98]

По разным причинам эти требования, по-видимому, в полном объеме не выполнялись, поэтому спустя какое-то время появлялись новые постановления, конкретизирующие порядок действия ранее принятых постановлений. 9 июня 1915 года в «Гродненских губернских ведомостях» (№ 38) было опубликовано обязательное объявление губернатора В.Н. Шебеко о

порядке выдачи пропускных билетов на выезд и выезд из Гродно. Такие билеты выдавались всем горожанам в канцелярии губернатора при условии предъявления удостоверения о личности… и благонадежности. Для этого, кроме прошения, надо было прилагать и фотокарточку, засвидетельствованную полицией. 3 июля в «Гродненских губернских ведомостях» (№ 45) было опубликовано «Обязательное постановление для жителей крепости Гродно и 50-ти верстного ее района», в соответствии с которым: «1) въезд в крепость Гродну разрешен лишь лицам, имеющим на то особые удостоверения от надлежащего начальства; 2) удостоверение на право пребывания в крепости выдается бесплатно по письменным заявлениям, без ограничения срока – белого цвета, а временно пребывающим – красного цвета; передача удостоверений другим лицам строго запрещена под страхом наказания; 3) заявление об утере удостоверения подается только в письменной форме; 4) в пределах крепостного района передвижения частных лиц на автомобилях, мотоциклах и велосипедах воспрещается. В случае нарушения этих требований машины конфискуются». Штраф за нарушение «Обязательных постановлений» равнялся 3 тысячам рублей или 3-месячному заключению в тюрьме.

В 50-ти верстный район крепости входили следующие уезды и волости: по Гродненской губернии – Гродненский уезд и Сокольский уезд (полностью), а Волковысский уезд – Верейковская волость; по Сувалковской губернии – Сейненский уезд, гмины Лейпунская, Берзниковская, Коптевская и Покровская; по Августовскому уезду, гмины Щебро-Ольшанская, г. Августов, Кельницкая, Штабинская. Воловичевская, Курьянская, Петропавловская, Баля-Вельская, Гольшанская и Лабненская; по Виленской губернии – Лидский уезд, волости Острынская, Щучинская; Трокский уезд – волость Меречская.

С течением времени командование Гродненской крепости вынуждено было идти на определенные послабления поставщикам товаров и продовольствия в так называемую «запретную зону». Так, 4 июля 1915 года начальник штаба крепости сообщил начальнику Гродненского ГЖУ «о тех грунтовых и шоссейных дорогах, которые открыты для въезда в Гродненский крепостной район: шоссе Сопоцкин-Гродна; Августов-Минск-Гродна; Домброва-Новый Двор-Гродна; Кузница-Гродна; Индура-Гродна, Скидель-Гродна; Озеры-Гродна; Гожа-Грандичи-Гродна; грунтовая дорога Огородники-Русота Каменная-Малыщино-Гродна».[99]

С началом военных действий МВД была предпринята высылка подданных враждующих с Россиею держав во внутренние губернии. Первоначально мера эта применялась лишь по отношению к неприятельским подданным военнообязанных возрастов. Но затем в некоторых местностях, состоящих на военном положении, в том числе и в Гродненской губернии, появилась необходимость полного их очищения от австро-венгерских, германских, а затем и турецких подданных. Вскоре, однако, выяснилось, «что отдельные лица перечисленных подданств, принадлежа по своему происхождению к славянским и другим благоприятствующим народностям, являются людьми, преданными русским интересам, а потому высылка их является излишней».

Было принято решение о возможности их оставления или возвращение к месту постоянного жительства при условии «принадлежности к славянским народностям или к французскому и итальянскому происхождению неприятельских солдат, исповедание православной веры германцами и австровенграми и одной из христианских религий, нахождение в богадельнях или приютах, а также в больницах».

За период с 24 июня по 20 августа 1914 года из г. Гродно и уезда были высланы в Якутск, Самару, Вологду, Оренбург, Вятку, Тверь 20 военнопленных, (т.е. лиц призывного возраста) из числа германский и австрийских подданных (Генрих Макс, Иоанн Гавинс, Юлиан Тыцман, Александр Франке, Генрих Месснер, Антон Рейндль, братья Найманы и др.).

На 1 ноября 1914 года из пределов Гродненской губернии было выслано: 683 военнопленных (военнообязанных) германских и австрийских подданных, а оставлено временно лишь 11 (Штапер, Келлер, Шпурк, Эйльман, Буш, Дикерт и др.). Среди прочих было также выслано 305 мужчин не военнообязанных, 811 женщин и 675 детей до 16 лет. Из Гродно и уезда, кроме ранее указанных 20-ти военнообязанных, были высланы: 4 мужчин старших возрастов, 9 женщин и 10 детей.

Одновременно высылались и русско-подданные в разные города империи (по распоряжению коменданта Гродненской крепости), «пребывание которых в Гродненском крепостном районе, объявленном на осадном положении, было признано вредным. На 1 ноября их в списке состояло 147 человек. Высылались они преимущественно в Минск, Новогрудок, Слуцк, Мозырь, Витебск, Могилев, а отдельные – вглубь империи.

24 января 1915 года гродненский губернатор по этому поводу докладывал начальнику военного округа следующее: «Уведомляю, что на основании последовавших с началом войны распоряжений военных и гражданских властей о высылке в определенные места подданных враждебных нам держав выслано из местностей Гродненской губернии, входящих в район Двинского военного округа, военнообязанных германских, австрийских и турецких подданных 626 человек и не относящихся к категории военнообязанных мужчин, женщин и детей свыше 1600 человек. На жительство в губернии оставлено преимущественно женщин и детей из числа Германии и Австрии подданных 304 души, в том числе 9 военнообязанных, оставление коих разрешено Главным начальником военного округа. Этому предшествовала тщательная проверка поведения и деятельности, при полном отсутствии подозрения в шпионстве. Большинство из оставленных женщин – местные уроженки, русско-подданные, вышедшие в замужество за иностранных подданных, издавна поселившихся в губернии на постоянное жительство. Все оставленные лица подчинены строгому наблюдению полиции и до настоящего времени никто из них ни в чем предосудительном замечен не был».[100]

В числе немцев-колонистов в возрасте от 15 лет и старше, высланных впоследствии предписания властей от 31 декабря 1914 года во внутренние губернии из полосы шириной в 15 верст в каждую сторону от железных дорог, проходящих через Гродненский уезд, значились следующие лица: Адольф

Гольцман, Генрих Гольцман, Роберт Корт, Генрих Корт, Юлий Дитрих, Антон Дитрих, Александр Гольцман, Рудольф Клем, Фердинанд Рик, Карл Рик, Карл Люббе, Август Люббе, Вильгельм Кохановский, Генрих Кохановский, Иоанн Зембрал, Генрих Шенеман, Казимир Фоляжинский, Альберт Шреттер, Александр Корчинский, Франц Фоляжинский и др.

При выселении практически не брались во внимание ни возраст, ни состояние здоровья, ни заслуги немцев-колонистов. За одного из них решил заступиться, послав письмо губернатору, епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий), сославшись на то, что мать одного из высылаемых «была родной сестрой умершего священника Новодворской церкви Иоанна Носковича», и что «сам высылаемый – человек православный и высоких религиозных и человеческих качеств». При всем уважении к владыке, ответ губернатора был неутешительный: «Ваше Преосвященство, милостивый Архипастырь и отец. Имею честь уведомить Вас, что к глубокому моему сожалению, я положительно лишен возможности исполнить желание Вашего Преосвященства об освобождении от высылки известного Вам лица немецкой национальности и русского подданного ввиду того, что распоряжение об этом последовало в категорической форме от высших военных властей. Возраст для высылаемых определен свыше 15 лет и каким-либо пределом не ограничен, вероисповедание также не дает права на отмену его высылки. Испрашивая Архипастырского благословения и молитв Ваших, имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугой. В. Шебеко. 15 марта 1915 года».[101]

31 декабря 1914 года губернатор предписывал Гродненскому уездному исправнику «согласно распоряжению Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта принять меры к немедленному выселению из полосы шириной 15 верст в каждую сторону от железных дорог, проходящих по вверенному вам уезду и входящих в район Северо-Западного фронта, во внутренние губернии Империи, всех немцев-колонистов мужского пола в возрасте 15 лет и старше, кроме больных, не могущих выдержать переезда. При выселении руководствоваться нижеследующими указаниями: 1) под колонистами надлежит разуметь всех крестьян русских подданных немецкой национальности; 2) онемеченные литовцы-лютеране также подлежат выселению; 3) на немцев, проживающих в городах, высылка не распространяется; 4) равно от высылки освобождаются немцы, состоящие на выборной общественной службе, но за ними должно быть усилено наблюдение; 5) от высылки освобождаются нижние чины, находящиеся в длительных отпусках: 4) немцы, подлежащие вскоре призыву и еще не призванные ратники ополчения, должны быть высланы, так как могут быть призваны и в новых местах жительства. Выселенных надлежит отправить по проходным свидетельствам в избранные ими местности, не состояние на военном положении и не входящие в район театра военных действий. Именные списки всех выселенных представить мне с указанием места приписки и возраста высланных, а также времени и места их высылки».

По данным полиции в районе 1 стана Гродненского уезда насчитавалось вместе с членами семейств – 22 немца-колониста, 2-го стана – 23, 3-го стана – 47, а 4-го стана – 68 человек. После изучения полученных сведений об этой категории населения, согласно постановлению от 24 января 1915 года из Гродненского уезда было выслано 84 немца-колониста из числа так называемых русских подданных. Большая часть их служила батраками, столярами, плотниками, кузнецами. Недвижимого имущества при себе не имели, по вероисповедению были среди них лица лютеранского, реформаторского и православного вероисповедания, но большинство из них все-таки относило себя к римо-католикам. Большая часть их была отправлена в Орловскую губернию, меньшая – в Калужскую и Тульскую. С просьбой о приостановлении выселения отдельных из них ходатайствовали перед губернатором местные ксендзы. Так, настоятель Велико – Берестовицкого приходского костела Бесекерский 1 февраля 1915 года по этому поводу писал: «Имею честь покорнейше просить приостановить выселение моих прихожан-мещан Карла Байера (44 лет) с сыновьями: Осипом (18лет) и Станиславом (15 лет), а также мещанина – Волковыска Иоанна Бибера (16 лет). Все они – уроженцы Гродненской губернии. В настоящее время они служат в имении Великой Берестовице графа Корвин-Коссаковского. Люди они спокойные, поведения самого лучшего, под судом никогда не состояли. Выселяются неизвестно по каким причинам. Фамилии их немецкого характера, и отцы их когда-то были немцами, но они уже давно приняли русское подданство и вполне являются местными уроженцами. И разве это составляет причину к выселению из родных мест спокойных рабочих людей. В виду еще крайне бедственного положения, в котором оставляет свою семью Байер и свою единственную из родных – мать Бибер, я еще раз покорнейше прошу Вас обратить на это благосклонное внимание и приостановить их высылку». Следует заметить, что эта просьба была учтена губернатором, и помянутые в прошении лица были оставлены на месте постоянного жительства.[102]

На 1 июня 1914 года в г. Гродно проживало 26 человек из числа иностранных подданных вообще, на то же время в уезде их было 59 человек. Речь шла не только о подданных из воюющих с Россией государств, но и тех, которые находились с нею в союзнических отношениях.[103]

Что касается непосредственно военнопленных германской армии, то они в Гродно, как правило, задерживались лишь на несколько дней, после чего партиями отправлялись вглубь страны. Учет всей массы этих людей, взятых в плен на полях сражений разных фронтов, был крайне затруднен, поэтому командованием российской армии признано наиболее целесообразным, начиная с 1915 года, проводить раз в месяц повсеместную однодневную перепись всех без исключения военнопленных, находящихся на этапных пунктах в лазаретах, эшелонах и т.д. В феврале 1915 года таким днем было назначено 28 февраля. В этот день по данным переписного бланка этапного пункта в г. Гродно находилось 5 офицеров (4 немца, 1 эльзас-лотаргинец) и 348 нижних чинов (313 немцев, 19 славян из познанских поляков и 16 эльзац-лотарингцев), а всего 353 человека.[104]

22 июля 1914 года командующий 10-ой российской армией предписал гродненскому губернатору и начальнику местного ГЖУ «выслать из района округа за Волгу всех германских и австрийских подданных, употребив силу в случае отказа их выехать добровольно». 13 августа гродненский губернатор выслал для руководства исполнение всем начальникам полиции Гродненской губернии специальные «Правила», в которых имелось указание на то, что «все австрийские и германские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, способные носить оружие, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту и высылке в места водворения за свой счет». Арестованные же по подозрению в шпионстве, но без определенных улик немедленно должны были высылаться в те же местности. Арестованные с уликами в шпионстве предаются военному суду. Так, «немецкий вопрос» стал поистине судьбоносным для колонистов этой национальности на Гродненщине, которые уже в начале октября 1914 года были приравнены к «подданным враждебных государств» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В Гродно и его окрестностях проживало около тысячи немцев, которых военное руководство, а вторя ему и пресса, а зачастую просто обыватели, рассматривали как потенциальных шпионов и резерв германской армии. Отчасти это оправдывалось действием в Германии закона о двойном гражданстве и значительным числом немцев, уклонявшихся от призыва в русскую армию в мирное время. Поэтому компания по выдворению русских подданных немецкого происхождения из пограничных областей и крепостных районов выглядела вполне естественно. На «добровольный выезд» немецким колонистам давалось всего лишь 5 дней, в противном случае следовала отправка по этапу.

Летом 1915 года в ходе широкомасштабных эвакуационных мероприятий вопрос о выселении иностранцев из Гродненской губернии по-прежнему не снимался с повестки дня. Так, 17 июля главный начальник снабжения армии Северо-Западного фронта напоминал гродненскому губернатору о том, что «немцы-колонисты, если они русские подданные, подлежат направлению по проходным свидетельствам к местам водворения в Ярославскую, Орловскую, Курскую и Тульскую губернию, кроме Тульского уезда. В случае отсутствия у них на это средств, то они должны быть отпущены военным ведомством, на котором лежит забота об их передвижении». Под выселение подпадали все крестьяне немецкой национальности, а за лицами, которые находились на государственной службе, устанавливался негласный надзор полиции. За период с января по март 1915 года с Гродненской губернии выбыло во внутренние губернии России по неполным сведениям 1800 человек.[105]

В этой истории с выселением немцев для меня как автора есть немало родственного, личного. Моя бабушка по линии отца – Мария Францевна Черепица была дочерью крестьян деревни Грандичи, что под Гродно. Ее отец и мой прадед Фриц (Франц) Зедлер был из немцев-колонистов, переехавших сюда из-под Белостока в середине XIX века, а ее мать и моя прабабушка Мария Сиверова являлась коренной жительницей Грандич. По словам

тетушки Ольги – старшей в семье моего отца, Фриц Зедлер имел большой кирпичный дом под железной крышей, две лошади (одна из них для выезда в люди и в город) и три коровы; держал он свиней и птицу; немалый имел и земельный участок. Дом этот находился неподалеку от каплицы, что и явилось впоследствии причиной его разрушения германской артиллерией летом 1915 года. Противник вел огонь по каплице, где находился русский наблюдатель, а попал в дом своего соплеменника. К этому времени в нем уже никто не жил. Из отрывочных воспоминаний родственников можно судить, что Фриц Зедлер был дважды женат: первый раз на Анне Арциш, одарившей его дочерью Евгенией, а второй раз на Марии Сиверовой. От этого брака родилась моя бабушка Мария. Свою фамилию дочерям молчаливый немец не дал, рассчитывая, вероятно, на сына. Прадед был прилежным прихожанином Гродненской кирхи, а прабабушка с девочками – Софийского православного собора. В этом соборе в 1901 году венчались Мария Францевна и мой дед по отцовской линии Иван Викентьевич Черепица. Жизнь обоих до этого не баловала. Из-за большого домашнего хозяйства Фриц дочь в школу не пускал (читать и писать она выучилась самостоятельно), заставляя работать с раннего утра до ночи. Нелегко приходилось в жизни и Ивану, еще подростком начавшим работать «на путях», а к моменту женитьбы ставшему уже составителем поездов на станции Гродно.

Фрицу эта партия не понравилась, а потому в приданое Марии он ничего не дал. Жила она с Иваном скромно, в маленькой комнатушке барака, рядом с пакгаузом, но, судя по всему, счастливо: душа в душу. Нарожали семеро детей, мой отец, родившийся в 1914 году в Белостоке, был по счету четвертым. В годы революции 1905-1907 (точное время неизвестно) Ивану повезло. Как-то возвращаясь после ночной смены домой, он заметил неподалеку от станции недавно разобранную злоумышленниками путевую стрелку. Понимая, чем это может грозить уже ближайшему поезду (по некоторой версии царскому), он бросился на станцию… За этот поступок мой дед получил от начальства повышение – должность стрелочника на одном из разъездов под Белостоком. Молодые поселились в добротном типовом доме («николаевском») со всеми необходимыми хозяйственными постройками, завели скотину, птицу. Когда осенью 1915 года германские войска стали подходить к Белостоку, Черепицы вместе с другими железнодорожниками были эвакуированы под Петроград, в Сергиеву Пустынь, а затем в Нижний Тагил, на Урал, где большое семейство в полной мере испило чашу беженства: голод, холод, тоску по родным местам.

А что же Фриц Зедлер с семейством? Известно, что незадолго до войны, он то ли по причине неурядиц в семье, то ли проволочек местных чиновников в деле покупки колонистом соседского участка в сердцах разбил «рамку с портретом царя в волостном правлении». Об этом поступке Фрица тотчас же донесли куда надо, и уже раненько утром его «за оскорбление особы его императорского величества» арестовали и под конвоем двух конных полицейских пешком погнали в Гродно, где он, пока проводилось дознание,

около трех месяцев просидел в тюремном замке. Выплатив по суду солидный штраф, прапрадед вернулся домой еще более молчаливым и угрюмым.

Как только началась война, русскоподданный неблагонадежный немец в числе первых попал под выселение. О том, как это происходило, свидетельствует архивное дело из фонда гродненского губернатора, озаглавленное «О выселении из Гродненской губернии по обстоятельствам военного времени крестьян деревни Грандичи Фрица Зедлера, Марии Сиверовой и Евгении Арциш в целях сохранения общественного порядка. Началось октября 21 дня 1914 года. Кончилось мая 15 дня 1915 года». Таких дел в ту пору было немало. рассмотрим их на примере моих предков. Начинается дело с сообщения коменданта Гродненской крепости генерала Д.Н. Кайгородова от 20 октября 1914 года в адрес губернатора В.Н. Шебеко: «В целях предупреждения преступной деятельности мною запрещено навсегда проживание в общем крепостном районе Гродненской крепости жителям дер. Грандичи Гродненского уезда Фрицу Зедлеру, Марии Сиверовой и Евгении Арциш. Сообщая о сем, прошу зависящего распоряжения Вашего Превосходительства о выселении означенных лиц из пределов общего крепостного района в 3-х дневный срок со дня объявления им сего подведомственной Вам полицией. За этим сообщением следовало предписание гродненского губернатора уездному исправнику от 21 октября 1914 года: «В целях предупреждения преступной деятельности комендантом Гродненской крепости воспрещено навсегда проживание в общем крепостном районе Гродненской крепости жителям дер. Грандичи Гродненского уезда Фрицу Зедлеру, Марии Сиверовой и Евгении Арциш. В виду сего предписываю Вам в трехдневный, со дня объявления сего, срок выслать означенных лиц, в порядке 16 п.19 ст. Правил о местностях, объявленных на военном положении и не входящих в район театра военных действи. О времени и месте высылки мне донести. Губернатор. Управляющий канцелярией». В силу каких-то причин выселение немца Зедлера задержалось, но уже 8 ноября того же года Гродненский уездный исправник рапортовал губернатору: «На предписание от 21 октября за № 22449 доношу Вашему Превосходительству, что жители дер. Грандичи Гродненского уезда Франц-Фриц Зедлер и Мария Сиверова выселены навсегда из крепостного района Гродненской крепости и отправлены в Карачевское уездное полицейское управление Орловской губернии для водворения их по месту избранного ими места жительства в г. Карачеве, о чем сообщено названному полицейскому управлению и донесено Орловскому губернатору. Евгения Арциш, еще до получения нами предписания Вашего Превосходительства, выбыла на жительство в г. Белосток (возможно к Марии и Ивану Черепица, жившим в ту пору уже там – В.Ч.), а потому копия предписания за № 22449 для приведения во исполнение в отношении ее передана в Белостокское полицейское управление. За появлением означенных лиц в крепостном районе установлено наблюдение».

Наверное, в Карачеве гродненским выселенцам пришлось не по душе, ибо просто так они бы не решились на побег с места водворения. Факт этого

упоминается в письме орловского губернатора гродненскому от 5 мая 1915 года: «Возвращая переписку об упоминаемых в отношении Вашем от 10 ноября 1914 года за № 23578 Фрица Зедлера и Марии Сиверовой, коим комендантом Гродненской крепости воспрещено навсегда проживание в общем крепостном районе Гродненской крепости, сообщаю Вашему Превосходительству, что означенные лица скрылись из избранного ими места в г. Карачев в неизвестном направлении, о чем Карачевским исправником сообщено Гродненскому исправнику 20 минувшего апреля за № 1597. Вместе с тем, прошу сообщить мне сведения о том, не обуславливалась ли высылка упомянутых лиц из района Гродненской крепости шпионством их».

В результате внутренней переписки (губернатор – комендант крепости – начальник ГЖУ – полицмейстер – уездный исправник) для ответа орловскому губернатору так и не нашлось предметного указания на преступную деятельность грандичских колонистов, кроме уже известной формулировки – «высланы в целях предупреждения преступной деятельности», «выселены в целях сохранения государственного порядка».[106]

Оправдана ли была депортация немецких колонистов из Гродненщины? Логика войны неизбежно толкала власти на это. Цивилизационным ли способом решался «немецкий вопрос» в прифронтовой полосе? В целом – да, но были и другие факты. Добились ли власти тех целей, которые ставили перед собой, начиная выселение немецких колонистов? Думается, что только частично, да и то лишь в идеологическом плане в целях возбуждения патриотических настроений и ненависти к врагу. В экономическом же плане депортация немцев привела не только к лишению ими собственности под предлогом национальной принадлежности, но и к осложнению кризиса в транспортной и продовольственной областях в центральных и восточных губерниях России, где вместе с другими беженцами немецкие колонисты оказались лишенными средств к существованию. А это через возбуждение общественного недовольства вело к политической нестабильности и к нарушению т.н. «государственного порядка», основы которого правители страны сами вольно или невольно подрывали.

А что же Фриц Зедлер и Мария Сиверова. Их дальнейшая судьба (после исчезновения из г. Карачева) неизвестна. Да, собственно, их поиском Черепицы никогда и не занимались из-за боязни упреков в связях с «врагами народа», «неблагонадежными», а тем более – чуть ли не со «шпионами». И вообще, кто занимался поиском своих родственников в 20-30-е годы, когда тысячи людей вообще безо всяких «связей» уничтожались в горниле все обостряющейся «классовой борьбы»? В преддверии войны с гитлеровской Германией даже самые отдаленные намеки на тему немецкого происхождения могли обернуться для всех «родственников» большой трагедией. Вот почему же в ту пору со стороны потомков Зедлеров и Черепиц стали распространяться версии о том, что Мария Францевна была не родной, а приемной дочерью Фрица Зедлера. Впрочем, имеет ли все вышесказанное сегодня какое-либо значение. Наверное, нет, но уже сам факт поиска альтернатив о «выравнивании» своей родословной в соответствии с

колебаниями политической конъюнктуры свидетельствует об предельных деформациях, которым были подвержены в процессе формирования своего исторического самосознания жители Гродненщины советской поры.

В начале февраля 1915 года император Николай II утвердил положение Совета министров о повсеместном прекращении как продаж, так и сдачи в аренду казенных недвижимых имуществ всем австрийским, венгерским, германским и турецким подданным, а также состоящим в русском подданстве австрийским, венгерским и германским выходцам. Кроме того, последние были обязаны в предельно сжатые сроки продать принадлежащие им вне городских поселений свои имущества, которые «в случае неисполнения этого требования продаются с публичного торга». В связи с этим на губернские управления земледелия и госимуществ возлагалась обязанность не только составления именных списков, подходящих под действие упомянутых узаконений владельцев, приобретших недвижимое имущество от казны, но и обеспечение контроля за тем, чтобы при продаже этих имуществ не пострадали интересы казны.

Согласно положениям казны от 2 февраля 1915 года и распоряжений правительства от 3 февраля того же года подлежали отчуждению в установленные местными властями сроки недвижимые имущества 37 лиц из числа иностранных выходцев и подданных, находившихся на территории Гродненской губернии. Их список, с указанием имущества, подлежащего ликвидации и места его нахождения был опубликован 15 мая 1915 года в № 31 «Гродненских губернских ведомостей». Первой в списке была указана австрийская подданная графиня Тышкевич, имевшая в Слонимском уезде имени в 559 десятин земли. Были в нем и немецкие подданные, и русские подданные из германских выходцев, владевшие в Гродненской губернии небольшими заводами и фабриками, домами, земельными участками (Ю.Г. Швефель, В.К. Лямпрехт, В.И. Фреймарк, Ф.Г. Зыбер, А.Г. Шульц и др.).

В годы войны строгий учет был налажен и за имуществом, принадлежавшим лицам немецкой и австрийской национальностей, высланных из пределов Гродненской губернии по распоряжению военных властей. Только по Бельскому и Волковыскому уездам такими лицами было признано 44 человека. Более всего прусских (немецких) подданных проживало в местечках Россь и Изабелин Волковыского уезда (соответственно – 5 и 19 семейств). Все они владели недвижимостью в виде домов, а также участками усадебной и пахотной земли от 9 до 70 десятин.[107]

Накануне оставления Гродненского уезда русской армией здесь по данным полиции оставалось проживать лишь 11 семейств землевладельцев из числа русских подданных, но до недавнего времени находившихся в германском или австрийском подданстве. Их главами были: Августин Курау, владевший 4 десятинами земли с усадьбой и мукомольной мельницей при д. Жукевичи Горницкой волости; его брат Адольф Курау, владевший 16 десятинами земли и мукомольной мельницей в урочище Лососна; Михаил Менцель, владевший 8 десятинами земли при имении Свислочь-Горная Лашанской волости; наследники покойного Александра Розенблума, из которых его сын Люциан,

находился в действующей армии, владевший свыше 700 десятинами земли в имениях Уснарж-Макаревцы и Голынка Крынской волости; Эдуард Гутцакт, владевший двумя плацами земли (в 500 и 600 кв.саж.) в м. Крынки; Эрнес Крабш, владевший в Кринках плацем в 500 кв.саж.; Оттон Рык, владевший 7 десятинами земли при имении Длугополь Гудевичской волости; Александр Корчинский, владевший 50 десятинами земли при фольварке Цидзиковщина Каменской волости; Август Люббе, владевший 9 десятинами земли при фольварке Струпин Жидомлянской волости; Антон Вассальский, имевший плац в 1428 кв.саженей в м. Скидель; Генрих Шенесман, арендовавший дом на плацу в 900 кв. саж. при имении Стефанишки, неподалеку от железнодорожной станции Мосты. Все названные лица ни в чем предосудительном полицией замечены не были. Не было у полиции и претензий к лицам из числа германских, австрийских, северо-американских, итальянских, французских, английских подданных, проживающих в уезде и служивших у помещиков в качестве домашних учительниц иностранных языков, бонн и т.д. Было их здесь всего 12, как указано в документах – «девиц» : Мария Мото, Жотина-Елизавета Пэррэн, Матильда Шеваллер, Анна Клержу (все они были записаны как «французские польки»), Элен Хеменс, Паулина-Мария Нейман, Мария-Тереза Марель, Жержета Люка, Франтишка Греко, Алоиза Клееман, Жанна Роина, Мария Виньерс.

Политическая благонадежность данных и других лиц подтверждалась рапортом уездного исправника гродненскому губернатору от 19 января 1915 года: «Вследствие предписания от 17 декабря 1914 года, доношу Вашему Превосходительству, что немецких обществ, имеющих целью объединение немецкого элемента на почве узко-национальных интересов и проведения германских национальных тенденций во вверенном мне уезде нет».[108]

О готовности дать отпор врагу, о драматизме военной ситуации, сложившейся в пределах Гродненского укрепрайона в июне-июле 1915 года свидетельствуют их самые различные проявления, так или иначе зафиксированные в губернской документации. О природе же отдельных из них можно лишь только догадываться. Так, 26 июня 1915 года губернатор В.Н. Шебеко предписывал всем полицейским чинам («Совершенно секретно и в высшей степени экстренно»): «представить мне конно-нарочным стражником в недельный срок: 1) список кладбищ, имеющихся во вверенном вам стане, с указанием при каком местечке, селе или деревне эти кладбища расположены; 2) о числе железных памятников, металлических крестов и оград, находящихся на означенных кладбищах, указав приблизительно вес оград, крестов и памятников по каждому кладбищу отдельно и 3) сведения о числе железных оград, памятников и металлических крестов, находящихся при дорогах, а также с указанием приблизительного веса их и месторасположения. Сведения эти должны быть представлены мне 3 июля, но отнюдь не позже».

Весь тон и характер этого документа, отсутствие объяснений, с какой целью задумана требуемая работа и неоднократные указания на вес металлических культовых предметов, их месторасположение и т.д. невольно наталкивают на

вопросы разного рода, в том числе и кощунственного свойства, неужели все это могло быть уничтожено во имя задач обороны города-крепости? Ответа на него, вероятно, так и не найти, тем более, что ни одного факта об уничтожении народных святынь до нас не дошло, между тем, само предписание губернатора о сборе необходимых сведений было исполнено в точности и в срок. Благодаря чему мы, потомки гродненцев тех лет обрели уникальные данные о состоянии кладбищенского дела в ту пору, тем более, что до настоящего времени многие из ниже упомянутых святынь уже не сохранились. Заметим, что полиция вначале собирала сведения о кладбищах и других культовых предметах всех без исключения конфессий, но в последующем информация об еврейских и мусульманских и реформистско-протестантских кладбищах была оставлена «за ненадобностью» (может из-за отсутствия на надгробиях металла) все усилия были сосредоточены на православных и католических кладбищенских объектах и придорожных крестах. После того, как поступившие из города Гродно и уезда данные были обработаны и обобщены, губернатору были положены на стол следующие цифры: на 1 августа 1915 года в границах укрепрайона насчитывалось 101 кладбище, на которых имелось 37 металлических памятников, 3068 крестов и 287 оград (также из металла) общим весом 3272 пуда 699 фунтов. При дорогах только одного Гродненского уезда было выявлено: 3 металлических памятника, 149 памятников с металлическими крестами, 62 чугунных и железных ограды общим весом 380 пудов 899 фунтов. Итоговые же цифры были следующими: 40 памятников, 3217 крестов, 349 оград. Все это давало вес – 3652 пуда 598 фунтов.

Обращает на себя некая избирательность составителей данных сведений в выборе объектов изучения. Так, например, из названного списка были исключены гродненские городские кладбища и были указаны лишь те, которые находились в Занеманском форштадте г. Гродно. Здесь на римско-католическом кладбище было выявлено 26 крестов и 6 оград из металла (101 пуд, 20 фунтов), а на православном лишь одна ограда весом в пять пудов.

Весьма символично, что в тогдашнюю переписку губернатора с полицейскими чинами уезда на кладбищенскую тему внезапно как бы вклинивалось секретное предписание начальника губернии уездному исправнику от 21 июля 1915 года: «Главнокомандующий еще раз настаивает, чтобы при отходе войск, жители оставались на местах. Поэтому предлагаю Вашему Превосходительству сделать распоряжения подведомственным Вам чинам полиции, чтобы они не уговаривали население уходить».[109]

На основании распоряжения коменданта Гродненской крепости все правительственные гражданские учреждения г. Гродно обязаны были выехать, т.е. эвакуироваться и уже вторично, 30 января 1915 года в г. Слоним. Грузы принимались на товарной станции с 12 часов дня. Отправление спецпоезда было назначено на 7 часов вечера. Уведомление об эвакуации под роспись получили 36 учреждений города и уезда. 30 января из города и уезда выехало в Слоним 587 человек, а с ними – 4.890 пудов груза. 31 января – 743 человек и 6.600 груза. Выезд чиновников обратно в Гродно, даже в пасхальные дни к

семьям, осуществлялся лишь по письменному прошению и личного разрешения на это губернатора. При возвращении учреждений обратно из Слонима в Гродно возникли трудности, связанные с тем, что помещения эвакуированных учреждений за это время оказались занятыми войсками, ставшими там на постой. В сложившейся ситуации губернатор Шебеко приложил немало усилий, чтобы убедить коменданта крепости генерала М.Н.Кайгородова «отдать распоряжение о размещении войск для постоя в первую очередь по обывательским квартирам, предназначив помещения учреждений под постой войск на случай неотложной необходимости».

Много внимания уделял губернатор эвакуированному Красностокскому женскому монастырю, о чем свидетельствует масса его телеграмм к военным и гражданским властям с просьбами о содействии настоятельнице монастыря игуменье Елене и всем его насельницам.[110]

Во время войны император Николай II неоднократно бывал на территории Гродненской губернии. Одна из таких его поездок имела драматические последствия, получившие освещение в архивном деле, озаглавленном «Об обеспечении семьи крестьянина Сахарчука Ильи Евстафьевича, умершего от удара автомобиля охраны Государя Императора 22 июня 1915 г.». Вот как о сложившемся докладывал гродненскому губернатору местный уездный исправник в тот же день: «Ваше Превосходительство, о Высочайшем проезде меня никто не уведомлял. Об этом я узнал только за полтора часа до проезда, обнаружив проехавшую на автомобиле царскую охрану. В этот день по шоссе Пружаны-Беловеж-Гайнувка шло свыше 500 подвод, на которых ехали 2000 рабочих, следовавших на работы в Гродно.[111] Мною немедленно были посланы конные стражники, чтобы очистить от случайных подвод дорогу, так как Высочайший проезд ожидался из Барановичей через Волковыск на Ружаны-Пружаны. Стражники очистили путь насколько смогли, но часть подвод, за 5 верст до Беловежа, они не успели догнать, и хвост этих подвод нагнали два автомобиля, шедшие с охраной его Императорского Величества. Однако сопровождавшие рабочих урядники, услышав шум автомобилей, свернули все эти подводы в сторону, так что проезд оказался совершенно свободным (подводы каждой волости следовали под наблюдением своего урядника). Между тем, при приближении автомобилей с охраной, лошадь крестьянина Ильи Сахарчука, испугавшись шума, а возможно от укусов оводов (которых в пуще масса), бросилась в сторону с такой силой, что отбросила Сахарчука прямо на полотно шоссе, под автомобиль охраны, который и смял его, причинив смерть. Не зная, что сзади идут еще автомобили, не зная, что вообще в одном из них следует Его Величество, крестьяне столпились близ умирающего и собирались уже снести его в лес, в сторону. В это время подъехал сам Государь Император и изволив поинтересоваться происшествием, сам расспрашивал и разговаривал с крестьянами, которые не знали, кто именно говорит с ними; когда же подъехал урядник, вероятно, сказавший крестьянам, кто перед ними, то все стали кричать «ура» и радостно приветствовать Государя Императора. Затем Его Величество спрашивал, куда идет столько подвод с людьми и зачем, а

когда услышал, что они все направляются в Гродно на строительство фортов крепости, то Государь Император несколько раз милостиво им поклонился. Убитый крестьянин по фамилии Сахарчук имеет 56 лет, родом он из деревни Цвальбичи Ревятичской волости Пружанского уезда».

23 июня, т.е. на другой день после того происшествия, из Ставки Верховного главнокомандующего, от министра императорского двора графа Фредерикса на имя губернатора Шебеко пришла телеграмма: «Прошу Ваше Превосходительство сделать немедленное распоряжение о выдаче теперь же от имени Императорского Величества вдове умершего 22 июня крестьянина деревни Цвальбичи Пружанского уезда Ильи Сахарчука денежное воспомоществование на похороны и другие расходы в пятьсот рублей, объявив, что о дальнейшей судьбе семьи погибшего Государь Император повелел озаботиться. Размер обеспечения семьи будет зависеть от ожидаемого от Вас сообщения сведений о составе и положении семьи покойного Сахарчука. Произведенный Вами расход по выдаче пятисот рублей будет возмещен безотлагательно денежным переводом».

Часом позже губернатор получил телеграмму от Дворцового коменданта В.Н.Воейкова: «Милостивый Государь Вадим Николаевич. 22-го сего июня, при следовании Государя Императора в Беловеж, не доезжая несколько верст до дворца, автомобиль охраны его Императорского Величества, проезжал мимо крестьянина, стоявшего слева на дороге и державшего под узды лошадь. Во время прохода автомобиля лошадь рванулась, толкнула крестьянина к автомобилю, последний задел крестьянина, который упал и тут же скончался. Покойный, по показаниям односельчан его Гулинского и Левчука, которых он вез на работы в Гродно, оказался крестьянином деревни Цвальбичи (в другой редакции Свадбичи. – В.Ч.) Ревятинской волости Пружанского уезда Ильей Евстафиевичем Сахарчуком, 56-ти лет, проживающим у себя в деревне с женой и шестью детьми. Вследствие сего, честь имею просить Ваше Превосходительство не отказать сообщить мне, в возможно непродолжительном времени, точные сведения: о фамилии, имени, отчестве и летах скончавшегося при выше описанных обстоятельствах крестьянина, с подробным указанием поименно всех членов его семьи и возрасте их, о материальных средствах, какими располагает данная семья, а также заключение Вашего Превосходительства о размере материального вспомоществования, какое Вы, по соображениям всех обстоятельств признали бы желательным оказать семье покойного».

В тот же день в адрес Пружанского уездного исправника была послана от губернатора срочная телеграмма: «Немедленно выдайте из стражнического кредита или из другого источника от имени Его Императорского Величества вдове умершего 22 июня крестьянина Ильи Сахарчука денежное вспомоществование на похороны и другие расходы в пятьсот рублей, явив, что о дальнейшей судьбе семьи погибшего Государь Император повелел озаботиться. Расписку вдовы в получении пятисот рублей представьте с первою почтою. Деньги эти будут Вам возмещены безотлагательно, только почтовым переводом».

Незамедлительно губернатором были отправлены дворцовому коменданту и требуемые сведения о покойном и его семье: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что умерший от удара автомобилем крестьянин дер. Свадбичи Ревятичской волости Пружанского уезда Илья Евстафьев Сахарчук, 56-ти лет от роду, православного вероисповедания. Семья его состоит: из жены его Аксиньи, 46-ти лет; сыновей – Федора – 22 лет, отбывшего воинскую повинность в 1915 году и зачисленного в ратники ополчения 2-го разряда, и Александра – 7 лет, а также дочерей – Анны, 18 лет, Александры, 16 лет, Степаниды, 14 лет и Надежды, 4 лет. Семья эта небогата: имущественное состояние ее – четыре десятины надельной земли и полдесятины купленной, дом, хлебный сарай, хлев, лошадь, корова с теленком, свинья и пара овец. Все члены семьи здоровы, кроме сына Александра, слепого на один глаз от несчастного случая; поведения они хорошего, занимаются хозяйством на своей земле и этим добывают средства к существованию. Полагаю, что единовременное пособие означенной семье в пять тысяч рублей, назначенные вдове Аксинье Сахарчук пенсии по 250 рублей в год было бы для этой семьи благодеянием».

13 июля 1915 года начальник канцелярии Министерства Императорского двора А.Масолов сообщал губернатору В.Н.Шебеко: «Милостивый Государь Вадим Николаевич. По поручению Г.Министра Императорского Двора имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что по докладу Генерал-адъютанта графа Фредерикса, Государь Император повелеть соизволил выдавать вдове умершего от причиненных автомобилем ушибов крестьянина Ильи Сахарчука пожизненно 250 руб. в год из сумм Кабинета Его Императорского Величества с тем, чтобы в случае ее смерти, означенные деньги выдавались на содержание несовершеннолетних детей Ильи Сахарчука впредь до совершеннолетия младшего из них. Об изложенном , вместе с тем, сообщено Кабинету его Величества для зависящих распоряжений, чтобы деньги выдавались по назначению через Гродненского губернатора».

28 июля к данному сообщению Кабинет Его Величества присовокупил, «что означенное пособие будет ежегодно переводиться в Гродненское казначейство для выдачи вдове Сахарчука в сроки по усмотрению Гродненского губернатора. 31 июля начальник Гродненской Казенной палаты сообщил губернатору об открытии для этой цели специального кредита». Вот такая история в документах, по-видимому, не требующая дополнительных комментарий.[112]

Анализ губернской документации как за 1914-ый, так и за 1915-ый годы дает все основания для утверждения, что общественно-политическая ситуация в районе города-крепости Гродно в целом была спокойной. Из ежемесячных отчетов начальника Гродненского ГЖУ за 1915 год известно, что волнений среди крестьян и забастовок среди рабочих в губернии не было, а также, что «среди христианских интеллигентных слоев общества, организаций политических партий, конституционно-демократической, за исключением «Союза Русского Народа» и «Дубровинского отдела» в Белостоке – не существует». Весьма незначительной была динамика и в делах о шпионаже.

В числе наиболее важных дел о государственной измене и шпионаже, производившихся при ГЖУ в начале 1915 года находились: 1) дознание о германском подданном К.Ф.Сабецком, который в июне 1914 года на ст. Белосток занимался сбором сведений о численности и направлении через станцию воинских частей; 2) расследование о мещанине Иоселе Гольдмане, задержанном по подозрению в шпионаже; 3) расследование о крестьянине И.И.Станкевиче, задержанном по анонимному доносу за агитацию среди местных крестьян («война не нужна, так как Германия победит»), он же рекомендовал полякам уклоняться от войны и не бить австрийцев; 4) расследование о мещанах Абраме Капиносе и Давиде Нисенкерне, занимавшихся вывозом из губернии меда и олова. Кроме них, по подозрению в военном шпионаже расследовались дела мещан Осипа Манторовича, Иосифа Курляндского, Вильгельма Коллера, Гирша Межерицкого, Юделя Клемберга, Хаскеля Ройтмана. По подозрению в подготовке взрыва военных мостов по поручению германских властей были арестованы М.А. Кржевинская, Р.М. Бочковская, А.А. Качинский, Ц.М. Комарецкий; подозревался в порче военной телефонной связи Янкель Янкович, а за участие в стрелецких дружинах австрийских соколов – гродненский мещанин К.И. Олесинский. В своей совокупнсти эти дела не дали никаких лавров местным жандармам. Большинство дознаний впоследствии было закрыто в административном порядке посредством высылки части подозреваемых в Заволжские губернии или путем наложения штрафа.[113]

28 июля 1915 года за троекратное уклонение от участия в перевозке военных грузов и в крепостных работах, а также оскорбление полицейского был арестован и вслан из крепостного района житель околицы Великие Эйсмонты Б.В. Сезеневский, 43-х лет.

Несмотря на отсутствие значимых в государственном масштабе дел, имеющих отношение к шпионажу, гродненские жандармы не теряли бдительности и должной общественной активности.

15-го июня 1914 года при открытии памятника бывшему Гродненскому губернатору П.А. Столыпину (бывшему шефу корпуса жандармерии) от Гродненского ГЖУ его начальником Н.И.Шамшевым был возложен венок из живых цветов с надписью «Незабвенному шефу – чины Гроднеского губернского жандармского управления». Венок был куплен за добровольные пожертвования чинов управления. Делались пожертвования и на оборудование госпиталя добровольного санитарного отряда, который возглавляла супруга коменданта Гродненской крепости В.А. Кайгородова, а также на содержание в г. Вильно памятника князю Д.Е. Мышецкому.[114]

Медалями «за усердие» в в воздаяние отлично ревностной службы и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны были награждены гродненские жандармы: вахмистр Тарас Влезло, унтер-офицеры Ефим Белохвостов, Никифор Бойко, Онуфрий Цобанов, Михаил Живло, Прокофий Антонюк, Иван Богун, Виталий Стасевич, Константин Лебецкий, Василий Садовский, Николай Гузь, Марк Володкович, Константин Муравский, Федор Оскерко, Илья Дзикой, Михаил Нелюбин, Михаил Лаврентюк, Яков Денисюк,

Семен Гапанович, Иван Сырекевич, Василий Семенюк, Григорий Махнач и др.

За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года были награждены медалью начальника Гродненской крепостной жандармерии командир подполковник Казимир Графтио, его помощник, ротмистр Митрофан Липин, вахмистр Степан Панасюк и 22 унтер-офицера.

Георгиевской медалью 4-ой степени за совершенный им подвиг во время командировки в Белостокский уезд был удостоен унтер-офицер Гродненского ГЖУ Алексей Коноплев «за проведение расследования по подозрению в шпионаже мещанина Осипа Манторовича под непрерывной 5-часовой бомбардировкой неприятеля г. Гониондза) 28 февраля 1915 года».[115]

Из циркуляров Департамента полиции о работе с агентурой следовал вывод о серьезной озабоченности его случаями предательства со стороны вольнонаемных филеров, что указывало на «недостаточно строгий и внимательный отбор людей при их приеме на службе». В связи с этим настоятельно требовалось, помимо наведения о них самых тщательных справок по части их нравственных качеств, трезвости, характера, политической благонадежности, еще и потребности «вникать в частную жизнь уже принятого филера, особенно в первый год его службы, дабы предотвратить возможность предательства с его стороны». В начале 1914 года было признано необходимым «теперь же освободить унтер-офицеров от исполнения обязанностей филеров», т.к. это вредно отражается на их воинском духе и дисциплине, да и ослабляет их деятельность на основном месте службы, заменив их вольнонаемными филерами, не позже 1 апреля 1914 года». Согласно утвержденной 12 января 1914 года ведомости на Гродненское ГЖУ выделялось 6 вольнонаемных наблюдательных агентов наружного наблюдения с жалованием 50 руб. в месяц и 15 руб. суточными и расходными средствами (всего 65 руб.). Текучесть агентов в Гродненском ГЖУ на начальном этапе войны была достаточно высокой. Так, за время с 27 декабря 1914 года по 23 февраля 1915 года из общего количества уволенных из него агентов (24 человека) в их числе 17 человек – по причине неудовлетворительной работы или потере доверия.[116]

18 февраля 1915 года гродненскому уездному исправнику Авдеевичу стало известно, что днем позже в местечке Скиделе крестьянин деревни Пшевно-Русской Августовского уезда Сувалковской губернии Исидор Николаевич Соловьев, 34 лет от роду, в присутствии крестьянина д. Копцы Василия Сарапа и крестьянина д. Некраши Ивана Стальбовского и других местных крестьян, толковавших о войне, между прочим, сказал им: «С этой войны ничего не будет, так как наши не умеют воевать, а начальство наше плохое, наших убито 50 тысяч, а немцев от 500 до 5 тысяч». После проведенного тогда же дознания исправник сообщил в ГЖУ о том, что допущенное Соловьевым выражение не может быть оставлено безнаказанным, так как таковое оно является вредным для общественного порядка и спокойствия и составляет нарушение пунктов обязательного постановления, изданного комендантом Гродненской крепости 16 июля 1914 года для жителей крепостного района».

Исходя из этого, он ходатайствовал об аресте означенного Соловьева и содержании его в тюрьме в течение одной недели с выдачей кормового довольствия до распоряжения коменданта крепости.

27 января 1915 года начальник Гродненского ГЖУ получил сведения о том, что стрелок 13-го Сибирского пехотного полка еврей Евсей Бурда (по происхождению из мещан г. Слонима) «проводил усиленную пропаганду среди нижних чинов, стараясь вселить в них недовольство своим положением. Так, в разговорах с солдатами Бурда старался доказать им, что выгодой от настоящей войны воспользуются генералы, офицеры, землевладельцы и купцы, а солдаты, как были нищими и рабами, таковыми и останутся навсегда. При прохождении 13-го полка через м. Клещели Гродненской губернии он имел совещание с какими-то подозрительными лицами. Бурда, как и все остальные солдаты-евреи вышеупомянутого полка, о каждом событии, происходившем в полку, немедленно сообщали евреям на сторону. За самовольные отлучки из полка стрелок Евсей Бурда был взят под особый надзор, но по прибытию в город Гройцы он из полка скрылся и в настоящее время числится без вести пропавшим».

В годы войны много внимания уделялось контрразведывательной деятельности. Не ограничиваясь ее организацией в штабе Двинского военного округа, его начальник генерал-майор Медведев, обращаясь 10 мая 1916 года к гродненскому губернатору, просил последнего «как лицо, обладающее полнотой власти по гражданскому правлению вверенной ему губернии» – принято посильное участие в деле борьбы с неприятельским шпионажем…, для чего и предложить подведомственным чинам полиции и др.учреждений проявить особое внимание при исполнении действующих законоположений и распоряжений военного начальства, направленных к обнаружению и пресечению шпионской деятельности отдельных лиц и групп. Генерал Медведев выражал уверенность в том, что подведомственные Гродненскому губернатор учреждения как *агенты Правительства* (курсив наш – В.Ч.), с особым рвением отнесутся к призыву содействовать во имя достижения победы над врагом, успеху борьбы с развитием шпионажа в пользу воюющих с нами государств».

В ходе вторичной эвакуации 29-30 января 1915 года госучреждений губернии, включая и ГЖУ, на членов семейств служащих были выданы эвакуационные пособия, однако в последующем Гродненская контрольная палата признала их выдачу недействительной ввиду отсутствия «официального распоряжения» и требовала со стороны руководителей учреждений возврата «неправильно полученных денежных средств», однако эти усилия в условиях нахождения в беженстве не дали желаемых результатов.

На 1 января 1917 года в штатах имелось 41 унтер-офицеров и 2 писаря. На месячное их содержание (квартирные деньги, наем помещений с отоплением, освещением и топливом, хлебопечением) отпускалось Калужским губернским распределительным комитетом 309 рублей 508 копеек, а на год – 3715 рублей. За мужей, находящихся постоянно в командировках месячное пособие на

семью в размере (за февраль) 7 руб. 50 коп. получали их жены. Холостые нижние чины квартирные деньги получали лично.

В штате ГЖУ (военного времени) состояло 6 офицеров, 4 вахмистра, 41 унтер-офицер и 2 писаря. В составе Гродненской крепостной жандармской команды насчитывалось 24 нижних чина (начальник – подполковник Графтио). На вооружении жандармов находились шашки и револьверы «Браунинг» 9 мм калибра.

Из «Списка (по старшинству в чинах) офицерам Гродненского ГЖУ» известно, что его начальник – полковник Николай Иванович Шамшев родился 22 апреля 1865 года, православный, из потомственных дворян, Новгородской губернии. Общее образование получил во 2-ом Военном Константиновском училище по 1-му разряду. Службу начал в 1883 году, в компаниях не участвовал. Начальником Гродненского ГЖУ назначен 31 июля 1912 года, а получил звание полковника в декабре того же года. В 1912 году был награжден орденом Св. Анны 2 степени. Женат, детей не имел.[117] Из других источников известно, что до приезда в Гродно Н.И.Шамшев являлся помощником начальника Самарского ГЖУ, и что одной из наиболее успешных его операций был разгром в конце 1902 года в Саратове группы эсеров и социал-демократического рабочего кружка.[118]

О перегрузке унтер-офицеров свидетельствует рапорт начальника Гродненской крепостной жандармской команды ротмистра К. Графио от 6 июня 1914 года: «Унтер-офицер вверенной мне команды, помимо общих обязанностей, возложенных на корпус жандармов, несут все обязанности наружной общей полиции по охране внешнего порядка и пресечения нарушения общественности благочиния и безопасности на строящихся участках Гродненской крепости, причем на каждом из участков сосредотачивается иногда более 1000 пришлых рабочих, кроме служащих, при этом исполнение всех функций и обязанностей общей полицией на строящемся участке, отдаленном от города на 8-12 верст, поручается одному унтер-офицер вверенной мне команды помимо общих обязанностей, возложенных на корпус жандармов несут все обязанности наружной общей полиции по охране внешнего порядка и пресечения нарушения общественного благочиния и безопасности на строящихся участках Гродненской крепости, причем на каждом из участков сосредотачивается иногда боле 1000 пришлых рабочих, кроме служащих, при этом исполняя все функции и обязанности общей полиции на строящемся участке, отдаленном от города на 8-12 верст, поручается одному унтер-офицеру. Принимается во внимание, что унтер-офицеры в этих делах не подготовлены к несению таковой службы, а я лишен возможности часто собирать их в г. Гродно для проведения с ними занятий, рискуя оставить без надзорных поручений по наблюдения строящихся фортов и населения, прошу мне 23 экз. соответствующих для них печатных инструкций».[119]

На 15 мая 1915 года в г. Гродно и уезде проживало «признанных по последствиям ранений и болезней совершенно неспособными к военной службе» – 143 человека. За каждым из них был установлен присмотр с целью

оказания материально и другой помощи. В составленных и предоставленных губернатору списках указывалось их место жительства и имущественное положение, а также причины, по которым они уволены от военной службы.[120]

Накануне оставления Гродно русскими войсками повсеместно за подписью главного начальника Двинского военного округа были развешаны объявления следующего содержания: «Сим объявляется во всеобщее сведение, что оставленные выехавшими из эвакуированных местностей жителями квартиры и имущество находятся под покровительством Правительства. Лица, уличенные в проникновении в квартиры и в похищении оставляемого имущества, будут предаваемы военно-полевому суду с примененением наказаний по законам военного времени, до смертной казни включительно».[121] Вполне понятно, что лиц, промышлявших грабежами оставленных гродненцами квартир, такого рода увещевания и угрозы слабо пугали, тем более приближение к городу кайзеровских войск было уже очевидным. Впрочем, оккупационные германские власти по отношению к уголовникам действовали еще более оперативно и строго, чем это осуществляли российские власти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Из хроники церковной жизни Гродно. – Эвакуация в Слоним. – Сентбрьские тревоги города. – Посещение города-крепости Гродно императором Николаем II-ым. – Первые жертвы войны. – Будни города-крепости. – Заботы о нуждах горожан со стороны православного духовенства и городской администрации

В первые месяцы войны особенно важную роль в облегчении тягот и лишений горожан, вызванных приближением неприятеля к г.Гродно, сыграло местное православное духовенство. Хроника городской церковной жизни буквально переполнена перечнем его благих деяний: 2-го августа 1914 года, в субботу, архиепископ Михаил и епископ Владимир с комендантом Гродненской крепости генералом от инфантерии М.Н. Кайгородовым, начальником инженерной службы генерал-майором Д.П.Колосовским в сопровождении ключаря кафедрального Софийского собора посетили и благословили Коложанским чудотворным образом Божией Матери форты Гродненской крепости. При пении молитв «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Взбранной Воеводе» архипастыри обходили укрепления, при этом епископ Владимир нес святую икону Богоматери, а владыка Михаил кропил святой водой сооружения и всех собравшихся на укреплениях. Войска и местные жители с большим благоговением встречали почитаемую святыню, принимали благословение и внимательно выслушивали архиепископа Михаила. На одном из фортов, куда прибыла свита владыки и архиерейский хор, архипастырем было совершено молебствие и чин освещения воды в присутствии всех сопровождавших его, включая начальника губернии и командира 2-го армейского корпуса. Поездка совершалась на автомобилях и продолжалась от 10 часов утра до 7 часов вечера. «Прекрасная солнечная

погода с небольшим минутным дождичком, достаточно прибившим дорожную пыль, усугубляла торжество священного шествия с великим благословением по гродненским воинским твердыням…» – именно так, тепло и возвышенно, освещали данное событие «Епархиальные ведомости».

«3 августа, в воскресенье, епископ Владимир в сослужении соборного духовенства совершил Божественную литургию в кафедральном соборе… Читались прошения и молитвы о даровании России и ее союзникам победы над врагами. В тот же день в 2 часа пополудни архиепископ Михаил в сослужении духовенства и при пении архирейского хора благословил открытие и совершил освящение госпиталя «Добровольного санитарного отряда Гродненской крепости», разместившегося в обширном и прекрасном новом здании Гродненского отделения Крестьянского поземельного банка. Освящение госпиталя архипастырь предварил соответствующим событию словом.

5 августа, во вторник, в 6 часов вечера, архиепископ Михаил в сослужении соборного духовенства совершил всенощное бдение в кафедральном соборе. После кафизмы с благословения архипастыря, отцом кафедральным протоиереем Иоанном Корчинским было сказано краткое поучение с приглашением к пожертвованиям в пользу семейств запасных и в помощь раненым воинам.

6 августа, в среду, в праздник Преображения Господня, архиепископ Михаил совершил в соборе Божественную литургию с освещением в свое время плодов. С благословения архипастыря, по прочтении Евангелия, отцом ключарем собора Константином Михайловским было сказано поучение с приглашением к пожертвованиям в помощь раненым воинам в пользу семейств запасных чинов. За божественной литургией присутствовали – бывший командующий войсками Варшавского военного округа, а ныне главнокомандующий, генерал от кавалерии Я.Г.Жилинский, комендант крепости М.Н. Кайгородов, начальник губернии генерал В.Н. Шебеко, начальник инженеров крепости генерал Д.П. Колосовский, другие военные и гражданские чины, войска и много народа. Все усердно молились «о ниспослании великого Божьего благословения и побед оружию нашему и союзникам нашим».

Епископ Владимир 5-6 августа совершил богослужение в Красностокском женском монастыре. Здесь владыка соборный с духовенством провел всенощное бдение, во время которого он благословил крестиками уходивших на войну полкового священника, офицеров и нижних чинов, которые горячо молились во время богослужения. 6 августа после совершения Божественной литургии и молебна с крестным ходом о даровании победы, епископ Владимир беседовал с ранеными и больными воинами, находившимися на излечении в Красностокском монастыре. Эта женская обитель ежедневно снабжала горячей пищей военные посты, а также перевязочными средствами, бельем и лекарствами. В помещении церковно-учительской и сельскохозяйственной школах было заготовлено 150 кроватей для больных и раненых воинов».

7 августа 1914 года в городе произошло чрезвычайное происшествие. Около 11 часов вечера подходивший к станции Гродно со стороны Друскеник воинский поезд № 31 ударил в хвост стоявшему на главном пути воинскому поезду № 37. При этом столкновении 8 рядовых 321-го подвижного госпиталя, следовавших в последних вагонах этого поезда, получили ранения. В их числе оказались: Василий Стрелковский, Ицко Гофман, Иван Окулич, Леон Ярмакович, Владислав Муран, Осип Кокин, Петр Шнюкута, Прокофий Тихонович. В ходе следствия по данному происшествию было установлено, что причиной его стали неправильные действия помощника начальника станции гродно А.И. Петрушкевича и семафорного стрелочника В.А. Мицука. Названные лица были подвергнуты суду Гродненского окружного суда. В ходе следствия они показали, что данное трагическое происшествие произошло в силу каких-то непредвиденных стечений обстоятельств. Поэтому в их адрес суд ограничился лишь вынесением административных взысканий.

В первой половине августа месяца Гродненская духовная консистория, согласно резолюции архиепископа Михаила производила сбор пожертвований на создание и укрепление Российского воздушного флота на территории всей Гродненско-Брестской епархии. Относительно размера собранных средств на воздушный флот у нас не имеется обобщенных данных. Известно лишь, что только гродненские жандармы собрали на это дело 37 руб. и 5 коп. Тогда же, на страницах «Гродненских Епархиальных Ведомостей» широко обсуждались вопросы об участии духовенства епархии в помощи семействам запасных и раненым воинам. Повсеместно создавались приходские комитеты, которые составляли списки нуждающихся в помощи, собирали в пользу оставленных фронтовиками семейств по 50 копеек с участка или квартиры. До 10 августа все замужние женщины прихода обязались представить в комитет по 1-2 белых платка, а мужчины – по рубашке или кальсонам в пользу раненых и больных воинов. Отдельные священники (отец Сергей Страхович) уступили свое помещение на устройство госпиталя, а прихожанин И.Баньковский пожертвовал свой дом на устройство госпиталя. Шел сбор одежды, тканей, обуви, продуктов питания.

Однако, вновь обратимся к хронике церковно-приходской жизни в Гродно: «15 августа, в пятницу, в праздник Успения Божией Матери, архиепископ Михаил в сослужении соборного духовенства совершил в соборе Божественную литургию с освящением в конце литургии семян и цветов – земля. Во время богослужения храм был переполнен богомольцами с комендантом крепости и другими представителями военных и гражданских властей во главе.

17 августа, в воскресенье, архиепископом Михаилом в кафедральном соборе в сослужении духовенства была совершена Божественная литургия, а по окончании ее, -- молебен о даровании победы русскому и союзному оружию. В соборе молились войска во главе с комендантом крепости. В храме было много богомольцев. В тот же день владыка Михаил посетил раненых в госпитале «Добровольного санитарного отряда Гродненской крепости» (здание Крестьянского банка), после чего совершил чин освещения воды и

благословил открытие в здании женской Мариинской гимназии госпиталя «Петроградской Георгиевской общины Красного Креста», предварив водосвятный молебен соответствующим приветственным словом. На молебне и торжестве открытия госпиталя присутствовали гродненский губернатор В.Н.Шебеко, комендант крепости М.Н.Кайгородов, местные дамы-благотворительницы, врачи, сестры милосердия и другие лица.

24 августа, в воскресенье, епископ Владимир в сослужении соборного духовенства совершил Божественную литургию в кафедральном соборе. По окончании литургии архиепископ Михаил с епископом Владимиром и духовенством г. Гродно совершил благодарственный молебен по случаю победы русских войск на австрийской территории и взятии Львова и Галича. Молебен был предварен воодушевленным словом архипастыря. В храме усердно возносили к Господу свои молитвы и благодарения военные и гражданские власти во главе с комендантом крепости и начальником губернии, войска и народ, до тесноты наполнившие обширный сбор. Город украшался национальными флагами. Архипастыри посетили находящихся в госпиталях и лазаретах больных и раненых воинов.

29 августа, в пятницу, в праздник усекновения главы Пророка и Крестителя Господня Иоанна архиепископ Гродненский и Брестский Михаил совершил в Софийском соборе Божественную литургию, а по окончании ее, панихиду об упокоении вождей, воинов и всех за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших.

31 августа, в воскресенье, архипастырь также совершил Божественную литургию, а по окончании ее, молебен о даровании победы русскому и союзному оружию. В тот же день, в 6 часов вечера, архиепископ Михаил совершил в кафедральном соборе молебен с чтением акафиста Пресвятой Богородице пред Красностокским Чудотворным Ея образом. Сей образ к концу вечерни был привезен в собор протоиереем Иосифом Будиловичем из Красностокского женского монастыря, ввиду угрожавшей ему опасности нашествия со стороны супостатов (германцев); в кафедральном соборе св.образ Богоматери был торжественно, со свечами, встречен архипастырем, духовенством, братством и собравшимися богомольцами. Со слезами умиления молились все Царице Небесной, затем выслушали прекрасные слова архипастыря, горячо призывающего всех не унывать, не падать духом пред лицом опасности, а неизменно крепко верить в покров и защиту Заступницы рода христианского».[122]

Столь возвышенное богослужение, разумеется, было не случайным: неприятель вошел в пределы губернии. В конце августа почти все правительственные учреждения были перевезены из Гродно в уездный город Слоним. Вместе с чиновниками выезжали их семейства, что не могло не вызвать среди горожан еще большей тревоги. 3 сентября, в 7 часов вечера, со станции Гродно на Слоним ушел последний поезд с эвакуированными туда гражданскими учреждениями. Между тем, отдельные гродненские учебные заведения в начале сентября стали вывозиться в Пензу и Смоленск.

Не менее упаднические настроение царило и в войсках. После катастрофы, постигшей две русские армии, штаб Северо-Западного фронта, находившийся в Белостоке, «предпочитал отсыпаться и откровенно бездельничать». Но в начале сентября пришел приказ о передислокации штаба фронта сначала в Волковыск, а затем в Гродно. Вот как передавал свои впечатления о «старинном и очаровательном Гродно» в своих воспоминаниях генерал М.Д.Бонч-Бруевич: «Превращенный в крепость город поражал обилием старинных зданий, тесными, узкими улочками, многочисленными садами и отлично сохранившейся, построенной еще в XII веке, прилепившейся к крутому берегу Немана церковью Бориса и Глеба. В Гродно штаб разместился в здании реального училища, находившегося неподалеку от так называемой Швейцарской долины – городского сада, разбитого по высоким берегам журчавшего где-то внизу ручья… Вскоре началось немецкое наступление на Варшаву, и штаб фронта переехал в Седлец. Отправление поезда главнокомандующего [Рузского. – В.Ч.] было назначено на полночь, но еще часам к девяти вечера все в моем управлении было готово к отъезду. Сидение в рабочем кабинете мне порядком наскучило, и я решил оставшиеся до отхода поезда часы побродить по городу.

Шла осень, с утра моросил назойливый дождь, и на главной Соборной улице было не очень людно. Но магазины и кондитерские еще торговали; по узким тротуарам под руку с местными девицами шагали фланирующие прапорщики; грохоча железными шинами по булыжной мостовой, проезжали извозчичьи пролетки, светилась электрическая вывеска «Иллюзиона», и у входа в него толпились великовозрастные гимназисты, писаря и те же вездесущие прапорщики… И даже не верилось, что противник находится совсем недалеко от города, что не за горами то время, когда по улицам вот точно также начнут разгуливать и толпиться у дверей «Иллюзиона» немецкие солдаты, а те же девицы будут, как и сейчас, взвизгивать от сальных анекдотов».[123]

Духовенство же, несмотря на неоднократные указания властей покидать город не собиралось, пока не поступил на это губернаторский приказ. После чего во всех храмах, а затем на страницах «ГЕВ» было оглашено объявление, озаглавленное «К сведению духовенства епархии» и следующего содержания: «Ввиду угрожаемого от неприятеля положения г. Гродны Его Высокопреосвященством Михаилом, архиепископом Гродненским и Брестским, в согласии с распоряжениями коменданта Гродненской крепости, Епархиальное управление с 1 сентября временно переведено в г. Слоним, где имеет пребывание преосвященный Владимир, епископ Белостокский, которому архиепископ Михаил, положивший не оставлять г. Гродны и в настоящее тревожное время**,** поручил временно непосредственное руководство делами Епархиального управления».

По настоящему мужественный поступок архипастыря Михаила произвел глубокое и успокоительное впечатление на всех горожан и защитников крепости. Из хроники церковной жизни тех дней: «7 сентября, в воскресенье, по окончании Божественной литургии владыка Михаил в сослужении

соборного и городского духовенства совершил в кафедральном соборе молебен о даровании победы русскому и союзному оружию. В тот же день, вечером, владыкой в большом храме Гродненского женского монастыря было совершено торжественное всенощное бдение, в сослужении духовенства г. Гродны, при пении церковных хоров насельниц Красностокского и Теолинского женских монастырей, в виду угрожаемого положения означенных обителей, по распоряжению военных властей, выселившихся в Гродну.

8 сентября, в понедельник, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, архипастырь Михаил в той же монастырской церкви совершил Божественную литургию и молебен Пресвятой Богородице, предваренном воодушевленным словом владыки. До начала литургии храм посетил протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский, который по принятии благословения от архиепископа Михаила, отправился для посещения раненых в местные лазареты и дальше на передние позиции».[124]

В воспоминаниях самого протопресвитера этому сентябрьскому посещению Гродно уделено немало внимания. Выше уже говорилось о его встрече с комендантом крепости и архиепископом Михаилом, а вот как написал он о своем посещении больных и раненых: «В Гродненском местном лазарете, в то время развернувшемся в огромный военный госпиталь, было большое отделение для тифозных. Я попросил провести меня в палату самых тяжелых больных. Меня ввели в большую комнату, где лежало около 40 больных; одни бредили, другие еще не потеряли сознания. Я подходил к каждой постели, вступая в разговор с последними. В левом углу комнаты, – как сейчас помню, -на кроватях лежали два солдата: оба маленького роста, с жиденькими бородками; оба уже не молодые – лет по 40; один шатен, другой рыжеватый. Оба – костромские. Когда я подходил к ним, они оба устремили на меня глаза и протянули руки для благословения.

«Батюшка, – обратился ко мне один, – попросите попросите, чтобы меня скорее отправили на фронт. А то земляки там воюют, а я тут без толку лежу. – И меня тоже, – прошептал другой. – Вы одинокие? – спросил я. Оказалось, что у одно четверо, а у другого пять человек детей, и жены дома остались. По их лицам я не мог определить серьезности их положения и потому тихо спросил сопровождавшую меня сестру. – У обоих температура около 40; положение очень серьезное, – ответила она. Мне оставалось только успокоить их, что они будут отправлены на фронт тотчас, как только немного окрепнут, и попросить, чтобы терпеливо ждали этого момента и собирались с силами. 8 сентября я обходил госпитали в Гродно, переполненные ранеными воинами, беседовал с последними, наделял их иконами и крестиками, принимавшимися с радостью и благодарностью. Некоторым давал деньги. Посещение госпиталей всегда доставляло мне огромное нравственное удовлетворение. Тут я не только больным приносил утешение, но и (еще более) для себя лично черпал новые силы, встречаясь на каждом шагу с примерами удивительного терпения, самопожертвования, кроткости и мужества, на которые были так способны эти простые, часто неграмотные люди…».[125]

Об положении в Гродно в первых числах сентября писал в своем письме к В.Шукевичу гродненский историк и краевед Ю.Иодковский: «В Гродно условия совсем другие – нет сахара, соли и белого хлеба. Черная соль в кусках… Крестоносцы уже близко. Только Неман отделяет нас от беды… В Сувалках немцы, кажется, ведут себя неплохо. Гонений и издевательств нет. Прошедшим вечером и всю ночь мы развлекались слушанием музыки ада. Тут она воспринимается совершенно иначе… Стены так сотрясаются, что писать невозможно. Однако я не собираюсь покидать город. Чтобы избежать эвакуации, думаю записаться в Красный Крест. Наши выезжают сегодня… лошадьми в Новогрудок… Я со своими коллекциями «временно» остаюсь в Гродно… Тяжело бросать то, что собирал столько лет, отказывая себе во всем. А что в городе? На улице Телеграфной осталось 3-4 человека, которые не имеют возможности выехать. На Почтовой немного больше, однако, до вечера и она опустеет. В самом городе еще не разорвался ни один снаряд. Но это временно. 30 августа». Картину описываемых событий дополняет другое письмо Иодковского от 19 сентября: «Я никогда не был чрезмерно нервным, однако от звуков этой музыки, которую мы имеем удовольствие слушать в Гродно, можно получить инфаркт! Десять дней «играли» пушки на расстоянии 18 верст, и даже ближе, около Гожи. В опустевшем городе эти звуки вызвали необычные впечатления. На это все в прошлом… Вчера в Гродно был Кирилл Владимирович, еще один из великих князей. Он остановился в Станиславове. Великий князь Николай Николаевич устроил свое бюро в здании реального училища. Вместе с ним был Рузский…».[126]

Состояние тревоги, охватившее города в те сентябрьские дни, хорошо передает настоятель Софийского собора Иоанн Корчинский: «В начале сентября месяца оставалось в Гродно духовенство и немного обывателей-мещан. Немцы подходили к Неману. 12 сентября немцы начали бомбардировать Друскеники, Сопоцкин. В г. Гродну доносилась пальба. Войсковые части все прибывали и, проходя через город, вскоре вступали в линию огня. В Софийском соборе ежедневно Божии службы совершались по обычаю. Храм всегда был полон молящихся воинов. Высокопреосвященнейший архиепископ Михаил во все воскресенья и праздничные дни совершал в соборе богослужения и проповедовал; часто посещал многочисленные лазареты для раненых и неоднократно сам совершал молебны, раздавал раненым воинам святые иконки, назидательные и патриотические книжки. Особенно тревожны были 14 («духовенство вместе с архипастырем, воинство вместе с комендантом крепости и народ усердно молился пред Св. Крестом и Чудотворной Коложанской иконой Богоматери»), 15 и 16 сентября 1914 года, но Бог помог русским воинам, и 16-го сентября пронеслась радостная весть, что германские войска отступают. Весьма примечательно было то обстоятельство, что отход германских войск начался непосредственно после того, как архиепископ Михаил в сопровождении соборного ключаря протоиерея Константина Михайловского объехали с Чудотворным Коложанским образом Богоматери все форты Гродненской крепости с северо-запада и северо-востока, т.е. со стороны Сувалковской

губернии, откуда шли германцы, благословил форты и защитников Чудотворным образом и святой водой, совершив краткие молебные пения… Слава Богу, благодеющему нам!».[127]

Более подробно описывают этот день «ГЕВ»: «15 сентября, в понедельник, с 9-ти часов утра и до 2 часов пополудни, при ужасной погоде, страшном ветре, дожде и холоде Его Высокопреосвященство с Чудотворным Коложанским образом Божией Матери, в сопровождении ключаря кафедрального собора протоиерея Константина Михайловского и военных властей, посетил форты и укрепления Гродненской крепости правого берега реки Немана. Молитвенное благословение Божие, слова назидания, утешения и ободрения привнес он в сердца наших защитников – христолюбивых воинов. Под страшный грохот орудий Друскенинского, Сопоцкинского и Осовецкого боев творил архипастырь свое святое дело, с пением святых молитв, окропления святой водой укреплений и крепостных воинов, оделяя их св.крестиками, монетками и листиками религиозно-нравственного содержания. Твердой верой и непоколебимой радостной надеждой сияли лица доблестных воинов, отвагой и мужеством, видимо, горели их сердца, готовностью жизнь свою положить за Отечество, и они, все как один человек, откликались на слова благословения и назидания архипастыря. Переживались минуты исторической важности. Непрерывно раздававшимися громами орудий творился Божий суд, решались судьбы родной земли. Это все сознавали, весьма чувствуя важность этого критического момента для нашей местности. Молитва святительская была весьма благовременна на крепостных твердынях. На последнем из фортов владыку Михаила приветствовал комендант крепости генерал Кайгородов. Путешествие совершалось на автомобилях. На обратном пути в Гродну поступило радостное известие о разгроме германцев под Друскениками и Сопоцкиным. Видимо, Господь и Царица Небесная были с нами и за нас, способствуя нашему Христолюбивому воинству против супостатов, пожелавших вторгнуться в наши пределы.

21 сентября, в воскресенье, архиепископ Михаил после Божественной литургии отслужил благодарственный молебен за дарование славной победы над врагами. Собор был переполнен войсками и богомольцами, среди которых находились комендант крепости и начальник губернии.

22 сентября, в понедельник, после Божественной литургии в Гродненской кладбищенской Свято-Марфинской церкви, архипастырем было совершено отпевание псаломщика Друскеникской церкви Даниила Санника, скончавшегося в г. Гродне в Георгиевской общине Красного Креста от ран, полученных во время бомбардировки Друскеник».[128]

Сведения об этом печальном факте нашли свое отражение также и в рапорте Гродненского уездного исправника П. Бюффонова на имя губернатора Шебеко: «Во время бывшей 12-15 сентября кононады в г.Друскениках было уничтожено неприятельским огнем: 97 домов. 2 павильона, 28 кухонь, 4 флигеля, сарай, конюшня и одна лавка, принадлежавшие 56 домохозяевам города, а также курзал в парке. 3 дома и курортная гостиница; в самом городе – здание акционерного общества

Друскенинских минеральных вод, дом совета гродненской еврейской больницы, приюта той же больницы, еврейская синагога и два дома Друскеникского народного училища. Городу причинены убытки на 802 тыс.рублей. Повреждены неприятельскими снарядами: 24 дома, 2 кухни и сарай, принадлежавшие 25 хозяевам города, а также здание приюта Друскеникского православного братства, 2 обозных сарая пожарного депо, дом крестьянина Ивана Суровца в пригороде г. Друскеники. Всего убытков причинено на сумму 847300 рублей. Убиты на улицах города: жители г. Гродно М. Шмигельский, его жена Ц. Шмигельская; м. Скиделя – Б. Соловейчик, м. Ратницы – И. Френкель и сын крестьянина Александр Станкевич, 10 лет. От разрыва сердца умер житель г. Гродно Ш. Флейшер (44 лет). Ранены двое детей Б.Соловейчик (8 и 6 лет) и псаломщик Друскеникской церкви Даниил Михайлович Санник (38 лет). Раненый псаломщик Санник умер через несколько дней в Гродно, куда был привезен на излечение».[129]

Интересные сведения о степени боеготовности и морально-психологическом состоянии русских войск, только что отбросивших противника от Гродно, можно почерпнуть из «Писем с войны» издателя «Летописи войны 1914 года» Дмитрия Дубенского: «16 сентября, в 3-м часу дня, я выехал из Гродны на автомобиле по направлению на Сопоцкин-Коптево, т.е. на места боев, которые вели наши войска с 14 по 18 сентября. В этот день (16-го) шли упорные бои в районе Коптево, взятого нашими войсками к 3 часам дня. Здесь я догнал их…

В тесной и душной избе близ костела помещались пленные. Когда я вошел к ним, они встали и приняли военную выправку. Народ все мелкий, одеты хорошо, на вопросы отвечают охотно. Пленные показали, что они удивлены, видя, как хорошо одеты и как сытно кормятся русские войска; что последнее их отступление от Немана произошло потому, что они не ожидали здесь столько русских войск.

Впечатления мои от этого первого дня пребывания среди наших войск, ведших наступление и бой – самые сильные. Прежде всего, бросаются в глаза спокойствие и полнейший порядок в походе, при занятии позиций и под огнем. Никакой суетни и нервозности – точно на маневрах… Войска одеты хорошо, сапоги крепкие, сбруя на лошадях отличная, сами лошади также хороши.

Около Сопоцкина осмотрел полевой госпиталь, расположенный в небольшой помещичьей усадьбе. Весь дом был занят ранеными (человек до 120-ти). Они лежали на сене вдоль стен. Большинство уже были перевязаны. Некоторым давали обед. Стонов не слышно, только тяжелораненые тяжело дышали. Среди раненых были и германцы....

К вечеру я добрался до передовых кавалерийских частей. Они были расположены у речки вблизи шоссе, около огромного густого леса. Называлось это место «Глэмбокий брод». 4-й эскадрон, где служит мой сын, я нашел на хуторе лесника. В домике, во всех комнатах на соломе расположились солдаты. Офицеры занимали маленькую комнату. Было дымно. Печи хотя и топились, но плохо. Дали мне чаю, колбасы, шоколаду.

Долго говорили. В том числе и об недавнем немецком артобстреле, в ходе которого моего сына буквально засыпало землей и камнями, но все обошлось…

18 числа я проводил сына в новый поход на Августово-Маркграбово. В 2 часа дня эскадрон построился. Я перекрестил и поцеловал сына. Он вскочил в седло, отдал мне честь и повел своих людей за уходившим 3-им эскадроном.

Я сел в автомобиль, посадил с собою двух раненых офицеров и одного нижнего чина, и мы направились в Гродну. Шел дождь, было холодно».[130]

Довольно насыщена была приходская жизнь гродненцев и в последующие дни сентября-октября: «27 сентября, в субботу, за всенощным бдением в кафедральном соборе молился благоверный князь Иоанн Константинович с супругой и сестрой его высочества.

28 сентября, в воскресенье, во время богослужения храм был переполнен войсками и богомольцами, среди которых присутствовал главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал-адъютант Н.В.Рузский со своим штабом, комендант крепости М.Н. Кайгородов, представители военных и гражданских властей. По окончании молебна владыка Михаил благословил генерала Н.В. Рузского просфорой.

30 сентября, во вторник, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, архиепископом Михаилом было совершено торжественное всенощное бдение в сослужении соборного духовенства, при многочисленном собрании войск и богомольцев.

1 октября, в среду, в день Покрова Пресвятой Богородицы, его Высокопреосвященство совершил в военной гарнизонной церкви г. Гродны в сослужении соборного и военного духовенства Божественную литургию, а затем молебен. Обширный храм был переполнен войсками и богомольцами, среди которых находились генерал-адъютант Н.В. Рузский, комендант крепости, начальник губернии, представители военных и гражданских властей. Генерал Н.В. Рузский принял от владыки благословение себе и подчиненным ему войскам».[131]

Утром этого же дня великий князь Андрей Владимирович Романов имел возможность встретиться с Н.В.Рузским. Свои впечатления об этой встрече он передал в своем военном дневнике: «… лишь к 12-ти с четвертью часа ночи наш поезд подошел к станции Гродно. Тут я узнал о кончине князя Олега Константиновича. Вагон мой отцепили, поставили на запасной путь, и я скоро лег спать. На следующее утро, было уже 1 октября, в 10 часов я поехал являться главнокомандующему 2-й армии генералу Рузскому. Он жил в маленьком деревянном домике, охраняемом кубанскими казаками. Вся комната была уставлена столами, покрытыми картами. Генерал Рузский – человек, явно лишенный всякой внешней красоты. Фигура сутуловатая. Среднего роста. Волосы редкие и седые. Лицо худое, даже аскетическое, и только бойкие живые глаза блещут энергией из-под довольно крупных очков. Он очень любезно меня встретил, показал на карте расположение армий, корпусов. Видел я и начальника штаба В.А. Орановского. Затем поехал к друзьям. Они жили близ города в доме князя Друцкого-Любецкого, убитого

при Баспингоме. Вместе с ними обитал и граф Адам Замойский. Посидел с ними. В 1 час дня был общий завтрак в штабе. Фотограф нас снимал…».[132]

Судя по всему, и вторую половину этого дня великий князь Андрей Владимирович находился в свите главнокомандующего, а значит был и на богослужении в Свято-Покровской Церкви. Что же было после этого: «Из гарнизонной церкви архиепископ Михаил в сопровождении ключаря кафедрального собора Константина Михайловского отправился в Гродненский военный лазарет. Здесь, в госпитальной церкви, в присутствии врачей, сестер милосердия и раненых воинов владыка совершил молебен об исцелении больных и раненых воинов, обратился к ним со словами ободрения, утешения и назидания, пожелав им скорейшего выздоровления, благословил всех крестиками и иконками, окропляя святой водой, раздавая им книжки и листки религиозно-нравственного и патриотического содержания. Архипастырское посещение весьма тронуло, обрадовало и ободрило доблестных сострадальцев, горячо благодаривших Владыку за его к ним внимание и ласковое молитвенное посещение.

2 октября, в четверг, в 12 часов дня, владыка Михаил посетил раненых и больных воинов в казармах Кобринского полка. Здесь владыка так же, как и в военном лазарете, совершил молебен об исцелении недужных, окропляя всех раненых и болящих воинов святой водой, благословляя всех крестиками и иконками, наделяя всех религиозно-нравственными и патриотическими изданиями.

5 октября, в воскресенье, в день тезоименитства цесаревича Алексея Николаевича в кафедральном соборе была совершена Божественная литургия, а затем молебен Святителю Алексию. В соборе молились войска во главе с комендантом крепости и начальником губернии, представители военных и гражданских властей и много богомольцев».

С отходом германских войск в Гродно стало значительно спокойнее. Начали возвращаться из Слонима и из других мест эвакуации правительственные учреждения и вообще покинувшие в первые дни войны город его жители. 6 октября возвратились в Гродно члены духовной консистории, а с 7 октября она возобновила свою работу в обычном режиме. Тогда же по распоряжению коменданта Гродненской крепости М.Н. Кайгородова была опубликована телеграмма, направленная к нему, в г. Гродно, из действующей армии о положении дел на Северо-Западном фронте с целью успокоить горожан: «Главнокомандующий приказал широко оповестить войска и население занимаемого Вами района о нижеследующем: «Немцы широко распространяют ложные сведения о наших якобы неудачах в районе Варшавы. Насколько их известия противоречат действительности, показывает следующее: наши войска, дебушируя через варшавские переправы на левый берег Вислы, завязали бой 27 сентября с превосходящими силами немцев. Ввиду значительного перевеса сил противника, успевшего упредить нас в быстроте сосредоточения в районе Варшавы, наши части были временно приостановлены впереди линий варшавских фортов, находящихся на левом берегу р. Вислы, где несмотря на ряд стремительных атак немецкой пехоты,

поддержанной огнем тяжелой артиллерии, доблестно выдержали неравный бой, нанеся громадный урон противнику. С подходом подкреплений наши корпуса, перейдя в наступление, заставили немцев снова прибегнуть к обороне, а к 7-му сего октября, окончательно сломили сопротивление неприятеля, вынудили его спешно начать отступление из района Варшавы в юго-западном направлении. По пути отхода немцы бросают своих раненых, оружие и предметы снаряжения. Наши войска, энергично преследуя неприятеля, успели уже захватить в плен генерала – обер-штабмейстера Саксонского. Таким образом, 10-дневное сражение под Варшавой окончилось отступлением немцев, а наши войска продолжают теснить отходящего по всему фронту противника, с каждым шагом увеличивая число своих трофеев».

Публикация такого рода информации с театра боевых действий поднимала боевой дух горожан и защитников крепости. Подтверждением этому может служить и хроника церковноприходской жизни города:

«12 октября, в воскресенье, в кафедральном соборе был совершен благодарственный молебен за дарование победы нашему христолюбивому воинству под Варшавой. Собор был переполнен войсками и богомольцами во главе с комендантом крепости и начальником губернии.

15 октября, в среду, архиепископ Михаил совершил молебен об исцелении недужных в 321 подвижном полевом госпитале, в казармах Вятского полка.

17 октября, в пятницу, в день чудесного спасения царской семьи при крушении их поезда на станции Горки, в кафедральном Софийском соборе архиепископом Михаилом был совершен благодарственный молебен в сослужении городского духовенства и при присутствии военных и гражданских властей, войск и народа.

20 октября, в понедельник, после Божественной литургии в соборе была совершена панихида по в Бозе почившем Императоре Александре III по случаю дня его кончины.

21 октября, во вторник, в день восшествия на престол императора Николая II в кафедральном соборе была совершена Божественная литургия, а после нее, положенный на сей день молебен. Перед молебном архипастырем Михаилом был прочитан Высочайший манифест об объявлении войны Турции и сказано глубоко-прочувственное слово.

25 октября, в Дмитриевскую субботу, после Божественной литургии епископ Белостокский, викарий Гродненской епархии Владимир в сослужении соборного причта совершил в Софийском соборе панихиду об упокоении вождей и воинов, на брани живот свой за Веру, Царя и Отечество положивших, всех от века скончавшихся.

21 октября, в воскресенье, после Божественной литургии в кафедральном соборе был отслужен молебен о даровании победы русскому и союзному оружию».[133]

В самом конце октября месяца среди горожан пронеслась весть о предстоящем приезде в Гродно для осмотра фортификационных сооружений императора Николая II с августейшим семейством. И действительно через несколько дней такой визит состоялся. В совокупности с телеграммой

государя («Гродно. Губернатору из Петергофа Дворца. Высочайше. 31 июля 1914 года 7 час. 40 мин. Передайте еврейскому населению крепости Гродно мою искреннюю благодарность за молитвы, поздравления и готовность служить на благо Родины») и его воззванием к «Полякам, опубликованном в «Гродненских Губернских Ведомостях» за 5 августа, («…Пускай не будет границ, которые разрезали на части польский народ! Пускай объединится он в единый под спипетром Русского царя! Под скипетром этом возродится Польша вольная, в своей вере, языке и самоуправлении. Одного ждет от Вас Россия – такого же внимания к правам тех народностей, с которыми связала Вас история…»),[134] посещение царской семьей города-крепости должно было укрепить дух жителей прифронтового города, важного звена в цепи обороны государства, укрепить их национально-религиозные чувства и направить в сторону победоносного завершения военных действий.

Материалы архивов, содержание церковных летописей и публикации об этом событии в местной печати убедительно свидетельствуют о том, что «высочайшее» посещение города-крепости Гродно заметно оживило жизнь горожан и его защитников, вдохнуло в них прилив новых сил. Следует учитывать также и то, что данный визит в древнее Гродно был первым с начала царствования Николая II. По мнению некоторых обозревателей газет, данный приезд должно было воспринимать в качестве своего рода награды гродненцам «за некоторые лишения, связанные с положением Гродны как крепости почти на самом рубеже земли русской, подвергающейся опасности нашествия лютого врага».

За несколько дней до приезда государя гражданские и военные власти проделали огромную работу по наведению в Гродно и его окрестностям идеального порядка, а также по подготовке его жителей к самой встрече Николая II.

Имеющиеся в архивном деле «О посещении города Гродны их Императорским Величествами [Императором]» телеграммы губернатора В.Н. Шебеко на имя дворцового коменданта Воейкова от 27 по 29 октября убедительно свидетельствуют о его желании организовать встречу императора на самом высоком уровне. Губернатор, в частности, запрашивал Ставку: выставлять ли почетный караул на вокзале, будут ли с государем императором автомобили или представлять к его услугам свои. Можно ли провести представление чинов в доме губернатора («вследствие ужасной невзрачности вокзала»)? Данные вопросы завершались не требующей комментарий фразой: «Страстно жду *подробного извещения*. Губернатор Шебеко», а вслед за нею шла приписка: «подчеркнутое не игнорировать».

Между тем, ответ генерала Воейкова с императорского поезда был предельно лаконичным: «Почетный караул выставлять не следует. Будет два собственных автомобиля и пять военного ведомства для свиты. Представление должностных лиц должно последовать тотчас же по приезде на вокзале, так как через полчаса ожидается прибытие в Гродну Ея Величества из Царского Села. Ожидаю просимого телеграфом сообщения о предполагаемой программе, в которую следует включить посещение собора и

госпиталя. Его Величество изволит прибыть в Гродну первого ноября в десять утра. До завтрака (12.30) – посещения города по программе, о которой прошу Тебя сообщить мне на Императорский поезд. После завтрака – поездка в окрестности на форты по программе, которую поручено выработать коменданту крепости. Воейков».

В отправленной тотчас же губернатором программе посещение города императором значилось: «На станции – комендант, начальники штаба, артиллерии, инженеров, вице-губернатор. Хлеб, соль от города, крестьян и еврейской депутации. Со станции – в собор, краткое приветствие архиепископа Михаила Гродненского при епископе Владимире Белостокском. Оттуда – крепостной лазарет, лазарет местной общины Красного Креста, затем в губернаторском доме представление владык, матери Елены из Красностокской обители, католического декана, военных начальников частей, гражданских высших чинов и предводителей депутации дворянства губернии и Софийского братства. После чего – посещение добровольческого крепостного лазарета супруги коменданта Кайгородовой и лазарета Георгиевской общины. Возвращение к поезду в 12.30. В доме встретит по-французски моя жена баронесса Шилинг. Посещение лазаретов – в зависимости от присутствия раненых, ныне усиленно эвакуируемых. Шебеко». Как бы вдогонку отправленной программе, губернатор дополнительно (через 10 минут после этого) сообщал Воейкову: «Супруга коменданта и моя жена будут встречать Ея Величество на вокзале, а в соборе архиепископ представит Государю Императору членов правления Софийского православного братства», но ответа на данное сообщение уже не поступило.

Много усилий потребовала от губернатора, жандармов и полиции организация безопасности императорского визита. В этом деле местные власти действовали в полном соответствии с требованиями, изложенными в подробной телеграмме шефа корпуса жандармов и одновременно товарища (зам. министра внутренних дел) Джунковского: «Ввиду предстоящего посещения Их Императорским Величеством Гродны в субботу 1 ноября и Высочайшего проезда во вверенный Вам губернии благоволите принять меры охраны стосаженной полосы линии Привисленской железной дороги от ст. Брест до ст. Белосток и Северо-Западной – от Белостока до границы Виленской губернии, выставив для означенной цели наряд в составе пяти исправников, пяти помощников исправников, одного полицмейстера, 11 классных чинов уездной полиции и 3 городовых, 33 урядников, 168 конных стражников. В районе городов Белостока -- 50 городовых, Бельска – 5, Бреста – 10 и Соколки – 5. Кроме того, для усиления сервезных пунктов обеспечьте резерв из 8 урядников и 240 конных стражников. Меры в городе Гродне и крепостном районе примите при содействии начальника губернского жандармского управления и начальника крепостной жандармской команды с помощью всего состава полиции Гродны и командированных мною в Ваше распоряжение корпуса жандармов подполковников Дукельского и Озеровского, ротмистра Глосфельда, 20 филеров центрального отряда и 45 чинов секретной агентуры, которые будут усилены в день высочайшего

приезда еще 20 агентами. Вся охрана должна быть произведена согласно инструкции об охране царской резиденции. Станция и город Гродна могут быть украшены флагами, окна и балконы закрыты. Я надеюсь приехать с полковником Спиридовичем накануне Высочайшего приезда и на месте дать необходимые и могущие возникнуть разъяснения. Джунковский». Весь путь следования Николая II, а также мест остановок его, по г. Гродно был разделен на четыре участка во главе с приставами Болдовским, Гаркавенко, Богородицким, а за пределами города на фортах – с приставом Павлючуком, в распоряжении которых находилось 179 полицейских чинов. На 4-ом участке было запланировано выставление военного караула.

Желание максимально обезопасить пребывание императора в городе нашло свое отражение и в соответсвующем обращении губернатора «К населению города Гродны», расклеенном 30 октября 1914 года по всему городу: «Впервые за двадцать лет знаменательного царствования своего въезжает завтра великий Государь наш в древний свой губернский город, впервые мы будем иметь счастье лицезреть могущественного хозяина Русской земли в наших стенах. Да будет этот счастливый день для всех нас воспоминанием и да приложит к сему каждый из нас, в мере представленной ему возможности, все свои усилия, помятуя, что на всех нас лежит Святой долг не только уберечь от всякого зла безмерно драгоценную для России жизнь возлюбленного Монарха, но и утешить Его видом безупречного чинного порядка по всему пути следования через город.

Быть может выпадет гродненцам исключительное счастье приветствовать одновременно и царственную супругу Государя, Государыню Императрицу, без устали пекущуюся о благе страждущих наших доблестных воинов. Покажем же себя достойными этой великой чести!

Стремясь дать всем и каждому возможность свободно лицезреть дороже всякому русскому сердцу образы Царя и Царицы, я, с разрешения коменданта крепости, распорядился об ограничении строго необходимых полицейских мер предосторожности, но вместе с тем возлагаю на обязанность каждого содействовать работе чинов полиции, не только самому беспрепятственно повинуясь полученным от них указаниям, но и наблюдая за тем, чтобы и другие от них не уклонялись.

Глубоко убежден, что доверие мое будет оправдано и что я буду иметь право доложить Государю Императору, что не одна полиция, но все население, и стар, и мал, оберегало Их Императорские Величества. Гродненский губернатор, свиты его Величества генерал-майор В. Шебеко».

Большое значение в городе придавалось подготовке специального почетного рапорта, который губернатор должен был преподнести императору. Для его составления привлекались практически все губернские учреждения. Ввиду уникальности информации, заложенной в этот рапорт, его готовый текст приводим здесь в полном объеме:

«Имею честь всеподданнейше доложить, что во вверенной управлению моему Вашим Императорским Величеством Гродненской губернии, занимающей пространство 34.058,4 кв. версты состоит:

Земель, принадлежащих казне, 327434,38 десятин, в том числе лесной площади 274201,80 десятин и оброчных статей 111,78 десятин.

Земель, принадлежащих Удельному Ведомству, 108216,75 десятин, в том числе лесной площади 99334,75 десятин и оброчных статей 8880 десятин.

Надельных крестьянских земель 1.393.447,50 десятин.

Земель частновладельческих 1.232.663,55 десятин.

Неудобной земли в губернии 300425,85 десятин.

Населенных мест в губернии 10534, в том числе губернский город 1, уездных городов 8, заштатных 16, безуездных 1.

Жителей обоего пола на 1 января 1914 года 1909824, в том числе православных 1021082, римо-католиков 508817, протестантов 12448, евреев 364577 и магометан 2900.

Число православных храмов 614, римско-католических костелов 108.

Из учебных заведений в губернии имеется: мужских гимназий 3, женских 11, институтов женских 1, реальных училищ 5, прогимназий женских 6, коммерческих училищ мужских 2, женских 1, учительских семинарий 1, духовных училищ 1, фельдшерско-акушерских школ 1, высших начальных училищ 22, низших училищ разных типов и наименований 2380.

Общее число учащихся в вышеназванных учебных заведениях 130781 человек, в том числе мужского пола 90769 человек и женского пола 40012 человек.

Благотворительных обществ в губернии 49. Постоянных больниц, лечебниц и приемных покоев 109, при числе кроватей 1325.

Число мест заключений 13.

Главным занятием населения губернии является хлебопашество; в уездах: Белостокском, Брестском, Слонимском и отчасти в Гродненском развита также фабрично-заводская промышленность, а в значительной части Кобринского уезда – скотоводство.

Экономическая жизнь губернии характеризуется следующими цифровыми данными:

В Землеустроительные комиссии с 1906 года поступило разных ходатайств о землеустройстве от 64889 домохозяев. Из них удовлетворено ходатайств – 13174 домохозяев на площади 124300 десятин. Ссуд и пособий выдано на землеустройство 4526 домохозяевам 530202 рублей.

Отделениями Крестьянского Поземельного Банка в течение 1913 года выдано ссуд 1285 на сумму 2204600 рублей на покупку и под залог 23275 десятин земли.

В течение 1913 года в губернии функционировало 121 учреждение мелкого кредита, обороты которых выразились в сумме 32002000 рублей.

Число вкладов в Государственных сберегательных кассах в течение 1913 года было 106042 на сумму 29251805 руб. 97 коп.

Фабрик, заводов и прочих заведений было 3576, с числом рабочих 22570, при сумме производительности 26644741 рублей.

Общее число торгово-промышленных заведений в губернии 19513, с оборотом 159842138 рублей.

Главными торговыми центрами в губернии служат Гродно, Белосток и Брест-Литовск.

По мобилизации в текущем году призвано нижних чинов 45122, из коих запасных 29219 и ратников ополчения 1-го разряда 15903.

Поставлено населением по мобилизации: лошадей 20325, повозок 3099 и по дополнительным поставкам лошадей 5325, повозок 1420, а всего лошадей 25650 и повозок 4509.

Специально для воинских чинов в губернии имеется 72 лечебных заведений, в том числе военных лазаретов 43, госпиталей общества Красного Креста 15, частных лиц и учреждений 14; общее количество мест в этих заведениях 15269; число свободных мест в них на 31 октября сего года – 6835.

Для оказания помощи семьям нижних чинов, призванных в ряды войск в губернии организовано 204 попечительства, из коих 178 волостных и 26 городских; этими попечительствами призреваются 10792 лица, которым к настоящему времени выдано уже 1037483 рублей 46 коп. из средств казны и 20630 руб. 82 коп. из городских и частных средств, а всего 1058114 руб. 28 коп.; средний размер казенного пайка на одно лицо колеблется от 2 руб. 29 коп. до 3 руб. 29 коп., составляет 22 руб. 63 коп».

Подготовка к намеченному приезду в Гродно императора Николая II началась еще в мае. С этой целью была изучена вся документация по организации этого визита с учетом опыта, приобретенного во время последнего посещения императором Беловежской пущи в 1912 году. Однако специфика его, объясняющая участие высочайших особ в охоте, была несколько иной. Поэтому было принято решение обсудить этот вопрос на совещании 18 июня 1914 года. В нем под председательством губернатора В.Н. Шебеко приняли участие: губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович, вице-губернатор В.В. Столяров, управляющий казенной палатой Е.Ф. Берестовский, гродненский городской голова Э.Э. Листовский, протоиерей кафедрального собора Иоанн Корчинский, директор народных училищ губернии В.А.Тиминский, сокольский уездный предводитель дворянства С.Н. Цветков, начальник ГЖУ полковник Шамшев, непременные члены губернского присутствия П.В. Вочак, Д.В. Ивашинцев, начальник Гродненского отделения жандармского управления на железной дороге подполковник Н.Е. Биршерт, земский начальник 5-го участка Гродненского уезда М.П. Волкович, советники губернского правления П.А. Головачев и Л.И. Корчинский, управляющий канцелярией гродненского губернатора С.Е. Линник, Гродненский уездный исправник Н.А. Бюффонов, полицмейстер А.Ф. Шкенев, помощник сокольского уездного исправника В.С. Окромешко.

Предварительно начальник губернии ознакомил совещание с предполагаемым временем прибытия императора и пунктами высочайшего посещения и предложил каждому из участников совещания «высказать свои соображения по вопросу об установлении порядка встречи монарха и способов охраны пути Высочайшего следования». После обсуждения этих вопросов собрание постановило: «1) срочно заняться приведением в исправное состояние дорог и мостов, а начальникам полиции к составлению

документации по охране пути следования императора; 2) основное внимание обратить на благоустройство улиц Мостовой, Соборной и Муравьевской города Гродны; 3) комиссиям по благоустройству и размещению учащихся по пути следования монарха с разрешения губернатора пополнять свой состав в случае надобности и другими лицми; 4) для детального ознакомления с порядком и условиями Высочайших посещений командировать в Москву и Кострому удостоившихся в 1913 году посещения их Величеств, одного из чинов по выбору губернатора».

Таким человеком губернатором был избран управляющий его канцелярией С. Линник. Последний в 20-х числах июня побывал в Москве, но работа в заданном направлении там оказалась невозможной «из-за распыленности необходимых документов по разным учреждениям Московской губернии и отсутствия на местах нужных канцеляристов». В Костроме же в распоряжение Линника было представлено все, что его интересовало. На этом основании 27 июня 1914 года он выслал в Гродно проекты всех необходимых документов по организации приема Императора. Для него оставался открытым лишь один вопрос: «будут ли участвовать в охране императора войска?». Однако на тот период этого не знал и губернатор В.Н. Шебеко, но постепенно djghjc разрешился.

Вот что доносил 4 июля на сей счет губернатору гродненский уездный исправник Н. Бюффонов: «Доношу Вашему Превосходительству, что по случаю ожидаемого высочайшего посещения Гродненской губернии по маршруту, изложенному в предписании от 30 июня, во вверенном мне уезде представится надобность взять под охрану: 1) 100-саженную полосу за линией отчуждения Занеманской железнодорожной линии на расстоянии 8 верст, считая от города Гродны по направлению к Красностоку (808 и 809 версты Санкт-Петербургско-Варшавской железнодорожной линии, 225, 224, 223, 222, 221 и 220 версты Занеманской линии). Для охраны сего района потребуется 16 стражников, 4 урядника и один опытный классный чиновник полиции: 2) шоссе Гродно-Гониондзь, считая от города Гродны по направлению к Красностоку на расстоянии 7 верст с существующими на нем в этом районе девятью мостами, из которых один, расположенный на 6-ой версте, на линии пересечения Занеманской железнодорожной линии, имеет насыпь, около 100 саженей в длину. Для охраны сего района потребуется 20 стражников только для охраны существующих на этом шоссе мостов, по расчету на 8 мостов по 2 стражника, а на 9-й мост с большой надписью 4 стражника и на охрану 200-саженной полосы от полотна шоссе с обеих сторон по расчету по 6 стражников на версту (три стражника с каждой стороны шоссе – 42 стражника, 7 урядников – по одному на версту и 3 чиновника полиции по одному на две версты. Такое количество чинов полиции для охраны полосы, прилегающей к шоссе, является необходимым, потому что район этот составляет пригородную местность и, вероятно, явится масса желающих посмотреть на Государя Императора и его свиту и 3) 100-саженную полосу за линией отчуждения Санкт-Петербургско-Варшавской железнодорожной линии на расстоянии 49 верст, считая от деревни Саново Соболянской

волости, вверенного мне уезда до границы Сокольского уезда. Для охраны этого района потребуется 98 стражников (по два стражника на версту), 12 урядников (по одному на четыре версты) и 7 классных чиновников полиции (по одному на восемь верст), в том числе один предназначен для охраны местности, расположенной около станции Друскеники, представляющей собой городской поселок с пришлым иногородним элементом.

Таким образом, для охраны пути по трем направлениям в Гродненском уезде потребуется 176 человек стражников, 23 урядника и 11 классных чиновников полиции. При этом докладываю, что мною намечено минимальное число чинов полиции, так как было принято в расчет, что железнодорожную линию будут охранять воинские чины. В случае же возложения всей охраны означенного участка только на чинов жандармской и наружной полиции, то число стражников необходимо будет увеличить вдвое против намеченных для охраны полосы, расположенной за линией отчуждения».

Помимо вопросов охраны много внимания уделялось процедурным вопросам. По этому поводу губернатор В.Н. Шебеко имел переговоры с разными высокопоставленными особами, в том числе и с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым.

В письме к нему от 1 июля 1914 года свое видение высочайшего посещения «в последующих числах августа сего года» он изложил следующим образом: «По прибытии Императорского поезда на платформу Красносток Занеманской линии Северо-Западных железных дорог, будут иметь счастье встретить Их Величеств уездный предводитель дворянства, местный земский начальник и депутация с хлебом и солью от крестьян ближайшей волости в составе волостного старшины, сельского старосты, председателя волостного суда и крестьян. С платформы Их Величества изволят проследовать на автомобилях в Красностокский женский монастырь, находящийся в 4-х верстах. На пути Высочайшего следования от платформы до монастыря будут расставлены шпалерами ученики местных народных училищ. В монастыре, ко времени прибытия Высочайших особ, будут собраны, кроме монашествующих, учащиеся монастырских школ. В соборной церкви монастыря будет отслужено Архиепископом Гродненским Михаилом торжественное молебствие, по окончании которого последует осмотр монастыря. За сим их Величества изволят отбыть обратно на платформу Красносток.

После Высочайшего завтрака Государыня Императрица изволит возвратиться, если пожелает в Красностокскую обитель, а Государь Император на автомобиле последует по Гониондскому шоссе для осмотра фортов № 4 и 5 строящейся Гродненской крепости и закладки оной; расстояние до этих фортов около 20 верст. Откуда также на автомобиле Его Величество проследует по тому же шоссе (расстояние около 12 верст) через Николаевско-Петровский мост, на реке Немане, в город Гродну для посещения православного кафедрального Софийского собора, у ограды которого его Величеству будут поднесены хлеб-соль Гродненским городским головою в сопровождении представителей города. В церковной ограде

Государя Императора встретит местное православное духовенство. В соборе будет отслужено молебствие и произнесено краткое приветственное слово Архиепископом Гродненским Михаилом. Из собора Его Величества изволит проследовать в садик Гарнизонного собрания, откуда открывается лучший вид на реку Неман, на гор. Гродну и на древнюю Коложскую церковь: после того на Соборной и Муравьевской улицах кортеж проследует на вокзал, куда к этому времени ожидается прибытие из Красностока Императорского поезда с Государыней Императрицей и другими Высочайшими особами. На пути к вокзалу предполагается остановка на Муравьевской улице у здания женской гимназии ведомства учреждений Императрицы Марии для выслушания приветствий учениц. По пути Высочайшего следования в гор. Гродне будут выстроены шпалерами учащиеся всех гродненских учебных заведений. На вокзале Гродно, в особо возведенном для сего Павильона, Их Величествам будут иметь счастье принести приветствие и быть предствленными чины местных учреждений с супругами и предполагается депутация от дворян губернии. Списки представляющихся депутаций будут выработаны и представлены дополнительно.

В случае, если бы Ея Величеству благоугодно было сопровождать Государя Императора и при осмотре фортов, я почел бы удобное представление чинов местных учреждений произвести в доме губернатора, помещающемся на прямом пути следования из собора на вокзал.

Ограничиваюсь настоящими соображениями вследствие того, что точный маршрут Высочайшего путешествия еще окончательно не выработан. Докладывая о сем, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в скорейшем сообщении мне об утверждении настоящего проекта».

Как показали события, в проект этот были внесены некоторые изменения. Решались и другие вопросы, связанные с пребыванием в губернии Николая II. К примеру, непросто решался вопрос об удовлетворении ходатайства владельца «Палас Театра» и электротеатра «Весь Мир» в г. Белостоке Хаима Гурвича «о разрешении ему производить кинематографические снимки в Высочайшем присутствии во время предстоящего Высочайшего пребывания в Беловеже и гор. Гродно. В конце-концов губернатором оно было удовлетворено, но с припиской: «при непременном условии заблаговременного сообщения им мне о лицах, умеющих работать на аппарате». Получили разрешение на производство парикмахерских работ в Беловеже на время визита владелец заведения Мошко-Лейба Глезер, на украшение и декорирование города Гродно – владелец варшавской фирмы Цезарий Ульрих. Право на телефонное обслуживание визита в расчете на 25 номеров получил командированный в Гродно из Гатчинского дворца инженер-электрик И.А.Гене. На помощь гродненскому уездному исправнику губернатором было командировано 60 полицейских чинов из Слонимского и 87 из Волковыского уездов.

И вот 1 ноября, ровно в 10 часов утра императорский поезд плавно остановился у дебаркадера гродненского вокзала. Из салона-вагона вышел государь в сопровождении военного министра Сухомлинова и лиц

императорской свиты. На перроне вокзала Николай II принял рапорты от коменданта крепости М.Н. Кайгородова и гродненского губернатора генерал-майора В.Н. Шебеко. Государь поздоровался с представленными ему комендантом крепости, высшими военными чинами местного гарнизона (начальник Гродненской крепостной артиллерии, генерал-лейтенант Криштафович; начальник штаба крепости, генерал-майор Лащилин; генерал-майор Бабушкин – помощник коменданта; строитель Гродненской крепости, полковник Прейсфрейнд; командующий 76-й пехотной дивизии, генерал-майор Постовский; командир бригады этой же дивизии, генерал-майор фон-Гальдберг; командир 301-го пехотного Бобруйского полка, полковник Глаголев, командир 302-го пехотного Суражского полка, полковник Буйвид; начальник штаба 76-й пехотной дивизии, полковник Суханов; начальник 20-й бригады государственного ополчения, генерал-майор Маскевич, командир Гродненской крепостной воздухоплавательной роты, подполковник Рейнфельд; командир 98-й пешей Орловской дружины государственного ополчения, полковник Макаров; командир 116-й пешей Ярославской дружины государственного ополчения, подполковник Ведюков; командир 174-го пехотного запасного батальона, генерал-майор Левицкий; начальник Гродненского губернского жандармского управления, полковник Шамшев; Гродненский уездный воинский начальник, полковник Гамет-Келпш; начальник Гродненского крепостного артиллерийского склада подполковник Николаев, крепостной врач Троцкий, крепостной хирург Родендорф, главный крепостной контролер Жуковцев, особоуполномоченный Российского общества Красного Креста, князь Куракин). Удивительно, но почему-то список военных чинов, представленный для утверждения губернатора, возглавлял гродненский декан, настоятель Фарного костела, ксендз Чернявский.

Затем император проследовал в праздично убранный и декорированный особый зал вокзала, где губернатор Шебеко представил ему высших представителей гражданского ведомства. Среди них были: вице-губернатор Столяров; председатель гродненского окружного суда Степанов; прокурор Гродненского окружного суда Иванов, уездные предводители дворянства – Ушаков, Цветков, Семенов, Богданов, Вольфринг, Бойе-ав-Геннес, Ольденборгер; гродненский городской голова, отставной полковник Листовский; управляющий казенной палатой Берестовский; директор народных училищ губернии Тиминский; начальник почтово-телеграфного округа Щербачев; управляющий гродненским отделением Крестьянского поземельного банка фон-Резон; управляющий контрольной палатой Честной; члены губернского присутствия Щербицкий и Ромейков; член губернской землеустроительной комиссии Яблоков; член губернского по городским делам присутствия Ивашинцев; член губернской по воинской повинности присутствия Жилеев; управляющий акцизным сбором в губернии Амелунг; начальник Гродненской Мариинской женской гимназии Святухин, а также депутации от дворянства губернии, города Гродно, от крестьян и еврейского

населения. Главы депутации выступили, обращаясь к государю, с краткими приветствиями.

При представлении императору городской голова Э.Э.Листовский, в частности, сказал: «Ваше Императорское Величество, в дни тяжелых испытаний, переживаемых нашей дорогой родиной, в радостном сознании общего братского единения всей Руси у Царского Престола, Гродненское дворянство счастливо лицезреть своего обожаемого Монарха на берегах родного Немана, счастливо свидетельствовать о единодушной готовности дворянства облегчить близкие сердцу Вашего Величества заботы о нуждах раненых братьев наших снаряжением летучего передового отряда на боевые позиции Северо-Западного фронта и посильной помощью семьям воинов и мирному населению, тяжело пострадавших от нашествия злобного врага. Выражая непоколебимую веру в грядущее победное торжество, венчающее Державного Вождя Великой России небывалым доныне ореолом мировой славы и величия, дворянство счастливо повергнуто к стопам Вашего Императорского Величества одушевляющие его чувства верноподданнической горячей любви и беззаветной преданности».

Последующие приветствия были еще лаконичнее. От еврейской депутации в лице И.И. Гальперна было сказано: «Ваше Императорское Величество, в эту счастливую минуту, когда Господь сподобил нас воочию узреть Возлюбленного Монарха, мы возносим наши молитвы к Царю Царей, да дарует Он Великому Государю нашему здравию, благоденствия и одоление врага. Повергая к священным стопам Вашего Императорского Величества наши верноподданнические чувства и готовность принести на алтарь Отечества нашу жизнь и достояние ко благу Престола и Родины, мы всеподданнейше просим принять от еврейского населения города Гродны хлеб-соль».

Столь же кратко выступили крестьяне Гродненского уезда: «Ваше Императорское Величество, осчастливьте принять хлеб-соль от Ваших верноподданных крестьян Гродненского уезда, готовых по слову Вашего Величества отдать свои жизни и достояние на благо нашего Царя и Отечества. Мы твердо верим, обожаемый Государь, что переживаемое тяжелое время окончится великой славой для Царя и счастьем для Его народа»; затем – Сокольского уезда: «Ваше Императорское Величество, в годину испытаний крестьянское население Сокольского уезда счастливо встретить и приветствовать своего обожаемого Государя. Все, как один человек, готовы мы, Государь, по единому слову встать на защиту своего Царя и Родины. Низко кланяемся и просим Ваше Императорское Величество принять наш хлеб-соль»; и, наконец, – хуторяне Гродненской губернии: «Ваше Императорское Величество, облагодетельствованные заботами Вашего Императорского Величества об устройстве хозяйств наших на хуторах и с чувством глубокой благодарности за воспрещение продажи вина, злого врага деревни, мы, представители хуторян Гродненской губернии, всеподданнейше просим Ваше Императорское Величество осчастливить нас принятием хлеба-соли».

Приняв хлеб-соль от хуторян, Николай II стал расспрашивать отдельных из них об их хозяйстве и времени перехода на хутора. Узнав, что хуторянин дер. Неводница-Левитская Белостокского уезда В.П. Лобасюк служил ранее в 82-ом пехотном Дагестанском полку, император обрадовал его, сказав, что полк этот отличается и в настоящую войну; Лобасюк в ответ на это радостно произнес: «Помогай ему Господь Бог».

В состав депутации от дворян входили: от Гродненского уезда – член Госдумы А.А. Ознобишин, князь Е.И. Сапега, князь К.С.Святополк-Четвертинский; от Сокольского уезда – К.Н. Литвинов; от Белостокского уезда – В.А. Лыщинский и И.И. Урсын-Немцевич; от Кобринского уезда – К.Г. Скирмунт и П.Ф. Минков; от Пружанского уезда – П.Г. Погодин; от Слонимского уезда – И.Д. Воронцов; от Волковыского – Ч.В. Красицкий. Депутацию от еврейского населения возглавлял раввин, потомственный почетный гражданин города И.И. Гальперн. В ее составе были Г.Г. Заликовский, Г.М. Кацнельсон, В.Ф. Микульский, С.Х. Ландау, И.М. Раутенштейн и С.Ю. Хазан. В депутацию от крестьян входили лучшие волостные старшины и сельские старосты Гродненского уезда: Ф.И. Дешук, И.В. Калиш, И.И. Бобрик, Г.М. Ольховик, Н.Л. Бондаревич, В.С. Голубинский, К.Н. Павлюкевич, П.В. Зубкевич, И.П. Трухановский, Н.В. Хведчень, Л.А. Солевко, Ф.И. Хитрушко, Ю.И. Бура, К.И. Круш.

Выслушав приветствия и приняв хлеб-соль, Николай II поблагодарил депутации, а в их лице всех жителей губернии и города за выраженные верноподданические чувства и за посильные пожертвования на военные нужды, а также в в пользу раненых воинов. Следует заметить, что жители города поднесли государю 5 тыс.рублей на военные нужды, учредили 16 стипендий в учебных заведениях для детей, павших в бою и раненых воинов, а дворянство снарядило и направило на передовые позиции Северо-Западного фронта летучий, т.е. передвижной санитарный отряд.

В 10 час. 30 мин. к станции подошел другой царский поезд, в котором прибыли в г. Гродно императрица Александра Федоровна и великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Их встречали все встречавшие государя императора. С вокзала царская семья проследовала по украшенным флагами и зеленью улицам, заполненным восторженно настроенными жителями города в кафедральный собор, где была встречена архиепископом Гродненским и Брестским Михаилом и епископом Белостокским Владимиром, а также сонмом духовенства в праздничных облачениях. У входа в храм императора и августейшую семью встречали учащиеся гимназий, церковно-приходских школ, члены православного Софийского братства и многочисленные жители города.

В трапезной части храма архиепископ Михаил приветствовал Николая II следующей речью: «Благочестивый Великий Государь. Молитвами и благословением сопровождает умиленная Святая Русь Твое царственное шествие к местам военных браней и в сретение Тебе устремляется могучий поток любви и благодарности осчастливленных сынов России: со слезами радости встречает Тебя население местностей, потерпевших от нашествия

неприятельского; восторгом приветствуют своего вождя наши воины, а раненые в боях герои, утешенные вниманием и милостями царскими, благословляют святое Имя Царево. Чудные, навеки незабвенные дни переживают все удостоившиеся лицезреть Тебя, Помазанника Божия. Освещенное веками единение русских царей и народа является в эти дни очами всего мира во всем своем величии и трогательной красоте. Светло тржествует днесь и древнеславянское Гродна. Еще недавно, после дней тревоги, после проходивших вблизи от нас боев с упорно наступавшим неприятелем, мы радостно прославляли милость Божию и дивный Покров Царицы Небесной за дарование нашим защитникам победы. А ныне мы снова радуемся и благодарим Господа, приветствуя в сем святом храме своих возлюбленных Царя и Царицу, приехавших с Августейщими Дщерями, помолиться вместе с нами, ободрить страждующих раненых воинов, воодушевить защитников крепости. Да будет благословенно пришествие Ваше к нам…».

После этих слов, благоговейно приложившись к святому кресту и приняв окропление святой водой, Августейшие посетители проследовали в переднюю часть храма и стали у правого клироса. Было совершено краткое молебствие с произнесением многолетия всему царственному дому, воинству и державе Российской. Затем царь с царицей и их дочери были подведены архиепископом Михаилом к Чудотворной иконе Коложанской Божией Матери, которой они и принесли коленопреклонное молитвенное поклонение с лобызанием Св.иконы. Вслед за этим архипастырь поднес императору в молитвенное воспоминание художественно исполненную копию сей святой иконы, государыне – икону Богоматери древнего письма и иконы Божией Матери и Святителя Николая – Великим княжнам. После этого владыка приподнес государю императору от состоявшего под его покровительством Гродненского Софийского братства икону Св. Алексия, митрополита Московского, художественного письма и благолепно украшенную, и представил Николаю II депутацию братства: епископа Белостокского Владимира, кафедрального протоиерея Иоанна Корчинского, ключаря собора К.П. Михайловского, настоятеля Супрасльского монастыря архимандрита Авраамия, председателя Совета братства В.В.Кошелева, товарища (заместителя – В.Ч.) председателя Н.И. Шелутинского и настоятельницу Красностокского женского монастыря, игуменью Елену, которую император удостоил несколькими вопросами о Красностокской обители. В заключение соборный староста А.С. Цветков преподнес Николаю П от прихожан Софийского кафедрального собора икону Святителя Николая в благолепной сребро-позлащенной ризе. А настоятель кафедрального собора протоиерей Иоанн Корчинский удостоился чести поднести его императорскому величеству написанные им книжки об истории Софийского и Коложанского соборов, а также «Гродненский Богогласник».

Из собора император и члены царской семьи проследовали в военный лазарет, где они обходили раненых воинов, удостаивая их вопросами об обстоятельствах, времени, месте ранения и т.п. При этом государь

собственноручно награждал раненых георгиевскими медалями, а государыня и великие княжны наделяли их образками. Того же удостоились раненые воины и в посещении затем царской семьей местной общины Красного Креста.

В два часа дня государь император, выслушав приветствие и приняв хлеб-соль от депутации хуторян Гродненской губернии (в ее состав входили: С.С. Дорошик, И.П. Парай, И.И. Свенц, Ф.В. Скречко, Г.А. Лось, М.С. Лепетушко, В.П. Лобасюк, К.Т. Козел, Г.В.Троцюк, Н.К. Климук, Ф.И. Шпендик, В.Н. Нестерович, И.Д. Бойко), также поднесших хлеб-соль Николаю II при кратком приветствии. После чего состоялся осмотр императором боевых позиций 4-го форта. Это событие оказалось запечатленном на фотографии, помещенной в подшивке иллюстрированного журнала «Нива» за 1915 год.

Во время поездки Николая II на форты императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга и Татьяна посетили лазарет Георгиевской общины и госпиталь добровольного санитарного отряда Гродненской крепости, где расспрашивали раненых офицеров и нижних чинов о состоянии их здоровья, вручали им образки Св.Николая Чдотворца и Св.Георгия Победоносца.

Во время проездов по городу членов царской семьи повсюду сопровождали воодушевленные клики «Ура». Весь день и вечер возбужденные толпы народа заполняли улицы города. По словам одного из обозревателей, «день 1 ноября был для гродненцев воистину великим праздником».

В 22 часа 30 минут при несмолкаемых кликах «ура» всех собравшихся на станции лиц и окружавших вокзал горожан царский поезд отошел, взяв направление на Петроград. Николай II, императрица и их дочери, стоя у окна вагона, милостиво приветствовали провожавших поклонами.

Дни, проведенные Николаем II в Гродно, нашли свое отражение и на страницах его дневника: «В 10 часов приехал в Гродно. Принял лиц, которые здесь начальствуют, и депутацию от губернии. В 10-30 приехала Алекс с Ольгой и Татьяной. Радостно было встретиться. Поехали вместе в собор, а затем в два лазарета с ранеными. Погода была холодной и дождливой. Покушали в поезде. В 2.15 направились с комендантом Кайгородовым через город по Осовецкому шоссе. Доехали до форма № 4 на возвышенности. Выслушали доклад о работах по усилению обороны крепости. Осмотрел форт и батарею № 19. Вернулся к поезду около 5 часов. По дороге за городом стояли войска, которые пришли с разных укреплений. Читал до обеда. В 10.30 поехали на север».[135]

После отъезда Николая II с членами семейства из Гродно комендант Гродненской крепости М.Н. Кайгородов в своем письме к губернатору от 28 ноября 1914 года выразил свое особое удовлетворение по поводу образцовой деятельности Гродненской городской полиции (полицмейстер Шкенев), а также полицейских чинов Гродненского уезда (исправник Бюффонов) и Сокольского уезда (ротмистр Набоков). Были отмечены особо и нижние чины полиции, несшие службу в г. Гродно и принимавшие охрану пути следования императора от г.Гродно до 4-го форта Гродненской крепости, а также на

железной дороге в пределах Гродненского уезда: приставы А.И. Шульжик, А.М. Иванов, С.И. Праго, Г.А. Кречунеско, М.А. Демьянюк, А.Г. Кушелевич, И.П. Гриневич, Ф.К. Шукайло; урядники С.С. Януцик, И.Ю. Островский, Л.И. Баковец, И.М. Воронец, Ф.И. Кухта, В.А. Кузьмицкий, М.М.Добровольский, А.Я. Парфенюк, Ф.В. Федорук, К.И. Захаревич, М.А. Курза, И.П. Михалкович, И.В. Веремейчик; конные стражники Г.Г. Волосик, П.М. Семенчук, А.И. Рукша, Г.М. Яцевич, А.Г. Карпюк, В.Л. Васильчик, М.И. Курочка, З.Ф. Некало, К.И. Козел, А.Н. Кизер, Я.П. Стасюкевич, П.Ф. Музыкант, М.М. Болтрукевич, А. Наливайко, И. Бенаш, Д. Яговдик, Т. Щанюк, К. Шушель, К. Ховтур, И. Зенкевич, Т. Жук, П. Высоцкий, В. Михальчик, П. Филимончик, Н.Сивоха, С.Бурдзь, Н.Кронда, И.Бадей, Ф.О.Зенкевич, Ф.Р.Маличук, А.В. Будько, П.М. Солтан, И.А. Карпович, П.В. Смута, А.Д. Дылевский, Д.Г.Сурба, И.И. Карпович, А.К. Ламеко, М.И. Гончарук, Е.Я. Бордус, А.В.Толочко, С.А. Зыбко, С.И. Окушко, С.С. Шишло, Т.Г. Жук, Ю.И. Цирук, А.Л. Козак, С.К. Дедюшко, Н.С. Валейчик, К.С. Макуш, Л.И. Глод, В.О. Шешко, С.М. Шелестович, И.Л. Васильчик, Ф.А. Жебровский, З.Ф. Некало, П.А.Клышевич, К.И. Козел, Ф.О. Дезовский, Д.И. Король, Л.С. Силиванюк, А.К. Дулько.

2 ноября, на другой день после отбытия из Гродно императора Николая II, в городе на видных местах были расклеены объявления следующего содержания: «От Гродненского губернатора. Перед отбытием из города Гродны Его Императорскому Величеству благоугодно было повелеть мне объявить населению Высочайшую Его Величества благодарность за выраженные населением верноподданнические чувства и за тот образцовый порядок, какой Его Величество всюду по пути следования изволил заметить. Кроме того, Государь Император всемилостивейше соизволил передать мне: 3000 рублей для раздачи беднейшему населению гор. Друскеники, пострадавшему от огня неприятельской артиллерии и, по желанию Ея Величества, 5000 рублей, преподнесенных Его Величеству Гродненским городским самоуправлением, для внесения в кассу Гродненского отделения, состоящего под Августейшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Комитета Ея Имперского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных в войсках.

Счастлив оповестить население Высочайше вверенной мне губернии о милостивом Отеческом попечении о нем возлюбленного Монарха и уверен, что Высочайшие милости побудят его к новым подвигам самоотвержения для вящего величия Царя и Отечества.

Со своей стороны от души благодарю жителей города Гродны за соблюдение образцового порядка по путям монаршего следования, за старательное украшение города и за достойную встречу Царской Семьи. Гродненский губернатор, Свиты его Величества генерал-майор В. Шебеко. Ноября 2 дня 1914 г. г. Гродна».

Публикация материалов о пребывании Николая II в Гродно во многом послужила стимулом для возвращения в город семейств, ранее

эвакуированных чиновников и служащих; возвращалось и духовенство – «кто из Москвы, кто из других, более близких или более далеких мест».

Как протекали последующие дни ноября-декабря в городе-крепости Гродно? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к хронике церковно-приходской жизни, ибо в ней как в зеркале находили свое отражение все наиболее важные события губернского города:

«2 ноября, в воскресенье, архиепископ Михаил и епископ Владимир совершили в кафедральном соборе Божественную литургию, а затем молебен по случаю посещения Гродны государем императором и членами его семейства. В соборе молились войска во главе с комендантом крепости, начальником губернии, генералитет, военные и гражданские власти и много богомольцев.

7 ноября, в пятницу, архиепископ Михаил в канун дня Св.Архистратига Божия Михаила совершил в Крестовой церкви торжественное всенощное бдение в сослужении ключаря собора протоиерея Константина Михайловского и иеромонахов Гродненского Борисо-Глебского монастыря. На всенощном бдении присутствовал комендант крепости генерал от инфантерии Михаил Никифорович Кайгородов.

8 ноября, в субботу, в день Св.Архистратига Божия Михаила, после окончания богослужения в крестовой церкви, в архиерейских покоях совершено было краткое моление о здравии архиепископа Михаила и принесено было высокому имениннику приветствие от всей гродненской паствы, всех присутствовавших и местного крепостного гарнизона, закончившееся многолетием в честь архипастыря. Означенные приветствия от лица всех были высказаны владыке кафедральным протоиереем о.Иоанном Корчинским и комендантом крепости М.Н. Кайгородовым. Высокопреосвященный владыка поблагодарил присутствующих за приветствия, высказал всем наилучшие благопожелания, а христолюбивому воинству пожелал полной победы над супостатами, и на всех призвал Божие благословение. С днем Ангела архипастыря поздравили его почитатели из действующей армии, приславшие ему множество трогательных телеграмм. На эти телеграммы владыка телеграфировал в ответ: «Действующая армия. Начальнику штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Глубоко тронутый приветствиями чинов штаба, прошу всех принять мою искреннюю благодарность. Непрестанно горячо молюсь, чтобы Архиестратиг Небесных сил вдохновлял вождей и укреплял наше воинство к новым подвигам и победам. Молитвенно призываю Божие благословение на всех вас. Архиепископ Михаил».

Все дни, с 9 по 20 ноября, во всех храмах города совершались Божественные литургии, слушались молебны о даровании победы русскому и союзному оружию. Был переполнен войсками и богомольцами и Софийский собор. 21 ноября, в пятницу, в Добровольном крепостном госпитале для раненых воинов архиерейским хором был дан концерт духовных, светских и патриотических песнопений, весьма их утешивший. По окончании концерта раненым были розданы фрукты и другие съестные подарки. 23,24,25 ноября

архиепископ Михаил после молебнов о даровании победы русскому оружию, и об исцелении недужных посетил раненых воинов в «Лазарете Пермской губернии», расположенного в казармах Петрозаводского полка в г. Гродне и в Гродненском военном лазарете.

«26 ноября, в среду утром, архиепископ Михаил в сослужении соборного и военного духовенства совершил молебен Св.Великомученику и Победоносцу Георгию в Гродненской военной гарнизонной церкви. Перед началом молебна владыкой было оказано воодушевленное слово по житию Св.Георгия применительно к военному Георгиевскому празднику. В храме молились войска во главе с комендантом крепости, начальник губернии, генералитет и другие военные и гражданские власти, много богомольцев. На груди многих христолюбивых воинов красовались св. Георгиевские кресты, пожалованные за мужественные подвиги в защиту Отечества. Были здесь и прежние воины, ныне светские люди – георгиевские кавалеры. По окончании богослужения состоялся большой военный парад, во главе которого проходили церемониальным маршем военные и ныне гражданские георгиевские кавалеры…

30 ноября, в воскресенье вечером, архирейским хором под управлением священника Григория Баньковского с благословения архиепископа Михаила в местном Гродненском военном лазарете, в историческом зале «Молчаливого Сейма», был дан большой концерт для находящихся в лазарете раненых воинов. Заведующий лазаретом старший врач Троицкий от лица всех раненых, врачей и сестер милосердия выразил участникам хора глубокую благодарность за доброе отношение к ним и за прекрасное пение…». Хроника богослужений в храмах г.Гродно, проведение с участием местного духовенства религиозно-нравственных, благотворительных, попечительских и патриотических мероприятий – богатейший источник для познания повседневной жизни значительной части горожан.

Всегда был полон молящимися Софийский кафедральный собор. Несмотря на военные действия летом-осенью 1914 года его купол-шпиль над колокольней был покрыт взамен испорченных железными медными листами. Все расходы на это (до 800 рублей) были покрыты за счет соборных средств. Тогда же местным живописцем М.И. Чиненко над хорами было расписано распятие Иисуса Христа (стоимость 300 руб. из соборных сумм). За осень и зиму от множества молящих и от свечной стены и потолки в собре совершенно потемнели. Среди молящихся в Софийском кафедральном соборе в эти месяцы, кроме царской семьи, побывали великие князья Иоанн Константинович, Дмитрий Павлович и Андрей Владимирович Романовы, главнокомандующий армии Северо-Западного фронта Н.В. Рузский и другие известные военачальники.

С 14 декабря 1914 года «Гродненские губернские ведомости» стали публиковать на своих страницах так называемые «черные списки» убитых, раненых и без вести пропавших уроженцев Гродненской губернии. Каждая строчка, набранная в газете мелким шрифтом, несла в семьи горожан печальную весть. По всем спискам, обнародованным в губернской газете, а

затем отосланным отдельным оттиском в полицейские управления, нам удалось насчитать свыше 2 тыс.жертв войны из числа местного населения.[136] Но война пока еще только набирала обороты…

По свидетельству «Летописи Софийского собора», «Конец 1914 года прошел в Гродно довольно спокойно. Праздник Рождества Христова и Новый год прошли почти как обычно. По временам глухо доносилась из Восточной Пруссии артиллерийская пальба, в город прибывали раненые, через него проходили войсковые части и обозы, подающие гудки поезда, и на сердце было не без тревоги…».[137]

О жерственности русского солдата замечательно написал в своих мемуарах солдат первой мировой, а затем маршал Советского Союза, военный министр Р.Я. Малиновский. Помещаемый ниже эпизод имел отношение к боям на гродненском направлении с целью спасения оказавшегося в окружении 20-го артиллерийского корпуса в марте-апреле 1915 года: «На другой день двинулись на Новый Двор. Там встретили свежие силы, подошедшие после разгрузки с эшелонов от крепости Гродно, и вместе с ними перешли в наступление на Липск – нужно было выручить окруженный где-то северо-западнее города 20-й армейский корпус. О величине этих свежих сил представления никто не имел… Подошедшие части сплошь состояли из новобранцев призыва 1915 года. Их учили месяца два-три в тылу с палками вместо винтовок…, но они безропотно пошли в наступление от Гродно на Липск. Но самоотверженности было недостаточно для успеха дела, и солдаты массами полегли где-то на середине пути между Гродно и Липском. Лишь братские могилы да кладбища с простыми деревянными крестами остались на полях, как вечный памятник безропотному российскому солдату, не жалевшему своей жизни в бою».[138]

Между тем, гродненский укрепрайон жил в ритме, задаваемом ее комендантом. К числу наиболее значимых объявлений коменданта крепости Гродно за 1915 год следует отнести следующее: 6 апреля давалось постановление о поставке мяса для гарнизона крепости; 15 апреля запрещался вывоз кож из крепостного района без разрешения реквизиционной комиссией; 20 апреля было издано объявление о мерах предосторожности при налете на город вражеских аэропланов (как ни странно, но жителям предлагалось укрываться в домах, «во избежание опасности от падавших осколков от бомб и снарядов», там же говорилось, что горожане «об налете будут предупреждаться набатом»); 20 мая объявлялось о возможности лишения властями продовольственного пособия тех лиц, чьи мужья без употребления оружия сдались в плен, или учинили побег со службы; 3 июня оповещалось об запрете ношения гражданским лицам военного обмундирования и формы сестер милосердия; 9 июня доводилось до сведения населения уведомление о наказании по всей строгости закона «за уклонение от явки на крепостные работы и самовольное оставление их»; 12 июня комендантом запрещалось домовладельцам и их доверенным лицам выселять из квартир без соответствующего судебного решения семейства военных чинов; 13 июля сообщалось о введении особых удостоверений на право пребывания в

крепостном районе; 25 июля комендант крепости сообщал о «воспрещении частным лицам накапливать у себя металлическую монету в количестве, превышающем 15 рублей на семью, а равно о запрещении торговли отказывать в выдаче покупателям сдачи малой монетой»; 26 июня вышло в свет постановление коменданта крепости о воспрещении разведения каких бы то ни было голубей»[139].

По свидетельству настоятеля Софийского собора Иоанна Корчинского, «в январе 1915 года в Гродно было сравнительно спокойно. Русские войска удерживались под Летценом в Восточной Пруссии. 28 января неожиданно разнеслась грозная весть о том, что германцы прорвали фронт у Летцена. Гродно спешно эвакуируется. 29 и 30 января уезжают в Слоним правительственные учреждения. Жители вновь в страхе бегут. В первых числах февраля месяца германские войска докатились до Гродненских фортов. В течение двух недель (с 7-8 по 20-22 февраля) город дрожал от оружейной пальбы русской и германской. Были дни, когда германцы были в 7-8 верстах от Гродны».[140] Находившийся в это время в городе писатель М.М.Пришвин в своем дневнике сделал запись: «…16 февраля. Гродна. Весь город как бы задушен войной, вы берете извозчика в гостиницу и не верите, что вы до нее не доедете…».[141] Как писал Иоанн Корчинский после страшных, кровопролитных боев за высоту 100,3 германцы стали отступать. Во время боев под Гродной архиепископ Михаил объезжал форты, благославлял и подбодрял воинов. Ранеными были заполнены не только лазареты, но и некоторые школы, частные дома. В Софийском соборе непрерывно, почти с утра до вечера, все это время совершались богослужения. Жутко было стоять в храме: стекла в окнах бренчали, пол под ногами дрожал от непрерывной канонады. Вновь русские войска продвигались к Восточной Пруссии. В Гродне вновь стало спокойнее, но на сердце не было спокойно, чувствовалось, что это тишина перед бурей…Так прошла весна и часть лета. Потом, когда Варшаву заняли немцы, хлынула та страшная волна «беженства», которую описать трудно… Путь «беженцев» – сплошное кладбище!… Люди гибли от снарядов германских аэропланов, гибли от холеры, гибли от воспаления легких, от простуды и ранений… 6 августа архиепископ Михаил пригласил к себе все духовенство города и объявил, что Гродно уже разжаловано из крепости в опорный пункт, защищаться не будет и что нужно в течение 3-4 дней эвакуировать все казенное и церковное имущество, что церковные колокола будут сняты и вывезены внутрь России… Трудно определить то душевное настроение, но оно было ужасное! Началась спешная эвакуация… 10 августа погрузили имущество консистории, архирейского дома, кафедрального Софийского собора, прочих церквей г. Гродно и Борисо-Глебского монастыря в шести товарных вагонах, с великим трудом выпрошенных. 11 августа с последним пассажирским поездом уехала часть духовенства, а остальные с архиепископом Михаилом 12 августа выехали с санитарным поездом крепостного лазарета Кайгородовой. В Гродно остался один иеромонах Митрофан (в Борисо-Глебском монастыре) и соборный диакон Петр Ставинский… 20 августа немцы заняли Гродно.

Церковное и консисторское имущество из Гродно перевезли в Мрскву. Церковное имущество поместили в подвале храма Василия Блаженного на Красной площади. Архив консистории – в Андрониевом монастыре, а сама консистория была размещена в епархиальном доме (Лихов переулок). Архиепископ Михаил и епископ Владимир поместились в митропольичьих покоях Чудова монастыря. Около 20 священников города Гродно (протоиерей Корчинский, протоиерей Дедевич, протоиерей Гаварин, священник Баньковский, протоиерей Константинович, протоиерей А. Лечицкий, священник Тиминский и др.) поместились в Москве.

В октябре 1915 года был образован в Москве комитет Софийского Братства для помощи армии. Комитет получал по 500 рублей в месяц от Татиановского комитета и просуществовал до начала 1918 года. Архиепископ Михаил и гродненское духовенство объединились в Москве в церкви Св.Николая на Мясницкой улице, где они совершали богослужения с ноября 1915 года до конца 1917 года, когда по интригам священника Николая Аносова и настоятеля той же церкви Семена Уварова служения прекратились. Оставшиеся в Москве священники объединились в университетской церкви Св.Татианы под добрым покровительством достоуважаемого профессора протоиерея Николая Ивановича Боголюбского. Весной 1918 года гродненские священики начали возвращаться в Гродно…».[142]

В церковной летописи Семятичского прихода о судьбах гродненского духовенства в это время читаем следующее: «Покинув места своего служения, духовенство и прихожане Гродненской епархии рассеялись по всем губерниям России. Но наиболе сильным притягательным пунктом для беженцев явилась Москва, где нашли себе приют оба архиерея (епископы Михаил и Владимир), епархиальные учреждения: в Москве избрали своим временным местожительством до 15 священников Гродненской епархии, в окрестностях города поселилось более 3-х тысяч православных беженцев западного края; для тех был устроен на городские средства за Покровской заставой поселок, состоявший из 30 больших бараков, здесь же была устроена церковь и школа, для совершения богослужения были назначены 2 священника Гродненской губернии и псаломщик нашей Семятичской церкви Евстафий Мацкевич, который организовал при нем общенародный хор певцов и привлек сюда массу москвичей из высших слоев общества».[143]

Лаконичные строки «Летописи Софийского собора» об эвакуации церковного имущества Гродненской епархии в 1915 году в какой-то степени дополнил своей статьей белорусский православный исследователь из Бельска-Подляского Дорофей Фионик: «Православные приходы Белостокщины, которые в 1915 году входили в состав Гродненской епархии, в начале августа того же года (по новому стилю – В.Ч.) оказались под непосредственной военной угрозой. После победы над русскими войсками под Варшавой (9 августа) немецкие войска достаточно быстро стали продвигаться на восток. Для православного населения Белостокщины, достаточно уверенного в силе русской армии,такая смена хода событий оказалась совсем неожиданной.

Таким образом, у гродненского духовенства была своя эвакуация и своя реэвакуация, правда, уже после окончания войны, но у гражданских учреждений Гродно второго пути уже не было: в это время в городе властвовала германская оккупационная администрация.

Население под психологическим, а частично и физическим давлением, начало готовиться к эвакуации. Настоятели приходов, в соответствии с указаниями Синода и епархиальных властей, по мере возможности стали готовить церковное имущество к вывозу.

Еще в феврале 1914 года Хозяйственный отдел Св.Синода издал директиву об порядке эвакуации церковных предметов. Кроме святых мощей, чудотворных и других ценных икон, церковного инвентаря и колоколов в директиве упоминались такие исторические, археологические и художественные памятники, древние рукописи, документы консистории, имущественные акты и метричные книги. Св.Синод стоял на позиции недопущения того, чтобы что-нибудь более менее ценное попало в руки немцам. При невозможности эвакуации епархия рекомендовала настоятелям уничтожать все документы и корреспонденцию, «бесповоротная потеря которых более желательна, чем захват ее неприятелем».

По мнению Д. Фионика, «первоочередным предметом эвакуации были церковные колокола», имевшие стратегическую ценность, а потому их вывоз при помощи военных властей «осуществлялся безукоризненно». Снятые колокола перевозились на ближайшую железнодорожную станцию, а оттуда отправлялись вглубь России. Несколько иначе было с другим церковным имуществом. «В сложившейся ситуации, пишет автор, священники, лишенные помощи военных властей, могли полагаться только на самих себя и прихожан. Иконы, церковный инвентарь, облачения упаковывались в большой спешке. Только часть этого добра была принята для перевоза железной дорогой, хотя количество церковного имущества было слишком огромным. В ту пору на железной дороге также чуствовалась дезорганизация. В сложившейся ситуации священники решались брать с собой только наиболее ценные предметы. Остальное, вместе с доверенными прихожанами, закапывали в надежных местах, к примеру, под полами или стенами храмов, на церковных участках или на кладбище. Про такие места хранения священники были обязаны информировать епархиальные власти.

Главными предметами вывоза были, разумеется, святые мощи и особо почитаемые иконы. На Белостокщине до 1915 года находились мощи св.Гавриила Заблудовского и несколько чудотворных икон: Супрасльская, Красностокская, Гадышевская, Бельская, Корнинская, Райская. Мощи св.мученика Гавриила вместе с иконой Супрасльской «Одигитрией» в начале августа 1915 года были отправлены из Супрасльского монастыря в Москву. Мощи были помещены в Покровском соборе, а чудотворная икона – в храме «Нескучного Спаса»… Икона Красностокской Божией Матери и несколько других ценных икон из этого монастыря попали в домашнюю церковь дворца в Нескучном около Москвы. Там же было размещено и другое наиболее ценное имущество».[144]

Примерно так же, как на Белостокщине, происходила эвакуация церковного имущества, да и колоколов, и в других местах Гродненской епархии. В этом плане видятся большие возможности при изучении «Отчета о состоянии Гродненской епархии в 1915 году», составленном архиепископом Михаилом и хранящемся ныне в Российском государственном архиве в Петербурге.[145] К извлечениям из него, применительно к своей местности, и прибегал автор цитируемых выше фрагментов». Упомянутый «Отчет» представляет огромную важность и для выяснения вопроса об ущербе, нанесенном войной церковным и монастырским зданиям Гродненской епархии.

После оставления Гродно русской армией местные священники оказались в разных уголках страны. На 1 августа 1915 года адреса их были следующими: священник Озерской церкви Иоанн Пашкевич – действующая армия, 334 полевой подвижной госпиталь; Священник Котранской церкви Василий Врублевский – ст. Лосиноостровская Московской губернии; священник Жидомлянской церкви Алексий Селезнев – г. Павловск Петроградской губернии; священник Комотовской церкви Давид Якобсон – г. Нижний Новгород; священник Вертелишковской церкви Лев Теодорович – действующая армия; священник Мостовской церкви Иосиф Демьянович – ст. Синельниково Екатеринославской губернии; священик Ятвесской церкви Евгений Бекаревич – г. Москва; священник Мильковщинской церкви Гордей Сущук – ст. Горелое Тамбовской губернии, село Троицкая дубрава; священник Скидельской церкви Андрей Кадлубовский – действующая армия, лазарет № 9 пехотной дивизии; священник Берштовской церкви Феодор Тихонов – г. Рязань; священник Друскеницкой церкви Юлиан Котович – действующая армия, 410 полковой госпиталь; священник Дубненской церкви Александр Ральцевич – г. Новозыбков Черниговской губернии; священник Черленской церкви Алексий Смирнов – село Никольское Ярославской губернии; священник Лунненской церкви Петр Смирнов – село Никольское Пермской губернии; священник Гудевичской церкви Виталий Лукашевич – г. Москва; священник Деречинской церкви Михаил Давидович – г. Владимир; священник Поречской церкви Александр Аристов – г. Старый Оскол Курской губернии; священник Голынской церкви Петр Кречетович – действующая армия, 110 эвакуационный госпиталь; священник Тетеровской церкви Иосиф Трофимчук – г. Трубчевск Орловской губернии; священник Мало-Берестовицкой церкви Константин Давидович – действующая армия, 3-й Рижский пехотный пограничный полк; священник Волпянской церкви Владимир Щербинский – Сергиев Пасад Московской губернии; священник Кринской церкви Никанор Пучковский – Старый Петергоф; священник Большой-Берестовицкой церкви Антоний Федонюк – г. Соликамск Пермской губернии; священник Лашанской церкви Владимир Левицкий – г. Ставрополь; священник Индурской церкви Хрисанф Левицкий – г. Оренбург; священник Гольневской церкви Иоанн Валинский – г. Гжатск Смоленской губернии, 266-й запасной батальон; священник Коптевской церкви Михаил Боровский – г. Ржев Тверской губернии; священник Мостовлянской церкви Александр Железовский – ст. Стрелецкая Слобода, Иосифов монастырь Московской

губернии; священник Головачской церкви Александр Высоцкий – г. Москва; священник Олекшицкой церкви Жиромский – ст. Сарны; священник Массалянской церкви Владимир Кавецкий – действующая армия, 703-й полк государственного ополчения; протоиерей Александро-Невской церкви г. Гродны Александр Лечицкий – г. Москва; священник Глубокской церкви Лидского уезда Лавр Сахаров – м. Белозерье Киевской губернии; протоиерей Иосиф Будилович – г. Москва; священник Остринской церкви Иоанн Давидович – Петроград; протоиерей Иоанн Корчинский – г. Москва; священник А. Тиминский – действующая армия, 522 полевой подвижной госпиталь; священник Покровской церкви г. Гродно В. Круковский – г. Могилев на Днепре; священник Дятловской церкви Федор Яржемский – действующая армия, военно-санитарный поезд № 81. Таким образом, из 39 священников десять находились в армии.[146]

Весьма ценные сведения, посвященные эвакуации церковного имущества в 1915 году из Гродненской епархии помещены в книге об викарии и епископе Белостоцком Владимире (Тихоницком). Они в определенном смысле дополняют вышеупомянутые исторические источники: «Разразилась первая мировая война. Гродненская епархия епископа Михаила (Ермакова) и заменявшего его во время вызовов в Св.Синод епископа Владимира оказалась под угрозой военных действий. Владыка Владимир позаботился об эвакуации вглубь России детей и стариков, сам он должен был переехать в Слоним вместе с консисторией. Оставаясь в своей епархии, он постояно, с 1915 года, посещал передовые линии фронта, подвергаясь смертельной опасности. Не только в Гродно, но и там, на фронте, он имел счастье встречать Государя. За мужественное исполнение своих архипастырских обязаностей под огнем противника, владыка Владимир был награжден высокими воинскими наградами, которые, однако, по скромности никогда не носил.

Уже в августе 1915 года город Гродно представлял собой военный лагерь: всюду видны были сборы к отъезду, тянулись к вокзалу нагруженные подводы, большинство магазинов были пусты… Мелькали лишь белые косынки медицинских сестер, вся главная масса людей была в солдатских шинелях.

По распоряжению верховного командования обоим святителям пришлось эвакуироваться в Москву. При эвакуации владыка Владимир взял с собой раку мощей св.младенца Гавриила и другие святыни. О нетленных мощах св.младенца Гавриила владыка рассказывал, что в 1910-1912 годах он сам их торжественно, с народом, переносил из Слуцка, где они почивали, в собор г. Белостока, а впоследствии в Супрасльский монастырь.

В Москве владыка Владимир жил в Чудовом монастыре у епископа Арсения Серпуховского, встречался там с благочестивой великой княгиней Елизаветой Федоровной, скромно посещавшей ежедневно церковь, в которой молилась за обедней. Она много помогала беженцам из Гродно. Однажды владыка заметил, что на письменном столе ее есть выписки из псалмов Давида: «Что учитываешь ты, душе моя… Уповай на Бога…» и другие. По ее

примеру он стал держать на своем столе выписки из молитв и Священного Писания.

В 1917 году владыка Владимир, избранный представителем духовенства Гродненской епархии, принимал участие в заседаниях и работах Всероссийского поместного собора… Он усердно поддерживал избрание митрополита Московского Тихона Всероссийским патриархом…В Москве в 1918 году владыка узнал о расстреле (большевиками – В.Ч.) родного отца протоиерея Михаила. Позже ему стало известно, что и его имя стояло в списке предполагаемых жертв революции.

Страшные бедствия кровавой революции стихийно разрастались до апокалиптических потрясений. Голод, лишение всего жизненно необходимого и полная беззащитность мирных людей делали их жизнь в Москве невыносимой и вынуждали их к бегству в поисках спасения. Тысячи беженцев из Литвы (т.е. западных губерний, включая Гродненскую – В.Ч.) стали стремиться покинуть чужую им Москву и вернуться «восвояси» в родные, привычные места, хотя и занятые немцами по договору с большевиками в Брест-Литовске. Тяжело переживал это время епископ Владимир, глубоко страдая за свою рассеянную и бедствующую паству в ее скитаниях к родному очагу. Святейший патриарх Тихон радостно одобрил это намерение владыки Владимира и благословил его на возвращение с очередным беженским поездом в свою епархию… В сентябре 1918 года, еще при немцах владыка Владимир вернулся в Гродно. Архиерейский дом был разорен, разграблен. Владыка поселился в сторожке, терпел голод и разделял страдания населения Гродно при отступлении немцев и переменах военно-гражданских властей: сначала белорусско-литовских, затем польских, большевицких, а затем – опять польских… Он восстанавливал разрушенные войной православные приходы, рукополагал к ним священников, организовывал епархиальное управление в Гродно. Работа эта проходила в неимоверно трудных условиях».[147]

В целях подъема патриотических настроений управляющий делами Совета министров просил у гродненского губернатора содействия в распространении во вверенной ему губернии в среде крестьянского и фабрично-заводского населения около 1,5 тыс. экземпляров стенографического отчета заседания Государственной думы четвертого созыва от 26 июля 1914 года и столько же экземпляров заседания Государственного Совета от этого же числа. При рассылке этих документов на места, в том числе и через Гродненскую православную епархию, губернское правление рекомендовало особое внимание обращать на выступление в ходе заседания Государственного Совета архиепископа Арсения, который назвал начавшуюся войну «освященной свыше», а в «единении Царя с народом» он увидел «залог славы и благополучия, к которым он ведет Великую Россию». После заключительных слов владыки Арсения, как это явствует из стенографического отчета, все члены Государственного Совета пропели молитву: «Спаси, Господи, люди Твоя». Для более широкого ознакомления населения с деятельностью императора Николая II рекомендовалось также

распространять издание пребывании Государя в действующей армии. В патриотических и благотворительных целях для нужд раненых и больных воинов, неоднократно в 1914-1915 годах в Гродно и уезде осуществлялись розыгрыши лотереи. Одновременно давались указания «о недопущении в сельской местности азартных игр». В целях недопущения этого рекомендовалась «в тех волостях, где замечается склонность к азартным играм, предлагать сельским сходам составлять по сему предмету запретительные приговоры».

Большое значение придавали власти и работе чиновников с жалобами, поступавшими от семейств нижних воинских чинов, призванных по мобилизации. Придавая особо важное значение спокойному и добродетельному отношению чиновников к семьям запасных, губернатор настаивал на том, чтобы все подведомственные ему должностные лица «относились к этому вопросу с самым серьезным вниманием».

На 15 мая 1915 года в г. Гродно и уезде проживало «признанных по последствиям ранений и болезней совершенно неспособными к военной службе» – 143 человека. За каждым из них был установлен присмотр с целью оказания материальной и другой помощи. В составленных и переданных губернатору списках указывалось как их место жительства и имущественное положение, так и причины, по которым они уволены с военной службы.[148]

ГЛАВА ПЯТАЯ

Цензура. – Слухи как спутники войны. – Кто состоял под подозрением. – Перемены в общественно-политической ситуации в городе. – Подготовка ко Второй всеобщей переписи населения

Важной чертой, дополнявшей картину прифронтового Гродно была цензура. Военное положение, на котором оказалась губерния, повлекло установление цензуры сразу и в полном объеме. Цензура заключалась в печати, в запрете вывесок, объявлений, рекламы на немецком языке, в запрете торговли фотографическими видами Гродно, Брест-Литовска, их окрестностей – все это несло на себе суровые, но непременные признаки военного времени. Контроль за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, частной переписки и т.д. с тем, чтобы не допустить распространение идей и сведений, признаваемых властями нежелательными и

вредными, одинаково беспокоили как гродненских жандармов, так и военных цензоров.

Кроме начальника Гродненского ГЖУ и его помощников, обязанности военных цензоров возлагались и на начальников уездных почтово-телеграфных учреждений. Ими в Гродненском уезде являлись: Ф.В.Курило (Великая Берестовица), А.М. Николайчук (Волпа), Л.А. Маевский (Друскеники), С.И. Курза (Индура), П.П. Данилевич (Кринки), В.К. Сокол (Лунна), Е.М. Денисюк (Озеры), Н.М. Кисель (Мосты), П.Я. Ничипорович Скидель), В.К. Анисимович (Поречье), Г.С. Сацевич (Мильковщизна). За их благонадежность ручался сам губернатор, исходя из того, что в свое время «о личности их были собраны через полицию и жандармское управление самые тщательные сведения».

Должности военных цензоров в г. Гродно при почтово-телеграфном округе и центральной почтово-телеграфной конторе вместе с начальником ГЖУ полковником Н.Н. Шамшевым исполняли и его помощники: подполковник В.А. Соловкин и А.А. Мицкевич. При гродненском стационарном почтовом отделении цензорские обязанности были возложены на адъютанта Шамшева – ротмистра Машина. С расширением круга обязанностей у военных цензоров в начале 1915 года их обязанности были возложены также и на проживавших в г.Гродно отставных полковников М.С. Масловского, С.С. Якубовского, В.А. Кочеткова, И.С. Телецкого и подполковника Н.И. Маркова. В феврале военным цензором в Гродненской полевой конторе стал проживавший в Гродно отставной генерал-майор Константин Жонсон. Сделано это было по предложению председателя военно-цензурной комиссии Двинского округа ротмистра Беклемишева. В апреле 1915 года обязанности военного цензора были возложены и на чиновника особых поручений при гродненском губернаторе Г.Г. Левенстама. На 1 апреля 1915 года военными цензорами Гродненской губернии числилось 20 человек, из них 11 человек были закреплены за г. Гродно, а остальные 9 служили в Белостоке, Соколке, Бельске. Волковыске, и в крепости Осовец. В цензоры подбирались люди, владеющие, кроме европейских языков (английского, немецкого и французского), литовским, польским и латинским. При отсутствии таких специалистов разрешалось использовать сотрудниц почтово-телеграфной службы. В Гродно ими были: Рентель, Флорова, Узнова, Нелюбова. Латинским владела некая Белевич. Специалистов по литовскому языку первое время здесь не было. В связи с этим конце июня 1915 года в Гродно был приглашен на должность цензора почтовый служащий из Августова И. Домбровский, владевший литовский и латинским языками. В июле военными цензорами в Гродно дополнительно стали: начальник Гродненского железнодорожного почтового отделения В.И. Иодко, помощник начальника Гродненской почтово-телеграфной конторы В.А. Ретюнский, чиновники Трояновский, Шихунда (всего 17 чел.). В целом численность военных цензоров в губернии накануне эвакуации Гродно составляла 40 человек.[149]

С первых дней деятельности военной цензуры было установлено наблюдение за перепиской следующих лиц, проживавших в г. Гродно:

дворянин Владимир Николаевич Крейцер (Гороховая ул., собственный дом), мещанин Леопольд-Густав Вагнер (состоял старшим столяром при центральном складе Гродненской крепости на форштадте), мещанин Яков Любельфельд (состоял на службе при складе Гродненской крепости), крестьянин Гавриил Арцукевич (служит там же), германский подданный Стефан Гофман (Мурованская ул., дом 43), германская подданная Елена Ридель (Муравьевская ул., дом Фрумкина), мещанка Хайка Гониондзская (Муравьевская ул., дом 37), учитель Гродненского реального училища Альберт Цильке (Грандзичская ул., собственный дом), крестьянин Степан Плоцкий (Белостокская ул., собственный дом), мещанин Янкель Зельвянский (служил на 5 форту Гродненской крепости, а его семейство проживало в г. Кузница Сокольского уезда), мещанин Зейтка Зельвянский (служил на кирпичном заводе Фолюш, а семейство проживало в г. Кузнице), мещанин Иосель-Шлема Авнет, он же Авнетваит (там же), мещанин Лев Яффе (Хлебная пристань, пивоваренный завод), мещанин Мовша Оберштейн (Скидельская ул., дом Люблинга). Все просмотренные цензорами письма надлежало обязательно заклеивать, а затем делать пометку о вскрытии специальными штемпелями. Каждый цензор имел свой номер. У полковника Шамшева он был следующего содержания: «Вскрыто военной цензурой. Гродненский военный цензор № 1». Обращаясь 13 октября 1914 года к военным цензорам, работающий в Гродно губернатор В.Н. Шебеко отмечал: «Замечено, что объявления, расклеиваемые от имени различных начальствующих лиц, сопровождаются чересчур ясным указанием на часть, от которой объявление исходит (например, подпись командующего «такой-то армией, командира «такого-то полка, корпуса и т.п.). Указание там же местонахождения типографии может также стать для разведки противника убедительным документом. А потому необходимо, чтобы военная цензура имела наблюдение и за подобного рода объявлениями, не допуская прямых указаний на должность лица, от которого исходит объявление и отметки о месте и названии типографии. Необходимо также в целях контрразведки следить за денежными переводами, заполненные бланки которых являются удобным средством обходить цензуру; заполнение переводного бланка требует большой осторожности».

Ввиду приказания главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта губернатор 28 октября 1914 года предлагал военным цензорам без замедления доставлять в местную военно-цензорную комиссию в г.Вильно все оригинальные известия и статьи, появлявшиеся в местных повременных изданиях по вопросу о положении, условиях проживания и деятельности немцев русского и иностранного подданства, а также о военнопленных.

В декабре 1914 года в одной из почтовых контор губернии военным цензором было вскрыто письмо, адресованное начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Янушкевичу. Разгорелся скандал, итогом которого стал приказ, в силу которого «вся корреспонденция, адресованная главнокомандующим отдельными армиями и лицам, пользующимися правами их, действию военной цензуры не подлежали». В последующем этот приказ

был дополнен и указаниями на запрет подвергать цензуре «корреспонденцию, как получаемую, так и отправляемую особами Императорской фамилии, всеми правительственными учреждениями и должностными лицами, за присвоенной сим учреждениям и лицам печатью, а также дипломатическими и консульскими представителями иностранных государств. За неисполнение военными цензорами вышеперечисленных правил виновные в сем будут подвергаться взысканиям со всей строгостью закона военного времени». И тем не менее в январе 1915 года в губернии имел место факт вскрытия письма великого князя Сергея Михайловича. В ноябре 1914 года до военных цензоров губернии дошел приказ Верховного Главнокомандующего, из которого следовало: «Из донесений военно-цензурных установлений усматривается, что в письмах офицерских и нижних чинов продолжают обнаруживаться сведения о ходе военных действий, расположении частей и другие данные, кои по закону и по существу не могут подлежать оглашению во время войны». Обращаясь к патриотическим чувствам всех высокопоставленных чинов армии и флота. Верховный повелевал «разъяснить всем своим подчиненным о том, какие именно сведения не подлежат оглашению». Их перечень и был приложен к данному приказу под № 253. Состоял он из 25 позиций.

Особый контроль устанавливался за поступлением в губернию писем «от наших военнопленных, находящихся в плену у воюющих с нами держав». При обнаружении этих писем все они должны были препровождаться в военно-цензурные комиссии округов (в Вильно или в Минск), в зависимости от того, в какой в сфере деятельности находился тот или иной населенный пункт. 5 февраля 1915 года один из цензоров, просматривая письмо из губернии в Германию к одному из военнопленных, пропустил, т.е. не зачеркнул следующую фразу: «Я очень рад, что ты находишься в плену». Признавая такой факт недопустимым, председатель военно-цензурной комиссии в Вильно просил гродненского губернатора о том, чтобы «они (цензоры – В.Ч.) относились более внимательно к исполнению возложенных на них обязанностей». 11 февраля 1915 года вице-губернатор Столяров издал в г. Слониме объявление от имени губернатора следующего содержания: «По распоряжению военных властей сим объявляется во всеобщее сведение, что вся корреспонденция на еврейском языке, ввиду встречаемых затруднений при цензуировании таковой, будет считаться не подлежащей пересылке в места назначения, и все почтовые отправления на этом языке будут уничтожаться при цензуре».

Денежное довольствие военным цензорам за исполнение возложенных на них обязанностей начислялось с 1915 года не помесячно, а посуточно, причем, лишь за фактическое исполнение указанных обязанностей. В связи с этим вице-губернатор Столяров предлагал им «о тех днях, когда в силу командировок не по делам цензуры или по болезни, они были лишены возможности фактически исполнять обязанности по военной цензуре, доносить о том мне».[150]

5 августа 1914 года начальник Гродненского ГЖУ полковник Шамшев на основании обнаруженной опечатки в правительственной телеграмме одного из агентов, помещенной в городской газете «Эхо», воспретил ее издателю А.С.Лапину печатание в своей газете такого рода телеграммы на будущее время. Выход из сложившейся ситуации купец 2-ой гильдии Лапин нашел в том, что 12 сентября взял на себя обязанности ответственного редактора газеты «Гродненское Эхо». Это давало ему вполне официальное право на публикацию не только телеграмм агентов и собственных корреспондентов, но и статей на политические, общественные, педагогические, научные, литературные и художественные темы; отчеты, сведения и сообщения о деятельности законодательных органов, государственных, общественных, духовных, педагогических, благотворительных и прочих учреждений; судебные отчеты, злободневные фельетоны, хронику губернской и городской жизни, спортивные обозрения, биржевые сведения, переписку с читателями, справочные сведения, объявления и беллетристику. Газета печаталась в типографии «Лапин и сыновья» на Александровской улице. Подписная цена «Гродненского Эхо» на год составляла 5 рублей, на месяц – 60 копеек; цена номера в розничной продаже – 2 копейки. Для народных учителей и священников цена была льготной – 1 копейка.

Далее ГЖУ взяло под свой контроль некоторые слова и выражения в гродненских газетах, которые по мнению жандармов могли быть использованы противником в разведывательных целях. Например, они полагали, что по словам «покупают» следует понимать, что войска прошли через известный пункт; «без перемен» – остались на прежнем месте; «поднимаются» – идут на юг; «уступают» – идут на север и т.д.

Руководствуясь такими установками, жандармы – они же военные цензоры, заподозрили в телеграмме из Белостока некоей С.Н. Человой, адресованной владельцу частной типографии «Модерн» в г. Гродно М.И. Арцишевичу (как оказалось ее жениху), наличие сведений шпионского содержания: «Закройтесь немедленно, примите все меры, беспокоюсь ужасно». Как потом выяснилось, тревога была ложной.

Основной документ, которым в своей работе должны были руководствоваться военные цензоры, являлось «Временное положение о военной цензуре», 1-ая статья которой гласила: «Военная цензура есть мера исключительная и имеет назначение не допускать по объявлении мобилизации армии, а также во время войны, оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов сведений, могущих навредить военным интересам государства». Во 2-ой статье говорилось, что «рассмотрению военной цензуре подлежат: 1) всякого рода произведения теснения, эстампы, рисунки, фотоснимки и т.д., предназначенные к выпуску в свет; 2) конспекты речей и докладов, предложенных к произнесению в публичных собраниях». Однако в реальной жизни что круг обязанностей военных цензоров был значительно шире.

Учитывая присутствие в Гродно так называемого «польского вопроса», цензоры предписали книжным торговцам изъять из продажи (в случае появления) трех польских гимнов: «С дымом пожаров», «Боже, что с Польшей» и «Еще Польша не сгинела (не пропала)». Однако, несмотря на подобные инициативы и повышенную бдительность, гродненский губернатор Шебеко 9 сентября 1915 года выдал гродненской дворянке А.А. Врублевской разрешение на издание ею в г. Гродно (под личную ответственность) еженедельной газеты на польском языке под названием «Земля Гродзеньска» («Гродненская Земля»). Это издание получило право на печатание на своих страницах всего того, что было разрешено и «Гродненскому Эхо». «Земля Гродзеньска» печаталась в типографии К.Ф. Крамковского (в собственном доме на Базарной площади). Подписная цена: на год 3 руб. 50 коп., на месяц – 30 копеек, отдельный номер газеты в розничной продаже стоил 5 копеек.

Впрочем, были и запреты. В начале 1915 года гродненский губернатор (из-за боязни шпионажа) предписал военным цензорам прекратить выход и распространение в г. Гродно газет, а равно прием и передачу корреспонденций, на еврейском языке. Основанием для такого запрета, по-видимому стало то, что «при захвате переписки немецких шпионов, очень часто находили в ней среди других бумаг еврейские газеты с отмеченными на них цветным карандашом в тексте и особенно в объявлениях каких-то слов».

27 января 1915 года губернатор Шебеко сообщал военным цензорам следующее: «В последнее время среди корреспонденций, направляемых в действующую армию, увеличилось количество вложений рукописных листов, озаглавленных «Святое письмо Иисуса Христа». По заключению архиепископа Литовского и Виленского Тихона (Белавина, будущего Патриарха Московского и всея Руси – В.Ч.), «письмо это, хотя и не заключает в себе ничего противного догматам Православной Церкви, однако питает в народной среде суеверия, а потому является нежелательным для распространения в народе». Тогда же губернатор настаивал на недопущении в периодической печати и в почтово-телеграфных сообщениях сведений о беспорядках и забастовках рабочих, хотя в городе-крепости их и не было, а также о полном прекращении в Гродно и губернии (по распоряжению военных властей) приема, пересылки и доставки адресатам всех внутренних почтовых отправлений на немецком языке.

Несколько особняком от предыдущей информации о работе военных цензоров стоит требование губернатора в их адрес от 3 июня 1915 года о недопущении постановки пьесы Леонида Андреева «Дни нашей жизни» на сцене городского театра, где, по словам губернатора, «в неприглядном свете показывается один из героев постановки подпоручик Миронов, выступавший на сцене одетым в офицерской форме. В настоящее время появление офицера в неподобающем виде нежелательно, к тому же по содержанию пьесы не требуется, чтобы Миронов был обязательно офицером. Постановка пьесы может быть разрешена лишь при условии замены роли подпоручика Миронова частным лицом…».

Одним из главных направлений работы военной цензуры была частная переписка. Вероятно, под влиянием охватившей всей шпиономании губернатор в своем распоряжении от 20 марта 1915 года информировал военных цензоров о следующем: «По полученным нами сведениям, некоторые письма для достижения тайны переписки в целях шпионажа пишутся человеческой мочой, преимущественно между строк, написанных чернилами, после чего написанное глазируется. Проявление написанного указанным способом производится нагреванием места бумаги с текстом над горящей лампой или зажженной свечой».

В архивных материалах ни одного из подобных писем не было обнаружено, но примеров с обнаружением подозрительного в частной переписке имеется достаточно много. Так, начальник транспортного отделения Гродненского ГЖУ в своем письме от 4 мая 1915 года начальнику Варшавского ГЖУ, в частности, писал: «Мною получены сведения, что нижний чин Рихтер, находящийся в команде при прожекторах в Гродненской крепости, посылает своим матери и жене, проживающим в Воломине близ Варшавы, письма, написанные секретными чернилами. В них он излагает сведения, умаляющие достоинства нашей армии, в силу чего его мать и некий Ставский, женатый на немке, а также жена самого Рихтера, проживающие в одном доме, распространяют слухи о действиях нашей армии». В начале июня 1915 года из агентурных источников в Гродненское ГЖУ поступила информация о том, что бомбардир 1-ой роты Гродненской крепостной артиллерии И.В. Челышев находится в преступной переписке с неким Новоселовым. Когда же 8 июня, в 9 часов вечера жандармы прибыли на 5-ый форт крепости и зашли в опорный пункт № 13 (т.е. землянку), занимаемый электроосветительной командой с целью осмотра вещей, принадлежащих бомбардиру Челышеву, то в ходе проводимого осмотра последний неожиданно набросился на унтер-офицера Медведева, свалил его на нары, чтобы вырвать и уничтожить преступную переписку. Усмирить Челышева удалось лишь при помощи фельдфебеля Ивана Самуилова, рядовых Ивана Ложкова и Николая Зуева. О ходе дальнейшего расследования этого дела других материалов, к сожалению, не обнаружено.

Значительное внимание военные цензоры обращали и на то, что читали жители города-крепости, а также военнослужащие. На необходимость этого указывали и циркуляры МВД. В одном из них, датированным 2 февраля 1915 года, в частности, подчеркивалось: «Обратить особое внимание на военные части, санитарные поезда и транспорты, на газеты и книги, которые получают раненые и больные воины для чтения. Вменено в обязанность соответствующим чинам чаще посещать лазареты и госпитали и больше беседовать с солдатами, а также рекомендовать медперсоналу выдавать для чтения нижними чинами произведения лишь тех авторов, кои указаны в прилагаемых к данному сообщению «Списке книг для больных и раненых нижних чинов» в двух частях. Необходимо также, чтобы все военно-лечебные учреждения чаще посещали священники, и чтобы они не только осуществляли здесь службы и требы, но и вели беседы с ранеными и больными. Следует

следить за тем, чтобы в руки нижних чинов попадали лишь издания правого и религиозно-нравственного направления».[51] Выполнить данные указания было нелегко по причине начавшейся сверху донизу революционизации и либерализации общественной жизни.

С началом войны, кроме фронтовых проблем, стали вызревать и тыловые. На смену ее единодушной поддержке со стороны народа постепенно пришло его внутреннее расслоение – на патриотов, стремящихся быть поближе к передовой, и тех, кто старался быть от нее подальше. В начавшейся войне это расслоение было особенно заметно: «одна часть населения сидела в окопах, лечила раненых, пыталась как-то наладить снабжение себя и фронта или просто молилась за ушедших на войну и с волнением ждала от них весточек; другая лишь держалась за свои собственные интересы, политиканствовала или внимала политиканам, интриговала, власть пила и ела, а к войне относилась в качестве «болельщиков». Правда, болели все-таки за свою «команду», но если она «играла» не так, как от нее ждали, могли и освистать, перемыть кости «игрокам» и начать глубокомысленные обсуждения, не пора ли сменить тренера…». Именно в этой среде и нарастала потребность громить и клеймить. Повод? А война идет не так победоносно, как ожидалось. А поскольку западные державы были заведомо у этих либералов вне критики, значит, виновата одна лишь «отсталая» Россия, ее «режим». И пошло обычное цепляние к каждому недостатку, слухи о «катастрофах», скрываемых от общественности. Традиционно, как и водилось в те времена среди прозападно настроенной публики, верили, конечно же, чужим, а не своим газетам.[152]

Разумеется, что в прифронтовом Гродно общественное расслоение среди жителей было не столь заметным, ибо введенное военное положение диктовало свои нормы поведения, а наводненность города военными заставляла «подтягиваться» и гражданское население. Издержки военного времени в той или иной степени уже коснулись большей части горожан, а доносившиеся до их ушей раскаты орудийной пальбы, да время от времени появлявшиеся высоко в небе неприятельские самолеты рождали у одних из них решимость «стоять до конца», другие становились равнодушными ко всему, а третьи начинали смотреть на чемоданы. В Гродно в ту пору по большому счету было не до политики, здесь больше волновало повседневное, а иногда и ежечасное.

Массу проблем порождало введенние с началом войны «Положение о полевом управлении войск». В нем определялась: «Территория, предназначенная для развертывания и действий вооруженных сил, а равно для расположения всех их тыловых учреждений, составляет театр военных действий». Это означало, что высшая власть на этой территории принадлежала Верховному главнокомандующему. А на своих участках, соответственно, командующим фронтами, командирам, начальникам военных округов и т.п. «Положение» составлялось в расчете на то, что Верховным будет император, и тогда никаких противоречий не могло и возникнуть. На деле же им стал князь Николай Николаевич, и возникла система «двоевластия». В тыловых губерниях власть по-прежнему принадлежала

правительству и губернским властям, в прифронтовых – военным органам. 3 октября 1914 года при ставке Верховного главнокомандующего была создана канцелярия по гражданской части во главе с князем Н.Л. Оболенским – как бы второе правительство, но как и раньше, из Петрограда, из министерств в адрес губернатора продолжали идти циркуляры. Возникали многочисленные недоразумения, когда распоряжения разных систем власти противоречили друг другу, когда малокомпетентные в делах управления военные начальники вносили путаницу в работу гражданских учреждений. Это вызывало жалобы со стороны министров и острую головную боль у губернаторов. В таких условиях даже твердый и решительный В.Н. Шебеко иногда не выдерживал и грохал кулаком по столу: «…так кого же слушать, чьи распоряжения выполнять?!».[153]

Слухи, а во время войны, как правило, чрезвычайно преувеличенные и необоснованные, нередко являлись источниками для панических настроений и действий как среди мирного населения, так и в армии. Источниками слухов во многом становились иностранные («правдивые»!) газеты, которые огульно перепечатывали германские пропагандистские байки. Вносили свою лепту и гастролеры из земских деятелей и тыловых офицеров, на недельку заскочивших на фронт и видевших разве что эвакуируемые обозы, заражаясь от них паническими домыслами. Прибывавшие в прифронтовые госпитали раненые также всегда были склонны видеть ситуацию хуже, чем на самом деле, для них она усугублялась собственными страданиями, перенесенным шоком, им невольно хотелось вызвать к себе сочувствие. И растекались истории о том, как «немец прет», как вражеская артиллерия сметает целые полки, как «драпает без оглядки наша армия, даже не видя противника». О том, что такие рассказы чаще всего были чисто эмоциональными или взятыми из непроверенных источников, обычно окружающие рассказчика даже не задумывались. Разумеется, по поводу услышанного окружающие только ахали, хватались за голову, и подобные известия молниеносно становились достоянием «общественности». Еще быстрее распространялись и слухи о «заговоре», о предательстве «немки-царицы» и о «феномене старца Распутина».[154] По этой причине городская администрация, полиция и жандармерия прилагали немалые усилия по предупреждению и искоренению этих явлений. Делалось это печатными средствами через объявления и газеты, а также путем прямого общения с народом, но чаще всего эта работа осуществлялась негласно путем сбора сведений о распространителях слухов с последующими мерами воздействия на них (последнее наблюдалось реже).

Какие же слухи витали в прифронтовом городе? Обратимся для этого к источникам Гродненского ГЖУ.

2 августа 1914 года Гродненское ГЖУ возбудило дознание по отношению к мещанину г. Гродно Э. О.Высоцкому, работавшему кузнецом в околице Игнатовичи Гродненского уезда, в связи с тем, что он говорил крестьянам: «что, если бы Бог дал, чтобы Пруссия овладела Россией, то тогда нам, католикам, житье здесь будет лучше».

В начале августа 1914 года гродненскими жандармами были получены сведения, что арендатор имения, лежащего около деревни Кульбаки, еврей Лапин открыто высказывал свои симпатии в пользу германцев; дескать, «если они победят, то он готов отдать им в благодарность половину своего имения». По словам окрестных крестьян, брат его, не имея прав на аренду земли, все-таки ее арендует и живет в имении Сколубово, которое расположено в трех верстах от фортов крепости Гродно, семья же его живет в Германии. Значит, «за ним должен быть глаз да глаз».

По донесениям полицейских и жандармских чинов в декабре 1914 года «в Гродненской губернии евреи в разговорах с крестьянами, порицая существующий в России государственный строй, при каждом удобном случае восхваляют порядки управления в Германии и Австро-Венгрии и убеждают крестьян от поступления в войска и активного участия в боях с неприятелем, дабы этим путем «способствовать переходу пограничных областей наших во власть воюющих с нами держав».

В конце 1914 года на основании «Правил о местностях, объявленных на военном положении» из пределов Гродненской губернии были выселены мещане Моисей и Самуил Франкфурты, Шолом Сролюк, Янкель Блох, Калман Вышенград, Сроль Рашап, Моисей Раковский, Израиль Медовник, Абрам Соркин, Шмерко Леви, Бенцион Левин, Лейба Квятович как «лица, вредные для государственного порядка и общественного спокойствия».

В ноябре 1914 года выяснилось, что «некоторые гродненские дамы и барыни при посещении раненых и больных воинов, предлагая услуги в качестве чтиц, писания писем и т.д., в беседах с ними выспрашивают у них сведения о расположении войск, о составе частей, об убытии офицеров и т.д., а другие – стараются внушить нижним чинам сознание о превосходстве немцев над русскими; третьи – ведут пацифистскую пропаганду».

16 сентября 1914 года негласным расследованием установлено, что содержатель аптеки в г. Гродно Абрам Троп-Кринский в присутствии крестьян деревни Малаховичи Марии Сороко и Анастасии Сороко, а также Марии Кошевник, оскорбил особу государя-императора сказав, что: «Немецкий царь умный человек, а этот (указывая на портрет русского императора), – дурак и тупица.

1 марта 1915 года крестьянин деревни Замостяны Берштовской волости Гродненского уезда Илья Жук отказался исполнять требование местных сельских властей и полицейского стражника Карповича о выезде со своей подводой в г. Гродно под своз войсковых грузов, и что при этом угрожая стражнику топором, он приговаривал: «Придут немцы, доберемся мы до вас». 13 марта крестьянин деревни Петрашевичи Гродненского уезда Яков Хопец, уклоняясь от работ на строительстве Гродненской крепости, заявлял: «Скорее бы германцы пришли: в Германии живется лучше, чем в России».

По агентурным сведениям было установлено, что 25 апреля 1915 года крестьяне деревни Струпино Жидомлянской волости Гродненского уезда Иван Синкевич и Константин Козел на вокзале подстрекали проезжающих солдат к побегу, заявляя, что «Германия все равно победит Россию. После

задержания стало известно, что названные «крестьяне» известны были всей округе как воры и скупщики солдатских вещей; прежде они уже были под судом и отбывали наказание.

9 июня 1915 года начальник Гродненской крепостной жандармской команды докладывал начальнику штаба крепости о том, что «владелец имения Белоблоты Августовского уезда Валериан Тукало в разговоре с окрестными крестьянами, своими батраками и служащими позволял себе восхищаться действиями германских войск и культурностью германского народа, и в то же время отзываться весьма враждебно о русских войсках, убеждая всех в непобедимости германцев. В феврале месяце того же года, когда немцы приближались к Гродно, он советовал своим служащим бежать к немцам в тыл, заявляя, что «им немцев нечего бояться, что надо бояться не их, а наших казаков – «воров и бандитов». Когда с немецких аэропланов бросали на позиции русских бомбы, то Тукало особенно этим восхищался, когда же он узнавал об успехе наших войск, то открыто заявлял всем, что это – ложь». В связи с отступлением русских войск и начавшейся эвакуацией в Гродно крестьянка местечка Озеры Гродненского уезда Анна Панфилова так высказывалась 22 июля 1915 года, находясь в окружении соседок: «Дай Бог, чтобы скорее сюда пришли немцы, тогда будет лучшая жизнь, а то наши грабители только продают Россию». Ей поддакивала соседка, девица Мария Губаревич: «Едут на мужицкой шее все кому не лень: и паны, и шинкари, а как защищать Россию, то некому…».[155]

Психологическое состояние жителей одного из населенных пунктов Гродненской губернии достаточно верно передал корреспондент журнала «Русский паломник» Г.Т. Северцев-Помалов в своем посмертном рассказе «Святотатцы». Вот лишь небольшой фрагмент его: «В тревоге ожидал маленький городок приближения немцев. Он был совершенно беззащитен. Лежал почти на самой границе, всего в нескольких верстах от нее, и прибытия в него неприятеля было несомненно. Уныние овладело жителями. Спасать свое имущество редко кто думал. Кое-что попрятали в погребах, закопали в землю. Большинство решило покоряться участи, никогда не предполагая, что культурные германские соседи, ведущие с нами войну, будут разорять мирных жителей.

- Ну, – придут немцы, сопротивляться мы не будем, за что же они нас будут обижать? Воюют только с вооруженными силами. – рассуждал местный судья.

- Так-то оно так, – с сомнением в голосе отозвался говорившему нотариус, – а все-таки, опаску нужно иметь. Как-никак, а враг?

- Чего враг! Знаем мы немцев, – такие же же мирные люди, как и все другие, – вызывающе заметил торговец продуктами. – Будут покупать все, что им нужно, деньгами платить. Ну, если барыша особенного не дадут, все-таки честно рассчитаются. Ведь мало ли я с ним дел имел, по осени сколько тысяч, гусей одних к ним перегоняю. Всегда копейка в копейку платят!

Такая уверенность немного успокоила горожан, даже старичок-священник из местной православной церкви, сперва хотевший спрятать ценные образа и церковную утварь, начал колебаться. А ксендз тут же спокойно сказал:

- Ну, чего беспокоиться? Немцы такие же люди, тоже Богу молятся! Не станут они грабить вообще, а церквей в особенности.

Начальник местной военной команды завел разговор о возможности сопротивления ожидаемому неприятелю, но тотчас же вызвал в свой адрес насмешливые замечания присутствовавших.

- Э, бросьте об этом и думать, дорогой, ну что вы с вашей сотней солдат станете делать против такой армады немцев, уж лучше вам из города уйти.

Недовольно поежился молодой офицер, не привыкший к подобным действиям, но вскоре такой приказ пришел, и он вынужден был его исполнить.

- Теперь уж мы нисколько не пострадаем от немцев, – с большим еще спокойствием уверял всех торговец, – ни одного солдата в городе не осталось, кроме полицейских, – значит с кем же воевать? Таково было настроение торговца!

- И все-таки городок, казавшийся спокойным, далеко не был таков: все чего-то томительно ждали, волновались, предчувствуя и ожидая больших неприятностей, страха и горе. Таково было настроение у всех».[156] Далее в рассказе говорилось о подлинном «культурном» лице врага, на благородство которого надеялись жители городка. При всей художественности рассказа, его патриотическо-пропагандистской заданности, автор его в целом только «нащупал» тот местечковый пацифистский настрой, который был свойственен определенной части населения губернии.

Летом 1915 года в адрес ГЖУ поступало большое количество анонимных заявлений, касающихся распространения слухов среди горожан, обвинений в шпионаже, дезертирстве и членовредительстве, а также неблагонадежности в политическом отношении. Некоторые же из заявлений выходили за рамки указанных тем. Так, 7 июля 1915 года жандармы получили анонимный донос о находке при ремонте Фарного костела в Гродно бочонка с 400-ми тысячами рублей золотом. Опрос рабочих, занятых в ремонтных работах (И.И. Германа, В.И. Шиманского, А.Ф. Боровицкого и А.К. Матюнаса) не подтвердил сведений, изложенных в доносе. 10 июля в ГЖУ поступило заявление некоего Никодима Трифоновича о том, что «два еврея: С. Белах – содержатель аптеки на Замковой улице и врач Мовша Брауде занимаются за деньги освобождением запасных от призыва в армию, в том числе и крестьянина деревни Свислочь Иосифа Жуковского за 400 рублей». Со слов заявителя, «последние дают запасным такую медицину, чтобы они болели, но не умерли». И далее: «Имею честь простить за такое заявление, но теперь настал такой час, что каждый русский подданный должен защищать свою родину, а не волынить за деньги и связываться с жуликами – врагами нашей Родины. Просим защитить нас от этих врагов и жуликов».

Что касается «неблагонадежных лиц», то по отношению к ним чаще всего применялись меры административного воздействия. Традиционно списки этих

лиц были представлены евреями. Так, 19 апреля 1915 года начальник Гродненского ГЖУ полковник Шамшев требовал от своих помощников: «Главком армиями Северо-Западного фронта приказал всех без исключения евреев, возвратившимся к нам из враждебных государств, а также и всех прочих, возвратившихся оттуда лиц, хотя бы и иного происхождения, если они вызывают подозрение в своей благонадежности, высылать в порядке пункта 17, статьи 19 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении», в Томскую губернию на все время военных действий».

Трудно сказать, насколько в точности выполнялось данное требование, но в приложенном к вышеуказанному циркуляру полковника Шамшева был приложен список лиц, возвратившихся в Гродно из Германии и Австро-Венгрии уже после начала войны, а ныне подвергаемых высылке. В этом списке значились неблагонадежными 30 человек: Гирш Лейпунский, Бейла Соловейчик, Иерухим Малевский, Самуил Гожсенский, Илья Сталевич, Хана-Рохля Захарий, Хая Беккер, Лейба Шацкий, Меер Заклейм, Шейна Заклейм, Хая Финкель, Сора Хемес, Зусман Гониондзский, Лея Сапочинская, Лейба Крьянский, Ревека Лапина, Мнуха-Сара Горницкая, Куна Мейлахович, Елизавета Ашкенази, Иосель Сокол, Мовша Пик, Эта Хонес и др.[157]

Преобладание среди так называемых неблагонадежных лиц еврейской национальности, разумеется, было явлением неслучайным, во-первых, в силу их значительного удельного веса в народонаселении города (по некоторым данным – около 78%), а также активного участия еврейской молодежи в деятельности нелегальных революционных организаций и партий (Бунд, ППС, РСДРП и др.), которые занимали в канун войны в ходе ее ярко выраженное германофильские позиции. Верхи же российского еврейства были вначале настроены выступить на стороне России, но эти устремления были затем «смазаны» суматошным и массовым выселением евреев из прифронтовой полосы. В определенном смысле это было связано со всеобщими договорами в еврейском шпионаже в пользу противников России. По А.И. Солженицыну, это был удобный ход – свалить поражение русских войск на Северо-Западном фронте в 1915 году на евреев.

Возможно, что это обвинение возникло и не без воздействия со стороны германского генштаба, издавшего воззвание к российским евреям восставать против своего правительства. Но более принято мнение, что это произошло под польским влиянием. Поскольку значительная часть поляков сознательно помогала немцам, то желая отвести от себя подозрение в измене, они усердно распространяли слухи о еврейском шпионаже. Некоторые источники подчеркивают именно в связи с выселением евреев из прифронтовой полосы по приказу генерала Янушкевича, что сам генерал был «поляком, принявшим православие».

К обвинению евреев – местных жителей в шпионаже, а такие факты имели место (дело об агентах компании «Зингер»), добавлялось и обвинение против евреев-солдат в трусливости и дезертирстве. Справедливости ради следует сказать, что в поводах к обвинению евреев во всех грехах не было недостатка. Сюда же можно добавить случаи паникерства, перехода к врагу, шпионство,

злоупотребления со стороны поставщиков хлеба, фуража и т.д. в войска. В данной ситуации наиболее правильным представляется в мотивации этих поступков так называемая (по А.И. Солженицыну) «двойственность еврейской души» «с одной стороны, она не могла мириться с чертой оседлости, а с другой – стремилась к замкнутости и обособленности; с одной стороны, еврей – интернационалист по причине жизни в рассеянии, да и по политическим устремлениям, а с другой – националист и сионист».

В июле 1915 года по линии Гродненского ГЖУ проходили и дела, выходящие из разряда особенных, более того, они наоборот, были самыми типичными, а потому и представляют интерес для исследователя. Так, 9 июля 1915 года жандармский унтер-офицер П.И.Гинак письменно доносил своему начальнику, полковнику Шамшеву о следующем: «Доношу Вашему Высокоблагородию, что 8-го сего июля по случаю праздника явления Казанской иконы Божие Матери, я, согласно распоряжению вахмистра Трофимюка, был послан на церковный крестный ход с наблюдательной целью. После прохода крестного хода к Александро-Невской церкви и по окончании молебствия, когда войска, бывшие на параде, взяли ружья на караул и музыка заиграла «Боже, Царя храни», я заметил в толпе народа чиновника который стоял при этом в фуражке и не держал руки под козырек. Подойдя к нему, я в вежливой форме попросил его снять фуражку, он же в ответ злобно посмотрел на меня, но фуражку все-таки снял. После чего я отошел в другое место, продолжая наблюдать за публикой. После окончания народного гимна чиновник подошел ко мне и заявил, что будет жаловаться на меня начальству, и при этом особо подчеркнул, что во все время исполнения гимна он был без фуражки, что могут подтвердить свидетели. На что я ему ответил, что я сам свидетель, а других свидетелей мне не нужно. Вслед за этим я совместно с городовым Канцлером пригласил этого чиновника для выяснения его личности в 1-ую полицейскую часть, где стало ясно, что чиновник этот служит в Гродненской казенной палате, а фамилия его К. Бекеш, о чем мною и было доложено приставу 1-ой части, который тотчас же сделал распоряжение о составлении по сему случаю протокола».[159] Такого рода факты, связанные с оскорблением царя и государственных символов, атрибутов государственной жизни имели место, как известно, и в мирное время, во время же войны им придавалось значение, близкое к проявлению неблагонадежности или к отсутствию патриотических чувств.

Неоднократно наблюдались и случаи доносительства, основанные на тех же патриотических чувствах. Столь неожиданное сочетание, как это ни странно, также имело место в прифронтовом Гродно. Именно руководствуясь высокими гражданскими чувствами, старшая сестра милосердия Гродненского военного госпиталя Мария Высоцкая написала 18 июля 1915 года на имя помощника главного врача рапорт, в котором сообщила следующее: «Считаю своим нравственным долгом и по чувству искренней любви к родине, довести до сведения начальствующих лиц нижеследующий образ мыслей и взглядов сестры милосердия Анны Марковой, высказанные при следующей обстановке: 17 сего июня я зашла в Кобринские казармы

(место расположения 171-го Кобринского пехотного полка – В.Ч.), в дежурную комнату сестер милосердия. Встретив там Маркову, я на ее вопрос: «что слышно на войне?», ответила, что «с Божией помощью там все благополучно и заботиться об этом не нужно». На что сестра Маркова сказала так: «Вы говорите – все благополучно, но я знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет до тех пор, пока будет Николай. Все будет хорошо только тогда, когда у нас появится республика, как во Франции». На подобные слова я ответила ей, что русский народ не может и никогда не будет существовать без Царя, так как это будет подобно катастрофе и тотчас же сделала ей замечание о том, что с ее стороны очень нехорошо высказывать такие взгляды громогласно и к тому же в присутствии молодых сестер, нарушая тем самым их душевное спокойствие. На это сестра Маркова ответила: «Я говорю между своими». Я заметила, что в этом отношении «мы» – далеко не свои, поскольку взгляды наши весьма расходятся. При описанном разговоре присутствовали: дежурный врач Бауман и сестры милосердия Штейнерт В.А., Мхаэр И.М. и Бояровская Л.Н., которые все слышали, но участия в разговоре не принимали и сейчас же разошлись».

В ходе начавшегося по этому делу дознания выяснилось, что разговор между Высоцкой и Марковой (кстати, вдовой губернского секретаря) охватывал значительный большой круг вопросов тогдашней жизни, так это было в рапорте начальству. Он включал в себя рассказ Марковой о ее недавней поездке в Петроград и дороге обратно (там было упоминание о взрыве на одном столичном пороховом заводе, о похоронах великого князя Константина Константиновича, о взрыве поезда с боеприпасами, а также о той свободе, с какой какие-то, ехавшие с ней в поезде в Гродно офицеры говорили, что «если бы в России было все так, как во Франции, то война пошла бы совсем иначе»), и вообще, представлял из себя обычный разговор, неожиданно обретший характер инцидента, на который гродненские жандармы обязаны были обратить внимание. Однако к их чести, они не нашли в показаниях Высоцкой оснований для привлечения Марковой к дознанию в качестве обвиняемой, тем более, что ранее она не была замечена в чем-либо предосудительном. Более того, выяснилось, что Анна Маркова в годы русско-японской войны участвовала в ней в качестве сестры милосердия и имела за войну несколько наград. В конце концов дознание по рапорту Высоцкой было прекращено. В связи с этим в жандармском постановлении об этом было написано следующее: «Трудно совместить приписываемое Марковой преступление с тем, что она (по показаниям все той же Высоцкой) плакала о том что ей, бедной, не пришлось увидеть государя императора во время посещения им Гродно, и даже то, что она целовала руки Высоцкой, после рассказа последней о том, как Николай II собственноручно давал старшей сестре милосердия медали для раздачи раненым, дотрагиваясь при этом до ее рук. Вполне допускается предположение, что Высоцкая, уже настроенная против Марковой за неоднократные, вопреки запрещениям распространять, неблагоприятные слухи о войне, могла, будучи рассерженной, вполне

добросовестно заблуждаться относительно истинного смысла слов Марковой и истолковать их вследствие этого совершенно неправильно…».[160]

Данное постановление, явно обретающее нежелание жандармов «раздувать дело», означало лишь одно – в повседневной жизни имело место похлеще банального госпитального инцидента. Но и он был, а потому по-своему отражает непростую морально-психологическую ситуацию на межличностном уровне в среде военного медперсонала.

Общественно-политическая ситуация в городе-крепости Гродно с момента объявления мобилизации и вплоть до эвакуации гродненских учреждений летом 1915 года в целом была спокойной. Здесь не было сколько-нибудь значительных патриотических или антивоенных манифестаций. В связи с отсутствием крупных промышленных предприятий не было и фактов рабочих забастовок, деятельности каких бы то ни было революционных организаций. Даже более всего до войны беспокоившие жандармов ППС и Бунд не подавали признаков жизни. Приходившие из столицы в Гродненское ГЖУ шифровки о возможном появлении в городе тех, или иных деятелей Бунда не получали в городе реального подтверждения. Имеющиеся в фондах НИАБ в г. Гродно документы дают возможность лишь фрагментарно охарактеризовать общественно-политическую ситуацию в городе.

Об отсутствии каких-либо потрясений в г. Гродно и губернии убедительно свидетельствуют материалы переписки губернатора В.Н. Шебеко с Департаментом полиции в годы войны. Ситуация здесь была стабильной не только летом-осенью 1914 года, но зимой-весной-летом 1915 года. Вот что сообщал в Петроград генерал-майор Шебеко 30 апреля 1915 года: «Уведомляю Департамент полиции, что настроение населения Гродненской губернии в истекшем апреле месяце было спокойное, забастовочного движения не наблюдалось. Беспорядков, выступлений и ложных неосновательных слухов среди крестьянского населения не было. Среди христианских интеллигентских слоев общества, организаций политических партий, за исключением «Союза Русского Народа» и «Дубровинского Отдела» – не существует. Издающиеся в губернии газеты находятся под неусыпным контролем. Агитационной деятельности в местных правительственных организациях, обществах частной инициативы, лиц свободных профессий, учащейся молодежи не ведется. Случаев грабежей в течение месяца не было. Считаю лишь своим делом отметить несколько возбужденное отношение христианского населения к евреям в связи с обнаруженными случаями шпионажа и измены среди последних. Особенно враждебные по отношению к евреям чувства проявлялись офицерами и нижними чинами, и бывали случаи заявлений, что по окончании войны с ними последует энергичная расправа. С другой стороны, вызываемые обнаруженными преступными действиями евреев репрессивные меры против них общего характера порождают во впечатлительных еврейских массах чувство горькой обиды. Явления эти не носят еще тревожного характера, заслуживают, однако, быть отмеченными, так как могут принять нежелательное развитие, если не будут своевременно приняты меры успокоительного свойства».[161]

Находились под контролем властей и вопросы, касавшиеся межконфессиональных отношений. В том числе и переходов из православия в другие конфессии. А они имели место. Так, за период с 1 января 1914 года по 1 января 1915 года из православия в другие исповедания перешли: в римско-католическое 70 чел. из числа жителей г. Гродно и уезда, из них 36 мужчин и 34 женщины; всего же по губернии – 302 чел. (156 мужчин и 146 женщин); в евангелистско-лютеранские – всего по губернии 4 чел. (3 мужчины и одна женщина); в сектантство – также по всей губернии 6 чел. (5 мужчин и одна женщина). Преобладание во всех случаях переходов мужчин может лишь означать, что последние боялись или не хотели в случае оккупации губернии немцами, отрицательно относившимися к православию, быть другой с ними веры.

Война, вызвавшая на своей начальной стадии подъем патриотических чувств у большей части населения России, не могла не способствовать настороженно-подозрительным настроениям со стороны светских и духовных властей Гродненской губернии по отношению ко всем случаям, так или иначе связанным с переходом из православия в другие христианские конфессии. Особую бдительность начальства в этом плане испытывало на себе православное духовенство Гродненской епархии. Показателем ее может служить «Дело о перешедшем в баптизм бывшем православном священнике Николае Макаревском, предложенном 8 августа 1914 года для рассмотрения в Гродненском окружном суде с обвинительным актом. Уникальность данного дела и повышенное внимание к нему со стороны общественности требовали от судебных властей в условиях военных действий оперативного его разрешения. Как стало известно, само «Дело бывшего священника Николая Макаревского» начало формироваться еще до войны.

Начало ему положил секретный рапорт Белостокского уездного исправника от 30 ноября 1913 года на имя гродненского губернатора В.Н. Шебеко: «В половине сего ноября урядником вверенного мне уезда Залужным были получены сведения, что учителем Топилецкой церковно-приходской школы Николаем Позняком с почты были получены брошюры преступного содержания. Произведенным по этому делу дознанием выяснено, что действительно учитель Позняк получил заказной бандеролью из г. Бреста от бывшего священника Топилецкой церкви Николая Макаревского для раздачи местным крестьянам пять экземпляров брошюр под названием «Горькая правда». Полученые брошюры учителем Позняком были переданы временно исполняющему дела настоятеля Топилецкой церкви иеромонаху отцу Авксентию, а последний передал их чинам полиции вместе с полученным ранее от того же Макаревского открытым письмом на имя Позняка о высылке этих брошюр. Кроме того установлено, что упомянутый бывший священник Макаревский в бытность его еще Топилецким священником раздавал прихожанам брошюры под названием «Что пришел совершить Иисус на этой земле», причем некоторыми из крестьян при дознании представлено полиции четыре уцелевших экземпляра этой брошюры. Содержание обеих брошюр

имело целью совращение православных в секту баптистов, к которой принадлежит в настоящее время Макаревский».

Пока суть да дело, 12 января 1914 года, т.е. через месяц после вышеуказанного рапорта, на имя губернатора из департамента духовных дел МВД поступило письмо следующего содержания: «По полученным нами сведениям перешедший в баптизм бывший православный священник Макаревский проявляет усиленную деятельность по пропаганде означенного вероучения среди православного населения с поношением православной веры. Вследствие сего департамент просит сообщить, возбуждено ли против названного лица уголовное преследование и в утвердительном случае, не отказать в своевременном уведомлении о результатах означенного дела».

Заинтересованность вышестоящими инстанциями указанным делом ускорила проведение по нему дознание и передачу его судебному следователю для привлечения Макаревского к ответственности по 90 статье Уголовного уложения. К дознанию были приложены брошюры: «Обращение священника на евангельский путь», «Путь, уверенность и радость спасения», «горькая правда», «Кто спасается и кто не спасается»; две газеты «Утренняя звезда и «Слово истины», а также фотокарточка с изображением посредине бывшего священника Макаревского, справа – бывшего варшавского мориавитского ксендза Вацлава Жебровского и слева – католического ксендза Борткевича».

Между тем, сам Макаревский, оставшийся на свободе, в качестве «Проповедника от Санкт-Петербургского съезда евангельских христиан, потомственного почетного гражданина» разъезжал по губернии с целью распространения упомянутых брошюр и фотографий, а также книг «Жизнь Георгия Мюллера», журналов «Гость», календарей «Добрый советник на 1914 год» и др. 31 января 1914 года он не только раздавал означенные материалы в д. Завады Хорощанской волости местным крестьянам Николаю Сергею, Сильвестру Сохору, Матвею Залевскому, Николаю Устьяну, Якиму Копотко, Даниилу Соломянко, Александру Залевскому, Кузьме Малевичу, Константину Редута, Петру Блажко и другим, но и проводил с ними беседы об их жизни и хозяйстве, а затем читал им «Евангелие» и газету «Утренняя Звезда». Все крестьяне от «подарков» проповедников не отказывались, дабы «не обидеть образованного человека», кроме одного – Николая Грико, отказавшегося их взять в руки. Задержанный в доме крестьянина Николая Сергея проповедник заявил полиции, что он ничего крестьянам не читал, их ни за что не агитировал, а приехал в Завады лишь для выяснения личности одного лица, писавшего ему в Брест, но по прибытии здесь не оказавшегося». Однако крестьянин Кузьма Малевич, присутствовавший при этом, сразу же заявил, что как только он с другими крестьянами был приглашен в дом Сергея, то книги, брошюры и журналы, привезенные Макаревским, уже лежали на столе, приготовленными к раздаче, что после чтения Малевич выразил свою уверенность в том, что «Макаревский приехал в д. Завады для того, чтобы склонить местных крестьян к переходу из православия в секту баптистов».

Подтвердили затем такого рода намерения бывшего священника и другие крестьяне.

После составления протокола задержанный полицией проповедник был освобожден и в тот же день уехал в Брест, оставив лишь ей следующий документ: «1914 года января 31 дня. Я нижеподписавшийся, даю сию расписку в том, что я обязуюсь проживать в г. Бресте по Садовой улице, в доме Гинзбурга, и с этого места никуда не отлучаться, имея в виду, что на случай требования меня судебными властями, сими последними дабы возможно было выслать мне повестки или касающиеся по делу требования, в чем и расписываюсь – Потомственный почетный гражданин Миколай Иванович Макаревский. Подписку взял – урядник 7-го участка Залужный». Там же имелись сведения о том, что Макаревский имел жену – Юлию Федоровну (1879 года рождения), сына Леонида (6-ти лет) и дочерей Ольгу (16-ти лет) и Веру (14-ти лет).

8 февраля 1914 года все материалы, «вполне изобличающие Макаревского в совращении крестьян к переходу в секту баптистов» были предоставлены полиией гродненскому губернатору вместе с ходатайством о высылке Макаревского из пределов Гродненской губернии сроком на три года.

17 февраля на имя губернатора В.Н. Шебеко поступило письмо архиепископа Гродненского и Брестского Михаила (Ермакова), в значительной степени раскрывающее причины данного вероотступничества, а затем баптистско-проповеднической деятельности Н.И. Макаревского. Вот его содержание: «Снявший в месяце марте 1912 года священнический сан бывший священник Топилецкой церкви Белостокского уезда Николай Макаревский, совратившись в штундо-баптизм, пропагандирует это сектантское учение, называя себя проповедником Санкт-Петербургского Съезда евангельских христиан. По сведениям само снятие Н. Макаревским священнического сана будто бы вызвано было соблазнившим его предложением со стороны заправил баптизма принять должность баптистского проповедника. Этому можно поверить, так как Н.Макаревский и в предыдущей своей жизни и деятельности не обнаруживал необходимых для православного пастыря нравственных качеств, посему и снятие сана для ускорения произведено было без обычных увещаний. И действительно, тотчас по снятии сана Н.Макаревский принялся за пропаганду штундо-баптизма прежде всего в бывшем своем Топилецком приходе, затем в г. Бресте, где он поселился на жительство, а равно и в других местностях не только Гродненской, но и других губерний, притом не только лично, но и путем распространения книжек и брошюр штундо-баптистского содержания. Так, недавно запрашивал Гродненскую Духовную Консисторию о личности Н. Макаревского священник из г. Новгорода. Летом 1913 года Макаревский, проживая месяц у своего родного брата в селе Торокани Кобринского уезда, также пытался распространять свое лжеучение.

Вообще о пропаганде Макаревского со всех сторон мне сообщали, но, к сожалению, до сих пор пропаганда его оставалась безнаказанной, за отсутствием формально установленных признаков его в преступной

деятельности. В особенности опасными являются его выступления в Белостокском уезде, где он священствовал, и в г. Бресте, где он постоянно проживает, вращаясь преимущественно среди низших железнодорожных служащих.

В настоящее время мне препроводили коим полицейские протоколы о посещении Макаревским д. Завады Топилецкого прихода Белостокского уезда. Из протоколов видно, что Н. Макаревский в д. Завады явился действительно для пропаганды, хотя и отрицал это перед арестовавшим его на месте чином полиции. Возрастающая вследствие безнаказанности смелость Макаревского в пропаганде и его наглость внушают тем более опасение, что местному населению известно, что Макаревский есть бывший православный священник, о чем при всяком случае заявляет как на словах, так и в составленной им брошюре, усиленно им распространяемой.

Так как меры нравственного воздействия на совесть Н. Макаревского не действуют, а между тем смелость и наглость его возрастают, то я поставляю долгом обратиться к Вашему Превосходительству с ходатайством о выселении вероотступника – растриги Николая Макаревского из пределов Гродненской губернии, ввиду крайне вредной деятельности его, как проповедника штундо-баптизма, представляющего здесь на западной окраине Отечества великую опасность не только в церковном, но и в государственном отношении».

Как же сам Н. Макаревский объясняет сложение с себя сана православного священника и уход в другую конфессию? Чтобы ответить на этот вопрос, лучше всего обратиться к написанной им брошюре автобиографического свойства «Обращение священника на евангельский путь» (СПБ, тип. Кюгельгена, Глич и К^{о}, без даты выпуска, предположительно – 1913 года, 41 стр.). Начнем с того, что помещение на обложке фотографии Н.И. Макаревского в священническом облачении с соответствующей надписью для точности («Н.И. Макаревский священником»), а на ее обороте в светском костюме, с галстуком и без головного убора с надписью – «Н.И. Макаревский в 1913 году», уже само по себе должно было убедить читателя в том, что автор ее снял с себя сан православного священника и превратился в евангельского проповедника, во-первых, внешне, а вот содержание брошюры должно было убедить читателя и во внутреннем переосмыслении своего служения Богу ее автором.

Свое повествование Н.И. Макаревский начинает с показа того, как «систематически вырывалась живая вера» преподавателями Литовской духовной семинарии, в которую он по семейным обстоятельствам перевелся из Ярославской семинарии в 1889 году. С поисков фактов так называемого неверия у своих учителей традиционно начинается всякое вероотступничество, и наш герой в этом смысле не был оригинален. Это неверие он находил в упрощении объяснения библейских и евангельских событий со стороны преподавателя греческого языка Н.И. Коранзского, в высмеивании обрядов православия и католичества преподавателем догматического, основного и нравственного богословия, священником

Гуляницким, безнравственная жизнь некоторых преподавателей и т.д. Все это, по словам автора, размывало у него «благодатную веру в Бога». В итоге, признает он, к концу своего обучения при внешней благополучности с внешней стороны, весь его душевный мир представлял из себя «одни грустные развалины: полное безверие, самомнение, разнузданность всех страстей и похотений, совершенная безидейность и беспринципность с одним лишь властным стремлением разбогатеть: ешь, пей, веселись, ибо за гробом, дескать, какая-то бессодержательная пустота… И потому самым удобным путем к этому представился самый заурядный, проторенный предками путь – идти в священники». Предварительно он поступил на должность псаломщика. Жажда хорошо пристроиться через женитьбу на внучке покойного священника («весьма неинтересной и совершенно безграмотной») в конце-концов привели его к священству. Но уже через два года неудачной семейной жизни, через увлечение картами, вином и распутством, чтение антирелигиозной литературы и т.д. привели к тому, что начинающий священник начал смотреть на свое пастырское дело достаточно формально, «лишь как на выполнение обрядов, богослужений и требоисправлений». И так продолжалось все в священническом служении Макаревского на протяжении 17 лет. Оказывается, сколь сильными в своем негативном воздействии могли быть губительные примеры старших. Столь чистосердечное признание своей греховности, естественно, могло продолжаться у автора лишь до какого-то момента. Без него нельзя. И в данном случае все произошло вполне по законам жанра: такой момент наступил. Вот как описывает его Макаревский: «И вот когда я дошел до крайнего атеизма и полной расшатанности нравственного своего мира, в моей душевной жизни произошел случай, который и был первым толчком к моему религиозному пробуждению и постепенному возрождению уже в качестве евангельского проповедника. Разумеется, что это был сон, в котором «Господь повернул в мою сторону голову с выражением как бы укора и скорби». Все это усилило, по словам автора брошюры, его «душевное неспокойствие и постепенно усиливающее внимание» к сочинениям Петрова, Владимира Соловьева и Льва Толстого. Из книги последнего «В чем моя вера», пишет Макаревский, он вынес «настолько сильное глубокое и необразимое убеждение в существовании Вседержателя мира Бога-Отца, что даже стал сильно проповедывать о нем в церкви, между тем как 5-6 лет пред тем я ни одной проповеди не произнес в своем приходском храме, считая их лишним затемнением и так уж темного крестьянского русского народа».

После того, как авторитет графа Толстого на Макаревского значительно ослаб, ему через чтение «Евангелия» его «утешительно просвященной душе вдруг стало ясно и понятно, что Иисус Христос есть истинно Бог…», и что Он есть его личный «Спаситель», и ранами его мои душевные язвы затянутся и все мои ужасные прегрешения безбожной жизни смоются и очистятся кровью Христа – Искупителя». В эту пору появления у Макаревского «молитвенного настроения» происходит и первое его знакомство с евангельскими христианами. Через посредство жены одного паровозного машиниста,

заметившей сошедшее на него озарение, он «с особенным расположением согласился посетить их общину, откуда вынес очень глубокие впечатления, подвинувшие к решению поскорее снять сан священника, чтобы «путем новым и живым» потрудиться в Господнем винограднике для славы Его Царствия на земле». Ускорили дело снятия сана, по словам автора, и «те давления, которые начались на него со стороны духовных властей» (выговор на собрании духовенства благочиния за посещение собраний евангельских христиан – В.Ч.). Ожидая для себя в дальнейшем еще «больших репрессий», Макаревский и подал свое прошение о снятии сана, текст которого для большей убедительности он представил в брошюре в полном объеме: «Михаилу Епископу Гродненскому и Брестскому. Священника Топилецкой церкви Белостокского уезда Гродненской губернии Николая Ивановича Макаревского. Прошение. Благодатная моя вера в Бога была расшатана человекоубийственным религиозно-нравственным строем духовного училища, а духовная семинария окончательно вырвала веру, воспитавши в душе моей одно лишь властное стремление к «Маммоне».

С таким жалким, антирелигиозным душевным багажом я и вступил в сонм священнослужителей русской Православной Церкви, где довольно легко и удобно приспособившись, и прослужил 19 лет. Но в последние годы моего внутреннего уха коснулся дивный голос Духа Святого и моя духовная нищета и пустота наполнилась всецело возродившимся духом веры Христовой. Апостол Павел говорит: «Кто во Христе, тот новая Тварь, древнее прошло, теперь все новое».

И теперь ясно представляя всю высоту и ответственность пастырского служения, я не нахожу у себя и малейшей возможности нести сан священника среди нашего православного духовенства. Слова апостола Иакова «Братия моя! Не многие делайтесь «учителями» побуждают меня, как и все вышеизложенное, искренно просить о снятии с меня священнического сана. Свящ. Ник. Макаревский».

Далее автор сообщает, что это прошение от 10 марта 1912 года было отмечено следующей резолюцией епископа Михаила (Ермакова): «В виду кощунственного характера прошения, предлагаю благочинному принять от священника Н.Макаревского церковное имущество и все документы, а сам он отрешается от священнослужения впредь до получения синодального указа о снятии с него священного сана». 15-го же марта 1912 года пришла и синодальная резолюция: «Разрешается снять сан священнику Н. Макаревскому без увещеваний со стороны духовенства». Воздаянием Господу за Его спасительное искупление и заканчивает автор свое повествование, подписавшись под ним: «Благовестник евангельских христиан Ник. Ив. Макаревский». Вслед за этим в брошюре помещено объемное «Послесловие», в котором автор знакомит читателей с некоторыми его личными душевными переживаниями, а более «случаями из душевного мира, прочитанные у К.Фламмариона», или услышанными от разных лиц».

Один из этих случаев (из «Фламмарионовского сборника») представляет интерес не только как чудо, а как факт, имеющий отношение к конкретным

людям. Вот его краткое содержание: «За пять месяцев до наполеоновской компании 1812 года генеральша, кажется, Потулова, была с мужем своим в имении, и тогда еще ничего не было слышно о намерениях Наполеона идти войной на Россию. И вот генеральша видит удивительный сон: как будто бы она находится в каком-то неизвестном ей городке, в провинциальной гостинице и там вдруг отворяется дверь в номер гостиницы и входит ее отец, ведя за руки ее сына-отрока, и говорит: «Дочь моя, кончилось твое счастие: мужа твоего убили в битве под Бородино!». От такого неприятного известия она пробудилась и обрадовалась, увидев, что ее муж преспокойно спит в спальне и что увиденное неприятное известие об его смерти есть лишь один сон. Несколько успокоившись, она опять засыпает: сон повторяется… Когда же он ей приснился в ту же ночь в третий раз, она разбудила в великой тревоге мужа-генерала и спрашивает: где это находится Бородино?». Генерал, спросонья, недовольный и говорит: «Да какое там Бородино? Никакого Бородино я не знаю! И откуда ты его взяла?», Она и рассказала ему неприятный тот сон, приснившийся ей трижды. А генерал ей и говорит: «Да, все это ерунда какая-то, никакого Бородино не существует, а снится тебе какая-то бурда оттого,что ты, мать моя, себе нервы расстроила вчера, возившись по хозяйству с индюками, да курами».

Но генеральша не успокоилась на том, утром она упрашивает отца своего и мужа отыскать на карте Российской империи это злосчастное Бородино. И вот они, добросовестно поискавши, так и не находят этого, тогда еще неизвестного маленького селеньица Бородино. И так успокоились.

Когда же, спустя 5 месяцев, началась война и генерал Потулов был назначен главнокомандующим резервной армии и по военным обстоятельствам пришлось быть генеральше с ее отцом и маленьким сыном в каком-то уездном городишке и в небольшой гостинице, случилось так, что в одно утро, как и было во сне, отец генеральши возвратился с утренней прогулки и, отворив номер, ведя маленького внука за руку, и скорбным тоном собщает дочери известие с войны, что «мужа твоего убили под «Бородино». И есть слухи, будто бы генеральша выстроила монастырь после смерти мужа, в ознаменование этого вещего сновидения.

Что касается дальнейшей жизни Макаревского, то о ней он сам не без удовольствия повествует в петербургской газете евангельских христиан «Утренняя звезда» (1915. -- № 17. – С.5-7) в статье под названием «Первый мой судебный уголовный процесс (в гор. Ковеле 4-го ноября с.г.)». В ней с нескрываемой гордостью автор пишет о тех преследованиях и, как он заявляет, «мнимых доносах» местного священника-миссионера, сообщившем полиции о его «укрывательстве по домам, совращении православных и пропаганде штундизма». С особым удовольствием передает Макаревский содержание обращения к нему после задержания и проверки его документов полицейским надзирателем: «Удостоверившись, что с документами у меня все в порядке, сличивши все необходимые сведения, надзиратель радостно воскликнул: «Очень благодарен Вам, господин Макаревский, вы выручаете нас из большой неприятности пред нашим начальством… Ибо товарищ

прокурора все это время настаивал на разыскании вас, а мы, исполняя это, как говорится, с ног сбились: подняли на ноги чуть не всю явную и тайную полицию; искали вас и по домам, и в собрание евангелистов-христиан являлись и переодевались, а в результате нам лишь одни выговоры…».

Данный опыт общения вероотступника-растриги с полицией и судом не только не испугал его, но еще более укрепил его в сознании правоты своего дела, а потому и в возможности собственной безнаказанности в будущем. С тех пор ореол мученика и стойкого борца за веру стал составной частью жизни и поступков Макаревского. Ему весьма импонировало, что сложение с него священнического сана, мнимые и явные признаки контроля за его пропагандистской деятельностью становятся предметом полемики на страницах газет и журналов; о его поступке говорят, у него есть как противники, так и сторонники. Не без удовольствия, вместе со своей «исповедальной» брошюрой, он раздавал православным крестьянам и другую брошюру – «Горькая правда. Открытое письмо Санкт-Петербургскому православному миссионеру Боголюбову», написанную таким же растригой, как и Макаревский, неким Ионой Брихничевым. Это письмо было своеобразной реакцией на статью священника Александра Боголюбова в журнале «Дела веры» (1913, № 22), в которой последний осудил поступок Макаревского, заявив, что этим он, образно говоря, «выколол себе духовные очи». Автор «открытого письма», взяв под защиту вероотступника, называет его не тем греховным священником, каким Макаревский показан в упомянутой статье, а называет его проповедником «новым, обновленным и ищущим». Саму же статью А.Боголюбова он называет заказной, призванной лишь снять ответственность с православия за своего былого сына. По мнению Ионы Брихничева, подобные методы противосектантской деятельности церкви «требуют желать много лучшего…». Одним словом, новое положение бывшего священника ему самому, несомненно, нравилось, споры вокруг него поднимали его значимость в глазах общества, давали ему право «по-новому смотреть на себя и свои духовные деяния».[162]

Как же завершилось рассмотрение дела Н.И. Макаревского в Гродненском окружном суде осенью 1914 года? На этот вопрос ответить пока нельзя, так как документы его не сохранились. Однако уже то, что известно о его поступке, несомненно, свидетельствует о тех сложных процессах, которые протекали в недрах Православной Церкви в ту пору.

Духовная атмосфера в губернии была весьма непростой. О нравах города Слонима, становившегося на время непродолжительных эвакуаций учреждений из Гродно вполне губернским городом, свидетельствует письмо непременного члена Гродненской губернской землеустроительной комиссии (фамилия неразборчива – В.Ч.) на имя губернатора В.Н. Шебеко: «Ваше Превосходительство, милостивый государь Вадим Николаевич. Вследствие личного предложения имею честь доложить Вашему Превосходительству, что 12-го минувшего марта у меня в г. Слониме было столкновение с евреем-фотографом. Возмущенный оскорбительным для меня содержанием и тоном разговора со мной этого еврея по поводу неаккуратного исполнения заказа, я

не мог сдержать себя и ударил его палкою, после чего сейчас же направился в полицейское управление, находящееся на одном дворе с фотографией, пригласил к телефону помощника исправника и попросил его записать обо всем случившемся во избежание каких-либо со стороны еврея кривотолков.

Свой поступок я не могу иначе объяснить, как возбужденный моим состоянием, вызванным поведением фотографа и наглым его отказом, несмотря на бывшие при заказе условия, выдать мне негативы карточки жены, сопровождавшимся пояснением – фотографы хранят негативы на случай смерти. Эта фраза окончательно взволновала меня ввиду недавно полученного известия, что в Москве жена заболела дифтеритом.

Ни одной минуты не желая скрывать от Вас случившегося я тотчас же заявил об этом вице-губернатору В.В. Столярову, который на мой вопрос, не следует ли сейчас же доложить и Вашему Превосходительству и ехать в Гродну, что это можно будет сделать и при первом докладе.

Докладывая об этом крайне неприятном для меня случае, в момент совершения которого я так мало мог дать себе отчета и самым решительным образом протестуя против каких-либо преувеличений случившегося, я позволяю себе сообщить Вашему Превосходительству, что душевное мое состояние, в котором находился под влиянием оскорбительного поведения еврея, затронувшего мою честь и весь ужас, который я почувствовал от его неосторожной фразы о цели хранения негативов фотографии – могут явиться достаточным основанием оправдания в совершении мною невольного поступка. Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности, Ваш покорный слуга. Слоним, 30 апреля 1915 г.».[163]

Сохранилось письмо директора департамента общих дел МВД (фамилия указана неразборчиво – В.Ч.) от 14 февраля 1915 года гродненскому губернатору Шебеко, в котором автор высказывает свои суждения относительно роста национального самосознания в России: «Милостивый Государь Вадим Николаевич, современные настроения русской общественной мысли под влиянием переживаемых нами событий может быть с полным основанием охарактеризовано широким проявлением русского национального самосознания, имеющего своим последствием стремление к устранению из русской жизни всего наносного, нерусского, противоречащего нашей истории. Учитывая эти настроения, нельзя не предвидеть возможности возникновения в недалеком будущем вопроса о коренных древнерусских наименований поселений и местностей во вверенной Вам губернии.

Признавая желательным заблаговременно располагать надлежащими по сему предмету материалами, имею честь по указанию господина министра просить Вас путем всестороннего обследования выяснить древнейшие наименования соответствующих местностей Гродненской губернии. При этом представлялось бы необходимым избежать всякой огласки предполагаемого начинания и придать ему по существу научный характер, дабы не давать повода толковать предпринимаемые в этой области работы в смысле политического утеснения какой-либо национальности. В связи с этим, долгом

своим считаю обратить Ваше внимание на желательность при возбуждении городскими думами ходатайств о переименовании улиц, площадей и т.п. передавать оные на обсуждение местных архивных комиссий обществ охранения памятников старины и других подобных учреждений».[164]

Ответного письма В.Н. Шебеко в МВД нам не удалось увидеть. Скорее всего, его вообще не было, ибо что мог написать в Петроград находящийся в слонимской эвакуации губернатор – издерганный и замученный решением множества архиважных дел. Вероятнее всего, письмо столичного мудреца вызвало у него ироничную улыбку, а возможно и слова: «Вот прислать бы сюда тебя, братец, хотя бы на недельку, то запел бы ты другие песни».

В г. Гродно за время войны не было зарегистрировано ни одной стачки или забастовки. Однако контроль за рабочими и ремесленниками со стороны полиции был постоянным. Примером тому может быть рапорт городского полицмейстера губернатору от 9 июня 1915 года: «При сем представляю Вашему превосходительству список рабочих, находящихся в складах и мастерских города Гродны, работающих для нужд армии, и докладываю, что все они поведения и нравственных качеств хороших и ни в чем предосудительном не замечались». Вот их имена: склад товарищества «Проводник» – Ю.И. Вевер, Г.К. Якобсон, П.В. Васильев, Ф.П. Воевник, Л.И. Кантор, Я.А. Козловская, Ю.Ф. Кац, С.Н. Котляров, Г.Т. Коноплев; склад автомобильных принадлежностей Крупского – С.Ф. Миленц-Крупский, С.В. Кичук, С.И. Гурский, И.К. Вержбицкий, М.И. Шешко; мастерская по ремонту автомобилей Боровского – П.А. Боровский, Б.О. Граевский, П.О. Боровский, Ф.Ф. Курау, В.Я. Курау, В.В. Белозеров, Г.А. Залевский, Э.М. Луневский, Г.Ю. Хосид, Ю.Д. Биргер; чугунно-литейный завод товарищества «Файнгольд» – Ц.Э. Абрамский, Ю.Ц. Абрамский, Б.Г. Гольдберг, И.А. Маркус, С.З. Фангольд, К.О. Каплан, М.Г. Гольдберг, М.И. Элейзерович, И.Д. Гурский, М.А. Костюкевич, А.А. Кальхерт, А.П. Ольшевский, В.П. Рутковский, М.М. Абкович, М.Л. Гринберг, О.Ф. Охрем, В.Ф. Добжальский, И.Х. Боровский, С.И. Складовский, К.М. Канцлер, А.В. Кореневский, И.И. Жибутович, Н.Ф. Эрнос, С.Л. Лукомский, С.Н. Калинский, Г.И. Остремский; каретное заведение Садовского – А.А. Ковалевский, В.Л. Петровский, М.Ф. Глейф, А.К. Мышкевич, П.В. Сырейко, С.А. Мрузго, И.С. Масько, Т.О. Еленович, С.Л. Кечень, А.О. Пухальский; каретная мастерская Корженевского – О.К. Корженевский, И.С. Юрасик, В.В. Лясковский, В.А. Силушко, Б.А.Томашевский, А.К. Коршеневский. Итого – 67 человек. На большинстве предприятий состав работающих по национальному и конфессиональному признакам был смешанным, с некоторым преимуществом евреев перед рабочими-христианами на чугунно-литейном заводе «Файнгольд».[165]

Несмотря на это, губернатору в Гродно из Петрограда шли телеграммы из МВД следующего содержания: «Прошу не допускать никаких демонстративных шествий или манифестаций, даже патриотических, если последние не вызываются какими-либо исключительными причинами. Всякие беспорядки должны быть пресекаемы в самом начале, а сборища рассеиваемы. В случаях малейшего сопротивления толпы должно решительно принимать

крайние меры, вплоть до употребления согласно существующих правил оружия. При наличности тревожного настроения в городах или фабричных поселениях и недостатков в них полиции или войск, стягивайте к ним уездную стражу. Напоминаю о настоятельной необходимости самым внимательным образом относится к настроению населения и ко всем явлениям общественной жизни, учитывая их сообразно переживаемому времени. Погромы, насилия и бесчинства нетерпимы. Положение чрезвычайной охраны дает губернаторам и градоначальникам достаточно полномочий для того, чтобы обеспечить неприкосновенность жизни и достояние всех и каждого. Всякие колебания, растерянность и неуверенность действий полиции при беспорядках на улицах преступны. Ответ за них и за спокойствие губернии лежит на полицейской власти и тех, кому Высочайшей волей поручению руководство ее работой. Указания мои прошу принять к точному исполнению под личную Вашу ответственность. Министр внутренних дел Ник.Маклаков».[166]

К радости губернатора к крайним мерам в Гродно и уездах прибегать не пришлось, но все предупредительные меры тем не менее применялись. Это особенно касалось того озлобления, которое время от времени вспыхивало среди жителей города – христиан по отношению к евреям, которые якобы «завышали цены на предметы первой необходимости»; большинство горожан также считало (под впечатлением официальных известий), что последние «занимаются шпионажем». Видя такую склонность к насильственным действиям части горожан по отношению к евреям, власти делали все для того, чтобы в зародыше пресечь погромные настроения.

А вот другое информационное письмо из МВД гродненскому губернатору от 1 октября 1915 года: «К осени 1915 года в настроениях широких рабочих масс России, обнаруживших в начальный период войны особый подъем патриотических чувств, произошел перелом в сторону наблюдаемой ныне политической неустойчивости. Причинами, обуславливающими это явление, стало постепенное нарастание под влиянием войны дороговизны жизни, затянувшаяся военная кампания и использование этих обстоятельств оппозиционными элементами. В настоящий период деятели левого и революционного лагеря уже не пытаются, как это было раньше, воздействовать на массы популяризацией социалистических лозунгов, а наоборот, действуют заодно с либералами, призывают бороться против дороговизны, низких расценок труда». Вряд ли В.Н. Шебеко увидел в этих строчках для себя что-либо новое. К этому времени и Гродненское ГЖУ невольно превратилось лишь в пассивного наблюдателя за происходящим в стране: конкретный объект наблюдения остался под германской оккупацией, а отнимать «хлеб» у калужских коллег гродненские жандармы не шибко рвались.

Анализ приказов этого периода начальника Гродненского ГЖУ полковника Шамшева подтверждает наличие именно таких настроений. Зато раздавались награды. Началось все это особенно энергично после возвращения гродненских жандармов из слонимской эвакуации. Вот один из приказов наградного содержания от 5 мая 1915 года (г.Гродно): «За отлично-усердную

и особо ревностную службу и труды, понесенные на театре военных действий, наградить от имени командования 10-ой армии нижних чинов Гродненской крепостной жандармской команды унтер-офицеров Прокофия Антонюка и Ивана Богна золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте, а унтер-офицеров Ефима Белокопытова, Никифора Бойко, Онуфрия Цобанова и Михаила Жидко – серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте».

Имели место награждения и после эвакуации ГЖУ в Калугу. Кстати, об этом свидетельствует приказ № 137 от 25 августа 1915 года: «Объявляю для сведения, что на основании распоряжения главного начальника снабжения армий Северо-Западного фронта, вверенное мне управление и чины эвакуированы из Гродненской губернии и прибыли сего числа в г. Калугу. Полковник Шамшев».

13 сентября 1915 года помощник начальника Гродненского ГЖУ подполковник В.В.Соловкин «за отлично ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны» был награжден орденом Св.Станислава 2-ой степени. Не были обойдены вниманием и другие сотрудники управления. Так, в соответствии с приказом по Гродненскому ГЖУ № 168 от 31 октября за заслуги в период отражения неприятельского наступления под городом-крепостью Гродно летом 1915 года были награждены медалями «За усердие»: золотыми шейными на Андреевской ленте – вахмистр Илларион Трофимюк, на Александровской ленте – вахмистр Николай Гузь, унтер-офицер Марк Володкович, Федор Сурель, Константин Мульман, Викентий Шумский; золотыми нагрудными на Анненской ленте – унтер-офицеры Владимир Антонович, Антон Петровский, Василий Стасевич, Афанасий Крыловец, Осип Кароза, Семен Михальчук; серебряной нагрудной на Станиславовской ленте – унтер-офицеры Кирилл Семенюк, Петр Гинак, Константин Бойко, Константин Лебецкий, Василий Садовский, Федор Сысоев, Илья Дзикий, Михаил Нелюбин, Михаил Лаврентик, Василий Семеняка, Федор Оскерко, Иван Стариго.[167]

Начиная с января 1916 года, в Калугу из Гродненского ГЖУ преимущественно поступали бумаги с грифом лишь «Доверительно. К сведению». К их числу относилась и копия с копии письма заместителя министра внутренних дел Белецкого от 8 декабря 1915 года на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева, касающегося украинского и белорусского сепаратизма. В этом большом письме полковник Шамшев особо подчеркнул строчки, являвшиеся установлением тщательного наблюдения «за проникновением сепаратистских идей в ту часть населения Гродненской губернии, которая тяготеет к украинофильству». Он знал, что на Брестчине это явление имеет место.

Внимательно изучал жандармский полковник и послания Белецкого к нему от 18 января 1916 года. В нем, в частности, сообщалось о том, что «в последнее время участились случаи сдачи в плен нижних чинов – уроженцев Царства Польского и Северо-Западного края. Причиной такого явления следует признать существование преступной организации из евреев, которая

старается внушить нижним чинам польского происхождения мысль о том, что с занятием Германией территории бывшей Польши их жизнь переменится к лучшему. Пропаганда эта, проникая из глубокого тыла на фронт вместе с пополнением из запасных и ополченских частей, разлагающе действует на нижних чинов и служит побудительным мотивом для их перехода на сторону противника. Предлагаю принять все меры к выяснению злонамеренных лиц. В связи со сдачей уроженцев западных губерний в плен обращено внимание обер-прокурора Св.Синода на важность горячих проповедей и бесед духовенства с нижними чинами о позоре и грехе плена».

Получали в ГЖУ сведения и другого порядка. Так, в информации из Петрограда от 29 октября 1916 года указывалось на то, что в издающейся в Стокгольме газете «Dagens Niheter» (номер за 10 мая 1916 года) был помещен текст, посланный 9 мая того же года от имени населяющих Россию инородцев на имя президента США Вильсона телеграммы, в которой «эти представители «притесняемых народов» обвиняли русское правительство во всех своих бедах и умоляли американского президента «как главного борца за гуманность и справедливость» помочь им и защитить их от полного уничтожения». Телеграмма, осветив беды всех народов России (правда, о белорусах там не было ни одного слова – В.Ч.), заканчивалась восклицанием: «Помогите нам! Защитите нас от грозящего нам полного уничтожения русским правительством». Под телеграммой стояли подписи представителей финнов, латышей, литовцев, эстонцев, поляков, евреев, украинцев, мусульманских народов, грузин. За белорусов телеграмму американскому президенту подписали В. Ластовский и И. Соловеж.[168] В конце 1916 года и вплоть до февраля 1917 года гродненские жандармы не получали никаких материалов, так или иначе имевших отношение к Гродненской губернии – былого их места службы, а для многих и их родных мест. Назревали февральские события, сломавшие весь былой строй жизни, а на пороге маячила октябрьская революция, расколовшая почти на столетие весь мир на две части.

В годы войны на Гродненщине осуществлялись важные государственные мероприятия социально-демографического плана, берущие свое начало в довоенный период. Известно, что в России была проведена Первая всеобщая перепись населения. Собранные в ходе ее демографические, эономические и социальные данные стали важной базой для определения состояния и перспектив развития крупнейшего в мире государства. Несмотря на недостатки, содержавшиеся в организации Первой переписи, она дала возможность получить относительно полные данные обо всем населении тогдашней России, что позволяет считать ее важной вехой в развитии современной статистики. К анализу результатов переписи 1897 года на территории Беларуси и Гродненщины как в прошлом, так и в настоящем широко прибегали политики и исследователи. Но только отдельным из них известно о том, что уже в начале XX века властные структуры страны планировали проведение в 1915 году Второй всеобщей переписи. Материалы о подготовительных мероприятиях по ее осуществлению на территории

Гродненской губернии хранятся в фондах Национального исторического архива Беларуси в г.Гродно.[169] В них содержится немало поучительного и для нынешних поколений, причем, как в определении целей и задач новой переписи, так и по технологии ее проведения.

Подготовка ко Второй переписи населения началась в 1908 году. Подтверждение этому можно найти в письме директора Центрального статистического комитета (ЦСК) Министерства внутренних дел (МВД) И.М.Золотарева к гродненскому губернатору В.М.Борзенко с просьбой высказать свое мнение об «Положении о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» с учетом начавшейся в правительстве подготовки к проведению Второй переписи. При этом И.М. Золотарев просил дать ему ответ не позже 1 января 1909 года. В последующем в связи с расширением круга лиц, привлекаемых МВД к обсуждению старого и проекта нового положений о переписи, сроки исполнения этой директивы все время отодвигались на более поздние сроки.

Такого рода терпимое отношение к срокам было обусловлено не только крайне бюрократическим характером учреждений, заведующих переписью, но и затянувшимся процессом по опубликованию материалов переписи 1897 года. Она состоялась лишь спустя восемь лет в 1905 году. Так что разбежка в 3-4 года в то время считалась вполне приемлемой. Здесь необходимо учитывать также и то, что к 1907 – 1908 годам были уже выявлены и недостатки проведенной переписи: 1) слабая разъяснительная работа о ее значении, целях и задачах; 2) нарушение единообразия переписного материала, недостаточная скоординированность работы Главной переписной комиссии с комиссиями на местах; 3) отсутствие системного анализа по отдельным результатам переписи и т.д.[170] Известно, что гродненский губернатор вплотную занялся этой работой лишь с 16 февраля 1909 года. В этот день он обратился к советнику Гродненского губернского правления А.А.Наумову с предложением высказаться на тему о прошедшей переписи. Последний в своем отчете губернатору В.М. Борзенко написал следующее: «Милостивый Государь, Виктор Михайлович. Докладываю Вашему Превосходительству, что, насколько мне помнится, серьезных затруднений при производстве в 1897 году всеобщей переписи населения в Гродненской губернии не замечалось. Вместе с тем представлялось бы на будущее желательным: 1) принять самые действенные меры по оповещению всего населения о предстоящей 2-ой переписи и о необходимости общего содействия этому делу. Для чего необходимо выпустить соответствующее количество брошюр и листков. Соответствующие разъяснения об этом должны прозвучть с амвонов церквей, костелов, кирх, синагог и молитвенных домов. Рассказать о переписи необходимо также на сельских и волостных сходах; 2) весьма желательно установление более мелких, чем ранее переписных участков; 3) необходимо дополнить уездные переписные комиссии всеми земскими начальниками, предствителями духовных ведомств всех исповеданий, а также двумя-тремя ближайшими волостными старшинами; 4) следует дополнить и состав губернской переписной комиссии

всеми непременными членами Губернского присутствия, городской головой губернского города, начальником почтово-телеграфного округа и представителями духовенства всех исповеданий; 5) весьма полезным и даже необходимым явилось бы участие членов губернской переписной комиссии в первых организационных заседаниях уездных переписных комиссий для установления единообразия в постановке дела переписи на местах». Что касается уездных предводителей и членов Гродненского губернского статистического комитета, то они на предписание губернатора внести свои предложения по усовершенствованию нового положения о переписи населения ответили преимущественно лишь в том духе, что и прежнее положение 1897 года было «в деле переписи вполне приемлемым».[171] По данной причине в основу ответа гродненского губернатора В.М.Борзенко директору ЦСК И.М. Золотареву от 5 мая 1909 года были положены преимущественно соображения насчет новой переписи, изложенные в записке губернского чиновника А.А.Наумова.

В Петербурге, в МВД, при котором действовал ЦСК, сбор и обсуждение мнений о предстоящей переписи в целом и ее «Положение», в частности, затянулись почти на два года. После чего началось неспешное размножение текста «Положения», его рассылка на места для вторичного обмена мнениями. Канцелярско-бюрократический характер проведения подготовительных работ к предстоящей 2-ой переписи населения страны был достаточно очевидным. Некоторое оживление в этой работе началось в начале 1914 года. В это время в адрес Гродненского губернского правления стали поступать уведомления из МВД о том, что «в декабре 1915 года будет произведена Вторая всеобщая перепись населения в Империи». В целях обеспечения намеченного МВД предписывало гродненскому губернатору «ныне же приступить к составлению точных списков населенных мест губернии, а также списков или перечней всех дворовых и усадебных мест в городах и поселениях, имеющих городские управления. Таковые списки должны служить основным пособием местным переписным органам при разделении уездов и городов на переписные участки». Далее в этом же сообщении отмечалось, что «списки эти должны заключать в себе перечисление всех посадов, сел, деревень и заштатных городов с указанием по каждому из них: кому принадлежит, численность населения (мужского и женского пола в отдельности), расстояние от уездных городов и прочее. Необходимо также заблаговременно позаботиться о полноте и точности этих списков. Наиболее целесообразным способом проверки и дополнения списков представляется собрание сведений посредством отдельных вопросных листов (бланков), составленных в двух формах: 1) под литерой А – для негородских населений и 2) Б – для городских. Собрание всех сведений о населенных местах по этим формам возлагается на городскую и уездную полицию».[172]

В обязанность полицейских чинов входило распределение вопросных листов по всем населенным местам. Особое внимание в предписаниях МВД обращалось на поселения, лежащие вдоль границ губерний и уездов. Составление ответов на вопросные листы жителей поселений, расположенных

на землях крестьянских обществ, возлагалось на волостных старшин; там же, где поселения не входили в состав волости, ответы на вопросные листы должны были вписываться чинами полиции. Относительно населенных мест, состоящих в дворцовом, духовном, военном, железнодорожном и других ведомствах, губернатору предлагалось войти в соглашение с их представителями с целью установления наиболее оптимального способа их записи. В этом же документе определялся порядок передачи и вопросных листов по инстанциям: «После составления ответов все вопросные листы представляются уездному исправнику или начальнику полиции. Последние, проверив правильность их составления, препровождают вопросные листы вместе с их описями и списками временных поселений в Губернский статистический комитет, он уже к 15 августа 1914 года обязан представить все упомянутые документы в ЦСК МВД. Список же населенных мест, составленный Губернским статистическим комитетом (ГСК), остается в распоряжении губернатора для своевременной передачи в Губернскую переписную комиссию (ГПК) для надобности местных переписных комиссий по их образовании».

В предписании МВД от 28 марта 1914 года на имя губернатора сообщалось о том, что дворцовому, духовному, военному, железнодорожному и другим ведомствам сделаны соответствующие «указания на предмет оказания ими возможного с их стороны содействия чинам полиции». В самом конце данного документа давалось определение понятию «населенное место» – «под населенным местом следует считать всякое поселение: город, посад, местечко, пригороды, слободы, фортштадты, села, деревни, поселки, выселки, колонии, будки, сторожки и т.д.».[173]

Гродненский губернатор В.Н. Шебеко в своем распоряжении от 3 апреля 1914 года предписывал всем полицмейстерам и уездным исправникам губернии «ныне же приступить к составлению полных и точных списков населенных мест с учетом уже имеющих сведений с тем, чтобы никак не позднее 20 апреля текущего года все требуемое находилось в должном порядке. Предупреждаю, что несвоевременное представление этих сведений будет поставлено вам в личную ответственнсть». 1 мая вышеуказанное предписание было дополнено указаниями на то, «что успех производства намеченной переписи всецело зависит от правильности постановки подготовительных работ к ней. В основу подготовительных работ для определения необходимого количества счетчиков, средств и времени могут быть данные, почерпнутые из списков населенных мест. Хотя такого рода списки и имеются в распоряжении полиции, но исходя из новых форм и требований, они не дают на них исчерпывающих ответов». Имея в виду огромную государственную важность предстоящей работы, губернатор предлагал своим подчиненным хорошо ознакомиться с вопросными листами, формами списков и наставлением для сбора сведений и наметить вопросы для обсуждения на запланированном во второй половине мая совещании всех начальников полиций с целью «выработки согласованного порядка проведения переписи и однообразного понимания требований МВД».

Такое совещание состоялось 22 мая 1914 года в Гродно под председательством губернатора В.Н. Шебеко. В ходе его выяснилось, что чины полиции при составлении списков населенных мест не приняли во внимание, что крестьянские хутора должны быть трактуемы как отдельные населенные пункты, а потому при определении общего числа населенных мест ими были допущены значительные ошибки. В этой связи совещание приняло решение просить у ЦСК о присылке в Гродно дополнительно 6500 экземпляров вопросных листов (бланков) под литерой А, т.е. исходя из общего количества хуторов в губернии, а также 78 экземпляров наставлений о заполнении их для волостных старшин, ибо до этого было их получено лишь 40 экземпляров и предназначались они становым приставам.

Между тем, волнение участников совещания было совершенно напрасным. В тот же день ЦСК отправил по железной дороге в адрес ГСК достаточное и даже с солидным запасом для Гродненской губернии количество бланков, а именно: бланков с литерой А – 11600 экз., с литерой Б – 68 экз., наставлений для сбора сведений – 400 экз. Получение этого груза было возложено на курьера ГСК Антона Тарасюка. 2 июня 1914 года губернатор В.Н.Шебеко уведомил Петербург о получении груза с бланками, необходимыми для проведения подготовительных к переписи мероприятий.

Полученные бланки были разосланы на места с соответствующими разъяснениями ЦСК относительно хуторов и усадеб крестьян, выселившихся на отрубные участки: «1) совокупность нескольких хуторов или усадеб в выселках, соединенных общими заборами или пользующихся общими колодцами и выгонами, хотя бы владельцы и принадлежали к разным сельским обществам, должно считать за одно населеное место, на которое выдается один вопросный бланк; 2) всякий же отдельно стоящий хутор или усадьбу следует считать за одно населенное место и записывать на одном вопросном бланке».[174]

В целом составление новых списков населенных мест Гродненской губернии для полиции не составило труда. Во всяком случае уже к середине апреля 1914 года они были готовы. В предварительном списке, составленном в ГСК и озаглавленном «Сведения о числе населенных мест в Гродненской губернии», значилось: г. Гродно – 12, уезд – 1139; г. Белосток – 11, уезд – 794, г. Брест – 6, уезд – 1245; г. Кобрин и уезд – 1703; г. Пружаны и уезд – 982; г. Бельск и уезд – 942, г. Слоним и уезд – 890; г. Соколка и уезд – 890; г. Волковыск и уезд – 1351; итого по городам и уездам губернии было установлено 10 534 населенных места. В последующем эта цифра осталась без изменений.

Следует заметить, что по новым наставлениям об населенных местах таковых, в городах губернии оказалось больше, чем предвиделось. Так, например, в г. Гродно населенных мест, не входящих в черту города, насчитали 12. К ним были отнесены давние пригороды: Погулянка, Новое селение, Загородная слобода. По постановлениям Гродненского губернатора от 3 и 4 декабря 1909 года к разряду новых пригородов (без наименований) были причислены: 19 домов в конце Скидельской улицы; 4 дома в конце

Грандичской улицы; 4 дома в конце Александровской улицы; 4 дома в конце Станиславовской улицы; 25 домов в конце Белостокской улицы; 18 домов при Хлебной пристани; 61 дом в конце Иерусалимской улицы. Вместе с г. Гродно они и составили 12 населенных пунктов. В г. Бресте, помимо него, было насчитано еще пять населенных пунктов, из числа не входящих в черту города (пригороды): Волынский форштадт; Граевская слободка; Киевская слободка; Городок, д. Шпановичи.[175]

Некоторую специфику в данном деле имела подготовительная работа на территории губернии, принадлежащей военному ведомству. 7 июня 1914 года губернатор В.Н. Шебеко обратился к комендантам Гродненской, Брест-Литовской и Осовецкой крепостей с «пожеланием, чтобы сведения о населенных местах на землях этих крепостей были собраны и проверены подведомственными коменданту воинскими чинами, причем в сведения эти должны быть включены не только поселения и постройки, принадлежащие крепостям, но и находящиеся на территории крепости». Такое предложение оказалось вполне приемлемым для начальника штаба Брест-Литовской крепости, подтвердившего, что «сбор статистических сведений по переписи внутри крепости и вообще в крепостных верхах может быть возложен на тех воинских чинов, которые будут назначены для сего комендантом крепости, когда это потребуется. Так это было и в предыдущую перепись 1897 года». Близким по содержанию к этому был ответ и из Осовецкой крепости. Комендант же Гродненской крепости, лично ответивший на письмо губернатора, посчитал более целесообразным привлекать к переписи не военных, а соответствующие чины городской и уездной полиции, пообещав при этом, что «в случае этим лицам будут выданы пропускные билеты для доступа на отчужденные участки, которые, как необитаемые, не могут быть отнесены к разряду населенных мест». Более того, из соображений особой секретности объекта комендант просил губернатора, чтобы «перепись была проведена в крепости в самое короткое время и при условии не опубликования статистических сведений о ней в печати».

Тогда же, в июне 1914 года, проходили согласования о предстоящей переписи и с лесным ведомством. Для этой цели были составлены списки всех лесничих Гродненской губернии по уездам с указанием фамилий и места жительства последних. Сделано это было для того, чтобы подключить последних для оказания помощи чинам местной полиции при составлении списков населенных мест на землях, принадлежащих государственной казне. Откликнулся на просьбы о «сотрудничестве» и управляющий Беловежской удельной пущи и Свислочской дачи, принадлежащих дворцовому ведомству. В своем сообщении губернатору от 16 июня 1914 года он пообещал, что с его стороны в деле переписи не будет встречаться никаких препятствий. Кроме того, для содействия полиции им были назначены соответствующие чиновники – делопроизводитель управляющего пущи Терликовский и управляющий 3-им Свислочским имением Форкампф-Лацэ. В середине июня сообщили губернатору о своей готовности к проведению переписи начальников управления железных дорог, проходящих через Гродненскую

губернию. На Александровской и Северо-Западной железных дорогах обязанности по содействию чинам полиции в переписи населенных мест были возложены на начальников дистанций службы пути, при этом были указаны территории и границы их полномочий. Начальник управления Привислянской железной дороги подключил к участию в переписи всех начальников участков службы пути, начальников станций, полустанций, разъездов и дорожных мастеров. Во всех управлениях были изданы соответствующие приказы и наставления, вносились определенные коррективы в технологию переписи. Так, начальник управления Полесских казенных железных дорог предлагал следующее новшество в определении границ подведомственных территорий: «1) относительно станций и разъездов, считая их пределы от семафора до семафора, членам полиции следует обращаться к начальникам этих станций и разъедов; относительно путевых построек и водокачек, расположенных на перегонах – к начальникам участков пути.

30 июня 1914 года губернатор В.Н. Шебеко обратился к архиепископу Гродненскому и Брестскому Михаилу (Ермакову) с просьбой о содействии переписи со стороны православного духовенства на землях, принадлежащих духовному ведомству. Архиепископ Михаил в своем ответном письме губернатору выразил свое согласие с необходимостью оказания содействия полиции со стороны духовенства, при этом пояснив, что под представителями духовного ведомства следует рассматривать «настоятелей монастырей и приходских церквей, имена которых полиции хорошо известны». Он также сообщил, что об обязанностях духовенства в этой области им даны соответствующие разъяснения в № 23-24 «Гродненских епархиальных ведомостей» за 1914 год, а также и соответствующие устные указания.[176]

К середине лета подготовительные работы по переписи населения вышли на качественно новый уровень: началось обсуждение самой процедуры переписи. Эту работу не могло остановить даже приближение Первой мировой войны. 25 июня 1914 года гродненский губернатор на основании циркуляров ЦСК МВД сообщал начальникам полиции следующее: «По ст.29 проекта «Положения о Второй всеобщей переписи населения Российской империи» в крепостях, на военных судах, в воинских частях и командах, казенных и общественных учреждениях, приютах, богадельнях, а равно в тюрьмах и лечебных учреждениях внесение в переписные ведомости сведений о лицах, которые принадлежат к составу сих учреждений и заведений, проживают в зданиях оных, не занимая особых квартир, лежит на обязанности начальников означенных учреждений и заведений или лиц, кои проживая в принадлежащих упомянтым учреждениям и заведениям зданиях, занимают особые квартиры, заполняются квартирохозяевами на общем основании при содействии начальников учреждений и заведений или заведующими оными.

Согласно п.2 ст.28 внесение сведений о лицах, проживающих на землях монастырских и церковных, на фабриках и заводах, на станциях и пристанях, лежит на обязанности настоятелей церквей и монастырей, заведующих фабриками и заводами и лиц, в непосредственном ведении которых состоят станции и пристани.

В видах предупреждения возможных недоразумений и для установления однообразных правил применения означенных статей при производстве предстоящей переписи Главной переписной комиссии необходимо располагать точными сведениями обо всех подобного рода учреждениях с указанием мест нахождения каждого из них, какому ведомству принадлежат, а также на сколько человек устроено то или другое учреждение или заведение».

Губернатор устанавливал для начальников полиции сроки присылки ему данных сведений (в двух экземплярах), крайней из которых была дата 1 сентября 1914 года. Большинство ответов из всех уездов и городов губернии пришли в назначенные сроки, если не считать Сокольского уезда, задержавшегося со сведениями из-за незнания как поступить в неординарной ситуации. Суть ее местный уездный исправник объяснил в письме губернатору следующим образом: «в составе 1-го стана вверенного мне уезда находятся форты строящейся Гродненской крепости, на которых построены бараки для рабочих, а имено: форт № 5 весь и часть форта № 6, кои строятся на отчужденной земле крестьян Круглянской волости и форт № 4, строящийся на отчужденной земле крестьян Гребеневской волости. В связи с этим имеются затруднения по вопросу о том, кто должен производить в этих бараках перепись». После вмешательства в эту проблему губернатора вопрос был решен.[177]

С объявлением Гродненской губернии на военном положении и началом военных действий подготовительная к переписи работа шла скорее по инерции. «Пробуксовывала» она и ЦСК МВД, о чем свидетельствуют решения особого совещания по подготовке Второй всенародной переписи, состоявшейся 27 августа 1914 года под председательством тайного советника Георгиевского. На совещании группой профессоров и специалистов в области статистики был разработан проект переписной ведомости, при составлении которой ими были учтены не только пожелания специалистов, но и трудности, с которыми в России связывается собирание сведений о населенных местах, самом населении в качестве счетчиков, но и соображения о необходимости экономии средств (формат бланка, качество бумаги и т.д.). Совещание приняло решение о запросе мнений о качестве подготовленого документа со стороны местных административных и статистических органов.

По получении из Петрограда проектов новых переписных ведомостей гродненский губернатор В.Н. Шебеко 14 ноября 1914 года разослал по одному экземпляру полученного документа всем предводителям местного дворянства, вице-губернатору, управляющему казенной палатой, начальнику управления земледелия и госимуществ, губернскому врачебному инспектору, городскому голове, директорам учебных заведений, членам духовной консистории, представителям инославного духовенства, а также всем членам Гродненского ГСК с просьбой высказаться по форме и содержанию новой переписной ведомости. В архивном деле сохранились дубликаты индивидуальных запросов гродненского губернатора на адреса отдельных из них: председатель ГСК Е.Ф. Берестовского, протоиерея Иоанна Корчинского, А.И. Ушакова (все из г. Гродно), С.Н. Цветкова (Соколка), В.А. Семенова (Белосток), А.П.

Богданова (Бельск), С.В. Ольденборгера (Брест), М.Э. Вольфринга (Кобрин), Б.Н. Палеолога (Пружаны), Х.Х. Бойе-Генеса (Слоним) и С.С. Коморного (Волковыск).

Большинство лиц, удостоенных такого рода внимания к себе со стороны губернатора, ответили на его предложение высказаться по существу вопроса достаточно формально, в духе того, что «означенным проектом исчерпываются все необходимые при переписи вопросы и изменять их не следует»; «проект является достаточно полным и не требует каких-либо изменений и дополнений»; «проект считаю вполне целесообразным, в изменении или дополнении вопросов ведомости надобности не представляется» и т.д. Лишь отдельные чиновники и члены ГСК отнеслись к обсуждаемому проекту вдумчиво и творчески.

Сокольский предводитель дворянства С.Н. Цветков на сей счет высказался достаточно предметно: «Познакомившись с проектом Второй всеобщей переписи населения Российской империи, я вынес впечатление о некоторой излишней подробности и сложности заполнения переписной ведомости. Едва ли все легко разберутся в некоторых указанных вопросах. Спрашивая, сколько хозяйств в каждом строении, по моему мнению, во многих случаях трудно будет получить ответ. В ведомости для внегородского населения излишний вопрос о номере участка. При вопросе о родном языке по местным условиям я считаю, что переписчик будет поставлен в затруднительное положение; из личной практики я вынес впечатление, что очень немногие смогут ответить на этот вопрос: католики преимущественно считают родным церковным языком польский, хотя говорят по-польски слабо; православные обычно называют родным языком русский. Мне кажется, что вполне достаточно в ведомости одной графы «язык разговорный». Вопрос о вероисповедании поставлен слишком широко, давая возможность отвечать указанием на любую секту. Принимая во внимание особое развитие сект за последние годы, я бы посчитал более правильным ограничиться лишь указанием на религии и секты легализированные. Не считая себя компетентным судить подробнее об означенном проекте, я могу высказать лишь пожелания о возможном сокращении вопросов и упрощенной их редакции».

Предлагал сократить такие пункты переписной ведомости, как № 4, 16, 22 и 23 и гродненский декан, настоятель Фарного приходского костела А. Чернявский. Начальник губернского управления земледелия и госимуществ Ф. Прохоров нашел желательным, «чтобы примечание, помещенное на первой странице проекта, дополнить объяснением, что следует понимать под «жилым помещением» в каждом строении и что разуметь под «хозяйством» в каждом строении, так как в городах, где одна квартира распадается в свою очередь на несколько квартир-комнат, занимаемых лицами и даже семействами, ведущими свое самостоятельное хозяйство, без надлежащего пояснения одни счетчики будут писать такую квартиру, как одно жилое помещение, а другие по числу субквартирантов. То же самое может получиться и относительно числа хозяйств в каждом строении.

Гродненский губернский врачебный инспектор В.В. Кошелев в своем объемном заключении об форме с литерой *А* полагал, что «собирание сведений по ней будет трудно исполнимым». Исходя из этого, он считал более целесообразным «наметить одну основную цель переписи – именно данные о составе населения самого общего порядка», оставив в ведомости без изменений графы 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 17, 18. Графа же 3-я, полагал он, может быть без ущерба исключена, так как семейные отношения могут быть указаны в графе 4-ой; графы 13 и 14 касаются лишь тех лиц, которые неграмоты по-русски; требуется отметка, на каком языке они умеют читать и писать. По моему мнению, сведения эти не имеют общественного значения и вполне могут быть исключены. Графу 15-ую следует исключить, так как она нуждается в серьезном редактировании. Графам 19 и 22-ой требуется излишняя детализация занятий, например: садовник на городской службе, конторщик на табачной фабрике, портной при театре, кучер при больнице и т.п. Здесь достаточно ограничиться указанием лишь занятий. Графы 21 и 23 требуют более точного редактирования заголовка, так как по нему трудно определить помещение, где производится перепись. Думаю, что установление семейного состава населения является одной из главнейших задач переписи, и задача эта не будет выполнена, если члены одной семьи будут вписаны в разные ведомости…».[178]

Критическое отношение ряда членов ГСК к измененному количеству вопросов переписных листов и их формулировкам было связано не только со стереотипами мышления (большинство из них участвовало в Первой переписи населения), но и с тем, что инициаторы Второй переписи пошли на замену переписных листов трех видов (форма *А* – для крестьянских хозяйств, форма Б – для владельческих хозяйств, форма *В* – для городского населения) на два (А – для внегородского населения и *Б* – для городского населения). Такая замена привела к увеличению числа вопросов и их чрезмерной детализации. Программа переписи 1897 года состояла из 14 вопросов: 1. Пол; 2. Возраст; 3. Отношение к главе хозяйства и главе семьи; 4. Брачное состояние; 5.Сословие состояния или звание; 6. Место рождения; 7. Место прописки. 8. Место постоянного (обычного) проживания; 9. Отметка о временном отсутствии или проживании; 10. Вероисповедание; 11. Родной язык; 12. Грамотность; 13. Занятие (ремесло, промысел, должность или служба); 14. Наличие физических недостатков или душевного заболевания. Единицей наблюдения было хозяйство, на которое и составлялся записной лист из числа вопросов.[179]

В новой же ведомости было 23 вопроса. При этом 3-й вопрос (старый) оказался разделенным на два: 1) как записанный приходится главе хозяйства и 2) как записанный приходится главе своей семьи. 5-й вопрос старой ведомости в новой пополнился припиской (для иностранцев – подданство). Вопрос о родном языке также обрел дополнение с подпунктами: а) разговорный язык, б) говорит ли по-русски (если разговорный язык не русский). Вопрос о грамотности также расширился на несколько пунктов, включая вопрос об образовании с тремя подпунктами. В новой ведомости

вопрос о занятии, профессии оказался самым объемным, заняв пять последних граф переписной ведомости (19-23).

Трудно сказать о том, вошли или нет мнения гродненцев в общую копилку рассуждений об переписных ведомостях (формы *А* и *Б*), неизвестно также и то, как после этого изменилась их содержательная часть. Между тем, пожар войны разгорался все сильней, и в пору дискуссий о переписных делах русская армия уже вела тяжелые оборонительные бои на западе губернии. Разумеется, что сложившуюся ситуацию трезво оценивали как Гродно, так и в Петрограде. Не случайно еще 3 октября 1914 года директор ЦСК МВД Н.Д.Белявский сообщил губернатору В.Н. Шебеко: «В виду обстоятельств военного времени признано возможным отложить до конца военных действий собирание и доставление сведений о населенных местах, затребованных циркулярами от 28 марта и 2 июля с.2, № 801 и 1639. Об изложенном ЦСК имеет честь сообщить Вашему Превосходительству для сведения и зависящих распоряжений». Гродненский губернатор, зная, насколько переменчивыми бывают указания верхов, посчитал более правильным воздержаться от свертывания подготовительных к переписи работ, и только 13 января 1915 года, в канун эвакуации местных госучреждений в Слоним, отдал свое распоряжение об этом всем начальникам полиции и представителям соответствующих ведомств. Были ли до этого образованы в Гродненской губернии соответствующие переписные комиссии или участки, источники, к сожалению, умалчивают. Одно лишь можно с уверенностью утверждать, что к новой переписи здесь были готовы, и если бы она совершилась, то, несомненно бы, обогатила нас новыми сведениями о жизни страны и народа, а также и нашей Гродненщине.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Таксирование цен на предметы первой необходимости. – Обеспечение населения продуктами питания, водой и топливом. – Контроль за санитарным состоянием в крепостном регионе. – Захоронение защитников города. – Городские финансы

Всякая война начиналась для мирных жителей с роста цен на продукты питания, одежду, обувь, а также с дефицита этих товаров. Первая мировая война в этом отношении не была исключением из общего правила. Первым обратил внимание на эту стремительно набиравшую обороты проблему комендант Гродненской крепости генерал М.Н. Кайгородов, издавший 20 июля 1914 года следующее объявление для жителей города: «Мною замечено, что за последнее время в гор. Гродне владельцы ресторанов, трактиров,

кондитерских, колбасных и рыбных лавок, а также других заведений, торгующих съестными припасами, без всякого на то основания сильно повысили цены на продукты своей торговли. Переживаемое нами в настоящее время исключительное положение налагает в одинаковой мере на всех нас обязанности всеми силами способствовать сохранению порядка и спокойствия, не допуская действий, противных закону и нравственности. Между тем, искусственное поднятие цен на предметы первой необходимости исключительно с целью личного обогащения за счет обывателей, лишенных возможности бороться с этим явлением, должно быть признано не только безнравственным, но и преступным, так как оно нарушает спокойствие жителей и грозит общественному порядку.

Считая недопустимым подобное явление в будущем, предлагаю всем торговцам съестными припасами и продуктами первой необходимости прекратить искусственное повышение цен и продавать их по ценам, существовавшим до 18 июля текущего года, предупреждая, что виновные в невыполнении настоящего моего требования будут привлекаться мною к строгой ответственности».[181]

Понимая, что такие меры без согласования с городскими властями будут малоэффективными, генерал Кайгородов, спустя несколько дней, обратился к гродненскому губернатору Шебеко со следующим письмом: «За последние дни в городе Гродно торговцы предметами первой необходимости без достаточных к тому оснований повысили цены на продовольствие, а потому я признал необходимым издать обязательное постановление, в силу которого торговцы не должны продавать предметы первой необходимости по ценам, утверждаемым Вашим Превосходительством таксы. Причем виновные в нарушении этого постановления будут подвергаться ответственности в административном порядке. Сообщая об этом, прошу установить таксу на «продовольствие, которое вы признаете необходимым».[182]

28 июля 1914 года губернатор, согласившись с предложением коменданта крепости, уведомил всех полицмейстеров и уездных исправников Гродненской губернии, «что ни на чем необоснованное искусственное повышение цен может иметь своим последствием нарушения городским населением общественного порядка», а потому вменял в обязанность членов полиции «иметь самое строгое и тщательное наблюдение за тем, чтобы предметы первой необходимости продавались торговцами не свыше установленной таксою цен, привлекая при этом виновных в неисполнении этих требований лиц к уголовной ответственности».[183]

Переход в течение нескольких дней к угрозам в адрес торговцев прибегнуть вначале к мерам административного, а затем уже и уголовного порядка, свидетельствовал о том, что гражданская и военная администрация была встревожена резким ростом цен не только в магазинах и лавках, но в кафетериях и ресторанах. Так, по требованию губернатора городской голова Э.Э.Листовский представил ему 26 июля карточки-меню самых известных в городе ресторанов («Рояль» Войцеха Поплавского, «Ампир» Феликса Рафальского, ресторан Мрока) и кондитерских (Котовского и Смоленского)

за 18 июля, т.е. до начала войны и за 25 июля, т.е. спустя неделю. Судя по содержанию ресторанных меню набор изысканных блюд в них нисколько не сократился. Перечислим лишь некоторые из них: майонез из омара, судак по-польски, карась в сметане, котлеты деволяй, зразы Нельсон, антрекот из индюка, цыплята жареные, утки с яблоками, омлет с вареньем («Рояль»); майонез из лососины, судака и омаров; осетрина по-русски, судак по-польски, лососина по-английски, келб и карась в сметане, селянка, цыплята, утка, гусь, индейка, заяц, тетерка, рябчик с самыми разнообразными гарнирами и приправами, беф а-ля Строганов, зразы а-ля Бордолекс, Нельсон, котлеты деваляй, телячьи, свиные, шницель по-венски, ростбиф по-английски, антрекоты, шнельклопсы, мозги телячьи и т.д. («Ампир»); в ресторане Мрока подавали, кроме многих из уже упомянутых блюд, еще и печенку в сметане, шницель по-сербски, шашлык с рисом, румштекс с луком и многое другое. Не менее содержательными были и меню кондитерских изделий: до пяти сортов мороженого, чай, кофе, ветчины, колбасы, сосиски, яичница, широкий выбор пирожных, тортов, сдобы. Но что касается цен на предлагаемые горожанам блюда, то губернатор признал их «чрезвычайно высокими» и потребовал через полицмейстера «взять от владельцев ресторанов и кондитерских соответствующие расписки с обещанием пересмотреть цены и представить их мне». И такие расписки были представлены. В подтверждение этого приводится содержание одной из них: «1914 года, августа 19 дня, я, нижеподписавшийся содержатель ресторана «Рояль» Войцех Станиславович Поплавский, выдал настоящую подписку господину Гродненскому полицмейстеру в том, что предписание господина Гродненского Губернатора, обязывающее меня пересмотреть прейскурант кушаний и понизить цены на таковые, мне сего числа объявлены, и я обязуюсь еженедельно представлять означенный прейскурант господину губернатору на утверждение. В.С.Поплавский».[184]

Первая «Такса на жизненные припасы по г. Гродно с 31 июля по 7 августа 1914 года» на хлеб, муку, мясо, крупы, соль, сахар, чай и т.д. была помещена на отпечатанных в губернской типографии 500 экз. объявлений и заблаговременно расклеена по городу на видных местах 29 и 30 июля. С этого времени таксирование цен на товары первой необходимости вводилось не только в Гродно, но и по всей губернии. В тех же уездах, куда продвигался фронт, эти требования усиливались еще и военными властями: «Обязательное постановление. Воспрещается непомерное повышение цен на предметы первой необходимости и продажа их по ценам свыше такс, устанавливаемых городскими управлениями и утверждаемых губернатором. Виновные в нарушении сего обязательного постановления подвергаются заключению в тюрьму или крепости на срок до 3-х месяцев или денежному взысканию в размере 3000 рублей. Генерал-лейтенант Данилов». Такие же обязательные постановления издавали и печатали как в объявлениях, так и в «Гродненских губернских ведомостях», начиная с 19 августа, главный начальник Двинского военного округа генерал М.Н.Чурин, командующий 2-ой армии генерал А.В.Самсонов и др. представители военного командования. Таким же образом

было обнародовано обязательное постановление гродненского губернатора В.Н. Шебеко («Гродненские губернские ведомости», № 63 от 7 августа) для жителей губернии о воспрещении распития крепких напитков в открытых местах, а также о воспрещении появляться в состоянии явного опьянения в общественных местах, производстве, хранении и продаже крепких напитков.

Таксированию подвергались и различные виды хозяйственных работ, услуг и т.д. Сюда также входили цены на фураж, отопление и освещение жилья и предприятий, на поденную оплату труда работников и др. Активное участие в этом деле местных гражданских и военных властей приводило к решениям, идущим вразрез с действием экономических законов. На это указывали гродненскому губернатору циркуляры как из министерства торговли и промышленности (от 19 сентября 1914 года), так и из министерства внутренних дел (от 31 октября 1914 года). В последнем товарищ министра генерал-майор Джунковский предписывал губернатору Шебеко следующее: «Ввиду чрезмерного в некоторых местностях империи повышения цен на жизненные припасы, другие товары и продукты, местным начальством изданы обязательные постановления, нормирующие цены на означенные предметы. Ныне выяснилось, что эти цены устанавливаются нередко ниже тех, по коим сами продавцы получают продукты и товары от производителей, что грозит не только убытками для торгующих, но и сокращением нужного в интересах населения подвоза товаров в места потребления.

Вследствие сего и согласно преподанным Советом Министров указаниям, прошу в случаях необходимости нормирования цен на те или иные продукты и товары, выяснить предварительно справедливые ставки таких цен при содействии биржевых комитетов, а где их не имеется, – отдельных торгующих лиц, знакомых с данной отраслью торговли. В местностях, состоящих на военном положении, настоящие указания, не имеющие обязательного значения, подлежат применению лишь по соглашению с военными властями".

На основании вышесказанного по указанию губернатора особым комиссиям по таксированию цен (как правило, их возглавляли предводители местного дворянства, городской голова, полицмейстер, податный инспектор, «представители торгующего класса») рекомендовалось «в случае необходимости приглашать на свои заседания в качестве экспертов независимых специалистов». Приписывалось также «в случае разногласий сообщать мне (губернатору – В.Ч.) об этом при предоставлении на утверждение очередной таксы».

В связи с быстрым ростом цен на продукты первой необходимости, а также услуги губернатором был отдан приказ о пересмотре такс еженедельно. Особое таксирование устанавливалось для населенных пунктов, расположенных по линии железной дороги. Все отмеченное выше свидетельствовало о том, что губернские и городские власти совместно с военным командованием прилагали огромные усилия с целью удержать ситуацию под контролем, однако казенно-бюрократические методы и непредсказуемость хода войны, сама жизнь, опережали движение

административной машины, что не замедлило проявиться уже в первые месяцы военных действий. Разбалансированность цен на товары и услуги приводила к частой смене председателей особых комиссий по таксированию. В конце 1914 года в Гродно ее возглавлял действительный статский советник Л.Г.Барков, но и его хватило ненадолго.[185] В обязанность комиссии среди прочего входили контрольные функции по выполнению приказов коменданта крепости, касающихся запрета покупать гражданскому населению у нижних чинов военное обмундирование, обувь и снаряжение, а также запрета вывоза за линию фортов Гродненской крепости хлеба в зерне, овощей, фуража, топлива. Естественно, что справляться со всем этим, несмотря на штрафные санкции, было практически невозможно.

Имеющиеся в Гродно довоенные запасы продовольствия за зиму 1914 – 1915 годов практически были почти полностью исчерпаны. Из донесений городского головы и местного полицмейстера губернатору следовало, что «на 1 апреля 1915 года в г.Гродно в наличности имелось следующее количество продуктов: муки пшеничной – 17060 пудов, муки ржаной – 9790 пудов, ржи в зерне – 2033 пуда, овса – 843 пуда, пшеницы – 161 пуд, ячменя – 1182 пуда, картофеля – 2556 пудов, разных круп – 5596 пудов. Этого было для обеспечения жизни города явно недостаточно, ибо только для потребления горожанами до 15 сентября 1915 года, кроме упомянутого количества продовольственных продуктов, необходимо было следующее с ними количество железнодорожных вагонов (считая вагон в 1 тыс. пудов): муки пшеничной – 90, ржи в зерне – 90, овса – 250, крупы и пшена – 9 вагонов. В донесении также сообщалось, что «продуктов, предназначенных к вывозной продаже в г. Гродно, не имелось».[186]

Перегружен был и городской водопровод, хотя город-крепость был обеспечен водой вполне удовлетворительно. Происходило это в первую очередь из-за перегруженности города войсками и обозами. Так, 27 июня 1915 года комендант Гродненской крепости сообщал городскому голове о том, что «в г. Гродно для перевозки воинских грузов ежедневно прибывает около 700 обывательских лошадей. Подводы эти собираются на земле имения Станиславово, в конце Пушкинской улицы, и раздаются по войсковым частям в течение суток, по мере предъявления требований. По этой причине подводы стоят на площади постоянно и крестьяне нуждаются в воде для питья, особенности в нынешнюю жаркую пору, и для этого они вынуждены добывать воду за свой счет в разных местах города, встречая при этом большие затруднения, так как часто даже за деньги они не могут найти воды за отсутствием желающих торговать оной. Предоставление означенным крестьянам возможности получать воду по месту сбора является настоятельной необходимостью».

Для решения данного вопроса 2 июля 1915 года была создана специальная комиссия при участии управляющего Гродненским водопроводом, инженера Н.И. Боровичко. Комиссия признала наиболее удобным устроить водопроводный кран для питья в конце Саперной улицы, при выходе на поле, с замощением площади, устройством водопоя для лошадей, постановкой

будки. Стоимость этих работ была определена в размере 500 рублей. Отпуск воды управляющий водопроводом согласился производить по 11 копеек за 100 ведер, а это значит, что месячный расход за воду составит от 100 до 150 рублей. Исходя из положения, что упомянутые расходы вызываются исключительными военными потребностями, комиссия постановила «просить губернатора и коменданта крепости об отнесении указанных издержек на устройство крана и водопоя, а равно и плату за воду на счет военного фонда».[187]

Война обострила и топливную проблему в городе. Уже 18 ноября 1914 года городская дума приняла следующее постановление: «Обстоятельства военного времени вызвали недостаток дров и каменного угля в г. Гродне и крайнее повышение цен на эти предметы. Все это поставило беднейшую часть населения в крайне критическое положение. Исходя из этого, было принято решение об образовании особого комитета по снабжению населения топлива в следующем составе: И.И. Левандовский (председатель), К.А. Автусевич, А.А. Василевский, А.К. Чернявский, Я.Ф. Кноте, И.И. Дашута и Ч.В. Перчинский (члены). Только благодаря усилиям этой комиссии бедняки-горожане смогли пережить суровую военную зиму.

В начале 1915 года поступление в Гродно угля из Домбровского бассейна полностью прекратилось; уголь Донбасса шел преимущественно на удовлетворение нужд армии и флота. Недочет в поступлении угля не покрывался и частичным переходом на нефть, так как ее добыча едва покрывала имевшийся спрос. При таких условиях министр МВД Н. Маклаков в своем письме от 1 апреля 1915 года настоятельно рекомендовал гродненскому губернатору В.Н. Шебеко «переходить на широкое использование дровяного и торфяного топлива в самых разнообразных целях, причем, на длительное время».

На основании министерских рекомендаций и по указанию губернатора были созданы специальные уездные комиссии во главе с полицейскими исправниками по обеспечению населения и промышленных заведений топливом. В частности, 2 мая 1915 года состоялось заседание Гродненской уездной топливной комиссии. В ее составе были: гродненский уездный исправник Н. Бюффонов, гродненский городской голова Э.Э. Листовский, друскеникский староста С. Войцеховский, начальник 3-ей судоходной дистанции П. Пацевич, городской фабричный инспектор Н.В. Виноградский, старший лесной ревизор К. Мотрич-Шахрай и податный инспектор В. Курочкин. Комиссией была проделана большая работа по выявлению, учету и контролю за распределением топлива. Этому во многом способствовали «Обязательные постановления для жителей Гродненской губернии о представлении сведений об имеющихся запасах топлива, которые в форме объявлений были расклеены на видных местах по всей губернии. В этом документе, датированном 14 апреля 1915 года, в частности, говорилось: «Лица, заведующие складами казенных, общественных и частных заводов, фабрик, транспортных предприятий (кроме железных дорог), предприятий по закупке и продаже топлива, городских, общественных управлений и всяких

других учреждений и промышленных предприятий (за исключением работающих для целей государственной обороны) обязываются представить уездному исправнику, как председателю уездной комиссии по обеспечению топливом, не позднее 25 апреля с.г. сведения о запасах каменного угля, нефти и торфа, имеющихся у них в наличности на складах к 20 апреля, с указанием их количества, а также места, куда это топливо отпускается. А в отношении дровяного топлива, не имеющегося на складах, но имеющего поступать, сообщать ежемесячно и не позднее 25-го числа. Виновные в неисполнении настоящих требований лица будут подвергаться в административном порядке штрафу до 3-х тыс.рублей или аресту до 3-х месяцев».[188] Такие объявления периодически печатались и в «Гродненских губернских ведомостях».

Обеспечением населения г. Гродно дровами занимались в годы войны разные инстанции, начиная от губернатора до лесничего. Примером тому может быть одно из объявлений помощника земского начальника Сокольского уезда Глебовича от 16 апреля 115 года: «Настоящим объявляется, что в Дубницкой казенной даче Сокольского уезда, расположенной в 12 верстах от Гродны, продаются сучья и ветви от срубленных деревьев по цене 10 коп. за одноконный воз. Из некоторых частей дачи сучья и ветви отпускаются бесплатно. Кроме того, для работы по заготовке леса требуются рабочие. За работу немедленно уплачиваются деньги по расценке за заготовку ошкуренных бревен по 2 коп. за кубический фут, за неошкуренные по 25 коп. с бревна, за дрова по 3 руб. 50 коп. за кубич. саж. Для помещения рабочих имеются бараки. Желающие могут явиться или непосредственно на дачу к помощнику лесничего Цыценко или в город Гродно, Почтовый переулок к лесничему Кузницкого лесничества».[189]

28 июня 1915 года губернатор В.Н. Шебеко выслал на имя белостокского исправника телеграмму, в которой предлагал «немедленно приступить к формированию добровольных рабочих команд из числа лиц христианского исповедания. Примите все меры по возможно широкому оповещению населения уезда об условиях приема и оплате труда. В случае нахождения в городе чинов полиции из уездов, уже занятых неприятелем, привлекайте их также к этой работе. О количестве людей и партий, отправленных на «этапный пункт, каждый раз мне телеграфируйте».[190]

В ходе заседания 2 мая 1915 года Гродненская уездная комиссия по обеспечению населения города и промышленных заведений топливом составила специальный акт, из которого следовало, что 20 апреля в г. Гродно на складах топлива находилось: угля – 7115 пудов, нефти – 1970 пудов, а дров – 52 куб. сажени. В районе Гродненского уезда в разных местах было складировано 5157 саженей дров. Запасов торфа для продажи практически не существовало. Он добывался крестьянами исключительно для собственного употребления.

Каковы же были пути поступления топлива в г. Гродно? Уголь и нефть для города и уезда доставлялся издалека и только железной дорогой. Дрова в Гродно доставлялись гужем по грунтовым дорогам, железной дороге и посредством сплава сюда леса по Неману и его притокам. По данным уездной

комиссии, для нормального в условиях военного времени удовлетворения потребностей города в топливе в течение мая-августа (практически наиболее теплой поры года) было необходимо: каменного угля – 134 тыс.пудов, нефти – 9 тыс. пудов и дров – 2 тыс. 570 кубических сажень, при условии, что указанное количество топлива будет доставлено к месту потребления в указанные сроки. В противном случае каменный уголь придется заменить дровами, которых потребуется сверх вышеуказанного количества на 1 тыс. 700 куб. сажень.

Из акта, составленного комиссией на своем следующем заседании от 30 мая 1915 года, следовало, что на 20 мая, т.е. через месяц, на топливных складах г. Гродно находилось: угля – 1849 пудов и нефти – 10309 пудов, а в районе уезда: угля – 2920 пудов и дров в разных местах – 4 тыс. 240 куб. сажень. Дополнительно было выявлено для продажи и 2 тыс. пудов торфа.

Показателем важности для города топливного вопроса было то, что 15 июня 1915 года по распоряжению министра МВД был образован Гродненский губернский комитет по заготовке и распределению между потребителями дров» во главе с губернатором В.Н. Шебеко. Для повышения «веса» уездных комиссий во главе их были поставлены уездные предводители дворянства, а полицейские исправники становились их заместителями. Дополнительно вводились в их составы по три представителя от местных землевладельцев. В задачи наспех обновленных комитетов входило: 1) выяснение в губернии размеров свободных дровяных лесосек с целью удовлетворения потребностей не только данного района, но и соседних; 2) выяснение площадей лесосек, оставшихся не закупленными лесопромышленниками; 3) выяснение количества дров, необходимых как для местного потребления, так и для вывоза в другие районы; 4) определение периодов времени, в течение которых заготовленные дрова могут быть доставлены к потребителям; 5) наблюдения за своевременным вывозом дров по железной дороге в Петербург, Вильно и Киев.[191] Поставка дров не только для внутреннего потребления, но и в крупные города России была весьма ответственной и жизненно важной задачей, поставленной перед гродненцами. Несмотря на массу имевшихся при этом трудностей, они в целом успешно с ней справлялись.

Санитарное состояние Гродно в целом было удовлетворительным. Однако война потребовала от медико-санитарных служб города особого напряжения сил. До начала войны в Гродно было 49 правительственных врачей, а на 1 января 1915 года из-за призывов по мобилизации и в связи с эвакуацией их количество уменьшилось на 13 человек. Убыль в фельдшерах составила 50 процентов. Из-за угрозы эпидемий срочно требовалось компенсировать недостаток медперсонала, а также устройство заразной лечебницы. В начале марта Гродненский комитет общественного здравия потребовал «срочного создания т.н. санитарных попечительств с включением в них духовенства, учителей, чиновников и многих людей».

Много усилий направляла Гродненская городская дума по реализации санитарных мероприятий в городе. Так, на своем заседании 10 марта 1915 года она утвердила проект достройки каменного двухэтажного флигеля к

существующей на Загородной слободе городской заразной лечебницы, рассчитанной на 20 кроватей, но «с таким расчетом, чтобы в обоих зданиях на случай эпидемии можно было разместить 50 больных с оборудованием там же помещения для медперсонала, аптеки и дезинфекционной камеры». Стоимость реконструкции лечебницы была определена в 39875 руб. 51 коп. Тогда же было возбуждено ходатайство перед правительством об выделении названной суммы.

К числу важнейших санитарных мероприятий городская дума также относила: «1) устройство общественных отхожих мест с цементно-бетонными выгребами на рынках и площадях и вообще в местах большого скопления людей с проведением туда воды из водопровода; 2) переустройство уличных стоков с заменой деревянных желобов и лотков железобетонными трубами; 3) приведение в надлежащее санитарное состояние протекающей через город речки Городничанки, принимающей сточные воды из канав и уличных рейнштоков. При этом проектируется: урегулирование русла, спланирование берегов вдоль ее по обе стороны с замощением этих полос и т.д.». Читая о бедах Городничанки в ту пору, трудно не выразить возмущение по поводу бессилия городских властей и российских, и польских, и белорусских, пытавшихся на протяжении последнего столетия решить эту проблему, но, к сожалению, безуспешно. Сегодня мы видим реальные положительные сдвиги в деле очистки Городничанки и благоустройства ее берегов. Проводимые работы радуют, особенно в районе так называемой «Швейцарской долины». Надеемся, что начатое дело наконец-то будет доведено до конца.

10 марта 1915 года к числу санитарных мероприятий городской думой были отнесены меры по расширению водопроводной сети с устройством 11 водозаборных будок для снабжения здоровой питьевой водой беднейшей части населения Гродно. Было решено для снабжения населения и войск кипяченой водой приобрести 6 передвижных кубов-кипятильников. Планировалось также замостить Скидельскую площадь, как главную базарную площадь города, устроить на рынках и площадях 7 железобетонных мусорных ящиков, замостить канаву между городским кладбищем и Подольной улицей и спланировать откос по Виленскому переулку. Стоимость этих работ определялась в 154525 руб. 51 коп. Кроме того, имелось ввиду то обстоятельство, что появление в городе эпидемии, ежемесячные расходы на содержание больных и медперсонала возрастут еще на 3 тыс. рублей.

На момент обсуждения данной проблемы в городской думе г. Гродно располагал запасным капиталом на сумму 70266 руб. 99 коп., но в связи с войной ожидался недобор в доходах, не говоря уже о необходимости делать ассигнования на пособие семьям лиц, призванных по мобилизации в действующую армию, оказание помощи больным и раненым воинам. Все это вело к тому, что финансирование санитарных мероприятий становилось день ото дня все более проблематичным.

Городская управа была озабочена также стоками со двора Гродненского военного лазарета, выходящими по открытому деревянному лотку по склону Замковой горы в Прачечный переулок, где у подошвы горы они застаивались.

В целях предупреждения вредных последствий от этого городские власти требовали от военного ведомства устройства закрытого железобетонного стока до реки Неман с устройством соответствующей сетки у приемника стоков.

14 апреля 1915 года городская дума утвердила проведение санитарных мероприятий. Было получено 60 тыс. рублей на замощение Скидельской площади, планирование Виленского переулка и «других наиболее острых потребностей, связанных с санитарным состоянием города. Выделение этого кредита не может не вызывать уважения к властям города, если исходить из того, что к этому времени задолженность города казне выражалась в сумме 367 825 руб. 44 коп. В целом же годовые доходы за истекший 1914 год составляли 417709 руб. 14 коп.[192]

26 мая 1915 года городская дума на своем заседании рассмотрела вопрос «Об осмотре и освидетельствовании привозимого в город и предназначенного для потребностей населения и войны мяса». Итогом этого стало выделение для санитарно-микроскопической станции на мясных складах войсковых подрядчиков, усиление контроля за освидетельствованием скота и мясных продуктов на городской скотобойне с тем, чтобы не допустить употребления населением и войсками мяса от больных животных.[193]

Объектом повышенного внимания городских военных властей были кладбища и места захоронения погибших и раненых воинов. В первые месяцы войны на православном и католическом кладбищах имели место случаи единичных захоронений воинов, скончавшихся от ран в местных военных госпиталях и лазаретах. Однако после циркуляра министра внутренних дел Н.А. Маклакова в конце октября 1914 года на имя губернатора В.Н. Шебеко было решено более целесообразным производить захоронение погибших воинов «лишь на определенных братских кладбищах и в одном месте» с целью увековечивания памяти защитников Отечества. После этого на городских кладбищах павших воинов хоронили лишь в виде исключения и, как правило, уроженцев Гродненской губернии. Примером тому может быть могила военного священника, бывшего иерея Вертелишковского прихода, убитого на фронте в 1915 году. Надгробие на этой могиле с изображениями Георгиевского креста сохранилось и до наших дней.[194]

Захоронение же защитников Гродненской крепости и войск гарнизона осуществлялось в соответствии с приказом № 560 от 8 февраля 1915 года, подписанным главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генерал-адъютантом Рузским. Вот выдержки из него: «В целях сохранения сведений о местах погребения русских воинов предписываю неотлагательно принять следующие меры: 1) в журналах военных действий, помимо перечня имен и фамилий убитых и умерших от ран, отмечать сведения о местах погребения; 2) начальникам войсковых частей представлять в штабы корпусов копии приказов, в которых поименованы офицеры и нижние чины, выбывшие из строя убитыми; 3) начальнику санитарной части армий фронта затребовать из всех госпиталей списки офицеров и нижних чинов, умерших от ран с обозначением дня кончины и места погребения. Такие списки должны быть

представляемы ежемесячно; 4) начальникам команд, назначаемых для погребения воинов, заносить в специальные ведомости о погребенных: а) имена, отчества и фамилии убитых (при невозможности опознать убитого, заносить в списки наименование части и б) возможно точное место погребения; 5) начальнику штаба Двинского военного округа затребовать от административных властей губерний, в районе которых происходят бои, сведения: о месте нахождения, степени сохранности братских и одиночных могил и имеющихся надмогильных надписях».[195]

До момента оставления города-крепости Гродно гражданскими и военными властями, требования-приказы о местах захоронения воинов русской армии исполнялись беспрекословно. Убитых в ходе оборонительных боев по Гродно русских воинов хоронили, как правило, рядом с их боевыми позициями.

13 марта 1915 года губернатор В.Н. Шебеко предписал всем начальникам полиции, районы деятельности которых входили в состав Двинского военного округа, на основании приказа Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта Рузского 8 февраля за № 560 – «ныне же приступить к собиранию сведений о месте нахождения степени сохранности и одиночных могил и имеющихся намогильных надписях», с представлением ему незамедлительно всех собранных материалов.

По донесениям Белостокского исправника на 4 апреля в уезде имелось «19 одиночных могил русских военных на Гониондзском католическом кладбище с надлежащими надмогильными надписями; могилы эти в исправности и существуют с декабря месяца 1914 года». На 26 апреля в Сокольском уезде на городских православном, католическом и иудейском кладбищах,
А также в других местах, при деревнях Скрутовцы, Новоселки, Хилимоны, Дубасно, Ягинты, Новый Двор, Криницы, Ялово, Шерешево, Медяново, Гамулька, Новокаменная, Старокаменная, Красносток, Осмоловщина, Двуглы, Темно, Островок, Подостровок, Ольша, Багны, Жакле, Городнянка, Домураты, Хмелевка, Керсновка, Лозово, Романовка, Нововольская и в г. Дуброво имелось 165 одиночных и 27 братских могил воинов русской армии, сражавшихся на фронте в составе 6, 20, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32-го Сибирских стрелковых полков, 2-го Сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона, 7-ой Сибирской артбригады, 63-го Углицкого пехотного полка, 253-го Перекопского пехотного полка, 110-го Камского пехотного полка. 255-го Акерманского пехотного полка, 254-го Николаевского полка, 64-й артбригады, 28-ой артбригады, 111-го Донского казачьего полка, 107-го Троицкого пехотного полка, 143-го Дорогобужского пехотного полка, 44-го Каширского пехотного полка, 7-ой артбригады, 212-го пехотного Романовского полка. Здесь в братских могилах покоилось от двух до десяти (но не более воинов). Большинство захоронений имело надмогильные надписи, все могилы находились в ухоженном состоянии.

Гродненский полицмейстер в своем рапорте губернатору от 13 апреля 1915 года доносил следующее: «В Гродне имеется братское кладбище, на окраине города за Скидельской площадью, на котором похоронено до 1600 человек

воинских нижних чинов. Кладбище это, а равно и надмогильные надписи, сохраняются хорошо».

Сведения о 43 одиночных и братских могилах предоставил в губернское правление 22 июня 1915 года и помощник гродненского уездного исправника Авдеевич. Самая большая из братских могил в уезде, по его рапорту, находилась при селе Гожа («с левой стороны дороги, идущей из Гожи в д. Барбаричи, на расстоянии 18 саж. От дома жителя этого села Онуфрия Романа). Здесь покоилось 27 человек. На могиле было поставлено три малых деревянных креста и один большой окрашенный черной краской, на котором имелась надпись: «97-й пешей Орловской дружины ратник 2-ой роты Франц Балтрушайтис. Убит в бою 9 февраля 1915 года». Тут же неподалеку находилось еще 15 одиночных могил солдат из 21-го пехотного Муромского полка, 22-го пехотного Нижегородского полка и 6-ой артбригады. На всех могилах стояли деревянные кресты. Надписи на большинстве были размыты дождем. Некоторые удалось прочитать: здесь погребено тело воина 4-ой батареи 6-ой артбригады Петра Денисова, павшего в бою при с. Гожа 9 февраля 1915 года» или «Алексей Артюшин». На одной из могил («при вновь построенном мосту через реку Неман у села Гожи») была обнаружена надпись: «Рядовой 22-го Нижегородского полка пал смертью героя 9 февраля». В саду имения Перелом, на расстоянии 100 саж. От жилого дома Марии Гейбович – братская могила с надмогильной надписью: «Здесь покоятся ефрейтор Федор Муравьев, фельдшер Яков Додоенко и Семен Зуев».

На берегу Немана, в крестьянском защитном лесу дер. Друскеники были похоронены в одной могиле 18 солдат 21-го Муромского полка. Один из солдат этого полка Ахмет Ахматин был похоронен у д. Свянтоянск, а другой – Игнатий Некрасов – при урочище Дуброва. При этом в урочище имелось 9 братских могил, над всеми стояли кресты, а на некоторых из них сохранились надписи: «Здесь покоятся павшие в бою 11 февраля 1915 г. 21-го Муромского полка, 1 роты, 2 взвода – Кузьма Малыш, Федор Кожин, Федор Андреевич, Гонтрахам Сугатолин»; «Здесь похоронены убитые в бою 11 февраля 1915 года 4-го батальона 22-го пех. Нижегородского полка 17 человек и 2 человка 21-го Муромского полка». При д. Свентоянске было еще 11 одиночных могил, 3 могилы – при д.Шабаны. Еще 9 воинов было похоронено на Друскенинском православном кладбище.

Тогда же имели место и случаи, связанные с перезахоронением останков погибших воинов. Так, тело похороненного в скверике при ст. Новокаменная подпоручика Маслова с разрешения воинских властей и по просьбе родителей было перевезено на место нового захоронения в Петроград, а покоившиеся вместе с ним останки других воинов (прапорщика и 11 нижних чинов) по распоряжению коменданта штаба 20-го армейского корпуса были перезахоронены в начале июля 1915 года «на вновь отведенном в леске крестьян дер. Старокаменная, в расстоянии одной версты от этой деревни, военном кладбище».

В полицейские сводки, разумеется, не попали могилы воинов, похороненных прямо на боевых позициях. Между тем, только на горке у

шоссе сзади форта № 13 крепости Гродно, а также у деревни Барановичи (возле сосновой рощи, а также вдоль шоссе) имелось 10 одиночных и 8 братских могил, в которых было похоронено 265 офицеров и нижних чинов 30-го Полтавского, 169-го Ново-Трокского и 170-го Молодечненского пехотных полков, павших с 10 по 18 февраля 1915 года. На всех могилах были установлены кресты. На индивидуальных с надписями, на братских могилах (до десяти погибших воинов) также указывались имена похороненных, в большинстве же случаев указывалось количество павших воинов с указанием номеров и названий их полков и даты их погребения.

Описание одного из таких погребений имеется на страницах «Русского паломника» (1915, № 23, с.368): «Место для братской могилы было выбрано удачно: возвышенность среди соснового леса, рядом проезжая дорога. Вследствие твердости грунта обширная могила была готова только к вечеру. Дно ее устлали ельником, опущенные в братскую могилу тела павших воинов сплошь покрыли зелеными ветвями елок. К этому времени у отверстой могилы собрался почти в полном составе полк, чтобы отдать последний христианский долг своим боевым товарищам. Наступили печально-торжественные минуты. По команде старшего штаб-офицера: «Слушай! На караул!» – оркестр заиграл «встречу» тихо приближающемуся верхом в сопровождении адъютанта командиру полка. Он медленно слез с коня, подошел к могиле и, опустившись на колени, стал горячо молиться за отошедших в вечность своих боевых товарищей. Вслед за этим полковым священником был совершен перед походным полковым образом трогательный обряд отпевания. Печально звучали церковные напевы стройного полкового хора. Удивительно, но в это время затихли раскаты неприятельских орудий. Во время трогательных «Со святыми упокой» и «Вечная память» весь полк, как один человек, в полном походном снаряжении, с винтовками опустился на колени. Затем был троекратный погребальный залп из ружей. Под торжественно-печальные звуки «Коль славен» скоро вырос надмогильный холм. Прощальные горсти земли были брошены в могилу командиром полка и всеми присутствовавшими офицерами. Братская могила вскоре была увенчана большим деревянным крестом, на котором виднелась небольшая иконка Христа-Спасителя – родительское благословение одному из убитых героев. Крест и могилу украсили венками из елок. Погребение окончилось уже в полной темноте. Полк стал расходиться по квартирам. Проходя мимо свежей братской могилы, многие солдаты молились: «Царствие им небесное и вечный покой». Так закончился печальный обряд у новой братской могилы…».

Над самой большой из братских могил неподалеку от форта № 3 возвышался крест с надписью на нем: «Павшие в боях с 10 по 18 февраля 70 человек воинов 30-го Полтавского, 169-го Ново-Трокского, 170-го Молодечненского полков и других частей. Погребение совершил священник 43-й артиллерийской бригады Иоанн Вишневский». Благодаря надписи на крестах становилось известным, что в районе форта № 3 и деревни Барановичи были похоронены: штабс-капитан Ефимов А.А., капитан

Агнивцев П., подпоручии Земнецкий, Вуникевич С., Витковский В., прапорщики Овчинников, Авсеев, Шнурков, Артамонов, Селиванский, нижние чины Бабаев Н., Глусов М., Васильев П., Шулепин А., Наличкин Д., Юншин С., Седых Т., Потрай Е., Зубков А., Шишман И., Жуковский М., Бершановский К., Охлопков П.

25 больших и малых братских могил находилось в районе дер. Ратичи Голынковской волсти Августовского уезда. В них было предано земле 728 офицеров и нижних чинов из 104 Устюжского, 24-го Сибирского, 103-го Петразаводского, 36-го Челябинского пехотных полков, 194-го, 66-го, 11-го, 294-го запасных батальонов, Гродненской слабосильной (т.е. составленной из вернувшихся из госпиталя воинов) команды и других частей. На крестах имелись имена Чернолога С., Панченко И., Зангалова Ф., Дроздова Р., Харченко И., Масленкова А., Фураева А., Шального В., Бахарева С., Тихоненко И., Белякова Ф., Кошелева А., Самбула Н., Кузьмина С., Бурданкова И., Лихтаря Ф., Акшина М., Левченко И., Бабнева Д., Петушкова М., Перихалова М. Иногда на крестах вместо имен помещались личные знаки воинов с номерами: кое-где имелись надписи: такой-то полк, фамилии неизвестны. В этом районе захоронения датировались 14 марта 1915 года.

Были и такие факты, когда в ведомостях о могилах павших под Гродно русских воинов значилось и такое: «Захоронения в районе форта Теолин поселка Сопоцкин – надмогильных надписей нет, сами могилы в неисправном виде». Речь шла о русских воинах, похороненных 25 апреля 1915 года. Или другое сведение от 27 марта 1915 года: «В селении Сильвановцы, в кладбищенском склепе обнаружено большое количество трупов нижних воинских чинов: 5 из них вынуто и похоронено в 2-х братских могилах, остальные оставлены в склепе, так как сильно разложились. Склеп засыпан землей».[196]

Поддержание жизнедеятельности города во многом зависело от состояния городской казны и внешних субсидий. Следует заметить, что поступления в них постоянно уменьшались. 23 июля 1915 года Гродненская городская дума, рассмотрев вопрос об изыскании оборотных средств на удовлетворение текущих потребностей, постановила уполномочить городского голову Э.Э. Лисовского «ходатайствовать перед правительством о выдаче г. Гродне по примеру г. Вильны ссуды из Государственного казначейства в размере 200 тысяч рублей сроком на 20 лет». Рассмотрев это ходатайство, губернское присутствие нашло, что «происходящая война и близость гор. Гродны к театру военных действи й, а также нахождение города как крепости на осадном положении, вызвали серьезные расстройства экономической жизни и финансового положения города». Между тем, городскому общественному управлению необходимо было решать целый ряд задач, связанных с крупными затратами. К их числу относилось: «1) оказание материальной помощи семействам нижних чинов запаса армии и ратников ополчения, призванных на действительную военную службу; 2) выплата денежных пособий для организаций, принявших на себя заботу о лечении и призрении раненых; 3) обеспечение топливом запасных, военно-полевых госпиталей,

разместившихся в зданиях учебного ведомства, общественных и правительственных учреждений; 4) поднятие санитарного состояния города в целях исключения возможного появления эпидемий и, в частности, расширение заразного барака; и 5) обеспечение населения крепости продовольствием и топливом путем организации завоза необходимых предметов и открытия собственных складов из-за нынешнего чрезмерного роста цен на предметы первой необходимости».

Городская дума признавала, что часть вышеуказанных задач решалась до сих пор за счет городского запасного капитала. Главными источниками доходов были обыкновенные оценочные сборы с недвижимого имущества жителей города и доходы с городских земель и предприятий, как, например, электростанции. Вследствие же эвакуации из города большого числа жителей, две трети квартир в домах оставались пустыми и домовладельцы, лишившись доходов, не в состоянии были платить оценочный сбор; снизились доходы и с городских земель, имуществ и предприятий. Даже такие доходы, которые ожидались к поступлению от казны в возврате произведенных городом расходов, как, например, часть издержек на содержание полиции, на расквартирование войск, на отопление помещений, занимаемых как войсками по отводу у обывателей, так и военными госпиталями в зданиях разных ведомств, расходы по очистке нечистот, снабжение войск водой и прочим, до настоящего времени еще не были получены. Между тем, городское управление, вынужденное по обстоятельствам военного времени безостановочно производить данные расходы, вынуждено было за непоступлением доходов покрывать эти расходы из партикулярных армейских и из специальных капиталов.

Таким образом, власти констатировали, что «для сведения бюджетного баланса за первое полугодие 1915 года в городской кассе не хватает 50 434 руб. 69 коп. Размер издержек на санитарные мероприятия городской думой был определен в 97 825 руб. 51 коп., но так как по городу на эту надобность из противочумной комиссии отпущено лишь 5 тыс. рублей, то для проведения жизнь самых необходимых мероприятий санитарного характера требуется, по крайней мере, еще 50 000 руб. Еще городу нужно: на заготовку продовольствия и дров для населения 50 000 руб., на покрытие указанного дефицита, образовавшегося вследствие превышения производственных расходов над поступившими доходами в 50 000 руб., а на покрытие ожидаемого во втором полугодии такого же дефицита в 50 000 руб., так как при настоящих условиях рассчитывать на увеличение доходов не представляется возможным, а наоборот надлежит ожидать уменьшения таковых. Таким образом, для удовлетворения перечисленных потребностей, имеющих частью общегосударственное, а частью местное значение, городу необходимо безотлагательно иметь 200 000 рублей.[197]

На 13 июля г. Гродно имел запасного капитала 38 191 руб. 99 коп., из которых 32 000 руб. были заключены в процентных бумагах, а поступивший в распоряжение городского управления (по случаю временной приостановки действий ородского общественного банка) основной капитал его в 28 444 руб.

27 коп. также обращен в процентные бумаги. Низкий курс цен на эти бумаги позволял использовать их как резервный ракурс на случай каких-либо издержек в будущем. Таким образом, единственным источником для усиления оборотных средств городской кассы являлся заем наличными деньгами из средств казны, исправное погашение которого, а равно и процентов по займу представлялись городской думе «вполне гарантированным тою доходностью с городских предприятий, которая будет получена при возобновлении их деятельности в условиях мирного времени».

С началом войны быстро истощились и источники финансирования кассы дворянских сборов Гродненской губернии. Губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович не жалел усилий для ее своевременного пополнения, но, как свидтельствуют архивные материалы, практически безрезультатно. И лишь тогда, когда пришла пора эвакуироваться в Калугу, на счет Канцелярии гродненского губернского предводителя дворянства и местного Дворянского собрания поступил небольшой кредит для выдачи чинам канцелярии в качестве пособия для выезда из Гродно.

После эвакуации в Калугу финансовое положение Канцелярии губернского предводителя дворянства и всего Дворянского собрания еще более осложнилось. Так, 24 октября 1915 года Гродненская казенная палата, разместившаяся в г.Тамбове, сообщала на запрос Н.Г. Неверовича следующее: «Наличными деньгами на счету губернского Дворянского собрания остается только 4316 руб. 09 коп. Принимая во внимание, что на период нахождения в эвакуации вряд ли возможны какие-либо поступления дворянских сборов, необходимо придти к заключению, что дворянская денежная наличность в скором времени совершенно истощиться, а потому производство расходов должно будет приостановится». В связи со сложившейся нелегкой ситуацией казенная палата предлагала Н.Г.Неверовичу поскорее высказать свое отношение к вопросу о реализации части процентных бумаг дворянского сбора. Там же содержался и житейский совет губернскому предводителю: «желательно, чтобы само дворянство определило сумму реализации этих бумаг. Неверович так и поступил, но ситуация никак не улучшилась, более того, пошла в сторону обострения. Уже спустя полтора месяца, 8 декабря 1915 года, он писал в Гродненский распорядительный комитет: «ввиду полной невозможности подвергнуть предлагаемые вопросы обсуждению собрания предводителей и депутатов, так как созыв дворянского собрания фактически невозможен из-за неизвестности местонахождения большинства из них, я полагаю, тем не менее, возможным самостоятельно решить вопросы по сокращению на время эвакуации расходов на содержание дворянских учреждений, а равно и по размеру процентных бумаг. Осуществить это можно, запросив для этого мнение уездных предводителей дворянства. Полагаю, что смета на содержание дворянских учреждений и их личного состава может быть сокращена на 25 процентов. Что же касается процентных бумаг, то я согласен на реализацию лишь той части бумаг, размер которых по курсу будет признан наиболее выгодным». В конце своего письма Н.Г. Неверович просил казенную палату об отпуске правительственной ссуды на

содержание дворянских учреждений Гродненской губернии на 1916 год. Не получив ее, губернский предводитель дворянства вынужден был сократить штаты дворянских учреждений до минимума: получили расчет секретарь Дворянского собрания, секретарь Канцелярии губернского предводителя дворянства и экзекутор. В отношении оставшихся своих сотрудников Н.Г. Неверович писал: «Что же касается столоначальника П.А. Выходневского, его помощника А.Г.Вороновича и канцелярского служителя Д.Д.Зельковсого, то первый, после увольнения из армии, страдает обостренным туберкулезом легких; второй – ныне призывается на службу, а третий – уже в армии. Семья последнего в случае лишения Зеньковича содержания будет обречена на нищенство. Должности же двух остальных канцелярских служащих во все время эвакуации замещены мною не будут…».

Казалось бы, что сложилась ситуация запредельная, но, тем не менее, из министерства финансов в адрес гродненского губернатора беспрерывно поступали телеграммы, требовавшие сокращения расходов на все, включая и содержание служащих гражданских учреждений. В одной из них, от 6 декабря 1915 года, заместитель (товарищ) министра А.М. Николаенко, в частности сообщал: «Занятие неприятельскими войсками территории Гродненской губернии, повлекшее за собой эвакуацию из районов военных действий правительственных, общественных и основных учреждений, выдвинуло на очередь вопрос о посильности для местных земской и дворянской касс беспрепятственного удовлетворения содержания должностных лиц, получющих таковые из губернских земских и частных с дворянских имений сборов, так как материальное положение сих касс в переживаемое ныне тяжелое время является действительно затруднительным ввиду прекращения поступлений текущих окладов земских и дворянских сборов.

Озабочиваясь в виду сего возможною экономией в расходах за счет земской и дворянской касс, имею честь просить Ваше Превосходительство почтить Министерство финансов уведомлением о том: не обсуждался ли в Гродненском губернском распорядительном комитете вопрос о возможных сокращениях расходов за счет указанных источников путем увольнения со службы тех вольнонаемных лиц, получающих содержание из тех же источников, которые по случаю эвакуации не исполняют в настоящее время никаких служебных обязанностей».[198]

Разумеется, такие учрежения и лица были. Вполне естественно, что шло их сокращение и увольнение, но поддерживать этих людей пособиями и прочими субсидиями государство все равно было обязано, а следовательно, опять нужны были дньги. В результате получался замкнутый круг, разорвать который могло только время.

С начала 1915 года Гроднеское губернское присутствие рекомендовало всем сельским обществам для обеспечения своих продовольственных потребностей переходить от реальных хлебных запасов к их замене денежными расчетами. С учетом этого устанавливались так называемые справочные цены на озимые и яровые хлеба. По губернии эти цены колебались: по озимым – самая низкая цена по Бельскому уезду 85 копеек,

самая высокая по Слонимскому уезду – 92 копейки за пуд. С учетом этого, две трети продовольственных запасов каждого общества должны формироваться за счет озимых хлебов, а одна треть из яровых. Причем сам душевой размер продовольственного капитала должен был состоять при денежной системе от 3 руб. 48 коп. (Кобринский уезд) до 3 руб. 70 коп. (Гродненский уезд), а при смешанной системе (наполовину хлебом, наполовину деньгами) от 1 руб. 74 коп. (Кобринский уезд) до 1 руб. 87 коп. (Волковыский уезд).[199] При всей вынужденности этих мер у властей еще теплилась надежда на возможность устоять перед лицом надвигающихся трудностей. Однако не все в этом деле зависело от них, вот почему военные и гражданские власти в городе-крепости Гродно во многих случаях действовали вразнобой: одни ориентировались на правительство в Петрограде, а другие – на Ставку в Могилеве.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Реквизиции властей на военные нужды. – «Реквизиции» германских войск на гродненском направлении. – Организация в городе производств, работающих на нужды армии. – Образование Гродненского отдела Военно-промышленного комитета. – Борьба за упорядочение реквизиций.

Первая мировая война потребовала огромного напряжения материальных ресурсов России. Успех вооруженной борьбы зависел не только от производства достаточного количества оружия и боеприпасов. Армия нуждалась в непрерывном ее обеспечении фуражом, продовольствием, обмундированием. К примеру, за первые два года войны русская армия потребила (в округленных цифрах) 9,64 млн. тонн муки, 1,4 млн. тонн крупы,

3,74 млн. тонн мяса, 0,51млн. тонн жиров, 11.27 млн. тонн фуражного овса и ячменя, 19,6 млн. тонн сена общей стоимостью (по ценам 1913 года) в 2 млрд. 473,7 млн. рублей. На фронт было отправлено 5 млн. полушубков и бушлатов, 38,4 млн. фуфаек и телогреек, 20,1 млн. ватных брюк и шерстяных кальсон, свыше 75 млн. пар нижнего белья, 86,1 млн. пар сапог и ботинок, 6,6 млн. валенок и т.д. Поставка всего необходимого для ведения боевых действий требовала колоссального напряжения всех видов и форм производства, массового переключения заводов и фабрик на производства продукции для фронта. Параллельно принимались для достижения целей войны и другие меры.[200] Некоторые из них в значительной степени были обращены к помощи со стороны народа.

Реквизиция или принудительное изъятие властями имущества у населения с выплатой ему за это его стоимости началось в Гродно с первых же дней войны. Первоначально, как это уже отмечалось выше, касалось лошадей и транспортных средств (повозок, автомобилей, мотоциклов), однако уже в августе-сентябре перечень предметов, необходимых для нужд армии, значительно расширился. Для проведения этих действий на основании высочайшего указа от 29 августа 1914 года и высочайше утвержденного 4 сентября того же года положения Совета министров, а также соответствующего распоряжения гродненского губернатора была создана в середине октября месяца Особая реквизиционная комиссия под председательством Гродненского уездного дворянства А.И. Ушакова. В задачу этой комиссии, кроме прямых реквизиций, входила и обязанность изготовление сапог, обмундирования и другого снаряжения для нужд армии.

О порядке осуществления реквизиций сообщалось в объявлениях главного начальника Минского военного округа генерала от кавалерии барона Раушфон-Траунберга: «Объявляю, что все фабрики и заводы, склады и магазины, имеющие в своем распоряжении сукна казенных образцов, подходящие по качеству к солдатским сукнам, а также готовую к такому же употреблению верхнюю одежду, одеяла, а также бывшую в употреблении обувь, обмундирование и снаряжение казенного образца, обязаны в 3-х дневный срок со дня объявления предоставить в местное полицейское управление заявление о количестве и ценах, по которому они приобретали эти предметы. По представлению означенных сведений, местные власти по уравнительной раскладке определяют количество материалов, потребное для реквизиции, указав пункт, куда надлежит доставить эти материалы, деньги, за которые по установленным ценам будут уплачены немедленно по их приемке. Лица, не сделавшие указанные заявления или допустившие неправильные сведения о имеющихся у них материалах, будут подвергнуты в административном порядке штрафу до 3000 рублей или заключению в тюрьму или крепость до 3-х месяцев, а самые материалы будут отобраны без уплаты за них вознаграждения».

К числу первых мероприятий Особой реквизиционной комиссии следует отнести изъятие из городских магазинов, торгующих офицерским обмундированием и снаряжением, огнестрельного и холодного оружия. Так,

29 сентября 1914 года председатель комиссии А.И.Ушаков уведомил, в частности, губернатора В.Н. Шебеко о том, что возглавляемой им комиссией по приказу (телеграммой) главного начальника Двинского военного округа реквизированы у гродненского владельца магазина офицерских вещей М.Роутенштейна 4 шашки, три из которых были тотчас же отправлены в распоряжение начальника Виленского военного училища.[201]

Вопрос об реквизициях для снабжения армии полушубками, сапогами, башлыками и двумя сменами белья, путем получения этих предметов от семей призванных за определенные субсидии от казны, обсуждался на специальном заседании комиссии 28 октября 1914 года под председательством А.И. Ушакова. Совещание нашло такой способ изъятия вещей на нужды армии весьма перспективным при условии соблюдения следующего порядка: «1) широкого освещения жителей города об этом с указанием приемных пунктов, времени их работы и размеров оплаты за каждую принесенную вещь в отдельности, открытие данных пунктов должно осуществляться в уезде – при волостных правлениях, а в городе – при городской управе; прием вещей и определение степени их годности следует возложить соответственно на волостных старшин и писарей, а в городе на городского голову или главу городской управы; 4) упаковка и отправка в армию посылок от семей должна быть представлена безвозмездно с написанием адреса войсковой части и описи содержащихся в посылке-наволочке вещей; 5) от семейств, имеющих больных эпидемиологического характера вещи решено не принимать; 6) для выдачи субсидий отпустить в волостные правления и городские управления авансы, исходя примерно из 50 процентов того количества семей, члены которых призваны в армию и из расчета на полный комплект вещей; 7) собранные таким образом вещи с каждого приемного пункта должны быть доставлены общим транспортом к уездному воинскому начальнику». На основании официальной переписки можно утверждать, что данные условия были одобрены губернатором. Более того, из рапорта начальника Гродненского по воинской повинности присутствия следовало, что на 1 ноября 1914 года от жителей губернского г. Гродно было доставлено для отправки в войска 574 посылки-наволочки.

Параллельно шла реквизиция для нужд армии по линии городской торговли. 17 ноября у гродненских купцов А.Ф. Мухина, М.Я. Снарского и Х.И. Махова было реквизировано 47 укороченных полушубков на сумму 362 рубля. Скажем сразу, что это немного, так как в эти же дни в других городах было изъято теплой одежды значительно больше: в Волковыске – 98, Белостоке – 50, Бресте – 140, а в Бельске – 169 полушубков и 11 тулупов. Такое отставание губернского города объяснялось тем, что здесь больше ориентировались на столичную моду, и тулупов даже в сильные морозы не носили. 18 ноября у купцов Д.М. Закгейма, О.Д. Пренера, М.М. Длугача, Г.М. Коссовского, Э.П. Шувы было реквизировано шинельного и мундирного сукна в количестве 1153 аршин на сумму 2052 руб. 84 коп. В каждом из названных и последующих случаев Гродненской реквизиционной комиссией составлялся специальный акт за подписями председателя комиссии, уездного

предводителя дворянства А.И. Ушакова и членов комиссии: уездного воинского начальника, полковника М.М. Келпша, гродненского полицмейстера А.Ф. Шкенева, податного инспектора В.И. Пустовалова, представителя городской управы П.А. Воевника, ревизора контрольной палаты С.Н. Матысяка и военного интенданта капитана И.И. Пестича. Кроме этого, комиссией составлялись надлежащие описи на изымаемые материалы, а их владельцам выдавались соответствующие квитанции, установленные для платных реквизиций.

19 ноября 1914 года реквизиция 813 аршин хлопчатобумажных тканей защитного цвета на сумму 239 руб. 78 коп. была произведена у торговцев г. Гродно В.М. Гликзона, Ш.И. Шерешевского и М.И. Крикстанского. С 20 по 23 ноября проводилась реквизиция суконных и сукноподобных тканей у 77-ми торговцев и 1362 крестьян Гродненского уезда, в результате чего было изъято 439 отдельных их кусков, общей мерою в 5276 аршин на сумму 7296 руб. 88 коп. Всем торговцам и жителям – крестьянам уезда были выданы соответствующие квитанции с указанием цен для последующей оплаты за товар.

На 1 декабря 1914 года в г. Гродно и уезде было реквизировано 6430 аршин материала для изготовления офицерского и солдатского обмундирования. 12 декабря реквизированные товары в 34-х тюках, общим весом в 246 пудов были отправлены железной дорогой из Гродно в Двинск, на интендантский вещевой склад округа.

С конца декабря 1914 года и до февраля 1915 года активно проходила реквизиция предметов, имеющихся в частной продаже – «подходящая вольная готовая одежда, составляющая обиход простолюдия, как-то: шаровары, теплые куртки, тужурки, суконные рубахи, поддевки, пальто, застегивающиеся наглухо пиджаки, фуражки». Эта одежда предназначалась для следующих целей: рубахи и шаровары – для снабжения дружин ополчения и запасных, отправляемых в действующую армию в случае отсутствия для них форменной одежды, а также для отпуска больным и раненым, увольняемым со службы, и для военнопленных. Реквизиции подлежали только такие вещи, стоимость которых не была дороже тех вещей, которые они должны были заменить: шинель – не более 7 руб., походную суконную рубаху (гимнастерку) – не более 5 руб., походную фуражку – не более рубля и походные шаровары – до 3 руб. Здесь также на все реквизированные вещи выдавались квитанции, подлежащие оплате.

О масштабах реквизиционной работы в Гродненской губернии можно судить по следующему факту. Только в течение 21-22 января 1915 года на склад в Гродно для последующей переправки на интендантский вещевой склад Минского военного округа поступило следующее вещевое имущество, собранное за недельный срок: из Брестского уезда: 850 одеял, 282 полушубка, 43 шинели, 26 мундиров, 2 шаровар, 33 пояса, 356 аршин сукна, 44 аршина фланели и 44 аршина хаки; из Пружанского уезда – 140 полушубков, 64 пары валенок, 5 плащей, заменяющих шинели, 269 курток, 124 брюк, 75 рубах, 115 башлыков, 452 шапки, 44 фуражки, 3437 аршин сукна и 8 пар сапог; из

Кобринского уезда – 617 полушубков, брюк суконных – 209, полусуконных – 68, хлопчатобумажных – 265, курток суконных – 178, полусуконных – 59, рубах фланелевых – 644, бумазейных – 515, фуфаечных – 156, сапог – 6 пар, валенок – 17 пар, шапок из крымского барашка – 110, из искусственного барашка – 313, фуражек суконных – 50, одеял – 5, башлыков – 122; из Слонимского уезда – 4769 одеял, 11 шинелей, 20 пар сапог, 7 пар валенок, 28 пиджаков, заменяющих мундир, 17 пальто, заменяющих шинель, 94 теплые рубахи, 12 хлопчатобумажных рубах, 39 брюк, 17 крестьянских свиток, много сукна и белья.

По инициативе гродненского губернатора В.Н. Шебеко и гродненского головы Э.Э. Листовского осенью 1914 года в городе проводилась работа по выявлению сапожников и портных, которые могли бы взяться за изготовление солдатских сапог. По сведениям, собранным полицией, в г. Гродно к тому времени имелось тогда 45 сапожников, а также 19 портняжных мастерских с количеством работающих в них около 300 человек. В последующем число сапожников и портных стало большим. О росте числа пар пошитых сапог свидетельствует следующая динамика: на 16 февраля 1915 года из Гродно в действующую армию было отправлено 4775 пар солдатских сапог; на 21 февраля это количество выросло до 5125 пар; на 12 марта – до 6150; на 26 марта – до 6850; на конец марта – до 7175 пар. Всего к 1 апреля гродненскими мастерами было отправлено армии 14575 пар солдатских сапог.

С расширением масштабов военных действий и ухудшением экономического положения в стране, требования к качеству обмундирования и снаряжения армии стали серьезно снижаться. Одним из отражений этих процессов стал следующий факт. В марте 1915 года городские власти получили предписание начальника военно-интендантского управления Двинского военного округа на изготовление в широких размерах лаптей и кожаных поршней для поставки их к началу летнего периода в пехотные части. В Гродно и уезде в исполнении этого заказа столкнулись с серьезным препятствием – с отсутствием специалистов по изготовлению этих видов обуви. И лишь только после того, как комиссия по изготовлению обуви для армии получила их конкретные образцы, в городе и окрестных населенных пунктах началось изготовление лаптей и поршней. Тогда же были установлены и крайние цены на них. К примеру, одна пара поршней из юфтовой кожи с подвязочными ремнями стоила приемщикам продукции 1 руб. 60 коп, а за работу мастерам платили 40 копеек, т.е. общая стоимость поршней обходилась в 2 рубля. В последующем эта цена была снижена под нажимом приемщиков из интендантства до 1 руб. 80 коп. Сроки поставки их были чрезвычайно сжатыми (не позже 20 апреля), но гродненцы с поставленной задачей справились. К установленному сроку г. Гродно и уезд поставили на интендантский склад 340 пар поршней. По сравнению с другими районами Гродненщины это было немного. Для сравнения приведем хотя бы следующие цифры: Брестский уезд к этому же сроку поставил на склад – 1112 пар поршней; Кобринский уезд – 3491 па поршней и 3857 пар лыковых лаптей; Пружанский уезд – 3952 пары кожаных поршней. Заметим, что кроме

Кобринского уезда никто лаптей в армию из Гродненской губернии не поставлял. Из отчета А.И.Ушакова оправданием этому было то, что «в Гродно и уезде о лаптях давно забыли, а потому здесь отсутствуют и такие промыслы, а следовательно, и умельцы».

23 февраля 1915 года по предложению губернатора в городе и уезде были установлены предельные цены на кожевенный и другой товар, пригодные для изготовления солдатских сапог. Такие же предельные цены были установлены в марте месяце и на материалы, необходимые для изготовления обмундирования и снаряжения для армии.[202]

Оказание помощи армии планировалось и через сбор оружия на полях сражений. Так, 10 октября 1914 года губернатор В.Н. Шебеко издал объявление о том, что по распоряжению военных властей все оружие, патроны, артиллерийское имущество, одежду, обувь и прочие предметы военного снаряжения, имеющееся у населения, последние были обязаны в месячный срок представить его местным воинским начальникам или полицейским чинам.

За представленные вещи выплачивалось вознаграждение: за каждую русскую винтовку с затвором – 6 руб., без затвора – 4 руб.; за неприятельскую с затвором – 5 руб., без затвора – 3 руб., и за каждый патрон по копейке. За артиллерийское орудие или лафет уплачивалось по одному рублю за пуд. За годную походную рубаху или мундир – 1 руб., за шаровары – 1 руб., за шинель – 2 руб., за поясной и ружейный ремни – 50 коп., за вещмешок или ранец – 1 руб., за патронную сумку – 30 коп. Жители города предупреждались, что если затем при обысках будут обнаружены утаенные вещи из числа перечисленных, то виновные в удержании у себя этих вещей будут привлечены к ответственности по законам военного времени. Уплата причитающихся за предоставленные вещи денег производилась надлежащим уездным и городским полицейскими управлениями».

Судя по всему, эффективность подобных мер была не очень велика. Подтверждением чему может быть второе объявление губернатора на вышеуказанную тему уже от 19 января 1915 года. В нем оружие и предметы военного снаряжения должны были представляться населением уже в двухмесячный срок. Менялся и размер вознаграждения: «за каждую исправную русскую винтовку – 5 руб., а за такую же неприятельскую – 3 руб., за 10 штук патронов – 1 копейка».[203]

В первые месяцы войны в городе для нужд армии за плату из казны было произведено 16000 фляг (из лимонадных бутылок, оплетенных соломой и обшитых сукном, с пробкой и носильной тесьмой). Их изготовлением (заготовительная цена – 31 коп. за флягу), занимался содержатель аптекарского магазина Яков Розенберг, нанявший для этих целей трех рабочих. Других предпринимателей, пожелавших взять подряд за столь низкую цену, попросту не нашлось. В июне 1915 года на склад реквизированных вещей в Гродно для нужд армии поступило из Белостока за счет изъятия у германского акционерного общества «Экспорт и импорт»: 61 велосипед системы «Ватт», 14 мотоциклов системы «Мотоваттт», 102

швейные ручные машины «Ватт» и 13 пишущих машин «Ватт-Визибль». 7 февраля 1915 года последовало обязательное постановление о запрете вывоза из пределов губернии всех медных изделий, а также медного лома.

Все архивные дела, касающиеся вопросов о выдаче вознаграждений населению за реквизированные для нужд армии вещей, подтверждают наличие жесткого контроля со стороны гражданских и военных властей за выполнением этого требования. Впрочем, в реальной жизни имели место и просчеты в этом деле. Подтверждением этому может служить приказ коменданта Гродненской крепости от 25 октября 1914 года, № 121, касающийся реквизиции продуктов питания и фуража: войсковые части забирают у населения провиант, фураж и разные необходимые предметы без всякой оплаты их. Признавая подобные действия незаконными, а потому и безусловно нетерпимыми, предписываю начальникам всех степеней принять все зависящие от них меры, чтобы вверенные им части без всякого замедления тотчас же расплачивались наличными деньгами за взятые у населения продукты и товары».

Необходимо подчеркнуть, что это требование было вполне обоснованное, так как базировалось на директивах МВД и распоряжении гродненского губернатора от 18 августа 1914 года: «…приказать, чтобы уплата за отобрание у населения предметов для военных нужд производилась немедленно и наличными деньгами, а не квитанциями, дабы не вызывать нареканий со стороны населения на интендантское ведомство». И такого рода порядок расчета несколько месяцев вполне выдерживался, о чем свидетельствует рапорт крепостного интенданта от 7 сентября 1914 года коменданту Гродненского укрепрайона М.Н. Кайгородову: «Доношу Вашему Высокопревосходительству, что с объявлением мобилизации приобретен реквизиционным порядком для Гродненского крепостного гурта порционное мясо крупного рогатого скота у следующих лиц, владельцев имений: Скобелево-Лапина; Будовля – князя Святополк-Четвертинского; Осташи-Веллера: Сидерки-Матушинского; Свяцк-Иосифа Гурского; Бела-Блото-Тукало; Августовка-О.Бриенде-Ласси; Руссо-Заблоцк-Внуковского; Витковщизна – Кунды и Бутько; Самковщина-Пролейко; Жутковщизна-Козловского; у священника Сидерской церкви отца Антония Рекетя; у крестьянина Лошицкой волости Александра Балицкого.

Рожь, пшеничная мука, овес, сено и ржаные отруби были куплены в больших количествах у следующих лиц: у помещиков: Лапина, Залетинского, Тукало, Биспинга, князя Святополк-Четвертинского, князя Сапеги, графа Корвин-Коссаковского, Бера,Эйнаровича, Климашевского и Марии Биспинг, а также в хлебозапасных магазинах крестьян Богородицкой волости; сено – у помещика Немировича и у местных поставщиков Баруна, Полячека; пшеничная мука и ржаные отруби у купца Григория Горфинкеля».

5 октября крепостной интендант сообщал коменданту крепости об изъятии для нужд армии у гродненских купцов Коссовского, Каплицкого, Любича, Марголина, Майзема, Куля, Журавского, Штуплера, Гурвича, Луневского, Гинзбурга, Слонима и других муки, овса, гороха, мешков, холста, а также из

Гродненского сельскохозяйственного товарищества и акционерного товарищества «З.А.Гониондского» – бензина, керосина, чугунных котлов, 27 велосипедов, двух пишущих машин, у крестьянина А.Бойши – деревянной лодки. Последние материалы и предметы были переданы в распоряжение управления по строительству Гродненской крепости и крепостного артиллерийского управления.

За все взятые реквизиционным порядком продукты военное интендантство первоначально расплачивалось наличными деньгами, однако в случаях, когда речь шла о больших партиях товара или дорогостоящих материалах, расчет производился также и посредством предусмотренных законом квитанций, оплата которых производилась за счет авансовых средств, имеющихся у интендантства и реквизиционной комиссии. В тех случаях, когда наличные средства истощались, то они пополнялись как из фондов гражданского губернского ведомства, так и из специальной ликвидационной комиссии, учрежденной в Вильно под председательством генерал-майора Шестакова.[204] Последнее было особенно неудобно, а потому в последующем все авансы посылались непосредственно в Гродно, здесь же производились и расчеты по квитанциям, имеющимся по реквизиционным делам у населения. В конце 1914 – начале 1915 года их обналичка становилась все более проблематичной.

Как свидетельствуют документы, дела о расходах по реквизиции зерна из общественных хлебозапасных магазинов, а также о выдаче денег крестьянам Гродненской губернии за реквизированное зерно из сельских запасных магазинов для войск и населения в 1914 – 1915 годах велись исключительно скрупулезно. Другое дело, что «ассигнованные за реквизиционное зерно деньги, за силою закона от 12 июня 1900 года, не могли быть выданы на руки сельским обществам, так как ими со дня реквизиции обеспечиваются продовольственные потребности населения взамен реквизированного зерна. Поэтому ассигнованные за зерно деньги подлежали внесению в продовольственные капиталы подлежащих обществ с выдачей их лишь по мере поступления в хлебозапасные магазины зерна, если общества не согласятся перейти к денежному способу обеспечения, а пожелают остаться по-прежнему при содержании в магазинах хлеба натурою. На руку подлежат выдаче лишь деньги, ассигнованные на уплату за реквизированные мешки, по предварительному выяснению фамилий владельцев этих мешков, так как мешки эти были реквизированы у отдельных лиц, а не у сельских обществ». Последнее свидетельствовало о явном затягивании расчетов за реквизированное у сельских обществ зерно. Росло и количество жалоб на реквизиционные издержки.[205]

Так, волостной старшина Апоник из Вертелишек жаловался представителю уездного дворянства А.И. Ушакову, что «25 февраля 1915 года в деревне Путришки и Каплица военным ведомством была произведена реквизиция скота. Из Каплицы взято 23 штуки, а в Путришках – 35. Реквизицию производил офицер 101-го Пермского пехотного полка с нижними чинами-резниками. Причем платили по 7 руб. за пуд битого мяса. Количество пудов определялось на глаз. Плата производилась почти наполовину стоимости

коровы. Крестьянам-владельцам выдавались лишь записки о покупке у них скота».

Имели место случаи, когда реквизиции заканчивались инцидентами, в которые вынужден был вмешиваться и губернатор. Об одном из них он поведал в своем письме от 9 мая 1915 года на имя министра внутренних дел: «Считаю долгом донести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что сего мая получено мною от начальника штаба Х-ой армии извещения, что прокурору Окружного суда переслана для дальнейшего направления переписка по обвинению по ст.362 ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных гродненского полицмейстера Шкенева, чиновника особых при мне поручений коллежского секретаря Левенстама, гродненского городового врача Сикачинского, начальника Гродненского адресного надворного стола советника Кайгородова, секретаря Гродненского городского полицейского управления коллежского регистратора Буксы и городовых Гродненской городской полиции Клещенка и Гаврилова.

Дело заключается в следующем: отношением от 31 марта тем же начальником штаба было мне сообщено распоряжение командующего 10-ой армией о подвержении телесному наказанию до 25 ударов гродненского мещанина Мстибовского за сокрытие со спекулятивными целями и во вред действующим войскам мяса; за несколько дней до этого в армии было получено известие о прибытии Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Алексеева и предполагалось пригласить его на обед в штаб армии, для какой цели потребовалась экстренная закупка мяса; при громадных трудностях подвоза к Гродне продуктов такие экстренные закупки не всегда возможны. Так и в этом случае поставщик штаба армии обратился к торговцу мясом Мстибовскому, заявившему, что у него мяса для продажи нет; приказано было произвести обыск и было обнаружено около 15 пудов мяса, которое по заявлению Мстибоского продаже не подлежало, так как оно было заподряжено квартировавшим в городе Старорусским пехотным полком. Тем не менее потребные для штаба нескольких пудов были взяты у Мстибовского, а и на него был составлен протокол о сокрытии мяса; протокол был представлен командующему армией, который положил резолюцию о подвержении Мстибовского вышеозначенному телесному наказанию. Как только факт этот стал мне известен, я, получив от командира Старорусского полка письменное удостоверение о том, что мясо у Мстибовского было куплено им, и что полк вследствие взятия штабом армии мяса недополучил его несколько пудов, попросил командующего армией пересмотреть дело, но генерал от инфантерии Радкевич возразил тем, что по его секретным сведениям у Мстибовского было еще припрятано мясо, и что он считает такое наказание желательным в принципе, отнюдь не для причинения истязаний, а для впечатления на еврейских торговцев, на коих налагаемые штрафы по обязательным постановлениям не производят желательного действия. При этом генерал Радкевич просил меня распорядиться о приведении его постановления в исполнение. Вследствие неуспеха моего ходатайства о

пересмотре дела и об избавлении меня от исполнительной роли, я приказал полицмейстеру произвести экзекуцию в присутствии городового врача, составить о последующем акт. Жена Мстибовского, человека слабого здоровья (страдает грыжей), обходила все местное начальство с мольбой о пощаде мужа и замене позорящего наказания максимальным штрафом (предлагала внести в казну 3000 рублей), продолжая при этом настаивать на полной его невиновности. 6 апреля городовой врач Сикачинский был приглашен полицмейстером в городское полицейское управление для освидетельствования арестованного; по осмотре Мстиславского врач признал необходимость несколько осторожного применения наказания из-за опасения самых тяжелых последствий для наказуемого, вплоть до выпадения внутренностей. В качестве свидетелей были приглашены полицмейстером чиновник особых при мне поручений Левестам, начальник адресного стола Кайгородов и секретарь полиции Букса, в присутствии коих и врача городовыми Клещенком и Гавриловым было дано Мстибовскому, как удостоверено актом, 24 удара розгами.

По слухам и Мстибовский, и его жена, занимающие видное положение в местном еврейском обществе, перед отъездом из города кое-кому рассказывали, что позорящее наказание им было заменено штрафом в 3000 рублей (с очевидной целью спасти личное достоинство пострадавшего Мстибовского). Слух этот дошел до начальника разведывательного отделения штаба армии, ротмистра корпуса жандармов Темникова, уже не раз высказывавшего чрезмерное рвение и далеко не всегда удачное усердие, и он поспешил доложить своему начальству, что составленный в полицейском управлении акт является подложным, что на самом деле никаких ударов Мстибовскому не было нанесено, и что полицмейстер получил за это 3000 рублей. Из штаба армии после этого последовало телеграфное распоряжение об освидетельствовании Мстибовского в Полтаве, причем вполне естественно, что после такого продолжительного промежутка времени, знаков на теле у него не оказалось. За сим последовало дело о передаче дела прокурору, а мне было доставлено вышеупомянутое сообщение.

Еще до того, как только мне стало известно об этом обороте дела, я поспешил к командующему армией, и высказал ему свое глубокое убеждение, что приказание его было исполнено добросовестно и попросил не привлекать к формальному следствию чиновников без явных указаний на их виновность, но генерал Радкевич ответил, что хотя он и сам с трудом верит в обоснованность упомянутого обвинения, тем не менее он, не имея оснований не доверять агентам, желает передать все дело для быстрейшего выяснения его беспристрастной судебной власти.

Докладывая о вышеизложенном, повторяю, что до доказательств противного, я остаюсь при своем убеждении, что членами полиции были исполнены данные им распоряжения, и что следствие выяснит их невиновность. Быть может, удары были недостаточно чувствительными, но едва ли допустимо, что они вовсе нанесены не были. Полагаю, что такие глубоко печальные явления были бы вовсе невозможны, если бы военные

власти сразу же передавали подобные, чисто административные дела, специализировавшиеся в них органам, т.е. местной администрации; если бы отказ от продажи мяса был штабом армии сообщен мне или коменданту крепости, то без сомнения и мясо для штаба армии нашлось и обнаружилась бы истинная виновность Мстибовского; также, если бы при возникновении первых подозрений в правильности составления акта дело было передано мне, я бы нашел способ выяснить истину. Искренне надеюсь, что данный случай окончится благополучно для подведомственных мне чинов и рассчитываю, что в этом случае в штабе, хотя бы 10-ой армии будут впредь осторожнее относиться к заявлениям своих разведывательных органов».[206]

Как и чем завершилось это дело, трудно сказать. Во всяком случае, оно достаточно показательно для характеристики взаимоотношений между военными и гражданскими ведомствами, а также того самодурства, которое как раз и проявилось в тех случаях, которые по сути и не заслуживали столь большого, как в данном случае, внимания. А вышло так, что одна глупость потянула за собой другую.

Свой особенный взгляд на «реквизиции» со стороны германских войск среди мирного населения оставил потомкам рядовой солдат кайзеровской армии Фридрих Грелле, воевавший под Гродно и получивший здесь ранение в марте 1915 года. Его письма с восточного фронта родным и близким – убедительное свидетельство того, как постепенно менялось отношение германского солдата ко всему тому, что он видел на Гродненщине и в чем принимал непосредственное участие. Если во время позиционного характера войны он воспринимал русских солдат как вполне равного противника, то на фазе маневренных действий они ему казались во многих отношениях достаточно отставшими. Но уже скоро оказавшись со своей ротой под крепостью Гродно, где интенсивность обстрела русской артиллерии, по его свидетельству, «превысила все, что он испытал до сих пор», Фридрих Грелле понял, что отсталость русской армии весьма относительна. Такой же подход характерен и для его описаний жизни и быта жителей деревень и местечек Гродненщины, занимаемых в ходе военных действий германскими войсками. Так, к примеру, он описывал свои первые впечатления от увиденного: «…Скоро пришли в деревню, которой уже пришлось принять много военных. Там смог расположиться весь взвод. Солому нам пришлось реквизировать. Жители были очень робки, и, конечно, в комнатах было не особенно чисто. На стенах висело много икон».

Следующее письмо Грелле: «Теперь мы расквартировались уже в 7 км к юго-западу от Гродно и получили день отдыха. Я сам разместился в деревне в очень милом домике. Сижу на деревянной скамье у стола и пишу это письмо. Если бы у меня была ручка, то я мог бы писать даже чернилами, так как на подоконнике стоит чернильница. Рядом с ней – два горшка с цветами, за оконом зеленые кусты, через которые виднеется крыша соседнего дома. Картина вполне идиллическая... Я живу у вполне культурных людей. У них даже есть часы, как раз сейчас отбивающие 12 часов. Сегодня утром все члены семьи – по меньшей мере 10 человек – вымылись и подмели в комнате,

перед этим сбрызнув пол водой… Высокие ресты, а также небольшие часовенки с многочисленными иконами встречаются повсюду у дорог и в деревнях».

В данных наблюдениях Фридрих Грелле – отнюдь не безобидный турист, он вполне осознал себя в качестве «винтика» большой «разрушительной машины», а потому в последующих своих письмах именно в этой роли он и осмысливал все происходившее вокруг него: «Вскоре мы подошли к маленькому местечку, расположенному прямо на Немане. Это грязная еврейская дыра. Здесь мало каменных домов, большая часть из них деревяные, улицы немощеные. Все евреи были еще здесь, они сидели в синагоге, в школе и по домам. После того, как мы вошли сюда силами одного полка, русские начали с другого берега обстреливать нас гранатами. Мы расположились за синагогой, где русские не могли причинить нам вреда, но среди населения было несколько раненых, что вызвало ужасную панику. Все с причитаниями, проклятиями и криками, взяв с собой детей и пожитки, кинулись прочь из местечка».

В то время как в прежних своих описаниях немецкий солдат занимал позицию беспристрастного наблюдателя, теперь он сам участвовал в проведении «реквизиций» продовольствия: «Расквартировались в домах по ту сторону озера. Жители бежали. Они, правда, оставили корову, которую наши быстро подоили, и я смог впервые за время этого похода напиться молока. Вслед за тем повар унтер-офицер забил корову и приготовил нам из этого мяса и бочки кислой капусты, тоже реквизированной, отличный ужин. Для начала мы полакомились медом. Штыком выломали соты из улья и потом «высосали» их. Можно, пожалуй, подумать, что мы попали в страну, где реки текут млеком и медом».

В следующем письме есть также несколько строк о том, как солдаты лакомились за счет населения: «Завтрак был совершенно не в стиле военного времени. На белых фарфоровых тарелках подавались мясные клецки, отличные бутерброды (уж, конечно, не армейские) и белое вино из бокалов. К обеду зажарили утку… Уж при такой жизни я, конечно, не похудею…». Такое поведение солдата, впрочем, вполне соответствовало официальной политике: «Интересы войск и Германской империи всегда доминируют над интересами занятой территории».

И только однажды Грелле заговорил об участи местного населения: «Потом мы дошли до деревни Машталеры, окраину которой заняли… Из страха перед обстрелом жители унесли из деревни все пожитки, вели даже скот, спрятали все съестные припасы. Постепенно наши обнаружили и вытащили все это (хлеб, яйца, масло). Молоко, которое мы надоили, было, конечно, сразу же выпито. Впрочем, когда для полевой кухни реквизировался скот, разыгрывались ужасные сцены. К сожалению, я должен поставить нашим людям плохую оценку. Они вели себя уж никак не порядочно».

Отсутствие презрения к местному населению у Грелля отнюдь не означает симпатии к нему. Он не возмущался страданиями мирных жителей на театре военных действий. В их описании постепенно наступил эффект привыкания, в

ходе которого первоначальная чувствительность бывшего студента-теолога к ужасам войны ослабла. И тем не менее, вплоть до своего ранения, Фридрих Грелле сохранял в себе способность рассматривать противостоявший ему мир жителей Гродненщины не слишком предвзято.

Несмотря на издержки реквизиционных действий Гродненских властей, они позволяли достаточно полно обеспечивать всем необходимым войска укрепрайона. Подтверждений этому имеется немало даже со стороны противника. Так, во время боев под городом-крепостью Гродно весной 1915 года один немецкий офицер в письме домой писал: «У вас совершенно ложное представление о русском противнике. В действительности русские солдаты хорошо вооружены и хорошо обуты. Они стойки, выносливы, храбры. Верьте, если бы не наши железные нервы, то нам бы плохо пришлось». А вот отрывок из воспоминаний русского офицера Э. Гиацинтова, также характеризующее моральное состояние русской армии в том же районе на примере своей артбатареи: «Не было случая, чтобы бывший в отпуску или на излечении солдат батареи не вернулся обратно. Даже тогда, когда их из госпиталей назначали в другие части, хотя бы и запасные, они всеми правдами и неправдами добивались возвращения обратно. Иногда им приходилось даже дезертировать из других частей, чтобы вернуться в свою родную батарею».

О питании на передовых позициях можно судить из письма домой одного из пехотинцев, сражавшегося под Гродно: «…Мне ничего не присылайте, ни денег, ни посылок, у нас все хорошо, кормят лучше желать нельзя, хлеба дают много, сахару тоже, суп варят хороший и с мясом, а в постный день – с хорошей рыбой, а если заступаем на 1-ую линию, то дают по 3 банки консервов, очень вкусных…».

Настроение духа действующей армии хорошо видно из письма нижнего чина 102-го пехотного Вятского полка Никиты Рогова: «…Никакие мучения не страшны, дорогой братец, раз мы знаем, что это видит наш обожаемый Царь Батюшка. Ведь его сердце скорбит о нас, ведь он знает, как мы страдаем и если этого не прекращает, то значит это нужно и мы без ропота пойдем на смерть. Пусть видят наши враги, как мы обожаем своего Царя. Ура нашему Государю Императору, ура русскому воинству…».[208]

Некоторое представление о морально-физическом состоянии русских войск, действовавших на гродненском направлении, дают выборочные фрагменты корреспонденции Д.Н. Дубянского «Три дня на среднем Немане» («Летопись войны 1914-1915 гг., № 34, 18 апреля 1915 г.). Вот что увидел военный корреспондент Дубенский после выезда на автомобиле из Гродно на боевые позиции: «Шоссе шло по холмистой местности, вправо и влево виднелись хутора, деревни и фольварки. По пути постоянно встречались трупы павших лошадей, некоторые из них были уже обглоданы, другие лежали почти цельные. Вероятно, это были германские лошади, павшие и убитые при их отступлении из гродненского района. Населения почти не было видно, а евреев совсем не попадалось. Говорят, с отходом немцев они стали усиленно скрываться. Наш автомобиль все время обгонял двигающиеся на позиции войска. Гулко гремела артиллерия, спокойным ровным шагом шла пехота.

Казаки небольшими партиями рысили по сторонам шоссе. Все части войск производили самое прекрасное впечатление. Офицеры одеты строго по форме, почти без всяких уклонений. Обычный серый полушубок, самая простая серая папаха, шашка, револьвер, карты на груди – вот обычная форма наших офицеров в боевых частях. Войска шли в полном порядке. Некоторые роты шли с песнями, и в одной из них какой-то искусник ловко и звонко присвистывал. Сразу было видно, что люди и одеты, и обуты, и накормлены очень хорошо». Не менее положительное впечатление произвели на корреспондента места сбора и временного расположения войск в первом же повстречавшемся местечке: «Всюду виднелись солдаты, казаки; люди начинали обедать. Вскоре начальник дивизии любезно пригласил нас и всех офицеров к обеду, который был устроен в одной из комнат дома местного ксендза. Обед был отлично приготовлен и состоял из борща, каши и котлет. Уже во время обеда начали приезжать ординарцы с донесениями с передовых позиций. Офицеры их тут же читали, выясняя себе положения противника и свои намерения. Бросался в глаза очень хороший вид ординарцев-офицеров и казаков. Все это был молодцеватый, толковый, очень бойкий и смелый народ. После обеда к перевязочному пункту подошел небольшой транспорт раненых. Стонов и криков почти не было, только из средней одноколки раненый в живот неустанно тянул: «о…о…о…». Вскоре раненые были осмотрены врачами и получили необходимую медицинскую помощь».[209]

Кому-то эти строки покажутся ничем иным как лакировкой страшного хода войны. Но ведь было, вероятно, и такое: война не исключает из жизни сочетания темных и светлых тонов.

Летом 1915 года реквизиционные усилия властей были направлены также и на мобилизацию местной промышленности для снабжения армии необходимыми предметами потребления. В начале июня Северо-Западное общество торговли и промышленности взяло на себя инициативу по организации в г. Вильно Военно-промышленного комитета с целью приспособления местных промышленных предприятий для нужд обороны. После этого было принято решение об распространении действий Военно-промышленного комитета на весь Северо-Западный край с привлечением к работе в нем городских самоуправлений, отделений Императорского Русского технического общества, Северо-Западного окружного страхового общества, Северо-Западного общества для надзора за паровыми котлами и других торгово-промышленных и общественных организаций края. 10 июля 1915 года в Гродно состоялось открытие городского Отдела Военно-промышленного комитета. Вот что было зафиксировано в протоколе № 1 его заседания: «1915 года июля 10 дня, по почину живущих в г. Гродно инженера А. Дзержановского и инженера-электрика М.И. Маркевича и с разрешения коменданта Гродненской крепости, в 7.30 вечера в здание городской управы были приглашены нижеуказанные лица для привлечения технических сил г. Гродно к работам на нужды государственной обороны и открытия в городе Отдела Военно-промышленного комитета.

На собрание явились: член Гродненского присутствия по городским делам Д.В. Ивашинцев, гродненский городской голова Э.Э. Листовский, член городской управы, инженер-химик С.О. Цыбульский, гласные Думы Г.К. Рейнгард и И.Ф. Ястржембский, гродненские инженеры: И.В. Романов, А.К. Тарновский, А.С. Дзержановский, М.И. Маркевич, фабричный инспектор Н.В. Виноградский, представители военного ведомства: полковник Госсельблат, подполковник Добржинский, капитан Кульавов, директор местного отделения Русско-французского банка И.Г. Роговский, доктор А. Хазан, владелец телефонно-телеграфной станции А.К. Мончинский, владельцы городских чугунно-литейных заводов и слесарных мастерских, а также слесарные мастера: Б. Гольдберг, Ф.И. Глазман, Л.Г. Езерский, В. Кузьмицкий, А. Василевский, И. Войтко, Б. Ярмоловский, С. Крубский, И. Селеневич, Б. Горбатовский и П. Пашкевич, а всего – 28 человек.

Инициатор собрания инженер-электрик М. Маркевич, объявив его цель, указал на то, что в г. Гродно на сегодняшний день имеется: один чугунно-литейный завод и 12 слесарных мастерских, оборудование которых составляет: 30 токарных станков, 18 сверлильных станков, 3 металлообделочных станка, 1 фрезерный станок, 2 шлифовальных станка, 1 болторезочный станок, 2 долбежных станка, 1 сварочный аппарат, 19 кузнечных горнов, 1 паровой молот старого типа, 50 слесарных тисков и других приспособлений. Для руководства слесарными и кузнечными работами, а также для работы на станках имеется 18 мастеров, а также около 50-ти подручных рабочих и кузнецов. За распределением работ и контролем за их качеством могут быть привлечены все инженеры города, что позволит уже в течение первой недели обточить не менее 500 штук снарядов. При наличии одной только награнки можно будет исполнить около одной тысячи пудов чугнного литья, а после установления в течение одного месяца второй награнки количества литья будет увеличено вдвое, а это значит, что Гродна может поддержать почин г. Вильны».

Председателем собрания был избран Д.В. Ивашинцев, а секретарем – Г.К. Рейнгард. Собрание высказалось единогласно за то, чтобы созданный в г. Гродно комитет напрямую принимал заказы от военного ведомства, а не ограничивался лишь ролью посредника между армией и промышленными предприятиями. В состав исполнительного органа комитета вошли: Д.В. Ивашинцев (председатель), Э.Э. Листовский (товарищ председателя, Н.В. Виноградский, Г.К. Рейнгард, а также в качестве казначея – граф А.К. Миончицкий и секретарей – Зембжицкий и Ястржебский. Помещением для проведения заседаний Гродненского отдела Военно-промышленного комитета было избрано помещение Гродненской телефонно-телеграфной станции по улице Почтовой, 1. Очередное заседание назначено на 13 июля в 7 часов вечера».[210]

Состоялось ли это заседание или нет, документы умалчивают, равно как и то, что реально успел сделать Военно-промышленный комитет для нужд обороны города: ведь неприятель был уже у стен Гродненской крепости. Но

независимо от ответа патриотический порыв городских инженеров, мастеров и рабочих заслуживает уважения и благодарной памяти.

К упорядочению реквизиций продуктов сельского хозяйства стремилась как администрация губернии, так и землевладельцы. Об этом убедительно свидетельствует переписка между председателем совета Гродненского общества сельского хозяйства князей Е.И. Сапегой и губернатором В.Н. Шебеко. 23 января 1915 года князь Сапега в своем письме к губернатору высказал ряд предложений, направленных на улучшение взаимоотношений, участвующих в разрешении данного вопроса сторон: «В виду ожидаемой реквизиции рогатого скота в Гродненской губернии Совет Гродненского общества сельского хозяйства (для более равномерного и пропорционального распределения реквизируемого скота между населением) имеет честь просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение полиции и волостным правлениям в возможно скором времени составить по волостям в Гродненском, Сокольском, Белостокском уездах именные списки владельцев скота, подлежащего реквизиции, т.е. старше 3-х лет. Располагая этим материалом, Гродненское общество сельского хозяйтва сможет подготовить расчет того, сколько единиц скота будет подлежать реквизиции в каждом уезде Гродненской губернии и по волостям. Кроме того, Совет общества честь имеет просить Ваше Превосходительство назначать в волостные комиссии по реквизиции скота по одному из местных помещиков и крестьян, а в каждую уездную комиссию одного из членов общества сельского хозяйства, проживающего в данном уезде».

О положительном реагировании губернатора Шебеко на эти предложения свидетельствуют его письма, разосланные в начале февраля 1915 года в адрес всех уездных предводителей дворянства: «Для равномерного распределения количества реквизируемого скота, которое может потребоваться для нужд войск от крестьян и помещиков, крайне желательно теперь же произвести по селениям и имениям опись всего скота старше 3-летнего возраста с тем, чтобы при требованиях военного ведомства заранее иметь сведения, из каких селений и имений и в каком количестве может быть взят скот, потребный для реквизиции. Опись скота можно произвести через особо назначенные волостные комиссии, в состав которых желательно пригласить местных помещиков и крестьян».

Понимая, что означает потеря скота для беднейших слоев населения, губернатор снабдил упомянутые письма следующей припиской: «Так как мероприятие это имеет предупредительный характер и вызывается желанием не обездолить крестьянские хозяйства некоторых семей за счет других, то я просил бы Вас, милостивый государь, принять все меры к тому, чтобы крестьянскому населению господа земские начальники лично, а также через волостных и сельских должностных лиц, объяснили значение и цель предпринимаемых мер».

Судя по всему составление списков на местах затягивалось. По этой причине количество рогатого скота было определено на основании «Обзора Гродненской губернии за 1913 год». Согласно ему в губернии насчитывалось

252 646 голов рогатого скота (по уездам: Гродненский – 56997 шт., Бельский – 62159 шт., Волковыский – 42100 шт., Белостокский – 47800 шт., Сокольский – 43 590 шт.). С учетом этого было принято решение о реквизиции по губернии 10 000 голов рогатого скота (по уездам: Гродненский – 2000, Бельский – 3000, Волковыский – 2000, Белостокский – 2000, Сокольский – 1000). Так как в Сокольском и Белостокском уездах часть скота для нужд армии уже была выбрана, то количество реквизируемого здесь скота было значительно уменьшено. В связи с тем, что Гродненское губернское правление и другие госучреждения вместе с семьями в это время были эвакуированы в Слоним, реквизиция рогатого скота в этом уезде была временно приостановлена.

16 февраля 1915 года по приказанию командующего фронтом генерала Данилова в указанных уездах губернии реквизиция скота вновь возобновилась. В первую очередь забор скота производился в «пограничных районах к Неману». Сдача скота интендантским приемщикам на ближайших станциях железных дорог (под председательством волостных начальников) назначалась на период от 23-го до 28 февраля. Губернатор в тот же день по телеграфу требовал от уездных властей, чтобы о названиях станций, времени сдачи и числе голов они телеграфировали Двинскому окружному интенданту за три дня до начала сдачи скота. Требовалось также, чтобы «скот был здоров и не изнуренным (не старше двенадцати и не моложе трех лет, не ниже двенадцати пудов живым весом одной штуки скота, стельные коровы только первой половины беременности)». Скот предлагалось принимать выжиганием на рогах или копытах клеймами реквизиционных комиссий. Одновременно было необходимо реквизировать сено и корм скоту на шесть дней, считая по тридцать фунтов в сутки на каждую голову. Цена пуда живого веса скота и сена устанавливалась не выше обычных справочных цен: предельная цена пуда живого веса скоту – 4 руб., сена – 70 коп. Для расплаты за реквизированный скот окружным интендантством выдавался кредит по мере имеющегося наличия. В случае неприбытия нижних чинов для сопровождения скота, разрешалось нанимать вольных проводников (по одному на два вагона, платою полтора рубля в сутки).

К тексту данной телеграммы можно добавить, что справочные цены по уездам в реальной жизни на пуд мяса колебались от 4 руб. 55 коп. в Бельском уезде до 3 руб. 50 коп. в Волковыском, а сено: от 65 копеек по Гродненскому и Белостокскому уездах до 50 копеек в Бельском уезде.

Не успели на местах еще осмыслить текст губернаторской телеграммы, как уже 19 февраля в уезды пошла телеграмма обратного содержания: «Согласно телеграммы главного начальника округа и № 4391 реквизиция скота в Гродненской губернии не производится». Последнее означало лишь то, что она откладывалась на неопределенное время, но все ранее предложенные начальством мероприятия по созданию специальных комиссий и составлению списков скота по-прежнему оставались в силе, о чем в последующем неоднократно напоминал уездному начальству губернатор. Одновременно было признано возможным освобождение от реквизиции нижеследующих

категорий племенного скота: 1) всех племенных животных, занесенных в особые племенные книги; 2) скот, премированный на сельскохозяйственных выставках; 3) скот племенных рассадников (казенных, частных, земских и общественных); 4) племенных быков, находящихся на случных пунктах и т.д.

О реальных действиях на местах в этом потоке противоречащих друг другу телеграмм можно судить по ответу на одну из губернаторских депеш по этому вопросу Гродненского уездного предводителя дворянства А.И. Ушакова: «Распоряжение Вашего Превосходительства от 16 марта за 3160, относительно начатия реквизиции 2000 голов скота, получено мною 17 числа. По ее существу сообщаю следующее. При значительном количестве населенных мест, из которых должен быть взят скот и дальности расстояний, как между населенными пунктами, так и последних от железнодорожных станций, начать сдачу скота в назначенный срок с 21 сего марта представляется положительно невозможным, так как ни одна из реквизиционных комиссий в течение трех дней не в состоянии объехать все населенные места, осмотреть скот, зарегистрировать и заклеймить реквизированную часть его и затем доставить скот на станцию железной дороги. По местным условиям сдача скота может быть начата только с 25 числа сего марта.

Что же касается реквизиций сена в количестве 9000 пудов, необходимого на прокормление реквизированного скота по расчету на 6 дней (по 30 фунтов в день на штуку скота), то это требование вряд ли будет выполнено, так как в Гродненском уезде все запасы сена, как у помещиков, так и у крестьян, скуплены войсками и за отсутствием сена, скот кормится соломой и другими вспомогательными кормовыми средствами.

Назначенную реквизицию скота и сена планируется провести в следующем порядке: должно быть доставлено из 4-го земского участка, с волостей Индурской, Горницкой и Лашанской (всего 420 голов) и 1896 пудов сена, на ст. Гродна 25, 26 и 7 марта по 140 голов и 630 пудов сена ежедневно; из 6-го земского участка, с волостей Озерской и Берштовской – 140 голов и 630 пудов сена на ст. Друскеники 28 марта; из 5-го земского участка, с волостей Жидомлянской и Скидельской – всего 280 голов и 1260 пудов сена на ст. Скидель 29 и 30 марта; по 140 голов и 630 пудов сена ежедневно с волостей Вертелишкой и Гожской на ст. Гродно 31 марта; из 3-го земского участка, с волостей Мостовской, Дубновской и Каменской всего 280 голов и 1260 пудов сена на ст. Мосты 12 апреля; из 2-го земского участка, с волостей Гудевичской и Луненской всего 140 голов и 630 пудов сена, на ст. Подороск 3 апреля, а также с волостей Велико-Берестовицкой и Богородицкой по 140 пудов и 630 пудов сена ежедневно и из 1-го земского участка, с волостей Мало-Берестовицкой, Кринской и Голынской (всего 32 голов и 1440 пудов сена) на ст. Берестовица и 8 апреля, по 160 голов и 720 пудов сена ежедневно…

К изложенному считаю необходимым уведомить Ваше Превосходительство, что комендант Гродненской крепости, лично мне

данным словесным распоряжением воспретил производить реквизицию скота в пределах крепостного района Гродненского уезда….

В виду сего я покорнейше прошу поставить меня в известность, следует ли вообще начинать эту реквизицию….».[111]

К такой мысли прибегал неоднократно и губернатор, а потому приказ командующего фронтом от 27 марта об отмене реквизиции скота в Гродненской губернии по военным обстоятельствам был воспринят начальством и населением со вздохом облегчения. Последнее, разумеется, не означало, что реквизиции здесь отменялись вообще (по сути они не прекращались), но в массовом порядке военные и гражданские власти к ним более не обращались.

Предчувствие неизбежного оставления губернии беспокоило В.Н. Шебеко уже с середины июня 1915 года. А 26 июня он уже «открытым текстом» писал уездному предводителю дворянства А.И. Ушакову следующее: «Прошу Вас объявить всем помещикам, а за отсутствием их – управляющим, что если они, во избежание могущей возникнуть у них вскоре реквизиции скота, лошадей, повозок, запаса фуража, продовольствия, фабричных и заводских машин, технических приборов и меда, а также сукна, сахара и кож, пожелают теперь же вывезти их своими средствами и за свой риск, то к этому препятствий не встречается».

Уже на следующий день эта просьба была усилена конкретным распоряжением с указанием не только путей отхода выселяемого населения Гродненского уезда (в направлении Волковыск-Слоним) открытием всей системы питательно-ночлежных и санитарных пунктов, но и подробнейшей инструкцией для деятельности 6-ти реквизиционных уездных комиссий. В частности, в распоряжении губернатора разъяснялось, что «лошади и повозки реквизируются лишь тогда, когда их количество превышает потребности самих выселяющих для вывоза своего имущества». При обязательной реквизиции всей меди, исключение составляли колокола и церковная утварь. Последнее подлежало обязательному вывозу из оставленных районов, «причем каждый колокол должен быть снабжен особым ярлыком с указанием, какой церкви или какому костелу подлежит затем возвращению. Приходы сами должны озаботиться отправкой колоколов. Не подлежали реквизиции аптеки и необходимые остающиеся населению запасы лекарств. Строения и домашняя обстановка также не подлежали уничтожению, если это не вызывалось «требованиями боя». Высказывалось также пожелание «дать возможность населению убрать и быстро обмолотить посевы с последующей реквизицией урожая, при невозможности этого покосы и посевы подлежали уничтожению с уплатой за скошенный посев, как за зрелый, по оценке, произведенной реквизиционными комиссиями. Для оценки имущества, подлежащего реквизиции, было создано шесть комиссий, которые возглавили земские начальники – А.А. Ознобишин, М.П. Волкович, И.С. Корчевский, А.Е. Курлов, В.А. Войчинский, Е.Б. Эрбштейн. Общее руководство их работой было возложено на А.И. Ушакова.

Объем работы, выпавшей на долю комиссий, был поистине титанический, ибо необходимо было описать и оценить имущество более 50 предприятий, включая лесопильный завод С.Х. Ландау и Ф.Ш. Руссоты, пять винокуренных заводов (графини М.В. Красинской, графини М.З. Друцкой-Лебецкой, князя К.С. Святополк-Четвертинского, графини М.В. Вяземской), крахмальный завод Р.М. Долинской, предприятия акционерного общества Друскеникских минеральных вод, завод по производству газированных вод в м.Скидель, а также находившихся там же шести кожевенных предприятий И.И. Шапиро, М.Г. Ванштейна, И.К. Дайхеса, Х.Г. Габовича, Я.Г. Розенталя и Э.Х. Котка. Остальные предприятия уезда были представлены кирпичными заводами, паровыми и водяными мельницами и многочисленными молотилками. Попасть в оценочный список старались все их владельцы, ибо в этом была хоть какая-то надежда на спасение своих предприятий от уничтожения и получения при этом определенных выплат. Подтверждением этого могут служить слезные просьбы об этом крестьян – владельцев водяной мельницы в д. Чеховщизне, владелицы такой же мельницы в дер. Коробчицы М.А. Масловской, в д. Жукевичи – А. Курау, в д. Котра-Кошубинцы М.А. Блавдзевича.

Начавшееся наступление германских войск не позволяло проводить запланированную работу: реквизиционные комиссии только-только разворачивали свою оценочную деятельность, как 16 июля 1915 года поступила команда губернатора «об вывозе всего фабрично-заводского и другого оборудования из уезда к станциям железных дорог Гродно, Кузница и Друскеники с обязательным составлением описей такового». В ответ на это уездный исправник вынужден был признать, что «в Гродненском уезде еще не везде комиссии приступили к оценке машин и станков на фабриках и заводах, а потому не может быть приступлено к вывозке этого имущества». В ответ ему 22 июля поступило резкое распоряжение губернатора: «Если того требуют обстоятельства, то реквизируемое имущество должно вывозиться с приложением его описи. Удостоверение об уничтожении строений по требованиям выдаются военными властями». Сказанное свидетельствовало об известной нервозности в проводимой работе. Неподготовленность населения и властей к неожиданному вторжению неприятеля в пределы губернии вынуждали их при отходе вглубь страны оставлять неприятелю имущество, скот, запасы продовольствия и фуража. За невозможностью реквизиции многое из имущества просто-напросто уничтожалось. Зная об этом, В.Н. Шебеко писал 11 августа 1915 года А.И. Ушакову: «Прошу Вас через земских начальников вменить в обязанность местным волостным комитетам, чтобы после окончания боевых действий на их территории была немедленно произведена оценка убытков от военных действий (движимого и недвижимого имущества) по возможности от своих и неприятельских войск». Осуществить предложенное из-за последовавшей вскоре эвакуации всех учреждений губернии, разумеется, не удалось. Однако, уже находясь в Калуге, предводителю уездного дворянства А.И.Ушакову пришлось немало пережить и исписать бумаг, отвечая на вопросы ликвидационной комиссии

Западного фронта: «Куда сдавались на отчетность скот и прочее имущество, реквизированные у населения в Гродненском уезде реквизиционными комиссиями». В целом же, оправдывая свои действия, он ссылался лишь на то, что в его канцелярии «никаких документов, относящихся к деятельности этих комиссий, из-за спешной эвакации не осталось». Далее же следовали общие пояснения: «К сему присовокупляю, что реквизиция проводилась по распоряжению и под руководством штаба 1-ой армии, когда уже началось и продолжалось отступление наших войск из пределов Гродненского уезда, и когда происходило бегство населения вовнутрь Империи, то главной целью реквизиции было угнать лошадей, скот и уничтожить продовольственные запасы и фураж, чтобы ими не мог воспользоваться наступавший неприятель. Лошади и скот, а также перевязочные средства, подлежали отправлению на ближайшие этапные пункты, а продовольственные запасы и фураж, как снятые, так и оставшиеся на корню, подлежали уничтожению на месте. Все это делалось при общем смятении, когда большинство населения снималось с мест и было озабочено только личным своим спасением от угрожавшей опасности. При таких условиях исполнения в точности при реквизиции всех формальностей было положительно невозможно. По этой причине, вероятно, в некоторых комиссиях не могли быть состлены в полной мере все нужные документы, но выданные комиссиями реквизиционные квитанции, несомненно, устанавливают факт совершения реквизиций в тех размерах, в каких и указано в каждой из квитанций».

Из донесений Гродненского уездного предводителя дворянства в Гродненскую губернию землеутроительную комиссию от 7 ноября 1916 года – «при отходе наших войск в августе месяце 1915 года в Гродненском уезде было образовано 8 гражданских оеквизиционных комиссий – две для города Гродно и шесть – для уезда. Состав этих комиссий был следующий: а) городских – 1) председатель А.М. Лилеев, члены – подполковник В.М. Сварин, помощник ревизора контрольной палаты Полев, помощник пристава Юсман; 2) председатель - Ф.И. Маркевич, прапорщик П.В. Сафронов; б) уездных: 1) председатель А.А. Ознобишин, прапорщик С.А. Григорьев; 20 председатель – С.М. Гмырь, прапорщик М.В. Осинин; 3) председатель – И.С. Карчевский, прапорщик М.Я. Квитко; 4) председатель А.Е. Курлов и прапорщик Соколов; 5) председатель – В.А. Войчинский и прапорщик В.И. Яншевский; 6) Е.Б. Эрбштейн и прапорщик Александров.

Первая из указанных двух городских комиссий, образованная для реквизиции меди, олова и цинка открыла свои действия раньше всех, т.е. 9 августа, по истечении трех дней со времени распоряжения об эвакуации учреждений (на основании обязательного постановления Главного начальника Двинского военного округа от 23 июля 1915 года) и прекратила свою деятельность 14 августа. Вторая городская комиссия и все остальные шесть комиссий начали свою деятельность лишь 13 августа, т.е. по прибытии в Гродно штаба 1-й армии и последовавшего тогда же совещания членов комиссии у генерала-майора Шуцкого. Тогда же все председатели комиссий получили бланки реквизиционных квитанций, а также расценки на убытки,

установленные командованием 1-ой армией. Фактически производство реквизиций было прекращено по Гродненскому уезду: 1-ой – 19 августа, 2-ой – 22 августа; 3-ей - 17 августа, 4-ой – 22 августа; 5-ой – 19 августа и 6-ой – 19 августа. Приблизительно с разбежкой в те же сроки все делопроизводство по реквизиции и корешки реквизиционных квитанций были представлены уездному предводителю дворянства А.И. Ушакову.[212] Разумеется, что времени, необходимого на реализацию поставленных задач, этим комиссиям катастрофически не хватало. Ими было сделано лишь то, что можно было в тех условиях сделать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Компенсационные выплаты населению за ущерб, принесенный войной. – Жертвы военных постоев и авианалетов. – Разрушения в окрест ностях Гродно. – Деятельность ссудного и особого комитетов

В связи с приближением фронта к городу-крепости Гродно перед местными гражданскими и военными властями остро встала проблема повышения обороноспособности его. Для разрешения ее, кроме всего прочего, необходимо было не только произвести выселение из района крепости жителей близлежащих деревень, но и частично уничтожить некоторые их строения, чаще всего со следующей мотивировкой – «ввиду плохой видимости наступающего неприятеля и крайне ограниченного сектора для его обстрела». С этой целью по распоряжению губернатора В.Н. Шебеко во второй половине сентября 1914 года была образована специальная комиссия из военных и гражданских лиц «для осмотра и оценки строений, деревьев и полей, предназначенных к уничтожению в связи с обстоятельствами военного времени, равно и для определения расходов на выселение населения из таких местностей».

27 сентября 1914 года спецкомиссия посетила пригородные деревни Немейши и Каменку. Здесь комиссия произвела осмотр всех запланированных ранее к сносу строений, руководствуясь при оценке стоимости объектов размерами строений, временем их постройки и качеством строительных материалов. Кроме самих строений, комиссия включала при компенсации ущерба, наносимого местным крестьянам, стоимость садов, подлежащих вырубке, принимая в расчет лишь фруктовые деревья, «дающие доход от плодов». В ходе общей оценки затрат, комиссия определила и сумму, потребную семьям на предмет переселения – 20 руб. на каждого ее члена. В ходе дальнейшего обсуждения данного вопроса с учетом того, что «собранный крестьянами урожай еще не продан, время для переселения их крайне ограничено, вывоз продовольственных и других запасов практически невозможен из-за отсутствия взятых по мобилизации или находящихся на крепостных работах лошадей; сельскохозяйственные орудия также придется оставить», комиссия отказалась от прежней подушной для переселения

крестьян суммы, что и зафиксировала в соответствующем акте. В нем, в частности, было сказано: «Принимая во внимание ситуацию: затруднительность переселения людей в осеннее время, оставление старых мест родной земли и собранных запасов, комиссия сочла возможным некоторым повышением цен вознаградить жителей вышеназванных деревень за причиненные убытки и принудительность выселения».

После всех перерасчетов жителям деревни Каменка (в расчетной ведомости указано 116 фамилий; наиболее распространенные среди них – Бакун, Витуль, Чурак, Шуплюк, Кривеня, Коровчик, Пашенко, Дзедуля, Кондрат, Овечко, Каминский, Мацкевич, Климович, Тумель, Сенкевич, Зезюля, Буйко, Щербович, Шут, Гайдукевич, Головня, Бугель, Берило, Кирьяк, Шумило, Заневский, Пуда, Шок и др.) было выплачено за нанесенный им ущерб 234 584 рубля, а жителям деревни Немейши (всего 58 фамилий; наиболее распространенное из них - Карпей, Лаврушко,Павловский, Ломашевский, Саващик, Белявский, Кузюта, Лобковский, Замана, Сурмач, Барташевич, Воронович, Гасюкевич, Миклаш, Ковш, Шулейко, Чамайло, Казюта – 122 464 рубля. После получения акта спецкомиссии и ведомостей на оплату жителям Каменки и Немейши за нанесенный ущерб гродненский губернатор Шебеко приказал выплатить причитающиеся крестьянам названных деревень денежные суммы немедленно».[213] Последнее слово он для большей убедительности жирно подчеркнул красным карандашом.

В октябре 1914 года жителю г.Гродно Петру Яцунскому было назначено выдать с разрешения властей аванс в сумме 4000 рублей в счет вознаграждения, причитающегося ему за отчужденную недвижимость, расположенную на Занеманском фортштадте, при хлебной пристани, и отчжденную тогда же для нужд Гродненской крепости. Как следует из материалов архивного дела, причитающийся аванс Петр Яцунский так и не получил в силу запутанности его взаимоотношений с О.О. Жулковским, от которого он в 1912 году получил этот участок земли под сад в аренду на десять лет.

17 октября 1914 года Гродненская уездная оценочная комиссия произвела подробный осмотр и оценку подлежащих уничтожению по обстоятельствам военного времени и для нужд Гродненской крепости строений и прочего имущества, принадлежащих жителям деревни Яловщины Гожской волости Гродненского уезда, а также оценку убытков, связанных с выселением домовладельцев (Люблинского, Ясенчука, Насутовича, Карповича, Шешко, Лапуцкого, Матусевича, Буйницкого, Милосты, Янчуревича, Юревича, Поплавского). При этом комиссия единогласно постановила: «имущество и убытки жителей дер.Яловщина оценить в сумме 51815 руб.». При оценке каждого из предполагаемых к сносу строений, члены комиссии имели ввиду размеры их, качество строительного материала, время постройки зданий и их прочность. При оценке садов принимались в расчет лишь приносящие доходы фруктовые деревья и кустарники. В оценку ущерба были включены и собранные крестьянами урожаи и невозможность из вывезти за неимением лошадей, взятых или по мобилизации, или на работы в крепости. Расход на

внесение исчислялся из расчета по 20 руб. на человека. Все причитающиеся крестьянам деньги были выплачены, за исключением отдельных случаев, связанных с внутрисемейными тяжбами.[214]

18 октября было принято постановление об оценке имущества и убытков, понесенных в связи со сносом строений, садов и прочего, жителей деревни Чещевляны Гожской волости (всего в ведомости на получение вознаграждения указано 78 человек. Речь идет о семьях Войтиков, Лупачиков, Бричковских, Пучковских, Матусевич, Куцевич, Аполайко, Будович, Максель, Мороз, Сацевич, Лойко и др.) на сумму 142117 рублей. Вся оценка была произведена так, как и в предыдущих случаях.[215]

5 февраля 1915 года, вечером, по распоряжению военных властей была сожжена находившаяся в районе боевых действий деревня Ратичи (53 дома с другими постройками) и Ягинты (56 домов). Причем, на выселение жителям означенных деревень был дано всего лишь полчаса времени, так что все их движимое и недвижимое имущество сгорело дотла, и все крестьяне остались без средств к существованию. При получении этих сведений губернатор приказал немедленно разместить погорельцев в соседних селениях, а также послать комиссию для составления списка пострадавших и оценке ущерба, которую рекомендовалось произвести путем самих пострадавших, понятых и сельских старост. Сам губернатор в это время находился в эвакуации в Слониме, где его буквально «рвали» на части просители из разных госучреждений, чиновники которых в крайне затруднительном положении из-за того, что неоднократные эвакуации их в Слоним, принуждают их нести расходы на содержание трех квартир (в Гродно, Слониме и по месту жительства семьи), а квартирные деньги, вместе с эвакуационным пособием, выплачиваются нерегулярно.[216]

В феврале-марте 1915 года была снесена часть строений в усадьбе имения Русота-Каменная Гожской волости Гродненского уезда с целью улучшения обзора и обстрела местности с крепостных позиций». Понесшие при этом ущерб крестьяне А.И. Дударевич, А.А. Дударевич, И.М. Дударевич, Б.И. Дударевич, П.М. Макаревич, С.А. Макаревич, П.Ф. Лозовский, В.П. Лозовский обратились в уездную оценочную комиссию с заявлением, в котором выразили свое несогласие с оценкой понесенного ими ущерба. В апреле 1915 года прежнее решение было пересмотрено в пользу просителей, т.к. «определенная по протоколу от 12 февраля 1915 года оценка строений в имении Русота-Каменная является действительно очень низкой и для владельцев обидной, тем более, что в настоящее время при значительном повышении цены на строительные материалы и рабочие руки в крепостном районе значительно повысились». Комиссия признала возможным и справедливым увеличить размер вознаграждения за подлежащие сносу строения данного имения, включая и убытки, связанные с выселением крестьян и вывозки их движимого имущества на новое место жительства.

28 апреля 1915 года Гродненская уездная оценочная комиссия под председательством А.И. Ушакова оценивала стоимость «вырубленного для надобностей Гродненской крепости и для улучшения обзора и обстрела

местности с крепостных позиций леса при деревне Чищейки Горницкой волости, принадлежащего крестьянам названной деревни Фоме Сколышу, Осипу Герасимчуку, Николаю Якубецкому, Илье Кулипе, Юрию Чекелю и Михаилу Михайловскому. Осмотр леса на месте производили члены оценочной комиссии (М.Ф. Балдин, М.И. Курочкин, А.Е. Курлов, В.В. Бычек). Комиссия признала, что «вырубленный у крестьян д.Чищейки лес на площади 3 дес. 269 кв.сажень является достаточно редким. Лес этот смешанный (сосна, береза), средневозрастной, толщиной от 3-х до 5-ти вершков, заполнен молодняком. Такой лес годен на дрова и столярные поделки». На основании этого осмотра и принимая во внимание высокие цены в ту пору на дрова и лесной материал, комиссия единогласно постановила выплатить всем крестьянам соответствующее вознаграждение из расчета 480 руб. за десятину, а всего 1493 руб. 80 коп.[217]

23 июля 1915 года состоялась оценка подлежащих уничтожению и сносу строений, а также вырубке сада и парка в усадьбе заповедного имения И.О. Биспинга Вертелишки «для улучшения обзора и обстрела местности с крепостных позиций». В ходе работы оценочной комиссии владелец имения И.О. Биспинг, разумеется, хотел получить сумму как можно побольше, а представитель комиссии от управления строительства Гродненской крепости военный инженер, полковник М.Ф. Балдин – заплатить поменьше. Однако компромисс был найден, прежде всего, в том, что имения оценивались без измерения их кубических объемов (за исключением здания бывшего винокуренного завода у глинобитного сарая), а при оценке деревьев и кустарников решено было не учитывать их возраста. В число строений, подлежащих сносу, входили: каменные здания бывшего винокуренного завода, каменный ледник, кладовка, летняя купальня, господский дом, деревянный хлев, ретирад, дом деревянный, крытый гонтом для лесного объездчика с кладовой, двумя хлевами, сараем для дров, конюшней и ретирадой, старая деревянная конюшня, крытая соломой, кирпичный дом для служащих, крытый гонтом, с погребом под ним, деревянная конюшня в каменных столбах, деревянный хлев для свиней, глинобитный скотный сарай; деревянный сарай под гонтом в каменных столбах с пристройкой, новый деревянный дом для служащих, крытый гонтом, новый деревянный хлев для свиней, крытый гонтом, деревянный дом для батраков, крытый гонтом, каменный дом для батраков (бывший пивоваренный завод), крытый гонтом, ветхий деревянный нежилой дом, деревянный дом садовника, крытый соломой, и каменный забор. Все это было оценено в 7565 руб. 20 коп. К парковым и садовым насаждениям были отнесены: 1491 штук лип, каштанов, тополей, ясеня, рябин, верб и прочее, а также 434 груши и яблони, 317 деревьев слив и вишен и 1156 ягодных и декоративных кустов. За них было предложено 84845 руб.20 коп. В своей совокупности назначенное вознаграждение за ущерб было переведено на депозит Гродненского губернского правления в Калуге для уплаты его владельцу.

Тогда же было назначено вознаграждение крестьянам д.Бояры Вертелишкой волости (семейства – Гринь, Климец, Дорошевич, Драка,

Куделя, Киприак, Павловский, Баран. Федорович) за снесенные постройки, вырубленные насаждения, несобранный урожай, земледельческие орудия, а также за их выселение в сумме 48.588 руб. Расход на выселение исчислялся из расчета 20 руб. на каждого человека.[218]

Имели место случаи, когда крестьяне не соглашались покидать места своего жительства после их сноса крепостным начальством. Так, в марте 1915 года крестьяне дер.Погораны Горницкой волости (Осип Гаврилик, Иван Дубровщик, Григорий Дубровщик, Константин Гаврилик, Осип Артем, Антон Жегало и Михаил Бубнович) обратились с прошением к губернатору, ходатайствуя об разрешении им возводения на их участках земли в деревне Погораны временных землянок для приюта семейств, ввиду сноса их строений по обстоятельствам военного времени. Губернатор не отказал крестьянам в их желании и дал указание земскому начальнику и руководству строительства Гродненской крепости по определению мест, где бы такие строения могли быть устроены. К лету комендант Гродненской крепости разрешил крестьянам дер. Погораны возводить землянки временного типа, при условии расположения этих землянок не ближе одной версты от верков крепости и отобрания от крестьян подписок о неимении претензий к казне в случае предъявления к ним со стороны властей возникших по военным обстоятельствам требования о немедленном сносе землянок». Места предполагаемого расположения землянок были указаны крестьянам производителем работ 9-го участка.

13 июля 1915 года губернатор еще раз напомнил А.И. Ушакову: «Главнокомандующий приказал еще раз подтвердить, что он категорически запрещает удалять население из оставляемых армией районов, уничтожать строения и имущество жителей. Уничтожение строений допускается исключительно в целях боевых распоряжений военных властей. Командир 10-ой армии распорядился выселение из района армии прекратить».[219]

В последующем, в связи с изменением линии фронта, приближающейся к Гродно, комиссия по оценке ущерба работала и в других местностях укрепрайона. О чем можно судить по ее акту от 28 февраля 1915 года, в котором дается детальная информация об оценке комиссией, подлежащих уничтожению («для улучшения обзора, а также обстрела неприятеля с крепостных позиций») строений и сада в усадьбе имения Бояры (оно же – Готкенщизна) владельца Бронислава Казимировича Эйсмонта. В данном случае все постройки усадьбы были признаны ветхими; крыша соломенная, прохудившаяся. Погреб кирпичный, а надстройка над ним сделана из булыжного камня. Сад на площади около 4-х десятин был признан находящимся в запущенном состоянии. В нем было насчитано 1007 штук разновозрастных деревьев яблонь, груш и слив, сверх того – около 350 декоративных деревьев (преимущественно тополя, вербы, акации), а также около сотни декоративных, ягодных и цветочных кустарников. Усадьба с садом были огорожены забором из досок (329 погонных сажень) и жердей (497 погонных сажень); весь забор признан ветхим. Комиссия, войдя в положение Эйсмонта, сочла возможным назначить ему за выселение и вывоз

движимого имущества в размере 14 568 руб. 50 коп. Правда, в связи с тем, что за хозяином усадьбы значился долг в земельном банке, то предназначенную ему сумму он получил за вычетом долга.[220]

В январе-феврале 1915 года из-за чрезмерного скопления на постое у местных жителей большого количества военнослужащих разных частей, жалобы в спецкомиссию за нанесенный гражданскому населению. Этими постоями ущерб значительно увеличился. В жалобах горожан за этот период упоминались нижние чины 174-го пехотного запасного батальона, 15-го саперного батальона, 404-ой Могилевской пешей дружины, 8-го санитарного транспорта, 89-го запасного пехотного батальона, лазаретная команда 107-го Троицкого пехотного полка, 210-го Броницкого пехотного полка, 1-ой роты 364-ой Виленской пешей дружины, 80-ой Московской пешей дружины и др. Среди жалобщиков были следующие домовладельцы г. Гродно: М.И. Арентович, Л.Б. Гершуни, С.И. Кулец, Б.Ф. Пилюткевич, О.М. Завадский, А.М. Покош, С.А. Сассулич, А.И. Грундовский, Г.Г. Босин, А.О. Лившиц, А.И. Броницкая, И.М. Сайко, А.В.Тулуб, Д.И. Тарасевич, Е.Д. Салатынская, Ю.М. Жуковская. Все их требования по компенсациям за причиненные войсками убытки (поломка заборов, порча огородов и садов, отхожих мест) спецкомиссией были в полной мере удовлетворены. Особенно внимательно рассматривались прошения домохозяев, члены семейств которых находились на фронте, а также вдов фронтовиков. Примером такого именно подхода может служить рассмотрение дела об убытках, причиненных домовладельцам г.Гродно (урочище Погулянка), вдовы подпрапорщика А.И. Жуковского, убитого осенью 1914 года под Варшавой, Юзефы Жуковской.[221]

В первой половине февраля 1915 года в спецкомиссии рассматривалось прошение крестьянина пригородной деревни Колбасино И.П. Павловского с просьбой о компенсации в размере 30 руб. за убытки, причиненные ему нижними чинами 24-го Сибирского пехотного полка (за разбор для костра дощатых забора, надстройки над погребом и поломку трех фруктовых деревьев). Прошение крестьянина было удовлетворено. 17 февраля 1915 года крестьянин деревни Лесница Гожской волости В.О. Завиновский подал жалобу на имя коменданта крепости за то, что нижними чинами 3-го гусарского полка, кавалерийского и артиллерийского полков у него без оплаты было забрано 500 пудов сена, забит кабан. Кроме того, была сломана соломорезка. К своей жалобе Завиновский присовокупил: «хотя мне и предлагали за кабана 10 рублей, но я на это не согласился, так как мой кабан стоил не менее 25 рублей».[222] Просьба крестьянина комендантом крепости была тотчас же удовлетворена, а виновные были наказаны.

В это же время властями города возмещались убытки, принесенные жителям налетами вражеской авиации. В делах оценочной комиссии сохранилось несколько прошений по этому поводу. Вот что писал в своем прошении пострадавший от неприятеля домовладелец Л.Б. Гершуни: «Около 1-го часа дня 15 сего февраля (1915 года – В.Ч.) пролетевший над гор.Гродно прусский авиатор сбросил с аэроплана бомбу, которая попала в наш каменный сарай, находящийся на Полицейской улице под № 43 и разрушила таковой до

основания, а равно и прилагавшее к оному каменное отхожее место и каменный жилой одноэтажный флигель; бомба разбила черепичную крышу на флигеле и на жилом двухэтажном доме, повредила штукатурку, дымовые и водосточные трубы, выбила все двойные оконные стекла и стекла в дверях, в одном месте стена дома дала трещину. В содержимой в нашем доме мелочной лавке взрывом поразбрасывало товары и побило много разной посуды, что причинило нам убытков на 3400 рублей».

Домовладелица Е.М. Горбацевич проживавшая по соседству с Гершуни, также просила об возмещении ей убытков за повреждения, нанесенные тем же авианалетом принадлежавшим ей строением на улицах Полицейской и Александровской. В июле 1915 года серьезные убытки, причиненные бомбами, сброшенными с неприятельских аэропланов, понесли домовладельцы Гродно Л.Х. Капульский, О.М. Завадский, А.Х. Сосон и др.[223]

Вопрос о возмещении убытков населению, вызванных войной, занимал значительное место в переписке министра внутренних дел Н.А. Маклакова и его товарища (заместителя) И.М. Золотарева, Так, 25 октября 1914 года Н.А. Маклаков писал В.Н. Шебеко: «Милостивый Государь Вадим Николаевич. В Штаб Верховного Главнокомандующего за последнее время начали поступать прошения отдельных лиц, преимущественно землевладельцев, имущество которых пострадало вследствие военных действий. Прошения эти, сопровождаясь перечнем потерь, обычно засвидетельствованными низшим общественным управлением, содержат ходатайства о возмещении понесенных убытков, или, по крайней мере, до завершения военных действий, – об установлении их размера. По поводу сего представляется необходимым объяснить следующее.

Возмещение убытков, причиненных уничтожением или истреблением в военных целях имущества, принадлежащего частным лицам и учреждениям, допускается по действующему закону (Свод Зак., т.П, Общ.Учр.Губ., ст.23, прим., Прав., ст.П и прим., по Гродн.1912 и 1913 гг.) лишь в том случае, если указанная мера в отношении имущества была предпринята распоряжением русской военной власти. Таким образом, вознаграждение за убытки, которые нанесены населению действиями неприятельских армий и самим вторжением их, вовсе не представляется законом. Равным образом, надлежит признать лишенными право на оплату потерь и тех потерпевших, имущество которых находилось в пределах боевых действий, так как представляется совершенно невозможным определить, какие опустошения на полях сражений произведены каждой из воюющих сторон. Между тем, именно эти два последние разряда пострадавшего населения, очевидно, будут наиболее многочисленными.

Не может, однако, подлежать сомнению, что по завершении военных действий, интересы указанных лиц также должны будут получить справедливое удовлетворение в порядке издания особого закона. В предвидении сего представлялось бы соответственными ныне же предпринять меры по установлению понесенных ими убытков, так как обследование последних по прошествию некоторого промежутка времени представит

большие трудности и поставит в необходимость руководиться в определении размера пособий свидетельскими показаниями, вообще трудно поддающимися проверке. Устраняя в будущем возможность предъявления к казне не отвечающих действительным убыткам претензий, такое незамедлительное по ходатайствам отдельных лиц обследование их имуществ в то же время внесло бы необходимое успокоение в среду той части пострадавшего от бедствий войны населения, которая по закону не может рассчитывать на помощь.

Осуществление этой меры не может встретить особых затруднений, так как требует лишь распространения деятельности образуемых в порядке ст.П Прав.мест, состоящих на военном положении комиссий для определения размеров вознаграждения за причиненные действиями отечественных войск убытки на все случаи истребления и уничтожения по военным обстоятельствам имуществ частных лиц и учреждений в пределах русского государства. При этом представлялось бы весьма важным в целях объединения деятельности этих комиссий сосредоточить в одном центральном учреждении обязанности по надзору за комиссиями, а также хранение заключений комиссий по возбужденным потерпевшими ходатайствам, постановление окончательных по ним решений и дальнейшую разработку вопроса о вознаграждении за убытки.

Изложенные соображения были доложены генералом Янушкевичем Верховному Главнокомандующему, повелевшему представить их Председателю Совета Министров и просить Статс-Секретаря Горемыкина сообщить заключение по вопросу о порядке направления и разрешения прошений о возмещении причиненных военными действиями убытков.

Сообщая об этом Вашему Превосходительству для сведения, прошу Вас, не выжидая имеющих последовать особых по делу распоряжений, ныне же озаботиться образованием во вверенной Вам губернии специальной по данному вопросу комиссии. Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности».

Спустя два месяца, о данном письме своего министра напомнил В.Н. Шебеко товарищ (заместитель) министра И.М. Золотарев, затронувший при этом в своем послании губернатору от 29 января 1915 года вопросы практической работы созданных комиссий. Он, в частности, писал: «Опыт деятельности означенных комиссий в некоторых затронутых войной губерниях показал, что при значительном количестве и разнообразии пострадавших имуществ, эти комиссии не в силах выполнить свои задачи, тем более, что предусмотренный законом состав комиссий не является достаточным ручательством их осведомленности в оценочном деле.

Ввиду сего рассмотрения ходатайствовать о возмещении убытков в случае необходимости могут поручаться этими комиссиями особым их отделом или подкомиссиями при обязательном участии в последних земского начальника, податного инспектора, волостного старшины и эксперта-специалиста в данной области повреждения (не исключалось участие в трудах этих образований и других лиц, включая и уездных воинских начальников – В.Ч.).

Указывая на предоставление этим образованием лишь подготовку оценочных действий («окончательное же установление размеров понесенных убытков принадлежит исключительно комиссиям»), И.М. Золотарев особенно поддерживал тот фрагмент своего письма, в котором определенно указывалось на то, «что ни о каких обязательствах Правительства по возмещению населению причиненных войною потерь не может быть и речи», ибо «русское законодательство не знает подобного огульного вознаграждения потерпевших, а единственным историческим примером в этом отношении может служить распоряжение французского правительства 1871 года, не основанное на соображениях формального права, а вызванное побуждением чувства национальности. По точному же смыслу нашего закона, потерявшие лица имеют право на вознаграждение от казны лишь в том случае, когда потеря для их имущества последовала по военным надобностям по распоряжению русских военных властей. Поэтому расширение рамок деятельности оценочных комиссий возложением на них обязанности определять, помимо размера убытков, и размера вознаграждения, полностью или частично, за всякие убытки от военных действий – представляется крайне нежелательным, как способствующее укреплению в населении уверенности в том, что Правительство уже предрешило подобное вознаграждение и, следовательно, как вселяющее быть может совершенно ложные надежды».

Автор письма указывал на то, что «сущность задач комиссии сводится главнейшим образом к установлению по горячим следам имущественных потерь населения от военных действий, т.е. к собиранию материала, который должен быть под рукой у Правительства на случай принятия им мер какой-либо помощи потерпевшим частным лицам и учреждениям. Объем возлагаемого на них сводится к следующему: а) определение размеров вознаграждения за имущество, уничтоженное и поврежденное по распоряжениям русских военных властей, для надобности наших войск; б) оценка убытков, причиненных действиями неприятельской армии и самим их вторжением; в) установление размера убытков, вызванных вообще нахождением имущества в месте боевых действий, и что самое производство оценок не должно служить поводом к надеждам населения на возмещение казною всех его имущественных ущербов». Завершал свое письмо И.М. Золотарев следующим напоминанием: «население должно быть предупреждаемо, что образование комиссий и производимое им обследование причиненных войной имущественных потерь отнюдь не означают предрешения непременно в положительном смысле вопроса о возмещении потерпевшим всех убытков, понесенных ими от военных действий».[224]

Полученные «установки» губернатор добросовестно исполнял, передавая их председателям оценочных комиссий, возглавляемых уездными предводителями дворянства. Наиболее ярким подтверждением этому может служить работа оценочной комиссии Гродненского уезда по определению «убытков, понесенных жителями города Друскеник по обстоятельствам военного времени с 12 по 16 сентября 1914 года». Здесь, помимо главных установок, учитывались и другие соображения технического порядка: а)

стоимость сгоревших построек определялась по числу заключавшихся в них кубических сажень и состоянии строений; постройки спецназначения (колодцы, ретирады и прочее) по местным ценам; б) стоимость сгоревшей движимости (квартирной обстановки и т.д.) исчислялась по количеству комнат, общественному и имущественному положению пострадавших лиц и в) потери торгово-промышленных предприятий определялись по приблизительным размерам торговых помещений и сведениями об оборотах торговли.

К рассмотрению данного вопроса комиссией привлекались присяжные понятые Мельниченко, Гуларь и Колос. Все они подписывали «Клятвенные обещания» такого текста: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я, по совести, покажу в сем деле сущую правду и не утаю ничего мне известного, помятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его. В удостоверении же сей моей клятвы, целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь». Ниже данного текста делалась подпись понятых. Данных лиц приводили к присяге 7 января 1915 года священник Друскеницкой церкви Н. Мельниченко, а настоятель местного костела Болеслав Волейко – Казимира Гуларя и Франца Колоса. В приведении к присяге участвовал председатель комиссии А.А. Ознобишин, также оставивший под текстом «Клятвенного обещания» свою подпись.

Несмотря на соблюдение всех формальностей рассмотрение в Друскениках всех дел по возмещению его жителям убытков наталкивалось на то, что их имущество подверглось уничтожению как в результате вражеской бомбардировки, так и постоем в их домах русских войск. Зная, что за «результаты» бомбардировки никто ничего не заплатит, домовладельцы весь ущерб списывали на своих же солдат и офицера. Разобраться где правда, а где вымысел, комиссии было крайне сложно. А потому разрешение этого дела по срокам невероятно растянулось. В феврале 1915 года к нему дополнительно добавились и убытки очередной бомбардировки уже в феврале 1915 года, затронувшей не только Друскеники, но и ряд принеманских деревень, включая Гожу. О характере этих бомбардировок писал земский начальник 5-го участка Гродненского уезда М. Волкович от 25 февраля 1915 года гродненскому губернатору В.Н. Шебеко: «Доношу Вашему Превосходительству, что 5-го сего февраля неподалеку от территории Гожской волости вверенного мне участка, а именно за Неманом, в пределах Августовского уезда показались неприятельские кавалерийские разъезды. 7 февраля в 10 часов утра немцы начали из-за Немана довольно частый артиллерийский обстрел села Гожи, что принудило к отступлению из района села двух эскадронов наших улан и запасного батальона. Этот обстрел продолжался до полудня. 8 февраля с прибытием в район Гожи нашего полевого пехотного полка и артиллерийских частей обстрел села немцами опять возобновился. В тот же день нашими войсками с целью затруднения переправы немцев в направлении к Гоже был взорван свайный деревянный

мост на Немане. Обстрел этот с перерывами продолжался до 13 февраля. По ночам район села Гожи обстреливался немцами лишь отдельными снарядами. Наши пехотные окопы в это время были расположены в ста саженях от волостного правления, на правом берегу Немана, вблизи самой реки, а неприятельские окопы были на противоположном берегу. Вечером 10 февраля я посетил здание волостного правления, которое оказалось сплошь занятым нижними чинами Муромского пехотного полка. Оставшееся волостное имущество и документы оказались в самом скверном виде: книги и дела были изорваны на мелкие части и разбросаны по улице. Мебель поломана, замки испорчены. Впрочем, главная часть дел и книг была зарыта в землю поздней осенью, а финансовые документы и деньги, как выяснилось впоследствии, были взяты волостным старшиной, бежавшим из села с началом немецкого артобстрела 7 февраля. Несгораемая касса была найдена сдвинутой со своего привычного места. После осмотра здания правления я отправился в штаб Муромского полка, помещавшихся в здании Гожского народного училища и попросил приставить к волостной касса ответственное лицо. Полковой командир приказал ротным поставить у кассы дневального. Принятию мною дальнейших мер по охране казенного имущества помещал совершенно неожиданно начавшийся обстрел села Гожи немецкими шпранельными снарядами. Просидев у полкового командира до затишья стрельбы, я уехал в г. Гродну. За это время в Гоже сгорели две постройки. Во вверенном мне участке пострадали от немецкого обстрела: село Гожа и деревня Перелом (Гожской волости), расположенные на берегу Немана. В Гоже сгорели два жилых дома и девять холодных построек. Кроме того, один дом оказался совершенно разрушенным снарядами. Здание Гожского костела повреждено несколькими снарядами. В деревне Перелом сгорел жилой дом и два хлева. Вблизи деревни Зарица упало 18 немецких снарядов, но сама деревня не пострадала. Все жители Гожи и Перелома с начала обстрела разбежались в разные волости, но сейчас постепенно возвращаются. Постройки вышеназванного правления целы. Размер убытков еще не определен.

13 февраля, утром, немцы от Гожской волости стали отходить, оставив на месте стоянки (в Августовском уезде) около 20-ти своих непогребенных трупов, часть оставленных в козлы ружей и варившийся на кострах кофе. Неприятелю ворваться в Гожскую волость не удалось. Сейчас выезжаю для осмотра поврежденного неприятелем как волостного, так и крестьянского имущества».

Об нанесенном ущербе сообщали в своих прошениях губернатору и жители упомянутых мест. Вот как писал в апреле 1915 года о своих бедах крестьянин дер. Перелом Гожской волости Михаил Горячкевич: «Около 2-х месяцев тому назад на нашу деревню было нападение врага-немца, огнестрельными орудиями которого были истреблены: мой жилой дом, расположенный в названной деревне, выстроенный на две половины, стоимостью 600 рублей; два хлева ценою тоже 600 рублей, каменный погреб стоимостью 100 рублей, убито 7 штук овец на 21 рубль, испорчено 300 пудов картофеля на 150 рублей и уничтожено разных хозяйственных

принадлежностей на 50 рублей, шкаф с одеждой – 30 рублей и сгорело 200 пудов кулевой соломы на 70 рублей, считаю пуд по 35 копеек, а также сгорела телушка в 25 рублей. Обо всем этом был составлен протокол, но до настоящего времени я никакого вознаграждения за прописанное имущество не получил, поэтому принимаю смелость покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о скорейшем удовлетворении меня за истребленное врагом имущество. Прошу также учесть, что мои строения застрахованы в губернском присутствии, но я никакого вознаграждения не получил»[225].

12 марта 1915 года, находившийся вместе со своей канцелярией в эвакуации в г.Слониме гродненский губернатор В.Н. Шебеко издал распоряжение о незамедлительном образовании Особых оценочных комиссий для определения размера вознаграждения за убытки, причиненные имуществу частных лиц и учреждениям, действиями по военным обстоятельствам. В обязанности этих комиссий входило: «1) определение размеров вознаграждений за убытки, понесенные из-за надобностей наших войск: 2) то же самое от действий неприятельской армии; 3) из-за нахождения в зоне боевых действий. В комиссии, кроме их членов, привлекались и эксперты; рассмотрение дел проходило в присутствии потерпевшей и других сторон.

17 апреля оценочная комиссия под председательством гродненского уездного предводителя дворянства А.И. Ушакова приступила к работе. Для ведения обширного делопроизводства при ней была учреждена специальная канцелярия во главе с опытным чиновником К.С. Марченковым и В.И. Королевым. Обоим был назначен месячный оклад в 90 рублей.

Весной 1915 года в оценочные комиссии с прошениями об осмотре и оценке убытков от постоя войск в комиссию обращались следующие жители Гродно: А.И. Червяковский (ул.Станиславовская,5), М.Ф. Креде (Станиславская,88), С.И. Богатыревич (Александровская,20), А.Я. Масленис (Александровская, дом Гершуни), А.Ф. Фолендорф (Суворовская,19), В.В. Мокрский (Городничанская,20), Е.О. Ашкенази (Баниковская, собственный дом), С.С. Ржечицкая (Суворовская, собственный дом), С.Л. Дорох (Николаевская, собственный дом), Е.И. Ксенда (Тушинская, собственный дом), В.И. Кошевник (Пушкинская, собственный дом), Ф.Г. Рамо (Грандичская,10), З.И. Скидельский (Грандичская (собственный дом). Жалобы на постояльцев поступали ежедневно.

В апреле 1915 года жаловался в оценочную комиссию на нижних чинов 3-го Сибирского стрелкового батальона во главе с прапорщиком Гороховым управляющий купца Н.И. Муравьева – И.М. Вареник за то, что последние вместо отведенного им для постоя второго этажа дома самовольно заняли третий этаж, повредив при этом там двери, замки и дверные ручки. На урон, нанесенный солдатами-постояльцами ее квартире (в собственном доме по Виленскому переулку) жаловалась вернувшаяся из эвакуации в г. Слоним домовладелица Б.Ф. Пилюткевич (испачканные обои, выбитые стекла во входных дверях, испорченный замок, поломанный кухонный шкафчик, разбитый деревянный сарай, сожженная сажень дров и частично досок,

заготовленных на постройку новых ворот). Потерпевшая в своем прошении делала упор на то, что при таком состоянии квартиры, она вряд ли сможет сдавать ее в наем, а это означает потерю ею всех средств к существованию. Ущерб, нанесенный просительницей, комиссией был возмещен.[226]

В осажденном городе было всем нелегко. 8 апреля 1915 года служители Гродненской пожарной команды обратились к полицмейстеру с коллективным ходатайством об увеличении им денежного содержания, так как «в виду дороговизны на все жизненные продукты содержаться им на получаемое жалованье нет никакой возможности». 9 апреля с таким же ходатайством обратились к начальству городовые. Полицмейстер переслал указанные ходатайства губернатору, а тот препроводил их на рассмотрение городской думы. «Следов рассмотрения» этих вопросов в протоколах думы нам не удалось обнаружить.

В своих письмах к В. Шукевичу весной 1915 года Ю. Иодковский писал об налетах на Гродно немецких самолетов, артиллерийской канонаде и о чувстве одиночества: «Кроме военных и горстки торговцев-евреев, в Гродно фактически никого не осталось… Дороговизна ужасная. Объяснить это можно только отсутствием подвоза. И правда, даже билеты до станции Гродно не продаются. Семья сидит, как мышь под метлой, ибо каждую минуту могут эвакуировать. А это самое неприятное… В Гродно теперь такая нужда, что и передать невозможно. Все разбежались, покинув имущество на волю судьбы. А точнее, на волю солдатам. Войсковые постои надолго останутся в памяти, и не только у гродненцев. Что можно уничтожить, уничтожают, разводя костры на полях. Совсем, как во времена средневековья!».[227]

4 мая 1915 года Особая оценочная комиссия под председательством А.И. Ушакова производила рассмотрение заявления об причиненных убытках настоятеля Бернандинского костела в Гродно, ксендза Антония Куриловича и арендаторки костельных огородов Эмилии Лекузе. Комиссией было установлено, «что постоем войск Бернандинскому костелу были причинены следующие убытки: уничтожен забор огородов костела, устроенный из столбов и горбылей высотою в одну сажень (всего 203 погонных сажени); в садовом питомнике вытоптано 200 фруктовых саженцев, сломано 37 парниковых ящиков, в том числе были повреждены 9 плодоносящих грушевых деревьев (сорвана кора и обломаны нижние ветки), истоптаны лошадями посадки клубники на площади 200 кв.сажень. Эти убытки костельному хозяйству были причинены в начале 1915 года нижними чинами 15-го саперного батальона, 43-й и 48-й Калужскими дружинами, 1-ым парком 26-ой и тыловой ротой 43-ей артбригад. Еще ранее, осенью 1914 года, убытки костелу такого же рода были нанесены и солдатами 101-го Пермского пехотного полка и телеграфной ротой 4-го саперного батальона.

В день осмотра огороды еще не были возделаны и осеменены. Обсудив все обстоятельства дела, оценочная комиссия единогласно постановила: «оценить стоимость поврежденного забора в 1015 рублей и выдать данную сумму настоятелю костела, а за повреждения в саду и огороде и лишение

возможности во время возделать и осеменить огород назначить вознаграждение в 735 рублей и выдать их арендаторке Эмилии Лекузе».[228]

К числу дел с наибольшими убытками следует отнести дознание по делу о расхищении постоем войск здания Гродненского цирка. В деле имеется прошение заведующего цирка К.С. Олендского на имя коменданта крепости от 21 марта 1915 года: «С распоряжения военных властей были поставлены во вверенном мне цирке военные лошади, а солдаты, не слушая моих просьб, чтоб не ломали здания и где какие заперты уборные на замки и забиты досками, самовольно сломали все двери, забрали газолиновые и электрические лампы, а также электрическую проволоку, посрывали ковры, как с мест, так и с господина губернатора ложи; стулья же не только побрали и повыносили где кому угодно было, но 19 марта один из нижних чинов пять стульев выбрал самых лучших и таковые продал неизвестно кому. Таким случаем полученное ими цирковое здание под охрану растаскано и сломано мебели более чем на две тысячи рублей. Одних канатов на более ста рублей взяли. Прошу сделать дознание, убедиться в моей жалобе и таковое самовольное действие прекратить. Константин Олендский».

На основании этого заявления 23 апреля 1915 года было произведено дознание по делу о расхищении имущества цирка Гурвича, в ходе которого выяснилось, что К.С. Олендский не владелец цирка, а его управляющий. Кроме того, стало известно, что на постое в цирке, кроме лошадей из 5-ой отдельной телеграфной роты (а именно на командира ее жаловался заявитель), в течение года помещались взятые по мобилизации лошади, ветеринарный лазарет, жандармский эскадрон и другие части, и что после ухода каждой из них, Олендский всякий раз обнаруживал пропажу вещей, однако описи их в цирке не имелось (управляющий говорил, что ее утерял), пропажи не фиксировались. Исходя из этого, особая оценочная комиссия 26 мая 1915 года пришла к выводу, что управляющий (а по сути – сторож) К.С. Олендский и владелец цирка Гурвич, проживающий в Вильно, «на постое войск делают для себя выгодную аферу, и, якобы по подобным жалобам, уже получили хорошие деньги в арендуемых ими цирках в городах Двинске и Вильно». Приняв во внимание, что о возмещении убытков ходатайствует сторож цирка, а не сам хозяин, который пока не заявил о каких-либо убытках, причиненных ему войсками, оценочная комиссия постановила «настоящее дело прекратить».[229]

Весной и летом 1915 года поток жалоб горожан на убытки от войны был особенно значительным. В начале мая месяца власти скрупулезно рассмотрели прошение мещанина г. Гродно Ш.З. Соболь об «убытках, причиненных ей постоем войск на сумму 29 руб. 73 коп.». 13 мая 1915 года председатель Гродненского общества садоводства М. Янковский жаловался коменданту крепости на то, что «частями войск, проходившими в феврале и марте месяце сего года через г. Гродну и помещавшимися в обывательских квартирах на Грандзичской улице и в казармах Гинзбурга (нынешний погранотряд по ул.Горького – В.Ч.) разобран на отопление деревянный забор со столбами вокруг участка земли, занятого посадками плодовых деревьев Общества садоводства («Грандзичская улица у еврейского кладбища»). В ходе

разбирательства выяснилось, что разбор забора учинили нижние чины 106-го Уфимского пехотного полка. 18 мая на уничтожение дощатого забора в феврале 1915 года жаловался надворный советник И.И. Крачкевич, проживавший на момент подачи прошения в Москве. Виновниками причиненных убытков его участку огородной земли в г.Гродно при Лососнянской улицы-шоссе он называл солдат 23-го Низовского пехотного полка.[230] 8 июня 1915 года последовала жалоба на убытки от постоя обозов 10-й армии М.Я. Гурвич и Э.А. Сколыш, проживавших на Занеманском форштадте, а О.О. Дойнович – на потраву участка ржи. М.Я. Андреева (ул.Поповка, собственный дом), вдова вахмистра жаловалась на то, что по возвращении из эвакуации в г.Слоним она нашла свой дом разрушенным нижними чинами. И.В. Игнатович (ул.Лососнянская, собственный дом) просил об уплате ему за уничтоженный забор в феврале. 2 апреля поступила жалоба от настоятеля Гродненского Францисканского монастыря и костела К. Боярунца на то, что лошади погрызли кору 3-х ясеневых деревьев аллеи. Солдаты сломали забор. Виновной в этом была полевая кухня 212-го Романовского пехотного полка. 1 мая В.Я. Пековский (Индурская улица,25) заявил, что у него сломали стену деревянного сарая. Были также уничтожены заборы у В.О. Гриневича, Э.И. Бекеша, П.П. Цыдзика, И.Д. Карпутя, Л.Ю. Тавделя, М.Ф. Барковского, С.О. Плоцкого. Виновниками этому были названы солдаты 24-й Смоленского и 34-й Кременчугского пехотных полков. А вот о чем шла речь в прошении жителя Гродно Литмана-Хаила Капульского от 2 мая 1915 года на имя губернатора: «В ночь на 23 апреля от бомбы, брошенной в Гродне с неприятельского летательного аппарата, сгорел мой дом на Хлебной пристани, причем я и моя семья из 8 человек (ныне семи, т.к. мой 14-летний сын от ожогов уже умер), едва успели спастись, вырвавшись из пламени в одном нижнем белье. Все (дом, сараи, их содержимое и денежные сбережения) у нас сгорело, и мы остались полностью без средств к существованию. Хорошо, что добрые люди приютили нас временно у себя. Помогите нам как пострадавшим от войны».[231]

Разного уровня ущерб своей недвижимости (поля, леса, сады) во время пробных выстрелов из Гродненской крепости в 1914 году понесли крестьяне следующих деревень Гродненского уезда: Погораны, Жиличи, Гибуличи, Полотково, Яловщина, Бросты, Девятовка, Грандичи, Чещевляны, а также имения помещиков Биспина, Лозовича, Масловской.[232]

От постоя войск в феврале-июне 1915 года пострадали крестьяне д. Солы Степан и Иван Максимчики (казаки 63-й пехотной дивизии), житель Гродно Каценелебоган (Кутузовская улица,28, порча квартиры) – виновники этому солдаты 174-го запасного пехотного батальона; А.Л. Мозолевский (Софийская улица, собственный дом) жаловался на то, что офицеры (5 чел.) из 53 артбригады уехали по тревоге и не оплатили ему за квартиру; Д.Г. Лапина жаловалась губернатору на то, что у нее в доме на Телеграфной улице жили солдаты, пользовались ее дровами и испортили печь.[233]

Большие убытки во время боев на реке Неман (14-20 февраля 1915 года) понесли крестьяне деревни Шабаны (семейства Шкибело, Талевич,

Станкевич, Кисилевских, Романовых и др.), деревни Свентоянск (семейства Матюкевичей, Чарновских, Довгевичей, Наседко, Юркевичей, Коляда), деревни Привалки (семейства Хитрушко, Тертель, Шестак). Убытки, причиненные им, выражались в сумме – 5610 руб. 80 коп.[234]

Выплаты за убытки от войны выплачивались потерпевшим и после эвакуации госучреждений вглубь страны. В списке лиц – беженцев из Гродно и уезда, ходатайствовавших в Калуге о возмещении убытков, понесенных от войны, на 1 января 1916 года официально значилось 71 человек. Из них 68 человек – за оставление при эвакуации имущества, и 3 – за убытки от военных действий. Разумеется, это цифра неполная.В числе последних вместо персонального, физического лица значилось Акционерное общество Друскеникских минеральных вод.[235]

Подлинным криком души нуждающейся в помощи можно назвать заявление управляющей имением Страж М.И. Андросюк и мужа ее А.И. Андросюка на имя начальника Двинского военного округа: «К несчастью, поневоле приходится сказать, имение наше расположено на бывшем почтовом тракте Варшава-Петроград, по которому с 30-го истекшего июля началось движение тыловых частей действующей армии (от Белостока на Гродну) в виде пекарен, парков, дивизионных лазаретов, разных обозов и громадных партий рабочих с лошадьми (6 сего августа под командой военного инженера, капитана Курдюмова). Все эти массы людей, лошадей и табунов скота останавливались в пределах самой усадьбы, расположенной при дороге. Лошади десятками и сотнями, а скот от 350 голов и более пускались на нескошенные луга, а 6-го и в сад, заборы которого еще раньше за редким исключением были уничтожены нашими воинскими частями; нижние чины расходились по саду, огороду, сбивали и сотрясали фрукты, рвали овощи и прочее, так что общее впечатление получалось, что мимо нас проходят не воинские части доблестной российской армии, а дикая орда, которой поручено уничтожать все на своем пути без всякой удобопонятной надобности. На наши заявления не делать той весьма крупной порчи, которая не вызывается никакой необходимостью, за весьма малым исключением, не обращалось никакого внимания, и самовольное нарушение наших владельческих прав не прекращалось. Так, когда мы увидели в своем саду телегу с выпряженной тут же лошадью и стоящего рядом прапорщика, мы спросили, почему он нашел нужным расположиться в саду, когда на другой стороне дороги громадное пространство паровых полей, то он ответил с удивлением на наш вопрос: а разве я причиняю вам вред? Когда же мы поставили другой вопрос: почему солдаты толпами бродят по саду и топчут траву, которую можно было бы завтра скосить, то получил от него ответ: «а что я могу с ними поделать?!» Такой же ответ получили мы и 6-го августа от прапорщика при «орде» в несколько сот человек с лошадьми, загнавшими их на небольшой кусок роскошного сенокоса, по линии коего, от дороги, сохранилась еще часть забора (сенокос составляет заднюю часть сада), причем люди разбрелись по всему саду, добывая себе последние из уцелевших яблок и груш; при этом последний сложил с себя сякую

обязанность запретить этим людям грабить нас лишь потому, что он не начальник, а начальник, капитан Курдюмов, уже давно уехал вперед.

У нас с конца марта до 29 июня стояла засуха. Сенокосы – где слабо проросли, а где и совершенно выгорели. Но за месяц почти беспрерывных дождей, слабые – прекрасно исправились, а выгоревшие отрасли настолько, что тоже можно косить, но сделать это мешали непрекращающиеся дожди. Если же вышеозначенное нашествие не прекратится, то нам придется бежать из своей усадьбы, и не потому, что враг близок, а от своих: никакое хладнокровие не может выдержать того безобразия, свидетелем которого пришлось быть нам в истекшую неделю. Нас возмущает не то, что нам причиняются весьма значительные убытки, которые, хотя бы отчасти, будут вознаграждены, а то, что действия, причиняющие нам страшные моральные страдания, делаются исключительно по непонятному для нас, какому-то стихийному убеждению, что творимое – это не только право, но и обязанность уничтожать все на своем пути. Когда видишь, что это все делается родным мне русским солдатом, когда слышишь ответ русского офицера, что так должно быть (6-го августа ночевавший у нас начальник отряда летучей полевой почты – штаб-ротмистр на наше заявление о том, что его команда на 30 лошадях сломала забор и вогнала лошадей в овес, а также таскала сжатый и лежавший у сараев ячмень, совершенно хладнокровно, и по-видимому с удовольствием, ответил: «Так водится»), сердце обливается кровью только от того, что человек, имеющий высокую честь состоять в рядах доблестной русской армии, позволяет себе говорить прямо в лицо русскому гражданину: мы имеем право тебя грабить. Если у нас уничтожат все сенокосы, разграбят все имения, мы, даст Бог, не умрем, но что подумают о русских воинах крестьяне с дюжиной голодных детских ртов, как им оградить себя от незаконных действий.

Обращаемся с настоящим заявлением в надежде на то, что признано будет необходимым сделать спешное распоряжение о прекращении вышеизложенных эксцессов. И еще. Отряд в 8-10 человек казаков 2-го Астраханского полка, ночевавших в ближайшей к имению деревне, взяли у крестьян телеги, проехали вглубь нашего сенокоса и накосили для своих лошадей сырой травы на целые сутки. На наши подлежащие вопросы старший между ними виновато ответил, что они скоро уйдут. 6 августа 1915 года. Имение Страж Сокольского уезда». По приказанию начальника округа это заявление было препровождено к гродненскому губернатору «для принятия мер к законному ограждению интересов частных собственников».[236] Но как оно разрешилось неизвестно. Скорее всего, традиционно, по принципу: что поделать – война.

О масштабах работы Оценочной комиссии свидетельствуют сотни ее протоколов, а также персональных дел по определению понесенных гродненцами убытков. Огромная часть работы была проведена ею еще в Гродно, но все же основная нагрузка легла на членов канцелярии уже после эвакуации большинства госучреждений в Калугу. В этом городе Особая оценочная комиссия во главе с А.И. Ушаковым размещалась на Николо-

Козинской улице в доме Фалеева. Именно сюда стекались со всей России от эвакуированных и оказавшихся в роли беженцев гродненцев многочисленные ходатайства о возмещении им понесенных в результате военных действий материальных убытков. Как правило, подателями таких ходатайств были владельцы гродненских фабрик и заводов (кирпичных, мукомольных и др.), требовавшие выдачи им вознаграждений за уничтожение, по приказанию коменданта крепости и распоряжению управления строителя Гродненской крепости значительного количества станков, машин и аппаратов, а также подъездных к ним железнодорожных путей (дела их владельцев Б. Белостоцкого, М. Яновского, И. Фишера и др.) в преддверии оставления русскими войсками г. Гродно. Писали в оценочную комиссию свои прошения и лица, потерпевшие от постоя в их домах (квартирах) войск, однако все же большинство ходатайств составлялось в связи с оценкой отчужденных под нужды Гродненской крепости тех или иных земельных владений.

Так, Гродненская духовная консистория, эвакуированная в Москву, в своем ходатайстве в адрес Оценочной комиссии от 27 июня 1916 года сообщала следующее: «Настоятель Гродненской Александро-Невской церкви рапортом своим от 18 июня 1916 года донес консистории о том, что причт данной церкви в настоящее время испытывает самую острую нужду в средствах к существованию. Настоятель просит Гродненскую Духовную Консисторию ходатайствовать перед Оценочной комиссией о производстве оценки как отошедшей под нужды Гродненской крепости причтовой земли, так и леса, который рос на земельном причтовом наделе». Признавая ходатайство настоятеля церкви вполне законным и заслуживающим внимания, Духовная консистория просила Оценочную комиссию «не отказать в удовлетворении такового». Сделать это было крайне тяжело. Об этом можно судить хотя бы на основании «Списка имений, фольварков и деревень в Гродненском уезде, из коих отчуждены земли для нужд Гродненской крепости, с указанием числа владельцев и количества отчужденной земли». В нем, в частности, значились 42 имения и фольварка (Грандичи владельца Клодсовского; Гиткенщизна – Эйсмонта; Руссота – Прушинского; Руссота Каменная – Выгановских и Пальчевской; Острувек – Вольмера; Тужевляны – Белостокского; Розалин , Путришки, Щукифон – Тальгейма, Вертелишки – Биспинга; Руссота – Заболоть, Петрополь – Покуббято; Русота Монастырская – Малькевича; Колбасин, Коробчицы – Масловской, Скоморошки – Лозовского и Чучело; Бузыловка – Бузыловой; Поповщизна – Хлевинского; Станиславов, Друцк, Понемунь – Друцкого-Любецкого и наследников; Касиловщина – Сулевского, Лососна – Вильбушевича; Фолюш – Самсонова; Чеховщизна – О. Бримен де – Ласси), а также земли и угодия, принадлежащие гродненским церквам, костелам и монастырям (Александро-Невской церкви, Софийскому кафедральному собору, Борисо-Глебскому монастырю, Красностокскому женскому монастырю; Фарному костелу, Бригидскому, Бернардинскому и Францисканскому монастырям). Сюда же входила и часть имений, раскупленная крестьянами деревень и околиц: Путришки, Пригодичи, Бояры, Малаховичи, Козловичи. В общем числе имений и фольварков значились и

владения, принадлежащие г. Гродно (близ деревни Малаховичи), Гродненскому Крестьянскому банку (фольварок Логи), ветряная мельница Гольцмана и земли Гродненского управления земледелия и госимуществ. В данном списке под процесс отчуждения попало 108 владельцев 14181 десятинами земли (2356 сажень).

Отчуждение земель под нужды Гродненской крепости затронуло 1177 жителей-крестьян близлежащих деревень и околиц: Бросты, Малая Ольшанка, Большая Ольшанка, Чеховщизна, Колбасин, Палатково, Гнойница, Малаховичи, Кошевники, Солы, Жидовщина, Малая Каплица, Пригодичи, Путришки, Бояры, Тужевляны, Казимировка, Малыщина, Козловичи, Эйсмонты, Кульбаки, Лапенки, Переселка, Девятовка, Грандичи, Скоморожки, Гибуличи, Погораны, Щучиново, Яловщина, Чещевляны. Всем им в сумме принадлежало 1202 десятин земли (10 сажень). Процесс отчуждения, согласно указанной таблицы, затронул и 34 жителя г. Гродно и так называемого Занеманского форштадта (М. Борковского, И. Павловского, М. Сассулич, А. Яцунского, С. Сухоцкую, А. Анисько, К. Яцунского, М. Дударевич, П. Барановского, И. Рапенчука, П. Яцунского, О. Валендыкевича, А. Вишневского, В. Тромбовича, А. Статкевича, А. Климовича, А. Маевского, Ф. Мацкевича, В. Чекеля, К. Антушевского, М. Горяинова, М. Мацкевича, В. Стельмаха, Ф. Холко, Г. Любича). Всего под отчуждение попали имущества 1319 лиц и учреждений, владевших 2515 десятин земли (1645 сажень).

Вполне естественно, что выплата вознаграждений всем им осуществлялась весьма непросто, через преодоление просителями массы формально-бюрократических преград. Как свидетельствуют документы Оценочной комиссии, в числе первых разрешались дела просителей, находившихся на момент подачи ходатайств в действующей армии. При этом бралось во внимание, что размеры выплат таким лицам были, как правило, невелики. Явным исключением из этого правила следует считать дело о выплате вознаграждения за убытки, понесенные от военных действий, Обществу электрических оборудований графа А.К. Миончинского и инженера А.А. Дзержановского. Суть этого дела такова. 18 октября 1914 года вышеуказанные владельцы заключили договор с Управлением Строителя Гродненской крепости о передаче ими на пользование принадлежащей им Гродненской городской и загородной телефонной сети на арендных началах». Вследствие занятия Гродно и окрестностей неприятелем и по военным обстоятельствам была уничтожена не только центральная телефонная станция, устройство всей телефонной сети, но и все имущество, принадлежащее компании, включая и складское имущество. В связи с этим, граф А.К. Мжончинский от имени всей компании обратился 14 декабря 1915 года в Управление строителя Гродненской крепости и к начальнику Ликвидационного управления крепости полковнику Балдину с прошением об уплате арендной платы согласно договору и возмещению понесенных убытков в сумме 336 000 рублей. В ходе рассмотрения этого дела все заинтересованные в его разрешении стороны, включая Строителя Гродненской крепости, Главного руководителя работ по укреплению позиций Западного фронта, командира Гродненского крепостного

телеграфного батальона и др. пришли к заключению, что «имущество, принятое Управлением Строителя крепости от общества графа Менжинского и инженера Дзержановского было частью уничтожено и оставлено в крепости в Гродно, частью вывезено». Исходя из этого, было признано, что «требуемая Обществом сумма не является преувеличенной и подлежит уплате казною, согласно условий контракта».

Работа по оценке убытков, причиненных военными действиями жителям Гродненской губернии, а также по определению размера вознаграждения за них, осуществлялась самыми различными учреждениями вплоть до конца октября 1917 года на основании «Правил о порядке расчетов в военное время в районе театра военных действий за имущество, реквизированное или уничтоженное по распоряжению военного начальства и уполномоченных им гражданских властей, а равно за убытки, причиняемые неправильными действиями войсковых частей», высочайше утвержденных 6 октября 1916 года. Согласно этим «Правилам» общее руководство по делам о расчетах за реквизированное или уничтоженное по распоряжению властей имущество возлагалось на Главный комитет (Петроград, Почтамтская, 7), который осуществлял надзор за деятельностью Ликвидационных, Оценочных и реквизиционных комиссий. На реквизиционные комиссии возлагалось производство взятых у населения и учреждений предметов. Для оценки имуществ, уничтоженных по распоряжению властей или вследствие направленных действий войск, образовались уездные, Особые и военные оценочные комиссии. Как отмечалось в «Правилах», комиссия должна была «всеми ей доступными способами выяснить действительную стоимость уничтоженного имущества». Ликвидационные же комиссии определяли и выдавали вознаграждение за реквизирование или уничтожение по распоряжению властей имущества, а также за работы по обязательным нарядам. Каждая из комиссий имела соответствующие инструкции «на все случаи жизни», и тем не менее «неразрешимых вопросов» в их деятельности было немало, о чем свидетельствуют «Журналы» их заседаний, а также «Постановления», публикуемые в «Калужских губернских ведомостях». Там же постоянно велась рубрика «К сведению беженцев», в которой из номера в номер давалось подробное разъяснение для оказавшихся в беде гродненцев, «что необходимо делать для получения вознаграждения». Несмотря на это, комиссии буквально «утопали» в потоке прошений и ходатайств.

Многое для их положительного разрешения зависело от волостных старшин и писарей, выдававших заявителям необходимые справки. Для этих целей при всех комиссиях имелись соответствующие списки этих должностных лиц по всей губернии с указанием их местожительства в эвакуации. Что касается волостных старшин и писарей Гродненского уезда, то большинство из них первоначально обосновалось в г.Калуге и одноименной губернии (Иван Калиш, Юльян Николушко, Иван Заневский, Николай Грико, Федор Дешук, Варфоломей Валицкий, Иван Кохна, Петр Коренецкий, Степан Гулько, Петр Степанеев, Иван Горячко, Иван Говсь, Степан Корней, Михаил Шкируць, Варфоломей Бычек, Иван Кривенко, Владимир Фурман, Осип Нос, Иван

Дешко, Михаил Апоник, Павел Качко, Иван Баран, Феликс Кисель, Николай Адамович, Осип Таранко, Иван Лях, Константин Павлюкевич, Василий Чеботаревич. Часть сельских должностных лиц поселилась в Могилевской, Рязанской, Казанской, Ярославской, Смоленской, Пензенской, Минской, Тарнопольской и других губерниях. В последующем их адреса неоднократно менялись. Часть членов волостных правлений была призвана на военную службу (Иван Лях, Иван Дужик, Иван Шпак и др.). Другие (Александр Анисимович, Дементий Сончиковский, Викентий Жижун, Константин Горбач, Николай Адамович) «перестали исполнять свои обязанности).[237]

После эвакуации большинства гродненских гражданских учреждений в Калуге при канцелярии губернатора 18 мая 1916 года был образован Гродненский ссудный комитет, который оказывал материальную помощь горожанам, оставившим свое движимое имущество в Гродно. Создание ее было осуществлено на основании телеграммы товарища Министра внутренних дел князя Волконского от 16 апреля 1916 года. В телеграмме, в частности, говорилось о том, что «образование местных ссудных комитетов для оказания материальной помощи населению, пострадавшему от войны, в местах наибольшего скопления беженцев в данной губернии». Далее в телеграмме говорилось о том, кто может войти в состав губернского ссудного комитета. Ими могли быть председатель и его заместители, назначаемые председателем особого совещания по устройству беженцев; представители ведомств, включая МВД; три представителя от населения губернии (от крупных и мелких землевладельцев и городского населения); члены земского и городского самоуправлений. В самом конце телеграммы гродненскому губернатору предлагалось прислать в сжатые сроки список состава данного комитета на утверждение в МВД.

2 ноября 1915 года исполняющий обязанности губернатора, вице-губернатор В.В. Столяров сообщил председателю Особого Совещания по устройству беженцев графу Тышкевичу о целесообразности учреждения в г. Калуге, куда были эвакуированы гродненские учреждения МВД, специальной комиссии по выдаче ссуд населению Гродненской губернии, пострадавшему от военных действий и по выдаче вознаграждений за убытки в следующем составе: председатель – вице-губернатор Столяров, члены комиссии - непременный член Гродненского губернского присутствия Д.В. Ивашинцев, гродненский городской голова Э.Э. Листовский, белостокский городской голова В.В. Дьяков, брестский городской голова А.А. Пономарев, пружанский уездный предводитель дворянства В.А. Городецкий, податный инспектор Сокольского уезда Н.М. Савицкий, член Гродненского окружного суда А.М. Милеев, управляющий Гродненской контрольной палатой П.А. Честной, начальник управления земледелия и госимуществ губернии Ф.Г. Прохоров. Несколько позднее в состав комиссии были также введены: непременный член губернского присутствия Ромейков, почетный мировой судья Волковыского уезда Глиндзич, «ученый еврей при Гродненском губернаторе» Г.М. Кацнельсон, депутат от дворянства Кобринского уезда, князь С.И. Пузыня,

земский начальник 3-го участка Гродненского уезда А.А. Ознобишин и помещик Гродненской губернии М.А. Блавдзевич.[238]

Необходимо заметить, что при создании Гродненского губернского ссудного комитета были учтены все требования МВД. Первоначально планировалось поставить во главе его вице-губернатора В.В. Столярова, но в связи с переводом губернатора В.Н. Шебеко на должность московского градоначальника и назначением исполняющим дела гродненского губернатора А.Н. Крейтона, последний и был утвержден в должности председателя комитета, а Столяров был назначен его заместителем. От МВД в состав ссудного комитета вошли: член Гродненского губернского присутствия Д.В. Ромейков и земский начальник 3-го участка Кобринского уезда Я.Ф. Франковский. От крупных землевладельцев в комитет вошли: владелец имения Мосты (2606 дес.) А.А. Ознобишин и владелец имения Стругов (697 дес.) С.И. Пузына, а от мелких землевладельцев – Горницкий волостной старшина Гродненского уезда В.В. Бычек и старшина Ясвильской волости Бельского уезда А.А. Радион. Городское население губернии было поручено представлять Белостокскому городскому голове В.В.Дьякову и члену Гродненской городской управы П.А. Воевнику. На 1 июня 1916 года в Гродненское губернское управление в Калуге поступило 679 ходатайств об возмещении за убытки, понесенные гродненцами по военным обстоятельствам (от постоя войск – 129; от устройства окопов и за взятый лесной материал – 44, из-за наступления неприятельских войск – 504, от бомбардировок – 2).

В тех материалах ссудного комитета, которые до настоящего времени сохранились, имеются прошения о вознаграждении за понесенные убытки следующих гродненцев: фельдшера С.И. Быка, проживавшего на время подачи прошения в г. Усмань Тамбовской губернии и оставившего после эвакуации 1915 года свою квартиру в г. Гродно (в доме Эйсмонта по Каретному переулку); полковника в отставке А.И. Обуха, проживавшего на момент подачи прошения (16 июля 1916 года) в г. Могилеве, семья которого эвакуировалась в 1915 году, оставив все свое движимое имущество в квартире по Пушкинской улице (дом Поцеюка). Сам полковник Обух в это время по мобилизации находился в действующей армии.

Летом 1916 года прошения в ссудный комитет поступали в огромных количествах от гродненцев, оказавшихся после эвакуации на жительстве в Симбирской, Воронежской, Екатеринославской, Черниговской, Киевской, Московской, Полтавской, Ярославской, Пензенской, Тобольской, Владимирской, Саратовской, Екатеринбургской, Новороссийской, Калужской, Кубанской и Забайкальской областях, а также в других точках России.

Из сохранившихся протоколов Гродненского губернского ссудного комитета за 1917 год видно, что только за период с марта по ноябрь этого года, комитет выдал ссуды из 6% годовых, считая со дня выдачи, 122 пострадавшим от войны жителям Гродненской губернии. Назовем здесь имена лишь некоторых из них: Яголковский К.С., Дземянович А.И., Бертель А.К., Кошелев В.В., Таврель П.М., Бюффонов Н.А., Матусевич К.Н., Патрик П.С.,

Орловская М.И., Шумович Э.П., Гришковский А.И., Матешук П.А., Олешкевич Р.И., Олешкевич К.В., Глебов И.А., Малишевский И.В., Смородский М.М., князь Шаховский А.В., Воевник П.А., Имшенник Я.М., Шмурко А.П., Гельгор М.А., Полубинский В.И., Малашко А.О., Тиминская Л.А. и др. Судя по этим протоколам, с 21 января 1917 года в комитете председательствовал губернатор А.Н. Крейтон, с 31 января – вице-губернатор Х.Х. Бойе-Геннес, а с 21 марта до 28 сентября 1917 года – член Гродненского окружного суда А.А. Ольденборген.

Кроме ссудного комитета, выдававшего ссуды за потерю движимого имущества, летом 1916 года в Калуге был образован Гродненский особый комитет, ведавший выдачей вознаграждений гродненцам за уничтоженные по военным обстоятельствам посевы и урожай. Сообразно тому, какой род помощи желали получить беженцы и эвакуированные гродненцы, им необходимо было подавать прошения в один из двух упомянутых комитетов. Как правило, к прошениям требовалось приложить т.н. вопросную ведомость со сведениями о просителе и документы, удостоверяющие принадлежность имущества данному просителю, а также ее стоимость, доходность и т.д. Объявления о порядке выдачи ссуд публиковались в печати в местах компактного проживания гродненцев. Вызвано это было тем обстоятельством, что жители г. Гродно и губернии, проживавшие на большом удалении от г. Калуги, обращались первоначально за вознаграждением в местные комитеты попечения о беженцах, куда предъявляли, кроме прошений, акты-описи оставленного ими на родине имущества. Поступая оттуда в Калугу, в Гродненский ссудный или особый комитеты в заведомо неполном виде, они, эти документы, пересылались обратно, что, естественно, затягивало выдачу вознаграждений.[239]

Летом 1915 года начал свою деятельность Гродненский губернский обывательский (гражданский – В.Ч.) комитет. Его усилия распространялись преимущественно на местности, находящейся в сфере действующих армий Западного фронта и выражались непосредственно «в наблюдении за всяким перемещением беженцев и своевременного освобождения путей для свободного передвижения войсковых частей». Кроме того, на основании приказа главнокомандующего армиями западного фронта от 22 ноября 1915 года за № 2401, обывательский комитет «производил через своих уполномоченных лиц в районе действующих армий проверку убытков, понесенных населением Гродненской губернии при отходе наших войск, а также выполнял посредническую миссию во всех спорных ситуациях, возникающих между населением и войсками при разрешении дел о вознаграждении за уничтоженное или реквизированное имущество, освобождая этим самым штабы армий от огромной, специфической работы и, в то же время способствуя правильному и своевременному возмещению убытков».

Деятельность обывательского комитета осуществлялась под опекой и контролем гродненского губернского предводителя дворянства. Именно он в феврале и марте 1916 года ходатайствовал перед Главным комитетом по делу

о представлении отсрочки военнообязанных из числа этого комитета и о включении его в число учреждений, «работающих для государственной обороны, а потому дающим его служащим право на отсрочку от призыва по мобилизации». Свою просьбу предводитель дворянства мотивировал также и тем, что «в случае наступления наших войск и освобождения от неприятеля территории Гродненской губернии от губернского обывательского комитета потребуется еще более усиленная деятельность для организации планомерного возвращения и водворения на местах беженцев и содействия властям в деле обеспечения среди них спокойствия и порядка. Эта деятельность будет проявляться главным образом в районах расположения штабов армий и корпусов». В архивных материалах отсутствуют какие бы то ни было сведения об удовлетворении вышеупомянутого ходатайства, или, наоборот, в отказе ему на доподлинно известно, что обывательский комитет посильно участвовал в решении поставленных перед ним задач с самого начала своей деятельности и вплоть до осени 1917 года, т.е. до времени его упразднения.

Весной же 1916 года представитель его Л.В. Лыщинский участвовал в Петрограде в трех совещаниях «по вопросу о подсчитанных расценках стоимости посевов различных культур в губерниях, пострадавших от военных действий». На основании расценок оплаты за уничтоженные при отступлении русских войск посевы, выработанных на этих совещаниях, и осуществлялась работа на местах. О содержании ее свидетельствовал приказ № 328 главного начальника снабжения армий Западного фронта, отданный им в Минске 2 июня 1916 года: «На основании журнала совещания и телеграмм Верховного Главнокомандующего № 7408 о возможности образования для Гродненской губернии одного комитета предписываю: 1) образовать для Гродненской губернии Особый комитет для выдачи свидетельств об уничтожении посевов под председательством начальника губернии в составе одного или двух уездных предводителей дворянства, непременного члена губернской землеустроительной комиссии, одного из уездных агрономов, одного или двух уездных исправников, двух податных инспекторов, представителей от обывателей и представителя государственного контроля; 2) на обязанность комитета возложить рассмотрение дел об уничтожении посевов по распоряжению военных или административных властей или вследствие прохода и проезда войсковых частей, артиллерии, тракторов, обозов и гуртов скота, принадлежащих военному ведомству; 3) для действительности заседания комитета достаточно присутствия председателя, предводителей, представителей от обывателей и госконтроля; 4) рассмотрение дел и выдачу свидетельств производить с соблюдением правил, указанных в моем приказе № 243. Генерал от инфантерии Данилов».

Кроме губернского особого комитета были созданы и уездные особые комитеты под председательством предводителей дворянства для выдачи свидетельств об уничтожкемм урожаев при отходе русских войск. В архивных материалах встречается огромное количество прошений жителей из Гродненского крепостного района, а затем оказавшихся в беженцах, с

ходатайством об выдаче им «хоть какого свидетельства о понесенных ими убытках». Их авторы в большинстве случаев объясняли отсутствие таковых, т.е. описей имущества и уничтоженных посевов (урожая) «скорым отступлением наших войск, выселением из своей местности в дальние губернии и отсутствием возможности достать нужный документ». И тем не менее, власти в этом направлении проделали огромную работу. Естественно, что в первую очередь их, эти оплаты, получали владельцы имений, крупные помещики. В одном из сохранившихся «Списков лиц, коим Гродненским предводителем дворянства выданы реквизиционные квитанции за «уничтожение по обстоятельствам военного времени посевов и урожая» значились следующие помещики Гродненского уезда – владельцы имений: Каменная Берестовица – граф Б.Б.Солтан (квитанция на сумму 79394 руб.); Мало-Берестовица – А.Р. Восковицкий (31117 руб.); Большая Берестовица – граф И.С. Корвин-Коссаковский (36913 руб.); Пархимовцы и фольварк Зайковщизна – В.А. Яцунский (58862 руб.); Котра – М.А. Блевдзевич (35698 руб.); Коптевка – братьям Петр и Владимир Евреиновы (23871 руб.); Войцеховщизна – Д.Р. Корыбут – Дашкевич (97199 руб); Липово – Н.П. Шлегель (6408 руб.); Попанцы и Ковали – братья Борис и Леон Геллер (68351 руб.); Крынки – С.А. Лампицкому (62622 руб.); Лишки – С.И. Вирион (44987); Руссота-Заболоць – В.К.Покубято и В.И.Покубято (46818 руб); Збражносновщизна – И.И. Трусколявская (21 120 руб.); Зельва – В.М. Янковская (11150 руб.); Воля, Семанковщизна и Викторин – поверенные владельцев Э.Ю. Тарасевич и Т.Г. Страшевич (65658 руб); Обремщизна – И.И. Галляр-фон-Галленбург (82 515 руб.); Малыщина – М.К. Иодковский (3 282 руб.); Закревщизна – С.Ф. Руссау (2 173 руб.); Жидомля – Е.П.Деконская (2113 руб); Черлена, Лунна, Понемунь и Станиславов – княгиня М.З. Друцкая-Лебяцкая в лице ее поверенного И.В. Жуковского (278515 руб.) и др. В этом списке значились и отдельные из крестьян. В частности, крестьянин деревни Сочковцы Сокольского уезда – В.И. Дорощик (672 руб.), деревни Ковали – Я.М. Швед. Всем им квитанции были выданы в декабре 1915 – феврале 1916 года на основании «Журналов состоящей при Временном Гродненском губернском обывательском комитете комиссии по проверке актов об убытках, понесенных землевладельцами от военных действий и свидетельстве членов обывательского комитета».

Множество хлопот доставляло губернскому чиновничеству исполнение Высочайше утвержденного положения правительства от 17 июля 1915 года «об изменении порядка выдачи суточных денег эвакуированным увечным, раненым и больным нижним чинам». Согласно инструкции суточные деньги нижним чинам армии и флота, эвакуированным и уволенным в отпуск на срок от 6 месяцев до года производились по 25-40 копеек в сутки городскими и уездными земскими управами. Исходя из того, что только в Калужской губернии оказалось свыше 200 такого рода уроженцев губернии, речь шла о немалых суммах. Тем более, что предписание министерства требовало «немедленного удовлетворения нижних чинов суточным довольствием, не задерживая выдачи ссылкою на отсутствие у просителей надлежащих

документов». Среди тех, кому повезло в начальный период действия этого постановления, были рядовые и унтер-офицеры, призывавшиеся на службу из Гродно и оказавшиеся после отпуска домой по болезни или ранению, эвакуированными в Калужскую губернию: Адам Грика, Виктор Рубчевский, Николай Кердоль, Герасим Король, Иван Романчук, Митрофан Василенко, Андрей Серединский, Антон Василюк, Осип Антонович, Степан Паньковский и др. Для ускорения выдачи суточного довольствия эвакуированным нижним чинам были предусмотрены упрощенные бланки заявлений, раздаточных ведомостей и т.п. Однако с течением времени удовлетворение ходатайств нижних чинов на получение суточных становилось все более затруднительным в связи с тем, что члены уездных и городских съездов, на которых принималось решение о выдаче суточного довольствия, постоянно находились в разъездах по делам службы и собрать их до необходимого количества не было «никакой возможности». Сообщая об этом в высшие инстанции, гродненские чиновники считали «вполне целесообразным возложить рассмотрение означенного рода дел на те уездные попечительства Калужской губернии, в пределах которых в настоящее время находятся эвакуированные уездные учреждения Гродненской губернии». В мае 1916 года это предложение было принято, но и оно ненамного облегчило положение нуждавшихся солдат. В связи с инфляцией Временное правительство с 1 мая 1917 года увеличило размер суточного довольствия с 25 до 75 копеек. Однако от этого порядок выплаты не стал более организованным. Более того, уже 17 октября 1917 года МВД телеграфировало гродненскому губернскому комиссару Ф.И. Лошкейту:: «Образованное при МВД совещание ныне обсуждает вопрос о непосильности для Государственного казначейства выдачи пайка по новым повышенным расценкам. Впредь до получения определенных указаний МВД предлагаем воздержаться от увеличения размеров пайка по новым твердым ценам на хлеб и выдавать паек выше установленного на сентябрь размера. По этому же расчету следует испрашивать кредит и на октябрь».[240] Надвигалась разруха, голод и холод. Остановить у чиновничества практически не было сил.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Благотворительность. – Романовский комитет. – Городской попечительский совет. – Лотереи и Кружечные сборы. - Помощь «Российскому Обществу Красного Креста. – Фонд Гродненского дворянства. – Алексеевский комитет. –Комитеты Императрицы Александры Федоровны и Великой княгини Марии Павловны. – Филаретовское общество. – Татьянинский комитет. – Статистика гродненской благотворительности

В годы первой мировой войны в г. Гродно благотворительностью занимались как местные учреждения, включая церковные, так и те,

инициатива в создании которых брала свое начало в столице. К их числу следует отнести образованный в мае 1914 года по указу Императора Николая П так называемый Романовский комитет. Главной целью его было признано «оказание помощи сиротам из сельского населения в возрасте от 2-х до 12-ти лет без различия племен, сословий и вероисповеданий». Председателем комитета был назначен член Государственного Совета А.Н. Куломзин. В состав его управления вошли и другие члены Госсовета: граф С.Д. Шереметев, генерал А.А. Поливанов, А.Г. Булыгин, В.И. Герье, А.К. Рачинский, К.Г. Скирмунт и др., а также члены Государственной Думы: граф В.А. Бобринский, князь В.М. Волконский, Н.А. Хомяков. В состав Романовского комитета вошли и представители ряда ведомств, включая Святейший Синод (представителем его был директор синодальной канцелярии В.И. Яцкевич).

29 июня 1914 года «Положение о Романовском комитете» поступило в Гродно. По инициативе губернатора В.Н. Шебеко, в обстановке патриотического подъема, связанного с начавшейся вскоре войной, и осуществлялось образование Гродненского губернского Романовского комитета. В его состав вошли следующие должностные лица: губернский и уездный предводители дворянства, управляющий Казенной палатой, прокурор Окружного суда, непременный член Гродненского присутствия, председатель Гродненского благотворительного общества, председатель Гродненского губернского попечительства детских приютов, уполномоченный от губернского попечительства о слепых, председатель Гродненского попечительства о тюрьмах, председатель правления Гродненского отдела общества помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, директоры женской и мужской гимназии, реального училища, губернский инспектор начальных училищ. По такому же должностному принципу формировались и уездные Романовские комитеты. Правда, в их составы по предложению губернатора вводились дополнительно земский начальник, два землевладельца и два крестьянина-домохозяина.

В связи с началом военных действий, вскоре охвативших и западные уезды Гродненской губернии, деятельность местных Романовских комитетов сосредоточилась на оказании помощи детям нижних воинских чинов, находящихся на действительной службе. В состав Гродненского уездного отдела Романовского комитета по Гродненской губернии входили: уездный предводитель дворян А.И. Ушаков, старший советник губернского правления М.А.Черкасов, земские начальники – А.Е. Курлов, В.А. Войчинский, А.А. Ознобишин, М.В. Пчицкий, М.П. Волкович, Е.Б. Эрбштейн, Н.И. Курочкин, инспектор народных училищ В.Н.Карцов, уездный исправник Н.А. Бюффонов, землевладельцы Алексей Александрович Ознобишин, М.А. Блавдзевич, О.В. Ширма. 16 марта 1915 года в состав Гродненского уездного отделения был введен князь К.С. Святополк-Четвертинский, а от крестьян-домохозяев В.В. Бычек и В.С. Голубинский. 27 января 1915 года состав уездного отдела был утвержден губернатором В.Н. Шебеко. Несмотря на обстоятельства военного времени, члены комитета провели большую работу

по выявлению сирот из крестьянских семей в возрасте от 2-х до 12-ти лет, при их участии начал разворачиваться в больших селах уезда и сеть небольших детских приютов. К сожалению, в полном объеме развернуть ее не удалось из-за приближения к городу-крепости Гродно фронта.

В отчете Романовского комитета за 1914 год ее отделения Романовского комитета Гродненской губернии еще не были учтены, хотя в списке тех, кто получил пособие из средств комитета, значились: Софийский приют Брестского Свято-Николаевского братства (1700 руб.) и приют Кобринского общества помощи нуждающимся детям (1500 руб.). Всего же в этом году комитетом была оказана помощь 5336 гродненским детям.[241]

Как и в предвоенные годы местная общественность проявляла необходимую заботу о нуждающихся. Так, гродненское благотворительное общество, содержавшее за счет пожертвований детский приют, богадельню и т.н. дом трудолюбия в ситуации резкого уменьшения финансовых и других поступлений в счет общества в марте 1915 года выступило с инициативой заменить традиционные Пасхальные визиты и рассылку поздравительных карточек (открыток) на добровольные взносы в пользу общества. И многие гродненцы откликнулись на этот призыв. На основании подписных листов можно сделать заключение об участии в этой акции в г.Гродно 82 человек, собравших на нужды общества 132 руб. 90 коп.[242]

Судя по содержанию протокола заседания Гродненской городской думы от 5 августа 1914 года, последняя с большой ответственностью относилась к предложениям губернатора В.Н. Шебеко от 28 июля 1914 года «О мерах по призрению семейств воинов, а также по организации на сей счет попечительств»: «Городская дума, считая своим священным долгом принять живое участие в оказании пособия проживающим в г. Гродне семействам запасных нижних чинов, призванных на службу для защиты Отечества, но принимая во внимание крайне неблагоприятное финансовое положение города, являющегося последствием войны (сокращение поступлений в городскую казну) постановила: 1) для обследования семейного положения лиц, призванных на действительную военную службу, а равно для сбора пожертвований и оказания названным семействам денежной помощи на время военных действий, образовать городское попечительство; 2) отпустить пока из городских средств 3 тыс.рублей на пособие от города наиболее нуждающимся семействам, присовокупив, что это пособие не является последним; 3) отпустить в распоряжение супруги гродненского губернатора М.К. Шебеко 350 рублей на выдачу пособий лицам, пострадавшим по случаю войны в районе Гродненской крепости».

Тогда же в члены городского попечительства были избраны: Г.Л. Дулевич, А.Ф. Гедройц, С.Ю. Хазан, Ф.В. Оттович, П.Э. Курляндский, А.А. Василевский, И.О. Гальперн, Ш.Г. Яновский, Э.Э. Сассулевич, Б.Д. Любич, Г.К. Рейнгард, Г.А. Койхе, П.М. Петровский, В.В. Лиодт, Э.И. Стемпневский, П.Ф. Скорупко. Деятельность этого попечительства в рамках городского общественного управления осуществлялась на протяжении второй половины 1914 и первой половины 1915 года, вплоть до эвакуации гражданских

учреждений в Калугу, на основании специальной инструкции, а также отдельной инструкции о порядке отпуска средств нуждающимся семействам нижних чинов. Была предусмотрена также и особая раздаточная ведомость. Только на делопроизводство, связанное с «призрением семейств нижних чинов, призванных по мобилизации, Гродненская казенная палата отпустила губернатору 9172 руб.30 коп.».[243]

11 августа в Гродно и уезде проводился однодневный сбор денежных средств на устройство оборудования госпиталя добровольного отряда Гродненской крепости. Большой вклад в это дела внесла супруга коменданта Гродненской крепости В.А. Кайгородова. Все началось с того, что Варвара Алексеевна Кайгородова обратилась с прошением к губернатору В.Н. Шебеко с просьбой о разрешении организовать в г.Гродно «Добровольный санитарный отряд Гродненской крепости» для устройства госпиталя для больных и раненых воинов, а также о сборе пожертвований на эти цели среди жителей г. Гродны. 27 июля такое разрешение ей было дано комендантом крепости, а затем и губернатором. Публичный сбор пожертвований начался 11 августа «путем продажи союзных флажков в г. Гродно». Проходил он под наблюдением членов попечительства «Добровольного санитарного отряда Гродненской крепости». При том число кружек не превышало 70-ти, список сборщиков заблаговременно был передан полицмейстеру, каждый из них был снабжен соответствующим удостоверением личности. По окончании сбора, проходившего при большой активности горожан, все кружки были сданы в Гродненское губернское акцизное управление, где их вскрыли и в тот же день члены особой комиссии для итогового подсчета собранных средств. Отчет о собранных пожертвованиях был предоставлен губернатору и опубликован в «Гродненских губернских ведомостях» и газете «Наше утро». При проведении этой акции часть расходов, связанных с устройством сбора пожертвований, взяла на себя частная типография С. Гана. Об успехе данной акции свидетельствует письмо генерала В.Н. Шебеко к председательнице санитарного отряда В.А. Кайгородовой от 18 августа 1914 года: «Милостивая Государыня, Варвара Алексеевна. Возвращая при сем утвержденный мною отчет о «Дне союзных флагов», устроенном в г. Гродно 11 текущего августа для сбора пожертвований в пользу состоящего под Вашим попечительством «Добровольческого санитарного отряда Гродненской крепости», прошу Ваше Высокопревосходительство принять мои искренние поздравления с блестящим успехом патриотического дела». В адрес санитарного отряда В.А. Кайгородовой поступали денежные взносы со всей губернии. Среди пожертвователей на его нужды значились: «Бельский уездный предводитель дворянства А.В. Богданов (25 рублей), Пружанский уездный предводитель дворянства Б.Н. Палеолог (1350 рублей).[244]

19 августа губернатор В.Н. Шебеко на основании разрешения МВД предложил выставить во всех подведомственных этому министерству учреждениях, в доступных местах, кружки для сбора пожертвований на нужды «Российского общества Красного Креста». В числе первых пожертвователей были чиновники Гродненской контрольной палаты,

перечислившие в его пользу 39 руб. 35 коп. Благодарность губернатора и попечительницы «Гродненской общины сестер милосердия» Ю.А Ушаковой заслужил земский начальник 1-го участка Гродненского уезда А.Е. Курлов, собравший для нужд «Красного Креста» и местной общины 146 руб. 46 коп., а спустя неделю еще 100 рублей.

9 октября 1914 года «Кружок дам 26-ой артиллерийской бригады» в г. Гродно обратился с просьбой к губернатору об устройстве с 12 по 19 октября сбора белья, теплых вещей, чая, сахара и табака для нужд нижних чинов действующей армии. Всю ответственность за организацию этих сборов брали на себя: жена подполковника бригады Анна Милославовна Сулевская, жена капитана – Надежда Александровна Мицеловская, жена штабс-капитана Евгения Георгиевна Грейц.

28 октября 1914 года директор Гродненской мужской гимназии имени графа Тормасова А.И. Глебов перечислил в Гродненское казначейство 219 руб.80 коп. «на нужды раненых и необеспеченных семейств лиц, взятых на военную службу», а через месяц еще 134 рубля.

Кроме сбора пожертвований на нужды «Красного Креста» шла активная запись в число его действительных членов (членский взнос 5 рублей) и членов-соревнователей (взнос 3 рубля), которые также направлялись на цели общества. Председателем Гродненского местного управления «Российского общества Красного Креста» являлся губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович.

Своеобразную форму помощи «Красному Кресту» избрали представители гродненского еврейского населеия (Г.Т. Замковский, С. Хазан, М.Г. Лангборт, М.Л. Анцелевич, И.О. Гальперн, Г. Босин, Э.М. Гурвич, З.А. Гониондзский, Н.Б. Иоз, М.О. Иофе, Г.М. Каценельсон), решившие 17 ноября 1914 года «в ознаменование пребывания в г.Гродне Их Императорских Величеств учредить 25 кроватей для раненых и усилить выдачу пособий семействам лиц, призванных на военную службу из запаса».

Глубокую отзывчивость к человеческому горю проявили крестьяне Каменской волости Гродненского уезда (волостной старшина С.Гулько) при сборе пожертвований на нужды «Красного Креста» холстами, рубашками и кальсонами; они же перечислили на счета местного управления деньгами – 56 руб. 92 коп. Холст был привезен в Гродно в тюках весом в 15 пудов 29 фунтов. Среди пожертвователей значились крестьяне: Иван Мороз, Яков Ключник, Яков Зданович, Иван Гулипик, Кузьма Конон, Алексей Белайц, Тимофей Антонович, Петр Белайц, Юрий Шевчик, Александр Мазан, Семен Ячковский, Казимир Хвойницкий, Викентий Кривулька и др.[245]

15 ноября 1914 года правление Гродненского «Общества попечения о детях» совместно с римско-католическим благотворительным обществом при Фарном костеле на собственные средства открыли в помещении приюта общества, находящегося в г. Гродно по Татарскому переулку, бесплатную столовую для детей из беднейших семейств на 50-100 человек. Эта инициатива была горячо поддержана губернатором, выделившим для этих целей столы и стулья из фондов губернского правления. Высокую оценку

властей получили усилия Гродненского Софийского православного братства, много сделавшего для сбора пожертвований «в пользу ушедших на войну запасных из г. Гродно». «Поистине неутомимой» была названа губернатором деятельность И. Шелутинского, исполнявшего в то время обязанности председателя Совета братства.

Большой активностью выделялась в своей благотворительной деятельностью владелица имения Большая Лососна М.И. Боголюбова, которая весьма успешно провела в городах Гродно и Кузница однодневный сбор пожертвований 25 ноября на покупку подарков к Рождественским праздникам для солдат, находящихся на позициях.

О том, как осуществлялась данная работа, можно судить по прошению от 29 ноября на имя губернатора представительницы «Кружка дам 26-ой артбригады: «На собранные в течение разрешенной Вами «Неделе белья» суммы были приобретены материалы и из них нами изготовлены разные теплые вещи, которые вместе с другими предметами, поступившими из многих учреждений и частных лиц в натуре, сего ноября нами вместе с поручиком Масловским отправлены на позиции. В настоящее время к нам поступают уведомления о получении нижними чинами посланных им вещей со словами сердечной благодарности. Конечно, посланного количества оказалось далеко недостаточно для удовлетворения нужд, испытываемых нашими артиллеристами. Поэтому мы путем самообложения собрали между собой опять небольшую сумму на приобретение для нижних чинов бригады Рождественских подарков. Нечего и говорить о том, что сумма, собранная нами, ничтожна и что для отсылки «подарков» нижним чинам, (стоимостью для каждого, хотя бы по 20-30 копеек) нужна посторонняя помощь. Ввиду этого обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой разрешить нам произвести 7-го сего декабря однодневный сбор денежных пожертвований на покупку означенных подарков путем продажи значка «солдатский погон».

Означенной деятельностью в г. Гродно, кроме организаций «Красного Креста» занимались одновременно Гродненские отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны и комитета великой княгини Татианы Николаевны. На их счета также поступали значительные пожертвования от жителей Гродно и губернии. Так, 25 января 1915 года в городских кинематографах «Сатурн» и «Люкс» были устроены киносеансы в пользу означенных комитетов по оказанию помощи больным и раненым воинам и членам их семей. Весь сбор в размере 374 руб. 88 коп. был переведен на их адреса в Петроград.

Образованный в г.Гродно 18 ноября комитет для сбора пожертвований деньгами и вещами в пользу пострадавшего от войны населения Царства Польского также активно работал на территории всей губернии. В составе комитета, состоявшего из 35 человек, были представители всех проживавших в городе национальностей и конфессий. Впоследствии эта группа в полном составе обрела членство в Татианин (в обиходе Татьянинском – В.Ч.) комитете. Весьма хорошо был организован этим комитетом сбор пожертвований деньгами и холстами в Волпянской и Мостовской волостях

Гродненского уезда (волостные старшины -–В. Домещик и М. Кучер). В списке пожертвователей Мостовской волости значилось 584 человека.

7 января с разрешения губернатора в Гродненском городском театре по ходатайству председателя местного правления Петроградского общества помощи населения Царства Польского, пострадавшему от войны ксендза Антония Чернявского, состоялся большой вечер-концерт, организованный обществом «Муза». В концерте участвовал хор общества под управлением Ольшинского, а также индивидуальные исполнители музыкальных и сольных произведений (Бортновская, Свидерская, Пехачко, Пруссатор, Левицкий, Котарбинский, Кулаков и др.). Один миллион штук папирос пожертвовал армии табачный фабрикант Шерешевский.

Патриотический подъем, охвативший жителей губернии в первые дни и месяцы войны, нашел свое выражение в желании многих из них оказывать помощь раненым воинам. В числе первых выступил с таким предложением землевладелец Г.С. Цецерский, который 24 июля 1914 года в своем письме к губернатору, в частности, писал: «Вполне сочувствуя славянской войне с немцами, имею честь предложить мой дом в Сломичине (место моего жительства, в одной версте от почтовой ст. Семятичи) как госпиталь для раненых воинов. Моя жена отказалась уехать в спокойные места и хочет посвятить себя уходу за больными и опекой над ранеными. Она вместе с дамами-воспитательницами моей дочери хорошо знает это дело. Дом свой я уже почти очистил и ожидаю присылки кроватей, доктора и раненых. В случае надобности я готов посылать возы за ними в пределах возможности. Стеклянные шкафы для инструментов и лекарств, ванна и фарфоровая посуда в доме имеются. Дрова доставлю. Замечу, что теперь в Семятичах доктора нет, а только два фельдшера. Просьба не присылать к нам больных заразными болезнями, а присылать только раненых воинов (русских, поляков, литвинов)».

Представили помещения для размещения раненых в своих имениях землевладельцы: И.И. Глиндзич (Кватеры Волковыского уезда), граф Красницкий (Гнезно Волковыского уезда), Е.И. Костальская (местечко Дрогичин), Стефания Дзековская (Лысково), В.В. Котковский (Мочулино), И.И. Горчак (Писаржевцы Сокольского уезда) и др. 1 августа 1914 года граф Ф.В. Пусловский отправил губернатору следующую телеграмму: «При самоотверженном содействии населения поселка Альбертин приготовил помещения для свыше трехсот раненых, а также больше ста кроватей с постелью и бельем. Имеем фельдшера и две английские сестры милосердия». 16 сентября 1914 года Слонимский исправник Мачинский 16 сентября 1914 года по этому поводу сообщал: «В Слониме оборудовано два лазарета: один в Бернардинском монастыре (22 кровати, другой в еврейской больнице средствами еврейского общества (10 кроватей). В Шуйских казармах оборудовано пять военных госпиталей на 1050 кроватей и в имении Альбертине средствами помещика Пусловского – один лазарет на 105 кроватей. Раненых пока нет». 29 июля откликнулось на войну и правление общества Друскеникских минеральных вод: «Воодушевленные желанием

принести посильную лепту в тяжелые дни, переживаемые государством Российским, и облегчить страдания раненых воинов, а также принимая в соображение, что Друскеники по своим благоприятным климатическим условиям могли бы оказаться особенно полезными как эвакуационный пункт для лечения от полученных ран, нами решено представить безвозмездно в пользование Красного Креста помещения с 50 кроватями, оборудованные постелью и бельем, а также пять ванных комнат. М.О. Малиновский, И.А. Карсновский, Б.О. Кунатт и др.)». Всего на 15 сентября 1914 года местным населением было добровольно предоставлено для нужд раненых воинов 12 домов и других помещений с соответствующим медицинским оборудованием на 560 кроватей.[246]

В течение декабря 1914 года и января 1915 года по всей губернии проходила компания по сбору и отправке в действующую армию рождественских подарков. Особую активность в этом проявляли уездные предводители дворянства, а также настоятели православных и католических приходов. Население о порядке и месте приема пожертвований (подарков и теплых вещей) оповещалось путем печатных объявлений и через сельских должностных лиц. По мере накопления подарков они доставлялись в канцелярии предводителя дворян, где выдавались поставщикам подарков соответствующие квитанции. Затем подарки через армейские штабы отправлялись на передовые позиции посредством как гужевого, автомобильного транспорта, так и по железной дороге.[247]

4 августа 1914 года во время встречи В.А. Кайгородовой с губернатором В.Н. Шебеко отмечалось, что «в настоящее время лазарет при крепости организован прекрасно, и успех его деятельности стоит в прямой зависимости от притока пожертвований». В документах, имеющих отношение к этому делу, хранятся подписные листы, присланные земским начальником 1-го участка Гродненского уезда А.Е. Курловым: первый – на 188 руб. 71 коп., второй – на 111 руб.15 коп., третий – на 193 руб.27 коп. и четвертый – на 81 руб, в которых были указаны имена не только персональных жертвователей на крепостной госпиталь, но и коллективных, т.е. от имени жителей целых деревень.[248]

В августе 1914 года Гродненское дворянское собрание принимало участие в сборе денежных средств и материалов для оборудования в Москве под эгидой «Общедворянской организации помощи больным и раненым воинам» нескольких санитарных поездов. Тогда же под председательством губернского предводителя дворянства Н.Г. Неверовича был образован «Фонд Гродненского дворянства по оказанию помощи жертвам войны». В воззвании фонда, распространяемом по всей губернии, в частности, говорилось: «Гродненское дворянство, кость от кости и кровь от крови того же долготерпеливого, но грозного для его врагов Славянства, не может, верное духу и заветам его предков, отнестись безучастно к переживаемому историческому моменту… Преклоняясь перед державной волей Государя Императора, гродненское дворянство уже имело счастье выслать в ряды бойцов за Отечество своих сыновей, которые сумеют с честью заслонить

своей грудью родные очаги… Павшие и обессилевшие на поле брани вправе ожидать от нас заслуженного ими ухода и заботы…». По отрывочным документам «Фонда Гродненского дворянства» им на оборудование санитарных поездов в Москве только в августе-октябре 1914 года было отправлено около двух тысяч рублей.[249]

Широкой благотворительной деятельностью в Гродно и уезде занимался Алексеевский главный комитет в Петербурге, который, начиная с 1911 года, выплачивал пособие тем детям до достижения 18 лет, чьи отцы погибли на русско-японской войне или утратили трудоспособность на этой войне после 1 января 1909 года. На 1 августа 1912 года только в г. Гродно и уезде значилось 28 семейств, получавших пособия от Алексеевского комитета. Из ведомости о получении пособий детьми воинов русско-японской войны в Гродно за первое полугодие 1914 года следовало, что названный комитет ассигновал им 1650 руб.27 коп.[250]

Со 2 сентября 1914 года Совет министров возложил на Алексеевский комитет и обязанность «призрения детей офицеров и нижних чинов, погибших или утративших трудоспособность в войну с Германией и Австро-Венгрией». Из объявлений этого комитета, расклеиваемых по всей губернии, можно было узнать, что «каждому из детей нижних чинов, погибших на войне или же лишившихся вследствие войны способности к работе, будет выдаваться в год, после прекращения выдачи казенного пайка, если они его получали, и до достижения 16 лет от роду по 24 рубля для живущих в селах, деревнях и местечках, и от 30 до 42 рублей детям, проживающим в больших городах».

В течение 1914 –1915 годов, вплоть до вступления кайзеровских войск в Гродно, такие пособия выдавались сотням гродненцев. После эвакуации «Гродненского уездного комитета по призрению детей, состоящих под покровительством Алексеевского главного комитета» в г. Калугу, он по-прежнему продолжал выдачу пособий в прежних размерах детям-сиротам, чьи отцы пали в годы русско-японской и первой мировой войн. Весьма характерно, что одну из раздаточных ведомостей, сохранившихся в архиве, составляли имена детей офицеров 26-ой артиллерийской бригады, погибших в Восточной Пруссии летом 1914 года. В частности, возглавляла сиротский список София Сулевская, дочь подполковника, а за ней значились имена Анны Жуковской и Станислава Жуковского – детей подпрапорщика 5-ой батареи упомянутой артбригады.[251]

Осенью 1914 года духовенство Гродненской епархии во главе с архиепископом Михаилом (Ермаковым) оказывало большое содействие «Комитету по оказанию благотворительной помощи семействам воинов, ушедших на войну», действовавшему в стране под покровительством императрицы Александры Федоровны. По благословению гродненского владыки во всех храмах епархии 4 сентября и 20-21 ноября 1914 года были успешно проведены кружечный и тарелочный сборы на нужды названного комитета. Собранные пожертвования были отправлены почтовыми переводами на имя верховного совета комитета в Петрограде. Активными

участниками этой и других благотворительных акций по оказанию помощи жертвам мировой войны были члены Гродненского православного Софийского братства. Большая работа в этом направлении проводилась и членами церковно-приходских советов Гродненского уезда. Летом 1915 года «Комитет императрицы Александры Федоровны» проводил значительную работу на территории всей Гродненской губернии по оказанию помощи русским военнопленным. Он принимал пожертвования от гродненцев одеждой, продуктами, табаком, мылом для последующей передачи по международным каналам всего этого нашим землякам, томящимся в германском плену.

«Александровский комитет по ранам и увечьям», отметивший в 1914 году 100-летие своего основания, через свои отделения в Гродненской губернии назначал единовременные пособия нижним чинам, выписанным из лечебных учреждений в отпуск для поправки здоровья на срок от 6-ти месяцев до 1 года, или при полном освобождении от службы по нездоровью. Принятые под покровительство этого комитета лица (по бедности или по болезни, ранению, увечью), получали также и ежегодное пособие. Все нижние чины, «утратившие в военное время трудоспособность вследствие полученных ими ран или болезней», имели право на получение ими пенсий из «сумм казны» С этими просьбами данные лица должны были обращаться в уездные или городские по военной повинности присутствия к уездным воинским начальникам. Александровский комитет выплачивал такие единовременные пособия вдовам, сиротам и родителям нижних чинов, убитых, а также умерших от ран или увечий. Им выдавались пособия по бедности, болезни и несчастным случаям. Кроме того, вдовы и круглые сироты нижних чинов, погибших на войне, имели право на получение пенсий из сумм казны. Все семейства нижних чинов, призванных на действительную военную службу по мобилизации, пользовались правом призрения за счет казны. Это призрение выражалось «в выдаче продовольственных пособий деньгами, полагая на каждое призреваемое лицо не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц. Детям до 5-ти лет пособия выдавались в размере половины стоимости означенных продуктов. Членами семейств считались: жена и дети; мать, дед, бабка, братья и сестры, если они содержались трудом призванного».[252] С просьбами о назначении пособий все нуждающиеся обращались в местные городские или волостные правления. Дела по призрению семейств нижних чинов находились под пристальным вниманием губернатора В.Н. Шебеко.

Уже в декабре 1914 года на имя губернатора стали поступать жалобы от семей призванных в армию, а также от самих призванных, в которых указывалось на крайне несвоевременную выдачу им пайка. В этой связи губернатор потребовал от земских начальников «принять все меры к тому, чтобы попечительства внимательнее относились к исполнению возложенных на них обязанностей», не дожидаясь вышеуказанных жалоб и заявлений. Вместе с этим, он потребовал в течение месяца установить, везде ли в волостях уточнены списки членов семейств призванных, претендующих на

получение пайка. В своем предписании губернатор требовал от подчиненных установления того: «выданы ли расчетные книжки всем семьям, пользующимся продовольственным пособием от казны, правильно ли заполняются эти книжки, правильно ли заносятся в денежную книгу не взятые своевременно пособия и выдаются ли эти пособия полностью на руки». Произведенной в течение декабря месяца ревизией делопроизводства по выдаче семействам фронтовиков продовольственного пособия было установлено, что одной из главных причин несвоевременной выдачи пособий явилось слабое знание чиновниками, занятых этим делом, инструкций, на основании которых оказывалась семействам нижних чинов материальная помощь от казны. Считая, что оправдания со стороны попечительства своей медлительности являются неуважительными, начальник губернии настойчиво напоминал им о том, что «двухнедельный срок для раздачи пайков по соответствующим ведомостям является предельным». Более того, он рекомендовал даже выдавать эти пособия «в города вперед на месяц, а в сельской местности за три месяца вперед».

Имели место и другие недоразумения, связанные с выдачей продовольственных пайков. Так, распоряжением Верховного главнокомандующего от 22 августа 1914 года по всем войскам действующих армий было распространено постановление МВД «о приостановлении взыскания долгов во все продовольственные источники, числящихся за призванными в войска запасными и ратниками ополчений». Вместе с тем МВД уведомило губернаторов, что «пособия эти удержанию на пополнение числящихся за семьями призванных недоборов либо недоимок подлежать отнюдь не могут». И, тем не менее, указывал в дальнейшем губернатор земским начальникам, «ныне от нижних чинов стали получаться на родине письма о том, что не следует производить вообще платежей всякого рода повинностей». Вследствие распространившихся по этому поводу среди крестьян слухов, стало наблюдаться в некоторых местностях уклонение сельских обывателей от платежа повинностей и арендных денег на землю.

Сообщая об этом и принимая во внимание, что «неправильное толкование крестьянами предоставленной семьям призванных на службу льготы по отсрочке продовольственных долгов понятой ими в смысле приостановления платежа всех вообще повинностей, может повлечь за собой серьезные волнения и сопротивления властям», губернатор требовал от подчиненных детального разъяснения крестьянам на волостных и сельских сходах «и там, где это представляется возможным», действительный смысл и значение вышеуказанной льготы.

Следует признать вполне оправданными и рассуждения В.Н. Шебеко в отношении оказания сельскохозяйственной помощи семьям воинов-фронтовиков: «рекомендуя оказывать содействие к представлению мирской помощи при весенних работах (28 марта 1915 года – В.Ч.) семьям призванных в войска, я имел в виду исключительно добровольную помощь сельских обществ тем семьям, которые по недостатку средств и рабочих рук нуждаются в общественной поддержке, а потому никакие принуждения в этом деле со

стороны администрации недопустимы», так как «крестьянские учреждения приглашаются лишь содействовать доброму почину самих обществ, помогая им в выборе наиболее целесообразных способов помощи действительно нуждающимся призванным», но там, писал далее губернатор, «где семьи запасных оказываются в положении более благоприятным, чем их соседи, такая помощь может оказаться не только неуместной, но и возбудить против них население».[253] Так, 26 января 1915 года, обращаясь к городским и волостным попечительствам о вышеуказанных семействах, он писал: «Приказом по военному ведомству от 15 октября минувшего года за № 670, предоставлено право эвакуационным госпиталям свидетельствовать и увольнять в отпуска на родину (на срок от ½ до 1 года) раненых или больных нижних чинов… При применении указанного правила возник вопрос о праве на паек семьи нижнего чина по возвращению его домой в отпуск, причем, по имеющимся сведениям, в некоторых случаях учреждения, заведующие призрением семейств, отказываются от дальнейшей выдачи пайка семьям таких отпускных нижних чинов. Считаю, что это неправильно, а потому на основании существующего положения за семьями означенных нижних чинов должно быть сохранено право на получение производившегося или продовольственного пособия и в течение всего времени нахождения сих чинов в отпуску, если только до окончания такового им не будет назначена пенсия, или же, если за прекращением военных действий они не будут вовсе освобождены от продолжения военной службы ранее истечения срока отпуска».

Из переписки губернатора с подведомственными ему чиновниками видно, что он всецело поддерживал решения правительства «на разрешение продажи городскому и посадскому местечковому населению местностей, пострадавших от военных действий, хлеба по заготовительной цене в рассрочку платежа с получением задатка в размере не менее 1/10 части стоимости и оплаты остальной суммы в течение 3-х лет и выдачи сему населению ссуд натурою и безвозвратных продовольственных пособий за счет отпущенных государственным казначейством средств».

На совещании 28 февраля 1915 года, состоявшимися под председательством В.Н. Шебеко, все дело по оказанию продовольственной, семенной и благотворительной помощи населению г. Гродно, пострадавшему вследствие сожжения их жилых построек, реквизиции всяких продуктов, и уничтожения на топливо древесных материалов останавливающимся здесь воинскими частями, а потому нуждающемуся по своей бедности в неотложной помощи для обеспечения продовольственных потребностей, было решено сосредоточить в губернском присутствии, а само обследование нуждающегося населения возложить на городское управление, а в уезде – на волостные попечительства. Совещание постановило «безотлагательно приступить к обследованию нужд населения и сбору сведений о размере потребного для городского населения хлеба и зерна. Такие материалы и сведения должны были представлены в губернское присутствие по телеграфу в сроки не позднее 10 марта».

Заботило губернатора и положение крестьян прилегающих к Гродно сел. Свидетельством тому может быть его письмо от 2 апреля 1915 года к уездному предводителю дворянства А.И. Ушакову: «Милостивый Государь, Александр Иванович. Ввиду поступающих ко мне жалоб от крестьянского населения о том, что у него не имеется зерна для весенних посевов, и что в некоторых местах оно даже испытывает нужду в продовольствии, и оно не имеет денег для того, чтобы приобрести нужные ему продукты, я прошу Вас теперь же через земских начальников проверить работу волостных попечительств и принять меры к тому, чтобы население каждой волости знало, где живут их попечители, дабы иметь возможность со всеми своими нуждами обращаться непосредственно к ним… Если население, пострадавшее от военных действий, терпит нужду и не имеет средств прокормить себя, то я прошу Вас немедленно сделать через земских начальников распоряжение об устройстве даровых столовых за счет комитета Великой княжны Татьяны Николаевны. Нужные для этого денежные средства будут мною переводиться в Ваше распоряжение без всякого промедления. Вместе с тем, я вторично обращаю Ваше внимание на необходимость при первой возможности устраивать неимущее население, способное к труду, на заработки и прекращать выдачу их семьям даровых обедов и пайков, как только рабочие члены семьи найдут себе заработки».

Подтверждением вышеуказанному может быть и другое письмо губернатора (от 25 июня 1915 года), адресованное земским начальникам Гродненской губернии: «Ко мне поступают жалобы на то, что некоторые должностные лица крестьянского общественного управления резко негативно относятся к просьбам и жалобам семейств нижних воинских чинов, призванных по мобилизации. Прошу ко всем просьбам людей относиться благосклонно, удовлетворяя их при малейшей законной возможности и ни в коем случае никогда (подчеркнуто губернатором – В.Ч.) не отказывать резко и нетерпеливо, а всякий раз спокойно и доброжелательно разъяснять им причину отказа. Придавая особо важное значение такому отношению к семьям запасных, прошу отнестись к этому вопросу с самым серьезным вниманием».[254]

Огромную роль по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий на территории Гродненской губернии сыграл образованный 14 сентября 1914 года в Петрограде «Комитет Великой княжны Татианы Николаевны» (Татьяновский комитет), находившийся под умелым руоводством А.Б. Нейдгарта (царская дочь Татьяна занимала в нем формальный пост почетной председательницы. В фондах НИАБ г. Гродно хранится немало свидетельств благотворительной деятельности этого комитета. Вот некоторые из них. 16 апреля 1915 года Татьянинский комитет обратился к уездному предводителю дворянства А.И. Ушакову с просьбой о проведении на цели комитета трехдневного уличного вещевого и кружечного сбора, приурочив его к 29 мая 1915 года, т.е. ко дню рождения императора Николая II. В связи с этим Ушакову предлагалось возглавить для этих целей особый комитет, в состав которого должны были войти представители всех

национальностей и вероисповеданий, объединенных лишь для одного – облегчения участи наших близких, пострадавших от военных действий».

Поддержал инициативу Татьянинского комитета и гродненский губернатор В.Н. Шебеко, предложивший, кроме кружечного сбора, провести 29-31 мая в городском саду Гродно лотерею-аллегри. В его обращении к жителям города от 15 мая 1915 года по данному поводу говорилось: «Высокогуманная задача, преследуемая Комитетом, для всякого очевидна. Увеличение всеми доступными способами средств комитета на это благое дело имеет для Гродненской губернии особенно важное значение, так как сюда стекаются беженцы с театра военных действий, благосостояние коих находится в прямой зависимости от средств Комитета. Я уверен, что жители Гродненской губернии без различия национальностей и вероисповеданий, с живейшим участием придут на помощь тому несчастному населению, которое на грудь свою приняла первый удар жестокого врага».

Точные сведения о вкладе гродненцев в деятельность Татьянинского комитета отсутствуют. Имеется лишь указание губернатора на то, что лотерея и кружечный сбор в городах и селах Гродненщины «прошли успешно». Особенно активно эти мероприятия проходили в г.Волковыске и уезде при «выдающемся усердии и трудах православных священников Иоанна Дружиловского и Феодора Павловича». Здесь только 29 мая 1915 года было собрано 3342 руб. 70 коп. Для проведения кружечного сбора создавались особые подкомиссии. Из «Акта» одной из них от 17 июня 1915 года о вскрытии 14-ти кружек оказалось, что в кружке № 1 (м. Мосты) оказалось 26 руб. 60 коп., в кружке № 2 (м. Каменка) – 14 руб. 09 коп., в кружке № 3 (м. Волпа) – 31 руб. 55 коп., в круже № 4 (м. Индура) – 33 руб. 72 коп., в кружке № 5 (м. Индура) – 59 руб. 82 коп., в кружке № 6 (м. Крынки) – 32 руб. 67 коп., в кружке № 7 (м. Крынки) – 37 руб. 98 коп., в кружке № 8, 9, 10 (м. Скидель) – соответственно 20 рублей, 24 руб. 66 коп., 24 руб. 16 коп., в кружке № 11 (м. Лунно) – 3 руб. 34 коп., в кружке № 12 (м. Озеры) – 28 руб. 54 коп., в кружке № 13 (м. Великая Берестовица) – 19 руб. 46 коп. и в кружке № 14 по г. Друскеники – 24 руб. 39 коп. Всего этот однодневный сбор по вышеуказанным населенным пунктам дал в фонд Татьянинского комитета 385 руб. 93 коп.

С января 1915 года большую работу по снабжению теплой форменной одеждой, бельем и сапогами больных и раненых нижних чинов, «увольняемых на родину вовсе от службы или в продолжительный отпуск для поправки здоровья» из лечебных учреждений Гродно и уезда проводил Комитет великой княгини Марии Павловны, находившийся в Петрограде. Обязанности уполномоченных этого комитета губернатором были возложены на уездных предводителей дворянства Гродненской губернии. При этом В.Н. Шебеко просил их «отнестись к этому делу с особой энергией». И уже 18 марта 1915 года Гродненский уездный предводитель дворянства А.И. Ушаков сообщал губернатору В.Н. Шебеко о том, что «с начала года на родину уволены и полностью обмундированы 582 нижних чина, включая и казаков. На эти расходы были использованы как свободные суммы управления воинского

начальника, так и выделенный комитетом аванс в 3 тыс. рублей. Способ снабжения был следующий: сразу же по прибытию в управление уволенных на родину солдат, все имеющаяся у них одежда и обувь осматривалась лично воинским начальником и не соответствующая требованиям тут же заменялась годной в зависимости от состояния здоровья, климатических условий и средства передвижения уволенных с зачетом принесенных ими на себе вещей. Вторая смена белья увольняемым воинам не выдавалась, так как не было об этом распоряжения.

На складе управления достаточный запас одежды, белья и сапог, действует мастерская по ремонту вещей, оставляемая увольняемыми со службы. Правом на обмундирование пользовались все нижние чины, выписанные из городских и уездных лечебных учреждений. В комплект, выдаваемый уволенным со службы, входили также: фуфайка или шинель, кепи или шапка, исподние брюки и теплые варежки или теплые перчатки, валенки (вместо сапог), башлык или наушники.

Гродненский военный лазарет (госпиталь) в июле 1915 года разместил в спецмастерской свой заказ «на изготовление 1200 таких комплектов впрок, т.е. про запас. В пошивочных работах принимали участие и местные гимназисты. Так, 25 октября 1914 года начальник Гродненской женской гимназии А.М. Святухин обратился в канцелярию своего ведомства в Петрограде с просьбой о выделении 20 кусков материала (бязи) в связи с «желанием группы учениц гимназии принять участие в изготовлении белья для больных и раненых воинов, в чем, по заявлению председательницы местного комитета «Красного Креста», чувствуется крайняя необходимость, но, к сожалению, ни на складах комитета, ни в частной торговле соответствующего материала не имеется».[255]

Начиная с ноября 1914 года и по лето 1915 года в г. Гродно и губернии действовало Гродненское отделение «Всероссийского Филаретовского общества народного образования, ставившее своей целью оказание материальной помощи семьям местных учителей, ушедших на войну.

Весной-летом 1915 года находившиеся в Гродно больные и раненые офицеры широко пользовались услугами городского филиала «Общества по представлению бесплатных квартир в г. Ялте и ее окрестностях больным и раненым офицерам армии и флота», как для получения льгот на проезд на юг, так и для получения соответствующего лечения. Тогда же в городе действовало на общественных началах справочное бюро, помогавшее беженцам в помощи потерявшихся в дороге детей. Члены этого общества вывешивали в городе объявления (12 марта 1915 года) с просьбой о содействии в возвращении к родителям детей в возрасте от 12 до 16 лет (чаще всего гимназистов, реалистов, кадетов, а иногда и крестьянских детей), в разное время бежавших в действующую армию. Имена некоторых из них: Добровольский Александр, Гурлянд Петр, Танцуев Георгий, Ткач-Савич Михаил, Губкин Сергей, Величковский Евгений, Булатова Наталья (девица 15-ти лет). Безуспешными, судя по всему, были поиски Ефимова Сергея, 16-ти лет, бежавшего на фронт из г. Слонима.[256]

В ту пору на тумбах для объявлений часто помещались рядом информационные листки о подвигах детей-героев на фронтах войны, а с другой стороны – объявления о их розыске. В архивных материалах таких документов немало. Вот только некоторые из них: «Девушка-герой. Ученица У1 класса Виленского Мариинского училища Кира Башкирова 8-го декабря 1914 года под фамилией Николая Попова записалась добровольцем в один из сибирских стрелковых полков. В ходе ночной разведки у местечка № она выказала столько мужества, что была награждена орденом Св.Георгия 4-ой степени. Затем до сведения начальства дошло, что доброволец Николай Попов – девица, а потому была отправлена в Вильно, к месту жительства ее родителей. Храбрая девушка домой не явилась, а поступила добровольцем в другую часть, где недавно в сражении с неприятелем была ранена. Оправившись от раны, девушка-герой вновь прямо из госпиталя отправилась на позиции. Рядом с текстом – фотография в военной форме, похожей на мальчишку Киры Башкировой.

Другой листок с фотографией 15-летнего мальчика – казака Ивана Казакова, также награжденного Георгиевским Крестом за то, что в боях в Восточной Пруссии во время удачной разведки обнаружил германскую батарею, которая была пленена затем русским отрядом. Кроме того, он отбил пулемет от немцев и спас своего командира – прапорщика Юницкого.[257] Безвестные ныне герои… А ведь они были и в эту войну, но много ли нам о них было известно? Между тем, эти люди – гордость России.

Там же, на упомянутых тумбах, вывешивались афиши о благотворительных мероприятиях. Вот одна из них: «Благотворительный концерт «Россия – разоренным окраинам». Состоится 29 мая 1915 года в городском театре Гродны. Все сборы пойдут в пользу Татьянинского комитета. В концерте принимают участие: заслуженная артистка императорских театров Е.И. Збруева (опера), И.Ф. Калесинский, О.О. Преображенская (балет), Л.Н. Муромская (балет), г-жа Нордуччи (неополитанский романс), артист Императорских театров Корвин-Круцковский (драма), В.В. Абаза (виртуозная балалайка) и вокальный квартет «Алеко». Аккопонемент М.Т. Орлова…».

Разумеется, в годы войны гродненцы участвовали и в таких благотворительных акциях, которые не получили какого бы то ни было общественного резонанса, но и они имели место: такова жизнь. Так, в сентябре 1915 года уже в Калуге, чины Гродненского ГЖУ принимали участие в сборе средств для утверждения двух стипендий имени генерал-майора В.Ф. Джунковского «в связи с оставлением им должности командира отдельного корпуса жандармов и в связи с поднесением ему иконы-складня Св. Николая Чудотворца. Взнос на это чествование не должен был превышать 85 копеек с офицера и 5 копеек с нижнего чина». Последнее предписание, вероятно, самого Джунковского, отбивавшегося от чрезмерных почестей в свой адрес.

Об уровне нравственности самих благотворителей можно судить по следующему факту. 21 мая 1916 года Татьянинский комитет послал на имя гродненского губернатора в Калугу следующую телеграмму: «В связи с днем

рождения 29 мая сего года Августейшей председательницы Комитета убедительно просим из-за переобременения телеграфа работою, связанною с событиями переживаемого времени на фронтах войны, от вверенных Вам отделений Комитета поздравительных телеграмм не посылать».

После Февраля 1917 года на Татьянинский комитет начались гонения, великая княжна была отстранена от должности, а затем последовало и переименование его во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны. Однако гродненцы по-прежнему называли это учреждение Татьянинским. Имеются сведения, что в январе-феврале 1917 года все учащиеся эвакуированных вглубь страны учебных заведений г. Гродно, получали ежемесячно по 5 рублей пособия при условии наличия в действующей армии их родственников, в тех же случаях, когда среди детей обнаруживались те, чьи отцы погибли на войне или получили ранение, то они получали пособие в размере 15 рублей. Из числа учениц Гродненской акушерско-фельдшерской школы, оказавшейся в Калуге, такие пособия получали: Антония Толкун, Монетя Бузелис, Елена Лавринович, Елена Охриц, Агафья Макарович, Вера Макарова, Александра Мурина, Людмила Семенова, Олимпия Яковлева, Мария Александрович, Вера Кузьмич, София Микуловская, Татьяна Монгард, Евгения Вонсович.[258]

Трудно переоценить деятельность Татьянинского комитета по оказанию помощи беженцам в поиске родных и близких, разбросанных войной на огромных пространствах России. Память о благородной миссии данного комитета до сих пор жива у многих гродненцев. Один из них – профессор Гродненского госуниверситета имени Янки Купалы В.Г. Тарантей (Таранцей), показывая мне некоторые материалы из семейного архива (письма, почтовые открытки, фотографии и др.) с особым ударением передавал восхищение своей бабушки тем, как точно и оперативно откликнулся комитет на ее просьбу о розыске одного из своих сыновей: «Это ж надо, царская дочка не погнушалась и ответила мне, простой беженке-крестьянке».

Как священная реликвия хранится в семье В.П. Тарантея ответ его бабушке из «Бюро Сношений» Татьянинского комитета (Петроград, Литейный, 47-13) от 26 января 1917 года, № 80: «Беженке Гродненской губернии Анне Федоровне Таранцей (Тобольская губ., Тюменский уезд, Червишевская вол., дер.Большая Балда). На просьбу о розыске Вашего сына Владимира Андреевича Таранцея, фельдшера Свислочской сельской лечебницы, Бюро Сношений уведомляет Вас, что Свислочская сельская лечебница не функционирует со времени эвакуации ее из пределов Гродненской губернии, фельдшер же названной лечебницы Владимир Таранцей призван по мобилизации на военную службу и находится в настоящее время в войсках. Адрес его следующий: Действующая Кавказская Армия. 150-й Дезинфекционый отряд 123-й пехотной дивизии».

Радость от приятной весточки, что сын жив-здоров, у большого семейства Тарантеев, ставших по военным обстоятельствам «сибиряками» была, разумеется, неописуемой. И в тот же день полетело на юг письмо с подробным описанием своей дороги в Сибирь и нынешнем житье-бытье:

(«Живем мы здесь хорошо. Морозы стоят большие, но местные люди добрые и относятся к нам тепло»).

Ответ из Кавказской Армии был датирован 6-ым марта 1917 года. Его содержание не только передает чувства сына-солдата к своей матери, родным и близким, но и содержит ценные сведения об эвакуации Свислочской лечебницы в Калуге, о жизни на новых местах гродненцев. Впрочем, вот это письмо: «Милая, добрая, дорогая моя мамочка! Получил Ваше письмо, и перечитывая его, плачу слезами радости. Несказанно обрадован, что всем Вам удалось выбраться своевременно из Изабелина (деревни Волковыского уезда Гродненской губернии, где до войны жили Тарантеи – В.Ч.). Но начну обо всем по порядку. Из Свислочи я выехал с женою и детьми последним поездом, когда взрывали станцию и невдалеке рвались неприятельские снаряды. В городе Калуге меня захватила мобилизация, я явился к воинскому начальству, а жена с детьми и тещей, которую тоже случайно встретили в Калуге, поехала в Воронеж, где живет и в настоящее время. Меня же назначили в запасной батальон в Харькове, затем перевели в Москву, оттуда в город Карачев Орловской губернии, после в город Мариуполь Екатеринославской губернии и, наконец, 20 мая 1916 года я морем прибыл в Кавказскую Действующую армию, где нахожусь и до настоящего времени.Когда я был в Харькове, у меня умер младший сынишка Николай, так что теперь у нас остался лишь один Володька. Жилось очень скверно, хотел идти в военное училище и быть офицером, но Вера уговорила остаться фельдшером, где все-таки можно остаться живым. Вера живет в Воронеже со своей матерью, они получают мое жалованье – 38 рублей в месяц, но при настоящей дороговизне это немного, и жить приходится хуже, чем в Свислочи. Я в настоящее время устроился очень хорошо. Как старший в отряде и старший фельдшер живу лучше любого строевого офицера. На позициях по делам службы бываю часто, не раз находился и под обстрелом, но Бог хранит, и до сего времени я не получил даже царапинки. Теперь нахожусь в 10 верстах от передовой линии, на берегу Черного моря. На позиции больше не езжу, больше всего работаю в канцелярии. Был в сентябре прошлого года в отпуску в Воронеже, ехать в одну сторону нужно 14-16 дней и пешком, и морем, и поездом. Всегда болело сердце о Вас, мои дорогие, и не раз обливался слезами, когда думал о том, что у Вас быть может сейчас нет и куска насущного хлеба. Справлялся о Вас в различных комитетах, но ни откуда не получал сведений. Не раз хотелось послать Вам несколько рублей на самые необходимые нужды, но всегда не имел возможности этого сделать. Сегодня я счастлив от того, что могу говорить с Вами, что знаю о Вашем здоровье… Помню и никогда не забуду, как хорошо нам всем жилось при покойном отце, помню все Ваши заботы обо мне, и по мере возможности буду всегда помогать Вам. Теперь я получаю только 10 рублей в месяц, но завтра же вышлю Вам 25 рублей. Хорошо будет, если Вы их получите к Пасхе, то тогда вспомните, что у Вас в далекой Турции есть любящий сын и брат. Вышлю Вам также и удостоверение, по которому Вы будете получать за меня еще и казенный паек, как за солдата с 8 сентября 1915 года, так что Вам сразу

выдадут деньги за полтора года… Мне очень хочется Вас увидеть, и вполне возможно, что к Троице я смогу приехать в отпуск, в Вашу далекую Сибирь, хотя бы на короткое время. Пишите мне обо всех подробностях Вашей жизни.

Теперь сообщу Вам кое-что о родных и знакомых. Константина Таранцея взяли в солдаты. Его сын Михаил находится в Полтаве и работает на заводе, где делают гранаты. Я с ним переписываюсь уже почти полгода. Переписываюсь также и с Иваном Шелешкевичем, который сейчас служит чиновником в г.Слуцке Минской губернии. Михаил же Шелешкевич умер. Все изабелинские немцы (в деревне было много немцев-колонистов, которых с началом войны выслали вглубь России – В.Ч.) живут в Воронеже. Про Ивана Вильчевского ничего не слышал. Будем живы – все увидимся. Теперь с отречением от престола Государя война скоро кончится, и мы, Бог даст, встретимся, вернемся на родные пепелища, заживем старой, счастливой жизнью. Не горюйте, мои дорогие, все наживем вновь, были бы мы только живы. Адрес моей жены следующий: г. Воронеж, Центральная почтовая контора, почтовый ящик № 184, Вере Адамовне Таранцей. Володька мой вырос большой, очень красивый и умный мальчик, умеет даже читать стихи наизусть, а Вера пишет, что все просит меня привезти ему живого турка.

Крепко целую Вас, дорогая мамочка, сестренок – Олю и Меланию, братцев – Осипа и Петю. Живите – держитесь до лучших времен, до возвращения в родные места. Пишите, братцы, мне кто как может, побольше и почаще. А я всегда найду время Вам ответить. Сердечное спасибо Вам, мамочка, за то, что в такое трудное время Вы нашли возможность учить детей в школе. Крепко, крепко целую Вас всех и остаюсь любящим Вас – Ваш сын и брат Владимир».[259]

Были на счету Татьянинского комитета и другие полезные дела. К примеру, он планировал провести 16 апреля 1917 года в Петрограде Всероссийскую выставку беженского дела под названием «Россия и разоренные окраины». Калужская комиссия Гродненского отделения Татьянинского комитета под председательством С.М. Мосурского приняла активное участие в подготовке и проведении этой выставки. Задолго до ее начала, 22 февраля 1917 года на выставку были высланы многочисленные экспонаты (мебель, одежда, слесарные и столярные инструменты, предметы декоративного и художественного творчества), изготовленные детьми беженцев из Гродно в мастерской Малютинского приюта местного начального училища, а также воспитанниками приюта при Гродненском благотворительном обществе в г. Калуге.

Калужская комиссия Гродненского отделения Татьянинского комитета под председательством последнего гродненского губернатора А.Н. Крейтона проводила большую работу по изучению нужд беженцев и оказания им помощи не только в Калужской, но и в других губерниях России – в Тамбовской, Саратовской, Пензенской и Ярославской.

С декабря 1916 по март 1917 года А.Н. Крейтон в качестве губернатора и председателя Гродненского отдела Татьянинского комитета изучил и принял

решение по нескольким тысячам прошений гродненцев, оказавшимся по причине войны вдали от родных мест. Но и он не был всесилен. Весьма характерна его телеграмма, отправленная 22 марта 1917 года из Петрограда на имя гродненского вице-губернатора А.И. Ушакова: «Согласно новой инструкции прекратите бесплатные обеды трудоспособным». 27 марта А.Н. Крейтон сообщал своему заместителю в Калуге: «Высылаю деньги на содержание детского приюта при Гродненском благотворительном обществе. Остальные будут высланы в понедельник». Судя по всему, после этого А.Н. Крейтон в Калугу уже не возвратился. Вскоре Временное правительство упразднило должности губернаторов и во главе губерний были поставлены губернские комиссары. Таким человеком для гродненцев в эвакуации стал бывший депутат 1У Государственной Думы от Гродненской губернии Ф.И. Лошкейт, назначенный на эту должность 12 сентября 1917 года.[260] 9 ноября 1917 года в Калуге для разрешения вопросов, касающихся положения гродненских чиновников, был образован «Комитет служащих учреждений МВД Гродненской губернии».

К числу особенных благотворительных дел гродненцев следует отнести акцию по сбору средств на сооружение нового памятника бывшему гродненскому губернатору П.А. Столыпину. Они развернули ее тогда, когда до Калуги докатилась весть об его уничтожении немцами. В этих сборах участвовали служащие всех гродненских гражданских учреждений, где бы они не находились. В одном из архивных дел хранится «Квитанционная книжка Гродненского губернского комитета по сбору пожертвований на сооружение памятника бывшему Гродненскому губернатору Петру Аркадьевичу Столыпину за № 84. Она принадлежала помощнику акцизного надзирателя 5-го округа Н.М. Федоруку, который в это время проживал в Киеве. 15 ноября он лично пожертвовал на новый памятник в Гродно 50 копеек. В то тяжелое время полрубля – это были деньги.[261]

Большую роль в развитии благотворительности в городе Гродно играла Православная церковь. Особенно ярко это проявилось в начальный период войны, в ходе сбора пожертвований на нужды армии и флота. Данная работа осуществлялась под эгидой Святейшего Синода, преповавшему через архиепископа Гродненского Михаила (Ермолаева) всему местному православному духовенству следующий порядок сбора пожертвований и их отправки по назначению: 1) в первый же воскресный или праздничный день по совершении Божественной литургии священник должен прочесть специальное поучение и назначить день для производства сбора или по местным условиям для объезда им самим прихода; 2) одновременно с тем, священнику рекомендуется разъяснить прихожанам, что наиболее пригодными и желательными предметами пожертвований могут быть готовые изделия для войсковых чинов, как то: полушубки, рубахи, фуфайки, валенки, сапоги, теплые носки, рукавицы, перчатки, шапки и т.п.; 3) поступающие на нужды войск пожертвования принимаются священником с записью в особую книгу или тетрадь с обязательной отметкой напротив имени каждого жертвователя даты и рода пожертвованных им предметов; 4) в тех случаях,

если в числе пожертвованных вещей окажутся ткани и другой швейный материал, то Синодом высказывалось пожелание, чтобы добровольным трудом прихожанок под руководством семей священно-церковнослужителей, а также учителей и учащихся ближайших к церкви школ, из этих материалов изготавливались нужные для армии вещи; 5) в рекомендациях Св.Синода высказывалось пожелание, чтобы в сборе пожертвований, их упаковке и отправке принимали участие члены попечительских советов, церковно-приходских попечительств, православных братств, других учреждений и вообще, все наиболее уважаемые местные прихожане; 6) для отправления пожертвований им рекомендовалось упаковывать в двухпудовые тюки, зашиваемые в грубый холст; 7) по мере накопления пожертвований в приходах гродненские священники должны были пересылать их в Петроград, где располагался ближайший к театру военных действий «Склад имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны»; 8) упомянутые пожертвования должны были пересылаться на склад при подписанном настоятелем церкви списке отправленных вещей (в двух экземплярах); 9) в накладных, при которых отправлялся груз, должно было быть указано, что он состоит из добровольных пожертвований на нужды войны и что отправитель – священник такого-то прихода. Согласно местному тарифу № 194 Российских железных дорог этого рода груз доставлялся на склад бесплатно.

Все сведения об отправке на склад пожертвований заносились в специальную ведомость, которая передавалась настоятелем церкви благочинному, а тот в свою очередь должен был немедленно препроводить ее в духовную консисторию. Эти сведения духовной консисторией сводились в общую по епархиям ведомость (в двух экземплярах), после чего один экземпляр ее за подписью архиепископа Михаила (Ермакова) высылался тотчас же в канцелярию обер-прокурора Св. Синода Владимира Саблера.

На вышеупомянутые рекомендации Св. Синода гродненский архиерей Михаил наложил 12 ноября 1914 года следующую резолюцию: «Объявить духовенству епархии через напечатание в ближайшем номере «Епархиальных ведомостей». Надеюсь, что духовенство наше со всем усердием и любовью отнесется к святому делу сбора пожертвований на нужды наших христолюбивых воинов. К делу следует приступить без малейшего промедления.

Результатом отклика гродненского духовенства на призыв о помощи русским воинам был обильный приток пожертвований одеждой, бельем и деньгами практически от всех приходов епархии. В одном лишь Кобринском благочинии в самое короткое время было собрано свыше 40 пудов белья, не считая передачи тогда же в фонд местного отделения Красного Креста 500 рублей деньгами. Поступившие в течение июля-августа пожертвования в пользу раненых и больных воинов дали возможность учредить в г. Кобрине на местные средства военный лазарет на 100 кроватей. Большую роль в развитии здесь благотворительности сыграл энергичный и деятельный предводитель местного дворянства М.Э. Вольфринг.

Об сочувственном отношении к сбору пожертвований на нужды армии свидетельствует следующий приговор (постановление) верующих одного из приходов Гродненской епархии: «1914 года 6 августа. Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Андроновского, Гутьковского и Мазичского сельских обществ Андроновского прихода, имели по предложению нашего батюшки отца Сергия Страховича следующее суждение о нуждах оставленных семейств ушедших на войну из нашего прихода и пострадавших на войне воинах. Приговорили: избрать в нашем приходе на время военных действий попечительский комитет под председательством нашего батюшки, в каковой комитет пригласить: нашу матушку, церковного старосту Андрея Ничипорука, псаломщика Льва Сачко, его жену – учительницу, крестьянина дер.Гуцьки Киприана Комисарука, Сысоя Левкуна сельского старосту, Мазичского сельского старосту, учителей церковноприходских школ Федора Марчука, Михаила Пивеня, Андроновского сельского старосту и Степана Шеня. Поручить сему комитету сбор и распределение пожертвований от прихода и составить список семейств, оставленных ушедшими на войну. Постановили: в пользу оставленных семейств собрать по 50 копеек с участка. С каждой избы по одному взрослому рабочему и по одной лошади для молотьбы, обработки и обсеменения полей ушедших на войну, а если кто откажет в работнике, то должен уплатить 1 рубль от рабочего и лошади. Деньги с участков собрать и представить сему комитету. Относительно помощи трудовой предоставить право распоряжений в этом вопросе сельским старостам и членам комитета, каждому по своей деревне. К 10 августа обязать всех замужних женщин прихода представить по новому белому платку, а мужчин – по рубашке и кальсонам в пользу раненых и больных воинов. Представить это все через членов комитета к 10 сего августа. Подписали: Степан Тимофеюк, Назар Коренчук, Лаврентий Козачук и много других». В конце приговора сельчан была сделана приписка: «Священник С.Страхович уступает свое помещение на устройство госпиталя. Пожертвовал свой дом на устройство госпиталя и И.Баньковский».[262]

Активизации сбора пожертвований во многом способствовали объезды приходов епархии архиепископом Гродненским Михаилом и викарием епископом Владимиром (Тихоницким). Так, при Пружанском кредитном товариществе незадолго до приезда сюда гродненских владык была организована особая комиссия по сбору пожертвований. В ее состав входили следующие лица: уездный предводитель дворянства Б.Н. Палеолог, протоиерей В. Ральцевич, священник В. Жуковский, земский начальник, податный инспектор, судебный следователь, уездный исправник и сверх того члены от купечества и представители от земледельцев. Средства, находящиеся в распоряжении комиссии на 5 сентября 1914 года состояли из частных пожертвований на сумму 3444 руб. 36 коп., кроме того, ожидались поступления: а) от духовенства и чиновников – до 100 рублей в месяц; б) от купечества – до 500 рублей в месяц и в) от землевладельцев – до 500 рублейв месяц. Сверх вышеупомянутых сумм предводитель местного дворянства передал в комиссию частное пожертвование в сумме 1350 рублей для

обращения в пользу лазарета, учрежденного супругой коменданта Гродненской крепости генерала Кайгородова.

31 августа упомянутой комиссией при станции Погодино был учрежден пункт по питанию и обслуживанию проезжающих через станцию раненых воинов. Средства комитета составляли добровольные пожертвования местных жителей. Так, предводитель дворянства Б.Н. Палеолог дал комитету 300 рублей на питание раненых, а также 2 тыс. рубах и 500 кальсон и 200 рублей на стирку и приспособления для нужд раненых белья, жертвуемого окрестными крестьянами; Погодино-Блуденское кредитное товарищество отпустило на нужды раненых 500 рублей, Ревятичское – 300 рублей, Селецкое – 250 рублей, Малечское – 100 рублей, от частных лиц поступило свыше 200 рублей, продуктами на 200 рублей и т.п. Во главе пункта стояли священник Антоний Уссаковский (Погодинская церковь) и Антоний Ковалевский (Блуденская церковь). Организация позволяла в 30 минут накормить горячей пищей тысячу раненых и снабдить их чистым бельем.

Тут же была организована прачечная, где стиралось все пожертвованное для раненых белье, которое раненые пожелают оставить взамен полученного ими чистого. Последняя категория белья после приведения его в порядок и стирки также раздавалась вновь прибывающим раненым одновременно с пожертвованным чистым бельем. Сбор пожертвований бельем был организован следующим образом: на средства фонда, имевшегося в распоряжении особой комиссии, было организовано в приспособленном помещении шитье белья местными дамами из приобретенного для этой цели материала. Часть сшитого ими белья рассылалось по волостным правлениям и раздавалось представителям духовенства и женам местных землевладельцев в виде образцов, по которым шилось белье желающими из собственного материала. Сверх того, духовенство и волостные правления собирали такие пожертвования и ношенным бельем, годным и даже негодным к употреблению, а также и холстом. Годное к носьбе ношеное белье направлялось на спецпункт при ст. Погодино, где из негодного к носке белья женщины нарезали полотенца, портянки, а из пожертвованного холста ими же шилось разное белье, которое направлялось в адрес Красного Креста и в лазареты Брестской и Гродненской крепости. Предводитель местного дворянства, обращаясь к владыке Владимиру, отмечая «трогательную отзывчивость местного сельского населения делу снабжения раненых бельем». По его словам, «даже самые бедные крестьянские женщины вносили свою лепту в это благородное дело».[263]

Значительный вклад в сбор пожертвований на нужды армии и гарнизона Гродненской крепости вносили горожане и жители уезда, прихожане Софийского, Покровского, Владимирского, Рождество-Богородичного и Свято-Марфинского приходов. Много потрудились на этом поприще прихожане Озерской, Индурской, Лапской и др. церквей.

В годы войны к гродненцам-жертвователям обращались учреждения и организации, напрямую не имевшие отношения к проблемам армии. К их числу с полным правом можно отнести рукописное отделение библиотеки

Императорской Академии Науки в Петрограде. Образовавшийся в ее составе отдел по изучению истории начавшейся войны летом 1914 года неоднократно через «Гродненские губернские ведомости» и «Гродненские епархиальные ведомости» обращался как к учреждениям, так и к частным лицам-историкам и краеведам с просьбой об оказании ему содействия в сборе документов, материалов и других сведений, имеющих отношение к будущему освещению войны. Речь шла о так называемом отделе «Архив войны». Его членов интересовали: воззвания и объявления на всех языках, изданные российским правительством, общественным управлением, временными комитетами, различными партиями и организациями, циркулярные извещения, распоряжения и воззвания, исходящие от неприятельских властей; номера газет и журналов, издававшихся в неприятельских городах, занятых русскими войсками, а также издававшихся в русских городах, во время их занятия неприятелем; книги и оттиски статей, по возможности, с авторскими дополнениями; предметы обихода, имеющие отношение к текущим событиям; лубочные или иные печатные и рисованные изображения; открытки с картинками, касающимися войны; портреты участников и карикатурами; записки и дневники, связанные с текущими событиями; точные записи рассказов раненых, пленных и других очевидцев событий, а также лиц, прибывших из-за границы или из районов войны; письма из действующей армии или от лиц, находившихся в местностях, занятых неприятелем; материалы для биографии участников войны и их фотографии; изображения различных моментов боев, отправки войск, манифестации и прочее, а также виды завоеванных городов, местностей, где проходили сражения и т.д.; записки стихов, басен, сатир, поговорок, связанных с войной и обращающихся в устной или письменной передаче; частушки, возникшие по поводу войны; сведения о том, как война отразилась на ходе хозяйственной жизни той или иной местности, отрасли промышленности, транспорта и торговли.

Прося о присылке всех вышеперечисленных материалов, библиотека Академии Наук считала необходимым сообщить, что «все присланные ими материалы будут храниться в полной неприкосновенности, пока не наступит время их разработки, в случае же желания жертвователя, точно каждый раз оговоренного, в особо запечатанных до определенного срока пакетах. О получении материалов жертвователи будут непременно извещаться.

Зная о том, что в ту пору в городе было немало увлеченных историков и краеведов, можно предполагать, что гродненцы внесли свой посильный вклад в становление и развитие отдела «Архив войны». Кое-что из неотправленного и сегодня хранится в фондах Гродненского государственного историко-археологического музея: обращения, плакаты, реклама, фотографии, эпистолярные памятники и т.д.[264]

На 4 июля 1915 года в Гродненской губернии действовало 135 благотворительных обществ и комитетов, предназначенных для нужд военного времени. Из них по г. Белостоку – 3, Бельскому уезду – 26, Пружанскому уезду – 3, г. Брест-Литовску – 6, Брестскому уезду – 25, Кобринскому уезду – 5; Слонимскому уезду – 5; Волковыскому уезду – 4,

Сокольскому уезду – 27. В г. Гродно успешно функционировали: 1) Гродненское отделение Высочайше утвержденного под Августейшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны покровительством Особого комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну; 2) Гродненский комитет для сбора пожертвований среди еврейского населения г.Гродны на содержание 25-ти кроватей для больных и раненых воинов, на усиление выдачи пособий семействам лиц, призванных под знамена, и другие нужды, связанные с войной в ознаменование пребывания в г.Гродне Их Императорских Величеств; 3) Гродненское отделение Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий; 4) Гродненское городское попечительство по призрению семейств запасных и ратников ополчения, призванных в действующую армию; 5) Гродненское отделение Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны при Гродненском Софийском православном братстве для заготовления белья нижним чинам, призванным на войну; 6) Гродненский отдел Петроградского общества вспомоществование бедным семействам поляков, участвующих в войне и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий.

В Гродненском уезде занимались благотворительностью на нужды военного времени: 1) Комитет Деречинского (Лошанской волости) православного прихода по сбору пожертвований на нужды семейств запасных и ратников первого разряда более других нуждающихся в пособии; 2) Жидомлянский комитет по призрению беженцев на театре военных действий; 3) Скидельский комитет по призрению беженцев театра военных действий; 4) Друскеникское городское попечительство по призрению семейств запасных нижних чинов и ратников ополчения; 5) Озерское отделение питательного пункта для беженцев Сувалковской губернии, состоящее под покровительством комитета Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татианы Николаевны.

Здесь же действовали волостные попечительства (в количестве 19-ти) по призрению семейств запасных нижних чинов и ратников ополчения в местечках Кринки, Малая Берестовица, Великая Берестовица, Индура, Лунна, Каменка, Скиделе, Озеры; в поселке Поречье и в селах Коптевка, Лаша, Голынка, Массаляны, Гудевичи, Дубно, Бершты, а также в деревне Прокоповичи Индурской волости. Большую благотворительную работу в Гродненской губернии проводили попечительские советы для оказания помощи семьям лиц, призванных в войска при православных церквах. Более всего (21) их имелось в Бельском уезде – в заштатном городе Нареве, Клещелях, в местечках Орля, Ботьки, Цехановец, а также в селах Щиты, Дубичи-Церковные, Косная, Волька, Дубины, Кленики, Лосинка, Гриневичи, Рыбало, Тростяница, Пухлы, Подбелье, Чижи, Куращево, Новоберезово, Старокорнин. Большинство из данных обществ были открыты в июле-августе 1914 года, марте-апреле 1915 года.

В качестве председателей волостных попечительств о семьях запасных и нижних чинов в пределах Гродненского крепостного района состояли: священники (церкви села Деречинок Лашской волости) благочинный Михаил Давидович, его помощник – священник Лашанской церкви Владимир Левицкий; священник Коптевской церкви Михаил Боровский, Кринской церкви Николай Пучковский, Мало-Берестовицкой Константин Давидович, Велико – Берестовицкой о.Федепюк, Голынской церкви Петр Кречетович, Масолянской церкви Владимир Кавецкий, Гудевичской церкви Виталий Лукашевич. И только в Индуре такого рода попечительство возглавил владелец имения Жерновка Станислав Климашевский, в Лунно – владелец имения Радивоновичи Григорий Мозолевский, а в Волпе – волостной старшина Андрей Демещик.

В годы войны в Гродненской губернии действовало 20 сельскохозяйственных обществ и товариществ. Из них в Гродно и уезде: 1) Гродненское сельскохозяйственное товарищество (время утверждения устава 15 марта 1898 года); 2) Гродненское общество сельского хозяйства (10 февраля 1901 года), Вертелишковское сельскохозяйственное общество (председатель священник Лев Михайлович Теодорович, 27 февраля 1911 года). В течение 1914 года в губернии было основано 11 потребительских обществ. Из них в г.Гродно – Общество потребителей-христиан в г.Гродно под названием «Работник». Особенно активно общество потребителей работали в Бельском уезде (деревни Шкурец, Бужиски, Стадники, село Старокорнин), а также в Сокольском (города Дуброва, Корицин).[265]

Наиболее крупной организацией в 1914 – 1915 годах было Гродненское Благотворительное общество (ГБО). На его счету – масса нужных и полезных дел. В числе лиц, охотно помогавших ему в Гродненском уезде, в том числе и в деле устройства лотереи-аллегри, были: Ознобишин (имение Квасовка), Е.Е. Курлов (имение Новоселки), М.В. Пчицкий и Е.М. Пчицкая, сельский врач В.И. Григорьева, вольнопрактикующий врач В.Э. Яблонский, священник Деречинковской церкви Михаил Давыдович, настоятель Лашанской церкви, священник Владимир Левицкий, настоятель Индурской церкви, священник Хрисанф Левицкий, настоятель Индурского римско-католического костела, ксендз Куницкий, настоятель Квасовского римско-католического костела, ксендз Иосиф Белявский, дворянин С.И. Климашевский, дворянин М.И. Урсын-Немцевич, дворянин В.Д. Ястребов (местечко и станция Индура и окрестности); князь С.К. Святополк-Четвертинский, сельский врач Э.А. Бодендорф, настоятель Головачской церкви, священник Александр Высоцкий, настоятель Дубновской церкви, священник Александр Ральцевич, настоятель Скидельской церкви, священник Андрей Колдубовский, настоятель Котранской церкви, священник Василий Врублевский, настоятель Ятвесской церкви, священник Евгений Бакаревич, кожевенный заводчик М.Я.Розенталь, дворянин Ф.К.Выгановский, лесничий Мостовского лесничества М.А. Мацкевич, крестьянин И.Г. Мозолевский, дворянин М.А. Бловдзевич, князь К.С. Святополк-Четвертинский, мещанин И.К. Дайхес (местечко и станция Скидель, их окрестности); дворянин Е.А. Курлов (имение Олекшицы), ветврач

В.И. Иванов, врач Г.И. Ржечковский, настоятель Кринского римско-католического костела, ксендз Людвиг Балабан, дворяне С.И. Вирион, А.Р. Вилковицкий, Д.Р. Корбут-Дашкевич, окружной чиновник М.С. Ясскевич, купец 2-ой гильдии А.М. Розенблюм, кожевенный заводчик А.М. Кнышинский, чиновник П.В. Суворов (местечко и станция Кринки, их окрестности); дворянин В.А. Войчинский, настоятель Черленской церкви, священник Алексей Смирнов, настоятель Гудевичской церкви, священник Виталий Лукашевич, настоятель Лунненского римско-католического костела, ксендз Петр Мазур, акцизный чиноник В.А. Григорьев, крестьяне Л.Г. Мозолевский, П.Ф. Миклашевич, мещанин А.О. Прокопчик, дворянин Ю.И. Урсын-Немцевич (местечко и станция Лунна, их окрестности); землевладелец Александр Александрович Ознобишин (имение Мосты, настоятель Мостовской церкви, священник Иосиф Демьянович, акцизные чиновники А.Ф. Казачинский, барон А.А. Клодт (местечко и станция Мосты, их окрестности); дворянин Е.Б. Эрбштейн, вольнопрактикующий врач С.К.Докальский, врач В.П. Буяковский, отставной полковник Покровский, отставной полковник И.П. Процович, чиновник А.П. Коробов; дворянин М.М. Барановский, городской староста М.И. Ясинский, чиновник Л.А.Маевский, настоятель Друскенинского римско-католического костела, ксендз Болеслав Валейко, вдова генерала М.К. Сикстель, вдова чиновника М.М. Родзевич, дворянин М.О. Малиновский, настоятель Друскенинкской церкви священник Юльян Котович, лесничий Н.П. Васильев (город и станция Друскеники и их окрестности); сельский врач Н.Я. Смирнова, настоятель Волпянской церкви, священник Владимир Щербинский (местечко Волпа); настоятель Озерской церкви, священник Иоанн Пашкевич, настоятель Берштовской церкви, священник Федор Тихонов, настоятель Озерского римско-католического костела, ксендз Венцеслав Турлай, лесничий Н.К. Дворяновский, управляющий имения Озеры Е.В. Соколов (местечко и станция Озеры, их окрестности); настоятель Велико – Берестовицкой церкви священник Антоний Федонюк, настоятель Тетеревской церкви, священник Леонид Наумович, настоятель Мостовской церкви, священник Александр Железовский, настоятель Велико-Берестовицкого римско-католического костела, ксендз Людвик Бесекерский, дворянин Л.В. Буттовт-Андржейкович, акцизный чиновник А.А. Юрченко, граф И.С. Коссаковский, барон С.С. фон Бруннов, дворянин В.А. Яцунский (местечко и станция Берестовица, их окрестности); настоятель Жидомлянской церкви, священник Алексей Селезнев, настоятель Коптевской церкви Михаил Боровский, дворяне М.Б. Сулевский, К.С. Прушинский, купец А.Я. Лапин, чиновник А.Т. Масловский, графиня М.В. Кринская, настоятель Вертелишковской церкви, священник Лев Теодорович, дворяне В.К. Покубятто, В.Л. Вакар, вдова генерала М.П. Шлегель, дворянин Т.А. О" Бриен-де Ласси, В.А.Торжковский, дворянин К.К. Штрандман (г. Гродно и окрестности).[266]

Активизация военных действий на территории губернии вынуждала гражданскую администрацию еще в начале 1915 года задумываться о предстоящем весеннем севе. Уже с 7 января согласно циркуляру

Департамента земледелия местное управление земледелия и госимуществ приступило к изучению вопроса о готовности села к нему и одновременно к организации «необходимой помощи хозяйствам ушедших на войну земледельцев по обработке полей и их обсеменению». Следует заметить, что получаемая с мест информация о «готовности» (вернее, неготовности) к севу была удручающей. Причины такого положения дел частично раскрыты в письмах председателя Вертелишковского сельскохозяйственного общества при православном приходе, священника Льва Теодоровича от 5 февраля 1915 года на имя правительственного агронома губернии А.С. Еленевского: «Крестьяне Вертелишковской волости, из которых состоит местное сельскохозяйственное общество, находятся в чрезвычайно критическом положении. По случаю войны с немцами им пришлось вынести: 1. При приеме лошадей в войска, чрез что многие остались без лошадей, у кого же они и остались настолько слабосильны, что мало пригодны к сельхозработам. 2. Те же крестьяне поставили на войну два призыва ратников ополчения, да два призыва новобранцев. Таким образом, молодые и крепкие работники-мужчины ушли на войну, а на хозяйстве остались старые да малые. 3. Вертелишковская волость входит в район спешно воздвигаемой Гродненской крепости, и все крестьяне этой волости пешие и с подводами наряжаются (каждый на две недели) на работы в крепость. Кроме того, они же посылаются в обоз с провиантом и боевыми снарядами для доставки нашим войскам на боевые позиции, при этом некоторым из них пришлось побывать даже в Пруссии. – Все это привело к тому, что слабосильные лошади оказались замученными до крайности, часть из них околела; хлеба с полей убраны с запозданием, как равно с опозданием прошла вспашка полей под озимь и посев озими, а некоторые не успели убрать и сено. В домашних работах крестьяне также стеснены, ибо с начала войны и до настоящего времени у них размещены солдаты по 7-10 человек в каждой хате, в конце же января в каждой такой избушке жило по 35 человек и более. Правда, такое было только трое суток. Такое скопление народа в хатах, да еще в зимнее время, вредно отразилось на здоровье местного населения, что подтвердилось участившимися смертностями.

В виду всего вышеизложенного с наступлением весенних полевых работ никоим образом не управятся сами, а потому совет Вертелишковского сельскохозяйственного общества покорнейше просит управление земледелия и госимуществ поддержать наше ходатайство об ассигновании правительством денег на приобретение хотя по одному экземпляру следующих машин: сеялки, жатки, косилки и конные грабли, а также о присылке хотя бы трех-пяти военнопленных славянского происхождения для помещения их в самых больших деревнях общества». Разумеется, что подобных писем гражданские власти получали в большом количестве.

В связи с этим 12 февраля 1915 года в Гродно при местном управлении земледелия и госимуществ было созвано совещание представителей сельскохозяйственных обществ, ссудно-сберегательных и кредитных товариществ, а также агрономов землеустройства и правительственных

инструкторов по сельскому хозяйству, других чиновников, духовенства. На совещании ставились вопросы о том, какое участие в деле помощи хозяйствам призванных в войска могут принять на нем присутствовавшие, в чем эта помощь может выразиться. Высказанные предложения были обобщены и вынесены на обсуждение другого совещания, которое под председательством губернатора В.Н. Шебеко прошло в Слониме 28 февраля 1915 года. На нем, после трех докладов (Д.В. Ромейкова, С.В. Яблокова и А.С. Еленевского) и бурного их обсуждения, был разработан и принят к исполнению «План оказания продовольственной и семенной помощи, а также отпуска леса из казенных дач населению местностей Гродненской губернии, пострадавших от военных действий и по организации в 1915 году сельскохозяйственной помощи хозяйствам призванных в войска, а также и благотворительной помощи». Этот план, отпечатанный в типографии, был разослан во все учреждения и общества губернии, а также по адресам наиболее деятельных представителей духовенства и учительства. Со срочным воззванием «По оказанию сельскохозяйственной помощи населению Гродненской губернии, пострадавшему от войны» ко всем сельскохозяйственным обществам и кредитным товариществам неоднократно обращался в печати и в форме отдельных объявлений губернский правительственный агроном А.С. Еленевский.

9 марта 1915 года вопрос об реальных шагах по выполнению вышеупомянутого «Плана» обсуждался в Слониме под председательством вице-губернатора В.В. Столярова на совещании руководителей всех губернских учреждений и предводителей дворянства. Его итогом было составление плана конкретных поставок семян овса и ячменя всем кредитным и сельскохозяйственным обществам губернии (соответственно 50704 и 2429 пудов) с указанием мест доставки на ближайшие станции железной дороги. Получили помощь в семенах и машинах крестьяне Вертелишковского сельхозобщества, включавшего кроме Вертелишек, деревни Кульбаки, Девятовка, Путришки, Каплица. Правда, славян-военнопленных в Вертелишковском обществе не получили. Взамен их были присланы трофейные, вывезенные из Восточной Пруссии сеялка, жатка и молотилка.

О ходе работ по оказанию помощи крестьянам правительственный агроном А.С. Еленевский докладывал на совещании губернского присутствия, которое состоялось 30 апреля 1915 года в Слониме. Кроме поставки семян, в докладе шла речь о создании детских яслей на время работы в поле женщин, об отпуске пособий семьям воинов, а также об устройстве прокатных пунктов сельхозорудий (всего 115), 20 процентов которых составили машины и орудия, секвестрованные из Восточной Пруссии.

Благодаря принятым мерам весенний сев в целом по губернии прошел удовлетворительно до 10 мая. Однако «от недостатка весенней влаги и продолжительных холодов, задержавших весной развитие озимых, яровых и картофеля, а затем и наступившей летом засухи, вперемешку с заморозками в мае-июне» виды на урожай были невысокими. Из доклада А.С.Еленевского губернскому присутствию от 1 июня 1915 года следовало, что урожай по

Гродненскому уезду озимых и яровых хлебов можно было планировать соответственно как «ниже среднего» и «очень плохие», поэтому уже заранее предлагалось «озаботиться заготовкой на будущее хороших семян и привлечь к этому делу сельскохозяйственные и кредитные общества». По предварительным подсчетам их требовалось не менее 50 тыс.пудов.[267] Вполне понятно, что не все благие дела гродненцев по оказанию помощи ближним оформлялись документально. Подобное чаще всего имело место в работе государственных и общественных образований, ибо любая деятельность, связанная с материальными и денежными ценностями требовала именно такой фиксации сделанного. Частная же благотворительность в такого рода документальном оформлении не нуждалась. Как правило, в таких случаях гродненцы руководствовались принципами гуманности и сострадания ко всем жертвам войны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Помощь гродненцев беженцам. – Организация питательных и медицинских пунктов. – Формирование и отправление маршрутных поездов с беженцами. – Награды находили героев. – Должное воздавалось и чиновникам, отличившимся в трудах по устройству беженцев

Уже в первые месяцы войны Россия столкнулась с проблемой беженцев. В литературе можно встретить утверждения, «будто русские войска при отступлении угоняли население и использовали тактику выжженной земли», как в 1812 году. Такие сведения, как плод германской пропаганды, действовали на протяжении несколько месяцев сразу после выхода

распоряжения Ставки об эвакуации населения из прифронтовой полосы. Когда же началось масштабное отступление, в Ставке были уже не в состоянии понять, во что выльется такая эвакуация, и в мае 1915 года это распоряжение было отменено. И в связи с этим по армиям был отдан приказ: «Не должно быть допускаемо уничтожения сельских построек, не мешающих действию войск, также строго карать грабежи и насилия. Ввиду отмены принудительного выселения объявлять жителям, что неприятель непременно соберет в свои ряды в возрасте от 18 до 50 лет и потому желательно добровольное своевременное выселение». Таким образом, на первый план ставилась потребность лишить врага пополнений на отбитых территориях, да и то, в отличие от немцев, на добровольной основе. Но население уходило с армией и само, зная о бесчинствах неприятеля. Об этом массовом явлении войны генерал Гурко писал:: «Люди, воевавшие в нескольких войнах и участвовавшие во многих кровавых битвах, говорили мне, что никакой ужас битвы не может сравниться с ужасным зрелищем бесконечного исхода населения, не знающего ни цели своего движения, ни места, где они могут отдохнуть, найти еду и жилище… Только Бог знает, какие страдания претерпели они, сколько слез пролито, сколько человеческих жертв было принесено ненасытному Молоху войны…».[268]

Как писал один из местных летописцев, «беженцы весь свой путь усеяли безымянными могилами… умирали старые и молодые, а особенно детки, которых уносил безжалостный сыпной тиф». На основании воспоминаний беженцев из западных уездов Гродненской губернии Л.Л. Щавинской сделаны следующие выводы: «Первые известия о войне летом 1914 года, несмотря на общую обеспокоенность, начавшуюся затем частичную мобилизацию, не подорвали веру местного населения в силу русской армии и победу России. Практически повсеместно наблюдался настоящий патриотический подъем, подкрепленный многими конкретными акциями. В армию устремились даже несовершеннолетние из числа местных белорусских крестьян. Помощь семьям мобилизованных вменялась в обязанность властей всех уровней и объявлялась делом государственной важности. Немало крестьян-белорусов после соответствующего обучения стало офицерами, причем некоторые из них, связавшие свою судьбу с русской армией еще ранее, дослужились до высших чинов. В середине мая 1915 года немцы прорвали фронт и предприняли массированное наступление на восток, заняв половину Белоруссии. Почти все очевидцы этих событий более или менее подробнг отображают их. При этом большая часть пишет о принуждении местного населения к выселению, беженству вглубь России со стороны русских военных и гражданских властей». «Фронт приближался, русские отступали. – вспоминал позднее один из очевидцев. – Люди не знали, что делать: или бежать в Россию, или прятаться в лесах и болотах пока фронт не пройдет. Ксендзы сказали своим прихожанам, что полякам нечего бояться немцев, так как они воюют с русскими, а не с поляками, и советовали не покидать своих домов и родины. Православные священники советовали всем православным бежать вглубь России, так как русским, как они говорили,

грозят зверства со стороны немцев и даже смерть. И все белорусы выехали, а поляки остались на месте».[269]

С беженцами распространялись эпидемии… и панические слухи. Их надо было где-то размещать, кормить, лечить. Особенно страдал транспорт, и без того перегруженный военными перевозками. Только под жилье беженцев было занято 120 тысяч товарных вагонов, многие запасные пути превратились в жилые городки на колесах. Тяжелые бои обострили и проблему раненых – при эвакуации госпиталей из западных районов число коек сократилось на 30 тыс. Император Николай П повелел отдать под лечебные учреждения высочайшие дворцы, монастырские здания. Организовывались частные и городские госпитали.

Недостатка продовольствия и предметов первой необходимости еще не было. Но в связи с транспортными проблемами в разных местах начались «недохваты» – там одного, там другого, что приводило к росту цен на товары первой необходимости. Очень быстро торговцы научились создавать эти «недохваты» искусственно, чтобы повысить свои доходы. Власти пытались бороться с этим, создавая резервные запасы, вводя твердые таксы. Но тогда товары просто прятались и продавались из-под полы, что вело к дальнейшему росту дороговизны, что не могло не раздражать измученный войной народ.[270] Разумеется, что все сказанное имело место и в Гродно, однако в распространении беженства были и свои специфические черты.

Целостного и достоверного освещения история беженства на Гродненщине еще не получила. Между тем, эта проблема в достаточной степени обеспечена источниками, хранящимися в фондах НИАБ в г. Гродно. Их анализ дает основание смотреть на начавшееся с первых дней войны явление с двух сторон: 1) как движение, имеющее к городу-крепости Гродно лишь косвенное отношение, ибо основные потоки беженцев с западного театра военных действий на начальном этапе направлялись военными и гражданскими властями мимо крупного укрепрайона вглубь страны; и 2) как на реальность, затронувшей всех горожан уже летом 1915 года, когда кайзеровские войска вплотную подошли к городу.

Необходимо заметить, что бегство населения из Польши и западных уездов Гродненской губернии наблюдалось с самого начала войны. Однако количество таких беглецов, не желавших оставаться под властью оккупантов, было небольшим. Они как бы восполняли убыль от эвакуации из Гродно первых дней. С осени 1914 года нуждающиеся беженцы получали материальную помощь эпизодического характера согласно утвержденному 14 сентября 1914 года положению о Комитете великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, представлявшему собой первый законодательный акт об организации беженского дела в России. Вскоре Татьянинский комитет учредил губернские отделения во главе с местными губернаторами на прифронтовой территории, а затем и по всей стране с целью оказания помощи беженцам. Было создано и Гродненское отделение названного комитета. К содействию беженцам были привлечены местная администрация, органы

самоуправления, Красный Крест, другие благотворительные организации, включая польские и еврейские.

Большую роль в организации помощи пострадавшим от военных действий, в том числе и беженского дела, сыграл гродненский губернатор В.Н. Шебеко. Свое отношение к назревающей проблеме он выразил в письме от 28 июля 1914 года к уездному предводителю дворянства А.И. Ушакову: «Милостивый государь Александр Иванович, в переживаемые нами тяжелые дни всем нам от мала до велика, с полным напряжением сил исполнить свой гражданский долг перед родиной для содействия достижению общей цели – успешного окончания начатой титанической всеевропейской войны. Здесь одним из главных залогов успеха является возможное благополучие тыла, т.е. источника пополнения войск. Война, конечно, тяжело отражается в материальном и нравственном отношениях на всей стране, но тяжесть лишений, как правило, пропорциональна удалению местности от театра войны. В этом отношении Гродненская губерния оказывается в неблагоприятных условиях, как расположенная на самом рубеже между, собственно, театром войны и ближайшим ее тылом: в губернии формируются крупные воюющие части, через нее проходят войска из внутренних областей, ей приходится помогать, довершать недооконченное в войсках и, наконец, приходится испытывать все тяготы от громадного скопления войск, своими потребностями поглощающих местные ресурсы. Таким образом, не только население ослаблено призывом в ряды войск наших лучших работников, но и оставшиеся при очагах вынуждены также приносить тяжелые жертвы на нужды армии. Естественно, что при этих условиях положение населения губернии безмерно хуже, чем в глубоком тылу. Правительство щедро приходит на помощь семьям запасных, но при огромных расходах на нужды войны, оно лишено возможности удовлетворить всех нуждающихся, тут необходима частная помощь и помощь в самых широких размерах.

Во главе этого патриотического и человеколюбивого дела должен, по моему мнению, стоять в уезде предводитель дворянства: как первый представитель власти, он должен быть и первым пособником людям в трудные дни. Посему обращаюсь к Вам с просьбой приложить все свое время на организацию благотворительной помощи по уезду. Прошу привлечь к этому делу всех имеющихся налицо помещиков без различия национальности и классов, всех состоятельных людей в городах и местечках, организовать сборы как деньгами, так и вещами, съестными припасами. Особое внимание прошу обратить на семьи, лишившиеся кормильцев из-за их ухода на защиту родины, а также на семьи, пострадавшие от принудительного выселения, от непосильных поставок в войска, от закрытия фабрик, заводов и т.д. Поставьте это дело на должную высоту, дабы народ видел, что заботы о нем обеспечивают его существование. Меры эти я считаю не только благотворительными, но и имеющими государственное значение: настоящая война встречена всеобщим воодушевлением, но рядовой воин лучше дерется, легче выносит лишения походной жизни, когда он знает, что позади все

благополучно.О предложениях и начинаниях Ваших по сему вопросу благоволите меня уведомить».[271]

Данное письмо, будучи программным в организации помощи жертвам войны, имело отношение и к заботе о беженцах. Весной 1915 года противник перешел в наступление на Северо-Западном фронте. В начале июня Ставка пошла на крайнюю меру: войска получили приказ о том, что оставляемая неприятелю территория должна быть очищена, как от населения, так и от всего того, что было ценным для врага. В результате этого по всей линии фронта началось принудительное выселение крестьян, в первую очередь мужчин призывного возраста (от 17 до 45 лет), с целью сохранить резервы для пополнения армии и лишить врага трудовых ресурсов. Одновременно у сельского населения реквизировались запасы продовольствия, кроме месячной нормы. Были даны военным командованием распоряжения об отправке в тыл всего скота, уничтожение посевов косьбой и т.д.

К концу июня 1915 года большие группы беженцев целыми уездами стали двигаться с запада в Гродненском направлении. Только семейства, имеющие родственников в Гродно и уезде, смогли здесь на какое-то время закрепиться, а основная масса, обтекая крепостной район, располагалась, где придется, а беженские попечительства были не в силах помочь всем нуждающимся. Поэтому 23-24 июня 1915 года Ставке пришлось отменить «принудительное выселение очищаемой полосы». Исключение составляли лишь российские немцы-колонисты, которые подлежали обязательному выселению за собственный счет вглубь страны. Добровольным беженцам славянского происхождения представлялся бесплатный проезд по железным дорогам с питанием по пути следования к местам водворения, где им гарантировалось «попечение и заработок». Однако уже в июле Ставка вернулась к действиям по «очищению местности от населения», но только на узких участках фронта. В частности, началось выселение всех жителей из Принеманской береговой зоны, а также из ряда волостей Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии с предупреждением, что все оставшееся в имениях и деревнях имущество, инвентарь и собранный урожай будут уничтожены. Такие распоряжения вызывали недовольство и раздражение среди населения, насильственно обращаемого в беженцев.

Действия военного начальства вызвали тревогу в правительственных сферах и у части Госдумы, в результате чего 16 августа 1915 года Совет министров признал огульную «эвакуацию населения с уничтожением имущества недопустимою», а 20 августа Ставка приказала более население не выселять, оствляя его «по возможности на месте».

Однако в реальной жизни многое шло по инерции. В течение июня и особенно в июле 1915 года, когда германские войска опасно приблизились к Гродно, военное командование и гражданские власти старались передвинуть беженское население из прифронтовой полосы дальше в тыл: сначала в восточные уезды своей губернии, позднее в соседние. Отдельные партии беженцев, с их согласия сразу же отправлялись в более отдаленные районы. Но основная часть беженцев оставалась вблизи линии фронта, поближе к

родным местам, к которым рассчитывали в скором времени возвратиться. И только 4 августа по инициативе Ставки состоялось решение центральных властей о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии империи.

Разумеется, в силу разных обстоятельств, решения и требования верхов выполнялись гродненскими властями с теми или иными отступлениями и по срокам и по форме организации жизни беженцев. Раскрыть характер практической деятельности всех служб, имеющих отношение к этой проблеме, можно убедительнее всего на конкретных документальных материалах. Вот о чем телеграфировал гродненский губернатор В.Н. Шебеко от 15 июня 1915 года из Слонима главноуполномоченному по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинову: «Беженцы прибывают в Гродненскую губернию, главным образом, через Влодаву. На 25 июня включительно через Кобрин прошло свыше ста тысяч беженцев. Из Кобрина часть их направлена на Пинск, а часть на Барановичи; определенное количество беженцев расселено в Кобринском, Пружанском и Слонимском уездах. По направлению Друскеники-Волковыск-Барановичи и Белосток-Барановичи беженцы следуют незначительным числом. На пути следования беженцев и в местах их расселения устроены пункты, на которых Татьянинским комитетом, Союзом земств и городов вместе с военными властями беженцам оказывается врачебная и питательная помощь, а на некоторых из них у беженцев за деньги изымаются скот, повозки и лошади. Такие пункты устроены: в Гродненском уезде – в Друскениках, Озерах, Скиделе, Кринках и Тетеревке; в Сокольском уезде – в Новом Дворе, Соколке; в Белостокском уезде – в Белостоке, Заблудове, Городке и Белосукне; в Бельском уезде – в Цехановце, Брянске, Бельске; в Брестском уезде – в Олтуше, Залишанах и Чернянах; в Кобринском уезде –в Кобрине, Антоколе, Дрогичине, Иванове и Запрудах; в Пружанском уезде – в Пружанах, Сельце, Малече, Картуз-Березе; в Волковыском уезде – в Росси, Волковыске, Любищах и Миловидах. 30-31 июля предполагаю быть лично в Кобрине для ускорения дальнейшей отправки беженцев. Из Кобрина намерен попасть в Слоним».

Как уже отмечалось, большие потоки беженцев направлялись мимо Брестской и Гродненской крепостей. При этом осуществлялась огромная работа по организации пунктов питания, строительства бараков для беженцев, очистки колодцев по пути их следования и т.д. Много делалось по открытию медпунктов, очистке и дезинфекции железнодорожных путей, отхожих мест, усилению санитарного надзора, по проведению прививок против оспы, увеличению числа чайных и кипятильников и т.п.

Один из инспекторов, посетивший 16 июля питательный пункт беженцев на территории Брестского уезда Гродненской губернии, так писал В.Н. Шебеко о своем впечатлении от увиденного: «По всему пути моего следования от местечка Малорыто до г. Кобрина видел массы беженцев, которые двигаются в закрытых сверху полотном фурах, груженных тем, что можно было взять. С этими же фурами идет рогатый скот (иногда по 2-3 штуки), который ведут на

поводу подростки. Скот этот иногда по дороге бросают, так как он обесценивается или не может далее следовать, но в большинстве случаев он движется с беженцами. Устраиваются беженцы таборами, выпуская выпряженных лошадей и скот на пастбища по обеим сторонам дороги, а сами располагаются на своих возах в тени ближайших казенных лесов. Против потрав почти никто не возражает. Настроение беженцев вполне мирное, но слегка угнетенное. За исключением единичных случев движение беженцев идет безо всяких инцидентов, в известной стройности и порядке. В потоке беженцев представлены пока четыре уезда Холмской губернии (Грубежовской, Белорайской, Томашевской и Замостской), коим приказано было выселиться местными властями. Красноставский и Холмский уезды пока только предупреждены, но принудительных мер к их выселению пока еще не принято. Волна движущихся беженцев не утихает и катится довольно-таки равномерно. За 29 июня прибыло 1447 чел., а за 30 июня – 2119 чел. Для подсчета идущих и выбывающих поставлены контролеры из чинов полиции.

В местечке Малорыто и в деревне Черняны имеются питательные пункты (по два в каждом): 1) на отпущенные мне Вашим Превосходительством деньги от Татьянинского комитета и 2) устроенные Всероссийским земским союзом. В Татьянинских пунктах горячее питание и медобслуживание организованы особенно хорошо. Местные дамы и барышни разливают щи, дают хлеб, крупник с салом, наливают чай. Делают они это с большой любовью. Кухня образцовая, столовая со столами и скамейками устроена под навесом. Котлы для питания предоставляли комитету местные помещики Л.М.Ерогин и сенатор Лыщинский, которые дали их во временное пользование. Конечно же, в дальнейшем для всех пищи и ухода может не хватить. Благодаря земскому союзу при каждом из указанных пунктов имеется по женщине-доктору и по две сестры милосердия. В день они здесь обслуживают до 300 человек. Преобладающие болезни: корь, оспа… За отправкой беженцев в дальнейший путь (многие не хотят двигаться дальше) следит полиция, которая напоминает им, что пора двигаться в путь. Многие из беженцев интересуются, куда их направляют и как устроят. На эти вопросы мною давались ответы самого общего плана, так как в намерение правительства в этом отношении я не посвящен».[272]

Между тем, наступление германских войск в гродненском направлении продолжалось. 4 августа 1915 года главнокомандующий Северо-Западного фронта срочно телеграфировал гродненскому губернатору и начальнику штаба Гродненской крепости: «Беженцы в большом количестве толпятся среди войск 3-ей армии. Немцы их гонят впереди своих наступающих войск. В Белостоке и других местах образовалось их скопление, и они не знают, куда им идти. Никто не дает им указаний и не регулирует их движение. В случае отхода войск их число еще более увеличится. Примите срочные решительные меры по устранению этого грозного и серьезного явления. Приказываю в случае отхода армии безотлагательно освобождать пути отхода войск от беженцев, пользуясь для этого полицейскими чинами. Для облегчения продвижения беженцев реквизировать находящиеся при них скот и сдавать

его в армейские гурты, нанимая погонщиками тех же беженцев и давая в начальники гуртов конных стражников. При реквизиции у беженцев повозок и лошадей принимать прежде всего во внимание возможность перевозки беженцев по железной дороге, но если таковая невозможна, то реквизиция лошадей и повозок является недопустимой, как сдерживающая движение беженцев. Этапным комендантам выдавать беженцам горячую пищу, хлеб и чай, не стесняясь с расходами. Главная цель – накормить людей».[273]

Попечение о беженцах, вынужденных обстоятельствами военного времени выселяться из прифронтовых районов, руководство и заведование их выселением, передвижением и устройством в местах нового поселения было возложено на членов Государственного Совета: С.И. Зубчанинова (по Северо-Западному фронту) и на князя Н.П. Урусова (по Юго-Западному фронту) с присвоением им званий уполномоченных по устройству беженцев. Сообщая об этом гродненскому губернатору, управляющий МВД князь Н.С. Щербатов, будучи главным координатором в разрешении проблемы с беженцами, в своем письме от 5 августа 1915 года просил последнего о том, чтобы «власти, как бы они не были обременены многими заботами, вызванными войной, постоянно помнили, что попечение о беженцах, является одной из насущных задач данного момента, одной из первейших задач государственного управления». Всю свою деятельность главноуполномоченные фронтов должны были постоянно согласовывать с отделом МВД по устройству беженцев, который возглавлял в Петербурге князь Тышкевич.

В соответствии с «Правилами организации врачебно-питательной помощи эвакуированному населению» на расстоянии дневного перехода (25-30 верст) для беженцев устраивались соответствующие пункты их поддержки. В их подготовке и развертывании принимали активное участие чиновники многих гродненских правительственных учреждений.

Передвижение населения должно было осуществляться партиями в 500-600 человек, состоящими по возможности из жителей одной-двух деревень, или волости. Следующая партия с одного и того же пункта должна была отправляться через 3-4 часа после выхода предыдущей. О времени отправки и о количественном составе партии рекомендовалось собирать следующему пункту по телеграфу или конным нарочным. Как правило, во главе беженских обозов ехали «проводники» из представителей местного духовенства, сельской администрации и представителей города, губернии, по территории которой осуществлялось движение, которые имели при себе планы с указанием местности, куда следует эвакуироваться и с описанием всего пути следования, вплоть до конечного пункта. Большинство беженцев двигалось на собственных подводах, а людей, совершенно обездоленных войной, вывозили на «обывательских подводах», которые по нарядам местных властей подавали им жители придорожных селений. На главных грунтовых дорогах как раз и устраивались для беженцев питательные пункты, на которых они получали горячую пищу, детям горячее молоко и белый хлеб, запас продуктов «сухим пайком» для питания в пути и фуража для скота. Там же заболевшим оказывали и медицинскую помощь; семьям с маленькими детьми и стариками

предоставлялся ночлег прямо на пункте или в соседних избах крестьян. Обнаруженных заразных больных или подозреваемых в этом предлагалось немедленно изолировать. Сведения о числе переселяемых и водворенных на временное местожительство сообщались губернатору не менее два раза в неделю. Для осуществления этих мероприятий уездным предводителям дворянства и соответствующим должностным лицам предлагалось мобилизовывать все наличные силы.[274]

На территории Гродненской губернии были образованы два изоляционно-пропускных пункта (в Кобрине и Волковыске) на 30 кроватей в каждом. Однако беженцы старались не оставлять в них никого, особенно детей, боясь их в последующем потерять. Это, как правило, приводило к печальному исходу и началу эпидемических заболеваний.

Губернские учреждения были обязаны снабжать эвакуированное население билетом беженцев, в котором указывался поименный состав семьи, возраст ее членов, их род занятий, имеющееся при семье имущество, его стоимость. Там же расписывался путь следования, делались отметки о прибытии беженцев на место их водворения с указанием даты, а также времени предоставления рабочего места. В билете имелась страничка о выдаче беженцам пособия деньгами, продуктами, одеждой и обувью. На последней страничке делались отметки о сумме, выданной беженцу компенсации за потерянное имущество.

В «Наказах главноуполномоченного по устройству беженцев», в частности, говорилось о том, что все представители гражданских и военных властей должны оказывать заселявшимся содействие: 1) в сдаче хлеба, фуража, лошадей, скота и т.п. соответствующим учреждениям и лицам для нужд армии в получении причитающегося за это вознаграждения; 2) в вывозе всего упомянутого в безопасное место; 3) в сокрытии имущества беженцев, которое может быть полезным для неприятеля; 4) в приискании для них труда. Необходимые для организации беженского дела денежные средства главноуполномоченные получали от главных начальников снабжения фронтов. В последующем большую работу по воссоединению семейств, растерявших своих членов, особенно детей, по пути следования, проводило организованное при Татьянинском комитете Всероссийское бюро по регистрации беженцев.

Жители деревень Гродненского и других уездов губернии поначалу встречали транзитных беженцев с «сочувствием». Но многие беженцы в озлоблении на войну и вынужденные сняться с родных мест, часто находясь в паническом состоянии, наносили большие убытки местному населению. Они разгребали жилища, совершали массовые потравы, самовольную рубку деревьев для костров, копание картофеля и т.п. Так что со временем местные жители стали проявлять к ним враждебное отношение. Иногда для этого подыскивались благовидные предлоги. Когда, например, в июле 1915 года в м.Озерах образовался большой наплыв беженцев, то заведующий местного сельского училища И.М. Бутько отказывался впустить туда для отдыха беженцев без разрешения на то гродненского инспектора училищ.

В первой декаде августа 1915 года беженцев из Гродненской зоны стали отправлять до пунктов назначения маршрутными поездами. Так, гродненский губернатор 6 августа 1915 года сообщал уездному предводителю дворянства и полицейскому исправнику следующее: «Главнокомандующий армиями приказал безотлагательно вывести мерами полиции из района армии и продвинуть далее на восток до станций посадок в поезд всех беженцев. Станций посадок назначено три: Новогрудок, Барановичи, Русиновичи. К этим станциям беженцы должны направляться следующими грунтовыми дорогами, не занимая (за исключением мостов) шоссе, предназначенных для движения войск и обозов, для чего должны устанавливаться соответствующие маршруты. На означенные станции для посадки беженцев и отправки их вглубь империи по железной дороге будет подаваться достаточное количество поездов. Там же будет организовано питание и медобслуживание. Поскольку обстановка военных действий не допускает загромождения беженцами путей, предназначенных для продвижения войск и военных обозов, поэтому на всех маршрутных пунктах должны быть учреждены полицейские посты с достойным числом стражников (не менее 10-ти). Всякая задержка беженцев в пути может гибелью отразиться на операциях наших войск».[276]

О драматизме беженцев и выселенцев из Гродненской губернии свидетельствуют тысячи телеграмм и писем, касающихся направления, сопровождения и отправки жертв войны в восточные губернии. Разумеется, что в реальности было еще сложнее, но нельзя игнорировать неимоверные усилия в этом деле губернатора В.Н. Шебеко и его подчиненных. Получив от начальника снабжения армий Северо-Западного фронта приказ № 419 «Об правилах организации врачебно-питательной помощи эвакуируемому населению», гродненский губернатор в своем письме от 11 августа 1915 года сообщал главному начальнику Минского военного округа о том, что «содержание этих правил тождественно содержанию моих распоряжений, которые предусматривали в свое время как расселение беженцев в пределах Гродненской губернии, так и формирование из них рабочих отрядов для сооружения крепостных сооружений. Тогда же совместно с Комитетом великой княжны Татьяны Николаевны и Союзом земств и городов были устроены и оборудованы врачебно-питательные пункты с различными вспомогательными санитарно-лечебными учреждениями, как-то заразными бараками, бараками для ночлега и отдыха (в некоторых местах с банями, прачечными и дезинфекционными камерами). Затем многие положения изданной мною инструкции по данным вопросам были, разумеется, дополнены. Ввиду этого многие положения приказа № 419 не могут иметь для меня руководящего значения. Кроме того, должен заметить, что продвижение беженцев, идущих нередко непрерывною волною со скотом и с тяжело нагруженным домашним скарбом и детьми, повозками, не по шоссейным, а по почтовым и проселочным дорогам во многих случаях на практике неосуществимо… Доводя об изложенном до Вашего сведения, докладываю, что я принимаю все меры к тому, чтобы беженцам была оказана врачебная и питательная помощь, и чтобы передвижение их по возможности было

урегулировано. К сожалению, полицейских чинов губернии для означенных целей не хватает».[277]

В тот же день, 11 августа, В.Н. Шебеко получил телеграфное указание из действующей армии: «прошу дать указания уездным начальникам вверенной Вам губернии: 1) разрешить ксендзам, следующим с беженцами, объезжать больных и раненых для оказания религиозных треб; 2) дать соответствующие распоряжения, чтобы католическое духовенство, покинувшее приходы при приближении неприятеля, получало бы свое содержание полностью. Данилов». А вот строки из его телеграммы от 12 августа 1915 года в адрес уездного предводителя дворянства А.И. Ушакова и уездного исправника Н.А. Бюффонова: «До сведения моего дошло, что чины уездной полиции продолжают предъявлять к местному населению требования о немедленном при отходе наших войск оставлении своего места жительства и выселении внутрь империи. Находя такое требование противоречащее начинаниям правительства недопустимым, прошу Вас в отмену и дополнение всех ранее преподанных мною по сему предметов указаний, принять самые энергичные меры к широкому оповещению всего местного населения о том, что в случае отхода наших войск ему представляется по желанию право или оставаться на местах, или уходить вглубь страны. Лица мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, способные носить оружие, обязаны при приближении неприятеля удаляться внутрь империи. Выселяющиеся жители должны направляться вместе с беженцами на восток от линии Лида-Барановичи по следующим маршрутам: 1) Из Гродненского уезда – через Озеры, Скидель, Лунну, Рось, Волковыск, Зельву, Деречин, Яворскую Руду, Дятлово и Новогрудок; 2) Из Сокольского уезда – через Соколку, Крынки, Великую Берестовицу, Шиловичи, Волковыск – и дальше на станцию Новогрудок для посадки в поезда. На всех этих пунктах будет организована беженцами необходимая помощь питанием и медобслуживанием. Жителям, остающимся на местах, войсками будет оставлено продовольствие на один месяц. Что же касается лошадей, повозок и скота, то они будут реквизироваться полностью. Жителям, уходящим вглубь империи, разрешается взять с собой все, что они пожелают, а остальное (фураж, зерно, хлеб в скирдах и т.д.) будет, если они желают, реквизировано».[278]

Судя по документам, за июль-август 1915 года беженское движение «отняло» у гродненского губернатора, генерал-майора В.Н. Шебеко немало лет жизни. 31 августа, будучи уже в Калуге, он продолжал интересоваться, куда будет направлен поток городских беженцев, уходивший на восток пешим ходом и с обозами, а остальное (фураж, зерно, хлеб в скирдах и т.д.) будет, если они желают, реквизировано.

В целом же эвакуационно-беженские мероприятия (особенно на начальном этапе) гродненскими властями были произведены достаточно организованно. Относительно общей цифры беженцев и эвакуированных с территории Гродненской губернии полной ясности до сих пор нет. Наиболее точной следует признать информацию, имеющуюся в материалах Татьянинского комитета: до августа 1915 года беженцами Гродненской губернии в них

значилось 267567 человек. Разумеется, что это количество не было окончательным. Необходимо заметить, что в большинстве случаев беженцы из Гродно и губернии старались проживать в местах расселения как можно компактнее. Если, разумеется, для этого были условия. Так, на 20 июня 1916 года в г. Козлове Тамбовской губернии было зарегистрировано 738 гродненцев, «из них 528 человек русских, 201 человек поляков и 9 человек немцев-колонистов».[279] Вполне естественно, что в традициях тогдашней официальной идеологии под русским понимались белорусы, как составная часть триединого русского народа (великоросы, малоросы и белорусы), а под поляками, как выходцы из этнической Польши, как белорусы-католики.

По распоряжению губернатора от 27 июня 1915 года «все выселенные из Сувалковской губернии жители могли переправляться через Неман лишь у Гожи и ниже по течению и следовать не иначе как по дороге на Ротницу и ни в коем случае не должны оседать в пределах Гродненской губернии».

Как следовало из объявления от гродненского губенатора (28 июня), свой порядок выселения имел место и по отношению к евреям: «Практика показала, что при выселении жителей-евреев из того или иного района, ими возбуждаются бесчисленные ходатайства об отсрочке выселения главным образом для устройства торговых и имущественных дел и другим причинам чисто материального характера. В целях устранения в дальнейшем этого явления, предупреждаю еврейское население Гродненского и Сокольского уездов о возможности в недалеком будущем их выселения, а потому предлагаю ныне же урегулировать все имущественные вопросы и быть всем настолько подготовленными, чтобы выселение могло произойти в кратчайший (от 2-х до 5 дней) срок по получении о том приказа». 5 июня 1915 года командующий армией приказал «прекратить выход и распространение в Гродненской губернии газет на еврейском языке, а равно прием и перевод корреспонденции на этом же языке».[280]

В начале февраля 1915 года МВД предписало губернаторам «сделать зависящее распоряжение о том, чтобы в случае препровождения властями Георгиевских крестов, пожалованных убитым в боях нижним чинам, таковые награды, как свидетельство их подвига, были вручаемы родственникам павших на поле брани при возможно торжественной обстановке». На основании этого губернатор распорядился: «В случае получения в губернии Георгиевских крестов для семей убитых воинов немедленно мне об этом сообщать». Последнее означало, что губернатор брал на себя всю ответственность за качество проводимой церемонии.

Первое такое вручение (под расписку) состоялось 24 июля в деревне Сидерке Маковлянской волости Сокольского уезда родным подпоручика Антона Матыса, убитого в бою с неприятелем. Второе – 28 июня в деревне Крыничаны Сухопольской волости Пружанского уезда жене нижнего чина Андрея Попова. В тот же день в Сокольском уезде предводитель дворянства С.Н. Цветков вручил на сельском сходе крестьян д. Сербовцы Нововольской волости Сокольского уезда Георгиевский крест 4 степени родителям бомбардира 1-ой Сибирской мортирной артбатареи Владимира Булея,

«героически павшего на поле брани». Вручение состоялось в торжественной обстановке при большом стечении народа, «с произнесением приличествующего случаю слова».

В Слонимском уезде Георгиевские кресты были вручены родным убитых в боях воинов: рядового 118-го пехотного Шуйского полка Степана Лепешко, происходящего из крестьян деревни Коцьки Дворецкой волости; младшего унтер-офицера 119-го пехотного Коломенского полка Василия Залоги, происходящего из крестьян Бытенской волости; родителям умершего от ран в госпитале старшего унтер-офицера Владимира Кондратюка, происходящего из крестьян деревни Дубровки Деревенской волости.

17 мая 1915 года два Георгиевских креста 3-ей и 2-ой степени были вручены жене убитого в бою подпрапорщика 6-ой батареи 26-ой артбригады Михаила Бабило, Елене Степановне Бабило, проживавшей в деревне Наростовичи, в доме Степана Каспора Костровичской волости Слонимского уезда. Данный факт для меня был подобен встрече со старым знакомым. Работая над изучением выборов в IV-ую Гос.ударственную Думу на территории Гродненской губернии (весной-летом 1912 года), ко мне попали материалы ГЖУ, по которым народный учитель Михаил Бабило из Костровичской волости проходил как человек «политически наблагонадежный и заподозренный в преступной переписке с членами одного из социал-демократических кружков». В данном же случае он оказался офицером-артиллеристом, героически павшим в боях «За Веру, Царя и Отечество». Было в жизни и такое.

Весной-летом торжественное вручение Георгиевских крестов состоялось в дер. Голынке Мстиславской волости Волковыского уезда родителям рядового 38-го Тобольского полка Константина Матвейчука; в дер. Веребейки Боярской волости Волковыского уезда родственникам рядового 44-го Сибирского стрелкового полка Ивана Голодка. Весьма трогательно проходил сельский сход в д. Леоновичи Верейской волости Волковыского уезда, где Георгиевский крест 3-й степени принимали родственники убитого в бою подпрапорщика Василия Данильчика (жена Мария с детьми: Константином, Александром, Зинаидой и Анной, отец Иван, родные братья и сестры: Лаврентий и Юрий, Елена и София).

25 июня Георгиевский крест 4 ст. был вручен в дер.Клепачи Свислочской волости Волковыского уезда родственникам подпоручика 107-го пехотного Троицкого полка Константина Немчиновича. Немало наград погибших воинов получили их родители и родственники в других уездах губернии.

Чаще всего к передаваемому кресту прикладывалось письмо командира полка с описанием подвига конкретного воина. Так, в сопроводительном письме к награде Ивана Голодка имелись такие строки: «Георгиевский крест 4 ст. за № 240366 был пожалован стрелку вверенного мне полка Ивану Голодку за то, что в бою под г. Зальдау он вызвался охотником под огнем противника отыскать свободное место для переправы наших войск через реку, за которой находился противник, каковое поручение выполнил блестяще. 23 февраля 1915 года у дер. Носаржево он пропал без вести и крест остался ему не

выданным. Пусть же этот крест – знак Царской милости послужит его родным утешением в тяжелые минуты получения вести о павшем честной смертью в бою солдата и, как свидетель подвига его на поле брани подтверждает, что «За Богом молитва, а за Царем служба не пропадает». После оставления Гродно русскими войсками губернское правление и в эвакуации продолжало заниматься этим скорбным, но благородным делом.

За несколько дней до отступления из Гродно к губернатору В.Н. Шебеко прибыл адъютант командира 64-го пехотного Казанского полка с просьбой о передаче Георгиевского креста 4-й степени за № 86346 родственникам убитого в бою рядового Даниила Кота. Несмотря на колоссальную перегрузку, губернатор произвел это вручение «лично при огромном скоплении жителей деревни (какой не указано – В.Ч.), где проживали родственники убитого героя».[281]

Обстоятельства военного времени вызвали необходимость привлечения состоящего на службе при МВД ветеринарного персонала губернии к производству дезинфекции военно-санитарных поездов и к осуществлению других санитарных мер, связанных с заботами об оздоровлении действующей армии и самого района военных действий. Исполнение этих обязанностей местными ветеринарами, сверх несения ими прямой службы, явилось основанием к награждению некоторых из них высокими наградами. Обосновывая необходимость и заслуженность такого награждения, гродненский губернский ветеринарный инспектор И.А. Юдин в своем представлении от 7 апреля 1915 года на имя губернатора отмечал следующее: «Ветеринарные врачи Гродненской губернии (пунктовые): брестские – Анучин и Уманский, волковыский – Попов и гродненский Мешаак, а также уездные: Арепьев, Цыгирь и Анопкин занимались осмотром скота и мясных продуктов довольствия, осмотром и лечением военных лошадей, вскрытием трупов, дезинфекцией помещений для военных лошадей, участвовали в комиссиях при мобилизации, при приеме лошадей, при реквизициях лошадей и скота, заведывали временно военными лазаретами, а на основании распоряжения МВД от 10 декабря 1914 года, все служащие ветеринары в Гродненской губернии были обязаны во всех случаях обращения к ним с заявлениями о ветеринарно-санитарном осмотре животных, принадлежащих воинским частям или перевозящим воинские грузы и об оказании этим животным необходимой помощи, выполнять эти заявления незамедлительно, что ветеринарами и делается. Кроме того, Анучин, Уманский и Попов производили дезинфекцию санитарных поездов, следовательно, всегда подвергались опасности заболеть заразными болезнями. Достойно внимания то, что ветеринарам сплошь и рядом приходилось работать без помощи фельдшеров (за неимением их), как, например, Анучину, чем особенно отягощалась возлагаемая на них работа.

Ветеринарные фельдшера в большинстве своем были призваны на действительную военную службу и я могу указать, как на участника описанных работ только на одного из них, работавшем при Волковыском пунктовом ветеринаре Попове; его фамилия Семисалов. Наиболее

интенсивная работа выпала на долю ветеринарных врачей Анучина, Уманского и Мешаака».

На основании этого представления губернатор В.Н. Шебеко 2 мая 1915 года выслал в Петроград, к товарищу (заместителю) министра внутренних дел, генералу Джунковскому все необходимые документы к награждению гродненского губернского ветеринарного инспектора Ивана Юдина к чину действительного статского советника, гродненского пунктового ветеринарного врача Мартына Мешаака к ордену Св.Анны 3-й степени, ветеринарного врача г. Бреста Николая Анучина к ордену Св.Анны 3-й степени, волковыского уездного ветеринарного фельдшера Ивана Семисалова – к ордену Станислава 3-й степени.[282]

За труды по устройству беженцев Брестский уездный предводитель дворянства Ольденборгер был представлен 7 мая 1916 года к производству в чин статского советника. А земского начальника Брест-Литовского уезда Маслова – к ордену Св. Станислава 2-й степени с мечами за мужественное исполнение своих обязанностей под огнем тяжелой неприятельской артиллерии. Члена Гродненского губернского по городским делам присутствия Ивашинцева за заслуги по эвакуации – к ордену Св. Станислава 3-й степени. К этой же награде по представлению вице-губернатора Столярова 8 июня 1916 года был представлен чиновник Гродненской губернской землеустроительной комиссии Л.М. Ерогин за труды по эвакуации учреждений Гродненской губернии в г. Калугу (приведение в порядок делопроизводства, за контроль за делами по выдаче населению вознаграждения за уничтожение при отходе наших войск посевов и урожая, а также за уплату денег за реквизированный скот и повозки), секретарь губернского акцизного управления Н.Н.Хрущов, помощники надзирателя этого же ведомства М.Н. Земцов и И. Лось.

В декабре 1916 года за труды, понесенные в условиях военного времени, были награждены многие чиновники Гродненского почтово-телеграфного округа, эвакуированного из губернии в г. Орел. В их числе, кроме мужчин (Р. Мушинский, П. Данилевич, А. Белов, А. Самуйлович-Самойлович, П. Германович, О. Жуковский, А. Корнатовский, И. Сташевский, И. Кравцевич, С. Панютич, И. Ярмолик, С. Курза, Л. Ерш, П. Жук, П. Юрчук, А. Ивасюк, И. Сацевич, В. Бивойно-Бивойно, А. Янковский, Н. Кисель (все к ордену Св. Станислава 3-ей степени), были и женщины, как чиновницы, так и и телефонистки (О. Соколова, С. Попова, А. Годеновская, М. Вальтер, М. Василевская, А. Иванова, Е. Гановер, Е. Карагод, А. Шиманович, Л. Лашук, М. Данилевич, Е. Денисюк, Л. Гриб, Е. Панютич), награжденные 5 января 1917 года медалью «За усердие». К этой же медали были представлены почтальоны-мужчины (Г. Миронюк, Г. Рогачевский, Н. Дзунь, Ф. Петух, С. Макаревич, П. Павлыш, Г. Шейчик, Г. Шитик, Е. Борисов, Ф. Шкутько, Г. Байрашевский, И. Абрамович).[283]

В феврале 1916 года Гродненское ГЖУ сделало представление командующему армиями Западного фронта о награждении медалью «За усердие» нижних чинов данного управления, «за особо ревностную службу и

труды, понесенные на театре военных действий». В списке заслуживающих награждения были унтер-офицеры Алексей Коноплев, Федор Лозовик, Григорий Мохнач, Осип Мельников, Роман Чадюк, Иван Комса, Алексей Антонович, Николай Ведров, Андрей Хоменков, Григорий Игнатюк, Евстафий Игнатюк и писарь Степан Плевако. За исключением Николая Ведрова и Степана Плевако, все они уже имели такую награду (одни – светлобронзовую, другие – серебряную), а Алексей Коноплев еще даже Георгиевскую медаль 4-й степени, поэтому в данном представлении речь уже шла о наградах серебряных или золотых. В сопроводительном письме объяснялось, почему данное представление направляется не в штаб корпуса жандармов, а в штаб главнокомандующего армиями Западного фронта: «представляемые нижние чины вверенного мне управления несли службу по контрразведке и в борьбе со шпионажем совместно с контрразведывательными отделениями проходивших через наш район армий и находясь в соприкосновении с контрразведкой крепостей Гродно и Брест-Литовска, а равно тыла армий, обслуживали на местах с наибольшим напряжением все их надобности с начала войны до эвакуации, но не вошли в наградную норму лиц, представленных в первую очередь в 1915 году. Не входя в штатный состав контрразведывательных отделений поименованных частей, названные нижние чины не были в прямом подчинении, кроме своего, еще какому-либо одному определенному военному начальству, которое бы было осведомлено о деятельности названных нижних чинов, а потому первое представление их прошло через штаб отдельного корпуса жандармов, который ныне на основании изменившихся распоряжений не считает вправе входить с соответствующим представлением. На основании изложенного, прошу ходатайства перед Главнокомандующим фронта о награждении представленных нижних чинов за труды, понесенные ими на местах их службы с начала военных действий».

В апреле начальник штаба отдельного корпуса жандармов указал начальнику Гродненского ГЖУ на его «неправильное сношение непосредственно со штабом армиями Западного фронта, а в июне – за то, что в представлении не указано, когда и за что получили прежние награды. Тем не менее, 24 ноября 1916 года штаб отдельного корпуса жандармов переслал в Гродно медаль «За усердие» на Андреевской ленте, пять на Александровской (для ношения на шее), шесть золотых медалей для ношения на груди на Аннинской ленте и двенадцать – на Станиславской ленте.[284]

В июне 1916 года вице-губернатор Столяров ходатайствовал перед МВД о награждении «за отлично-усердную и ревностную службу» в период эвакуции гродненских учреждений в г. Калугу следующих чиновников канцелярии гродненского губернатора: правителя канцелярии Я. Федорова, младших помощников правителя К. Матусевича, А. Каширина; делопроизводителей – И. Мазурова, Н. Волкова, помощника делопроизводителя И. Мисюра, а также помощника делопроизводителя губернского правления В. Левитского. К наградам были представлены и курьеры канцелярии губернатора: Казимир Матысевич, Антон Шпак, Антон Малиевский за «безупречное поведение и

добросовестное отношение к своим обязнностям в напряженных условиях военного времени».[285]

Еще раньше, в начале 1915 года, по запросу штаба Минских военно-окружных управлений на театре войны гродненским губернатором Шебеко отправлялись наградные листы на правителя канцелярии Гродненского губернатора Я.Федорова («За успешное выполнение многосложных обязанностей»), на его помощника К. Матусевича, на чиновника особых поручений при губернаторе Г. Левенстама, на регистратора канцелярии В.Ванюкевича, на члена губернского по городским делам присутствия Р. Ивашинцева, на секретаря губернского присутствия Е. Иванова, на канцелярского чиновника В.Тарновского, на советника губернского правления, губернского секретаря С. Линника. При представлении к ордену Св. Станислава 1 ст. губернского врача В. Кошелева было дано следующее обоснование – «за успешное выполнение сложных работ по доставлению статистических данных о наличном числе раненых и больных воинских чинов, находящихся в лечебных учреждениях губернии, за сведения о борьбе с заразными болезнями среди гражданского населения, за организацию патронатов по наблюдению за передвижением военнопленных и военнообязанных и усиленный надзор за санитарным состоянием местностей, входящих в район расположения и передвижения войсковых частей». К наградам по линии этого же ведомства были представлены делопроизводитель Виноградов и канцелярский чиновник Пруссатор.[286]

«За особо выдающиеся труды по исполнению возложенных на продовольственное отделение губернского присутствия дел, вызванных обстоятельствами военного времени, за организацию и выдачу пособий семьям запасных, а также за организацию помощи по обработке и обсеменению полей крестьян, призванных в войска и по обеспечению населения продовольствием до нового урожая» были представлены к наградам непременный член губернского присутствия Д. Ромейков, кандидат в земские начальники Анисимович и советник губернского правления А. Корчинский. К ордену Св. Анны 3-й степени «за выдающееся усердие и успешные труды по выполнению весьма сложных дел по реквизиции для военных надобностей лошадей и перевязочных средств» была представлена большая группа служителей Гродненского уездного воинского присутствия.[287]

В июне 1915 года «к высочайшим наградам» за заслуги по службе в условиях военного времени были представлены в МВД кандидатуры: делопроизводителя губернского правления Н. Василевского, непременного члена Гродненского приказа общественного призрения И. Белоблоцкого, губернского архитектора А. Степанова, канцелярского служителя Л. Федорова, помощника Гродненского полицмейстера М. Демши, земского начальника 6-го участка Гродненского уезда Е. Эрбштейна, помощника губернского врачебного инспектора С. Полуэхтова и др.[288]

20 августа 1916 года были представлены к награждению серебряной медалью с надписью «За беспорочную службу в полиции» нижние чины Гродненской уездной полицейской стражи урядник Д.М. Пашко, конно-

полицейские стражники А.Н. Кизер, И.Г. Ковш, В.О. Шешко, Д.С. Сурба, С.А. Зыбко, И.К. Титок, Ф.А. Жебровский, С.К. Макуш, С.И. Цеслюк, П.Н. Карпуть, Н.И. Потап. За успешную службу в районе Гродненской крепости были награждены такими же медалями конно-полицейские стражники А.О. Малахвей, П.И. Печа-Печик, С.С. Шадурский, М.С. Степанович, М.А. Дорошко, а также стражники В. Дорошкевич, Ф. Курило, Ю. Абрамович, М. Корецкий, А. Филимонюк, М. Рыбак, М. Михалюк, П. Лукашук, В. Дмитрук, И. Кардаш, Т. Иванович, М. Богацевич, Н. Овечко, В. Ольшевский, М. Высоцкий, М. Петровский, И. Самопер, С. Ясинский, И. Бурнос, И. Ковалев, В. Сверпель, К. Губаревич, А. Король, И.Томкель, А. Леонович, Г. Гайдукевич, С. Мудель, М. Ольшевский, Ф. Пельня, В. Довяло.[289]

В конце 1913 года директор Департамента полиции С. Белецкий уведомил гродненского губернатора о том, что министр внутренних дел «Изволил приказать выдать установленные в память 300-летия царствования Дома Романовых всем членам Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа, которые где бы то ни было принимали участие в официальном праздновании по случаю этого высокоторжественного события.

30 января 1914 года губернатор В.Н. Шебеко затребовал от полицейских чинов составления списков таких лиц уже 6 февраля 1914 года. Гродненский уездный исправник Н. Бюффонов ему сообщил, «что во вверенном мне уезде никто из членов «Союза Русского народа» не принимал участия в официальном праздновании 300-летия царствования Дома Романовых». Последнее не означало, что таковых в уезде не было. Вероятно, они были, а вот участвовали ли в официальном праздновании, таких сведений предоставлено в губернское правление не было. В течение февраля-марта приблизительно такой ответ был получен из всех уездов губернии, ибо освобождал от лишних хлопот.

16 мая 1914 года белостокский полицмейстер представил в Гродненское губернское правление два списка членов Белостокских отделов: 1) «Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа» и 2) «Союза Русского Народа», участвовавших в празднествах по случаю 300-летия Дома Романовых.[290] Все сведения в них были даны на 21 февраля 1914 года. При составлении списков № 1 указывалось вероисповедание и место жительства, во 2-ом же списке к этим сведениям добавлялось и указание на звание лиц, претендовавших на медаль, которое, впрочем, не всегда указывалось.

Список № 1 членов Белостокского отдела Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа, участвовавших в празднестве 300-летия Дома Романовых

Православные	Адрес
1.Белецкий Виктор Иванович	г.Белосток,Базарная ул., д.Курьянского
2.Амбражей Василий Федорович	Пограничная ул., собств.дом
3.Дец Кирилл Наумович	Альтовская ул., собств.дом

4.Дец Максим Наумович	Альтовская ул., собств.дом
5.Дмитрук Иван Сидорович	Желтковское шоссе, собств.дом
6.Крицкий Александр Васильевич	Антонновская ул., дом Бусловича
7.Козел Михаил Иванович	Александровская ул., дом Балабужевича
8.Кутринович Михаил Адамович	Александровская ул.,дом Балабужевича
9.Апуник Василий Кузьмич	в Пушкинском училище
10.Матовицкий Осип Осипович	Хорощанская ул., собств.дом
11.Жевалик Никифор Павлович	Кухарская ул., дом Домбровской
12.Илюхин Василий Евфимович	ст.Белосток
13.Стрелковский Владимир Антонович	Романовская ул., дом Союза Русского Народа
14.Григорчук Иван Игнатьевич	урочище «Выгода», собств.дом
15.Бродов Григорий Емельянович	Мельничская ул., дом Срединского
16.Колесов Константин Петрович	Мазовецкая ул., дом Юхницкого
17.Ильин Виктор	Православное кладбище
18.Теслюк Михаил Викентьевич	Кафельная ул., собств.дом
19.Шот Захарий Романович	Романовская ул., дом Луцкевича
20.Шот Петр Романович	Романовская ул., дом Луцкевича
21.Сахарова Мария Николаевна	Мельничная ул., дом Срединского
22.Матовецкий Александр Осипович	Хорощанская ул., собств.дом
23.Юзвюк Кузьма Павлович	Александровская ул., дом Провальского
24.Борздый Осип Константинович	фабрика Новика
25.Журук-Журинский Александр Осипович	Шоссейная ул., собств.дом
26.Баусов Ланат Григорьевич	Кафельная ул., дом Срединского
27.Кудряшев Василий Дмитриевич	В Белостоке
28.Филлипович Зиновия Софоиловна	Пожарный пер., дом Германовского
29.Дец Даниил Яковлевич	Альтовая ул., собств.дом
30.Голко Гавриил Никитич	Стесельская ул., дом Агатовича
31.Соколовская Анна Ивановна	в Белостоке, в Соборном доме
32.Соколовский Федор Осипович	в Соборном доме
33.Шиплюк Поликарп Федорович	Мельничная ул., дом Войтухова
34.Шадурский Леонтий Адамович	канцелярия «Союза Русского Народа»
35.Самусев Степан Самуйлович	Килецкая ул., дом Даковича
36.Баранюк Григорий Николаевич	Столецкая ул., дом Сатулы
37.Кондратюк Герасим Антонович	Мариупольская ул., собств.дом
38.Кравчук Александр Степанович	Столецкая ул., дом Шуминского
39.Курбат Михаил Яковлевич	дер.Белосточек, дом Лукашевича
40.Лукъянчик Марк Ильич	Полесская ул., собств.дом
41.Максимец Александр Викентьевич	в Белостоке
42.Родзик Осип Иванович	Желтковское шоссе, дом Щеполя

43.Хевук Павел Игнатьевич	***Канцелярия «Дубровенского Союза»***
44.Козлов Федор Арсеньевич	***Базарная ул., гор.лавка № 1***
45.Иванов Никифор Иванович	ст.Белосток, казенный дом
46.Филиппович Семен Семенович	Председатель «Дубровенского союза» (отдела)

Список № 2 членов Белостокского отдела Союза Русского Народа, состоявших в Союзе на 21 февраля 1914 года

Православные	Адреса и звание
1.Беззудик Викентий Петрович	дер.Бацечки, собств.дом, крестьянин
2.Ботвич Антон Михайлович	Романовская ул., дом Раппа,мещанин
3.Васьковский Николай Маркович	Романовская ул.,дом «Союза Рус.народа», дворянин
4.Грибовский Осип Куприянович	Антокольская ул., крестьянин
5.Грудзина Роман Мартынович	Желтковское шоссе, дом Климовича
6.Гударевич Клементий Матвеевич	Мазовецкая ул., дом Шмидта, крестьянин
7.Данилюк Григорий Демидович	ст.Тлушч, перон.сторож
8.Евдоким Александр Петрович	ст.Варшава, кондутор СЗЖД
9.Егоров Николай Пантелеевич*	Хорощанская ул., дом Масловского
10.Земченок Игнатий Васильевич	ст.Гродно, конторщик СЗЖО
11.Завадский Андрей Осипович	Романовская ул., собств.дом, крестьянин
12.Загорский Осип Фомич	дер.Костюки, собств.дом,крестьянин
13.Иовхимец Федор Увиконович	Сосновая ул., дом Зильбертфенига
14.Кабезов Игнатий Кириллович*	ст.Ораны, билетный кассир СЗЖД
15.Карпюк Иван Ефимович	Хорощанская ул., дом Трибурской, мещанин
16.Касперович Василий Яковлевич	Хорощанская ул., дом Трибурской, письмовод
17.Каменцев Михаил Иванович	Столецкая ул., дом Лещинского, мещанин
18.Козлов Филипп Иванович	***Дом «Союза Русского Народа»***
19.Кириллов Роман Петрович	Струковская ул., дом Мороза, крестьянин
20.Козловский Антон Станиславович	Кнышинская ул., дом Врублевского, мещанин
21.Лерман Александр Иванович	Антоновская ул., дом Ошинского,

	мещанин
22.Медведев Михаил Яковлевич*	ст.Вершболово, дом Трилеского, дворянин
23.Миклашевич Павел Николаевич	Желтковское шоссе, собств.дом, мещанин
24.Малиновский Евстафий Феликсович	Луговая ул., дом Православного собора, мещанин
25.Макель Александр Иванович	ст.Варшава СЗЖД, артельщик, крестьянин
26.Миронов Николай Миронович	Романовская ул. Дом СЗЖД, мещанин
27.Павлючук Николай Дмитриевич	Александровская ул., собств.дом, мещанин
28.Паутенко Федор Михайлович	г.Осовец, крестьянин
29.Райхман Александр Фридрихович	Сосновая ул., дом Гольдшмидта, крестьянин
30.Сидорович Михаил Марьянович	Мариупольская ул., дом Качинского, крестьянин
31.Савицкий Николай Игнатьевич	Старошоссейная ул., дом Енша, крестьянин
32.Сидорович Антон Владимирович	Антониковская ул., дом Олинского, мещанин
33.Садовский Андрей Яковлевич	Кладбищенская ул., дом православного кладбища
34.Трушин Федор Терентьевич	приемный покой, СЗЖД
35.Павлов Владимир Павлович	Почтовая ул., собств.дом, дворянин
36.Турун Яков Ильич	ст.Варшава, кондуктор СЗЖД
37.Трохимович Антон Фомич	табельщик Гродненской.крепости, крестьянин
38.Таращин Михаил Павлович	г.Гомель, Кузнечная ул., д.Дранова, дворянин
39.Филиппов Василий Михайлович	Альтовская ул., дом Трабовского
40.Христианов Антон Михайлович	Кафельная ул., крестьянин
41.Хмурчиц Петр Афанасьевич	дер.Паланка, Свислочской волости
42.Хоревин Петр Яковлевич	канцелярист кондуторской бригады СЗЖД, крестьянин
43.Хведосюк Иван Александрович	Струковская ул., собств.дом, крестьянин
44.Шиманский Виктор Павлович	Полесская ул., дом Лукъянюка, крестьянин
45.Шишковский Виктор Павлович	Ст.Вержболово, дом СЗЖД, крестьянин
46.Юрьев Георгий Миронович	Столецкая ул., собств.дом, мещанин
47.Яроцкий Михаил Иванович	Сосновая ул., дом Гольдшмидта, крестьянин

Л ю т е р а н е	
48.Шах Адольф Николаевич	Брестская ул., дом Млашка
49.Гирс Адольф Карлович	Старошоссейная ул., дом Немцовича
К а т о л и к	
50.Поплавский Вильгельм Иванович*	Столецкая ул., дом СЗЖД

К сожалению, о содержании памяток звездочками и подчеркиванием отдельных фамилий в этом и других списках нам остается только гадать, что за ними кроется.

Что касается Гродно, то здесь инициативу по составлению наградных списков у полиции перехватил председатель Гродненского губернского отдела «Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа» (подпись неразборчива – В.Ч.), который еще 12 февраля 1914 года обратился с следующим запросом к гродненскому губернатору. В этом документе и получил частичное освещение сам механизм поступательного решения данного вопроса: «Директор Департамента Полиции официальным письмом от 7 октября 1913 года за № 7912 сообщил Председателю Главного Совета Союза Александру Ивановичу Дубровину, что согласно ходатайству члена Всероссийского его имени Союза Русского Народа Е.А.Полубояриновой, г.Министр Внутренних дел изволил приказать выдать установленную в память 300-летия Царствования Дома Романовых медаль всем членам Всероссийского Союза Русского Народа, которые участвовали в празднествах по случаю упомянутого события на местах.

Вследствие сего, с представлением именного списка в устройстве и праздновании торжества по случаю упомянутого события на местах, Совет Отдела Союза имеет честь почтительно ходатайствовать пред Вашим Превосходительством о награждении медалью поименованных в представляемом при сем списке членов Гродненского губернского Отдела Союза».[291]

После выяснения полицией того, в чем конкретно выражалось участие указанных в списке лиц в вышеупомянутых празднествах, оказалось, что все они не только состояли членами местного отдела Дубровенского Союза Русского Народа, но и участвовали в день празднования 300-летия царствования Дома Романовых в крестном ходе из Гродненского Софийского Собора в Александро-Невскую церковь.[292]

Список членов Гродненского губернского Отдела Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа, представленных к получению юбилейной медали

Ф И О	Место приписки
1.Мацкевич Адам Алексеевич	гродненский мещанин
2.Сметанко Филипп Фомич	мест.Мядель Виленской губернии
3.Литвин Михаил Андреевич	мест.Дятлово Новогрудского уезда

	Минской губернии
4.Трецкий Лука Максимович	дер.Тоньки Слонимского уезда Гродненской губернии
5.Мисихин Петр Михайлович	дер.Варзаксы Сольвычегодского уезда Вологодской губернии
6.Гринцевич Василий Осипович	гродненский мещанин
7.Шивилько Николай Иванович	дер.Малые Черленки Гродненского уезда
8.Гринюк Николай Иванович	гродненский мещанин
9.Гапоник Александр Климентьевич	дер.Вертелишки Гродненского уезда
10.Лашевич Михаил Иванович	гродненский мещанин
11.Прокопеня Алексей Фомич	мест.Рожаны Слонимского уезда Гродненской губернии
12.Леваков Иван Маркович	дер.Галкины Слонимского уезда Гродненской губернии
13.Вотчич Филипп Афанасьевич	село Большая Змиевка Городненского уезда Черниговской губернии
14.Дергилев Михаил Иванович	гродненский мещанин
15.Машин Степан Андреевич	дер.Пашкевичи Никольского уезда Вологодской губернии
16.Заржецкий Владимир Флорианович	Дер.Чигирин Пружанского уезда Гродненской губернии
17.Кураш Григорий Игнатьевич	дер.Борисово Дриссенского уезда Витебской губернии
18.Домнин Степан Кузьмич	дер.Домницы Орловского уезда Вятской губернии
19.Денисевич Антон Адамович	гродненский мещанин
20.Нос Онуфрий Павлович	мест.Яловка Волковыского уезда Гродненской губернии
21.Горшков Михаил Родионович	урочище Кашира Каширского уезда Тульской губернии
22.Балицкий Викентий Алексеевич	село Массоляны Гродненского уезда Гродненской губернии
23.Костусик Александр Фадеевич	Борнинская волость Слонимского уезда Гродненской губернии
24.Кислов Никита Семенович	мест.Наровка Волковыского уезда Гродненской губернии
25.Степанюк Кирилл Кондратьевич	Павловская волость Бельского уезда Гродненской губернии
26.Федорович Федор Яковлевич	дер.Пустыники Островецкого уезда Псковской губернии
27.Рудай Гавриил Михайлович	мест.Кукулов Антокольского уезда Подольской губернии
28.Ковальчук Игнатий Николаевич	село Вертелишки Гродненского уезда

29.Хмара Михаил Игнатьевич	село Головничи Гродненского уезда
30.Мышков Афанасий Андреевич	дер.Злодин Мозырского уезда Минской губернии
31.Жуковский Василий Николаевич	дер.Бабики Сокольского уезда Гродненской губернии
32.Соболевский Семен Антонович	дер.Юрздики Сокольского уезда Гродненской губернии
33.Арцишевич Иван Михайлович	волковыский мещанин
34.Красовский Петр Кириллович	гродненский мещанин
35.Мацкало Иван Павлович	дер.Красная Лидского уезда Виленской волости
36.Лапыш Михаил Андреевич	мест.Скидель Гродненского уезда
37.Кулак Павел Васильевич	дер.Ковали Лашанской волости Гродненского уезда
38.Опалько Осип Викентьевич	село Новый Погост Дисненского уезда Виленской губернии
39.Хоревин Яков Яковлевич	дер.Юцевичи Слонимского уезда Гродненской губернии
40.Рыбак Ефим Мефодьевич	село Рементаровка Чигиринского уезда Киевской губернии
41.Готовщик Михаил Антонович	мест.Кривошин Новогрудского уезда Минской губернии

Награждение указанных лиц состоялось спустя более года, уже в военных условиях. 16 декабря 1914 года в Гродно поступили свидетельства всем членам Гродненского губернского отдела Союза Русского Народа на право ношения на груди Высочайше утвержденной в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали. Подписаны они были вице-губернатором Столяровым. Не врученными остались свидетельства на членов Союза К.К. Степанюка, С.А. Машина, Вотчича, А.А. Мышкова, И.И. Левакова, С.К. Домнина, С.А. Соболевского и Л.М. Грецкого, так как они в первый же день по мобилизации ушли на фронт; что же касается Л.М. Грецкого, то он 22 ноября 1914 года умер в госпитале г. Двинска от полученного в бою ранения. По разным причинам члены гродненского отдела к этому времени выехали по разным адресам: Н.С. Кислов – в Москву, И.Н. Ковальчук и М.И.Хмара – в Вертелишки, Я.Я. Хоревин – в Белосток.

В апреле 1915 года поступило распоряжение о выдаче медалей всем чинам полиции, принимавшей участие в данных празднествах – бесплатно, а для членов монархических организаций по 35 копеек за штуку, вместе с лентой.

В декабре 1914 года в атмосфере патриотического подъема перед губернатором ходатайствовали о награждении юбилейной медалью преподавателей и служащих Красностокского женского сельскохозяйственного училища, игуменья Красностокского женского монастыря Елена. Вместе с нею было награждено еще 11 человек. О желании

получить медаль ходатайствовал начальник Волковыской женской гимназии М.Д. Скулич (вместе с ним было награждено еще 13 чел.); были представлены к награде семь человек из числа железнодорожных служащих ст. Брест по ходатайству начальника Привислянской железной дороги. Награды получили также 66 преподавателей и служащих Белостокского института благородных девиц.[293]

В декабре 1914 года серебряной медалью «За беспорочную службу в полиции» были награждены конно-полицейские стражники Гродненского уезда: Я.П. Стасюкевич, Ю.И. Цирук, М.А. Хреновский, А.Л. Рутковский, В.С.Пилец и П.В. Слаута. В январе 1915 года такой же медали были удостоены городовые Гродненской городской полицейской команды Д.И. Рымарчик, Х. Мациевич (посмертно), А.К. Якимович, П.И. Матус, И.В. Мацко, а в Сокольском уезде – конно-полицейский стражник С.К. Гирда.[294]

В сентябре 1916 года были представлены к награждению серебряной медалью для ношения на шее «За усердие» нижние чины Гродненской городской полиции, находящиеся в ту пору в Калуге, – А.М. Касперович, А.А. Сахаревич, М.К. Станкевич. В декабре 1916 года медали с надписями «За беспорочную службу в полиции» (беспрерывно 10 лет) для ношения на груди получили гродненские городовые Г.А. Карач, А.И. Кунцевич, К.Ю. Мировский , Н.Д. Ильин, Я.П. Моховиков, П.Ф. Краснощеков, Ф.А. Андреев, М.М. Козел, П.А. Ярмолович, Я.И. Шукайло, А.К. Малашко, М.Н. Соколовский, И.А. Ярмусик, О.С. Пашко, Ф.А. Нестерук, В.О. Панцевич.[295]

Отдельные полицейские получали награды и по военному ведомству. Так, по приказу командующего 10-й армией от 19 января 1916 года за № 106 получили награды чины Гродненской городской полиции: пристав 1-ой части И.Л. Болдовский – орден Св. Анны 3-й степени и его помощник А.М. Хведчик – орден Св. Станислава 3-й степени; члены полиции Гродненского уезда: уездный исправник Ф.Ф. Авдеевич – орден Св.Анны 2-й степени, его помощник И.П. Гриневич – орден Св.Анны 3-й степени, пристав 5-го стана А.И. Шукайло – орден Св. Анны 3-й степени, пристав 1-го стана В.А. Бортник – орден Св. Станислава 3-й степени.

В Сокольском уезде к ордену Св. Станислава 3-й степени был представлен полицейский надзиратель А.И. Кояло. В ходатайстве об награждении его уездный исправник Набоков сообщал гродненскому губернатору: «Город Соколка, будучи расположенным вблизи театра военных действий, все время входил в подчинение Х-й армии и был самым ближайшим тылом передовых позиций. В нем формировалась названная армия и в 1914 году квартировал ее штаб, а также проходило и квартировало громадное количество войсковых частей, в особенности 3-го Сибирского армейского корпуса. Кроме того, Соколка служила базой для снабжения боевых позиций съестными припасами и снаряжением. Отвод и устройство помещений для штаба армии, постоянное размещение войск по квартирам, сбор подвод под своз к позициям провианта, фуража и других припасов и др.; сбор и отправка на укрепление позиций рабочих; работы по реквизиции для армии повозок, лошадей и упряжи; назначение и сбор сторожей от обывателей для охраны части линии Северо-

Западных железных дорог – все это выполнялось полицейским надзирателем г. Соколки Александром Кояло с успехом, аккуратно и своевременно, вызывая постоянно благодарность войсковых начальников. Требования войск предъявлялись в громадном количестве, так что полицейскому надзирателю Кояло приходилось работать безустанно дни и ночи. Наряду с этим, им было положено много труда на борьбу с распространением среди квартировавших в Соколке войск спиртных напитков, вследствие чего было немало лиц привлечено к ответственности и понесло наказание по постановлениям коменданта Гродненской крепости. За идентичную работу награждались, как А.Кояло, так и другие полицейские чины губернии. Все награждение осуществлялось в полном соответствии с правилами, установленными департаментом полиции МВД от 16 января 1915 года.[296]

Между тем, город Гродно нес на содержание личного состава полиции серьезные денежные расходы. На 1 января 1915 года в штате Гродненской городской полиции состояли: полицмейстер – 1, приставов – 7, помощников приставов - 4, околоточных надзирателей – 9, надзирателей городовых (старших, младших и при сыскном отделении) – 124, начальник сыскного отделения – 1. Всего 140 человек.[297]

По распоряжению МВД с 1 января 1915 года в Гродненской губернии были установлены и введены временные правила о дополнительных из казны пособиях служащим Гродненского ведомства в районах военного действия. Согласно этим правилам всем служащим по мере необходимости выдавались: а) суточные деньги, включая как тех, кто продолжал работать в гражданских учреждениях, так и тех, кто был эвакуирован со своих мест службы, но продолжал свою деятельность по службе в пределах Гродненской губернии; б) квартирные пособия эвакуированным семьям служащих; в) единовременные в особо уважительных случаях пособия для той же категории лиц. Порядок выдачи этих пособий был строго регламентирован, однако, несмотря на это, губернские и городские власти все делали для того, чтобы их выдача «не являлась источником для огульного, без достаточной оценки отдельных случаев назначения пособий, а были бы распределяемы с должной осмотрительностью между служащими, с особым учетом тех из них, кто в силу особо неблагоприятных обстоятельств, своим бедственным положением выделяется даже среди общего затруднительного положения чинов правительственной службы в Гродненской губернии».

После эвакуации правительственных учреждений губернии, включая и полицию, вглубь страны их финансовое положение значительно ухудшилось. Об этом убедительно свидетельствует циркуляр исполняющего должность губернатора В.В. Столярова от 31 октября 1915 года всем полицейским управлениям Гродненской губернии: «В последнее время ко мне поступают многочисленныве прошения чинов полиции, ходатайствующих о выдаче им по той или другой причине пособий. Нередко ходатайства эти обращены к тем начальствующим лицам, в распоряжении которых чины полиции Гродненской губернии ныне состоят, и последними передаются мне на распоряжение. Но поскольку в моем распоряжении никаких кредитов для удовлетворения столь

многочисленных за последнее время ходатайств не имеется, предписываю полицейским управлениям разъяснить всем без исключения подведомственным чинам, что мною будут приняты все зависящие от меня меры к своевременному удовлетворению чинов полиции содержанием по должностям и что, кроме того, мною сделано представление в МВД о сохранении за всеми эвакуированными чинами суточных денег по закону 13 марта 1915 года, – на выдачу же пособий большинство просителей рассчитывать в настоящее время не может за отсутствием в моем распоряжении средств. Лишь в случаях исключительной нужды мною разрешается (под личную ответственность начальников), представить мне ходатайства о пособиях, причем таковые будут мою отправляться в Министерство, если только, конечно, служащему невозможно будет помочь из каких-нибудь специальных источников, например, сумм адресного стола. При этом считаю необходимым обратить внимание полицейских управлений на представление мне в прошениях подробных сведений о материальном положении просителя с заключением начальства – заслуживают ли просители по своим нравственным и служебным качествам материальной поддержки».

Уже в другом циркуляре (от 1 ноября 1915 года) В.В. Столяров предписывал начальникам полиции губернии «не замещать вакантных должностей стражников и городовых, а также не приглашать в канцелярии своих управлений новых служащих по вольному найму, а по сему такого рода ходатайства прошу впредь мне не представлять. Означенная мера вызывается необходимостью ввиду эвакуации Гродненской губернии сократить расходы на содержание чинов полиции. В виде исключения разрешалось принимать для работы в казенных учреждениях в качестве сторожей, дядек, курьеров «уволенных из армии увечных воинов». Он же 17 ноября 1915 года наложил строжайший запрет на отлучки «некоторых чиновников эвакуированных правительственных учреждений Гродненской губернии МВД из мест постоянного их жительства без надлежащего разрешения».[298]

После эвакуации учреждений Гродненской губернии вглубь России встал вопрос о судьбе «Гродненских губернских ведомостей», ставших преимущественно из-за своей официальной части, печатным органом, в значительной степени чуждым для большинства населения губернии. В этой связи ставилась задача по развитию неофициальной части ведомостей и преобразования данного издания. Инициатором в этом деле выступал начальник Главного управления по делам печати при МВД князь Урусов, предлагавший 19 января 1915 года гродненскому губернатору командировать для обсуждения данного вопроса на съезде редакторов губернских ведомостей в Петрограде (2-7 февраля 1916 года при редакции газеты «Правительственный Вестник» в здании МВД, Фонтанка, 57) редактора «Гродненских губернских ведомостей. Всем редакторам, явившимся на съезд, были обещаны «проездные деньги в оба конца по расчету стоимости железнодорожного билета 1-го класса и суточные по 10 рублей в день за время их поездки». По резолюции губернатора на этом документе («В виду

категорического требования исполнить» и тут же приписка: «Не явится ли настоящая командировка бесполезной?» трудно определенно решить, был ли послан на съезд местный редактор или нет, но в сложности положения губернской газеты в то время, вряд ли, приходится сомневаться.

В этот же период принимались решительные меры по экономии в учреждениях бумаги («при сдаче дел в архив чистые полулисты следует извлекать для употребления в качестве черновиков, справок и т.д.»), для чего рекомендовалось придерживаться установленных для всех учреждений сокращений слов как учреждений (при именовании), так и должностных лиц, например, ДОД, ДЕПОЛ, ГУМХОЗ и пр. Кроме того, строго предписывалось «прибывшим из эвакуированных местностей чиновникам гражданского ведомства, продолжающим ходить в военно-походной форме, да еще со шпорами», категорически запретить это делать, как не имеющим на это законного права.[299]

18 апреля 1915 года Гродненский уездный исправник Н. Бюффонов издал приказ № 1860, в котором настоятельно требовал, чтобы все без исключения дороги, мосты и части были приведены в полную исправность, а проселочные дороги расширены до 3-х саженей, непременно в течение 3-х недель». Этот приказ предусматривал личное присутствие полицейских урядников и представителей сельской власти при починке дорог. Более того, в нем давались рекомендации как провести данные работы «хорошо и прочно»: «Расчистку и вырытие канав по боковым сторонам всех категорий дорог производить по веревке, дабы канавы эти имели ровную линию. Выбрасываемая из канав на полотно дороги земля должна быть утрамбована…». А в заключении всем полицейским чинам, волостным старшинам и сельским старостам давалось предупреждение: «По истечении назначенного срока я лично буду производить осмотр дорог, и если мною будет замечена хотя бы малейшая неисправность их, я немедленно приму надлежащие меры к подвержению местных властей самому строгому взысканию». Трудно сказать, давали ли такие приказы необходимый эффект.

То же самое можно заметить и в отношении утверждаемой губернатором В. Шебеко «Таксы на жизненные припасы по городу Гродно, Гродненскому уезду и всему крепостному району Гродненской крепости на июнь 1915 года». Подписал эту таксу городской голова Э. Листовский. По ней выходило, что цены на муку, хлеб, мясо (говядина, телятина, баранина, свинина) и изделия из мяса (всевозможные ветчины и колбасы), а также овощи, дрова, керосин, спички, свечи, овес, сено и солома и т.д., даже в канун оставления города и уезда врагу не оставались, включая и ассортимент «жизненных припасов» на вполне приемлемом уровне.[300] Но это на бумаге, а в жизни все видно было значительно сложнее, ибо приостановить такими административными мерами разгул рыночной стихии было практически невозможно. Негативное воздействие на попытки «удержать цены» оказывало вызванное войной движение населения: одних – в тыл, вглубь страны, а других – на фронт, на передовую линию.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Эвакуация городских учреждений в Калугу и другие местности. – Здравоохранение на колесах. – «Хождение по мукам» гродненских гимназий и реального училища. – Последние дни гродненской губернской типографии. – Губерния на исходе

Такое явление как беженство для жителей города Гродно и уезда стало реальностью в начале августа 1915 года. Правда, в данной ситуации и в условиях крепостного города оно обретало совершенно иной, чем прежде характер, и определение – эвакуация. В связи с неудачами и успехами на фронте практически за один год войны гродненцы пережили ее четырежды:

трижды они приезжали в Слоним и уезжали оттуда (сентябрь 1914, январь 1915 и июль 1915 года), и опять-таки из Слонима началась для горожан четвертая эвакуация вглубь страны. Важную роль в решении этой серьезной проблемы сыграли как военные, так и гражданские власти.

Особое совещание о мерах по очищению войсками некоторых местностей Северо- и Юго-Западных фронтов от 23 июня 1915 года (под председательством Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича) приняло следующий порядок выселения населения из прифронтовой полосы: «1) немцы-колонисты, владеющие в сельских местностях землею или иным недвижимым имуществом, а равно безземельные, но приписанные к обществам колонистов, хотя бы они и проживали в городах, подлежат обязательному выселению за собственный счет в местности вне театра войны. От обязательного выселения освобождаются благонадежные жены и матери колонистов, состоящих на службе в действующей армии, а равно дети их. Недвижимое имущество колонистов подвергается секвестру и передается в ведение Главного управления землеустройства и землевладения, причем в зависимости от местных условий, в эксплуатации его могут быть привлекаемы беженцы из очищенных войсками местностей; 2) польскому населению, как из Варшавского генерал-губернаторства, так и из других местностей, а равно коренному русскому населению, в случае желания оставить место постоянного жительства, оказывается к тому возможное содействие и предоставляется бесплатный проезд по железным дорогам. По пути следования беженцев распоряжением военной власти устраиваются питательные пункты и этапы, а местности их водворения определяются МВД; 3) при очищении территории местное еврейское население распоряжением военной власти сосредотачивается в особых пунктах, в прочих местностях – оставляется на месте. Евреи иностранного подданства вглубь России ни в коем случае не допускаются».

Свое отношение к оставляемому имуществу и посевам особое совещание выразило следующим образом: «1) разрушению или уничтожению могут быть подвержены лишь те строения и леса, необходимость истребления которых вызывается условиями боевой обстановки и распоряжений соответствующего строевого начальства; 2) в интересах ускорения и упрощения расчетов с населением за скошенные и уничтоженные посевы взамен оценки происшедших от того убытков специальными комиссиями, по каждому фронту устанавливаются предельные цены для оплаты десятины посева каждой культуры. По заявлению потерпевшего ему выдается свидетельство с указанием площади уничтоженного посева. Полная оплата квитанции производится по возвращении властей на место и проверки соответствия квитанции действительно понесенному ущербу; 3) независимо от сего по каждому уезду образуются особые комитеты, на которые возлагается прием заявлений о понесенных убытках и выдача их подателем соответствующих квитанций».

Что касается реквизиций, то в отношении к ним в 1915 году оставалось неизменным то, что изъятие у населения продовольственных припасов, лошадей, скота и перевязочных средств производилось платно и с немедленной выдачей вознаграждения. С учетом же наметившегося отступления русской армии особое совещание предлагало следующее: «При реквизиции продовольствия, по снятии нового урожая отбирается весь излишек запасов сверх годовой потребности населения. В местностях, угрожаемых нашествию неприятеля, населению оставляется не свыше месячной нормы потребления. При реквизиции машин, станков, заводского оборудования и материалов в первую очередь реквизируется и вывозится все имеющее значение в воинских видах. Не могущее быть вывезенным и допускающее использование противником уничтожается…».

Для гродненцев, испытавших все «прелести» эвакуации в г. Слоним, особое значение имело решение совещания от 23 июля 1915 года, которое гласило: «выдача пособий по положению 20 августа 1914 года, в случае повторной эвакуации производится по получении надлежащего о том распоряжения лишь тем семьям служащих правительственных учреждений, действительный выезд которых будет удостоверен начальниками подлежащих установлений».

О результатах проведенного совещания было доложено гродненскому губернатору, но в какой степени выполнялись его постановления, утвердительно говорить нет достаточных оснований. В реальной жизни выход подсказывали сложившиеся на то время обстоятельства и готовность служащих принять с учетом их правильное решение. Часто так бывало, что одни распоряжения подменялись через какое-то время диаметрально противоположными.

Так произошло, в частности, и в вопросе о выселении евреев. 30 июля 1915 года взамен положений, утвержденных генералом Янушкевичем, на имя гродненского губернатора поступили правила, утвержденные и рекомендуемые к неукоснительному исполнению генералом Алексеевым. В этих правилах «О выселении евреев из войсковых районов Северо-Западного фронта» говорилось следующее: «1) по получении распоряжений командующих армиями о поголовном выселении евреев, губернаторы по телеграфу сообщают об этих распоряжениях по принадлежности начальникам военных округов и ожидают их указаний; 2) евреи обоего пола, не достигшие 14-летнего возраста или имеющие более 60 лет, выселению не подлежат, кроме случаев установленной неблагонадежности; 3) прочие евреи остаются на месте при условии поручительства за них представителей общины, избранных для этой цели губернаторами; 4) лица эти (заложники) избираются в каждом городе или местечке в зависимости от местных условий, из богатых, пользующихся уважением евреев, духовных раввинов и цадиков в количестве 5 человек; 5) список заложников представляется губернатором по принадлежности начальникам военных округов; 6) заложники дают подписку о том, что они, в случае, если оставленные под их поручительством евреи проявят какие бы то ни было враждебные действия по отношению к нашим войскам, или окажут в какой-либо форме содействия неприятелю, будут

отвечать имущественно и лично по всей строгости законов военного времени; 7) заложники должны находиться под негласным бдительным надзором местной полиции; 8) в случае приближения неприятельских войск негласный надзор полиции за заложниками может быть заменен гласным; 9) при необходимой эвакуации под напором неприятеля заложники эвакуируются вместе с учреждением под неослабным надзором полиции, который продолжается на новом месте жительства; 10) поручительство, дающее право еврею остаться на месте его жительства, осуществляется подписью трех заложников на документах, служащих для евреев видами на жительство; 11) взаимные недоразумения между заложниками и лицами, за которых «они поручились, разбираются местными губернаторами». Как и в прежних случаях, информация о том, выполнялись или нет упомянутые выше правила, у нас отсутствует.[301]

Главный начальник Двинского военного округа М. Туманов 11 июня 1915 года выслал на имя губернатора В.Н. Шебеко «совершенно секретный и в собственные руки» пакет, в котором говорилось: «Милостивый Государь Вадим Николаевич! Согласно приказания Штаба Верховного Главнокомандующего, «в случае отступления наших войск, необходимо заблаговременно интенсивно вывозить в тыл все средства, особенно железнодорожные; уничтожать посевы косьбой или иным путем; мужское население возраста военнообязанных, кроме жидов, удалять в тыл, дабы не оставлять в руках противника; все запасы скота, хлеба, фуража, лошадей обязательно вывозить; по возможности все рельсовые пути свертывать и увозить в тыл, а не ограничиваться местной порчей путей; мосты, водокачки – взрывать окончательно; «где возможно взрывать плотины» (текст, заключенный в кавычках – подлинное выражение генерала Янушкевича в его приказе за № 1443, использованное М. Тумановым).

Сообщая об изложенном, прошу теперь же выработать для вверенной Вам губернии план эвакуации всего указанного выше имущества, а также уничтожения посевов, и выработанный план доложить мне лично. Если потребуется приведения его в исполнение, об этом будет Вам сообщено своевременно. Как настоящее сообщение, таки делаемые по сему распоряжения должны носить крайне секретный характер под Вашу личную ответственность. Уважающий Вас покорный слуга М. Туманов».

Завершающее данное письмо напоминание о крайней секретности предполагаемого не может не вызывать удивления своей противоречивостью: с одной стороны «заблаговременно и интенсивно вывозить». А с другой – «все делаемое по сему распоряжению должно носить крайне секретный характер».[302]

29 июля 1915 года гродненский губернатор получил телеграмму: «Главнокомандующий приказал произвести срочную эвакуацию гродненских учреждений из пунктов, лежащих на линии Белосток-Брест и к западу от нее. Почтово-телеграфные учреждения должны оставаться по возможности дольше. Гражданские казначейства должны передать свои обязаности военно-полевым казначействам. Административные власти и полиция должны

отходить только с войсками. Данилов». Документальным свидетельством этого исхода может служить следующая телеграмма: «Губернатору Шебеко. Слоним. От 25 августа 1915 года. По приказанию главного начальника снабжения прошу безотлагательно объявить населению Гродненской губернии, что желающие эвакуироваться должны уходить немедленно. Данилов». Ответ В.Н. Шебеко генералу Данилову был столь же лаконичным: «Мое распоряжение о немедленном выезде и нежелательности оставаться на местах населению вверенной мне губернии сделано еще в начале августа и неоднократно подтверждалось. Губернатор Шебеко. Отправлено из Слонима 25.8.1915 г.».[303]

В материалах НИАБ в г.Гродно действительно хранится телеграмма, подтверждающая это: «Гродненский губернатор. 5 августа 1915 года. Срочно – начальникам всех гражданских учреждений г. Гродны. На основании распоряжения главного начальника снабжения армий Северо-Западного фронта предлагаю всем гражданским учреждениям Гродны немедленно приготовить к вывозу из города имущества и личного состава учреждений. Воспрещается допускать к отправке эвакуированными учреждениями мебели, столов и т.д. Вывозу подлежит лишь ценное или важное имущество. Губернатор Шебеко». Тогда же предписанием правителя канцелярии гродненского губернатора Федорова доводилось до сведения начальствующего состава губернии, что «эвакуированные учреждения и служащие будут направлены в г. Калугу». Здесь же хранятся и распорядительные документы калужского губернатора с требованием к подчиненным об «оказании всестронней помощи эвакуируемым учреждениям Гродненской губернии, а также их служащим и членам семейств».[304]

6 июля 1915 года комендант Гродненской крепости получил телеграмму от командующего Северо-Западным фронтом, коренным образом менявшей запланированную ей роль в начальный период войны. Как оно осуществлялось, как вели себя при этом принимавшие это решение верховный главнокомандующий и командующий фронта, представить себе сегодня достатоточно трудно, но ясно одно, что давалось оно нелегко. Текст телефонограммы был следующим: «Крепость Гродно считать укрепленной позицией на фронте Неман-Гродно-Брест, причем приказано начать срочную эвакуацию крепостных запасов и имущества». Судя по всему, такое решение комадования было обусловлено возникшей опасностью окружения крепости ударами с флангов. Вот почему М.Н. Кайгородову и было предложено «уменьшить количество оставленных пушек на крепостных позициях, доведя их до минимума, в помощь полевым войскам». Тем не менее, генерал М.Н. Кайгородов получил приказ: «город защищать настойчиво».[305] И воины гарнизона делали все от них зависящее для его выполнения.

Весьма интересные сведения, проливающие свет на порядок эвакуации госучреждений г. Гродно, имеются в переписке начальника управления земледелия и госимуществ с губернской канцелярией и своими учреждениями в губернии. Так, 8 августа 1915 года начальник управления Прохоров уведомлял всех лесных ревизоров и лесничих о том, что «Г. губернатор 7 сего

августа за № 10822 уведомил меня, что все гражданские учреждения гор. Гродны эвакуируются в г. Калугу. Уведомляя Вас об этом, управление поручает Вам впредь всю переписку направлять в г. Калугу на имя Гродненского управления земледелия и госимуществ. В случае оставления Вами по обстоятельствам военного времени вверенных Вам лесничеств управление предлагает Вам немедленно донести ему о месте Вашего нового бытия». Из документов этого управления следует, что «вывоз казенного имущества производился на основании утвержденного 20 августа 1915 года «Временного положения», причем вызываемые перевозом расходы также производились исключительно за счет государственного казначейства по требовательным ведомостям госучреждений». О трудностях, с которыми сталкивались эвакуируемые этого ведомства, свидетельствует сообщение лесничего Рожанского лесничества А. Сапегова от 12 сентября 1915 года в Гродненское управление земледелия и госимуществ: «Имею честь донести управлению, что на пути в Калугу,я я заехал в Бобруйск за женою и уже две недели не могу выехать отсюда из-за переполненности поездов (часть пассажиров едет на крышах вагонов). При первой возможности прибуду в Калугу, куда мною отправлена со ст. Коссово Александровской желзной дороги часть имущества». Согласно имеющимся счетам на употребление аванса, отпущенного управлению на «вывоз казенного имущества по обстоятельствам военного времени из гор. Гродны в гор. Слоним 30 января и обратно из гор. Слонима в гор. Гродну 6 июня, а затем из гор.Гродны в гор. Калугу 13 августа 1915 года», на эти цели было всего израсходовано 414 руб. 37 коп. В эту сумму входили затраты не только за переезд в Калугу, но и средства, ушедшие на изготовление ящиков, другой упаковки, и на оплату грузчиков и извозчиков. Полученный же в казначействе аванс составлял 735 руб. 01 коп. Следовательно, к расходованию средств чиновники подходили достаточно рачительно. На перевоз чиновников управления земледелия (всего 44 чел.) было затрачено 118 руб. 85 коп. Из Гродно в Калугу по линии этого ведомства было вывезено около 300 сельхозмашин и орудий на сумму 6348 рублей .[306]

25-го же августа 1915 года из штаба фронта губернатору был передан нарочным секретный пакет, в котором ему предлагалось оповестить население о том, что «в ближайшее время перевозка беженцев по железной дороге уже невозможна, а потому последние должны быть готовы к движению на значительные расстояния по грунтовым дорогам». Переживая о судьбах этих несчастных, В.Н. Шебеко, будучи уже по дороге в Калугу (на станции Барановичи) телеграммой запрашивал у Зубчанинова о тех, кто уходит на восток в составе беженских обозов: «Какова конечная цель у проходящих в настоящее время через Минскую губернию беженцев в Гродненской губернии?». Однако ответа на свой вопрос гродненский губернатор уже не дождался. Начиналось нелегкое время эвакуации.

Основная часть жителей города-крепости Гродно покидала родные места по железной дороге, причем в большинстве случаев «маршрутными поездами» с прямой доставкой людей до пункта назначения. При посадке в поезд

разрешали брать «не более двух пудов багажа на одного человека». Но фактически на станцию Гродно, те, «кто имел возможность, грузили не только домашнюю утварь, но и значительные запасы продовольствия». Каждый эшелон имел своего сопровождающего («проводника»), который заботился об эвакуируемых от момента посадки до расселения в местах прибытия. На питательных пунктах транзитных станций людей кормили горячей пищей, одновременно медики оказывали помощь заболевшим, эпидемическим больным или их удаляли из эшелонов для стационарного лечения, или везли в специально изолированных вагонах. Таков был установленный порядок, но в жизни наблюдалось и иное: поезда с беженцами шли вне расписания, а потому – чрезвычайно медлено, времени для получения продовольственой и медпомощи не всегда для всех хватало, при этом часть беженцев отставала от своего поезда, вагоны были битком набиты, вперемежку со здоровыми лежали в бреду как тифозные, так и холерные больные – первые признаки нищеты и войн…[307]

16 сентября 1915 года исполняющий дела гродненского губернатора В.В. Столяров (В.Н. Шебеко по прибытии в Калугу тяжело заболел – В.Ч.) докладывал начальнику Двинского военного округа: «Все учреждения Гродненской губернии, эвакуированные первоначально в Калугу, сегодня по распоряжению МВД перераспределяются в Ярославль, Казань, Тамбов, Липецк, Таруск и другие города. Чины полиции и крестьянских учреждений уже откомандированы в другие губернии и войсковые части. Поэтому исполнить требования высылаемых на наш адрес телеграмм лишен возможности». В словах Столярова была горькая правда, ибо наладить с колес, на новом месте, функционирование разбалансированного неоднократными эвакуациями административного хозяйства было чрезвычайно трудно.

В числе эвакуированных в Калужскую губернию оказалось 21 уездное учреждение Гродненской губернии. В г. Калуге разместились: канцелярии Гродненской и Белостокской уездных предводителей дворянства, Гродненская и Белостокская уездная и городская полиция, остальные же получили местопребывание в городах: Малоярославце, Мещовске, Масальске, Медыни, Боровске, Козельске, Жиздре, а также в городах Смоленске и Тамбове. Часть губернских и городских учреждений разместились, кроме Калуги, еще в Тамбове, Пензе, Курске, Саратове, Рязани, Липецке и других городах.[308] Собрать информацию о их жизни и деятельности, равно как и о быте служащих этих учреждений, а также духовной консистории, в полном объеме, разумеется, было невозможно. Здесь существует практически пока единственный выход – обратиться к истории их жизни в эвакуации через призму их индивидуальной военной судьбы. Начать это повествование необходимо с «хождений по мукам» городских медицинских учреждений.

Из «Отчета о состоянии народного здравия в Гродненской губернии за 1914 год» в г. Гродно в ту пору значились следующие учреждения: 1) окружная лечебница на 120 кроватей (40 запасных), в течение года в ней лечилось 1251 чел., умерло 99; 2) психическое отделение лечебницы на 35 кроватей (25

запасных), в течение года лечилось 64 чел., умерло 18; 3) еврейская больница на 60 кроватей (других сведений нет); 4) частная лечебница врача Гольштейна на 5 кроватей (других сведений нет); 5) тюремная больница на 40 кроватей, в ней лечилось 298 чел., умерло 24; 6) родильный приют на 10 кроватей, в ней лечилось 333 чел., умерло 3. На основании «Ведомости о движении больных и раненых в первом Георгиевском госпитале», располагавшемся в помещении Гродненской женской гимназии, в нем (в период с 25 августа 1914 года по 1 января 1915 года) находилось на излечении следующее количество раненых: офицеров – 28 чел. С огнестрельными ранениями и два контуженных, из них умерло 2, эвакуировано вглубь страны 11 чел.; нижних чинов – с огнестрельными ранениями 1684 чел., контуженных – 30, умерло 49, эвакуировано вглубь страны 1088 чел. Что касается больных в этом госпитале, то офицеров среди них было 12, нижних чинов – 274, из числа последних умерло 3 чел.[309]

Разумеется, что данные сведения о медицинских учреждениях города – не совсем полные. В них, кроме всего прочего, не учтена динамика их открытия-закрытия, перемещение, эвакуации в другие города и т.д. В отношении военно-лечебных учреждений определенно известно, что кроме Георгиевского госпиталя (Георгиевской общины Красного Креста), в городе-крепости в разное время дислоцировались: Гродненский военный лазарет, полевые подвижные госпитали Кобринского, Вятского полков, Добровольный санитарный отряд Гродненской крепости, лазарет Пермской губернии в казармах Петрозаводского полка. Гродненский военный лазарет размещался в Новом замке, Добровольный санитарный отряд Гродненской крепости – в здании Гродненского отделения Крестьянского поземельного банка.

Из «Протоколов Гродненского приказа общественного призрения за 1914-1915 гг.», следует, что 31 июля гродненскому городскому врачу А.Н.Сикачинскому, были выданы проездные и суточные деньги для сопровождения душевнобольных из психического отделения Гродненской окружной лечебницы в Московскую и Казанскую психбольницы. Только в последней на 1 января 1915 года находились 52 чел. – уроженцев Гродненской губернии.

В тот же день (31 июля) обсуждался на заседании приказа вопрос о вывозе из Гродненской окружной лечебницы всех оставшихся больных за пределы Гродненской губернии, а также о том, «что делать с оставшимися невывезенными медикаментами и оборудованием». В конце концов было решено «временно передать их в ведение врачебного отделения Гродненского губернского правления, разрешив при этом отделению расходовать их в случае надобности для нужд сельского населения губернии с тем, чтобы стоимость израсходованных медикаментов была возвращена затем приказу. Этому же отделу было передано и оборудование с бактериологического (при лечебнице) кабинета по случаю объявления соседней Волынской губернии в состоянии угрозы появления холеры».[310]

21 августа 1914 года Гродненская окружная лечебница вновь начала прием больных. Лечение и контроль за порядком в ней было возложено на старшего

врача окружной лечебницы Н.Д. Беклемишева, врача А.Н. Сикачинского и смотрителя городских богоугодных заведений К.К. Прядкина-Милорадовича. Последнему авансом были выделены денежные средства на содержание больных, прием медперсонала и прочее. В окружной лечебнице в июле-августе 1914 года находилось на излечении 150 больных и раненых нижних чинов, 47 из них умерли. В делах приказа общественного призрения имеются документы, подтверждающие расходование «на их погребение и постановку надмогильных деревянных крестов довольно значительных средств».

Во время эвакуации в сентябре 1914 года государственных учреждений г. Гродно в г. Слоним комендант крепости по просьбе врачей и медперсонала окружной лечебницы разрешил остаться в городе открытому при ней отделению при условии полной обеспеченности лечебницы денежными средствами. Необходимая сумма (свыше 7 тыс. руб.) городской администрацией была найдена и отделение, хотя и с рядом осложнений продолжало функционировать в условиях осажденного города. В октябре 1914 года Гродненская окружная лечебница (с вместе состоящей при ней богадельней) по требованию военных властей была эвакуирована из города с согласия калужского губернатора на упраздненный завод графа Орлова-Давыдова, расположенный при станции Судимир Московско-Киевско-Воронежской железной дороги Жиздренский уезд Калужской губернии). Приняли здесь гродненцев хорошо, исправно высылало гродненское казначейство и денежные средства на имя старшего врача Н.Д. Беклемишева, возглавившего лечебницу. Однако 15 сентября 1915 года калужский губернатор попросил гродненского губернатора об освобождении помещений, занятых окружной лечебницей и другими учреждениями приказа общественного призрения при станции Судимир, как «остро необходимые для военных целей». Через небольшое время после этого решения Н.Д. Беклемишевым были подысканы в селе Ловать, что в 12 верстах от станции Судомир, подходящие помещения, которые предоставили лечебнице за умеренную плату: землевладелец И.И. Третьяков (дом из 7 комнат и кухню), крестьянин К.Ф. Лазарев (дом из 4-х комнат с кухней и постройками во дворе), а также мещанин К.И. Михалев (дом из 4-х комнат с кухней и всеми постройками). После заключения договора об аренде, лечебница была переведена в эти помещения села Ловать. Тогда же на излечении в лечебнице находилось 33 больных (неспособных к труду), 16 инвалидов, 10 бродяг и 12 детей в возрасте от двух до тринадцати лет. Из медперсонала имелись: врач, смотритель, письмоводитель, фельдшерица, надзирательница, два смотрителя, повар, сиделка и две прачки.[311] Руководителем и душей этой гродненской лечебницы на Калужской земле был ее основатель и заведующий Н.Д. Белемишев, пока не случилось несчастье. 20 марта 1915 года из-за большой нервной и физической нагрузки, а также обострившейся стенокардии он внезапно скончался от разрыва сердца. Похоронен был замечательный доктор вблизи ст.Судимир. Не суждено было вернуться в Гродно и самой окружной лечебнице.[312]

Между тем, в Гродно продолжало работать отделение окружной лечебницы. Из «Протоколов Гродненского приказа общественного призрения» видно, что его деятельность осуществлялась в тяжелых условиях осаждаемого неприятелем города. Так, 18 апреля 1915 года «ввиду переполнения отделения окружают больницы тяжелобольными и ранеными, его администрация просила власти о необходимости дополнительно нанять прачку, двух сиделок и дворника», и такие расходы вскоре были осуществлены. В это время в отделении на излечении находилось 65 больных и раненых. Во время августовской эвакуации это отделение также перебазировалось на станцию Судимир, а затем в село Ловать, где поступило в распоряжение Н.Д. Беклемишева.[313]

После полной эвакуации Гродненской окружной лечебницы в Калужскую губернию в ее помещениях был размещен 221-ый полевой запасной госпиталь русской армии на 210 кроватей со штатом служащих и прислуги в 36 человек, кроме того, здесь же находилось и отделение для гражданского населения на 60 кроватей. На 20 июля 1915 года в помещениях бывшей окружной лечебницы размещалось свыше 400 чел. Тогда же здесь был произведен ремонт операционной и перевязочной комнат. Большую помощь гродненским медикам оказывала общественность, а также своими пожертвованиями отдельные состоятельные люди города.[314]

Пришлось разделить тяжкую участь переезда с места на место и городским учреждениям народного образования. Сведения об этом сложном периоде их бытие приходилось черпать из весьма скудных источников. Наиболее слабым можно признать документальное обеспечение истории Гродненской мужской гимназии (начальник И.А. Глебов). Здесь зачастую (как крайняя мера) приходилось прибегать к изучению формулярных списков ее преподавателей. Благодаря этим документам удалось проследить местоположение данного учебного заведения в 1914-1915 годах (Гродно, Слоним, Могилев, Липецк). Неоценимую помощь сыграли при этом письма старейшего преподавателя мужской гимназии И.И. Остроумова в адрес канцелярии. Вот строчки из его почтовой карточки, отправленной 15 августа 1914 года из местечка Лунно (как и все преподаватели Остроумов в момент начала войны находился в отпуске. – В.Ч.) на имя заведующего канцелярией П.К.Сазонова (г. Могилев, канцелярия Гродненской мужской гимназии): «Многоуважаемый Петр Казимирович, с трудом узнал, где Вы находитесь. Послал Вам открытку в Харьков, но ответа не получил; справлялся в Москве о директоре гимназии – опять ничего. Наконец, удручаемый неизвестностью положения, стреканул в Гродно, где теперь временно пребываю. Здесь узнал, что Вы действуете и есть надежда, что мы получим жалованье за август. Посему покорнейше прошу Вас выслать мне деньги по адресу: г. Ковров Владимирской губернии, Московская ул., дом Солова. И если, что имеется сообщить мне по делам службы и вообще что-нибудь интересное, то напишите. Я выезжаю к семье. С почтением – Остроумов».[315]

Второе письмо И.И. Остроумова к П.К.Сазонову было послано из Вильно 20 августа 1914 года: «Дорогой Петр Казимирович, сейчас был в Виленском

учебном округе, виделся с Александром Фавстовичем (Пигулевским, инспектором округа, а ранее – директором Гродненской мужской гимназии – В.Ч.). От него узнал, что от родителей гродненских учеников и от вице-губернатора Столярова поступило прошение о скорейшем открытии Гродненской гимназии. Конечно, этого желают все, а мы – в особенности; но как это осуществить? С одной стороны, сам комендант крепости Кайгородов предлагает повременить недельки две до выяснения положения дел на театре войны. А с другой – «другой комендант», уже наш собственный – Селивоник (инспектор гимназии – В.Ч.) утверждает, что ему нужно не менее двух недель для того, чтобы очистить гимназию от результатов военного постоя и приспособить ее для занятий. Стало быть, открытие гимазии – еще вопрос времени, возможно и не столь отдаленного. На мой взгляд, наша гимназия раньше октября месяца никак функционировать не сможет. Да, и в Гродно, хотя сегодня и тихо, но тихо отнюдь не по военной причине, а потому что вообще в городе народа осталось мало. Семьи очень и очень редки. Больше одни чиновники. И собрать семейства с детьми не так-то легко. Теперь одному прожить трудно, а с семьей – тем более. Поезда ходят раз в день и весьма дорого, а давка в вагонах в особенности по направлению к Вильно и Варшаве – невероятная. Со временем сами об этом узнаете. Я теперь возвращаюсь к семье, в Ковров. Убедительно прошу сообщить мне о том, когда гимназия возвратится из Могилева в Гродно».[316]

В связи с тем, что занятия в мужской гимназии в г. Гродно в ту пору так и не возобновились, И.И. Остроумов устроился на работу учителем русской словесности в Слонимском реальном училище, с которым в августе 1915 года был эвакуирован вглубь страны. Его последнее место работы – женская гимназия в г. Феодосии, куда он переехал к замужней дочери. Что же касается гимназии, то, вероятнее всего, она из Могилева была эвакуирована осенью 1915 года в г. Липецк Тамбовской губернии. О работе Гродненской мужской гимназии здесь в наиболее общих чертах можно судить на основании протоколов заседания ее педсовета за 1916 год, а также отрывочных сведений из формулярных списков директора гимназии И.А. Глебова и законоучителя ее, священника Вячеслава Штепенко. Известно, что 11 августа 1917 года И.А. Глебов выезжал в г.Могилев для участия в съезде деятелей средней школы Виленского учебного округа, а в августе 1918 года в заседании комиссии по реформированию средних учебных заведений г. Липецка, а также в работе 2-го Тамбовского общегубернского съезда по народному образованию. Среди документов данного дела имеется копия акта о переводе имущества и дел Липецкой (бывшей Гродненской мужской гимназии) в лице председателя педсовета Липецкой (б. Гродненской мужской гимназии) И.А. Глебова в ведение местного комиссариата просвещения. Данное событие состоялось 23 сентября 1918 года.[317] Эту дату можно считать временем прекращения деятельности Гродненской мужской гимназии.

Буквально по крохам приходилось добывать сведения об истории Гродненской женской Мариинской гимназии в военные годы (начальник ее А.М. Святухин). Имеющиеся архивные источники, к сожалению, отразили на

своих страницах лишь материальную и финансовую сторону ее деятельности. О реальных же перипетиях жизни гимназии можно было найти отголоски лишь из тех же формулярных списков ее преподавателей (особено полезным здесь было дело законоучителя гимназии, священника Сергия Ивацевича), да из переписки директора гимназии А.М. Святухина с вышестоящими инстанциями. На основании этих источников можно заключить, что с началом войны нормальное обучение в Мариинской гимназии так и не было восстановлено, ибо «семьи с девицами ранее всех покинули Гродну». Те же, кто остался, а это большая часть учителей и небольшая часть учащихся в конце января 1915 года перебралась в г. Слоним. Возобновить здесь занятия по ряду причин было нелегко. Из письма директора гимназии в канцелярию по учреждениям императрицы Марии в Петрограде следовало, что «вследствие временного закрытия Гродненской женской гимназии по военным обстоятельствам доход от платы за обучение не поступает, сметное же пособие из средств Мариинского ведомства уже израсходовано на оплату текущих расходов». Тяжелым положением гимназии был обеспокоен губернатор В.Н. Шебеко. В деле начальника Мариинской гимназии А.М. Святухина имеется коротенькая запись, подтверждающая это: «26 февраля 1915 года в Слониме в квартире губернатора Шебеко (на Полицейской улице) проводилось совещание «для разрешения вопросов, касающихся учебных заведений г. Гродны».[318]

Судя по всему, это совещание было лишь констатирующим бедственное положение и гимназий, и реального училища, но изменить что-либо в лучшую сторону ни сам губернатор, ни начальники гродненских учебных заведений не могли, ибо «хозяйкой ситуации» была в ту пору война. Вскоре после совещания «важнейшие архивные дела гимназии были вывезены на временное хранение в Москву», а на имя начальника гимназии буквально посыпались заявления с просьбой о выдаче документов для перевода в женские гимназии, находящиеся подальше от линии фронта. Наиболее типичным из этих заявлений-прошений было следующее: «Господину начальнику Гродненской женской гимназии ведомства учреждений императрицы Марии судебного сделователя Гродненского окружного суда по важнейшим делам Владимира Сцепуро. Прошение. Начало текущего 1914/1915 учебного года для воспитанниц учебных заведений г. Гродны оказалось особенно тяжелым, так как средние учебные заведения по обстоятельствам военного времени не открылись и вопрос об открытии их оставался непреодоленным, так как передавались мнения причастных к учебному персоналу лиц, что учебные заведения откроются только после нового 1915 года.[319] Такое мнение, вместе с поспешной эвакуацией семей из Гродны в начале войны, привело к тому, что многие родители не определили до сих пор своих детей в учебные заведения». Далее В. Сцепуро просил начальника гимназии о выдаче ему свидетельства о переходе его дочери Нины в 5-ый класс женской гимназии. Внизу прошения был указан адрес Сцепуро: «г. Слоним, дом Шумаха» и еще дата – 17 февраля 1915 года. В планы просителя, как это исходило из содержания прошения,

входило устроить свою дочь в Киевскую женскую гимназию, где проживали его родственники.

Летом 1915 года, вероятнее всего, что прямо из Слонима, все то, что осталось от Мариинской гимназии было эвакуировано в г. Калугу. Здесь гимназия размещалась в так называемом доме О.Д. Новосильцевой по Георгиевской улице. 1 сентября 1915 года здесь, как и прежде в Гродно, начались учебные заведения. Сообщая об этом, 17 сентября 1915 года в Петроград в ведомство императрицы Марии, А.М. Святухин одновременно сообщал его чиновникам и о том, что «обозрительный отчет по Гродненской женской гимназии за 1914 год не может быть представлен, так как вследствие военных обстоятельств гимназия была закрыта во втором полугодии того же года».

Калужане встретили эвакуированную Гродненскую женскую гимназию сочувственно и благожелательно. Часть преподавателей получила «бесплатное предложение квартир». Все они получали также государственные пособия (продовольственное или «пайковое», а также на «помещение, отопление и освещение»), которые вплоть до 1917 года оставались неизменными. Однако рост дороговизны, вызванный войной, не мог не усложнить бедственное положение учителей и учащихся. Гродненский губернатор В.Н. Шебеко, как попечитель гимназии, судя по всему, не жалел своих усилий для «скорейшего удовлетворения преподавателей денежным содержанием», однако уже сразу же после его отъезда в Москву на должность градоначальника, жизнь преподавателей Мариинской гимназии значительно осложнилась. В денежно-финансовых материалах учебного заведения за 1916-1917 годы имеется немало прошений преподавателей с мольбой об оказании им материальной помощи по причине «разорительных переездов в Слоним, а затем и эвакуации в Калугу», а также общей дороговизны жизни. В числе получавших разного рода пособия значились имена следующих преподавателей женской гимназии: Т.Т. Колесникова, В.В. Рудольфа, Ф.П.Турунова, О.И. Вестли, О.В. Качановской, И.А. Герасимович, А.Ф. Федотовой, Н.Г. Харлампович, З.А. Богалдин-Таниевой и др. В 1918 году Гродненская женская Мариинская гимназия в г. Калуге была упразднена.[320]

В отличие от мужской и женской гимназий документальная база Гродненского реального училища цесаревича Алексея в НИАБ (г.Гродно) представлена более полно как в количественном, так и содержательном смысле. Как следует из отчета училища, «по обстоятельствам военного времени учебных занятий в училище до 26 сентября 1914 года не было; с 7 по 27 января занятия проходили в Гродно с учащимися, которые еще не эвакуировались с семьями, т.е. еще оставались в Гродно, но 28 января эти занятия были прекращены в силу особых военных обстоятельств, после чего Гродненское реальное училище было эвакуировано в г. Слоним».

Судя по некоторым документам, 30 сентября 1914 года директор училища В.О. Лидерс со своим начальником канцелярии З.П. Бахмутским, а следовательно, «со всеми делами, документацией и другими предметами», согласно предварительно составленному мобилизационному плану, выезжал в

г. Смоленск, чтобы обустроиться там вместе с училищем на время военных действий. Но по каким-то причинам закрепиться в Смоленске не удалось, вот почему это училище и оказалось опять в г. Слониме. Отсюда вместе с женской гимназией реальное училище было эвакуировано в г. Калугу. В канун нового 1915/196 учебного года В.О. Лидерс получил от Виленского учебного округа, переехавшего в г. Могилев, следующее указание: «принимая во внимание, что Гродненское реальное училище уже второй год не функционирует, а потому в виде крайне печального состояния училища, прошу не назначать на предстоящий учебный год уроков по таким предметам, как закон еврейской веры, законоведение, пение, сокольская гимнастика и военный строй».[321]

О том, как работало Гродненское реальное училище в Калуге, можно судить на основании его отчетов за 1915/1916 и 1916/1917 учебные годы, а также протоколов заседания его педагогического совета за указанный период. Вот что было зафиксировано в этих документальных источниках о первых шагах учебного заведения на новом месте: «Ввиду занятия г. Гродно неприятелем училище лишилось нового прекрасного здания, удовлетворявшего всем учебно-воспитательных потребностям, и разместилось временно в помещении Калужского реального училища, заняв на втором этаже его здания пять классных помещений и помещение рисовального класса на первом этаже. Все помещения светлые, с достаточным количеством воздуха. В распоряжении училища имеются физический, химический и биологический кабинеты. Учебные занятия проходят во вторую смену совместо со 2-ой Варшавской гимназией». На 1 января 1916 года обучение в училище осуществлялось в 6-ти основных классах и 7-ом дополнительном. По словам начальника училища, «быстрое и сильное наступление неприятеля лишило училище всякой возможности перевести какое-либо имущество, оборудование и библиотеку. Все упомянутое досталось неприятелю. Библиотекарь смог захватить с собой лишь 5 экз. книг 4-х названий. Но здесь, в Калуге, удалось приобрести книги для ученической библиотеки в 329 названиях и 635 томах на сумму 454 руб. 25 коп.». Заметим, что на 1 сентября 1917 года в библиотеке Гродненского реального училища имелось, благодаря усилиям преподавателей и администрации, уже 735 названий учебной и научной литературы в 1110 томах.

В отношении условий жизни и организации учебного процесса в училище в отчете его начальника за 1915/1916 учебный год написано следующее: «В виду тяжелых условий найма помещений, ученики живут в стесненных условиях, в большинстве случаев с родителями; в квартире, занятой письмеводителем, удалось устроить маленькое общежитие на 6 учеников старших классов. Из всего числа учеников 35 человек живет без родителей, приютившись на частных квартирах». Всего же на 1 января 1916 года в Гродненском реальном училище в Калуге обучалось 111 чел., из них по классам: в 1-ом – 21, во 2-ом – 13, в 3-ем – 12, в 4-ом – 18, в 5-ом – 21, в 6-ом – 16, в 7-ом – 10. На 1 января количественный состав учащихся выглядел следующим образом: всего – 159 чел.; в 1-ом классе – 45, во 2-ом – 19, в 3-ем – 12, в 4-ом – 13, в 5-ом – 24, в 6-ом – 16, в 7-ом –16.

По вероисповеданиям учащиеся распределялись на 1 января 1916 года следующим образом : православных – 73, католиков – 24, лютеран – 4 , иудеев – 10. На 1 января 1917 года за счет учащихся калужских уроженцев ситуация несколько изменилась в пользу православных учащихся. Их стало – 112, католиков – 24, лютеран – 3, иудеев – 14. По сословиям ученический состав выглядел так: на 1 января 1916 года потомственных дворян среди них было 10, личных дворян – 32, из духовного звания – 9, мещан – 23, крестьян – 25, прочих – 12. На 1 января 1917 года изменения в основном отношении произошли небольшие: потомственных дворян стало 9, личных – 38, из духовного звания 7, мещан – 44, крестьян – 44, прочих – 12 чел.

В 1917 году Гродненское реальное училище окончило 15 чел. Из них трое выпускников по возрасту имело 17 лет, семь – 18 лет, четыре – 19 лет и два – 21. Каков же был их дальнейший жизненный путь? По имеющимся архивным материалам, 5 человек поступило в высшие технические учебные заведения , 8 – в военные, 1 – в коммерческий институт, а 1 – выехал с родителями неизвестно куда.

Учебный процесс в реальном училище обеспечивали 16 преподавателей. В их списке, подготовленном для очередной «Памятной книжки по Виленскому учебному округу на 1916 год», готовящейся к изданию в Могилеве, а именно туда эвакуировалось это ведомство, значилось: директор, статский советник Владимир Орестович Лидерс, кандидат физико-математического факультета Московского университета, награжден орденом Св. Владимира 4 ст., Св.Анны 2 и 3 ст. и памятной медалью в честь императора Александра III, преподаватель математики, в должности с 1907 года; законоучители: 1) протоиерей Наркисс Феофанович Прокопович награжден набедренником, скуфией, камилавкой, наперстным крестом, Библией от Св. Синода и палицей, а также орденами Св. Владимира 4 ст., Св.Анны 2 и 3 ст., в должности с 1913 года; 2) законоучитель римско-католического исповедания, ксендз Иоанн Павлович, в должности с 1 января 1916 года. Преподаватели: русского языка – К.А. Синусов, окончил Петроградский историко-филологический институт, в должности с 1912 года; географии и естествознания – К.И. Бельский, окончил Варшавский университет, награжден орденом Св. Станислава 3 ст., в должности с 1914 года; истории – Д.Н. Кропотов, окончил Московский университет, в должности с 1907 года; математики – А.Ф. Маслиевич, окончил Петербургский университет, в должности с 1911 года; математики – И.М.Лебедев, окончил Петербургский университет, в должности с 1912 года; рисования, черчения и чистописания – В.С. Прокофьев, окончил Строгановское училище технического рисования, награжден орденом Св. Станислава 2 и 3 ст., Св. Анны 3 ст.; в должности с 1916 года; французского языка В.О. Бойно-Радзевич, в должности с 1909 года; немецкого языка – Л.Г. Харлампович, в должности с 1913 года; русского языка – М.М. Соколов, в должности с 1916 года; географии – П.П. Ерофеев, в должности с 1915 года; физики – А.О. Киселев, в должности с 1915 года; законоведения – С.П. Рождественский, преподаватель Калужского реального училища, в

должности с 1915 года; гимнастики и военного строя – В.В. Винцент (чех-сокол), учитель 2-ой Варшавской гимназии, в должности с февраля 1915 года.

Как следует из «Отчета Гродненского реального училища в Калуге за 1916/1917 учебный год», «педперсонал с должной любовью относился к своим обязанностям». Часть преподавателей в период эвакуации совмещала проведение своих уроков с другими предметами. Так, старейший преподаватель училища Д.Н. Кропотов, кроме истории, проводил в случае необходимости, уроки по географии и русскому языку. Он же был секретарем педсовета. Созданный при училище родительский комитет «направлял свои усилия исключительно на оказание помощи ученикам в материальном отношении. Плата за обучение составляла 60 рублей в год с каждого ученика. Освобождались от нее лишь остронуждающиеся дети. Сиротам выдавались пособия. За 1915/1916 учебный год дирекция училища провела 8 родительских собраний. Значительное внимание уделялось морально-нравственному воспитанию учащихся. Для расширения их кругозора по ряду предметов совершались экскурсии на фабрики и заводы, другие технические сооружения г. Калуги и уезда. Кроме того, ежегодно в мае месяце ученики православного вероисповедения в сопровождении законоучителя Наркисса Прокоповича совершали паломничество в Тихонову Пустынь.[322]

Тяжелые испытания выпали в годы Первой мировой войны на долю старейшего в Гродно предприятия – Гродненской губернской типографии. В ту пору ее директором был Н.Г. Томницкий – человек весьма дельный и предприимчивый. А вот как характеризовал работу предприятия гродненский губернатор В.Н. Шебеко в своем письме от 23 мая 1915 года в Министерство внутренних дел: «На основании «Положения о дополнительных от казны пособиях для служащих в районе военных действий» наборщики, машинисты и другие работники Гродненской губернской типографии должны быть удовлетворены суточными деньгами по 50 коп. в сутки. Наличный состав служащих в типографии – 52 человека. Считая по 50 копеек в сутки, каждому из них в месяц причитается по 780 рублей, а за прошедшие четыре месяца (январь, февраль, март, апрель) текущий май и предстоящие два месяца (июнь, июль), а всего за 8 месяцев – 6240 рублей. При этом необходимо отметить, что все служащие в губернской типографии во время эвакуации присутственных мест в Слоним (с 5 февраля по 5 мая 1915 года – В.Ч.) ввиду приближения неприятеля, рискуя жизнью, оставались в Гродно; типография не прекращала работы ни на один день. Все ее работники несли и несут свои обязанности при самых тяжких условиях нынешней жизни в городе, находящемся в осадном положении и вблизи театра боевых действий, а потому выдача им суточных денег является крайней необходимостью ввиду важного значения успешной деятельности губернской типографии в данное нелегкое время». Пускай не сразу, но ходатайство губернатора все-таки было удовлетворено.

В августе 1915 года, когда германские войска подошли к стенам города, губернская типография была эвакуирована в Калугу. Вместе с рабочими и служащими предприятия были эвакуированы вглубь страны и вдовы тех бывших его рабочих, кто погиб на войне, или еще находился в действующей

армии. Взаимопомощь и заботливое отношение друг к другу были характерны для большинства людей той поры, испытавших горечь потерь и лишений. При эвакуации типографии часть его оборудования (электромотор и комплект слесарных инструментов) ошибочно попал на один из московских заводов. Его директор, узнав об этом, посчитал своим долгом переслать его 16 августа 1916 года гродненцам, сумевшим уже развернуть свое производство в Калуге. В это время главной продукцией типографии являлись бланки губернских госучреждений, квитанции, визитные карточки и др. Планировался выпуск «Памятной книжки» на 1916 год и «Гродненских губернских ведомостей». Выходили они в Калуге или нет, пока неизвестно, но запросов о подписной цене на это издание, как со стороны ведомств, так и рядовых подписчиков в Калуге было предостаточно.

Архивные материалы позволяют назвать имена тех, кто работал в Гродненской губернской типографии в Калуге в 1916 году. Вот они: директор Н.Г. Томницкий метрапанж Чарноцкий; наборщики Пацынко, Яворский, Макаш, Барсукевич, Лисовский, Квинта, Немцов, Печенчик, Петельчиц, Янушко, Жуковский, Корженевский, Шиманович, Франц Вербицкий; младшие наборщики Петр Керсновский, Тыцман, Владислав Керман, Владимир Лукашик, Зиновьев, Кот, Чернявский, Севастьяник, Глебович, Новиченко; машинисты и накладчики Стасюнас, Хотей, Синкевич, Лукашик Павел, Звержевич, Бекеш, Глебович Михаил, Санцевич, Станкевич, Вержбицкий Антон, Волынец, Малеевский, Смертев, Стоцкий, Цеханович; переплетчики Квинта Бронислав, Николаев, Пончанский, Дубовский, Бартошевич, Викарчук, Носель, Медович, Сурба Ольга, Роуба Янина, Стефанович Анна, Балицкий, Развадовская Мария, Скворода Вера, Туркевич Леокадия, Кеда Сабина; кладовщики Толочко Игнатий, Толочко Юзефа; фальцовщик Бергель; сторожа Карпейчик и Почебут.[323]

Во время выездов губернатора В.Н. Шебеко из Гродно в Петроград, так и в другие города, исполнение обязанностей его, как правило, возлагалось на вице-губернатора В.В. Столярова. В делах по выплате ему дополнительных (в том числе столовых) денег за исправление губернаторской должности значатся следующие периоды: с 13 по 19 января; с 1 по 9 и с 15 по 24 марта; с 28 по 30 июня, а также с 3 по 5 июля 1915 года. Наиболее длительным для исполнения губернаторских обязанностей В.В. Столяровым был период с 4 сентября 1915 года по 1 января 1916 года; именно тогда В.Н. Шебеко выезжал из Калуги в г.Бердичев для исполнения обязанностей главноуполномоченного по устройству беженцев Юго-Западного фронта. Только за это время В.В. Столярову за исполнение высокой должности было дополнительно выплачено 884 руб. 91 коп.

Умер В.В. Столяров предположительно 11 июля 1916 года в Калуге. Об этом факте свидетельствуют документы об удержании из содержания чиновников губернских учреждений денег на организацию его похорон, начиная с 19 июля. Сбор средств шел, прежде всего, на покупку венков, однако были и другие расходы. В отчете об их расходовании, в том числе и фондов, полученных из похоронной кассы при губернском правлении (всего

1592 руб. 01 коп.), значилось: телеграфные расходы, свечи, помещения в «Новом времени» и в «Губернских ведомостях» (вероятно, Калужских – В.Ч.) объявлений о смерти, плата за место и копание могилы на Пятницком кладбище, похоронному бюро Коляскина «за процессию с дубовым гробом, прочими принадлежностями и металлическим крестом», монахине Агриппине за чтение «Псалтыря» и причту Иоанно-Предтеченской Церкви за похороны, поминовение и на оплату хора певчих и т.д. Среди мелких расходов значились еще ряд: покупка свечей, раздача денег нищим, то же прислуживающим при причте мальчикам, служащим похоронного бюро, извозчикам, копальщикам могилы, прислуге при квартире покойного, трем женщинам за уборку квартиры; отдельно было заплачено двум священникам и диакону, приглашенным на отпевание. Всего было израсходовано на похороны и погребение 807 руб. 47 коп. Оставшиеся деньги (784 руб. 54 коп.) были переданы жене покойного А.А.Столяровой 14 июля 1916 года, т.е. сразу же после похорон.[324]

Находясь в изгнании на огромных пространствах России, гражданские власти Гродненской губернии не теряли веры на скорое освобождение родных мест от неприятеля, а следовательно и на скорое возвращение домой. Именно такими настроениями была проникнута объемная (на 15 стр.) «Записка по вопросам о порядке водворения беженцев Северо-Западного фронта и о содействии водворяемому населению к восстановлению разрушенных неприятелем усадеб», составленная в начале июня 1916 года в Петрограде гродненским губернским предводителем дворянства Н.Г. Неверовичем и представленная на рассмотрение в министерство землевладения. Во вводной части документа отмечалось, что «великий отход наших армий от западной государственной границы вызвал тяжелую необходимость временно оставить во власти неприятеля территории губерний западной окраины Империи и трехмиллионный поток беженцев, не пожелавших отдаться под власть врага, лишившихся всего нажитого имущества и оставивших вслед за отходящей армией родные, насиженные гнезда на вражеское разграбление. В преддверии скорого и неизбежно победоносного окончания ниспосланного свыше испытания, расселенные по всей России беженцы ныне терпеливо ожидают первой возможности вернуться на свои брошенные пепелища. Свойственная психике нашего простолюдина тоска по родным местам, при неприятии заблаговременно должных мер, дабы, могущее возникнуть при первых радостных слухах стихийное движение обратной беженской волны, ввести в спокойную колею планомерного водворения на прежних местах оседлости, может повлечь за собой повторение тех ужасных последствий, коими сопровождалось истекшею осенью бегство населения, временно оставлявшихся нашими войсками местности».

Следует заметить, «Записка» Н.Г. Неверовича, стоявшего в ту пору особоуполномоченным по устройству беженцев Западного фронта, была написана со знанием дела и учетом реальной ситуации. Она учитывала планомерность и время водворения беженцев в местах оседлости, снабжения их соотвествующим инвентарем и строительными материалами для

скорейшего разрешения жилищного вопроса, организационные мероприятия властей по оказанию помощи населению в этом. К «Записке» были приложены: схема организации отдела по восстановлению усадеб беженцев Северо-Западного фронта, проекты его штатов, а также самих домов («глинохворостных усадеб») для беженцев. В дополнении к «Записке» были оговорены вопросы финансирования восстановительных работ и роли в них губернской администрации.

В целом министерство земледелия одобрило планы Н.Г. Неверовича, однако, 31 августа 1916 года товарищ (заместитель) министра граф А.А. Бобринский в связи с готовящимся совещанием по этому вопросу предложил гродненскому губернатору А.Н. Крейтону «для облегчения работ означенного совещания, не отказать предварительно рассмотреть вопросы, затрагиваемые к намеченной к обсуждению программы совещания, с привлечением всех лиц, участие которых будет Вами признано желательным». Программа, разработанная в министерстве с учетом «Записки» Н.Г. Неверовича, предполагала получение ответов на следующие вопросы: 1) каким исполнительным органам должно быть поручено оказание строительной помощи пострадавшему населению; 2) какова при этом должна быть роль министерства земледелия; 3) какие из предложенных министерством общих мер по восстановлению строек следует признать наиболее существенными; 4) в какой форме наиболее приемлемо сотрудничество местных органов с правительственными чинами; 5) где, в каких населенных пунктах сосредоточить основную массу складируемых строительных материалов?».

Ответы на эти и другие вопросы получили свое освещение на страницах «Журнала Гродненского губернского совещания», состоявшегося 22 сентября 1916 года в г. Петрограде в помещении Гродненского обывательского комитета». На этом совещании присутствовали: председатель – губернатор А.Н. Крейтон и члены: уездные предводители дворянства А.И. Ушаков, М.Э. Вольфринг, С.В. Мельницкий, В.А. Городецкий, член Госдумы от Гродненской губернии крестьянин Я.Тарасевич, настоятель Гродненского Софийского собора, протоиерей Иоанн Корчинский, член Гродненского епархиального совета П.Ф. Полянский, начальник управления земледелия и госимуществ Гродненской губернии Ф.Г. Прохоров, председатель Гродненского губернского обывательского комитета, граф Ч.В. Красицкий, непременный член губернского по городским делам присутствия Д.В. Ивашинцев, губернский врачебный инспектор В.В. Кошелев, непременный член губернского присутствия Д.В. Ромейков, губернский ветеринарный инспектор И.Д. Юдин, непременный член губернской землеустроительной комиссии С.В. Яблоков, правительственный агроном Гродненской губернии А.С. Еленевский, советник губернского правления С.Е. Линник и правитель канцелярии губернатора Я.Н. Федоров.

Совещание открыл А.Н. Крейтон, ознакомив собравшихся с его целью, а также с содержанием вопросов, изложенных в министерской программе «о мерах по восстановлению сельских строений в пострадавшей от неприятельского нашествия губерниях, в том числе и Гродненской».

После доклада С.В. Яблокова о планах Министерства земледелия «по вопросу о связанных с войной мероприятиях», а также и о других проблемах, имеющих отношение к восстановительным работам, губернское совещание признало «вполне желательным осуществление дела оказания помощи населению в деле сельского строительства по тому именно плану, какой намечен министерством».

Свои же ответы на поставленные в министерской программе вопросы участники совещания формулировали следующим образом: «1) дело оказания населению строительной помощи должно быть сосредоточено в местном управлении сельского строительства, в состав которого должны быть привлечены представители местных общественных организаций (сельскохозяйственные общества, кооперативы, попечительства и т.п.); предоставление руководящей роли в этом деле особой внегубернской организации и желательно, так как общее руководство по оказанию всякого рода помощи пострадавшему населению в губернии сосредоточено в руках губернатора; 2) для успешности строительных работ желательно упрощение формальностей, касающихся оказания помощи в пределах утвержденных норм и смет; 3) все намеченные министерством земледелия мероприятия вполне соответствуют действительным нуждам местного населения, за исключением только каркасного типа построек, которые, как неудовлетворяющие местным климатическим условиям, неприемлемы. Заблаговременная заготовка срубов для построек признается весьма желательной; 4) содействие местных организаций крайне желательно и должно выразиться в самой широкой посреднической деятельности по снабжению нуждающихся стройматериалами всех видов; 5) складочными пунктами стройматериалов могут быть: Слоним, Волковыск, Погодино и Дрогичин, сюда же должны быть направлены отряды техников и мастеров. Здесь же должен быть сосредоточен автомобильный и гужевой транспорт; 6) желательно выработать особые применительные к местной архитектуре типы построек (жилых и холодных), по которым и заготавливать срубы; фасады этих построек необходимо будет рекомендовать и остальному населению губернии, чтобы вновь возводимые строения сохраняли свой вид». В заключение губернское совещание высказало пожелание себе и министерству «о скорейшем удовлетворении всех пострадавших владельцев за уничтоженные пожарами постройки».[325] К сожалению, данное совещание оказалось первым и последним, ибо внутренние и внешние обстоятельства, в которых оказалась страна, вскоре оказались несовместимыми с планами гродненских беженцев. Между тем, в ходе заседаний данного совещания «для оказания государственной помощи населению Гродненской губернии в случае очищения территории ея от неприятеля» были образованы специальные подкомиссии. В составе организационной подкомиссии вошли: Д.В. Ивашинцев, А.И. Ушаков, граф Г.В. Красицкий, Т.Я.Тарасевич, Д.В. Ромейков, М.Э. Вольфринг и протоиерей Иоанн Корчинский; в состав продовольственной – граф Ч.В. Красицкий, Т.Я. Тарасевич и Д.В. Ромейков; в состав санитарной – В.В. Кошелев, И.Д. Линник и Ю.Д. Юдин; в состав

агрономохимической – Ф.Г. Прохоров, С.В. Яблоков, А.С. Еленевский и С.В. Мельницкий.

Уже 21 сентября на совещании были заслушаны предложения вышеназванных подкомиссий по основной повестке дня. После обсуждения соображений организационной подкомиссии (доладчик Д.В. Ивашинцев) совещание приняло их в следующей редакции: 1) во главе всего дела оказания помощи пострадавшему населению в губернии стоит губернатор, избирающий для заведования отдельными отраслями дела себе помощников, а для координации и направления деятельности всех учреждений и общественных организаций в пределах уезда – особоуполномоченных по уезду; 2) для объединения деятельности и установления общих руководящих начал в масштабах губернии учреждается Особый губернский комитет под председательством губернатора; 3) при названии комитета должна быть канцелярия в составе секретаря и канцелярских чиновников, получающих определенные оклады содержания; 4) все денедные средства, необходимые для оказания помощи населению, если они отпускаются казной, получаются через губернатора по предварительному обсуждению сметных предположений в губернском комитете…».

С предложениями по продовольственному вопросу выступил председатель подкомиссии Д.В. Ромейков. Он, в частности, заявил, что «при очищении территории Гродненской губернии или части ее от неприятеля явится потребность в оказании первой помощи населению в продовольствии как в сельской местности, так и в городах. Потребность эта может быть удовлетворена при содействии земских и городских союзов, Татьянинского комитета и Красного Креста, которые войдут в состав губернского комитета… С возвращением в освобождаемую губернию администрации там должны быть целесообразно открыты волостные и городские попечительства… По получению сведений от попечительств о необходимости продовольственной помощи губернский комитет будет телеграфировать об этом центральной правительственной власти. Выдача продуктов может осуществляться как бесплатно, так и за наличный расчет; возможен и кредит на срок от 3 до 5 лет. Желательно также учитывать и следующее: в Гродненской губернии население питается преимущественно ржаным хлебом, салом, горохом и ячменной мукой, поэтому предлагается на одного человека выдавать в месяц по 1 пуду ржаной муки, 10 фунтам крупы, 5 фунтов гороха, 4 фунта сала и 2 фунта соли. Если у населения не будет картофеля, то ему нужно добавить для приварка 10 фунтов просевной муки для мучного супа, который может заменить картофельную затирку (суп)».

В заключение своего выступления Д.В. Ромейков высказал предположение о том, что если «в губернии остались около 800 тыс. чел. населения, то для удовлетворения первой потребности его в продовольствии, рассчитывая запасы на один месяц, нужно будет иметь: 800 тыс. пудов ржаной муки, 200 тыс. пудов крупы, 100 тыс. пудов гороха, 80 тыс. пудов сала, 40 тыс. пудов соли, 20 тыс. пудов муки на затирку или по 2 пуда картофеля на человека».

При обсуждении вопроса о снабжении населения одеждой и обувью, губернское совещание ограничилось лишь предположением, что по этой части населения будет обеспечено губернским отделением Татьянинского комитета, а также за счет благотворительности как за наличый расчет, так и при помощи кредита.

В докладе Д.В. Ромейко о положении дела в Гродненском губернском взаимном страховании, в частности, подчеркивалось, что «по сведениям, полученным из местностей, уже освобожденных от неприятеля, можно предположить, что при производстве обследования уничтоженных от военных действий окажется не менее пятой части всех построек, и, таким образом, выдача страхового вознаграждения достигнет 12 млн. рублей, в то время как в распоряжении страховых учреждений будет всего 1 млн. 300 тыс.руб…».

При обсуждении этого доклада губернское совещание высказало пожелание «принятие на счет казны убытков, которые понесли Гродненский губернский страховой капитал при выдаче страховых премий за постройки, уничтоженные или сгоревшие во время военных действий».

Весьма подробным был доклад губернского врачебного инспектора В.В. Кошелева об организации санитарно-медицинской помощи населению Гродненщины и проведении ветеринарных мероприятий. Главную заботу инспектора вызывало финансирование властями всего намеченного, а также штаты медработников и ветеринарной службы: «В настоящее время в распоряжении губернской администрации имеется только 24 правительственных врача, 37 фельдшеров, которые, надо полагать, и прибудут по первому требованию в Гродненскую губернию. Для принятия ветеринарно-полицейских мер в нашем распоряжении имеется только 4 уездных ветврача и 7 фельдшеров. Для надзора за гуртовым скотом имееся 6 пунктовых ветврачей и 3 фельдшера».

Не менее детально обсуждались на совещании 23 сентября вопросы об агрономической помощи населению сельскохозяйственным инвентарем и сельским строительством (докладчики С.В. Яблоков и Ф.Г. Прохоров). О восстановлении местных кредитных учреждений шла речь в докладе правительственного агронома Гродненской губернии А.С. Еленевского. Серьезному обсуждению на губернском совещании были подвергнуты вопросы о восстановлении путей сообщения, мостов, переправ, колодцев и т.д. Между тем, попытки отдельных участников совещания поднять вопрос о возмещении убытков за уничтоженные при отступлении из губернии посевы и имущество были тотчас же прекращены заявлением губернатора А.Н. Крейтона о том, что «образованный для этих целей Особый комитет в настоящее время не может открыть своих действий ввиду крайне незначительного ассигнования денежных средств на его содержание, так как ста рублей в месяц, отпущенных на эту надобность на всю губернию, недостаточно даже на приобретение необходимых ему канцелярских принадлежностей на оформление 15 000 дел, поступивших в комитет». В целом же 4-х дневное совещание зкончилось выражением надежд на то, что

«Правительство придет на помощь Гродненской губернии путем отпуска соответствующих денежных средств».[326]

Как это ни странно, но даже и после оставления русскими войсками города-крепости Гродно, военные власти признавали вполне возможным в «самое непродолжительное время отбить у неприятеля Гродно». На этом основании канцелярия Двинского военного округа от 24 июля 1916 года запрашивала у гродненского губернатора «мотивированные соображения о тех мероприятиях, которые Вами предполагается предпринять в случае обратного движения беженцев и водворение их на местах прежней оседлости, по мере очищения занятой неприятелем территории». При этом предлагалось следующее: 1) заблаговременно выяснить число беженцев по волостям и уездам; 2) наметить сборные пункты для беженцев при станциях железных дорог; 3) проинформировать всех беженцев о порядке их возвращения домой через эти пункты; 4) сообщать о своих планах по восстановлению на освобождаемой территории законной власти и проведении ими всего необходимого для налаживания нормальной жизни населения, и выяснить размер правительственной ссуды.

Ответ губернатора А.Н. Крейтона на этот вопрос, высланный им из Петрограда 27 августа 1916 года, содержал следующие сведения: «1.Число беженцев Гродненской губернии определяется согласно подсчетам Татьянинского комитета в 267 567 человек, расселившихся в настоящее время по разным губерниям. Выяснение их приблизительного распределения по волостям, уездам и губерниям производится. 2. Вопрос о сборных пунктах для беженцев в настоящее время разрабатывается совместно с Особым совещанием о беженцах и Управлением железных дорог. 3. Исполнение пункта четвертого представляет большие затруднения вследствие того, что наиболее необходимые при административной работе чины полиции находятся в своем подавляющем большинстве в распоряжении начальников частей действующей армии, а возвратить их оттуда весьма сложно. Что же касается до чинов гражданских ведомств, то о таковых уже последовало мое специальное распоряжение. Что же касается правительственной ссуды, то нуждаться в ней будут не только беженцы, но и оставшееся население, коего, по-видимому, будет больше чем беженцев. Выдачею ссуд ведает ныне учрежденный в Калуге Ссудный комитет Гродненской губернии. 19 сего августа состоялось под моим председательством организационное заседание комиссии по продовольственному делу с целью организации Центрального склада Гродненской губернии».

Информация Крейтона в отношении чинов полиции Гродненской губернии была подкреплена соответствующим списком об их нахождении в расположении военных властей. В соответствии с ним в различных частях действующей армии находилось 33 офицера полиции и 292 нижних чина. Из них 9 офицеров (А.Г. Кушель-Кушелевич, В.С. Болдовский, В.С. Битин, Ф.Ф. Авдеевич, И.П. Гриневич, В.А. Борник, А.В. Подкович, Г.Г. Багрукович, Ф.К. Шукайло) и 95 нижних чинов представляли в г. Смоленске (в распоряжении главного начальника Минского военного округа) Гродненскую городскую и

уездную полицию. Среди них был уездный исправник и его помощник, околоточный надзиратель и 6 приставов.[327]

В ходе разработки мероприятий по планируемому возвращению на родину эвакуированных и беженцев губернская администрация постоянно прибегала к «Статистическим сведениям по Гродненской губернии за 1914 год», из которых следовало, что в указанное время в г. Гродно проживало 43092 человек, из которых 21839 человек были мужского и 21253 женсого пола, в г. Друскеники – 3642 человек (1756 мужчин и 1886 женщин), а в Гродненском уезде – 178498 чел.овек (90856 мужчин и 87642 женщины). Здесь же, в уезде, насчитывалось 27427 дворов (534 каменных и 26893 деревянных), количество земли: частных землевладельцев – 118633 десятин, крестьянской надельной – 158557 десятин и казенной – 60451 десятин. Гродненский уезд располагал следующим количеством посевных площадей: под озимыми культурами – 36148 десятин, под яровыми – 28942 десятин, под картофелем – 11356 десятин.

Достаточно активное участие принимали гродненские чиновники в общественной жизни в местах эвакуации. Так, служащие Гродненской казенной палаты, Гродненского распорядительного комитета, губернского казначейства (всего 36 человек), находящиеся в эвакуации в Тамбове, в марте 1917 года принимали действенное участие в создании «Союза служащих правительственных учреждений в Тамбове и Тамбовской губернии». Их представители И.Г. Остроумов, П.И. Кунцевич, С.В. Потейкин входили в состав его комитета, занимавшегося «борьбой с дороговизной и мародерством». 20 июня 1917 года комитет выступил с воззванием «поддержать его начинание по помощи безработным товарищам».

Гродненские члены Союза установили связь с «Воинским Союзом Гродненской губернии», действовавшим в Петрограде (ул.Очаковская, 7) и с подотделами его в армии. Они стали его коллективными членами с целью «всестороней помощи членам Союза и их семьям, подготовки к возвращению и устройству на родных местах». В последующем «Воинский Союз», совместно с «Обществом объединения и взаимопомощи населения Гродненской губернии», «Союзом служащих Гродненской губернии» при поддержке членов Госдумы от губернии и съезда духовенства Гродненской епархии вошли в состав «Гродненского отделения Всероссийского комитета помощи жертвам войны (бывший Татьянинский комитет)». Представляя учреждение, объединившее «почти все классы населения без всякого различия звания, сословия и национальности, «Гродненское отделение» взялось за подготовку к планомерному возвращению беженцев и эвакуированных на родину». Его представители, снабженные соответствующим удостоверением, были командированы из Петрограда во все места России для решения на месте всех необходимых для этого вопросов. Отдел «Гродненского отделения» был открыт и в Тамбове. Пока шли приготовления к возвращению домой, эвакуированным нужно было как-то выживать, а потому объединившись в «Комитет служащих Гродненского казначейства», губернские чиновники участвовали практически во всех акциях тамбовского

«Союза служащих» (сбор средств на закупку запасов продовольствия, устройство избы-читальни, образование стачечного фонда, распределении запасов мануфактуры (тканей), обуви и др. По предложению «Белорусской Народной Громады» (председатель правления И. Василевич, г. Москва) представитель гродненских чиновников участвовал в работе 1-го (24-27 сентября) и II-го (19-21 ноября) Белорусских съездов.

26 января 1918 года «Союз служащих Гродненской губернии» как составная часть общетамбовской организации на своем собрании под председательством К.В. Василевского принял следующую резолюцию: «Ввиду перехода власти в Тамбове в руки Советов солдатских и рабочих депутатов, гродненское чиновничество полагает, что служащие правительственных учреждений вынуждены подчиниться этой власти и работать в контакте с нею, отказавшись от активного противодействия, но при условии, что по отношению к нему не будет применяться никаких насилий и не будут нарушены их профессиональные интересы».

Члены гродненского «Союза» принимали активное участие в подготовке и проведении Всероссийского съезда служащих казенных палат» (18 мая 1918 года) и посылке туда своих делегатов, а также выработки для этого своих требований и пожеланий. 21 июня 1918 года Гродненская казенная палата и губернское казначейство советской властью были ликвидированы, что привело и к роспуску «Союза служащих Гродненской губернии».[328]

Значительную инициативу в деле возвращения на родину и «восстановления ее от нанесенных войною ран» проявлял губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович. С помощью собственной «Записки» и «Дополнений» к ней он в буквальном смысле подталкивал власть в вопросах устройства населения на прежних местах жительства, о чем свидетельствуют строки из его письма от 7 июля 1916 года губернатору А.Н. Крейтону: «Ввиду настойчивых слухов об оставлении должности министром земледелия А.Н. Наумовым и передаче ее графу А.А. Бобринскому (бывшему товарищу министра внутренних дел), дело организации жилищной помощи беженцам опять оказалось на мертвой точке. А время не ждет и обидно будет, если наша неподготовленность в этом отношении создаст для Вас лично новые трудноустранимые сложности при исполнении на местах водворения той ответственной миссии, которую предполагается возложить на господ губернаторов водворяемых губерний.

Смею думать, что поставить на должные рельсы жилищный вопрос может лишь объединение усилий всех трех губернаторов наших неземских губерний. И если бы Вы сочли возможным взять на себя инициативу сближения их, то и министерство бы отказалось от той выжидательной позиции, которую оно ныне занимает. Это объединение, как показывает прежний опыт – единственный выход и сила, с которой только и считаются в центральных учреждениях».

О том, что А.Н. Крейтон прислушался к совету Н.Г. Неверовича, свидетельствует письмо нового министра земледелия А.А. Бобринского от 31 августа 1916 года к последнему гродненскому губернатору, в котором

говорилось о намеченном «в ближайшее время при участии начальников неземских губерний обсуждении всех волнующих Вас вопросов, связанных с утверждением плана произведения мероприятий по обстройке селений в Северо-Западных губерниях по предлагаемой к сему программе».[329]

На 28 января 1917 года высшими должностными лицами эвакуированной Гродненской губернии являлись: губернатор А.Н. Крейтон, губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович, вице-губернатор, отставной полковник Христофор Христофорович Бойе-ав-Геннес, городской голова, отставной полковник Э.Э. Листовский. Однако никакой реальной власти у них не было.

Известно, что 8 сентября 1915 года МВД утвердило устав «Временного Обывательского комитета для Гродненской губернии», но уже 8 февраля 1917 года «ввиду обнаружения ревизией неправильности действий» этого комитета, МВД принял решение о его ликвидации с соответственным разрешением его финансовых и имущественных проблем.[330]

После февральской революции Временное правительство приложило немало усилий по слому старой государственной машины. Эти действия напрямую затронули деятельность всех губернских учреждений МВД и в первую очередь Гродненской городской и уездной полиции. О том, как происходило их расформирование в г. Калуге свидетельствуют следующие мероприятия новых властей.

6 марта 1917 года исполняющий обязанности гродненского губернатора, а затем и комиссара Ф.Г. Прохоров обратился к коменданту г. Калуги с просьбой «о недопущении революционного произвола по отношению к чинам полиции, честно выполнявшим свой служебный долг в тяжелое военное время, и ныне находящимся вне пределов Гродненской губернии». В упомянутом письме содержалась некоторая информация, касающаяся предыдущей истории гродненских полицейских учреждений: «Почти все эвакуированные чины полиции Гродненской губернии по прибытии в конце августа 1915 года в Калужскую губернию были подчинены местному губернатору и находились в его распоряжении до момента падения старого строя. Незначительная же часть чинов полиции калужскому губернатору подчинена не была, службы наружной полиции не несла, а находилась либо при своих полицейских управлениях, или же в распоряжении Гродненского губернского правления, неся разные обязанности по письмоводству, а также работая в существующей и до настоящего времени столовой для интеллигенции Гродненской губернии. Сообщая об этом, губернское правление просит, не найдете ли Вы возможным сделать распоряжение о том, чтобы поименованные в прилагаемом при сем списке лица не подвергались задержанию, а были оставлены на свободе, а также дать указания, кому и когда должно быть сдано имеющееся при эвакуации полицейских управлений оружие – револьверы, винтовки, патроны к ним и шашки».

О ходе расформирования губернской полиции говорится и в письме упомянутого Прохорова к министру внутренних дел Временного правительства от 10 мая 1917 года, значительно дополняющем

вышеприведенные сведения: «Со времени эвакуации и до момента падения старого строя чины полиции, полицейской стремы и сыскных отделений Гродненской губернии находились в прикомандировании: частью к штабам 1, 2, 3, 4, 12 и 13 армий, а частью в распоряжении Калужского, Смоленского, Минского, Витебского, Херсонского, Могилевского, Пермского, Архангельского и Томского губернаторов, а также Батумского военного округа. Все кредиты на содержание членов полиции МВД открывались губернскому правлению, а последнее разассигновывало их на соответствующие городские и уездные полицейские учреждения. При полицейских же учреждениях, эвакуированных по распоряжению министерства в Калужскую губернию и размещенных по уездным городам, последней хранились запасы (от вакантных должностей) оружия и патронов.

4 марта сего года немедленно же по получении в Калуге известий о совершившемся государственном перевороте, губернское правление просило указаний как коменданта г. Калуги, так и начальника местного гарнизона – кому передать запасы оружия и патронов от вакантных должностей и находившегося на руках у чинов полиции, а также просило их не подвергать аресту чинов полиции, не состоявших в распоряжении калужского губернатора, а находившихся при своих полицейских управлениях, и не несших обязанностей по наружной службе. Указаний таких получить не удалось. Все чины полиции Гродненской губернии, проживавшие в г. Калуге, а частью и в Калужской губернии в период с 7 по 12 марта, были арестованы и затем в конце марта непосредственно из тюрьмы были отправлены к местному воинскому начальнику, которым и были все призваны в ряды войск как военнообязанные, так и невоеннообязанные; освобождено лишь несколько человек по болезни и преклонному возрасту. Все чины, как призванные, так и освобожденные, продолжали числиться в своих должностях, так как никаких распоряжений ни со стороны местных властей, ни со стороны министерства о порядке и способах ликвидации упраздненной полиции преподано не было; не было также сделано формального увольнения или устранения их от должностей местной властью; арестовывались чины по распоряжению местного временного распорядительного комитета; когда, где и кто из чинов полиции был арестован – губернскому правлению становилось известным лишь постепенно и после того, как семьи арестованных стали обращаться в губернское правление с просьбами о выдаче жалованья за службу их глав. Создалось весьма затруднительное положение: многим членам полиции к моменту переворота не было выдано содержание за февраль, некоторым – за январь-февраль сего года и всем процентные надбавки на дороговизну за октябрь-декабрь 1916 года и за январь-февраль 1917 года, вследствие несвоевременного открытия министерством кредита. Все это поставило чинов полиции в безвыходное материальное положение. Чтобы хоть отчасти удовлетворить острую нужду этих семейств, осаждавших ежедневно губернское правление своими просьбами о помощи, калужской комиссией Татьянинского комитета по предложению заведующего в это время учреждениями Гродненской губернии в Калуге, бывшего вице-губернатора

Ушакова, были выданы единовременные денежные пособия. Затем тот же Ушаков, телеграммой от 1 апреля сего года обратился за разъяснениями по вопросу ликвидации полиции к товарищу министра внутренних дел князю Урусову. В ответ на эту телеграмму, того же 4 апреля за № 25170 был получен следующий ответ: «Чинов полиции, устраненных или уволенных от должности местной властью, надлежит удовлетворить содержанием по день увольнения или устранения. Чинов до сего времени не уволенных, но не принятых в состав милиции, в том числе исправников и полицмейстеров, считать уволенными со дня получения настоящего распоряжения. Прием прежних чинов полиции на службу по милиции всецело представляется Вам по соглашению с местными самоуправлениями, земскими и городскими по принадлежности или заменяющими их гражданскими комитетами. В отношении чинов полиции, находящихся в распоряжении штабов армий, последуют особые распоряжения; в отношении эвакуированных чинов полиции, прикомандированных к беженским и другим неполицейским учреждениям, вопрос о заштатном содержании или единовременных пособиях при увольнении их будет разрешен Временным правительством в непродолжительном времени. Имущество и дела полицейских учреждений надлежит сдать уездным комиссарам или учреждениям, их заменяющим. Чины полицейских канцелярий увольняются «в том же порядке, как и остальные чины полиции».

Распоряжением Временного правительства по вопросу о том, будет ли сохранено за бывшими чинами полиции заштатное или другого вида содержание, или же им будут выданы единовременные денежные пособия, а также о чинах полиции, находившихся в прикомандировании к штабам армий и к беженским не полицейским организациям, до настоящего времени еще не получено. Между тем, в течение апреля месяца находившиеся в прикомандировании к воинским частям действующей армии чины полиции уже откомандированы и военнообязанные из числа их уже призваны в войска. Большинство откомандированных из армии чинов полиции удовлетворены суточным довольствием на 1-е сего мая. Это обстоятельство в связи с указанием в телеграмме № 25170 на то, что неуволенные чины считаются уволенными со дня получения этой телеграммы, дало мне основание сделать распоряжение об удовлетворении всех бывших чинов полиции, полицейской стражи и сыскных отделений содержанием по 1-е апреля сего года. Затем приказом моим за № 32 всем вышеуказанным чинам объявлено, что они считаются уволенными со своих должностей с 1 апреля сего года.

Ввиду того, что ни губернский, ни уездный комиссары эвакуированной Гродненской губернии до сего времени не назначены, что лиц, их заменяющих, также нет, что формирование в будущем городской милиции будет лежать на городских самоуправлениях, все дела, документы и имущество бывших полицейских учреждений и сыскных отделений по моему распоряжению передаются городским самоуправлениям.

Принимая во внимание, что состав исполнительных органов городских самоуправлений весьма ограничен и состоит в большинстве случаев из

одного-двух человек, что городское самоуправление собственных средств не имеют, а существуют на получаемую от правительства ссуду, мною разрешено расходовать на наем помещений, писцов, сторожей, на покупку канцелярских принадлежностей до 300-350 рублей в месяц на каждое из бывших полицейских учреждений с отнесением этих расходов на статьи положения от 1917 года, по которым имеются остатки и которых хватит до 1-15 июня сего года.

Доводя об изложенном до сведения Вашего Сиятельства, прошу разъяснений по следующим вопросам:

1) сохраняют ли за собой содержание до окончания войны чины полиции, призванные в войска по мобилизации 1914 и 1915 года и получающие до сего времени причитающееся им содержание;
2) будет ли сохранено содержание, полное или заштатное, за чинами полиции, призванными в войска в марте месяце сего года до формального увольнения их от должностей гражданскою властью, т.е. после упразднения в России полиции;
3) будет ли выдаваться содержание, полное или заштатное, или же единовременное пособие чинам полиции, стражи или сыскных отделений по возрасту, болезни или другим причинам, в войска не призванным или от военной службы освобожденным, но считающимися уволенными с 1 апреля сего года;
4) представляют ли чинов полиции, выслуживших установленные законом сроки к пенсиям; в утвердительном случае – в каком порядке.

   Независимо от сего прошу разрешения Вашего Сиятельства расходовать ежемесячно до 300-350 рублей на каждое из бывших полицейских учреждений на наем помещений, писцов, сторожей и другие неотложные нужды с правом передачи этих сумм и других кредитов в ведение городских самоуправлений».

24 июня 1917 года на имя Ф.Г. Прохорова из Главного управления по делам милиции Временного правительства пришли разъяснения по возникшим у него вопросам: «Вследствие отношения от 10 минувшего мая за № 589, Главное управление по делам милиции уведомляет Вас: 1) что бывшие чины полиции должны считаться уволенными от службы независимо от времени их призыва на военную службу; 2) что указанные чины, как уволенные, а не оставленные за штатом, правом на заштатное содержание, а также на дальнейшее получение содержания, не пользуются; 3) что вопрос о назначении им особых пособий составляет в настоящее время предмет рассмотрения Временного правительства и 4) что выслужившие установленные законом сроки не лишены права возбуждать на общем основании ходатайства о назначении им пенсий.

Что касается возбужденного Вами вопроса о разрешении расходовать ежемесячно до 300-350 рублей на каждое из бывших полицейских учреждений на наем помещений, писцов, сторожей и другие неотложные нужды, то вопрос этот подлежит отрицательному разрешению, с одной

стороны, ввиду последовавшего уже постановления Временного правительства об упразднении всех полицейских учреждений, а с другой, – закрытие всех кредитов полицейских учреждений с переводом этих кредитов на содержание милиции. По изложенным соображениям, никаких других распоряжений по сему предмету со стороны Главного управления последовать не может».

На 28 апреля 1917 года секретарь канцелярии Гродненского полицмейстера в Калуге доносил о том, что из 99-ти чинов Гродненской полиции и сыскного отделения, включая и временно исполняющего делами полицмейстера Н.В. Хвощинина, 13 человек освобождены от занимаемых должностей; призваны в действующую армию (в 301 пехотный запасной полк), включая помощника полицмейстера М.Н. Демшу, 48 человек; получили отсрочку от призыва 22 человека, находятся в распоряжении начальника контр-разведывательного отделения при штабе командующего Черноморским флотом – 3 человека; при Гродненском губернском жандармском управлении – 11 человек; оставлен в Гродно во время эвакуации – 1 человек, а местонахождение остальных – 21 человек неизвестно.

На это же время из чинов Гродненской уездной полиции (108 чел.) были призваны в армию – 77 человек; среди непризванных были: исполняющий дела исправника Ф.Ф. Авдеевич, проживавший в Нижнем Новгороде и его помощник И.П. Гриневич, проживавший в г. Слуцке Минской губернии; по разным причинам оказались вне армии еще 24 человеа; об остальных – 7 человеках сведения в Калуге отсутствовали.

О проблемах, связанных с упразднением гродненской полиции и создании гродненской милиции, упомянутый Прохоров достаточно подробно сообщал в Петроград 20 июня 1917 года: «Милиция, на основаниях, изложенных во «Временных положениях о милиции» от 17 апреля с.г. требованиях, в Гродненской губернии до настоящего времени не сформирована, и формирование ее еще не начато ввиду следующих соображений: вся территория Гродненской губернии занята неприятелем; положение о земском самоуправлении в свое время на губернию распространено не было, поэтому органов земского самоуправления в губернии нет. Распорядительных органов городских самоуправлений также нет, остались только эвакуированные в Калужскую губернию городские управы, но и те в совершенно не полном составе, большинство из них состоит из 1-2 человек. Городские управы крупных городов – Гродны, Белостока и Бреста существуют часто на средства запасных капиталов, а часто на ссуду из касс городского и земского кредита; некоторые же исполнительные органы городских самоуправлений, как, например, г. Соколки, содержание за отсутствием средств, совершенно не получают, вследствие члены этих органов вынуждены добывать средства к существованию заработками на стороне. Приведенные данные говорят за то, что формирование милиции на основании «Временного положения» от 17 апреля с.г. невозможно до возвращения госучреждений в пределы своей губернии, тем более еще и потому, что организовать и содержать милицию Гродненской губернии в месте эвакуации острой необходимостью не

вызывается. Со своей стороны я признавал бы необходимым приступить к формированию милиции и полиции городской только тогда, когда окончательно выяснится вопрос о времени возвращения в пределы своей губернии. Формирование же милиции теперь пока никому не нужно, ибо население Гродненской губернии и ее учреждения, как правительственные, так и общественные, распылены по всей России, и это вызовет напрасные значительные растраты государственных средств.

Ликвидация дел и имущества прежней полиции Гродненской губернии находится в следующем положении. Все дела, документы, имущество бывшей полиции Гродненской губернии, как городской, так и уездной, полицейской стражи и сыскных отделений переданы под инстанцию городским самоуправлениям, примет на расходы по найму полицейских и служащих для канцелярии бывших полицейских учреждений мною отпущено по 350 рублей на каждое учреждение, исходя из следующего расчета: на жалованье секретарю – 100-125 рублей, курьеру – 40-45 рублей, писцу – 50-60 рублей, на наем и содержание помещений, на канцелярские и другие расходы – 160-120 рублей в месяц. Такой суммы, надеюсь, будет достаточно, т.к. она будет заключена лишь в хранении имущества и в удовлетворении бывших членов полиции причитавшегося им содержания, а также в выдаче им иногда каких-либо справок.

Доводя об изложенном, прошу указаний по следующим вопросам: 1) приступать ли к формированию милиции для Гродненской губернии теперь же, или ждать по этому предмету особых распоряжений Временного правительства; 2) передавать ли теперь же в подлежащие городские самоуправления все кредиты, ассигнования МВД с 1917 года на содержание бывшей полиции, или же переходить, к ним частично от 35-500 рублей в месяц на каждое учреждение; 3) признает ли Главное управление это справедливым».

3 июля 1917 года Ф.Г. Прохоров в дополнение к этому, запрашивал у Главного управления возможности использования и других доступных форм для существования бывших чинов полиции губернии. Судя по всему, подходы автора данного сообщения к поднимаемой проблеме совсем не устраивали Гродненскую городскую управу во главе с исполняющим обязанности городского головы П.А. Воевника. Суть имеющихся разногласий последний изложил в своем письме Ф.Г. Прохорову от 9 июля 1917 года: «Ваши мотивы в том отношении, что в Гродненской губернии, оккупированной неприятелем, нет городских и уездных комиссаров, а следовательно, и комиссариатов, – почему не может последовать отпуск средств на их содержание, – городская управа считает неосновательными и согласиться с таковыми не может по следующим соображениям: из приведенных мотивов вытекает, что пока Гродненская губерния оккупирована неприятелем, до тех пор не представляется нужды в какой-либо реформе, согласно новому строю, эвакуированных губернских и уездных учреждений названной губернии. Однако Временное правительство в отношении оккупированных неприятелем губерний, по-видимому, придерживается иного взгляда, противоположного

Вашему: оно нашло нужным устранить губернаторов и вице-губернаторов и назначить на их места временных губернских комиссаров, упразднить полицию для замены ее народной милицией изъять из ведения губернских правлений все дела, имущество и кредиты бывших полицейских и передать таковые в ведение городских самоуправлений и т.п. Приходится только сожалеть, что Временное правительство до сих пор не успело еще устранить всех вообще предержащих некоторую власть царских слуг старого режима, как это еще имеет место в учреждениях нашей Гродненской губернии, и заменить их людьми, заслуживающими общественного доверия, но будем надеяться, что и до этого дойдет свой город». Вслед за этим осознанно неприкрытым выпадом в адрес Прохорова далее в письме Воевника говорилось, что утверждение бывшего начальника управления земледелия и госимуществ о том, что «в оккупированной неприятелем Гродненской губернии нет городских и уездных комиссаров, не соответствует действительности, – и его следует понимать лишь в том смысле, что таковых нет: первых в качестве постоянных территориально-административных органов и учреждений и вторых – заведующих ими должностных лиц. В действительности же комиссариаты и комиссары по учреждениям Гродненской губернии существуют и функционируют, но они имеют лишь временный, переходной характер и, хотя для своих действий у них нет соответствующей территории, вследствие чего они не имеют возможности развить свою деятельность в полной мере, тем не менее, существовать и функционировать они должны в интересах эвакуированного населения своей губернии».

К таким «обслуживающим нужды населения» учреждениям Воевник относил Гродненские городские и полицейские учреждения, которые городская управа приняла в свое ведение и преобразовала в комиссариаты для нужд будущей милиции «с назначением для заведования делами таковых временных комиссаров и для исполнения делопроизводства в оных нескольких служащих лиц…». С принятием 4 мая 1917 года городской управою в свое ведение вышеупомянутых учреждений со всеми их делами и имуществом, все отношения губернского правления к ним должны считаться ликвидированными, а потому нам предстоит не ликвидация последних, а наоборот, преобразование и развитие их для нужд будущей народной милиции, образование которой как для города Гродно, так и для Гродненского уезда, будет лежать на обязанности городского самоуправления. Ввиду всего вышеизложенного, Гродненская городская управа считает себя вправе настаивать на ассигновании ей на содержание упомянутых учреждений средств в том размере, который исчислен в расчете, посланном Вам управою 13 истекшего июня за № 214».

Речь шла о постановлении управы от 8 июня, согласно которому член управы П.А. Воевник назначался временным комиссаром по делам бывшего уездного полицейского управления, а член управы А.И. Восинский – комиссаром по делам бывшего городского полицейского управления («с вознаграждением их из сумм, отпускаемых по смете МВД в виде суточных по

девяти рублей в день»). В этом же постановлении управа просила у губернского комиссара о передаче ей на основании постановления Временного правительства от 17 апреля 1917 года 10497 (десяти тысяч четырехсот девяноста семи) рублей и 80 коп. помесячно, согласно назначенным в ведомостях размерам. Причем, как на содержание личного состава, так и на хозяйственно-материальные расходы.

Наиболее обстоятельное освещение данного вопроса о судьбах полиции-милиции получил в «Журнале Гродненской городской управы» от 26 июля 1917 года (г. Калуга):

«Слушали: Гродненское губернское правление отношением от 29 апреля 1917 года, за № 547, уведомило, что, согласно телеграфному распоряжению министра внутренних дел за № 25170, все чины полиции Гродненской губернии, как классные, так и городовые городских полицейских команд, фабрично-заводские и содержавшиеся на частновладельческие средства, а также урядники и стражники, служащие сыскных отделений бывших полицейских учреждений и чины, рассыльные и служители канцелярий считаются уволенными от должностей с правом получения всех видов довольствия по 1 апреля. Все дела, имущество и деньги полицейских учреждений, согласно тому же распоряжению, подлежат передаче уездным комиссарам или лицам, их заменяющим. Ввиду же того, что уездные комиссары по Гродненской губернии еще не назначены, и что формирование в будущем народной городской милиции будет лежать на обязанности городских самоуправлений, губернское правление просит городскую управу немедленно принять все дела, имущество и кредиты городского и уездного полицейских управлений и сыскного отделения и открыть делопроизводство для исполнения текущей переписки и удовлетворения разных ходатайств и по производству расчетов с бывшими чинами полиции, для чего городским самоуправлениям представлено право приглашать для записей служащих по своему усмотрению из ранее служивших в канцеляриях бывших полицейских управлений или из посторонних лиц».

Обсудив изложенное сообщение Гродненского губернского правления, Гродненская городская управа журнальным постановлением от 4 мая 1917 года определила:

«Дела упраздненых управлений для дальнейшего производства, а также их имущество и предметы принять в распоряжение городской управы и впредь до возвращения в г. Гродно и образование там городской и уездной милиции, применяясь к правилам, опубликованным в № 35 «Вестник Временного правительства», для заведования канцеляриями будущих начальников милиции и делами упразднения полицейских управлений назначить в звании временного комиссара с 5 мая 1917 года П.А. Воевника, с назначением ему вознаграждения в виде суточных денег в размере 9 рублей в день из отпускаемых из казны сумм на содержание бывшей гродненской полиции, с предоставлением ему права назначать лиц к должностям по означенным канцеляриям по своему усмотрению, а именно: по одному секретарю с годовым окладом содержания по 1800 руб. каждому, по одному

столоначальнику с окладом по 1500 руб. в год, по одной машинистке с жалованьем 900 руб. в год и по одному рассыльному с жалованьем до 600 руб. в год».

Впоследствии выяснилось, что такое заведование непосильно одному человеку, а потому городская управа постановила сделать правление городских и уездных учреждений раздельными.

Ввиду возникших между городской управой и губернским правлением пререканий относительно размеров расходов на содержание двух канцелярий, городская управа нашла необходимым выяснить обстоятельно этот вопрос непосредственно в Главном управлении по делам милиции, для чего в Петроград был командирован член управы П.А. Воевник. После личных переговоров временного комиссара с помощником начальника Главного управления Дахновичем выяснилось, что в вопросе содержания бывших полицейских учреждений Городской думой должна соблюдаться возможная экономия, и все расходы должны быть сокращены до минимума. В результате денежные вознаграждения всем полицейским чиновникам были сокращены, а должность столоначальника упразднена.[331]

Согласно акту о передаче дел и имущества бывшего Гродненского городского полицейского управления на его счету имелось всего 1587 руб. 90 коп. Наличных же денег для выдачи содержания полицейским – 1994 руб.72 коп. Имелось также 8 ящиков с вещественными доказательствами, ящик сыскного отделения с фотопринадлежностями; дела, списки, наряды управления и приставов г. Гродно по описи на 16-ти страницах; две пищущие машинки – «Ундервуд» и «Континенталь». Среди принятого имущества по описи значились: «1 шкаф, 4 стола, 1 деревянный сундук, 4 табуретки, велосипед со сломанной рамой, без резиновых шин, лампа медная, икона Иисуса Христа, 2 чернильных прибора, счета бухгалтерские, ножницы, 6 печатей, два фотоаппарата».

В наследство от бывшего Гродненского уездного полицейского управления осталось ненамного больше: «на счетах – 3705 руб. 12 коп., наличных денег – 3435 руб. 24 коп.; 1 ящик и 1 мешок с вещдоками; две пишущих машинки, документы в 22-х ящиках и мешках и другое имущество: двое счет, медная лампа, денежный металлический ящик, невскрытая кружка общества Красного Креста, зеркало, икона Богоматери, пять портретов, два телефона»[332].

Разумеется, что вышеозначенные организационные усилия старых и новых властей Гродненской губернии делались скорее по инерции в рамках своих обычных чиновничьих обязанностей, осложненных драматическими жизненными коллизиями. Большинство представителей губернской администрации в глубине души осознавала, что в переживаемое ими время речь, по большому счету, идет не о судьбе губернии, оторванной от родных мест, и его учреждениях, а о судьбе всей России. Последнее они особо остро почувствовали ближе к осени 1917 года. В предчувствии грандиозных и драматических перемен жило в ту пору и большинство эвакуированных

горожан, не менее остро осознавали это и гродненские беженцы. Октябрь был уже не за горами.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Практически только год находились город и крепость Гродно в объятиях первой мировой войны. Но это время (от начала объявления его на военном положении и спешной эвакуации), вместило в себя чрезвычайно много не только для гражданских и военных властей города, но и для всех горожан. Ценой немалых усилий представителям всех ветвей власти удалось успешно

провести мобилизацию запасных и ополчения, благодаря чему была оказана существенная помощь действующей армии, успешно завершено формирование трех Гродненских ополченских дружин. Уверенными темпами осуществлялось проведение всех видов строительных и специальных работ на объектах Гродненской крепости, что получило в целом позитивную оценку императора Николая II, посетившего осенью 1914 года город и его укрепрайон. Достаточно динамично перестраивалась жизнь города и гарнизона на военный лад. При всей сложности финансового положения Гродно власти в течение полугода успешно сдерживали рост цен на предметы первой необходимости, обеспечивая население продуктами питания, водой и топливом, не допустив распространения в городе эпидемических заболеваний.

Путем реквизиций и широкой благотворительности удалось наладить существенную помощь армии в поставках продуктов питания, одежды, обуви и военного снаряжения, в материальной и морально-нравственной поддержке гродненских семейств, кормильцы которых ушли на фронт, а также в медицинской помощи раненым воинам. Несмотря на все тяготы и лишения, выпавшие на долю осажденного города, власти находили возможным проводить компенсационные выплаты населению города за ущерб, нанесенный им войной, поддерживать действия «сухого закона». Большая помощь оказывалась беженцам, уходившим на восток, достаточно организованно были проведены эвакуационные мероприятия в Слониме, а затем и в глубине России. В сложных и драматических условиях войны гражданские и военные власти показали достаточно полную дееспособность, умение оперативно решать нелегкие государственные задачи. Разумеется, что не всегда мероприятия городских властей проводились эффективно и до конца. Причиной тому была не только сама война, министерская «чехарда», непоследовательность и противоречивость в работе различных ведомств, но и традиционная канцелярско-бюрократическая волокита, формальное следование «параграфу».

Много издержек имелось в деятельности властей по обеспечению «государственного порядка». Одной из негативных сторон этой работы была так называемая шпиономания, большой моральный и экономический ущерб наносился определенной части населения города не всегда обоснованным выселением и депортацией. Явно преувеличенными были цензурные гонения, а также меры, направленные на борьбу со слухами и паническими настроениями. Между тем, общественно-политическая ситуация в городе находилась под контролем. В городе в это время не было зафиксировано деятельности ни одной антигосударственной или антивоенной организации, не было забастовок рабочих промышленных предприятий, волнений среди крестьян окрестных деревень. Причиной этому чаще всего были не охранные мероприятия жандармов и не гражданская позиция горожан, а реалии сурового быта города в условиях войны, резкое уменьшение численности его населения. В такой обстановке было, что называется, «не до политики».

Несмотря на сложный социальный и этноконфессиональный состав жителей города (его верхов и низов), а отсюда и разные материальные и

духовные устремления, вся их жизнь в тот тяжелый военный год сводилась к естественному и общепонятному желанию – продержаться и выжить. Сделать это было крайне нелегко, но они выполнили свой человеческий и гражданский долг перед своими потомками. В этой атмосфере выживания, несомненно, формировались и сталкивались между собой самые различные альтернативы в налаживании послевоенной государственной и общественной жизни. Общая «усталость» народа в поисках своего социального идеала, думается, и привела к тому, что свершилось в 1917 году. Своя доля участия в этих событиях, «которые потрясли весь мир», была внесена и гродненцами – участниками, свидетелями и мучениками Первой мировой войны.

Данная констатация вполне подтверждается материалами заседания так называемой Русской управы, состоявшегося в Гродно 1-2 декабря 1918 года с разрешения германских оккупационных властей. На этом заседании, кроме членов Русской управы и Белорусского комитета, присутствовали и делегаты от всех уездов губернии в количестве 186 человек. Именно здесь, наряду с рассмотрением «современного состояния губернии», впервые был дан краткий анализ, что называется, «по горячим следам» всему тому, что пережило население г. Гродно и губернии во время войны. Весьма примечательно, что костяк Русской управы составили гродненские чиновники, сумевшие сразу же после подписания Брестского мира вернуться из Калуги и других мест на родину.

Открыл заседание председатель Гродненской Русской управы, землевладелец Е.Е. Курлов. В его достаточно эмоциональном выступлении получила освещение та сложная во многих отношениях ситуация, в которой оказались возвратившиеся из эвакуации гродненские чиновники: «Два месяца тому назад приехавшего в Гродно меня поразило, что ни в общественных местах, ни в магазинах, ни просто на улицах, не было слышно родного – русского слова. Не говорю уже о полном отсутствии русской печати, школы, даже вывесок: не лучше обстояло дело и с деревней, где крестьяне – белорусы местами даже боялись открывать свою национальность, угнетаемые назначенными местной властью солтысами (старостами – В.Ч.), проводившими определеную польскую сепаратистскую политику. Все жители губернии – белорусы попрятались по своим углам в одиночку, как бы заранее обрекая себя на погибель. Первый клич к объединению, первый русский голос подала Русская управа, тогда еще состоявшая из небольшой группы лиц, отчасти уже бывших в городе, отчасти вновь приехавших. Население отозвалось. Управа организовала несколько отдельных собраний и, наконец, удалось созвать сегодняшний губернский съезд, показавший, что живо еще наше национальное самосознание... От имени губернской управы я приветствую съезд. Работа предстоит большая: все сломано, все разъединено; все нужно организовать, объединить, спаять: время дорого, опасность близка и для того, чтобы сохранить себя, не дать погибнуть своему национальному «я» нужно работать, работать и работать».

После избрания председателя собрания (Е.Л. Зверкова), состава рабочего президиума и проверки мандатов делегатов с мест была оглашена повестка

дня съезда: «1) о возникновении, историческом развитии и деятельности Управы; 2) о предстоящих выборах старост в местечках и деревнях; 3) о народном образовании; 4) выяснение убытков, вызванных войной; 5) беженское дело в губернии; 6) церковное дело; 7) сельскохозяйственное дело; 8) политическое положение Гродненской губернии; 9) пополнение состава Управы».

Выступивший по первому вопросу бывший чиновник губернского правления Е.Л. Зверков, значительно расширил и конкретизировал сказанное при открытии совещания Е.Е. Курловым: «Граждане! Два месяца тому назад, когда первые из приехавших сюда русских людей заметили полное отсутствие в Гродне, что могло напомнить коренным обывателям здешнего края и пришедшим сюда войскам о существовании русских, – они, эти первые, возвратившиеся к своим родным местам, русские интеллигентные люди, решили объединиться и создать какой-нибудь орган, который мог бы сосредоточить в себе и представительство русских людей, и охрану их национальных и религиозных интересов. Такое объединение русского православного населения было тем более необходимо, что в крае существовали организации польские и еврейские, и лишь русские, православные интересы были совершенно забыты. Получалось впечатление будто здесь никогда не было русского края. Немецкие власти делили население на евреев и поляков, не вспоминая никогда о русских. Правда, это было вполне естественно до заключения Брестского мирного договора, так как русское население, и в особенности интеллигенция, было принудительно эвакуировано русскими властями вглубь России. Эта мысль, зарождавшаяся у всех русских, возвратившихся в Гродно, объединила их. Создалась инициативная группа интеллигенции, поставившая себе задачей объединить русское православное население для защиты своих национальных, религиозных и общественных интересов. На небольшом частном собрании была избрана Гродненская Русская управа, в которую вошли представители различных слоев населения в количестве 9 человек. Заявив о своем существовании немецкому командованию, Русская управа добилась признания ими существования в крае, и, в частности, в Гродно русских.

В первую очередь управа занялась улучшением положения в Гродно Православной Церкви и улучшения быта бедных, особенно возвращающихся беженцев. Но вот наступил следующий этап в ее развитии: нам стало ясно, что польской агитации здесь мы должны противопоставить агитацию белорусскую, и, следовательно, от задач общественных мы должны перейти к задачам политическим… Вспомнив, что судьба Белоруссии была когда-то неразрывно связана с судьбой Литвы, мы решили вступить с образовавшимся ныне литовским правительством в переговоры о возможности образования Литовско-Белорусского государства и вступления в эту государственную единицу Гродненской губернии на автономных началах. Одновременно с ведением этих переговоров управа позаботилась об увеличении своего личного состава, что дало ей возможность создать в различных частях

губернии свои отделения и созвать сегодняшний первый Гродненский Губернский Белорусский съезд».

Не имея (в данной работе) возможностей для анализа причин, вынудивших Гродненскую Русскую управу для розыгрыша «белорусской карты» (в ходе обсуждения повестки дня она постоянно присутствовала в пикировке членов управы и представителей Белорусского комитета – В.Ч.), отметим лишь то, что у бывших гродненских чиновников в их политических устремлениях, включая и факт наименования своего съезда «Первым Гродненским губернским Белорусским съездом», не было ни малейшей доли сочувствия так называемым белорусским националистам: название «Белорусский» они воспринимали лишь в одном единственном смысле – как составной части триединой русской нации (великоросы, малоросы и белорусы). Значительное место в «выборе» этом политического направления сыграла неимоверная боязнь революции и грядущего приближения к городу большевиков: все это вынуждало маневрировать – «любовь зла…».

Непосредственное отношение к поднимаемой в данной работе теме имело обсуждение четвертого вопроса повестки дня – «Выяснение убытков, вызванных войной». С докладом по этому вопросу выступил член управы (в прошлом гродненский вице-губернатор), а затем – депутат IV Государственной Думы А.А. Ознобишин. Не вызывает сомнения, что тяготы и лишения, пережитые докладчиком за последние (после оставления Гродно) три года существенно повлияли на оценку им действий властей во время эвакуации населения в 1915 году. Хорошо знакомый «с положением этого вопроса» А.А. Ознобишин разбил его на два периода: до эвакуации и после. По свидетельству докладчика, «в течение первого периода большинство должностных лиц могли освидетельствовать описи оставляемого и уничтожаемого имущества. Для расчета по реквизициям были образованы реквизиционные комиссии, квитанции которых и должны были оплачиваться казначейством. Но комиссии эти были образованы слишком поздно: в частности, комиссия в Гродне была образована за неделю перед вступлением неприятеля в город. Таким образом, большинство реквизиционных квитанций осталось неоплаченными и по сие время. В течение второго периода эвакуировавшиеся землевладельцы образовали в Петрограде «Гродненский обывательский комитет», который и взял на себя расчеты по реквизиционым квитанциям. В короткое время из ассигнованных правительством 15-ти миллионов рублей комитетом было израсходовано около 9-ти миллионов, но на удовлетворение интересов крупных землевладельцев. Это положение не могло, конечно, удовлетворить широкие массы населения. Нападки на комитет были произведены даже со стороны прессы. Следствием этого явилось назначение правительственной ревизии и закрытие комитета: все дела по возмещению убытков были переданы в образованную в городе Калуге «Гродненскую особую оценочную комиссию», которая просуществовала с 1-го октября 1917 года по 1-е февраля 1918 года, т.е. по день ликвидации советским правительством всех беженских учреждений. По существовавшим правилам особая комиссия выплачивала за имущества, уничтоженные или

реквизированные русскими военными властями. В период времени существования комиссии поступило к разрешению 22 000 ходатайств, из них было рассмотрено около 3000. Вознаграждение выдавалось в размере 25% убытков; для жителей крепостного района размер этот был увеличен до 50%. Следующей инстанцией, пересматривавшей в ревизионном порядке все дела оценочной комиссии, была военная ликвидационная комиссия и, наконец, третьей инстанцией был особый комитет. Особая оценочная комиссия, составленная из представителей всех ведомств и сословий, все дела рассматривала тщательно и, как показала практика, правильно, так как решения особой комиссии не отменялись, между тем, всякое решение о выдаче денег должно было непременно пройти через все три инстанции. Такая организация работы тормозила дело. Русская управа, придавая чрезвычайно важное значение вопросу о возмещении населению убытков, причиненных войной, предпринимала и предпринимает шаги к разрешению этого вопроса в положительном смысле…». В завершение своего выступления А.А. Ознобишин заявил о необходимости учреждения при управе специального отдела, который мог бы заняться выяснением размеров убытков и их возмещением при содействии литовского правительства. Это предложение присутствующими было принято единогласно.

По «беженскому вопросу» выступил бывший чиновник Пчицкий. Он говорил «о бедствиях и частых смертельных случаях при отступлении беженцев в места их эвакуации», а также, по признанию докладчика, о «том самом обидном», что выпало на долю беженцев при их реэвакуации на родину: «беженец, вернувшийся в свой дом, застал полный разлад и опустение; кустарники вместо хат, либо же собственные хаты, занятые чужими крестьянами». Поэтому, объяснил докладчик, для всесторонней помощи этим людям при Гродненской Русской управе был открыт беженский отдел. В ходе обсуждения этого вопроса крестьянин Михальчук от имени приславших его в Гродно людей просил управу «прежде всего, снабдить беженцев хлебом, решить вопрос о землеустройстве и, в-третьих, предоставить в распоряжение беженцев лесопилки». Выступавшие в прениях говорили также о «необходимости снабжения населения зерном» и о путях улучшения работы среди беженцев за счет введения в состав соответствующего отдела управы представителей от крестьян и об организации уездных и беженских подотделов.

Докладчиком по «вероисповедальному вопросу» выступил настоятель Гродненского Софийского собора, протоиерей Иоанн Корчинский. Указав на то, что «священники не остались на своих местах (в период всеобщей эвакуации в 1915 году – В.Ч.) вследствие запрета на то русских властей», оратор привел в качестве примера печальную участь тех представителей «русского духовенства, оставшегося в Гродно, которых немцы не расстреляли только потому, что за них вступились еврейские представители». Далее протоиерей Корчинский отметил: «В настоящее время в губернии находится до 80 священников. Но делу возрождения религии мешают немцы, которые чинят всевозможные препятствия к совершению православных треб». Затем

докладчик остановился на «истории освобождения православного кафедрального собора в Гродно от поляков» и на проблеме Красностокского монастыря. В последнем «обучалось до 600 девочек – крестьянских сирот, эвакуированных при отступлении русской армии в Россию и теперь возвратившихся на родину». Докладчик говорил о «необходимости создания по всей губернии подотделов вероисповедального отдела управы с целью выяснения церковных убытков и составления описей по сему вопросу», а также о пожелании «воссоединения католиков-белорусов и православных белорусов», и о «совершении дополнительного служения в костелах на белорусском языке». Последнее обстоятельство вызвало дискуссию, инициатором которой явился представитель Белорусского комитета Матусевич: «Меня удивляет, почему протоиерей Корчинский, ссылаясь на то, что 18 ксендзов решили ввести в католическое богослужение белорусский язык, ни словом не обмолвился о том, что и всему православному духовенству надо было бы последовать этому примеру. Меня удивляет, почему православное духовенство в 1915 году бросило свою паству, и почему это явление почти не имело места среди католического духовенства. Своим выездом священники нанесли большой ущерб православному населению. Церковь должна быть отделена от государства, Русская управа не должна заниматься вероисповедальными вопросами, а духовные лица не должны вмешиваться в политическую жизнь страны». В ответ на реплику Матусевича сразу же выступил член Русской управы Фон-Дитман: «Здесь только что был брошен упрек православному духовенству. Граждане, я не католик и не православный – я лютеранин. Здесь я вижу пристрастное отношение к православному духовенству. При отступлении в 1915 году католические ксендзы чувствовали себя спокойно, и это понятно, так как неприятельская армия, будучи в массе своей католической, не могла отнестись к ним недружелюбно. В другом положении находились православные священники. Православная религия является для Европы непонятной. Все же непонятное встречает в людях недоброжелательное отношение. Православное духовенство, оставаясь на местах, могло оказаться в опасности; ожидать поддержки ему, хотя бы симпатии со стороны пришельцев, не приходилось. Православное население всегда крепко держалось своей веры, и уважая своих пастырей, предвидя возможность глумления над ними со стороны неприятеля, само уговаривало их выехать. Упрек, брошенный православному духовенству, совершенно им не заслужен». Отвечая Матусевичу, протоиерей Иоанн Корчинский подробно остановился «на условиях, заставивших русских священников покинуть свои приходы». Он отметил «ту роковую ошибку, которую сделало русское духовенство, покинув свою паству», но просил принять во внимание тот факт, что «немцы смотрели на русских священников как на шпионов, в то время как к ксендзам и евреям их отношение было иным». После этого отец Иоанн заявил о «преждевременном введении белорусского языка при православном богослужении, ввиду того, что это богослужение ведется на церковно-славянском языке, вполне понятном и родном белорусам». Обсуждение этого вопроса завершилось принятием

постановления «о передаче всех церковных дел на местах в церковные подотделы, сносящиеся по всем вопросам с вероисповедным отделом Русской управы».[333]

Таким образом, характер обсуждения всех вопросов на съезде 1-2 декабря 1918 года в Гродно, состоявшемся по инициативе Гродненской губернской Русской управы, выявил их прямую или косвенную связь со многими событиями, имевшими место в городе и губернии в 1914-1915 году. Тяготы эвакуации и реэвакуации, революционные потрясения 1917 года и вспыхнувшая братоубийственная гражданская война еще более усложнили ситуацию на Гродненщине. Появилось несколько вариантов ее разрешения, однако итоги их развития никто не брался предсказать. Во многом объяснялось это горьким опытом Первой мировой войны, когда думали об одном, а получили другое. И тем не менее, участники гродненского декабрьского совещания 1918 года рассматривали мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности города-крепости Гродно в 1914-1915 годах как вполне адекватные диктату того нелегкого времени.

Война означала не только коренной сдвиг в сознании людей, она потрясла появлением структуры повседневности: все и вся сорвалось со своих насиженных мест. Человеческий материал стал собираться в кучу, в толпу, в массу, лишенную глубинных корней. В этой огромной инертной массе народа в одном месте и в одно время накопилась гигантская энергия, которая и разрядилась на объекте, против которого была направлена. Эта толпа искала врага, который сорвал ее с насищенного места и персонифицировала в нем все свои беды. Причина такого рода сдвига (эвакуация, беженство и т.д.) толпа видела не в том, что все происходящее с ней – это цивилизационный сдвиг, а в чьих-то зловредных кознях. Вышеозначенное вполне убедительно подтверждается «хождениями по мукам» в годы Первой мировой войны значительной частью населения города-крепости Гродно.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Данное суждение не распространяется на недавно вышедшие книги: Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество. – М., 2003. – С.109-680; Уткин

А.И. Первая мировая война.—М., 2002. – С.186-187, в которых вместе с упоминанием боев на гродненском направлении, получили освещение и некоторые проблемы взаимоотношений между фронтом и тылом.

2. См. Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история массонства 1731-2000. – Москва: «Русский Вестник», 2000. – С.222-244. Он же. Святая Русь. Судьба русской цивилизации // Молодая гвардия, 2003. № 11-12. – С.225; подобный же подход характерен и для М.Назарова, изложенный в статье : Россия накануне революции и февраль 1917 года // Наш современник – 2004. – № 2. – С.168.
3. Цуба М.В. Пачатак першай сусветнай вайны і яе ўплыў на грамадска-палітычныя абставіны на Беларусі // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: Мінск, Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. Частка 1, 2004. – С.213-220.
4. Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі. – Беласток, 1999. – С.20-22.
5. Трещенок Я.И. История Беларуси. Досоветский период. – Часть 1. – Могилев, 2003. – С.164-165.
6. Кожинов В.В. Россия. Век XX-й (1901-1939). Опыт беспристрастного исследования. – М., 2001. – С.7-8.
7. Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 ч. Ч.1. – М: Русский путь, 2001. – 512 с.
8. Гаврилин Д. У Августовского канала. Трагедия и подвиг русского корпуса на реке Волкуш // Сельская новь, 26 мая 1988 г.; Плешевеня А.Н. У Гродненских фортов // Гродненская правда, 1992. – № 108, 109, 110, 111, 112. Он же. Оккупация 1915-1916 г. // Гродненская правда, 1993. – № 271 (в последующем названные работы А.Н.Плешевени были помещены в книге «Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка горада Гродна», вышедшей в 1999 году в Минске). Коўкель І.І. У пажарышчы Першай сусветнай вайны // Памяць: Гіст.-дакум.хроніка горада Гродна. – Мінск: БелЭн, 1999. – С.209-213. Піваварчык С. Гродзенская крэпасць у XIV-пачатку XX ст.: планы і рэаліі / Castrum, urbis et bellum; Зб. Навук.прац. – Баранавічы, 2002. – С.301-309. Швед В.В. «Гродна абараняюць упарта» // Губернскі Гродна. Аповяды з гісторыі горада (канец XVIII ст. – пачатак XX ст.). – Баранавічы, 2003. – С.150-162. Карнялюк В. Гродзенскі эпізод Першай сусветнай вайны // Беларусіка = Albaruthenika. Кн.7. – Мінск, 1996. – С.34-38. Он же. З гісторыі Першай сусветнай вайны на Гродзеншчыне (1914-1915) // Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лесу людзей. – Ваўкавыск, 1997. – С.154-157. Он же. Гістарычная дэмаграфія Першай сусветнай вайны: бежанства з заходніх губерняў Расійскай імперыі (1914-1917) // Bialoruskie Zeszytog Histovyczne, 1999. – № 12 . – S.22-44. Он же. Пра колькасць прызванных у расійскае войска з Віленскай, Віцебскай, Гарадзенскай, Мінскай і Магілеўскай губерняў у часы Першай сусветнай вайны (1914-1917) // Гістарычны альманах, 2000. – №1 – С.177-180.

9. Фіенік Дарафей. Эвакуацыя царкоўнай маёмасці ў 1915 годзе і спробы яе вяртання пасля 1921 года на прыкладзе Беласточчыны // Bialoruskie Zeszyty Historyczne, 1966. – № 2. – S.93-99.
10. Базанов М.Н. Фронтовые пути русских армий // Военно-исторический журнал, 1996, № 1, 4. – С.73-80. Глазков М.Н. Первая мировая война и библиотечное дело в России // Преподавание истории в школе, 1997. – №4 – С.10-14. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Я. Западнобелорусское письменное наследие XVII-XX вв. – Мінск, 2004. – С.233-234. Щавинская Л.Л. Начало Первой мировой войны в нарративных памятниках западнобелорусских очевидцев // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. – М., 2003. – С.79-82. Рихтер С. «Мертвые еще лежат перед нами». Россия во фронтовых письмах Фридриха Греме // Родина, 2002. – № 10. – С.11-13. Долныков А. Вторая Отечественная // Русский вестник, 2004. – № 16. – С.4. Сенин А.С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории, 1990. – № 10. – С.159-165. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914-1917) // Вопросы истории, 1999. – № 8 – С.98-111. Нелипович С.Т. Генерал от инфантерии М.Н.Янушкевич. «Немецкую пакость удалить и без нежностей…»; Депортации в России 1914-1918 гг. // Военно-исторический журнал, 1997. – № 1 – С.43-53. Никитин В. Кричали женщины «Ура» Георгиевским кавалерам // Российская газета, 13 ноября 1966 г. – С.6. Никольский О. «Не упивайтесь вином…» // Православная Москва, 1966, № 15. – С.4. Рыбас С. Жертвы и герои // Литературная Россия, 28 июня 1989 г. – С.5. Терешина Е.П. Деятельность местного самоуправления в годы Первой мировой войны (по материалам поволжской прессы) // Вопросы истории, 2004. – № 10 – С.132-133.
11. Мойсеенок А.Г. Представитель врачебной династии Беклемишевых из Гродно (Н.Д. Беклемишев, В.Н.Беклемишев, Н.Д.Беклемишев) // Историко-медицинские памятники и здравоохранение Гродненщины. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 500-летию Ф.Скорины. – Гродно, 1999. – С.58-62; Игнатович Ф.И. Врач Н.Д.Беклемишев – один из героев «Саги о Гродно» // Аркуш, 1998. – № 52. – С.2; Игнатович Ф.И., Тищенко Е.М. Гродненская окружная лечебница и ее последний главный врач Н.Д.Беклемишев // Гродненская областная клиническая больница и ее роль в охране здоровья населения области. – Гродно, 1999. – С.31-34; Гродна ў часы Першай сусветнай вайны. Лісты Ю.Ядкоўскага да В.Шукевіча. 1914-1915 // Падрыхтаваў А.Смалянчук // Мінулае Гродзеншчыны. – Вып.4. – Гродна: ГАІПК, 1988. – С.31-38.
12. Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т.1. – М., 1996. – С.141, 161-162. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова// Октябрь, 1998. – № 4 – С.139-141. Бонч-Бруевич М.Д. В штабах фронтов // Первая мировая война. Воспоминания, репортажи, очерки, документы. –

М., 1989. – С.442-443. Малиновский Р.Я. Солдаты России // Первая мировая война. Воспоминания, репортажи, очерки, документы. – М., 1989. – С.464-465.

13. См.: Черепица В.Н. «…Не потерять связующую нить»: История Гродненщины XIX-XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии). – Гродно: ГрГУ, 2003. – С.215-256.
14. Бежанства ў 1915 годзе. Успаміны. – Беласток. – 354 с.
15. Боукал Г., Боукал П. Сто лет назад // Молодая гвардия, 2004. – № 9. – С.6-7.
16. Zdzienniski E. Spacer przez zycie czlowieka przecietneqo.- Warszawa, 1980.- S.42-51.
17. Дубенский Д.И. Три дня на Среднем Немане // Летопись войны 1914-1915 гг. – Петроград, 1915. – № 34 -36.
18. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г.Гродно, ф.1, оп.8, лл.103-104 об.
19. Основные факты биографии гродненского губернатора, свитского генерал-майора В.Н.Шебеко нашли отражение в его «Формулярном списке», составленном 17 февраля 1916 года. В.Н.Шебеко родился 11 июля 1864 года, православный, сын генерал-майора кавалерии, из дворян Могилевской губернии. Окончил по 1-му разряду Пажеский корпус и Академию генштаба. В 1875 году зачислен в пажи к Высочайшему двору, на военной службе с 1882 года. В 1884 году переведен в корнеты императорской кавалерии, с 1886 года – командир эскадрона. В 1889 году присвоено звание поручика. В 1891 году поступил в Николаевскую академию генштаба. За успешное овладение военной наукой в мае 1894 года был награжден годовым окладом и назначен на службу в Киевский военный округ. Осенью того же года был переведен в штаб войск гвардии Петербургского военного округа. В начале 1895 года – адъютант штаба 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии. В том же году стал штабс-капитаном. С октября 1899 года – военный агент при посольстве России в Вашингтоне, подполковник. В 1903 году стал полковником. Летом 1907 года был назначен флигель-адъютантом императора Николая II-го с оставлением в должности военного агента. В октябре 1907 года – военный агент в Германии, назначен состоять при особе германского императора Вильгельма II. В 1909 году – флигель-адъютант, служба в генштабе. С февраля 1913 года – Саратовский вице-губернатор. 14 апреля 1913 года был произведен в генерал-майоры свиты императора. С 18 октября того же года – Гродненский губернатор. 17 февраля 1916 года был назначен градоначальником Москвы. Жена В.Н. Шебеко – Маргарита – Альм Карловна Кондратова (урожденная баронесса Шиллинг), протестантского вероисповедения. Имели сыновей: Владимира (родился 16 мая 1896 года) и Федора (родился 24 июня 1898 года); дети вероисповедания православного. За время службы был награжден орденом Святого Владимира 3 и 4-й степеней, Святого Станислава 2-й и 3-й степеней; медалями – в честь коронации в 1883 году, в память царствования императора Александра III в

1896 году, а также наградами иностранных государств – турецким орденом Меджие 3-й степени; болгарским Официальным крестом 4-й степени, орденом Святого Александра; черногорским орденом князя Даниила 4-й степени; персидскими орденами – Льва и Солнца, оба 2-й степени; прусским орденом Короны II степени; саксон-альтенбургским орденом – Командорским крестом 2-го класса; Виртембергским Командорским крестом 2-го класса; Гессенским орденом Филиппа Великодушного и датским Командорским крестом 2-го класса. В 1913 году был награжден знаком в честь 300-летия Дома Романовых. В марте 1915 года был удостоен ордена Святого Станислава 1-й степени и бронзовой медалью за труды по мобилизации, в мае – за труды по землеустройству, в декабре получил благодарность императора Николая II за отлично-усердную службу. В должности московского градоначальника 10 июня 1916 года был награжден орденом Святой Анны 1-й степени (НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.1, д.1673, лл.1-10). Из приказа армии и флота от 29 апреля 1917 года следовало, что московский градоначальник генерал-майор В.Н.Шебеко был уволен от службы по прошению с мундиром и пенсией (РГВИА, ф.409, оп.1, д.172633, лл.2, 10-19 об.).

20. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.348, лл.4-4 об.
21. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.347, л.25.
22. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.348, лл.6-8.
23. Там же, лл.9-12.
24. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.347, л.31.
25. Там же, лл.34-36.
26. Данные сведения взяты из приложения № 3 к журналу «Военно-Воздушный флот», хранящегося в архивных делах (см.: НИАБ в г.Гродно, ф.315, оп.1, д.447, лл.125-143).
27. См.подробнее: Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. – М.: Просвещение, 1975. – С.117-122.
28. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова…. – С.139.
29. См.: Долныков А. Вторая Отечественная…. – С.4
30. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2002, лл.94-96.
31. «Гродненские Епархиальные Ведомости» (далее – «ГЕВ»), от 24 июля 1914 года.
32. НИАБ в г.Гродно, ф.63, оп.1, д.1, л.195.
33. НИАБ в г.Гродно, ф.18, оп.1, д.2176, лл.6-7, 22; ф.161, оп.1, д.28, лл.12-17.
34. См.: Глазков М.Н. Первая мировая война и библиотечное дело . – С.10-14.
35. «ГЕВ» от 24 июля 1914 года.
36. Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания…. Т.1. – С.141; Сенин А.С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну. – С.159-165.
37. «ГЕВ» от 1 августа 1914 года.
38. См.: Черепица В.Н. «…Не потерять связующую нить»: История Гродненщины XIX-XX столетий…. С.236.

39. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.398, лл.1-3, 5, 10, 11, 436-440 об, 443, 451, 519-521.
40. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.348, л.19.
41. НИАБ в г.Гродно, ф.107, оп.1, д.9, лл.72-73, 93-95, 105-106.
42. См.: Карнялюк В. Пра колькасць прызванных у расійскае войска…, с.177-180; НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.450, л.4.
43. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.450, лл. 26, 37, 46-47, 63.
44. НИАБ в г.Гродно, ф.107, оп.1, д.175, лл.1-3.
45. НИАБ в г.Гродно, ф.107, оп.1, д.11, лл.1-7, 304-308.
46. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3147, лл.8-9, 20, 49, 65, 114, 118, 163-164, 175-176, 244; д.3517, лл.5-6, 35, 99.
47. НИАБ в г.Гродно, ф.107, оп.1, д.152, лл.1-4; д.153, лл.1-21; д.154, лл.1-17; д.160, лл.1-32.
48. НИАБ в г.Гродно, ф.107, оп.1, д.11, л.7.
49. Там же, л.324.
50. См.подробнее: Плешевеня А.Н. У гродненских фортов // Гродненская правда, 1992. – № 108 -112; Піваварчык С. Гродзенская крэпасць…. С.309; Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество…. С.462-463.
51. НИАБ в г.Гродно, ф.18, оп.1, д.2552, лл.11-15.
52. НИАБ в г.Гродно, ф.18, оп.7, д.697, лл.5-9; ф.77, оп.1, д.21, л.34; д.23, л.119.
53. Zdziennicki E. Spacer przez…, S. 42-51.
54. НИАБ в г.Гродно, ф.674, оп.1, д.165, л.33.
55. НИАБ в г.Гродно,ф.1, д.1784, л.5.
56. Там же, л.16.
57. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1779, лл.122, 134, 190-191, 219-220, 224, 299.
58. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1784, лл.36-38, 42; д.1882, лл.3-4.
59. Данный номер «Брест-Литовского курьера» имеется в архивном деле (НИАБ в г.Гродно, ф.587, оп.1, д.93, л.90).
60. НИАБ в г.Гродно. ф.1, оп.9, д.1779, лл.295-296.
61. Там же, лл.62-63.
62. НИАБ в г.Гродно, ф.77, оп.1, д.24, лл.569-575 об.
63. Там же, лл.53-62.
64. НИАБ в г.Гродно, ф.107, оп.1, д.11, лл.550, 572, 912.
65. НИАБ в г.Гродно, ф.125, оп.1, д.91, лл.69-71.
66. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.441, лл.1-1 об.
67. Там же, лл.17-18.
68. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.436, лл.24-27.
69. НИАБ в г.Гродно, ф.86, оп.1, д.599, лл.47-50, 59-60, 62-63, 109-111,
70. НИАБ в г.Гродно, ф.398, оп.1, д.20, л.100.
71. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1772, лл.28-30, 57-66.
72. НИАБ в г.Гродно, ф.536, оп.1, д.14, л.3.
73. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1772, лл.105, 126, 170, 194-195, 332, 365, 386-387.
74. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.3, д.71, лл.76-77 об.

75. См.подробнее: Черепица В.Н. Не потерять связующую нить…. С.189-191; Никольский О. «…Не упивайтесь вином…». С.4.
76. «ГЕВ», 1914. – № 12. – С.241.
77. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.27, д.2948, лл.1, 9, 20, 37, 93, 99, 113.
78. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.27, д.2951, лл.1-5, 9-10.
79. НИАБ в г.Гродно, ф.30, оп.1, д.950, л.6.
80. НИАБ в г.Гродно, ф.30, оп.1, д.1023, л.15.
81. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.446, лл.101-105.
82. Там же, л.112.
83. Там же, л.165, 245.
84. Там же, л.354; семейство Вагнеров надолго связало свою жизнь с г.Гродно. Дом, построенный здесь Л.В.Вагнером (ныне ул.Дзержинского), по-прежнему привлекает внимание горожан как в качестве замечательного творения деревянного зодчества. Прекрасным краснодеревщиком был его сын Ф.Л.Вагнер. Внук Леопольда Вагнера – Николай вплоть до самой своей кончины в 1993 году являлся актером Гродненского облдрамтеатра (См.подробнее: Черепица В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. Часть 1. – Гродно, 2000. – С.263).
85. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.446, л.357.
86. Там же, л.322.
87. Там же, л.395, 450, 557.
88. Там же, лл.681-695, 711, 761, 780, 807, 825, 850, 919.
89. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.201, лл.189-205.
90. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.355, лл.1-20.
91. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.465, лл.2170-2179. Черепица В.Н. История и повседневность в жизни агента пяти разведок Эдуарда Розенбаума. – Гродно, 2005. – С.21-29.
92. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1785, лл.10-23.
93. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1786, лл.11, 20-21 об., 27, 35, 59, 60-62 об., 69.
94. НИАБ в г.Гродно, ф.356, оп.1, д.404, лл.2-6 об.
95. Немецкий шпионаж в России. Публикация С.Кудряшева // Родина, 1993, № 5-6. – С.92-95.
96. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.374, лл.19-20; д.352, лл.11-14.
97. «Гродненские губернские ведомости» (далее – «ГГВ») от 10 февраля 1915 года.
98. «Наше утро» от 22 мая 1915 года.
99. «ГГВ» от 9 июня 1915 года.
100. См.подробнее: Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н.Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей…». Депортации в России (1914-1917)…. С.43-45; НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1847, лл.143, 166-172, 531; д.1811, лл.24-25.
101. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1878, лл.40-41, 100, 228-239.
102. НИАБ в г.Гродно, ф.77, оп.1, д.25, лл.1-1 об, 5, 112, 119.
103. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2183, л.75.

104. НИАБ в г.Гродно, оп.9, д.1972, лл.4, 22.
105. Карнялюк В. Гістарычная дэмаграфія Першай сусветнай вайны: бежанства з заходніх губерняў Расійскай імперыі (1914-1917 гг.)…. С.27.
106. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1843, л.1-12.
107. НИАБ в г.Гродно, ф.31, оп.1, д.1355, лл.12, 72-82.
108. НИАБ в г.Гродно, ф.77, оп.1, д.24, лл.51-52, 65-71, 377-377 об.
109. Там же, лл. 591, 597, 619-623 об. См.также: Черепица В.Н. Гродненский православный некрополь. – Гродно, 2001. – С.46-48.
110. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1973, лл.13, 21, 27, 59-60, 124.
111. Подробнее о формировании данной колонны из подвод см.: НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1470, лл.11-122, 205.
112. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1947, лл.4-28.
113. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.378, лл.74-78; ф.1, оп.9, д.2081, л.2.
114. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.474, лл.159-179; см.подробнее о сооружении памятника П.А.Столыпину: Черепица В.Н. «…Не потерять связующую нить…», с.35-38.
115. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.484, лл.27, 82-83, 91-93.
116. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.114, л.123; ф.336, оп.1, д.43, лл.6-7, 15-16.
117. НИАБ в г.Гродно, ф.336, оп.1, д.443, лл.83, 133, 135, 140, 145, 151-152 об.
118. Письмо полицейского чиновника о службе. 1903 г. Публикация Е.Б.Тимофеева // Отечественные архивы, 1993. – № 1. – С.102-105.
119. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.474, лл.147-148.
120. НИАБ в г.Гродно, ф.77, оп.1, д.29, лл.1-13 об.
121. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.14, л.464.
122. По материалам «ГЕВ», август 1914 г.
123. Бонч-Бруевич М.Д В штабах фронтов…, с.442-443.
124. По материалам «ГЕВ», сентябрь 1914 г.
125. Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания. Т.1…, с.161-162.
126. См.подробнее: Гродна ў гады Першай сусветнай вайны. Лісты Ю.Ядкоўскага да В.Шукевича…. С.31-38. Швед В.В. «Гродна абараняць упарта…». С.150-159.
127. Черепица В.Н. «…Не потерять связующую нить…», с.236-237.
128. По материалам «ГЕВ», сентябрь 1914 года.
129. НИАБ в г.Гродно, ф.9, оп.4, д.124, лл.121-122.
130. Дубенский Д.И. Три дня на Среднем Немане…, с.34-36.
131. По материалам «ГЕВ», сентябрь 1914 г.
132. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова…. С.139-141. См. также: Черепица В.Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине. Часть 1…. С.84-93.
133. По материалам «ГЕВ», сентябрь-октябрь 1914 г.
134. «ГГВ» от 5 августа 1914 года.
135. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1764, лл.21-22, 25-26, 32-3, 38, 48-49, 77-77 об, 80, 89, 98-100; ф.18, оп.1, д.2322, л.31-32; ф.315, оп.1, д.447, лл.167-

168; материалы «ГЕВ» за октябрь-ноябрь; строчки из дневника императора Николая П цит.по: Швед В.В. «Гродна абараняць упарта…». С.152.

136. По материалам «ГЕВ», ноябрь 1914 г.; «ГГВ» от 14 декабря 1914 г.
137. Цит. по : Черепица В.Н. «…Не потерять связующую нить…». С.238.
138. Малиновский Р.Я. Солдаты России…. С.464-465.
139. НИАБ в г.Гродно, ф.336, оп.1, д.14, лл.3, 51-55; «ГГВ», апрель-июль 1915 г.
140. Черепица В.Н. «…Не потерять связующую нить…». С.238.
141. Цит .по: Швед В.В. «Гродна абараняць упарта…». С.153-154.
142. Черепица В.Н. «…Не потерять связующую нить…». С.238-239.
143. Цит.по: Лабынцов Ю.А., Щавинская Л.Л.. Западнобелорусское письменное наследие…. С.233-234.
144. Фіенік Дарафей. Эвауация царкоўнай маемасці ў 1915 годзе…. С.93-99.
145. Документы по истории Православной Церкви на Беларуси XVIII-XX вв. в фондах государственных архивов Республики Беларусь. Межархивный справочник / Авт.-сост. О.А.Добычина и др. – Минск: Бел НИИДАД, 2003. – 284 с.
146. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3146, лл.403-404.
147. Цит. по публикации фрагментов из данной книги в «Православном Вестнике» (Гродно), 1998. – № 2 -3. – С.8; более подробно об этом см.: «Счастливы вы, что находитесь под покровом Жировицкой Божией Матери…». Святитель Владимир (Тихониций). Лето-осень 1914 года // Черепица В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. Часть 1…. – С.113-150.
148. НИАБ в г.Гродно, ф.315, оп.1, д.444, лл. 8, 27, 84, 99, 105; ф.77, оп.1, д.29, лл.1-13 об.
149. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1881, лл.38, 66, 107, 142, 163, 176, 197, 266-277, 281, 313.
150. НИАБ в г.Гродно, ф.954, оп.1, д.3, лл.23, 32, 69, 100, 103, 115.
151. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.118, лл.17, 23, 32, 45, 49, 51, 76-80; ф.366, оп.1, д.4621, лл.174, 226, 552, 560.
152. См.подробнее. В.Е.Шамбаров. За веру, царя и Отечество…. С.323-325.
153. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.36, д.2633, л.17.
154. В.Е.Шамбаров. За веру, царя и Отечество…. С.324-325.
155. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.93, лл.323, 352, 390; ф.366, оп.1, д.370, лл.140, 260.
156. «Русский паломник», 1915. – № 10 . – С.150-151.
157. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.364, лл.64, 93-95.
158. См.подробнее: Солженицын, двести лет вместе…. С.452-508.
159. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.370, лл.144-145.
160. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.400, лл.8-8 об.; д.401, лл.4-4 об, 32-33.
161. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1964, лл.27-28.
162. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2180, лл.1-4, 9 об., 61-61 об.; ф.1, оп.18, 1911, лл.2-5; «Утренняя звезда», 1913, № 17. – С.5-7; «Дела веры», 1913. – № 22. – С.14-15.

163. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.8, д.1040, лл.107-108.
164. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.453, лл.304-305.
165. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1987, лл.19-22.
166. Там же, л.31.
167. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.199, лл.11, 18 об., 35, 62, 66, 77-78.
168. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.127, лл.4-6, 10, 19, 35, 184, 190.
169. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, дела 557, 558, 559, 560, 561; оп.2, д.2.
170. См.подробнее: Киселева Г.П., Кваша О.Д. О чем рассказывают переписи населения. – М., 1983. – С.43-44; Карпейчик М. Лічылі, лічылі да лічыць будуць: некаторыя старонкі гісторыі перапісу // Пагоня, 1999, 23 лютага. – С.8; Рябухина И.Б. Перепись населения: взгляд в историю // Гродзенская праўда, 1999. 22 ліпеня.- С.3.
171. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, д.557, лл.36-41.
172. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, д.561, л.5.
173. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, д.558, д.8.
174. НИАБ в г.Гродно, д.14, оп.1, д.557, л.189.
175. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, д.558, лл.16-23.
176. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, д.557, лл.213-252.
177. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.2, д.2, л.3.
178. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, д.559, лл.6-9.
179. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Под ред.Н.А.Тройницкого. Т.XI.. Гродненская губерия. – СПб., 1904. – С.3.
180. НИАБ в г.Гродно, ф.14, оп.1, д.559, лл.16-21.
181. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.438, л.5.
182. Там же, л.20.
183. Там же, лл.30-33.
184. Там же, лл.33-38, 42-43.
185. Там же, лл.52, 70-72, 87, 90, 128, 131, 140, 244, 325, 488, 555, 557; «ГГВ», № 63, 7 августа 1914 г.
186. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.2, д.2, лл.61-62.
187. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.507, лл.1-2.
188. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.53, лл.3, 30-31.
189. НИАБ в г.Гродно, ф.512, оп.1, д.3, л.34.
190. НИАБ в г.Гродно, ф.316, оп.1, д.36, л.97.
191. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.53, лл.179, 257, 275.
192. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.478, л.105-107; д.507, л.21, 29.
193. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.2, л.43.
194. См.подробнее: Черепица В.Н. Гродненский православный некрополь…. С.46-48, 89.
195. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.453, л.303.
196. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2147, лл.9,14, 16-23, 24-28, 29-30 об; «Русский паломник», 1915. – 23. – С.368.
197. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.507, лл.3-3 об., 4.
198. НИАБ в г.Гродно, ф.332, оп.4, д.6, лл.209-216.
199. НИАБ в г.Гродно, ф.315, оп.1, д.444, л.6.

200. История Первой мировой войны. 1914-1918 // Под ред. И.П.Ростунова. Т.2. – М., 1975. – С.542-543.
201. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.445, лл.1-4; ф.92, оп.1, д.20, л.7.
202. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.447, лл.7, 20, 48, 117, 129, 146, 253, 311, 314, 329, 354, 416, 426, 490, 493, 516-518, 528, 582, 587, 607-608, 627; ф.92, оп.1, д.22, лл.257.
203. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1788, лл.5, 39,
204. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.447, лл.671-672, 674; ф.17, оп.1, д.449, лл.272-274 об.; ф.17, оп.1, д.471, л.31; ф.17, оп.1, д.473, лл.13-14; д.4478, лл. 305 об.; д.489, лл.49, 258, 268.
205. НИАБ в г.Гродно, ф.18, оп.1, д.2372, лл.178-179.
206. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.8, д.1040, лл.98-100.
207. Рихтер С. «Мертые еще лежат перед нами». Россия во фронтовых письмах Фридриха Грелле…. С. 11-13.
208. Долныков А. Вторая Отечественная…. С.4.
209. Дубянский Д.И.Три дня на Среднем Немане…, - с.271-272.
210. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.508, лл.3, 13 – 14 об., 15.
211. НИАБ в г.Гродно, ф.18, оп.1, д.2484, лл.12-15, 25-26, 30, 56, 77, 148, 193.
212. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.11, лл. 3-5, 8, 15-20, 94-96, 172, 276.
213. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.19, д.2964, лл.6-11 об, 15.
214. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.19, д.3005, лл.3-7.
215. НИАБ в г.Гродно, ф. 2, оп.19, д.3000, лл.3-10.
216. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1779, лл.140, 289.
217. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.19, д.3004, лл.1-2.
218. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.19, д.3002, л.8.
219. НИАБ в г.Гродно, ф.512, оп.1, д.17, лл.100--102, 118.
220. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.19, д.2967, лл.8-9, 13-14.
221. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.91, л.62.
222. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.92, л.18.
223. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.91, лл.6-7, 11, 13, 16.
224. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3359, лл.2-3 об.
225. Там же, лл.12-15, 22-23, 93, 110-116.
226. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.90, лл.47-48, 56, 62.
227. Гродна ў часы Першай сусветнай вайны…, лл.31-32.
228. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.90, лл.51-52.
229. НИАБ в г.Гродно, ф.39, оп.1, д.17, лл.171-172.
230. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.88, лл.1-2, 18, 22.
231. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.94, лл.4-9, 17-24.
232. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.97, лл.1-8.
233. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.95, л.12.
234. НИАБ в г.Гродно, ф.536, оп.1, д.14, лл.51-55.
235. НИАБ в г.Гродно, ф.13, оп.1, д.1771, л.195-196.
236. НИАБ в г.Гродно, ф.13, оп.1, д.1769, лл.23-24 об.
237. НИАБ в г.Гродно, ф.287, оп.1, д.93, лл.62-63, 89-91, 101-102 об.
238. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3378, лл.17-18.

239. НИАБ в г.Гродно, ф.109, оп.1, д.4, лл.6-9, 50, 69.
240. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.12, лл.!. 20-26, 79, 93-96, 198, 207; НИАБ в г.Гродно, ф.18, оп.1, д.2664, лл.64, 80, 83.
241. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.70, лл.1, 30, 44-45, 48-49, 89; ф.18, оп.1, д.2156, л.28, 48, 137.
242. НИАБ в г.Гродно, ф.948, оп.1, д.14, лл.5-6, 43-47.
243. НИАБ в г.Гродно, ф.7, оп.1, д.437.
244. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.27, д.2950, лл.19, 34.
245. Там же, лл.36, 55, 177, 197, 230, 242, 253, 76, 422, 426.
246. Там же, лл.4, 282, 304, 310, 371-376, 405. 416, 440-441; ф.1, оп.9, д.1782, лл.1-24.
247. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1791, лл.11, 24, 27.
248. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.71, лл.39-46.
249. НИАБ в г.Гродно. ф.92, оп.1, д.69, лл.21-27.
250. Там же, лл.31, 47-48.
251. Там же, лл. 230-232.
252. НИАБ в г.Гродно, ф.512, оп.1, д.17, лл.16-18.
253. НИАБ в г.Гродно, ф.398, оп.1, д.20, лл.13, 26, 43, 78, 134, 137, 143.
254. НИАБ в г.Гродно, ф.512, оп.1, д.17, лл.42, 105.
255. НИАБ в г.Гродно, ф.39, оп.1, д.17, лл.28-29 об., 96, 172.
256. НИАБ в г.Гродно, ф.17, оп.1, д.497, лл.56-61; ф.1063, оп.1, д.8, лл.23-24 об.
257. См.: «Искры» (Москва), 1915. – № 27. – С.215-216.
258. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.23, л.88-89; д.71, лл.6, 10, 21-22, 37-38.
259. Из семейного архива В.П.Тарантея.
260. НИАБ в г.Гродно, ф.109, оп.1, д.31, лл.154, 163-170, 194, 287, 303; д.32, лл.17-18.
261. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.25, д.2546, лл.48-74, 78.
262. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.114, лл.7-8, 69-72, 379-380.
263. Черепица В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. Часть 1…. С.128-129.
264. По материалам «ГЕВ» и «ГГВ» за 1914-1915 годы.
265. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.27, д.2953, лл. 15-19, 81-87.
266. НИАБ в г.Гродно, ф.77, оп.1, д.26, лл.1-4.
267. НИАБ в г.Гродно, ф.361, оп.1, д.44, лл.21, 25, 39-40, 53, 107, 156, 259, 268, 298, 302-303.
268. Цит.по: Шамбаров В.Е. За веру царя и Отечество…. С.475.
269. Цит.по: Л.Л.Щавинская. Начало первой мировой войны в нарративных памятниках западнобелорусских очевидцев…. С.81.
270. См.подробнее: Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество… С.476.
271. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.1, д.71, лл.37-38.
272. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.36, д.2633, л.132.
273. Там же, лл.91-96, 114.

274. См.подробнее: Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914-1917)…. С.98-111; НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.36, д.2631, лл.3-8, 12, 17, 39.
275. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.36, д.2631, лл.8-17.
276. Там же, лл.166-166 об.
277. Там же, лл.191-205, 226.
278. Там же, лл.189-191.
279. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1970, лл.127-129.
280. Там же, лл.139, 170, 204, 231.
281. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2112, лл.4-5, 21-65; см.: Никитин В. «Кричали женщины «Ура» Георгиевским кавалерам…. С.6.
282. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2114, лл.1-7.
283. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.25, д.2662, лл.3-7, 9-11, 35-39, 43.
284. НИАБ в г.Гродно, ф.369, оп.1, д.118, лл.2, 17, 45-46, 50.
285. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.25, д.2659, лл.2-3, 11, 30.
286. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2107, лл.6-14, 75, 97.
287. Там же, л.15.
288. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2111, л.9.
289. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3422, лл.28-29, 34, 46.
290. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3202, лл.10, 22-24 об.
291. Там же, л.26.
292. Там же, лл.29-33.
293. Там же, лл.42, 55, 104, 113, 146-147.
294. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3203, лл.8-9, 24-25.
295. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3542, лл.28-31; д.3543, лл.45.
296. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3544, лл.1-8.
297. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3512, л.63.
298. Там же, лл.25, 54-57, 157, 169, 171.
299. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3515, лл.4-5, 98, 102.
300. НИАБ в г.Гродно, ф.63, оп.1, д.7, л.56.
301. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2002, лл.8-9, 102-103.
302. НИАБ в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.560, лл.5-6; ф.1, оп.8, д.1040, лл.110.
303. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.36, д.2631, лл.234-235.
304. НИАБ в г.Гродно, ф.92, оп.2, д.2, лл.203.
305. Цит.по: Швед В.В. «Гродна абараняць упарта…». С.155. В связи с этим приказом необходимо отметить, что М.Н.Кайгородов был назначен комендантом Гродненской крепости 23 августа 1913 года, а в декабре того же года произведен в генералы от инфантерии. За оборону Гродно был награжден: 29 апреля 1915 года – орденом Св.Владимира 2 ст., а 26 мая того же года – орденом Белого Орла с мечами. При расследовании причин оставления города-крепости Гродно М.Н.Кайгородову было предъявлено обвинение в том, что он недостаточно использовал в летних боях резервы и крепостную артиллерию. 10 июля 1916 года назначен в резерв чинов при штабе Минского военного округа, а 1 апреля 1918 года уволен от службы

по достижении предельного возраста (65 лет). См.: РГВИА, ф.409, оп.1, д.176796, лл.40-47; ф.407, оп.1, д.17, л.94.
306. НИАБ в г.Гродно, ф.31, оп.1, д.1293, лл.1-2, 8, 22, 27, 47, 179-189, 165-166.
307. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны…. С.99-100.
308. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2000, лл.5, 7-8.
309. НИАБ в г.Гродно, ф.9, оп.4, д.124, лл.16-17, 148.
310. НИАБ в г.Гродно, ф.15, оп.1, д.256, лл.216, 219, 266-267.
311. Там же, лл.251, 272, 282.
312. Мойсеенок А.Г. Представитель врачебной династии Беклемишевых…. С.58-62.
313. НИАБ в г.Гродно, ф.15, оп.1, д.315, лл.33, 72, 92; см. также: Игнатович Ф.И. Врач Н.Д.Беклемишев….С.2; Игнатович Ф.И., Тищенко Е.М. Гродненская окружная больница…. С.31-32.
314. Игнатович Ф.И., Тищенко Е.М. Гродненская окружная больница…. С.33-34.
315. НИАБ в г.Гродно, ф.1186, оп.3, д.9, л.80.
316. Там же, л.81, 94.
317. НИАБ в г.Гродно, ф.1186, оп.3, д.33, лл.1, 30; д.50, лл.11-12; д.83, лл.3-9; д.86, л.8.
318. НИАБ в г.Гродно, ф.39, оп.1, д.20, л.46; д.21, лл.2, 25;
319. НИАБ в г.Гродно, ф,39, оп.1, д.21, л.29.
320. Там же, лл.178, 184-185, 209.
321. НИАБ в г.Гродно, ф.41, оп.1, д.13, л.3, 44.
322. НИАБ в г.Гродно, ф.41, оп.1, д.14, л.6-7 об, 9, 40; д.24, лл.103-128.
323. НИАБ в г.Гродно, ф.», оп.36, д.2657, лл.9, 11, 38, 55, 57-65 об.; 86.
324. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.19, д.3020, лл.1-29; д.3073, л.10.
325. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1971, лл.1-18, 30-31, 62-63.
326. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.2167, лл.1-2.
327. Там же, лл.62-69, 71-76, 92.
328. НИАБ в г.Гродно, ф.24, оп.5, д.51, лл.18, 22, 24, 41-42, 45-47, 72, 87, 180.
329. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1971, лл.1-2, 30-31.
330. НИАБ в г.Гродно, ф.1, оп.9, д.1775, лл.99-102 об., 135.
331. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3609, лл.2, 81-82, 86, 182-187, 226-231, 236-237, 262-263.
332. НИАБ в г.Гродно, ф.2, оп.25, д.3608, лл.10-11, 13-17.
333. См.: Протокол Первого Гродненского губернского Белорусского съезда, созванного Русской управой в гор.Гродне. – Гродно, 1918. – С.21 (машинопись из архива А.Н.Чернякевича).

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо введения …… 3

Глава 1. Город-крепость Гродно в канун Первой мировой войны.—Штрихи к портрету гродненского губернатора В.Н.Шебеко. – Секретная телеграмма № 337 из Петербурга. – Приказ № 5 комендантаГродненской крепости М.Н.Кайгородова. – Что делать с «неблагонадежными?»……10

Глава П. Начало войны. – Оглашение Высочайших манифестов и торжественных молебнов в Гродненском Софийском Соборе.—мобилизация. – Формирование Гродненского ополчения. – активизация строительных работ на объектах Гродненской крепости. – Выражение верноподданических чувств со стороны польского и еврейского населения губернии.—Издержки мобилизации и эвакуации в Слоним……18

Глава Ш. Перевод жизни города на военные рельсы. – Введение «сухого закона».—Шпионаж и шпиономания. – Дело компании «Зингер».—Выселение «неблагонадежных» и иностранцев.—Трагический инцидент при проезде царского кортежа.—Начальник ГЖУ Н.И.Шамшев……59

Глава 1У. Из хроники церковной жизни Гродно. – Эвакуация в Слоним. – Сентябрьские тревоги города. – Посещение города-крепости Гродно императором Наполеоном П-ым. – Первые жертвы войны. – Будни горда-крепости. – Заботы о нуждах горожан со стороны православного духовенства и городской администрации……106

Глава У. Цензура. – Слухи как спутники войны.—Кто состоял под подозрением.—Перемены в общественно-политической ситуации в городе. – Подготовка ко Второй всеобщей переписи населения……142

Глава У1. Таксирование цен на предметы первой необходимости.—Обеспечение населения продуктами питания, водой и топливом.—Контроль за санитарным состоянием в крепостном регионе. – Захоронение защитников города. – Городские финансы……180

Глава УП. Реквизиции властей на военные нужды.—«Реквизиции» германских войск на гродненском направлении.—Организация в городе производств, работающих на нужды армии.—Образование Гродненского отдела Военно-промышленного комитета.—Борьба за упорядочение рек-

визиций…… 197

Глава УШ. Компенсационные выплаты населению за ущерб, принесенный войной.—Жертвы военных постоев и авианалетов. – Разрушения в окрестностях Гродно.—Действительность ссудного и особого комитетов…… 218

Глава 1Х. Благотворительность. – Романовский комитет.—Городской попечительский комитет.—Лотереи и кружечные сборы.—Помощь «Российскому обществу «Красного Креста».—Фонд Гродненского дворянства.—Алексеевский комите. – Комитеты Императрицы Александры Федоровны и Великой княгини Марии Павловны.—Филаретовское общество.—Татьянинский комитет. – Статистика гродненской благотворительности……244

Глава Х. Помощь гродненцев беженцам.—Организация питательных и медицинских пунктов.—Сопровождение беженских обоЗов.—Формирование и отправление маршрутных поездов с беженцами.—Награды находили героев.—Должное воздавалось и чиновниками, отличившимся в трудах по устройству беженцев……273

Глава Х1. Эвакуация городских учреждений в Калугу и другие местности.—Здравоохранение на колесах.—«Хождение по мукам» гродненских гимназий и реального училища.—Пос – ледние дни гродненской губернской типографии. – Губерния на исходе……301

З а к л ю ч е н и е……336

П р и м е ч а н и я……342
П р и л о ж е н и е…… 354

Научное издание

Черепица Валерий Николаевич

ГОРОД-КРЕПОСТЬ ГРОДНО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности

Монография

Редактор И.А.Ушакова

Компьютерная верстка:

Сдано в набор 10.01.2006. Подписано в печать
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать RISO. Гарнитура Таймс.
Усл.печ. л. уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Заказ

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
ЛИ № 02330/0133257 от 30.04.2004. Ул.Пушкина, 39, 230012, Гродно